

**Страницы
Истории
КПСС**

**Факты
Проблемы
Уроки**

Страницы истории КПСС

ФАКТЫ
ПРОБЛЕМЫ
УРОКИ

Под редакцией профессора
В. И. КУПЦОВА

Москва
«Высшая школа»
1989

ББК 66.61(2)2
С83

Составители:
В. К. ГОРЕВ, В. Н. ДОНЧЕНКО, С. А. СТЕПАНОВ

Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы.
С83 Уроки. Кн. 2/Сост. В. К. Горев, В. Н. Донченко,
С. А. Степанов; Под ред. В. И. Купцова.— М.: Высш.
шк., 1989.— 704 с.

ISBN 5-06-001971-3

Сборник включает материалы, опубликованные в периодической печати в 1987—1989 гг. Он является естественным продолжением книги «Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки», выпущенной издательством в 1988 г.

С $\frac{0902020000-402}{001(01)-89}$ КБ—19—19—89

ББК 66.61(2)2
ЗКП1

ISBN 5-06-001971-3

© Издательство «Высшая школа»,
1989

Издательство «Высшая школа» в 1988 г. выпустило книгу «Страницы истории КПСС». Эта вторая книга «Страниц истории КПСС» построена точно по тому же принципу, что и первая. Она открывается разделом, посвященным методологической проблематике. В следующей, основной части книги освещаются актуальные историко-партийные проблемы. Третья часть содержит публикации, посвященные известным деятелям партии и государства. В заключительном разделе представлены исторические документы. Все эти материалы опубликованы в газетах и журналах 1987—1989 гг. Хотелось бы обратить внимание на то, что предлагаемая читателям книга, по существу, может рассматриваться как совершенно независимая от первой: по своей проблематике она не повторяет ее, но дополняет, и вместе с тем обе книги находятся в определенной связи друг с другом.

Во второй книге сосредоточено внимание на следующей группе проблем. Это прежде всего проблемы, связанные с исследованиями демократии, демократизма в самой партии, политики КПСС в области развития науки, культуры, участия КПСС в деятельности Коминтерна, ее отношения к европейской социал-демократии; проблемы, связанные с началом войны с Финляндией, Великой Отечественной войны, восстановлением народного хозяйства в послевоенный период, успехами и просчетами в деятельности партии в 60—70-е годы.

В итоге, как мы предполагаем, по материалам двух книг можно составить целостное представление о специфике новых акцентов в трактовке истории-партии, которые пришли в историческую науку с перестройкой, о том

стиле мышления, который стал в ней утверждаться. Речь идет не только о новых документах, которые сейчас активно вовлекаются в историко-партийную науку, но и главным образом о новых идеях, связанных с осмыслением событий нашей истории, со стремлением выработать целостное концептуальное видение деятельности партии за десятилетия ее существования.

Сейчас историки столкнулись с непростыми вопросами. Конечно, большое поле современных исследований определяется во многом новыми, ставшими теперь доступными, источниками. Но важнее другое. Появляются возможности более глубокого их прочтения, проникновения в диалектику истории деятельности КПСС. Чем дальше от нас изучаемое время, тем больше появляется возможностей адекватного отображения самого главного, самого существенного в истории. И хотя апеллировать к очевидцам событий становится все труднее, историческая перспектива позволяет как бы в компенсацию этой потери более четко прорисовывать причины событий. Глубинные процессы становятся более явственными. В исторической перспективе выявляются более отчетливо закономерности реальной деятельности людей, различных социальных групп.

Характерной особенностью современных историко-партийных исследований является то, что в них возрождается дух подлинной науки. Историки стали остро ощущать потребность в полемике, дискуссии. Они начали мыслить концептуально, отказавшись от эмпиризма. На первый план выходит задача правдивого и глубокого описания и объяснения основных проблем истории КПСС. Здесь я имею в виду осмысление с новых позиций прежде всего таких важнейших событий, как Октябрьская революция, гражданская война, коллективизация, индустриализация, анализ политики КПСС в области развития образования, науки, культуры, партийного строительства, истолкование природы культа личности, выявление роли КПСС в развитии международного коммунистического движения, раскрытие причин деформации идеалов социализма в нашей стране, объяснение того, почему XX съезд КПСС, сыгравший большую роль в разоблачении культа личности, тем не менее не дал достаточно мощного импульса для последовательного преодоления извращений ленинского плана построения социализма, почему начиная с 70-х годов в жизни нашей страны был потерян

динамизм и стал утверждаться застой. Конечно, этот перечень легко можно было бы продолжить.

Одна из важнейших проблем, которая заслуживает особого внимания, — это несомненно проблема целостного отображения истории КПСС, отражения в ней и тех успехов, которых достигла под руководством партии наша страна, и тех неудач, тех промахов, искажений идеалов социализма, которые характеризовали политику партии на протяжении ее истории. Очень важно достаточно полно и всесторонне показать деятельность партии, имея в виду те процессы, которые проходили в ней самой, то, каким образом реализовалась политика партии в развитии экономики, науки, культуры, как партия определяла политическую жизнь страны. И конечно, очень важно отобразить адекватно внешнюю политику КПСС. Поставленная задача не может быть решена просто, как это могло бы показаться на первый взгляд, систематическими, шаг за шагом, исследованиями каждой из отмеченных проблем. Реальная жизнь — это нечто единое, это целостный процесс, в котором оказываются органически связанными различные аспекты, взаимообуславливающие друг друга. Конечно, наука не может непосредственно исследовать целое, не расчлняя его. Вместе с тем само это членение только тогда оказывается научно плодотворным, когда оно опирается на глубокое понимание целого.

Сегодня большие трудности, связанные с необходимостью проникновения в основания тех или иных событий, обусловлены недостаточным пониманием общих закономерностей исторического процесса. Оказываются неясными весьма существенные общие методологические проблемы, которые необходимо разрабатывать не только на основе понимания специфики современного состояния нашего общества, в контексте истории всей страны, но и с позиции общего видения закономерностей развития мировой цивилизации и особенностей ее современного этапа. Решение этой задачи чрезвычайно сложно. Оно требует объединения усилий общественников разных специальностей, серьезного внимания к общим проблемам философии истории, внимания, которое раньше, казалось, было никчемной роскошью для историко-партийной науки.

Я думаю, очень важно понять, что история нашей страны, история КПСС представляет собой важнейший

пласт не только нашей, но и мировой культуры. Ее осмысление может существенно продвинуть понимание общих закономерностей исторического процесса, противоречий истории, соотношения объективных и субъективных ее оснований, возможностей активного преобразования людьми их собственной жизни в соответствии с заранее поставленными целями.

Конечно, следует отдавать себе отчет в том, что публикации, которые нами включены в это издание, наверное, в условиях быстрого развития исторической науки будут довольно скоро вытеснены более современными и более точными, более глубокими исследованиями. Но, мне думается, их ценность в том, что они дают широкую панораму исследований историко-партийной проблематики в период чрезвычайно быстрых изменений социально-политической жизни нашей страны, в условиях перестройки, когда исследователь, отражая чаяния советских людей, видел совершенную необходимость перестройки, радикальных преобразований нашего общества. Написанные в этот период статьи отражают пафос современного видения нашей истории. И мне представляется, что именно в таком качестве книга «Страницы истории КПСС» никогда не устареет.

В. И. Купцов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

**Исторический путь КПСС в свете
нового мышления**

Ленинская концепция социализма

**Многомерность исторического про-
цесса**

**О переоценке ценностей в историче-
ском сознании**

Поиски исторической правды

**Реформа политической системы и
общественная наука**

«На исторические события не сетуют,— напротив, стараются понять их причины, а вместе с тем и их результаты, которые далеко еще не исчерпаны».

Ф. Энгельс

(Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.
С. 210)

«Прикрывать неприятную правду добренькими словами — самая вредная и самая опасная вещь для дела пролетариата, для дела трудящихся масс. Правде, как бы она горька ни была, надо смотреть прямо в лицо. Политика, не удовлетворяющая этому условию, есть гибельная политика».

В. И. Ленин

(Полн. собр. соч. Т. 32. С. 12)

«Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей... учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой... чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом».

В. И. Ленин

(Полн. собр. соч. Т. 45. С. 391)

В. Наумов

В. Рябов

Ю. Филиппов

Об историческом пути КПСС в свете нового мышления

Процесс обновления нашего общества настолько глубок, что его осмысление невозможно без обращения к истокам, к фундаментальным принципам теории и практики социализма, предыстории и истории Коммунистической партии, Советского государства и общества. Это убедительно продемонстрировал весь ход XIX Всесоюзной конференции КПСС.

Одна из основных задач, стоящих сегодня перед историками, — разработка новой концепции истории партии. В течение десятилетий историко-партийная наука находилась под авторитарным гнетом. Выполняя апологетические функции, она утрачивала научные принципы историзма, объективности и партийности. Ученые, стремившиеся к их последовательному, творческому применению, нередко преследовались. История писалась в угоду лицам, моменту и не отражала реальной картины деятельности партии, ее противоречивого развития. Замалчивалось все, что могло бросить тень на «непогрешимых» вождей, посеять сомнение в абсолютной правильности их линии. Воспитательное значение такой угодливой истории, боящейся исторической правды, было соразмерно истинности заключенного в ней содержания. Заверения, что на опыте истории можно и надо учиться, извлекать из него уроки, повисали в воздухе.

Обновление общества, начатое по инициативе партии, открывает новые горизонты перед всеми обществоведами, в том числе и перед историками партии. Сама жизнь, практика требуют очищения историко-партийной науки от всех субъективистских наслоений и фальсификаций. Причем речь идет не о косметическом ремонте фасада, не об изменении и уточнении отдельных формулировок,

а о коренном переломе в умонастроениях ученых, в методологии научного познания, о полном и последовательном применении фундаментальных теоретических принципов к анализу общества, в котором мы живем, его прошлого и настоящего.

История как наука изучает общее, опираясь на строго проверенные факты, на анализ совокупности событий, объединяемых преемственностью, выражающей момент не только сохранения, но и развития. При этом на каждом новом витке истории наследуются как материальные ценности, так и духовные элементы политической, экономической, нравственной культуры, созданные в ходе предшествующего развития данного общества. Историческая истина как противоречивый процесс разворачивается в реальном времени и пространстве, независимо от чьих-либо пристрастий, кристаллизуясь в столкновении интересов, в острой идейной борьбе, в муках конкретного выбора и решений.

Сегодня мы знаем, что действительная история партии складывалась под влиянием множества факторов, жестоких, порой безысходных обстоятельств, а иногда и в результате серьезных ошибок, вытекавших из вульгарного понимания формулы: «история — это политика, опрокинутая в прошлое», из культовой фальсификации фактов истории во имя сиюминутных политических интересов. В то же время было бы глубочайшим заблуждением видеть в истории только деформации, ошибки и преступления. Победоносная революция, ликвидация вековой отсталости и бескультурья, создание основ социализма, разгром фашизма — это этапы большого пути. Однако диалектика учит: важен не только результат, но и движение к результату. «Для нас далеко не безразличен вопрос не только о целях и ценностях социализма, но и о средствах их достижения, о человеческой цене, которую приходится за них платить»¹.

Логически истину, конечно, можно мыслить как движение к заранее заданному результату. Но при таком подходе, чуждом принципу историзма, исследователю остается только расставлять вехи на ее пути, классифицировать этапы и вести бесплодные споры о периодиза-

¹ Тезисы Центрального Комитета КПСС к XIX Всесоюзной партийной конференции. Одобрены Пленумом ЦК КПСС 23 мая 1988 года. М., 1988, с. 5.

ции. Гораздо достойнее призвания ученого сосредоточить свое внимание на конкретно-историческом изучении реальных проблем, показать, как они возникали и как решались на том или ином этапе истории. Определение того или иного этапа — это лишь инструмент исторического познания, а в общественно-политической сфере — своеобразное упорядочение и подытоживание результатов деятельности. И только фетишистское сознание придает логическим приемам познания статус самостоятельной сущности.

Познание сущности начинается с конкретного анализа конкретной проблемы. Выделение этапов в научном исследовании должно быть итогом поиска истины, а не его началом. Несмотря на бездну неизученных фактов, массу нерешенных проблем, мысль многих наших исследователей по привычке устремляется в «заданный квадрат» вместо того, чтобы предварительно выяснить истинность исходных посылок, той или иной версии, возможной альтернативы. Альтернативное мышление было вообще не в почете и даже преследовалось как недопустимая ересь, отход от «незыблемых» принципов. Общепринятой была схема, извлеченная из катехизиса «Краткого курса» — «белое — черное», «друзья — враги», а что сверх того, то от лукавого. Для такого умонастроения и нравственной ориентации характерны жесткая догматическая автаркия, враждебность к инакомыслию, подчинение конкретного многообразия унифицированным, метафизическим представлениям о нем, превосходство целого, истолкованного как монолит, над индивидуальным и личным.

Если исходить из приоритета исторического над логическим, то станет понятным, что ни одна серьезная историческая проблема не может быть решена раз и навсегда. Принижение исторического, кстати сказать, противоречит и логике здравого смысла, который всегда стоит ближе к жизни, чем догматическая самоуверенность. Большинство фундаментальных проблем воспроизводится, поскольку не исчезает почва для их возникновения. Разве недостаточная развитость демократических традиций, политической культуры, консерватизм, максимализм и прочие подобного рода «измы» не повторялись в тех или иных формах в разные периоды истории партии и социализма? Господствующим приемом исторического познания был абстрактно-схоластический подход к пе-

риодизации истории партии, когда каждый этап рассматривался как замкнутое исторически-культурное образование. В результате периоды и этапы, отправные точки познания превращались в священные догматы. Историческая преемственность при таком подходе искусственно прерывалась, отсекались и становились как бы не существовавшими очень важные проблемы, стоявшие перед партией и обществом в тот или иной период. Проявлением такого подхода явилось пренебрежение к субъектам исторического процесса, его творцам. Иные историки не жалеют красок для раскрытия исторического значения того или иного события, произвольно оставляя за сценой его конкретных участников. Как можно было при таком подходе, скажем, понять «утробный» период развития российской социал-демократии? В книгах, учебниках, документах неизменно подчеркивается историческое значение I съезда партии. В честь этого выдающегося события создан специальный музей в Минске. Однако ни из экспонатов, ни из пояснений лекторов нельзя составить себе представление о личности и судьбах участников съезда, хотя их было всего несколько человек. Пожалуй, не каждый преподаватель истории КПСС сможет ответить и на вопрос о том, кто были делегаты II съезда РСДРП, положившего начало большевизму как партии и как течению общественной мысли. Парадокс — причем вовсе не редкий — состоит в том, что само событие известно, а люди, участвовавшие в этом событии, растворяются в небытии, упоминаются они как бы для проформы.

Труднопоправимый ущерб социалистической теории и практике нанесли вульгарные представления об истории как безликом процессе, в котором людям уготована судьба безропотных «винтиков». Деятельность людей, их интересы в деформированном историческом сознании считались чем-то второстепенным и незначительным перед лицом «железных» законов Истории. В силу этого объективные закономерности приобретали фаталистический характер. При таком видении действительности можно было оправдать не только низкое качество продукции, недостаток тех или иных материальных благ, но и «обязательный» во все времена консерватизм общественного сознания, обуславливающий сохранение авторитарных методов управления всегда «незрелыми» массами, а в итоге и жестокое насилие над людьми. Ограни-

чение исторического выбора, как правило, одной единственно мыслимой возможностью освобождало и вождей, и массы от ответственности за свои поступки, поскольку любой из этих поступков был уже включен в прочную цепь исторической необходимости. Отсюда вытекал принципиальный снобизм в отношении ко всей предшествующей культуре и ценностям мировой цивилизации. Люди, запрограммированные на одномерное восприятие действительности, подозрительно относятся к любому многообразию, будь то наука, культура, технология, собственная история.

Эта тенденция не имеет ничего общего с марксистско-ленинским пониманием исторического наследия, необходимостью сохранения и умножения ценностей отечественной и мировой культуры. Принцип историзма, неоднократно подчеркивал Ленин, включает как момент революционного преобразования высших достижений прошлого, так и момент связи с ними. «Не голое отрицание, не зряшное отрицание, *не скептическое* отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике, — которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент, — нет, а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного, т. е. без всяких колебаний, без всякой эклектики»².

Непреходящее значение для глубокого, диалектического постижения исторического опыта партии имеет не в полной мере еще осмысленное положение Ленина о том, что «в марксизме нет ничего похожего на «сектантство» в смысле какого-то замкнутого, застывшего учения, возникшего *в стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации»³. Марксизм, как развивающееся учение, опирается на все то, что выработала коллективная прогрессивная мысль человечества. Применительно к истории нашей партии этот ленинский тезис означает прежде всего бережное отношение к достижениям социалистической мысли, которая воплотилась в теоретическом и нравственном поиске и традициях революционного демократического движения.

На примере утопического социализма, в том числе и в России, доказано, что ни одна великая идея не

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 207.

³ Там же, т. 23, с. 40.

завоевывает общественного признания, если она несо-
размерна общественному состоянию, самосознанию и
самооценке общества. Но вместе с тем столь же очевид-
но, что великие идеи имеют такие далеко идущие по-
следствия, значение которых не исчерпывается кратким
промежутком истории, а служит глубоким источником
революционной преемственности. Между тем революци-
онным демократам, например,— при всей комплимен-
тарности общих оценок — все-таки не воздавалось дол-
жного. В сочинениях об их деятельности ускользало
нередко самое главное: стремление этих подвижников
демократизма не просто «вздыбить» Россию, но и
одухотворить, облагородить ее великой идеей, сформу-
лировать вдохновляющий социальный идеал, выводящий
массы из состояния безысходности. Эта плеяда рево-
люционеров породила мощный дух протеста, создала
идейные и нравственные предпосылки для распростра-
нения и утверждения научного социализма в России.
Это и благодаря их исканиям Россия выстрадала
марксизм, а идея социализма нашла в конечном счете
свой путь к рабочему движению.

Благородные мотивы революционной деятельности
передовой российской интеллигенции, восходящие к
Радищеву, а от него к декабристам, менее всего объяс-
нимы с позиций вульгарного социологизма. Масштабом
оценки здесь может быть только по-настоящему поня-
тое и усвоенное общечеловеческое, то есть гуманизм,
нравственная чистота, которые вовсе не всегда зависят
от принадлежности к племени, роду, сословию, классу.
Эта сторона вопроса в нашей литературе, конечно, не
игнорируется, но и по-настоящему не объясняется.
Нравственность у нас по привычке, идущей от догмати-
ческой ортодоксии, все еще ассоциируется исключитель-
но с классовой принадлежностью. Между тем этот
постулат весьма уязвим. Политическая борьба в России,
да и не только в России, являясь отражением борьбы
классовой, не вошла бы в массовое сознание народа,
если бы общество не выдвигало из своих рядов плеяду
нравственно чистых людей, чье страстное желание слу-
жить своему народу, Родине является высочайшей
потребностью души и ярчайшим примером. Революция
для подлинных демократов выступает прежде всего как
проблема нравственная, как пролог к совершенствовани-
ю общественных отношений, избавлению человека от

всяких видов насилия. А проблема исторического выбора предстает мучительно сложной не только ввиду неоднозначности выбора, но и в силу осознания высочайшей личной ответственности за свой выбор, за все его возможные последствия. Только через нравственность и можно понять, почему драматизм истории становится личной драмой многих революционеров.

Проблема выбора путей развития революционного движения была жизненно острой на всех этапах революционного движения в России. Возникавшие при этом острые идейные коллизии нельзя было решить только путем апелляции к общим теоретическим принципам. Никакая теория не может дать исчерпывающие ответы на все вопросы, которые выдвигает жизнь. Но при всех чрезвычайных особенностях и своеобразии исторического момента в нем всегда есть и нечто такое, что позволяет посмотреть на него с более общей точки зрения. Например, с точки зрения борьбы прогрессивных и консервативных сил, степени подготовленности общественного сознания к восприятию нового, осознания необходимости перемен и неумения или нежелания осуществлять назревшие преобразования практически. И вот тут-то многое зависит от личных качеств революционера, от его понимания своего общественного и гражданского долга.

История российского революционного движения выдвинула целую плеяду выдающихся революционеров. Среди них Белинский и Герцен, Чернышевский и Добролюбов, Ткачев и Лавров, Бакунин и Лопатин, Плеханов и др. Их воззрения, демократические идеалы неизбежно несли на себе печать времени и индивидуального восприятия действительности. Но, несомненно, общим для этих личностей было единое стремление к демократизации жизни, к ее обновлению и освобождению от гнета самодержавия. В этом их непреходящая заслуга перед последующими поколениями.

Нам не надо быть слишком категоричными в суждениях об их ошибках, но и вместе с тем нельзя забывать о социальных и идейных истоках демократизма, который не может быть жизнеспособным без самоотверженной преданности гуманистическим идеалам, без опоры на интернациональные и национальные традиции освободительного и революционного движения.

«...В России,— подчеркивал В. И. Ленин,— теорети-

ческое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции»¹. Эта ленинская мысль еще не нашла развернутой интерпретации в нашей исторической литературе. Важно раскрыть все идейное содержание этой формулы на конкретно-историческом материале, избежать ее односторонней трактовки, учитывая в этой связи и нападки Плеханова на Ленина. Несмотря на временные поражения, ошибочную тактику, неудачи «хождения в народ», революционная интеллигенция смогла стать ферментом сил национального освобождения. Привнесенные ею в среду рабочего класса идеи утопического социализма ознаменовали качественно новый этап борьбы за демократию и социализм. Но прежде чем перейти на сторону рабочего класса, интеллигенция сама должна была пройти сложный путь исканий в научной теории. И этот опыт весьма поучителен.

Принципиальное отношение к предшественникам российской социал-демократии в истории КПСС — не просто знак уважения к ним, а проблема глубокого понимания возникновения и развития партии, ее духовных, нравственных истоков. Проблема преемственности пролетарского этапа освободительного движения, оценки предшественников российской социал-демократии в конце 90-х годов — начале 900-х годов оживленно обсуждались в произведениях Ленина, Плеханова и других марксистов. В то время как народники обвиняли марксистов в отказе от «наследства», Ленин показывал, что российские социал-демократы многими идейными нитями связаны со своими предшественниками. Ленин и Плеханов много внимания уделили выяснению прогрессивных традиций русской общественной мысли, воспринятых марксистами. Среди них — социалистические идеи, солидная материалистическая база, демократические идеалы, и в первую очередь опыт политической борьбы с самодержавием, начатой еще декабристами.

Проблема преемственности вновь выдвинулась как проблема практической деятельности в связи с напад-

¹ Там же, т. 6, с. 31.

ками меньшевиков на революционную тактику большевиков в период первой российской революции, а затем в связи с либерально-буржуазными попытками зачеркнуть или исказить демократическое наследие 40—60-х годов, что наглядно проявилось в издании сборника «Вехи».

Проблема преемственности пролетарского революционного движения чрезвычайно важна для понимания генезиса ленинизма как выдающегося явления в развитии мировой и российской общественной мысли. Среди прочих факторов именно прогрессивные традиции русского освободительного движения объясняют, почему в сравнительно отсталой стране возник ленинизм как новая, более высокая ступень в развитии марксизма. Буржуазные и социал-реформистские авторы развивают идею о коренном расхождении между взглядами Маркса и Ленина, о чисто русском или по крайней мере «двухвалентном» происхождении ленинизма (марксизм + народничество) и на этом основании отрицают интернациональный характер ленинского учения, его международное значение. Оно выдается если не за «русское», то за «восточное», противостоящее западному мышлению.

Именно поэтому следует внести полную ясность относительно подходов Ленина и Плеханова к предшественникам российской социал-демократии, раскрыть все теоретические источники формирования Ленина как марксиста, показать роль в этом процессе творчества Чернышевского и Герцена. Наконец, без осмысления того факта, что теоретическое основание российского социал-демократического движения было заложено Плехановым, группой «Освобождение труда», невозможно в полной мере объективно и всесторонне оценить процесс начавшегося в середине 90-х годов соединения научного социализма с рабочим движением в России. Программа, принятая II съездом РСДРП, была новым словом в развитии марксизма. Она в полной мере впитала в себя освободительные идеи российской революционной мысли, учитывая и то идейное наследие, которое было накоплено российскими социал-демократами, и в первую очередь Плехановым.

Плеханов был выдающимся марксистом, вклад которого в развитие марксистской теории не может быть принижен его последующими политическими ошибками

и колебаниями. Теоретические заслуги, а не ошибки Плеханова определяют его место в истории нашей партии. Имея это в виду, Ленин в 1921 г. писал: «...Уместным, мне кажется, заметить для молодых членов партии, что *нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма...»⁵. Плеханов никогда не был «крайним западником», как это порой утверждается в буржуазной марксологической литературе. Его идеология «европейского» типа была идеологией Маркса и Энгельса. В то же время нельзя не признать, что он в значительной степени был оторван от живой практики революционного движения в России. Поэтому действительные разногласия Плеханова с большевиками в те годы лежали не в плоскости теории, а касались проблем тактики, построения партии, возможностей и сроков осуществления социалистической революции. Плеханов ошибочно отождествил ленинские требования к деятельности партии в нелегальных условиях с ее организационными принципами вообще. Отсюда его высказывания о якобы абсолютной власти партийного руководства, о замене диктатуры пролетариата диктатурой над пролетариатом и т. д. В разногласиях Плеханова с Лениным было много от субъективного восприятия Плехановым тех или иных лидеров большевизма, социал-демократии. И осознание этого факта тоже должно стать неизменным компонентом научного восприятия нашей истории.

Один из ключевых вопросов — это система взглядов Ленина на партию и характер их развития. Понимание такого социального феномена, как политическая партия, требует его рассмотрения в рамках общих закономерностей развития общества. Партия — это часть политической структуры общества, поэтому она опирается на те социальные силы, которые образуют и питают ее. Она всегда будет нести на себе печать связей и отношений интересов социальных слоев и групп. Научный анализ действительной роли и места партии в обществе должен быть не только конкретно-историческим, но и социологическим. А это предполагает всестороннее и глубокое изучение социальной базы партии, субъектив-

⁵ Там же, т. 42, с. 290.

ных и объективных факторов в ее деятельности, кадрового состава, проблемы лидерства и т. д.

Идея самостоятельной партии пролетариата принадлежит К. Марксу и Ф. Энгельсу. «Эта организация рабочего класса в политическую партию,— писали они,— необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов»⁶. Партия, созданная Лениным, ставила те же социально-политические цели, но уже в новых исторических условиях. В России эти условия отличались к тому же отсутствием демократических свобод и невозможностью осуществлять политическую деятельность легально. Это не могло не сказаться и на организационных принципах построения партии. По мысли Ленина, партия в тех условиях должна была состоять из профессиональных революционеров и тем не менее строиться на основе демократического централизма. Его требование строжайшей дисциплины, конспирации отнюдь не было проявлением «антидемократизма» и «авторитарности», как это было истолковано меньшевиками и другими идейными противниками Ленина. Оно было продиктовано конкретной обстановкой, когда партия могла действовать только на нелегальном положении.

Меньшевикам, догматически усвоившим учение Маркса о партии, такой подход казался «отступлением» от принципов. Для Ленина же и его сторонников это было творческим применением положений Маркса и Энгельса. Цель состояла не только в том, чтобы создать политическую организацию, а чтобы иметь в руках пролетариата эффективное орудие в борьбе за его интересы. Но идейно-политический облик партии определялся все же не только этими моментами, а прежде всего верностью революционной идеологии, умением использовать пролетарскую организацию в условиях различных форм классовой борьбы.

Понимание партии как политической организации не оставалось неизменным. Партия, подчеркнул Энгельс, развивается «в полном соответствии с законами диалектического развития вообще»⁷. И Ленин смотрел на партию как на развивающееся общественно-политическое образование, которое постоянно сталкивается с

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 143.

⁷ Там же, т. 35, с. 312.

объективными противоречиями и принимает в зависимости от конкретно-исторических способов решения этих противоречий те или иные организационные и идейно-политические формы.

Почему революционная партия нового типа возникла именно в России? Не было ли создание партии, провозглашающей столь радикальные принципы и ставящей своей целью в недалеком будущем достижение социализма, некоторым отклонением от общего процесса общественно-политического развития в России? На рубеже XIX — начала XX в. Россия стала средоточием противоречий капитализма. Рабочий класс заявил о себе как о самостоятельной политической силе, способной существенно влиять на ход политического развития. Приобрели широкий размах стихийные выступления рабочих. Несомненные успехи рабочего движения позволили Ленину сформулировать вывод о российском пролетариате как об авангарде международного революционного движения.

По нашему мнению, есть смысл объединить усилия историков различных направлений для осуществления полного сравнительно-исторического анализа общественно-политического и социального развития крупнейших стран Европы и России в конце XIX — начале XX в. Это помогло бы раскрыть конкретное содержание тех идейных дискуссий, которые в канун первой российской революции развернулись между меньшевиками и большевиками по вопросам стратегии и тактики партии. Обе стороны апеллировали к опыту буржуазно-демократических революций на Западе, пытаясь найти аналогии не только в истории, но и в современном социал-демократическом движении. Все произведения Ленина, касающиеся условий строительства партии, предпосылок революции, насыщены конкретными историческими примерами. Ленин не раз обращался к опыту буржуазно-демократических революций в других странах. Целенаправленные исследования позволили бы глубже понять суть оценок Ленина, а также проследить применение им общих принципов марксизма к анализу конкретной действительности.

Важнейшим историческим итогом развития политической структуры капиталистического общества стало создание массовых политических, в том числе и пролетарских, партий. Но на Западе в силу исторических

особенностей создание пролетарских партий было завершающим моментом формирования политических структур, а в России социал-демократия возникла до буржуазных революций и раньше непролетарских партий. Это обстоятельство в значительной мере определило ее идейно-политический облик. К моменту своего создания российская социал-демократия могла опереться на позитивный и негативный опыт партий II Интернационала, на разработанные ими программные и тактические принципы. Эти аспекты уже нашли отражение в историографии, но главным образом в выявлении своеобразия и особенностей капиталистической эволюции России. Бесспорно, эти особенности были. Но при акценте на них отступали на задний план общие закономерности, всемирно-историческая преемственность опыта российской социал-демократии. Задачи пролетарской партии в России состояли не только в том, чтобы соединить массовое рабочее движение с научным социализмом, но и помочь пролетариату возглавить демократические движения народных масс, слить воедино их борьбу за демократию с борьбой за социализм.

Первая задача была общей для рабочих партий всех стран. И в этом отношении социал-демократы России обращались к опыту своих единомышленников и соратников на Западе. Что же касается второй задачи, то в такой конкретной постановке и глубине замысла она впервые была выдвинута Лениным. Она отражала не только общие тенденции развития революционного процесса в мире, но и специфические особенности России. По Ленину, соединение социализма с массовым демократическим движением являлось важнейшим условием победы социалистической революции. Как показал исторический опыт, этот аспект борьбы за социализм приобрел новое звучание в современных исторических условиях.

Потребности демократического и пролетарского движения ускорили процесс создания самостоятельной политической организации российского рабочего класса. Этот процесс не был изолирован от демократического движения в стране, он отражал борьбу мнений по важнейшим вопросам общественного развития. Известно сотрудничество Ленина, Плеханова и других революционных социал-демократов с «легальными марксистами» во главе с П. Б. Струве. Логика политического разви-

тия в России привела к размежеванию демократических сил, группировавшихся вокруг социал-демократии. Отход от социал-демократизма как течения общественной мысли был, однако, связан не только с изменением в умонастроениях представителей либеральных течений, но прежде всего с политическими требованиями тех слоев, которые они представляли. В борьбу против самодержавия включались определенные слои буржуазии и интеллигенции. Отражением этой позиции явилась эволюция «легальных марксистов». Возглавив журнал «Освобождение», они подготовили почву для создания главной партии российского либерализма — конституционно-демократической (кадетской). Рост политического сознания крестьянства активизировал осколки народнических групп и способствовал созданию партии социалистов-революционеров (эсеров).

В ходе революции буржуазия быстро прошла путь от «сторонника свободы к безвольному и подлому пособнику абсолютизма»⁸. С конца 1905 г. Ленин неизменно подчеркивал отделение либерализма от буржуазной демократии, которую в России представляла не либеральная буржуазия, а крестьянство и родственные ему социальные слои.

Каждое из буржуазно-либеральных и мелкобуржуазных течений, оформившихся в самостоятельную партию, претендовало на идейно-политическое руководство всей освободительной борьбой против самодержавия. И эти их претензии на подчинение своему влиянию рабочего движения вызывали резкую ответную реакцию революционной социал-демократии, которая, представляя прежде всего интересы рабочего класса, не могла допустить проникновения в рабочее движение буржуазной и мелкобуржуазной идеологии. По истории этой идейной борьбы имеется значительная литература. Но, к сожалению, в большинстве публикаций упускаются из виду изменение конкретных ситуаций и развитие исторической роли противоборствующих течений и сил.

К середине 90-х годов сложились необходимые условия для качественно нового этапа в развитии марксизма в России. Ленин указывал, что именно к этому времени российский рабочий класс вполне созрел для самостоятельной исторической роли. В этот период

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 459.

«встретились два глубокие общественные движения в России: одно стихийное, народное движение в рабочем классе, другое — движение общественной мысли к теории Маркса и Энгельса, к учению социал-демократии»⁹. Ленин высоко оценивал стихийное начало в рабочем движении. Стихийность была для него показателем глубины движения, внутренней активности, почвенности, огромных запасов революционной энергии, которая таилась в народной толще, в рабочем классе. Стихийный элемент в революционном движении Ленин характеризовал «как зачаточную форму сознательности»¹⁰. Но вместе с тем он столь же решительно выступал против сведения стихийности к бессознательному, к слепому протесту, который никогда не идет дальше «зряшного», по выражению Ленина, отрицания. Сознательность не означает некоего ограничения масштабов и глубины движения, напротив: «Чем больше стихийный подъем масс, чем шире становится движение, тем еще несравненно быстрее возрастает требование на массу сознательности и в теоретической, и в политической, и в организационной работе социал-демократии»¹¹.

Сама проблема соотношения стихийного и сознательного отнюдь не относится только к периоду становления партии. Она всегда была и будет актуальной для всех поколений революционеров. Ленин понимал ее не только как необходимость идти в ногу с движением масс, но и как требование «непрерывной и преемственной организации, способной *руководить* всем движением»¹². Партия, по мысли Ленина, выступает в роли сознательной выразительницы стихийных устремлений трудящихся. А это значит, что известную марксистскую формулу об определении сознания бытием она на каждом этапе развития наполняет конкретным содержанием, научно обобщая всю совокупность реальных процессов, многообразие жизни, противоречий классовой борьбы.

Следует преодолеть неисторическое отношение к программным требованиям партии, сформулированным применительно к определенным условиям места и вре-

⁹ Там же, т. 4, с. 247.

¹⁰ Там же, т. 6, с. 29—30.

¹¹ Там же, с. 52.

¹² Там же, с. 52—53.

мени. Так, впервые выводы Маркса и Энгельса о диктатуре пролетариата как программная задача партии были зафиксированы в документах РСДРП. Для своего времени это требование было не только значительным достижением теоретической мысли, но и крупным политическим актом. Однако каждый исторический период имеет свои закономерности развития. Отмечая непреходящее значение ленинской борьбы за программное требование диктатуры пролетариата, мы погрешим против сути ленинской мысли, если будем рассматривать ее безотносительно к конкретно-историческим условиям. То же самое можно сказать о развитии ленинских взглядов по кардинальным проблемам марксистской теории, которые ставились Лениным всегда конкретно, в связи с определенными историческими условиями. Такие теоретические проблемы, как развитие демократии и национальных отношений, аграрный вопрос в буржуазно-демократической и социалистической революциях, отношение пролетариата к мелкой буржуазии, сущность и характер кооперации до и после революции и т. д., требуют большего к себе внимания, творческого и неформального подхода к их исследованию, учитывающего развитие взглядов Ленина, время и конкретно-исторические условия, когда они были сформулированы. Вместо того, чтобы по любому поводу старательно подыскивать ленинскую цитату, следует глубже проникать в творческую лабораторию Ленина, учиться видеть высказанные им истины в исторической взаимосвязи, взаимообусловленности, в постоянном изменении и развитии.

Догматизация относительных истин, некритическое перенесение особенностей и лозунгов одного исторического этапа на другой закрывают путь к восстановлению ленинской концепции деятельности партии как политической организации, чутко реагирующей на смену социально-экономической и политической обстановки, постоянно обогащающей свой теоретический и практический опыт живой связью с массами, учитывающей их коренные потребности и интересы. Особенность догматического периода историко-партийной науки состояла в том, что анализ реальной связи партии с массами подменялся абстрактными рассуждениями либо статистическими выкладками. В исследованиях, претендующих на верность диалектико-материалистиче-

ской методологии, содержательная сторона деятельности партии, связанная с методами работы, принципами организации, развития ее структур, форм связи с массами, рассматривалась поверхностно, часто упрощенно. И поэтому в общественном сознании складывалась застывшая модель догматизированной партии, все больше приходящая в противоречие с объективной действительностью, с ленинскими принципами партийного строительства.

Способ своей деятельности партия закрепляет организационно. «У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть,— указывал Ленин,— кроме организации»¹³. Она обеспечивает единство воли и действия. Но эта способность партии действовать как целое обусловлена идейным единством ее членов, принципами построения, авторитетом руководящих органов, тесной связью с массами, интересы которых она выражает.

В основу построения партии был положен принцип демократического централизма, суть которого состоит не просто в подчинении меньшинства большинству, части — целому, в соблюдении единой партийной дисциплины как таковой, но и в свободе мнений, во всемерном демократизме жизни партии. Естественно, что в условиях подполья и деспотичного царского режима большое значение имело требование централизма. На этом основании построены рассуждения фальсификаторов о пролетарской партии в России как о замкнутой организации «заговорщиков» со строгой иерархией ее командных слоев и безоговорочной дисциплиной рядовых членов. Эти злостные измышления опровергаются фактами: дискуссиями на съездах, пленумах ЦК, в партийной печати, в организации деятельности самого Центрального Комитета и его органов как в России, так и за рубежом.

Партия большевиков при Ленине высоко несла и культивировала принципы демократизма, нравственности, товарищества, терпимости и лояльности друг к другу. В партии не было стоящих над нею лиц, отсутствовал культ вождизма. Огромное влияние Ленина определялось не авторитетом власти, а властью авторитета. Дисциплина в партии опиралась на преданность идее, личные нравственные качества, идейное единство

¹³ Там же, т. 8, с. 403.

и свободу мнений. И внутренняя жизнь партии, и процесс формирования ее руководящего ядра, членов партии — подпольщиков, составивших железную когорту большевизма, нуждаются в глубоком изучении и всемерной популяризации их имен. Восстановление исторической памяти об этих подвижниках идеи социализма добавит много славных страниц в летопись нашей партии.

Редко в каком исследовании не выделяется то очевидное обстоятельство, что до завоевания политической власти наша партия действовала сначала в условиях подполья, а затем, после Февральской революции, и легально наряду с буржуазными и мелкобуржуазными партиями. Однако специфика ее деятельности на этих двух качественно различных этапах раскрывается весьма схематично. Так, в исторической литературе немало говорится о славных революционных традициях, о героизме большевиков, об их самоотверженной работе в массах, о политической тактике в российском парламенте — Государственной думе и т. д. Но разговор с читателем ведется об этом как бы по трафарету, без малейшего желания пробудить его интерес ко всему многообразию жизни партии, без намерения удовлетворить его законное стремление войти в более «плотные слои» атмосферы тогдашнего времени. Из-за фрагментарности информации читателю нередко приходится додумывать «выпадающие» логические связи самому, строить разного рода догадки, испытывать явную неудовлетворенность по поводу монументализма в изображении повседневной работы партии, скрывающего конкретную противоречивость реальности. Чрезвычайно мало мы узнаем о формах и методах партийной агитации и пропаганды, о связях партии с массами, о стиле работы ее выборных руководящих органов, об образе партии в массовом сознании и т. д.

Известно, что партия до Октября была немногочисленной. В ее рядах в феврале 1917 г. насчитывалось всего лишь 24 тыс. членов. Но, несмотря на это, и в сложных условиях подполья она обладала высоким политическим, нравственным авторитетом. Ее интеллектуальный потенциал был настолько велик, что, даже не имея никаких административно-политических рычагов власти, она оказывала огромное влияние на духовную жизнь общества. Бесспорно ее воздействие на по-

литическое воспитание рабочего класса, которым, однако, ее роль в идейно-политической жизни общества вовсе не ограничивалась. Партия часто была генератором новых идей, служила катализатором политического обновления общества, инициатором дискуссий по жизненно важным проблемам его развития. При этом она умела формировать и сплачивать ряды своих сторонников, наносить разящие удары по противникам. В этих условиях она, как правило, успешно конкурировала с другими политическими силами в борьбе за влияние на массы. Однако механизм этой конкуренции в литературе раскрывается поверхностно или вовсе замалчивается. Опыт идейного руководства массами, влияния на них чисто политическими средствами был умножен после победы Октября, особенно в первые годы, когда у руля партийного руководства стоял Ленин. И в этом случае хорошо забытое старое могло бы быть чрезвычайно полезным и сегодня.

В условиях новой исторической эпохи — эпохи империализма — перед российской социал-демократией встали революционные задачи. Они были выдвинуты не просто самой эпохой, а своеобразным переплетением общих, всемирных закономерностей со специфическими условиями России, где велением времени стало раскрепощение производительных и всех творческих сил страны, формирование новой социально-политической структуры. Обновления желала значительная часть общества. Но пути к новой жизни и сама эта жизнь виделись каждому слою по-разному. Однако в исторических исследованиях этого чрезвычайно насыщенного напряженными теоретическими исканиями и практическими действиями периода нередко отходили на задний план отражение в общественном сознании этих головокружительных перемен, восприятие различными слоями общества общего кризиса, разрушение в условиях этого кризиса привычных представлений и традиций, зарождение нового в борьбе против старого, бурный расцвет революционного творчества народа, взаимообогащение теории и практики.

Напуганная революцией буржуазия не стремилась к свержению самодержавия. Но царизм с его коррумпированным, консервативным, развращенным чиновничеством настолько тормозил развитие производительных сил, что капитал уже не мог с этим мириться. В этом

смысле российская буржуазия имела в революции свои собственные интересы. Не добиваясь свержения царизма, она стремилась избавиться от пут разложившейся бюрократии, от произвола властей, унижительной опеки огромного и алчного бюрократического аппарата, который превратился в социального паразита. Капитал по своей органической природе не терпит над собой никакой власти, кроме власти экономического интереса. При всей противоположности целей революционного рабочего класса и крестьянства и устремлений буржуазии последняя не могла не желать удовлетворения своих собственных потребностей. Буржуазная историография, отмечая эту сторону дела, умышленно замалчивает социально-политическую реакционность буржуазии как класса. Конечно, объективно прогрессивными были экономические требования либерально-буржуазного лагеря, ставившего вопрос об интенсивной капиталистической индустриализации России, беспрепятственном развитии внешней торговли, повышении платежеспособного спроса населения, промышленной и сельскохозяйственной кооперации и т. д. Таким образом, с одной стороны, буржуазия питала надежды на возможность быстрого экономического роста, а с другой — связала свою политическую судьбу с деспотическим режимом, главной преградой на пути развития России. Не раскрывая этих специфических черт российского капитализма, мы не поймем и ленинских высказываний о характере империализма в России, особенностях трех российских революций.

Одним из главных требований истории как науки является корректное, точное воспроизведение фактов во всей их совокупности, непременное их осмысление на основе научной теории. Думается, что исторический опыт революции 1905—1907 гг. в полной мере еще не осмыслен. Так, явно ощущается потребность в углубленном обобщении роли народных масс в этой революции, действия могучего стихийного начала в ней, породившего новую форму народовластия — Советы. Даже профессиональные историки затрудняются порой дать ответ на вопрос о том, как из стихийного движения возникает вполне определенный орган революционного самоуправления. А каков механизм возникновения этого органа, политическая сущность которого в различных регионах России оказалась единой? И разу-

меется, нас, современников беспрецедентных после Великого Октября перемен, волнует вопрос о конкретных формах взаимодействия Советов и партии.

Ленин относился к Советам как к такой массовой политической и общественной организации, которая открывала возможность добиться реального союза всей революционной демократии для решения коренных задач революционных преобразований. Сохраняя свою самостоятельность в Советах, партия ставила главной целью завоевание в них большинства, привлечение на свою сторону трудящихся масс. Завоевая массы, большевики вовсе не стремились подмять Советы. Большевики видели в Советах важнейшее средство политического воспитания масс, активизации их революционной деятельности, осуществления на практике идеи народовластия. Поэтому крайне важно проследить эволюцию взглядов Ленина по этому вопросу от момента возникновения первых Советов до победы вооруженного восстания в Октябре 1917 г. Чтобы более выпукло показать взгляды Ленина, необходимо рассматривать их в сопоставлении с идеями социал-демократов различных течений, а также буржуазных идеологов. Игнорируя эту сторону, не учитывая, в частности, вклада соратников Ленина в разработку этой проблемы, невозможно по достоинству оценить и теоретические открытия основателя нашей партии.

Это, кстати сказать, относится не только к названной проблеме, но и в целом ко всему творчеству Ленина, которое развивалось в острых схватках с идейными противниками. Ленинские аргументы оттачивались и в товарищеских дискуссиях, и в полемике с единомышленниками. Ленин не только не подавлял эти споры, а, наоборот, всячески поддерживал и развивал. И единодействие Ленин понимал не как результат мышления по шаблону, повторения заученных формул и положений. В нем он видел множество оттенков позиций, возможность неожиданных поворотов теоретической мысли, право на самостоятельный поиск истины. Развитие большевистской мысли нельзя себе представлять однолинейно — так, будто все оппоненты Ленина в лучшем случае были неправы, а в худшем — являлись идейными противниками ленинизма.

Убедительным примером этого является разработка Лениным теории империализма и социалистической

революции в годы первой мировой войны. Вклад Ленина в теорию империализма не оценим. Но известно, с какой настойчивостью и терпением Ленин привлекал к разработке проблем империализма других марксистов, своих единомышленников. Такое отношение Ленин проявлял, например, к Н. И. Бухарину, рано разглядев в нем способного и ценного для партии теоретика. Да и сам Ленин стал мыслителем и революционером гигантского масштаба не в последнюю очередь потому, что он аккумулировал разносторонний опыт своих идейных сторонников, заботливо помогая развитию их творческих способностей. К Октябрю партия пришла, имея в своем составе выдающихся теоретиков марксизма. Только такой партии был под силу глубокий и все-сторонний анализ возможностей и путей свершения социалистической революции в сложнейших условиях империалистической войны и небывалого обострения всех социальных противоречий, когда ни одна другая политическая партия не могла вывести страну из глубочайшего кризиса.

О Великой Октябрьской социалистической революции создана огромная литература. Буквально по минутам расписаны ход вооруженного восстания, заседаний Временного правительства и Военно-революционного комитета, с непогрешимой точностью указано расположение сил революции и контрреволюции и многие другие важные для освещения истории революции обстоятельства. Но достоинство научного анализа, стремящегося к постижению не только зримых сторон, но и сущности исторического события, не сводится к скрупулезной фиксации происходившего, хотя это, безусловно, и крайне важно. Сущность явления или процесса — не просто сумма фактов или примеров, подтверждающих их наличие. Сфера бытия сущности — движение противоречия, или, что то же самое, — противоречие как процесс от момента его зарождения до разрешения.

При объяснении любого выдающегося события, в том числе и Октябрьской революции, нередко возникает психологически легко объяснимый соблазн как-то «спрямить» хитроумно и туго закрученную спираль действительного процесса и подвести его под уже известную схему. Такой подход к истине (по принципу «экономии мышления») существенно обедняет реальное содержание Октябрьской революции как революции

социальной. Социальная революция — это прежде всего колоссальная ломка привычных устоев, стереотипов, старых общественных отношений, затрагивающая все жизненно важные нервы общества.

Радикальные перемены с трудом укладываются в обыденное сознание, которое с большой неохотой избавляется от шаблонов мышления и чувствования. Революция неизбежно связана с личными жертвами, длительными порой лишениями, с риском что-то потерять и не обрести ничего взамен. И уж, конечно, нельзя представлять дело так, что народные массы всегда отличаются революционной последовательностью и во всем доверяются своим безошибающимся и безгрешным, в смысле правильности политической линии, лидерам. «Мы не подражали никому из тех, кто слово «революция» пишет с большой буквы, как это делают эсеры,— говорил В. И. Ленин.— Но мы можем повторить слова Маркса, что во время революции делается не меньше глупостей, а иногда и больше. Нужно смотреть на эти глупости трезво и безбоязненно — этому мы, революционеры, должны научиться»¹⁴.

Представление о «всеведущих» лидерах и «послушной», «доверчивой» массе, которая только и ждет от своих вождей слов откровения, принципиально ошибочно, недialeктично и в корне недопустимо в серьезных научных исследованиях. И лидеры, и массы подвержены сомнениям и колебаниям и никогда не знают заранее, какие методы и приемы борьбы им придется применить завтра, если изменятся обстоятельства. И те и другие учатся у революции. Массы может подвести инстинкт, а лидеров и инстинкт, и неспособность к рациональной оценке конкретно-неповторимой ситуации. Эта известная непредсказуемость разворачивания революционного процесса раскрыта недостаточно. Правда, выражения типа «борьба за массы», «поворот в настроениях масс», констатация «энтузиазма» или «усталости» в их поведении, «восстание как искусство» в историко-партийной литературе постоянно употребляются. Но содержательный анализ этих понятий, требующий всесторонних оценок, является историографической редкостью.

«Ошибочно было бы думать,— писал В. И. Ленин,— что революционные классы всегда обладают достаточ-

¹⁴ Там же, т. 45, с. 14.

ной силой для совершения переворота, когда этот переворот вполне назрел в силу условий общественно-экономического развития. Нет, общество человеческое устроено не так разумно и не так «удобно» для передовых элементов. Переворот может назреть, а силы у революционных творцов этого переворота может оказаться недостаточно для его совершения,— тогда общество гниет, и это гниение затягивается иногда на целые десятилетия»¹⁵.

В чем же конкретно состояло это отмеченное Лениным «неудобство» при подготовке социальной революции? Почему «передовым элементам» приходится преодолевать известные по отношению к ним настороженность и недоверие? Другими словами, чрезвычайно важно конкретно показать, как партия завоевывает на свою сторону массы, какие методы и приемы она при этом использует. Необходимо также не замалчивать и возникающие при этом неизбежные трудности, особенности восприятия и усвоения партийных лозунгов в различных слоях населения, в том числе и среди рабочих.

Формирование социально-политических сил революции представляет собой весьма сложный процесс, в котором стянуты в один узел экономические и политические интересы, социально-психологические, моральные и другие моменты. И разве не задача историка дать всестороннюю картину этих моментов, не подменяя ее набором статистических данных или общими рассуждениями о неоднородности рабочего класса, о «рабочей аристократии» и т. д.? Другими словами, необходимы и социально-политический, социологический срез русского общества в канун революции, и хотя бы краткая характеристика самых существенных сторон самосознания составляющих его социальных слоев и классов, политических партий и общественных организаций. Сущностью социальной революции (а Октябрьская революция была именно таковой) является требование «все для народа и посредством народа». Эта тема отнюдь не нова. Но определенный схематизм мышления так и не изжит при ее изложении.

Социальная революция в отличие от политического переворота вовлекает в активную деятельность многомиллионные массы. Это революция большинства. Мень-

¹⁵ Там же, т. 11, с. 366—367.

шинство не в состоянии осуществить задачи, которые выдвигает социальная революция. В ходе подготовки Октябрьской социалистической революции Ленин, большевики придавали огромное значение сплочению всех революционных сил, воспринимающих идею социализма и классовой солидарности трудящихся. Но эта великая идея, окрылявшая в тот период миллионы людей труда и зажигавшая их сердца, как-то гаснет в солидных трактатах летописцев Октября. Бьющий весенним половодьем и выходящий из берегов бурный поток народной энергии уходит как бы в песок, поглощается подспудным течением, которое определяется неотвратимым ходом истории. Историческая необходимость в отличие от законов природы реализуется через деятельность людей. Но это обстоятельство, теоретически хорошо известное, порой забывалось и не учитывалось при осмыслении действительной истории Октября, осознании самого субъекта революционного действия, роли народных масс в революции.

Диалектика истории такова, что люди изменяют обстоятельства под давлением самих обстоятельств. Революция была необходима. Но сама-то эта необходимость определялась самоотверженной борьбой всех прогрессивных сил общества, преодолевавших сопротивление приверженцев старого. Тем более не применима грубо-социологическая схема для понимания главного субъекта социалистической революции как единого целого. В нем имеются группы, слои, преследующие неодинаковые интересы, подверженные влиянию непролетарской идеологии. Превращение пролетариата из класса «в себе» в класс «для себя» происходит в процессе революционной практики, накопления революционного опыта, изменения условий его жизни, осознания коренных интересов. Поэтому перед революционной марксистской партией всегда стоит задача идейной борьбы за умы людей, за освобождение их от предрассудков и ложных мнений и в среде рабочего класса. Идеализированные представления о рабочем классе затрудняют понимание реальных противоречий классовой борьбы, а стало быть, и обедняют исторический опыт, лишая его конкретного многообразия. К Октябрю завершается определенный важнейший период в истории партии, связанный с выполнением той части Программы, которая определялась как минимум. При составлении Программы многим ка-

залось, что ее выполнение займет неопределенно длительный срок. Конкретно-исторические обстоятельства сложились, однако, так, что открылись возможности кратчайшего решения и максимальной задачи. Партия и рабочий класс оказались к этому готовыми.

После падения самодержавия в феврале 1917 г. пролетариат России в исторически короткий срок осуществил переход от буржуазно-демократической революции к социалистической. В свете нового мышления деятельность партии как руководителя и организатора социалистической революции, ее идейного вождя заслуживает особого внимания. Первая победоносная пролетарская революция явилась эпохальным событием, оказавшим огромное влияние на все мировое развитие. Деятельности партии в период Октября посвящена обширная литература. Однако количество книг не уменьшило количества «белых пятен» и дискуссионных проблем. В их числе — исследование предпосылок социалистической революции, степени зрелости капиталистических отношений и в промышленности, и в сельском хозяйстве. В ходе дискуссии 70-х годов наметились новые направления в изучении истории Октября. Были получены некоторые интересные результаты, обогатившие представление о названном периоде истории партии. Но эта плодотворная дискуссия была искусственно прервана административным вмешательством.

В исторической литературе раскрываются различные аспекты степени готовности отдельных социальных слоев и групп к революции. Но общие формулы, в принципе верные для всей совокупности событий, страдают недугом всех среднестатистических величин. Они не раскрывают отношения общего и особенного. В данном случае даже такие конкретные суждения, как «кризис в верхах», «обнищание масс», «рост революционного сознания», употребляются в качестве характеристик, выражающих некую среднюю температуру революционного кипения общества. Нередко фигурируют массы «вообще», забастовки «вообще», характеристика которых ограничивается, как правило, количественными оценками. История «валовых показателей» ничего не хотела знать о реальных хитросплетениях и подвохах, на которые никогда не скупится жизнь. Период Октября не составил исключения из этого правила.

Миллионы людей необъятной Российской империи

были втянуты в бурный водоворот беспрецедентных событий, оказались в непривычной для них социальной обстановке. Это были солдаты, вырванные из глухой российской глубинки и попавшие в гущу революционного брожения 1917 г., сотни тысяч беженцев из прифронтовых западных губерний, рабочие из Польши и Прибалтики, перебазированные со своими предприятиями в центральные районы России. Эта массовая насильственная миграция населения затронула и народы национальных окраин, в первую очередь Туркестана, а также часть казахского населения. К этому надо добавить еще сотни тысяч военнопленных, размещенных в разных частях страны, в том числе и в ее отдаленных районах. Эти весьма важные процессы нередко полностью игнорируются в исторической литературе, не принимаются во внимание исследователями.

Сведёние истории Октября к упрощенным причинно-следственным связям, к жесткому детерминизму фактически игнорировало диапазон революционного творчества людей. В крайностях такого подхода ясно просматривалось давно преодоленное классиками марксизма натуралистическое понимание общественных закономерностей. Каждую проблему в революции, способ ее решения Ленин связывал с творческой активностью людей, с объективной противоречивостью их потребностей и интересов. Рассматривая борьбу за социальную справедливость как всенародное дело, он был убежден в том, что народ нельзя осчастливить «сверху», что по-настоящему он включается в социальное творчество только тогда, когда сам постигает и осознает общественные идеалы в ходе революционной борьбы, сопрягая их со своими личными интересами. Глубокое теоретическое обоснование исторических закономерностей как результатов деятельности людей явилось важнейшим вкладом Ленина в творческое развитие марксистского учения. К сожалению, тезис марксизма о том, что общее существует лишь в особенном и может быть познано только через него, долгое время общественные науки как бы не замечали. Однако величие общих истин отнюдь не избавляло историческое сознание от поиска ответов на мучительные вопросы.

Октябрьская революция не просто всколыхнула общество, она перепахала глубочайшие толщи народной жизни. Ее энергия привела в движение мощные силы

социального протеста, вывела на орбиту самостоятельного исторического творчества широкие массы трудящихся. Вчера еще забитые и придавленные, казалось бы, ко всему равнодушные и совершенно безучастные к политике, они в процессе накопления собственного политического опыта становились активными действующими лицами разворачивающейся исторической драмы. В период революции происходит невиданное ускорение политического созревания масс. Эти колоссальные сдвиги приводили к взрыву социальной активности. И именно поэтому Ленин закономерно отмечал необходимость всестороннего изучения особенностей, своеобразных черт психологии каждого социального, профессионального слоя масс, участвовавших в революции ¹⁶.

Предстоит дальнейшее изучение процесса развития идейной и политической ситуации после Февральской революции. В этот период развернулась острая борьба вокруг оценки исторической обстановки и степени завершенности буржуазно-демократической революции. Это находило свое выражение в определении тактики партии по вопросам войны и мира, отношения к буржуазному Временному правительству и т. д. Ленин осознал и обосновал необходимость отказа от старых тактических установок. Между тем сознание большей части членов партии оказалось не готово к такому повороту, многие придерживались формул, выработанных большевизмом в революции 1905—1907 гг. Ленину и в этом случае пришлось разъяснять, что теория «не является догмой, а окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения» ¹⁷.

Учитывая сложность обстановки, Ленин предложил партии обсудить спорные вопросы. Важный поворот весны 1917 г., потребовавший нового взгляда на ход исторических явлений, нового подхода к анализу конкретно-исторической ситуации, до сих пор рассматривался в нашей историографии преимущественно как сугубо политическая борьба большевиков с антиленинскими силами, а ведь это был и пример воспитания партии в период резкого изменения ее политики, образец коллективной выработки правильной линии по кар-

¹⁶ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 192.

¹⁷ Там же, с. 7.

динальным вопросам тактики и стратегии. Причем ошибки отдельных членов партии и даже лидеров, выявившиеся в ходе этой работы, далеко не всегда можно ставить в вину им лично. Ведь речь идет о том или ином отражении в сознании людей объективных интересов классов, социальных групп, их настроений.

То же самое можно сказать и о дискуссиях, связанных с подготовкой вооруженного восстания, когда позиция отдельных членов ЦК являлась отражением действительных настроений той части рабочего класса, которая после июльских событий проявляла осторожность и не желала рисковать. И это обстоятельство, а не только личные качества (трусость, шатания, неуверенность и т. д.), влияло на политическое поведение отдельных членов партии, в том числе членов ЦК.

Конечно, в ходе революции обстановка менялась очень резко, происходили сдвиги в позиции отдельных социальных групп, изменялась расстановка классовых сил. И Ленин, что вполне естественно, порою круто менял свои оценки и подходы в соответствии с требованиями момента. Он шел от анализа реальных процессов, а не от заранее заданного принципа или готовой схемы.

История Октября — важнейшая страница в жизни партии и народа. И именно она нуждается в первую очередь в решительном освобождении от субъективистского произвола и злостных фальсификаций. Создание концепции двух вождей (Ленина и Сталина) привело к тому, что за бортом истории оказались, по существу, все остальные члены ЦК, десятки видных деятелей партии, сотни ее активных и верных членов, внесших неоценимый вклад в подготовку Великого Октября. Такая «забывчивость» по отношению к героическим участникам Октября, верным соратникам Ленина преследовала вполне определенную цель — формирование упрощенного, одностороннего и конформистского исторического сознания, возвеличивание личности Сталина, мошеннически присвоившего себе лавры главного героя революции и единственного верного соратника и продолжателя дела Ленина. Конечно, в последнее время многие нелепости в изложении истории Октября были устранены, но надо честно признать, что полностью избавиться от прежних предрассудков, штампов и стереотипов пока не удалось.

Надо вернуть истории Октября его героев, представителей того слоя старой партийной гвардии, о которой с такой теплотой и высоким уважением говорил Ленин. Из огромной массы литературы об Октябрьской революции Ленин выделил талантливую книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», при этом он подчеркнул ее главное достоинство: точность в изображении событий и верность в оценке руководящих деятелей революции. Именно это обстоятельство и не устраивало Сталина. На долгие годы книга Джона Рида была изъята из библиотек. После XX съезда КПСС она заняла достойное место в литературе об Октябре. Ей воздают должное. А вот оценки, которые там есть и которые Ленин нашел точными и верными, в сущности, игнорируются в научной и популярной литературе, а сами участники порой даже не упоминаются. И неудивительно, что обезлюдевшая история Великой революции утрачивает свое обаяние и влияние на новые поколения.

Но нельзя ограничиться лишь восстановлением в истории имен выдающихся деятелей революции. Ее глубокое понимание невозможно не только без введения в научный оборот работ таких деятелей партии, как Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, Л. Д. Троцкий, В. А. Антонов-Овсеенко, и всех других без исключения членов Центрального Комитета партии, Петросовета, Военно-революционного комитета, но и без документов, свидетельств, мемуаров противников революции. И это относится как к истории Октября, так и ко всем последующим этапам деятельности нашей партии.

Большое значение для понимания характера революции, ее движущих сил имела демократическая программа большевиков. Демократические преобразования, подчеркивал Ленин, были осуществлены в процессе революции «похода». Но из этой ленинской формулы вовсе не вытекает малая значимость этих вопросов. Партия большевиков предложила народу конкретное решение таких демократических задач, как выход из мировой войны, аграрный и национальный вопросы и др. На этой платформе партии удалось объединить значительную часть населения страны, в том числе и национальных окраин. Советская власть не ограничилась принятием радикальных законов. Провозглашенные ею

Декреты о мире, о земле, Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа стали делом самих трудящихся масс, и они приступили к практическому воплощению лозунгов революции. Этот ценнейший опыт соединения борьбы за осуществление социалистических идеалов с борьбой за решение демократических задач является весьма поучительным. К сожалению, об этом опыте в большинстве исследований говорится лишь в самой общей форме и крайне скупо освещаются конкретная деятельность партии по осуществлению демократических преобразований, их восприятие простыми тружениками и особенности этих преобразований в отдельных регионах страны.

Реализация демократической программы была связана с отношением большевиков к мелкобуржуазным партиям. Советская историография располагает интересными книгами, раскрывающими эту проблему. Их пафос состоит в стремлении восстановить историческую правду и возможно шире исследовать социальные процессы в ходе революции, в том числе раскрыть такую важную сторону деятельности Коммунистической партии, как ее отношение к мелкобуржуазным массам и их политическим партиям. Эти исследования отвечают насущным требованиям современности. Представляет интерес деятельность мелкобуржуазных партий и отношение к ним большевиков, которые шли на сотрудничество с ними и потому, что учитывали интересы мелкобуржуазных масс, и для того, чтобы использовать все возможности политических методов воспитания трудящихся на их собственном опыте.

Отмечая плодотворные попытки анализа политической деятельности партии большевиков в период Октября, следует признать известный схематизм освещения ее внутренней жизни. В исторических исследованиях отсутствовал глубокий анализ важнейших моментов формирования руководящих органов ленинской партии и в центре, и на местах, эволюции ее персонального состава. Совсем не затрагивались вопросы создания партийного аппарата, его структуры и социального состава, не раскрывалась сущность процессов развития высших коллегий партии. Дело часто ограничивалось изложением тривиальных истин. Известно, например, что в течение короткого времени в ходе революции Секретариат ЦК из чисто технического превратился в один

из высших органов партии, а спустя несколько лет после окончания гражданской войны приобрел исключительное значение в системе высших руководящих органов партии в целом. При анализе этих превращений надо видеть и объективные обстоятельства, и значение субъективного фактора, который был иногда определяющим в такой эволюции.

При анализе указанных превращений надо видеть и их далеко идущие последствия. Уже в 1922 г. была учреждена должность Генерального секретаря ЦК партии. В то время Ленин, оставаясь главой Советского правительства, председательствовал на заседаниях Политбюро. Генеральный секретарь Центрального Комитета занимался преимущественно организационными делами в партии. Такой подход воспроизводился и в структурах власти на местах, где руководитель местной партийной организации часто выполнял также обязанности председателя исполкома Совета. В первые годы после победы Октября партия бросила на укрепление Советов свои лучшие силы. Деятельность съездов Советов, ЦИК, СНК, их компетенция требуют объективного и глубокого исследования. Влияние партии на Советы осуществлялось через работавших в них коммунистов. Впоследствии эта ленинская модель взаимодействия партии и Советов подверглась деформации. Были выдвинуты иные принципы, суть которых состояла в увеличении численности партийных органов, повышении их роли, в создании им реальной возможности брать на себя решение практически всех важнейших вопросов, бывших ранее в компетенции Советов. Одновременно проявилась тенденция отчуждения функций власти советских органов в пользу бюрократического аппарата. Эти изменения общественно-политической жизни на местах не случайно совпали с тем, что Сталин, сделавшись Генсеком и сосредоточив в своих руках необъятную власть, дал и толчок к возникновению серьезных деформаций советского политического строя на всех уровнях власти. Изменение взаимоотношений партии с Советами привело к падению авторитета последних, к приглушению инициативы народа и в конечном счете к ослаблению самостоятельной роли местных партийных организаций. Подвергся искажению принцип демократического централизма: становилась все более формальной первая часть этой формулы.

Ленин остро почувствовал тревожные симптомы эрозии демократических принципов, нарастания бюрократизации партийных и советских органов, угрозу народо-властию, рожденному Великим Октябрем. И к данной проблеме, проблеме развития взаимоотношений партии и государства, следует подходить в духе непреходящего требования историзма, сформулированного Лениным: «Не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹⁸.

Большой интерес представляет вопрос, как революция смогла защититься. Одной из проблем этой большой темы является изучение деятельности Ленина, Центрального Комитета в годы гражданской войны, партийных и советских органов в центре и на местах, всей системы партийно-государственного руководства. Советскими историками написаны многие монографии о принципах руководства партией и страной в годы гражданской войны, но приходится признать, что их фактическая основа требует тщательной проверки и освобождения от искажений и грубых фальсификаций и самой истории войны, и роли в ней выдающихся деятелей партии.

Каждый шаг Ленина в качестве главы Советского правительства представляет особый интерес для истории. К сожалению, коротко то время, когда он стоял у руля партийного и государственного руководства. Более половины этого времени приходится на годы гражданской войны. Несмотря на чрезвычайные условия бескомпромиссной схватки, неизбежного обоюдного ожесточения, идейная непримиримость к классовым врагам не выливалась у Ленина в жестокость и слепое озлобление. При любых обстоятельствах он оставался политическим деятелем, чуждым революционному экстремизму¹⁹. Закладывая основы советской государственности, Ленин пристально следил за всеми прояв-

¹⁸ Там же, т. 39, с. 67.

¹⁹ В докладе на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 г. «О недостатках в партийной работе и путях ликвидации троцкистских и иных двурушников» Сталин пытался теоретически обосновать политику массовых репрессий, выдвинув лозунг об усилении обост-

лениями многообразной общественной жизни в этот период, и его обобщения вовсе не замыкались чрезвычайными условиями военного времени. Именно эта гибкость и универсальность ленинской политической мысли определяет историческую ценность опыта партийного и государственного руководства, значение которого выходит за рамки военного времени. Величие Ленина было и в том, что он смог выдвинуть и воспитать блестящую плеяду партийных, военных и государственных руководителей, которым были доверены ответственные посты и которые на своих плечах вынесли всю тяжесть борьбы против внутренней и внешней контрреволюции.

Настало время сказать правду о всех без исключе-

рения классовой борьбы по мере продвижения к социализму. При этом он ссылался на то, что этому учит история, учит Ленин.

Это подлая клевета на Ленина, который в начале февраля 1920 г., анализируя ситуацию в стране, говорил: «Террор был нам навязан терроризмом Антанты, когда всемирно-могущественные державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем. Мы не могли бы продержаться и двух дней, если бы на эти попытки офицеров и белогвардейцев не ответили беспощадным образом, и это означало террор, но это было навязано нам террористическими приемами Антанты. И как только мы одержали решительную победу, еще до окончания войны, тотчас же после взятия Ростова, мы отказались от применения смертной казни и этим показали, что к своей собственной программе мы относимся так, как обещали. Мы говорим, что применение насилия вызывается задачей подавить эксплуататоров, подавить помещиков и капиталистов; когда это будет разрешено, мы от всяких исключительных мер отказываемся. Мы доказали это на деле» (Полн. собр. соч., т. 40, с. 101).

Сталин проводил репрессивную политику, особенно после XVII съезда партии («съезда победителей»), в условиях отсутствия эксплуататорских классов, причем против представителей ленинской партийной гвардии, рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. Здесь уместно напомнить следующие факты: из 139 членов и кандидатов в члены ЦК партии, избранных на XVII съезде, было арестовано и расстреляно, в основном в 1937—1938 гг., 98 человек; из 1966 делегатов съезда с решающим и совещательным голосом было арестовано больше половины — 1108 человек. Среди делегатов с решающим голосом 60% составляли рабочие, вступившие в партию до революции и в годы гражданской войны.

На XVIII съезде ВКП(б) приводился текст заявления одного из местных функционеров, в котором он просил путевку на курорт, мотивируя это тем, что он выбился из сил в борьбе с врагами народа.

Такова была общественная атмосфера. Уничтожался интеллектуальный потенциал страны, цвет народа, советское общество несло невосполнимые потери, обернувшиеся трагическими последствиями для всего дела социализма.

ния сподвижниках Ленина в годы гражданской войны, о тех, кто строил Советские Вооруженные Силы, руководил боевыми действиями против белогвардейцев и интервентов, снискал себе легендарную славу. К сожалению, оценка деятельности многих из этих лиц определялась вплоть до недавнего времени приговорами фальсифицированных процессов, незаконных «троек» и «особых совещаний» второй половины 30-х годов. С героев гражданской войны снято клеймо шпионов, вредителей и врагов народа. И дело чести советских историков не только восстановить их доброе имя, но и рассказать об их героических делах в строительстве Красной Армии, в защите идеалов революции.

Злостному искажению были подвергнуты итоги работы отдельных органов партийного и государственного руководства. Отсутствуют обстоятельные исследования о деятельности Наркомата по военным и морским делам, о Реввоенсовете республики, о Политическом управлении Красной Армии, органах снабжения Красной Армии, о высшем и фронтовом командовании. А работа этих органов нередко и ныне изображается в зависимости от последующей трагической судьбы лиц, которые их в то время возглавляли. Долгое время все сводилось, по существу, к далекому от исторической правды рассказу о том, как Сталин возглавил и осуществил руководство обороной страны от интервенции международного империализма и внутренней контрреволюции. Вся история деятельности партии после Октября тяготела к истории вооруженной борьбы. Между тем социальная сущность гражданской войны не ограничивается острейшей и единственной формой классовой борьбы, а включает в себя все ее виды.

Гражданская война — это острейшее противостояние и противоборство различных социальных сил: буржуазии города и деревни, разбитого, но не уничтоженного до конца класса помещиков, остатков офицерского корпуса, различных слоев крестьянства, интеллигенции, рабочего класса. Соотношение и расстановка этих же сил имели свое своеобразие в различных национальных районах страны, находившихся на разных ступенях социально-экономического развития. Обобщающей картины всех перипетий этой острейшей борьбы в переплетении необходимого и случайного, классового и общечеловеческого, индивидуального и всеобщего со-

временная историография, к сожалению, не дает. Дело часто сводится к надуманным схемам, общим рассуждениям, подкрепляемым субъективно отобранными иллюстрациями. И даже они, эти иллюстрации, оказались искусственно «улучшенными», «выкадрированными». Мы здесь не видим, как, положим, в художественной литературе, борения страстей, трагических судеб целых социальных групп, величия и драматизма революции.

Конечно, война вызывает ожесточение. Тем более гражданская, которая не кончается компромиссом. Жестокость и насилие в ней порой неизбежны. И речь идет не о том, чтобы замолчать, скрыть подобные факты и тем самым отдать их на откуп идейным противникам, спекуляции которых превращают их в свою «правду» о гражданской войне. Долг историка объяснить эти трагические моменты.

Описательность, подменявшая в исторической науке всесторонний анализ целого, обходилась фиксацией просеянных через сито жесткой цензуры фактов, которые давали не только искаженную картину защиты социалистической революции, но и закрывали путь к пониманию первопричин вооруженной борьбы, ее социальных, классовых корней. Сегодняшний уровень изучения социальных отношений, классовой борьбы во время гражданской войны явно не соответствует тем высоким требованиям общественной мысли, исторического сознания, которые предъявляются к этому драматическому состоянию общества. Итоги, особенности, последствия классовой борьбы и социальных отношений в отдельных регионах страны и в стране в целом, колоссальное влияние этой величайшей эпопеи на все последующее развитие должным образом, то есть конкретно-исторически, не исследуются. Нет ясности даже в самом понятийном аппарате. Не преодолены догматизм и вульгарный социологизм в трактовке таких, например, понятий, как «класс», «социальный слой», «социальная группа», которые рассматриваются как нечто единое и однородное. Требуют объяснения острые противоречия, возникавшие внутри этих социальных образований. Так, известно, и это отмечал Ленин, что и в среде рабочего класса находились группы, выступавшие в рядах противников Советской власти. Достаточно вспомнить, что в армии Колчака была дивизия, основу которой составили формирования ижевских и воткинских рабочих.

До последнего времени единой, монолитной массой представлялось офицерство старой армии. Маркс и Энгельс говорили, что армия есть сколок с общества. Работы последнего времени показывают, как велики были расхождения — не только по социальным и политическим причинам — в этой массе офицерства. Как можно было объяснить с позиций вульгарного социологизма такие факты, как служба в Красной Армии представителей старинных дворянских фамилий, царских офицеров и генералов, причем отнюдь не только по принуждению, но и по собственному выбору. Ленин ставил в качестве примера привлечения интеллигенции на сторону Советской власти именно работу среди военных специалистов. Неоднозначными были и причины, определявшие позиции интеллигенции в революции. Но, безусловно, одной из них было чувство патриотизма, солидарности с народом. Многие, видимо, объяснялось высокой духовностью, интеллигентностью, притягательной силой лидеров большевизма.

Вульгарный объективизм и детерминизм предопределили обезличивание истории революции. Люди с их страстями, неизбежными муками нравственного выбора рассматривались лишь как сырой материал истории. И это касалось не только интеллигенции, но и бойцов Красной Армии, проявлявших мужество и героизм на всех фронтах. В летопись гражданской войны входили только немногие вожди, полководцы, политические деятели, редкие избранные герои. В итоге от живой истории оставались лишь одни победные реляции.

Представления о деятельности партии в гражданской войне неизбежно будут носить фрагментарный характер, если ее не рассматривать в контексте проводившейся в то время социально-экономической политики и порожденной ею военно-коммунистической идеологии. В ходе гражданской войны Советская республика оказалась отрезанной от основных сырьевых и продовольственных районов. Война, хозяйственная разруха, борьба с голодом, усугубленная экономической блокадой империалистических государств, потребовали от партии принятия чрезвычайных мер в области экономики. Государство взяло на себя централизованное снабжение населения городов продуктами питания, а промышленных предприятий сырьем. Стержнем этой системы социально-политических и экономических отношений

стала продрозверстка, предполагавшая изъятие всех продовольственных излишков у крестьян. Принудительная продрозверстка привела к серьезному изменению принципов распределения, натурализации заработной платы, уравнительности (хоть военный, но коммунизм), запрещению частной торговли. Была введена обязательная трудовая повинность. Саботаж буржуазии (не желавшей следовать требованию «Кто не работает, тот не ест!») ускорил национализацию всей промышленности; в том числе и мелкой. Объективные условия наложили отпечаток на весь хозяйственный механизм, чрезвычайно усилив централизацию всех сфер экономической жизни. Народное хозяйство милитаризировалось.

Крепло убеждение, что так, и только так, можно добиваться поставленных целей: с минимумом средств, в короткие сроки, даже в экстремальных условиях. Это порождало уверенность в универсальности этих методов. Логика классового борьбы вызвала большую ломку старых отношений, чем это вначале предполагалось. В то же время радикализм, проявленный в осуществлении некоторых социально-экономических мероприятий, породил энтузиазм трудящихся масс, новые социальные ожидания.

Все это питало иллюзии возможности быстрого достижения конечных целей социалистического строительства. Логика развития «военного коммунизма» стала представляться в качестве некоего плана ускоренного перехода к коммунистическому производству и распределению. Таким образом, «военный коммунизм» в массовом сознании многих членов партии рассматривался не только и не столько в качестве кратковременной, вынужденной меры, но и как путь ускоренного перехода к коммунизму. В короткий срок сформировалась определенная «военно-коммунистическая» идеология, оказавшая влияние на формы и методы управления страной не только в годы гражданской войны. Рецидивы этой идеологии выходят далеко за рамки породившего ее периода. С ней мы сталкиваемся, по существу, как с системой и в конце 20-х, и в 30-е, и в 40-е, и в 50-е годы. Предстоит еще разобраться, почему оказались столь живучи проявления этой идеологии в иных исторических условиях.

Попытки перескочить в коммунизм одним махом, сопровождаемые вынужденным, а часто неоправданным

принуждением (и даже проявлениями жесткости) происходили вследствие новизны исторических свершений, отсутствия опыта, ошибок, в том числе неверного понимания соотношения цели и средства, максималистских требований.

Иллюзорные представления о кратчайшем пути к коммунизму сыграли пагубную роль в оценке политической ситуации в стране, объективных интересов трудящихся. Просчеты в политике подрывали основы хозяйствования в деревне, вызывали резкое недовольство крестьянства пролетарской диктатурой. Крестьянство, не желавшее более мириться с насильственной экспроприацией результатов своего труда, все громче выражало свой протест, наиболее острой политической формой которого стали мятежи против Советской власти в Кронштадте, Тамбовской губернии, Сибири, на Украине. Это стихийное недовольство советской политикой Ленин справедливо считал величайшей опасностью для нового строя. Оно свидетельствовало о возникновении таких антагонизмов в обществе, которые нельзя было устранить применением военной силы. «Этот внутренний кризис,— отмечал Ленин,— обнаружил недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочих»²⁰. Поиски путей выхода из этого острейшего кризиса, предложенные Лениным, и сегодня могут служить основой бесстрашного диалектического анализа возникающих в советском обществе кризисных ситуаций, хотя были и тяжелейшие разочарования, и золотосные находки в теории и практике революции.

Вполне ясно, что после победы социалистической революции важнейшим средством регулирования всех общественных отношений становится политика. Диалектика связи экономики и политики такова, что полного соответствия их никогда не бывает. Можно начать и с политики, превратив ее в рычаги перестройки экономики. Отсюда известная формула Ленина о том, что политика не может не иметь первенства над экономикой. Общественная значимость и эффективность политики определяются умением вовремя заметить новые тенденции и зарождающиеся противоречия и выработать такую систему мер, которая могла бы ослабить

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 282.

влияние негативных процессов, дать простор силам, потенциально имеющимся в недрах общества.

С окончанием гражданской войны политика «военного коммунизма» зашла в тупик. Необходимость изменения политического курса осознавалась большинством как руководства, так и рядовых членов партии. Однако при этом одни считали, что для выхода из кризиса надо совершенствовать старую политику и с ее помощью «вводить» социализм, а другие, исходя из конкретного анализа сложившейся ситуации, предлагали новые пути.

Ныне, в условиях перестройки, необычайно возрос интерес к теории и практике нэпа. И в научных трудах, и в публицистике проводятся аналогии между современной политикой партии по обновлению социализма и опытом хозяйственно-экономического строительства начала 20-х годов. В плюрализме мнений по этому вопросу немало идеализаций, преувеличений, некорректных оценок. В обыденном сознании нэп нередко рисуется как безмятежная идиллия, когда «рай на земле» был установлен чуть ли не одним декретом. Есть и другие оценки. Жизнь показала, что опыт нэпа — это не забытая страница давно минувших событий; он отнюдь не утратил своего значения и сегодня.

Историческая дистанция, отделяющая нас от этого опыта, высветила его новые грани, позволила найти один из исходных пунктов для восстановления ленинской концепции социализма и методов его строительства. Именно поэтому встает задача строго научного анализа всего комплекса вопросов, связанных с зарождением, обоснованием и осуществлением новой экономической политики.

Известно, что в партии не было единства в понимании сущности нэпа. Отвергались или брались под сомнение возможности новой экономической политики как метода и как плана строительства социализма. Учитывая критическую ситуацию в стране, многие лидеры партии считали, что надо отступить немного назад, сделать уступку крестьянству. Нэп рассматривался главным образом с точки зрения тактики, а не долговременного стратегического курса, как некая передышка между двумя непосредственными штурмами капитализма — «военным коммунизмом» и началом пролетарских революций в других странах. Продолжительность но-

вого курса ставилась в зависимость от перспективы мировой революции на Западе. Господствовало мнение, что в ходе мировой революции отпадет надобность в нэпе, что у советского строя появятся возможности подлинного строительства социализма. Современная историография не утруждала себя анализом внешней политики партии, определяемой господствовавшей тогда концепцией мировой революции. И в этом вопросе в советской историографии появилось малопонятное стремление полностью замолчать и отбросить все лишние, неудобные факты и исторические события.

Характеризуя сущность нэпа, Ленин подчеркивал, что нормальные отношения должны быть таковы, чтобы пролетариат держал в своих руках крупную промышленность с ее продуктами и удовлетворял крестьянство, не только давая ему средства к жизни, но и облегчая его положение, делая его лучше, чем при капитализме. Это, подчеркивал Ленин, и только это создает базу нормального социалистического общества.

Облегчение, которое дает Советская власть крестьянину, обеспечивает необходимые условия для более культурного, эффективного хозяйствования. Мы не боимся, отмечал Ленин, что это мероприятие разовьет тенденции, враждебные коммунизму, а это, несомненно, будет. Но сила Советской власти, сила пролетариата, его руководящая роль таковы, что эти тенденции будут подавлены, а интерес крестьянства, его труд, его хозяйничанье будут служить строительству нового, социалистического общества. В таком духе трезвого учета этих отношений Ленин предлагал проявить полную готовность к пересмотру политики и даже видоизменению ее, ибо «мы в первый раз в истории в течение нескольких лет предприняли дело созидания основ социалистического общества, основ пролетарского государства»²¹. В основе решения этих задач лежало правильное отношение авангарда пролетариата к его массе и отношение пролетариата к крестьянству.

Нэп предполагал не только укрепление союза с крестьянством, но и временное допущение капиталистических элементов, свободу торговли, свободу частного предпринимательства. Стратегической целью этой политики было строительство социалистического общества,

²¹ Там же, т. 43, с. 120—121.

создание его материально-технической базы, эффективных производственных отношений, формирование более высокой морали и культуры.

Многими коммунистами введение нэпа переживалось не менее остро, чем подписание Брестского мира. Допущение капиталистических элементов в народном хозяйстве, свободного товарообмена рассматривалось как забвение революционных идеалов. Строить социализм, используя товарно-денежные отношения, конкуренцию, частную инициативу, иностранный капитал, казалось совершенно невыносимым. Резко отрицательную позицию в отношении нэпа как долговременной перспективы занимали Л. Д. Троцкий, Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, Е. А. Преображенский, Г. Я. Сокольников и многие другие видные деятели партии того времени. Очевидно, учитывая и эти настроения, Ленин подчеркивал, что нэп вводится всерьез и надолго. А это означало не просто смену тактики, а коренной поворот в идеологии построения социализма.

Под допущением элементов капитализма в те годы понимались не только разрешение частного предпринимательства, но и использование товарно-денежных отношений, хозрасчет, индивидуальная сдельщина и т. п. При сверхидеологизированном подходе к социально-экономической жизни даже элементы, имманентно присущие социализму, без которых он просто не может существовать, трактовались как враждебные его сущности. И в этом проявлялись черты своего времени, революционной эйфории. И хотя на практике эти элементы способствовали возрождению экономики и ее ускоренному развитию, стремление к их ликвидации не исчезало. В конце 20-х — начале 30-х годов попытку их устранения предпринял Сталин. Она удалась и нанесла огромный ущерб теории и практике социализма. Почему это стало реальностью, почему Сталину удалось провести эту линию под флагом продолжателя дела Ленина,— вот еще одно заросшее чертополохом, не вспаханное поле для историков партии.

Социализм строился в стране с преимущественно крестьянским населением. По догмам теоретиков II Интернационала, это было безнадежным делом. И мы не просто должны отвергнуть это как нелепость, а оценить всю теоретическую и практическую сложность строительства социализма в такой стране, как Россия. В нэпе,

в кооперации Ленин увидел единственный путь к достижению социалистических целей. Обоснование Лениным роли кооперации в строительстве социализма можно сравнить по его значению с величайшими теоретическими открытиями Маркса и Энгельса, обогатившими и углубившими научное понимание сущности социализма как свободного общества ассоциированных производителей. Учение о кооперации обосновывало возможность активного включения многомиллионных крестьянских масс в строительство социализма. По мысли Ленина, диктатура пролетариата выступала не только и не столько как насилие, а в первую очередь как организующее и сплачивающее общество начало, позволяющее превратить гражданскую войну в гражданский мир. Ленин был уверен, что 10—20 лет нормальных отношений с крестьянством дадут возможность построить основы социализма.

В ранних формах кооперации, развивавшейся под влиянием ленинских идей, а также в многочисленных проектах и предложениях по развитию этого способа сочетания личного и общественного интереса содержится немало уникального и ценного опыта, который мог бы быть использован и сегодня.

Проблема соотношения личного и общественного интереса — одна из сложнейших проблем в истории социалистической мысли. Примат личного начала над общественным всегда содержал опасность раскола общества, а стремление подчинить все индивидуальное коллективному приводило к нивелированию личности, к подавлению ее инициативы, а следовательно, и к торможению общественного прогресса. Эта проблема с особой остротой встала перед новым общественным строем. И Ленин впервые дал ее научное решение. Признавая мощную созидательную силу личного интереса, он в одной из своих последних работ, посвященных кооперации, писал: «...Теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов»²².

Ленинская концепция социализма, ориентированная

²² Там же, т. 45, с. 370.

на нэп, стала предметом острых и длительных внутрипартийных дискуссий. На первый план выдвинулись вопросы о возможности построения социализма в одной стране, о зависимости этого построения от мировой революции, о понимании сущности нэпа, ленинского плана кооперации и организационных основах партии на новом этапе развития.

Идейная борьба по этим вопросам оказалась тесно связанной с борьбой за лидерство в партии. Научное решение этой проблемы позволит по-новому подойти к освещению идейной борьбы в партии, поиску путей и методов социалистического строительства, более глубокому пониманию личностного момента в этих процессах. Личностный момент вопреки расхожему мнению не сводился к роли той или иной фигуры в структуре политической власти. Он определялся скорее позицией политических групп в руководстве партии. В данном случае речь шла и об оценке методов, и о путях политического управления страной, об организации дружной и коллективной работы руководящих органов партии. В этом смысле внутривнутрипартийная борьба в известной мере отражала стремление выполнить ленинский наказ о последовательной демократизации партии и государства. Чтобы восстановить всю правду о внутривнутрипартийной борьбе в 20—30-е годы, потребуется большая исследовательская работа.

К сожалению, историческая наука не располагает полнотой данных и их анализом о том, как же произошла смена старой партийной гвардии новым слоем лично преданных Сталину кадров, которые не имели ни достаточной культуры, ни знаний, ни партийной идейности и принципиальности. Еще меньшими данными мы располагаем о том социальном слое, который пришел к руководству партии во второй половине 30-х годов. Было бы очень важно знать не только их культурный и образовательный уровень, но и отправные моменты их партийной карьеры, их суждения о политике партии. Этот слой, составивший устойчивый контингент послушных и на все готовых исполнителей, предстает в литературе во многом также обезличенным.

Мы до сих пор не выполнили завета Ленина о необходимости строго объективного изучения всех документов каждой группы, принимавшей участие в идейной борьбе, анализа конкретных действий и пред-

ложений, которые они вносили в ходе борьбы, и методов их борьбы. Чтобы исключить произвольные оценки и односторонний подход к противоборствующим силам в партии, Ленин считал обязательным опрос каждого участника дискуссии.

Изучение этих документов — одна из очередных задач исторических исследований. Проблема здесь состоит в том, что в ходе острейших дискуссий колкие выпады, передержки и даже фальсификации допускались с обеих сторон. И поэтому уместно согласиться с изречением древних: «Пусть будет выслушана и другая сторона». Полагаться только на искренность большинства, одержавшего в дискуссиях верх, было бы по меньшей мере наивным. Позиция разбитого меньшинства излагалась в большинстве исторических работ по сталинской версии. Добросовестных попыток проанализировать хотя бы одну платформу оппозиции не было. Да иначе и быть не могло. Абсолютное большинство исследователей не только не читало, но и в глаза не видело критикуемых документов.

Источники изучения истории внутрипартийной борьбы не ограничиваются только архивными материалами. Важные факты и документы содержит и периодическая печать. При всей их широкой доступности интерес к ним исследователей, привыкших обходиться поиском иллюстраций к готовым решениям и выводам, весьма незначителен.

Особое место в истории внутрипартийной борьбы занимают решения X съезда партии. Как правило, из общей суммы решений берется только резолюция о единстве партии. Между тем для того чтобы правильно понять это решение, его надо рассматривать в комплексе со всеми другими резолюциями съезда, и в первую очередь с теми, которые приняты по докладам В. И. Ленина, с резолюцией о рабочей демократии.

Восстановление подлинной картины внутрипартийной борьбы требует всестороннего, конкретного исследования. Необходимо еще раз тщательно проверить на основании заслуживающих доверия документов факты фракционности, нарушения партийной этики и т. д. Вместе с тем нельзя оставлять вне внимания и методы борьбы большинства ЦК с «инакомыслием» в партии, переходившей нередко в преследование лиц, выступавших с критикой официальных партийных лидеров.

Самое предварительное изучение документов свидетельствует об отступлении в ходе идейной борьбы от ленинских принципов внутрипартийной жизни. Вместо сближения различных точек зрения, утверждения ленинского духа товарищества, лояльности, терпимости в партии насаждалась подозрительность, искусственно разжигалась неприязнь друг к другу, обострялись внутрипартийные отношения. Дело доходило до того, что любое выступление неугодной группы рассматривалось сначала как антипартийное, а спустя некоторое время и как антисоветское.

Сталин, широко используя для достижения своих целей лично подконтрольный ему партийный аппарат как центральных, так и местных органов партии, одерживал верх над своими оппонентами не убедительностью теоретических аргументов, а силой авторитарной, деспотической власти. Уже на самых ранних стадиях этой неравной борьбы Сталин использовал органы ОГПУ. Логическим завершением таких приемов политического руководства явился тоталитарный контроль над партией, государством и обществом, физическое уничтожение многих тысяч людей по сфабрикованным материалам. В последнее время в научный оборот введена масса нового материала, неизвестного ранее. Это дает основание для новых обобщений и выводов, которые ломают сложившиеся стереотипы в общей оценке итогов внутрипартийной борьбы. Часть исследователей, однако, по-прежнему опасливо сторонятся этой темы. Ограничиваться сейчас общей констатацией роли Сталина в борьбе с троцкизмом уже недостаточно, ибо возникает вопрос: как понимать, что именно в эти годы были попорчены ленинские принципы социалистической демократии, социалистического гуманизма, принижена творческая самостоятельность масс, произошли серьезные деформации в основах социалистического строя? Думается, что ответить на эти вопросы честно, искренне, принципиально помогут новые факты и их объективное научное осмысление, полное преодоление синдрома охранительных догм «Краткого курса», согласно которому суждения о частностях входят в понятие свободы творчества, а оценка целого является прерогативой вождя. Разумеется, партийные документы прошлого также нуждаются в критическом осмыслении в свете современного научного знания.

Исторические иллюзии — плохие помощники нашему движению вперед. Они вне дороги истины и правды. Это своего рода тупик.

Решения съездов, ЦК и ЦКК по вопросам оценки оппозиции (независимо от условий их принятия, состава участников, исторической обстановки) считались настолько незыблемыми, что сама мысль о возможности их объективного научного анализа рассматривалась как антипартийная деятельность со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Каковы же все-таки итоги и последствия этой борьбы, определившей на многие годы судьбы партии и социализма в нашей стране? Борьба против оппозиционных групп, выражавших свою точку зрения по различным проблемам партийной политики, велась Сталиным и его ближайшим окружением под флагом защиты ленинизма. Это обеспечивало ему поддержку членов партии, широких трудящихся масс. Но внутренние механизмы этой борьбы были скрыты от масс. Осуществляя безраздельный контроль над обществом и партией, Сталин использовал в этой борьбе и партийный аппарат, и средства массовой информации, и органы государственной безопасности. С их помощью в стране и в партии нагнеталась атмосфера истерии и подозрительности. Была создана всеохватывающая система идеологической обработки населения, особенно молодежи. Идейные разногласия искусно превращались в политические антагонизмы, а инакомыслящие — во врагов партии, государства, народа.

Под прессом различных приемов политического, идеологического и пропагандистского давления и репрессивных мер были «убеждены» сомневающиеся, сломлены несогласные в том, что только Сталин, только режим, созданный им, способны построить социализм и защитить его от посягательства внутренних и внешних врагов. И таким образом постепенно в массовом сознании, в сознании членов партии обрел прочность устойчивого предрассудка миф о нераздельности авторитарного режима и социализма. И все это бесстыдно оправдывалось ссылками на учение марксизма-ленинизма о роли личности в истории.

Какой исторический парадокс!

Неоправданный количественный рост партии во второй половине 20-х годов и последующие чистки сопро-

вождались снижением ее идейно-политического уровня, падением влияния того тонкого слоя старой партийной гвардии, о котором говорил Ленин. К тому же годы обостренной внутривнутрипартийной борьбы создали и в партии определенную обстановку, для которой были характерны нарастание бюрократизма, ограничение прав местных организаций, усиление роли партийного аппарата. Свертывание демократии, начатое якобы во имя борьбы с оппозицией, явилось тяжелым ударом по фундаментальным основам партии, Советской власти. В среде руководящего ядра оказались люди, не отличавшиеся высокой моралью, партийностью и принципиальностью, преданные не идее, не партии, а вождю. И не случайно часть из них пошла на злоупотребления властью и политические преступления.

Было бы неверным за драматическим ходом внутрипартийных столкновений не видеть реальных проблем, имевших большое теоретическое и практическое значение для строительства социализма. Среди них самый главный вопрос — о возможности победоносного социалистического строительства, о характере нэпа, об использовании его принципов в созидании нового общества, о политике партии в отношении крестьянства, об источниках социалистического накопления и т. п. Проблема здесь состоит в том, чтобы ввести в оборот новые документы, заново перечитать Ленина, более глубоко осмыслить теоретические взгляды и представления той или иной стороны в понимании ленинской концепции социализма и методов его строительства.

Готовых «чертежей» социализма не было ни у одной из противоборствующих групп. Но в исторической литературе даже после разоблачения культа личности Сталина на XX съезде КПСС считалась кощунственной сама мысль, что в неравном споре со Сталиным, монополизировавшим истину, хотя бы в чем-то могли быть правыми и противостоявшие ему в партии силы. Испытанный диалектико-материалистический метод анализа не действовал, поскольку возможности его применения находились в прокрустовом ложе фигур умолчания. И именно поэтому восстановление правды о перипетиях борьбы за социализм вновь стоит как очередная задача.

В общих чертах начальный период строительства социализма можно разделить на два этапа: 20-е годы,

когда делалась попытка осуществить переход к социализму на рельсах нэпа, и конец 20-х — начало 30-х годов, когда политика нэпа была свернута и стали применяться иные принципы, формы и методы строительства социализма, связанные с политическим курсом Сталина. Со всей очевидностью 1929 г. поистине стал годом «великого перелома», тем историческим рубежом, который обозначил трагический разрыв с фундаментальными гуманистическими и демократическими ценностями Октября, положил начало развитию и накоплению негативных тенденций и деформаций в новом общественном строе, утверждению в нем многих чуждых социализму явлений и процессов.

Как уже отмечалось, важнейшая особенность идеологии командно-административной системы состояла в искаженном, метафизическом понимании законов общественного развития. Этот приобретенный порок, порожденный волюнтаристским диктатом, сказался и на понимании сущности социализма. Сталинщина порывала не только с демократическими традициями, но и вела к обособлению социализма от достижений мировой науки и культуры, насаждала культ аскетизма, уравнительности, оправдывала примитивизм, не учитывающий реального многообразия, и возводила его в ранг государственной идеологии и политики.

Между тем переход к социализму — длительный этап. И завоевание политической власти, национализация важнейших средств производства, аграрные реформы, сплочение всех прогрессивных сил на основе социалистических ценностей и т. д. являются только началом на его длительном историческом пути. Не случайно, имея в виду процесс возникновения нового из старого, Маркс называл переходный период трудными и долгими муками родов. Ленин также подчеркивал, что «победить Колчака, Юденича, Деникина было много легче, чем победить старые мелкобуржуазные привычки, отношения, навыки, хозяйственные условия, отстаиваемые и воспроизводимые миллионами и миллионами мелких хозяев рядом с рабочими, вместе с ними, среди них»²³.

Сталин и его окружение, навязавшие обществу свои волюнтаристские представления о социализме, игнори-

²³ Там же, т. 40, с. 143.

ровали эти объективные трудности. Преобразование капиталистических общественных отношений в социалистические трактовалось ими односторонне, схематично. Они сводились к упрощенной трехчленной формуле: индустриализация, коллективизация, культурная революция. Такой узкий подход, предопределявший и понимание проблемы, и характер ее решения, существенно отличался от того понимания глубины и многообразия этих процессов, которое было свойственно Ленину. Индустриализация представлялась Сталину в первую очередь как чисто техническая задача создания социалистической промышленности, а коллективизация — как принудительное объединение крестьянских хозяйств по типу государственных предприятий, управляемых «сверху». Точно так же и культурная революция понималась в своей наиболее простейшей, утилитарной форме.

Представляется, что построение «основ» социализма мыслилось Сталиным как уничтожение — и в первую очередь физическое — эксплуататоров. В особенно широких и жестоких формах это проявилось в процессе сплошной коллективизации, «ликвидации кулачества как класса». Эта противоречащая сути марксизма и ничем не оправданная жестокость не только вытесняла гуманистические начала из общественной жизни, но и предопределила значение и роль личности в обществе как «винтика», как незначительную деталь общественного механизма, верховное управление которым является прерогативой только вождя.

Сам общественный строй в силу своей гуманистической ориентации стимулировал стремление людей к культуре, самовыражению, творческой активности. Однако свертывание демократии, ограничение личных свобод сдерживали проявление народной инициативы, прогресс общества. В обстановке массовых репрессий человек все более отчуждался от активной творческой деятельности. Достоинство личности, ее гражданские права, демократия, в идеале неотторжимые от социализма, становились в этот период его противоположностями.

Деятельная природа человека, заключенная в узкие рамки приказов, запретов, табуизированных догматов, не могла проявиться в виде той социальной активности, на которую возлагал надежды Ленин, когда писал, что

только с социализма начнется вовлечение всевозрастающей массы населения в процесс исторического творчества. В обществе, провозгласившем приоритет гуманистических ценностей, утверждались несвойственные ему по его социальной природе принципы конформизма, псевдоколлективности, казенной дисциплины, строжайшей иерархии и субординации всех сфер жизни. Отход от ленинской концепции социализма произошел по многим направлениям государственной и социальной политики, экономики и культуры. В качестве основной движущей силы общественного развития административно-командная система утвердила волюнтаристский диктат. В этой связи возникают вполне резонные, волнующие как широкую общественность, так и профессиональных историков, всех обществоведов вопросы: каким образом могла произойти столь разительная деформация исходных революционных принципов? Почему этот волюнтаризм в политике не получил достойного отпора? На какие силы в партии и обществе опирался Сталин?

В числе основных причин надо назвать употребление во зло таких выдающихся качеств народа, совершившего победоносную социалистическую революцию, как самоотверженность, стойкость, безграничная вера в торжество идеалов революции. Быстрота радикальных перемен не только в вопросе о государственной власти, но и в области экономики, культуры рождала уверенность в том, что все социальные преобразования можно осуществить в кратчайшие сроки, одним ударом покончить с социальной несправедливостью, эксплуатацией и отсталостью. Готовность идти ради великой цели на самопожертвование, огромное терпение, убежденность широких масс в том, что пример России всколыхнет весь мир и приведет к всеобщему социальному освобождению, искусно использовались Сталиным в борьбе с политическими противниками. Фарисейская эксплуатация им высоких нравственных качеств народа и его социальных идеалов использовалась в первую очередь для утверждения и укрепления режима личной власти. Марксистская фразеология была при этом лишь идеологическим камуфляжем. Оставляя в стороне вопрос о преданности Сталина революционной идее (кстати, личная мотивация деятельности революционеров, при всей ее огромной важ-

ности, у нас вообще никогда не рассматривалась), можно в свете исторических фактов политической биографии Сталина констатировать, что господствующим мотивом у него было стремление к утверждению личной власти, переросшей в бонапартизм. Этому способствовали такие известные черты его характера, как нетерпимость, нелояльность, грубость, подозрительность, интриганство.

Массы оказались восприимчивыми к идее вождя, его культуре. И причина этого не только в недостаточном уровне культуры, образованности широких слоев населения, в традициях, как это трактуется порой в исторической литературе. Это, на наш взгляд, объясняется и тем, что история выдвинула такого действительно пролетарского по духу и по своим личным качествам вождя, каким был Владимир Ильич Ленин. Деятельность Ленина была органически связана с жизнью народа, неотторжима от высоких идеалов социализма и демократии. Ленин был не только всецело предан революционной идее. Эта идея была смыслом его жизни. Стремление масс увидеть в его последователях те же черты, революционное бескорыстие, непоколебимую преданность социалистическим идеалам было вполне естественным. И со стороны вождей партии — Зиновьева, Троцкого, Сталина, Каменева — были сделаны попытки «примерить ленинские одежды». В выступлениях делегатов XIV съезда с болью и озабоченностью была отмечена эта тенденция. Пропаганда и средства массовой информации переносили ленинское величие, безмерное доверие масс к личности Ленина-вождя на фигуры, несоизмеримые с ним по своим личным качествам, человеческому достоинству и высоте ума. На волне этих настроений шло формирование общественного сознания. Пропагандистская шумиха заглушала нарастающие обороты репрессивного механизма, который создал Сталин в борьбе за утверждение своего антидемократического курса. Предстоит еще разобраться и в функционировании этого механизма, и в позиции руководящих работников партии, которые способствовали его созданию и бесперебойному действию. В том числе и тех, которые впоследствии стали жертвами сталинского террора. Иначе от одного «безоблачного образа» мы будем переходить к другому; ликвидируя одно «белое пятно», создавать новое. Задача истори-

ков — воспроизвести всю конкретную обстановку того времени во всей ее сложности и противоречивости.

Конец 20-х годов ознаменовался известным переломом в масштабах и темпах социалистического строительства. Поиски путей ускорения развития общества происходили в условиях практического свертывания нэпа и формирования новой политической линии в строительстве социалистической экономики. Потребность индустриализации страны, социалистических преобразований сельского хозяйства диктовалась необходимостью быстрого преодоления экономической отсталости, доставшейся от царской России. Довоенный уровень ко второй половине 20-х годов был достигнут. Задачи восстановления народного хозяйства были к этому времени в основном решены.

Жизнь требовала новых подходов и в области промышленности, и в области сельского хозяйства. Речь шла о структурной перестройке экономики, создании новых отраслей промышленности, о максимальных границах капитального строительства, темпах индустриализации и источниках ее финансирования. Фактор времени и масштабы преобразований были заданы не только внутренними обстоятельствами, но и внешними. Советский Союз оставался единственной социалистической страной в мире. И угроза капиталистической реставрации извне отнюдь не снималась.

В комплексе всех народнохозяйственных проблем центральное место занимала проблема развития сельского хозяйства. Особую остроту положение в сельском хозяйстве приобрело к концу 20-х годов в связи с наметившимися трудностями в обеспечении промышленности сырьем и населения продовольствием. В результате ошибок, допущенных в аграрной политике, упало производство зерна и других сельскохозяйственных культур. Соответственно сократились и поступления от сельского хозяйства на расширенную индустриализацию. Решения, принятые для выхода из создавшегося положения, носили главным образом не экономический, а административный характер. Хлебозаготовительная кампания 1928 г. сопровождалась применением чрезвычайных мер, ставших впоследствии правилом. Эти насильственные меры не принесли ожидаемых результатов, а, напротив, еще более обострили социально-экономическую ситуацию. В этих условиях возникла не-

обходимость поиска новых форм кооперирования крестьянства как пути решения аграрных проблем. Различными формами кооперации в это время было охвачено до 80% сельского населения. Однако удельный вес производственного кооперирования был низок. Преобладали снабженческо-сбытовые, кредитные формы кооперации. Решение аграрных проблем виделось на пути форсированного строительства крупных зерновых совхозов и значительного увеличения коллективных форм ведения сельского хозяйства. XVI партийная конференция (апрель 1929 г.) устанавливала довольно высокие границы плана производственного кооперирования крестьянских хозяйств страны. При этом предусматривалось и развитие остальной части индивидуального сектора сельского хозяйства. Эти меры, несмотря на высокие темпы их осуществления, в известной мере являлись продолжением ленинских идей кооперации.

Но к этому времени создалась такая обстановка, когда Сталин все меньше стал считаться с мнением членов ЦК, членов Политбюро. Игнорируя партийные решения, он самочинно формирует аграрную политику. В речи на Пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 г. он заявляет, что крестьянство «платит государству не только обычные налоги, прямые и косвенные, но оно еще переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары промышленности — это во-первых, и более или менее *недополучает* на ценах на сельскохозяйственные продукты — это во-вторых. Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъема индустрии, обслуживающей всю страну, в том числе крестьянство. Это есть нечто вроде «дани», нечто вроде сверхналога, который мы вынуждены брать временно». Вместе с тем Сталин предложил и впредь закупать у крестьян хлеб по ценам, не возмещающим затраты на его производство. Заниженные цены не только были ударом по качеству, но и подрывали основы всего крестьянского хозяйства. В ответ на низкие цены крестьяне отказывались продавать свою продукцию. Там, где не помогали чрезвычайные меры, применялась военная сила (в Аджарии, в Сибири, на Алтае).

В последующем этот разрыв между ленинскими представлениями о социализме и практическими формами и методами его осуществления еще более увели-

чился. «Сплошная» коллективизация, проводимая зачастую принудительными методами, ликвидация кулачества, захватившая своими репрессиями и значительную часть среднего крестьянства, привели к падению производительных сил в сельском хозяйстве, снижению уровня личного трудового участия в сельскохозяйственном производстве, к известной обезличке индивидуального трудового вклада, падению производительности труда. Форсирование темпов повлекло за собой серьезные социально-экономические деформации. Потребовались десятилетия, чтобы обрести возможность для реализации экономического потенциала, создаваемого коллективным хозяйством, для преодоления социально-психологических искривлений аграрной политики. Только сегодня мы переходим к эффективным формам организации сельского хозяйства, возрождая ленинскую идею о кооперации.

В апреле — мае 1929 г. был принят «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», план первой пятилетки (1928/29—1932/33 гг.). Им предусматривались гигантские шаги по пути индустриализации страны. Валовая продукция крупной промышленности должна была возрасти в 2,8 раза, а отраслей, производящих средства производства,— в 3,3 раза. Эти масштабные задачи были трудными, но выполнимыми. В составлении плана принимали участие крупные советские ученые, иностранные специалисты. Обоснованность этого плана не вызывала сомнений. Острую дискуссию в партии вызвал вопрос о взвинчивании темпов социалистических преобразований. Ее обычно связывают с позицией группы Н. И. Бухарина в ЦК в 1928—1929 гг. В литературе, как правило, упрекают Бухарина и его сторонников в том, что они противились высоким темпам. В действительности же и Бухарин, и Рыков, и Томский выступали за высокие темпы индустриализации. Но у них речь шла о соблюдении меры в определении разумного соотношения между потребностями и возможностями, о поддержании необходимых пропорций народного хозяйства в условиях высоких темпов его развития.

Возникал и такой чрезвычайно важный вопрос, как поиск дополнительных средств для форсирования индустриализации, которые де-факто уже извлекались за счет переобложения крестьянства, конфискации средств

производства даже у середняков. А это, в свою очередь, ставило под угрозу союз рабочего класса с крестьянством. Сама проблема источников социалистических средств накопления настолько сложна, что ее решение требует не только привлечения дополнительных материалов, но и объединенных усилий историков и экономистов.

Уже в первый год работы по пятилетнему плану по инициативе Сталина предпринимается пересмотр его основных показателей в сторону значительного увеличения. Сталин считал необходимым «подхлестывать» и «подгонять» страну. Устанавливались явно нереальные задания для важнейших отраслей промышленности. Развитие страны, казалось бы, ускорилося. Но политическое прожектерство вело к распылению средств, снижению отдачи от капиталовложений, к ненужным жертвам, к осложнению процесса строительства нового общества. В итоге задания первого пятилетнего плана были выполнены лишь спустя много лет после намеченных сроков. Система хозяйствования все более подчинялась диктату внеэкономических методов управления, основывающихся на неограниченной власти центральных органов. Функции центра были всепроникающими. Здесь принимались решения практически по всем вопросам. На заседаниях Политбюро распределялись не только фонды, материалы, но и практически вся производимая в стране продукция, включая керосин и гвозди.

Когда иные публицисты рассуждают о великом государственном уме и прозорливости Сталина, о его загадочном феномене, то позволительно им справедливости ради напомнить, что «феноменальные» способности Сталина довольно часто раскрывались в тех критических ситуациях, которые он сам и создавал.

На характер строящегося социализма наложили отпечаток и методы его строительства, определяемые также личными воззрениями и амбициями Сталина. Совершенно очевидно, что примененные им средства еще в большей степени деформировали поставленные партией цели. Игнорирование объективных экономических законов, интересов людей, командные методы управления не ограничивались только системой приказов, но включали в себя и репрессии, и принудительный труд. Стремление к достижению цели любой ценой, не под-

крепляемое материальными и моральными стимулами, не могло дать и не давало ожидаемых результатов. К тому же упор изначально был сделан на количественные показатели. Поэтому и механизм хозяйствования, подчиненный экстенсивному росту, оказался невосприимчив к научно-техническому прогрессу. Это привело к серьезным кризисным явлениям в конце 30-х — начале 40-х годов. Глубоко прав был академик В. С. Немчинов, который в 1964 г. писал: «Стихия волюнтаризма в условиях социализма может приводить к не менее серьезным последствиям, чем стихия конкуренции на Западе»²⁴.

Сталинская модель социализма по всем основным критериям разошлась с ленинским пониманием сущностных характеристик социалистического общества. Однако происшедшие деформации не смогли погасить импульсов Октябрьской революции, ослабить героизма народа, чувства любви к своей социалистической Родине. Стойкость советских людей питалась верой в торжество социализма и в годы первых пятилеток, и в ходе военных испытаний. Никакие трудности не смогли сломить их волю, надломить их душу, поколебать нравственные устои и политические идеалы. Народ, проливавший кровь за Советскую власть, видел и понимал, что не все идет так, как хотелось бы. Но вместе с тем он ждал восстановления ленинской правды, надеялся на перемены. Советские люди в своей массе не сомневались, были уверены в социалистической сущности политической власти. Пропагандистская машина, в свою очередь, активно влияла на сознание народа. То, что делалось, подавалось так умело, что значительные преувеличения принимались за правду. Ошибки и просчеты списывали на счет вредительства старых специалистов, происков врагов народа, отступников от линии партии, которые тоже объявлялись врагами народа. Для усиления правдоподобности таких версий в их число были занесены даже ближайшие сподвижники и друзья Ленина. В сознание масс внедрялась идея о пути к социализму, неизбежно сопряженном с тягостными лишениями, необычными трудностями, резкими ограничениями личной свободы, демократических норм партийной и государственной жизни. Концепция

²⁴ Методологические проблемы науки. М., 1964, с. 231.

Сталина об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма породила идеологию дегуманизации социализма и теоретического обоснования репрессий.

В ходе последующего развития административно-командная система существенных изменений не претерпела.

Сложившиеся социально-экономические и политические структуры характеризовались чрезмерной централизацией власти в руках государства и высших органов партии. В результате этих деформаций социалистическое общество лишалось эффективных внутренних источников развития.

Достигнутые успехи несомненны. Но они были завоеваны слишком высокой ценой, порой недопустимыми средствами. При сохранении ленинских принципов построения социализма эти успехи могли бы быть не только более весомыми, но и долговременными. И сам образ социализма был бы более привлекательным, и, следовательно, его воздействие на весь ход мирового развития могло бы быть более значительным.

Строительство социализма было делом рабочих, колхозников, интеллигенции. Они вложили в это строительство свой труд, вдохновение, героизм, необычайную выдержку и терпение. Прочность и устойчивость советского государственного строя обеспечивались всенародной поддержкой. Веру в конечное торжество социалистических идеалов, социальное равенство и справедливость не смогли поколебать ни нарушения законности, ни игнорирование многих социальных потребностей советских людей. В их сердцах еще звучал колокол Октября, и лучшие струны их душ настраивались на его лад.

Было бы непростительной и глубокой ошибкой забывать достигнутое советским народом. Но, высоко оценивая подвиг народа, который последовательно и беззаветно добивался осуществления на практике идеалов Октября, идеалов социализма, мы должны честно и откровенно сказать, что концепция социализма в ходе его строительства претерпела поразительную деформацию в сравнении с теми представлениями, которые обосновывал Ленин.

В изучении истории революционных преобразований, в определении этапов этих преобразований, в оценке их качественных характеристик возникает немало

теоретических и методологических проблем, которые не только слабо исследованы, но и даже научно не поставлены.

Для их решения, несомненно, требуются время и совместные усилия представителей различных отраслей обществоведения. В этой области, может быть, более, чем в какой-либо другой, необходим теоретический прорыв.

В предлагаемых сейчас решениях есть интересные мысли, неординарные теоретические подходы. Однако мы, к сожалению, сталкиваемся и со скоропалительными, не всегда достаточно продуманными выводами, которые к тому же излагаются в категорическом тоне, как «истины в последней инстанции». Эти крайние суждения связаны, как правило, с догматической приверженностью к стереотипам и часто не подкреплены даже ссылками на исторические документы.

С одной стороны, проявляется стремление при характеристике итогов строительства нового общества уйти от оценок тех деформаций, которые были нанесены социализму сталинской практикой, отклонений от курса к социализму, намеченного партией. Или, во всяком случае, оценить их как некое «упущение», «недоразумение», не оказавшее существенного влияния на характеристику построенного в нашей стране общества. В научных трудах, в публицистике справедливо отвергается эта далекая от науки, от марксизма позиция. Но вместе с тем проявляется и другая крайность в подходе к этой проблеме, когда делаются попытки уйти от характеристики общества, созданного советским народом после Октября, когда считают неправомерным видеть в нем черты социализма. В известной мере это объясняется растерянностью перед возникающими трудностями нынешнего дня, а также перед негативными фактами истории, которые с беспощадной откровенностью высветила перестройка.

Методологическая ошибка такого подхода, как нам кажется, заключается в одностороннем подходе к анализу и оценке сложных и противоречивых социально-экономических и политических явлений всего переходного периода, и особенно его итогов. Диалектический анализ целого как единства противоположностей, синтез неоднозначных социальных явлений с учетом всех связей и взаимозависимостей понимаются как эклек-

тика, механическое соединение фактов «одной стороны» с фактами «другой стороны». И как следствие этого раздаются призывы отказаться от всестороннего и объективного анализа действительности, от диалектического соединения противоположностей.

Одномерный, однолинейный подход в оценке сложных и неоднозначных социальных, экономических и политических явлений демонстрирует методологическую несостоятельность в изучении одной из ведущих проблем послеоктябрьской истории партии, ведет к субъективизму и односторонности.

Диалектика, подчеркивал Ленин, требует всестороннего учета соотношений в их конкретном развитии, а не выдергивания кусочка одного, кусочка другого. Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредования». Мы никогда не достигнем этого полностью, считал Ленин, но требование всесторонности предостерегает нас от ошибок и от омертвления. Диалектическая логика требует брать предмет в его развитии, изменении. «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь: (а) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»²⁵. И поэтому, рассматривая социализм в той форме, в которой он сложился в переходный период, на своей ранней стадии, надо иметь в виду и итоги социального, экономического, политического развития страны, и деформации, отклонения от ленинской концепции социализма, безусловно оказавшие влияние на характеристику и качественное состояние того общества, которое мы построили.

Грозным испытанием прочности советского строя явилась Великая Отечественная война. Весь ход исторического развития в 30-е годы в Европе показывал неизбежность военного конфликта нашей страны с капиталистическим миром. Народ не жалел никаких средств для повышения боеспособности своих вооруженных сил. Однако нападение фашистской Германии вскрыло грубейшие просчеты политического и стратегического характера, которые были допущены прежде всего Сталиным, сосредоточившим в своих руках необъятную власть. Волонтаризм Сталина привел к круп-

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 329.

ным ошибкам в использовании военно-экономических возможностей страны, модернизации армии и оснащении ее новейшим вооружением, подготовке командного состава армии. Репрессии военных кадров в 30-е, 40-е годы нанесли непоправимый ущерб боеспособности Советских Вооруженных Сил. Еще предстоит найти объяснение тому факту, что аресты крупных военачальников продолжались до июня 1941 г.

Имели место крупные ошибки в организации идеологической работы в то время, в результате которых был нанесен значительный ущерб морально-политическому воспитанию трудящихся в канун войны. На основе конкретного анализа предстоит выявить в комплексе все последствия для Советского Союза и международного коммунистического движения, вытекающие из подписанных представителями СССР и фашистской Германии дипломатических документов 1939—1940 гг.

Существенным недостатком советской исторической литературы было и остается освещение всенародной борьбы против фашизма преимущественно как истории военных действий и деятельности Верховного Главнокомандования. Подвиг народа на военном и трудовом фронте, в тылу врага освещался во многом формально. Замалчивались потери на фронте, высокая смертность в тылу, насилие в отношении целых народов. Все это не способствовало осознанию величия Победы и постижению во всей глубине исторического опыта партии в годы войны, раскрытию беспримерного единения партии и народа.

Не всегда доставало исторической правды в литературе о подвиге народа в восстановлении разрушенного войной хозяйства. Тяжелейшие последствия войны затронули все сферы общества. Но успешное преодоление этих трудностей показывалось упрощенно, а ожидания народа, связанные с Великой Победой и надеждами на лучшую жизнь, по существу, не анализировались. А тем самым в искаженном виде представлялась духовная жизнь этого тяжелейшего периода. Достигнутые успехи были трагически омрачены новой волной репрессий, крушением светлых надежд и ожиданий, что привело к духовно-нравственному перенапряжению общества.

К середине 50-х годов в стране резко обозначились кризисные тенденции. Они проявились в экономике,

внутренней и внешней политике, культуре, духовной сфере. Сельское хозяйство находилось в состоянии упадка. Безотрадная картина запустения в этой области народнохозяйственной жизни была со всей остротой раскрыта на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС. Не менее тяжелым было положение в промышленности. Административно-командная система, нацеленная на валовые показатели, подавление инициативы, уже не могла охватить растущее многообразие хозяйственных связей.

Сталинские догмы определяли и положение в международном коммунистическом движении, обрекая его на сектантство и пренебрежение теми глубочайшими изменениями, которые произошли как в развитых капиталистических, так и в развивающихся странах. Соотношение сил на мировой арене, угроза термоядерной войны, изнурительная гонка вооружений, таящая в себе опасность военных конфликтов, тяжкие последствия затянувшейся «холодной войны» требовали новых подходов к определению внешнеполитического курса Советского Союза.

Реалистическая оценка международной и внутренней обстановки была дана на XX съезде КПСС. Особое значение съезда состояло в том, что на нем были осуждены связанные с культом Сталина произвол и беззаконие, названы безвинные жертвы, намечены пути преодоления последствий культа личности. В этом отношении XX съезд КПСС имел историческое значение. Он знаменовал радикальный поворот в жизни партии и страны, открыв возможность для осуществления значительных социальных и политических реформ. Оздоровление морально-политической обстановки в стране раскрепостило дух народа, породило у него большие надежды. И хотя они в то время не во всем оправдались, но пробуждение духовных сил партии и народа, решительное и открытое осуждение культа Сталина, его политических преступлений имели серьезные последствия в дальнейшем. В целом значение съезда не может быть оценено однозначно. На нем были определены большие задачи в области сельского хозяйства и промышленного производства. После съезда были предприняты попытки радикальной перестройки системы управления, выработки нового хозяйственного механизма. Однако начатые инициативы быстро за-

глохли. Кардинальная перестройка хозяйственной системы оказалась подмененной формальной реорганизацией ведомств.

Хозяйственный механизм, таким образом, не обновился и продолжал работать по устаревшим нормам и правилам. Это привело к падению темпов промышленного производства. Его рост обеспечивался, по существу, за счет увеличения капитальных вложений, дававших все меньшую отдачу. Развитие научно-технического прогресса замедлилось.

Не выправилось положение в сельском хозяйстве. Заинтересованность рабочих, колхозников в производительном труде стала минимальной. Люди искали дополнительные источники для существования вне сферы общественного производства. Продолжавшийся разрыв между словом и делом отрицательно влиял на социальную активность людей.

Неэффективность и безрезультатность проводимых реформ состояли в их непоследовательности, внутренней противоречивости, организационной необеспеченности. Концепция общественного развития, хозяйственный механизм, методы управления остались старыми. В процесс общественных преобразований столь широкого масштаба не были вовлечены массы.

Программа действий, выдвинутая после XX съезда КПСС, не отличалась глубиной, а при ее реализации не хватило ни принципиальности, ни последовательности. По существу, ограничились лишь устранением «крайностей» сталинской командно-административной системы. Не было выдвинуто наукой концепции путей обновления общества, все более утверждались прожектерство и волюнтаризм, в том числе и в теории. Только этим можно объяснить вывод, сформулированный в начале 60-х годов в программном документе партии, — о реальной возможности построения в течение двух десятилетий коммунистического общества в нашей стране.

В конечном счете грандиозные планы оказались неосуществленными в результате разрыва между социалистическими целями и волюнтаристскими, чуждыми социализму средствами их достижения. Волюнтаризм не считался с реальными интересами людей, их материальными и духовными потребностями. Многократная, необоснованная перетряска управленческих

структур, перестановка кадров не только не давали позитивных результатов, но и выступали серьезным тормозом на пути дальнейшего развития социализма.

Новое руководство, пришедшее к управлению страной в 1964 г., не устранило причин, порождающих негативные процессы в социалистическом обществе. Оно не только не оправдало возлагавшихся на него поначалу надежд, но фактически пошло еще дальше в защите сложившихся устоев и порядков, сохраняя старые методы управления, механизмы политической власти и социального управления. Неспособное к творческому мышлению и обновлению, оно вызвало своими некомпетентными действиями застой во всех сферах общественной жизни. В обществе стали нарастать негативные тенденции, выразившиеся в эрозии нравственных устоев, социальном иждивенчестве, росте бюрократизма, коррупции и т. д.

Сохраняя за собой несвойственные ей административно-хозяйственные функции, партия, прежде всего в лице ее высших руководящих органов в центре и на местах, не нашла в себе сил пойти на радикальные экономические и политические реформы. И в государственных и в партийных органах сохранялась весьма сильная приверженность привычным формам политического руководства и управления. Упорное неприятие нового коренилось прежде всего в абсолютизации политической надстройки, изменение и развитие которой признавалось лишь в теории. Убежденность в исторической правоте социализма, привычные формулы о «скрытых» возможностях и резервах, представлявшиеся непритязательными социальными потребностями населения, огромный внутренний рынок и казавшиеся неисчерпаемыми природные ресурсы питали уверенность в правильности «испытанного», старого курса, которым партия и народ уже «пришли к социализму». Стала сдавать свои позиции и советская фундаментальная наука. Она оказалась чрезвычайно чувствительной к неблагоприятному социальному климату, который создавался в годы застоя. В этих условиях процесс бюрократизации захватил и науку, значительно снизив ее потенциал, что не могло не сказаться на глубине, масштабах и темпах научно-технического прогресса. Реальный механизм реализации «исторических» (в смысле всемирно-исторических, глобальных

связей, а не в смысле конкретно-исторического состояния общества) преимуществ социализма никем всерьез не рассматривался. Руководящая роль партии в обществе, в сущности, не подвергалась по-ленински глубокому объективному научному анализу.

Место партии в обществе, возрастание ее руководящей роли скорее постулировалось, чем доказывалось. В основе такого догматического подхода был тезис о «непогрешимости» партии, о ее способности решать все вопросы общественной жизни научно, в интересах народа, связь с которым, однако, на практике сводилась к формальным процедурам «одобрения» официального курса. Возможное и в этом случае выдавалось за действительное. Идеологическая догма о «непогрешимости» автоматически переносилась и на отдельных партийных руководителей. В обстановке насаждавшегося благодушия и нарастания кризисных явлений глобальные амбиции «пропаганды успеха» воспринимались и коммунистами, и беспартийными как злая ирония над здравым смыслом. В обществе росли раздражение и недовольство, формой проявления которых становилось пренебрежительное отношение к своим обязанностям, гражданскому долгу. Под влиянием негативных процессов, не получавших должной оценки партийного руководства, часть коммунистов рассматривала свои партийные обязанности как помеху на пути к реализации личных целей, как некий пережиток наивного, романтического сознания давно минувшей героической эпохи в истории партии.

* *
*

Авторы пытались наметить некоторые подходы к анализу исторического пути КПСС, опираясь на принципы и категории, выражаемые понятием новое мышление. Применение этих принципов к осмыслению истории партии потребует коллективных усилий не только историков, но и представителей других отраслей общественнознания. В истории сконцентрированы все наши достижения и просчеты. Вот почему сегодня общество столь внимательно обращается к своему прошлому.

История стала важным орудием партии в ходе пе-

рестройки. Обращение к истории, углубление исторических знаний продиктованы не только естественным интересом к прошлому, но и попыткой понять: что же брать на вооружение из нашей далекой и близкой истории, какие ценности, какие принципы в ходе социалистического строительства оправдали себя? Сама проблема обновления — идеологического, социального, экономического, политического — с неотвратимой неизбежностью ставит вопрос о глубоком и точном представлении того пути, которым шли наш народ, наша партия.

Многие другие проблемы встали перед историками в момент перестройки исторической науки. Одна из самых острейших, назревших и наболевших проблем — это выработка подлинно научной, подлинно ленинской концепции истории партии. Успешное ее решение будет определять движение нашей науки вперед.

Ни поток сенсационных фактов, ни рассуждения по поводу искажения истории, ни вполне естественные эмоции в связи с трагическими событиями в нашей истории не могут заменить концепционных решений. Они и будут той позитивной программой, которая определит место новых фактов в историческом процессе, даст анализ исторических явлений. Такая программа не только подготовит читателей к восприятию нового, к осмыслению исторических событий, не вызывая нигилистического отношения к прошлому, но и откроет пути к научной разработке новых направлений в истории партии, учитывая имеющиеся достижения советской историографии.

Создание научной истории партии неразрывно связано с теоретическим осмыслением всего исторического многообразия социалистической практики, особенно ее завершенных форм, когда социально-политические явления и процессы приобретают системное качество. В этом случае появляется возможность анализировать не отдельные элементы целого, а все целое с точки зрения его исторического развития. Вместе с тем рассмотрение практики социализма как общественной системы и роли партии в этой системе неизбежно предполагает анализ тех тенденций, которые утверждаются в противоборстве нового и старого.

«...Общество, идущее к своему качественно новому состоянию, нуждается в целостной концепции разви-

тия, видения диалектики процессов, противоречивости их отражения в массовом сознании, в учете плюрализма мнений, выработке научно обоснованных перспектив»²⁶ — эти строки доклада на XIX конференции КПСС призывают к творческому поиску, новаторству всех обществоведов. Создание подлинно научной истории Коммунистической партии — одна из приоритетных задач общественных наук в ходе перестройки.

Вопросы истории КПСС. 1988. № 9.
С. 3-18; № 10. С. 33-57.

²⁶ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 года. М., 1988, с. 25.

К вопросу о ленинской концепции социализма¹

Порой высказывается недовольство тем, что в наши дни слишком много пишут и говорят на исторические темы. Своеобразный бум интереса к прошлому, недавнему и далекому, особенно к истории советского периода, — отнюдь не мода и не каприз. Интерес этот настоятельно, можно сказать, неодолимо вызван глубинными запросами сегодняшней жизни, прежде всего потребностями обновления и перестройки социалистического общества. Столкнувшись с проявлениями предкризисного состояния, стагнации, застоя, каждый, кто обеспокоен судьбами страны, не может не задуматься об истоках этих явлений, не может не обратиться к истории.

И естественно также в этой связи наше обращение к В. И. Ленину, его идейно-теоретическому наследию. Как бы ни были сложны наши пути-дороги, как бы ни извращались ленинские заветы, Ленин всегда дорог советским людям, к нему обращались наши мысли, у него искали мы советы при решении жгучих вопросов, выдвигаемых жизнью.

Известно, что в партийные документы прочно вошла формула: цель перестройки — обеспечить новое качественное состояние советского общества, теоретически и практически полностью восстановить ленинскую концепцию социализма, приоритет человека труда с его идеалами, гуманистические ценности в экономике, социальных и политических отношениях, культуре.

Конечно, при этом возникают непростые вопросы:

¹ В основу настоящей публикации положен доклад директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Георгия Лукича Смирнова на «круглом столе» «Ленинская концепция социализма и современность», проведенном в рамках Всесоюзного семинара-совещания лекторов партийных комитетов и политорганов Вооруженных Сил СССР 26 сентября — 1 октября 1988 года.

если речь идет о восстановлении ленинской концепции социализма, то в чем же состояло отступление от нее? Какими же путями в таком случае развивалось советское общество в течение десятилетий? Какие же причины — объективного и субъективного порядка — привели к отклонению от ленинской концепции социализма? И, наконец, даст ли обращение к Ленину гарантию успешного решения накопившихся проблем? Известно, что кое-кто пытается на Ленина переложить ответственность за многие просчеты и драматические страницы нашей истории.

Разумеется, полностью раскрыть ленинскую концепцию социализма, ответить на все сложные вопросы в одной публикации невозможно. Но потребность в этом велика, дискуссии идут, и нам хотелось бы высказать свою точку зрения по этим проблемам.

Рассмотреть ленинскую концепцию социализма — значит дать характеристику основным элементам его представлений о социализме как системе, выявить ее ведущие идеи в развитии. В развитии, потому что ленинские представления о социализме отразили и унаследованное от К. Маркса, и накопленный при жизни Ленина опыт, прежде всего опыт созидания новых общественных отношений. Так, пришлось отказаться от ранних представлений о неизбежности замены при социализме товарно-денежного обращения прямым продуктообменом, признать обязательность товарно-денежных отношений, по-новому увидеть роль хозрасчета, кооперации, вместо всеобщего вооружения народа осознать необходимость создания регулярной армии социалистического государства. Хотя Ленин научно предсказал возможность победы социалистической революции в одной, отдельно взятой стране, он, как и его соратники, все же рассчитывал на развертывание мировой пролетарской революции. Поэтому первоначальные планы созидания нового общества выглядели в значительной мере иначе, чем те, по которым шло его строительство в действительности.

Обществоведы еще мало сделали, чтобы изучить эволюцию взглядов Ленина по вопросам теории социализма, показать то новое, что внес он в нее по сравнению с Марксом. Еще меньше исследовано изменение взглядов самого Ленина. Представление, что Ленин мог их менять, от чего-то отказываться, даже

ошибаться, считалось долгое время просто кощунственным. Между тем Ленин говорил в марте 1922 г. на XI съезде РКП(б), что «дело наше будет невероятно трудным, в котором будет, несомненно, ряд ошибок. Главное: надо трезво уметь смотреть, где такие ошибки допущены, и переделывать все сначала. Если не два, а даже много раз придется переделывать все сначала, то это покажет, что мы без предрассудков, трезвыми глазами подходим к нашей величайшей в мире задаче» (Полн. собр. соч., т. 45, с. 75—76).

Но ошибки ошибкам — рознь. Бывает, ошибки происходили и происходят из-за недостаточного учета всех обстоятельств жизни, интересов слоев и групп населения. Но Ленина беспокоила надвигавшаяся опасность, чреватая серьезными политическими последствиями. В декабре 1922 г. в письме к XII съезду партии Ленин пишет о необходимости ряда перемен в нашем политическом строе (см. там же, с. 343), говорит об устойчивости ЦК и прямо заявляет: «Под устойчивостью Центрального Комитета... я разумею меры против раскола» (там же, с. 344).

К сожалению, ленинские советы относительно перемещения Сталина с поста Генерального секретаря ЦК, его заветы, касающиеся развития партийной и государственной демократии, не были выполнены. За это в первую очередь несут ответственность члены тогдашнего Политбюро ЦК — Каменев, Зиновьев, Троцкий, Сталин и др. Тем самым было положено начало отступлениям от ленинского видения социализма, что привело затем к трагическим последствиям гигантских размеров.

Если отбросить в сторону различные нюансы в точках зрения, встречающихся в публицистических и научных материалах, посвященных нашей истории, то можно выделить по крайней мере два основных подхода к ее оценке.

Сторонники одного из них утверждают, что в результате огромных усилий партии и народа, несмотря на колоссальный ущерб, нанесенный делу социализма и авторитету партии репрессивной деятельностью Сталина, несмотря на серьезные деформации в экономическом и политическом строительстве, глубокие отступления от ленинских заветов, социализм в нашей стране был построен, хотя и с большими деформациями

и извращениями, которые привели в конце концов советское общество к застою, поставили его в предкризисное состояние. Разные авторы называют социализм по-разному: «ранним», «казарменным», «государственным», «деформированным» и т. д. Но они так или иначе признают факт создания реальных форм социалистических отношений, как говорят, общество с прочным фундаментом и надежными несущими конструкциями.

Другой подход выражается в утверждении, что никакого социализма в нашей стране нет. Более того, встречаются и суждения, что сделанный партией и народом в 1917 г. выбор оказался неправильным.

Видимо, нельзя просто отмахнуться от подобных мнений. Перед нами встает во всей своей жестокости и бессмысленности трагедия массовых сталинских репрессий по отношению к миллионам коммунистов и беспартийных. Нельзя не признать свертывание социалистической демократии, хроническое пренебрежение к социальным потребностям людей. Разве все это не может не породить горьких вопросов?

Более того, мы столкнулись с явлениями, которые вовсе не могли предвидеть, а именно — с явлениями отчуждения человека от общественной собственности («ничейная» собственность), от политики, идеологии. Казалось, наоборот, тот энтузиазм, который проявился в ходе строительства нового общества, свидетельствует о преодолении отчуждения. Но командно-административная система с разросшимся бюрократическим аппаратом во многом лишила трудящихся права на самостоятельность и инициативу в общественном творчестве, обрекла людей на пассивность и апатию. Это и стало общим фоном, на котором развились отвратительные явления коррупции, вседозволенности, вырождения. Все эти деформации отнюдь не прибавляют авторитета нашей стране.

Встает вопрос: кто же прав? В чем правда?

Исторический процесс многомерен, он базируется на разных социально-экономических укладах, захватывает десятки и сотни миллионов людей, следовательно, он никогда не бывает однороден. Поэтому нельзя подходить к оценке исторических форм и явлений с одномерных позиций, когда видят лишь позитивные или только негативные, драматические стороны. Как

бы ни были сильны авторитарно-бюрократические методы управления, определяющую роль в жизни советского общества сыграли социалистические преобразования, сильнейшее влияние идей Ленина, социализма, Октября. Стремление народа к социалистическому укладу, социальной справедливости, коллективности и интернационализму — вот что определяло и определяет облик нашего общества, придает ему силу и авторитет на мировой арене.

Иначе говоря, социализм утвердился и развивался в нашей стране и в устремлении масс, и в реальных общественных отношениях, хотя развитие шло неравномерно, подвергаясь и разрушительным воздействиям. Как выглядят под этим углом зрения некоторые черты нашего общества? При всех бюрократических деформациях оно тем не менее является обществом, в котором нет эксплуататорских классов; общественные богатства обращены на удовлетворение общественных интересов, подъем культуры народа. Хотя в распределении по труду имеется множество несовершенств, встречаются факты стихийного перераспределения доходов и даже подпольная (теневая) экономика, господствующее положение у нас занимает социалистический принцип распределения и социалистическое производство. Все это говорит о том, что в тяжелое, предкризисное состояние попало социалистическое общество и перестраивать нужно его, а не некую неизвестную реальность.

Посмотрим на этот же вопрос несколько шире. Если в Советском Союзе нет социалистического общества, то с таким же основанием можно сказать, что его нет в Венгрии, Чехословакии, ГДР и других странах, т. е. вообще не существует в мире. И получится, что нет мировой системы социализма. Но ведь именно эта система играла и продолжает играть гигантскую прогрессивную роль в мире, и социалистический строй продолжает выступать инициатором наиболее авторитетных, притягательных, гуманистических идей, оказывает благотворное воздействие на развитие мировой цивилизации. Значит, тот, кто утверждает, что в мире нет социализма, не только берет на себя огромную моральную ответственность, но и находится в глубоком конфликте с реальной действительностью.

Некоторые пишущие (и печатающиеся!) даже берут под сомнение наличие у Ленина концепции социализма.

Речь, очевидно, идет о том, стоит ли нам обращаться сейчас к Ленину, не лучше ли пойти каким-то своим особым путем. Конечно, Ленин осторожно относился к прогнозам, конкретным высказываниям на тему, каким в деталях будет будущее социалистическое общество. Но не кто иной, как Ленин, научно осмысливая практику своей страны, партии, высказал столько важных и фундаментальных положений о преобразованиях, охватывающих все основные стороны общественной жизни, пути и способы построения социализма. Это дает нам полное основание сказать: ленинская концепция социализма — реальность, она и ныне является ориентиром для нашей партии и других марксистско-ленинских партий. Разумеется, многое из современной действительности даже Ленину трудно было предвидеть, многие его практические советы были годны лишь для своего времени. Но разве это умаляет то главное, что составляло ленинское представление о социализме?!

И еще одно. Если, по утверждениям некоторых, не было концепции социализма у Ленина, то получается, что ее не было и у Маркса и Энгельса, ведь свое учение Ленин базировал именно на их учении. Согласно такой логике выходит, что вообще нет теории научного социализма.

Говоря о ленинской концепции, мы, конечно, не должны забывать, что она выступает в конечном итоге как идея построения социализма в одной, отдельно взятой стране. Перед Октябрьской революцией и даже во время революции Ленин и его соратники, исходя из учения Маркса и Энгельса, мыслили строительство социализма в России в сотрудничестве с победившим пролетариатом ряда развитых стран Европы. Это диктовалось, помимо иных соображений, сложностью предстоящих задач: впервые речь шла о ликвидации эксплуататорского строя, для чего нужны были усилия пролетариев многих развитых стран капитализма. К концу гражданской войны стало очевидно, что пролетарские революции на Западе оказались подавленными (не без участия буржуазных демократий) и строить социализм придется в одной стране, со средним уровнем развития капитализма, разоренной войной, в условиях враждебного капиталистического окружения.

Вопрос о возможности построения социализма в России становится главным вопросом дискуссий в 20-х

годах внутри партии. Убежденность Ленина в успехе такого строительства, а точнее, расчет Ленина, зиждется на ряде моментов: Россия являлась мировой державой с огромными природными ресурсами, в ней сформировался боевой рабочий класс, поддерживаемый крестьянскими массами. Во главе трудящихся масс страны стояла революционная партия нового типа. Надо полагать, что Владимир Ильич глубоко верил в гигантские возможности социалистического строя, неиссякаемый родник творческих сил народа, в его заинтересованность в социализме.

Отвечая своим оппонентам, в том числе и лидерам II Интернационала, которые отрицали возможность построения социализма в России, Ленин писал: «Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму?» (т. 45, с. 381). Это, конечно, полемическая фраза, она не охватывает всей ситуации, в ней не отражен тот факт, что в России существовали и объективные, и субъективные предпосылки для социалистических преобразований, которые можно было использовать в полной мере.

Следовало бы в связи с этим подчеркнуть, что в создание предпосылок цивилизованности, которые одновременно означали начало движения к социализму, для Ленина обязательно входила индустриализация Советской России, строительство современной промышленности и научной базы и перевод отсталого единоличного крестьянского хозяйства на рельсы кооперации, осуществление культурной революции, развитие социалистического самоуправления народа, укрепление федерации свободных наций.

Причина, в силу которой нам приходится восстанавливать ленинскую концепцию социализма, состоит в том, что она была глубоко извращена в теории и на практике Сталиным, а в ряде существенных моментов (сущность и роль социалистической демократии, кооперации и т. д.) просто отброшена.

Сам «великий вождь и учитель» публично никогда не

отказывался от идей социализма. Наоборот, громогласно и настойчиво представлял себя защитником строительства социализма в одной стране, постоянно ссылаясь на ленинские идеи. Но при этом он понимал социализм по-своему, упрощенно, схематически, догматически. Для Сталина было в высшей степени характерно расхождение между тем, что он говорил и что делал. Он выступал под знаменем Ленина, но шел в сторону от Ленина. Разумеется, еще предстоит исследовать характер отступлений Сталина от ленинизма, но сегодня очевидно, что извращение им ленинизма глубочайшее. Важно отметить еще одну, имевшую серьезные последствия для страны, особенность взглядов Сталина, а именно — понимание социализма как краткосрочной, промежуточной стадии между капитализмом и коммунизмом и стремление форсировать переход к коммунизму. Так, при определении задач второй пятилетки уже был выдвинут лозунг ликвидации классов в советском обществе, а на XVIII съезде партии в марте 1939 г. провозглашена идея перехода к коммунизму (см. Сталин И. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1947, с. 578—579). С новой силой вопрос о переходе к коммунизму прозвучал у Сталина в его брошюре «Экономические проблемы социализма в СССР».

Но главное, почему мы сейчас возвращаемся к ленинской концепции социализма, состоит в том, что она содержит в себе такие прогрессивные, отвечающие интересам трудящихся идеи, которые до сих пор не воплощены полностью или основательно извращены. Далее мы как раз и рассмотрим эти составляющие ленинской концепции социализма, как они нам представляются.

Для Ленина ключевым принципом всей философии марксизма было положение о том, что самоцелью коммунизма должно быть развитие человека. Естественно, что он мыслил решение этой задачи на основе достижения всей предшествующей культуры, подчеркивая преемственность идеи социализма с идеями просветительства и гуманизма. И всегда резко выступал против попыток представить марксизм как сектантскую, заговорщицкую теорию. Взгляды Ленина базируются на достигнутом еще Марксом и Энгельсом понимании того, что социализм вырастает из необходимости преодоления противоречий капиталистического общества, основанного на эксплуатации человека человеком. Социализм выступает не как прекраснодушная мечта, оторванная от реальной действ-

вительности, и не как навязываемая ей конструкция, призванная одарить человечество одинаковым для всех счастьем. Вместе с тем социализм мыслился не как результат механического действия железной необходимости, а как результат сознательной творческой деятельности и борьбы масс под руководством Коммунистической партии.

Все творчество и практическая деятельность Ленина убеждают нас, что в основе его концепции социализма лежат гуманизм и философия активности масс. Это и цель социалистического строительства, и средство осуществления его. Здесь не надо смешивать этакое стремление превратить человека лишь в средство достижения неких честолюбивых замыслов политиков или государственных целей с тем, что вне человеческой деятельности ничего достигнуто быть не может. В этом смысле человек сам, со своим умом, талантом, выступая как активная личность, выступает и как средство достижения целей. Будучи глубоким знатоком произведений Маркса, и прежде всего «Капитала», Ленин воспринял марксизм как учение гуманистическое, опирающееся на творческую активность масс. Он неоднократно подчеркивал, что социализм есть результат творческой деятельности и самодеятельности широчайших масс, что только с нового общества начинается подлинная активность миллионов трудящихся. Такова уж природа социализма: есть активность масс — общество развивается успешно, нет ее — наступает застой.

И какие бы стороны ленинизма мы ни брали, все они проникнуты заботой о развитии знаний, культуры трудящихся, буквально пропитаны вниманием, интересом к положению и поведению масс, повышению всех видов их самодеятельности.

Важно обратить внимание еще на одно положение Ленина, которое он сформулировал в работе «Проект программы нашей партии». Молодой Ленин тогда высказал глубоко гуманистическую мысль о том, что «с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата, — интересы всего рабочего движения в его целом выше интересов отдельного слоя рабочих или отдельных моментов движения» (т. 4, с. 220). Именно эта ленинская мысль легла в основу иерархии приоритетов в нынешних сложных международных и экологических условиях, послужила

фундаментом нового политического мышления, широко принята в мире не только среди прогрессивно настроенной части человечества, но и просто реалистически мыслящих людей.

В этой связи небезынтересно отметить то, как к этим вопросам относился Сталин, каким был его «гуманизм» на практике. Общеизвестно, что в своих теоретических высказываниях Сталин обходился без этого понятия. Что же касается активности масс, то он вместе с другими руководителями партии поднимал их на борьбу с царизмом и буржуазией до революции, на защиту социалистического Отечества в годы империалистической интервенции и гражданской войны. Разумеется, невозможно отрицать инициативы трудящихся во времена мирного строительства, в годы Великой Отечественной войны, в послевоенный период. На этой основе был заложен фундамент нового общественного строя и страна вышла на передовые рубежи экономического и технического развития.

Но, утвердив режим личной власти к концу 20-х годов, Сталин не только стал мало считаться со своим окружением, не только подменял Политбюро и ЦК, но пренебрежительно, высокомерно относился к самой идее политической активности масс. Отношение Сталина к человеку как к простому винтику в государственном механизме и было идейным источником деформации социализма. Вот почему сейчас нет более важной задачи, чем развитие целенаправленной активности масс во всех сферах общественной жизни.

В. И. Ленин, как и К. Маркс и Ф. Энгельс, понимал социализм как ассоциацию трудящихся, как общество, в котором осуществляется власть народа. Открытие Лениным Советов как органов самоуправления народа, осуществления широчайшего народовластия помогло новому обществу в нашей стране обрести адекватную форму политической власти. Ленин уделял огромное внимание организации деятельности Советов, используя их для активизации трудящихся масс. Он заботился о систематическом проведении выборов в Советы даже в условиях империалистической интервенции и гражданской войны, интересовался тем, сколь широко в них представлены рядовые трудящиеся. И это внимание Ленина к Советам, конечно же, помогало им стать органами управления народным хозяйством, культурой, социальными процессами.

В. И. Ленин много думал о том, каким образом железная централизация, которая была необходима, особенно в условиях империалистической интервенции и гражданской войны, могла сочетаться с постоянным учетом местных особенностей, с развитием местной инициативы и предприимчивости. При этом Ленин рассматривал бюрократизм как злейшего врага Советской власти, вел с ним непримиримую борьбу.

Иным было отношение Сталина к Советам, демократии вообще. С помощью «сталинской» Конституции 1936 г., под прикрытием ее словесной демократичности утвердился формализм в избирательной системе, и народные массы лишились практического участия в определении того, кто должен представлять их интересы в Советах.

Для Сталина власть, т. е. прежде всего личная власть, стала самоцелью и высшей ценностью. Опираясь на нее, он осуществлял не только крупные государственные, политические, экономические и иные акции, но и реализовывал свои желания, симпатии, капризы, осуществлял расправу с негодными людьми. Если для Ленина тончайший слой старой партийной гвардии был опорой в осуществлении социалистической политики, то для Сталина и его окружения он оказался помехой. Ленинские соратники стали нежелательными свидетелями извращения истории во имя прославления его личности. Отсюда — беспощадные репрессии по отношению именно к ленинской партийной гвардии, героям гражданской войны, многим тысячам коммунистов и беспартийных. Это было преступление перед партией, перед социализмом, перед народом.

От Сталина пошли кардинальные изменения в распределении функций Советов и партии, в их взаимоотношениях. В одном из своих выступлений Сталин назвал партию своего рода «орденом меченосцев» внутри государства. Созданный в 1924 г. журнал «Большевик» он рассматривал как крепость, из которой партия, ее ЦК будут обстреливать идеологических противников. Заметим, не сплавивать партию, не разъяснять теорию и политику, а «обстреливать». Когда же Сталин переходил к хозяйственным делам, он говорил, что партия должна заниматься всем хозяйством, например, делами сельского хозяйства, заниматься вплотную, в том числе пахотой, севом, уборкой. Многие знают это по собственному опы-

ту, по долголетней практике, которая начинает исчезать только в ходе перестройки.

В известном постановлении ЦК КПСС 1956 г. о преодолении культа личности и его последствий говорилось о том, что съезды, пленумы, Политбюро при Сталине практически перестали функционировать. Когда во главе нашей партии стоял Ленин, то, как известно, съезды созывались ежегодно в сложнейших условиях. Партия была молодая, происходило ее становление, и даже небольшой промежуток времени, насыщенный сложнейшими событиями, по замыслу Ленина нуждался в коллективном осмыслении. Сталин же органически не переносил коллективных обсуждений.

Еще одна черта ленинского представления о социализме связана с общественной собственностью на средства производства. В этой связи обычно указывают на то, что первоначально Ленин мыслил ее как единую государственную собственность. И это верно. Но когда победила социалистическая революция и на повестку дня встал вопрос о национализации средств производства, молодое государство рабочих и крестьян должно было решать задачу — как в условиях общественной собственности развивать инициативу и предприимчивость. Ленин понимал, что без этого не будет и высшей производительности труда. И первый кратковременный в декабре 1917 г. отпуск, который Ленин провел в Сестрорецке, он посвятил, в частности, написанию статьи «Как организовать соревнование?». Затем, в «Очередных задачах Советской власти» Ленин вновь возвращается к этим вопросам.

Когда кончилась гражданская война и вплотную встали проблемы замены продразверстки продналогом, Ленин уделил огромное внимание развитию тех экономических форм, которые позволили бы на базе общественной собственности на средства производства развить высокую хозяйственную активность. Восприняв идеи Маркса об отмене товарно-денежного обращения вместе с частной собственностью, о прямом распределении продуктов среди членов общества, Ленин под воздействием реального опыта вынужден был признать, что «без личной заинтересованности ни черта не выйдет» (т. 53, с. 269).

Важно иметь в виду, что позже он не мыслил общественную собственность только лишь как государственную.

Ленин подчеркивал огромные возможности кооперации в ее самых различных формах. Допуская возможность использования государственно-капиталистических, концессионных форм предприятий, иных методов хозяйствования, он стоял за развитие частнопредпринимательской деятельности и частной торговли. Таким образом, Ленин предпочитал большое разнообразие управления госпромышленностью — посредством синдикатов, трестов, требуя их самостоятельности, инициативы, предприимчивости, советовал учиться хозяйничать у капиталистов. Ленинские взгляды на развитие материальной заинтересованности, личной и коллективной, хозрасчета легли в основу построения системы управления промышленностью по принципу синдикатов. Все эти представления не имеют ничего общего с формами командно-административной системы, развившейся при Сталине.

Казалось бы, марксистам, ленинцам недопустимо было отождествлять общественную собственность навсегда с централизацией, с управлением из Москвы всем и вся. Мы тем не менее десятилетиями пытались осуществлять именно эту практически неосуществимую идею. Лежащие ныне в основе экономической реформы, ставшие жизненно необходимыми аренда, хозрасчет, самофинансирование, подряд и т. д. являются формами организации экономической активности трудовых коллективов, хозяйственных организаций, кооперативов.

Уместно напомнить ленинскую мысль, согласно которой монополистический капитал дает полнейшую материальную подготовку социализму. Над этой формулой обществоведы мало задумывались, хотя и нередко повторяли ее. В результате, отвергая частное владение, эксплуатацию, мы не всегда считали нужным, особенно когда обострилась «холодная война», искать, находить и применять то ценное, что создает в сфере организации производства государственно-монополистический капитализм. В результате мы в значительной степени оказались изолированными от мирового научно-технического прогресса.

Командно-административная система, созданная Сталиным, дала на первых порах определенный эффект. Опираясь на нее, партия и государство смогли сделать рывок, который вывел нас на первое место в Европе и на второе место в мире по промышленному производству. Но по мере усложнения хозяйства, всей общественной

жизни эти формы управления все больше стали себя изживать. И они-то и составили тот объективный фундамент механизма торможения, который привел страну к предкризисному состоянию. В результате отсутствия материальной заинтересованности наша промышленность буквально отталкивала новейшие достижения научно-технического прогресса. Перестройке приходится преодолевать административно-командную систему не только в промышленности. Сталин использовал ее и в политической сфере, распространил на отношения с крестьянством. И, наконец, командно-административная система сложилась таким образом, что она игнорировала во многих отношениях насущные интересы трудящихся.

Технократическая тенденция к непрерывному росту подразделения «А», наращиванию его мощностей без учета развития подразделений «Б», т. е. потребностей социальной инфраструктуры, привела к созданию и поддержанию затяжного дефицита во всех сферах, которые обслуживают элементарные, жизненно важные потребности трудящихся. Советское народное хозяйство попало в такую ситуацию, из которой не вышло еще и сейчас, и которая тормозит и экономическое, и социальное развитие общества, прежде всего достижение наивысшей производительности труда.

Главное то, что в таких условиях мы не смогли добиться эффективного решения важнейшей проблемы — повышения уровня материального благосостояния трудящихся, а это в конечном итоге привело к падению авторитета и престижа на мировой арене как реального социализма, так и ленинской концепции социализма.

Подобная ситуация сложилась и с реализацией основного принципа социализма: от каждого — по способностям, каждому — по труду, а следовательно, и с осуществлением принципа социальной справедливости. Ленин, как известно, воспринял от Маркса его представление о распределении в соответствии с количеством труда и пошел дальше: развил идею материальной зависимости оплаты труда от результатов хозяйствования.

В реализации ленинских заветов в этом отношении было сделано немало, но некоторые вопросы не решены: оплата труда оставалась не связанной с результатами деятельности коллектива, и рост производительности труда не обеспечивал достаточно быстрого повышения благосостояния народа. В области оплаты труда в про-

мышленности мы не пошли дальше индивидуальной сдельщины, а затем широкого развития премиальной оплаты, фактически оказавшейся незаработанной зарплатой. Произошел отрыв оплаты труда работника от конечных результатов деятельности трудового коллектива. Известна, например, поистине трагическая судьба Щекинского объединения, которое было новатором, прокладывая путь к новым формам оплаты труда. Но ведь примерно в таком же положении оказалось множество других предприятий. В стране практически действовала уравнительная система оплаты труда, особенно квалифицированного. Так, с 1957 г., т. е. более тридцати лет, заработная плата научных работников не повышалась, несмотря на то, что цены на многие товары и услуги значительно выросли.

Сегодня социальная сфера в центре внимания партии и правительства. На всех уровнях партийного и государственного руководства продолжают ныне дискуссии о путях решения тех или иных социальных вопросов, намечаются меры, целью которых является улучшение условий труда и жизни людей. Все зависит теперь от того, каким образом их осуществить, а достижение их возможно лишь на путях применения многообразной практики.

Социализм немыслим без приобщения трудящегося человека к достижениям культуры, без всестороннего развития личности. Именно так мыслил себе Ленин социализм. Он высоко ценил достижения человеческой культуры, мечтал о том времени, когда народные массы овладеют ими, и много сделал для практической организации этого процесса. Ленин заложил фундамент советской общеобразовательной школы, деятельность которой дала прекрасные результаты уже к 40-м годам и затем в послевоенный период. Однако ее последующее развитие связано с крупными провалами и промахами. Понимая классовый характер культуры в современном обществе, он видел, что сами ценности культуры нельзя жестко раскладывать лишь по чисто классовым «полочкам». Для него было ясно, что своим содержанием культура всегда отражает и общечеловеческие ценности, и классовые. Ленин проявлял большую терпимость к творческому поиску, но при этом всегда стоял на прочных позициях классового восприятия искусства.

Развитие культуры, всей духовной сферы общества было для Ленина не самоцелью, но средством и непре-

менным условием решения главной задачи — всестороннего развития способностей человека, каждой личности. Развития, которое должно было осуществляться в процессе практического созидания социалистического общества и одновременно быть одним из краеугольных камней этого общества!

Для Сталина же культура представлялась лишь унифицированной сферой социальной жизни. Он не признавал и не терпел никакой независимости деятелей культуры, многообразия форм ее выражения, состязательности и демократизма в духовной жизни. Жесткое противопоставление «нашей» и «их» культуры, искусственная изоляция культурной жизни страны от лучших достижений зарубежной культуры, диктат некомпетентных чиновников в этой области, наконец, жестокие репрессии в отношении деятелей литературы и искусства — все это нанесло огромный ущерб развитию культуры советского общества, замедлило и исказило осуществление ленинской идеи культурной революции.

Таким образом, если суммировать ленинское теоретическое наследие по проблемам социализма, то мы получим систему принципиально новых решений организации общества, его управления, а также экономики, политики, образа жизни людей. Многие ленинские представления о социализме необходимо воспринимать как задачу, как цель, которую еще надо осуществить. Дело в том, что мы, во многих отношениях отойдя от них, канонизировали этот отход и стали выдавать неленинские, по сути, решения за эталоны социалистического общества, за подлинно ленинские.

Означает ли все сказанное выше, что во взглядах Ленина не было представлений, не подтвержденных временем, что в трудах Ленина представление о социализме исчерпано? Разумеется, нет. В нынешних условиях интенсивного развития науки и техники, в современной сложной экологической ситуации, когда над человечеством нависла угроза термоядерной войны, многие представления меняются, уточняются. Это обязывает партию, ученых-обществоведов, науку в целом искать новые пути развития теории социализма.

Опираясь на ленинскую концепцию социализма, на опыт, накопленный нами, другими странами социализма, на достижения всего человечества, М. С. Горбачев на XIX партконференции сформулировал ряд концептуаль-

ных характеристик социализма, отвечающих современным реальностям: «Социализм мы видим как строй подлинного, реального гуманизма, при котором человек на деле выступает «мерой всех вещей». Все развитие общества, начиная с его экономики и кончая духовно-идеологической сферой, направлено на удовлетворение потребностей человека, на его всестороннее развитие».

Социализм видится как строй эффективной и динамичной экономики, непосредственно подчиненной удовлетворению потребностей общества, гибко приспосабливающейся к ним. Основой такой экономики выступают разнообразные формы общественной и личной собственности, организации производства, при которых трудящиеся реально выступают как его хозяева, обеспечивается прямая связь заработка с результатами труда. Плановое управление экономикой исходит из органичного сочетания роли центра при решении структурных вопросов с широкой самостоятельностью производственных единиц как товаропроизводителей, действующих на началах хозрасчета и самостоятельности и работающих на рынок.

Социализм — строй социальной справедливости, сочетающий социальные гарантии жизненно важных потребностей человека в труде, в охране здоровья, образовании, жилье, социальном обеспечении с последовательным проведением принципа распределения по труду, искоренением любых форм уравнительности и социального паразитизма. Это — строй высокой культуры и морали. В понятие высокой культуры включается и экологическая культура общества, бережное, разумное отношение к природным условиям жизни и производственной деятельности людей, сохранение и приумножение природных богатств.

Социализм означает подлинное народовластие, при котором всем трудящимся обеспечивается полная возможность для выражения своих потребностей и интересов, участие в управлении общественными процессами, преодолевается отчуждение человека от власти. Это — общество социалистического самоуправления народа, глубокого и последовательного демократизма в управлении экономикой, социальными процессами, общество законности, открытости и гласности.

Социализм видится как строй подлинного равенства всех наций и народностей, их социального, духовного расцвета и взаимообогащения, где нет места любым про-

явлениям межнациональной розни, националистическим и шовинистическим предрассудкам, где торжествуют интернационализм и братство народов.

Социализму органически присуще стремление к миру, к укреплению сотрудничества и взаимодействия с братскими социалистическими странами, налаживанию нормальных, цивилизованных отношений между всеми народами и государствами на основе демократических принципов равноправия, невмешательства в дела друг друга, признания суверенного права народов самим определять свою судьбу.

Именно такой демократический, гуманный облик социализма имеет в виду КПСС, говоря о качественно новом состоянии нашего общества как важной ступени в движении к коммунизму.

Политическое образование. 1989. № 1.
С. 12—21.

Исторический процесс многомерен

Правда истории, выплеснувшаяся за последние месяцы на страницы газет и журналов, заполнившая эфир и экраны телевизоров, лекции и беседы в больших и малых аудиториях, ошеломила, потрясла многих. Факты о сталинских беззакониях, об ошибках, самоуправстве Н. С. Хрущева, безразличии к нуждам страны, попустительстве казнокрадам, взяточникам, дельцам со стороны Л. И. Брежнева, факты бесхозяйственности, бюрократического всевластия, коррупции никого не могут оставить равнодушным. Вскрытие гнойников прошлого делается — и это очевидно — для уничтожения гнойников, сохранившихся в настоящем, для того чтобы пресечь их появление в будущем.

Но констатация правды, сколь она ни необходима, составляет лишь полдела. Нужно объяснение причин того, почему наша советская история оказалась заполненной драматическими и трагическими, серыми и грязными страницами. Нужны, вероятно, новые концепционные подходы.

В 1987—1988 гг., ознаменовавшихся небывалым ростом общественного интереса к истории, появилось множество журнальных и газетных публикаций, посвященных истории КПСС и истории советского общества. Введены в научный оборот многие новые факты, цифры, биографические данные о находившихся ранее в «запретной зоне» деятелях партии.

В этих публикациях наряду с некоторыми правильными наблюдениями, соображениями, оценками заметны преобладание эмоционального подхода, односторонность выводов, имеются и грубые фактические ошибки. Так или иначе, можно констатировать, что в них отражается определенная концепция истории КПСС и советского общества. Эта концепция, несмотря на многообразие вариантов, формулировок, может быть сведена к следующим основным положениям.

В 1928—1929 гг. Сталин совершил контрреволюционный переворот (считает, например, А. А. Нуйкин¹). В результате, как явствует из статьи А. П. Бутенко, «рабочий класс был оттеснен от политической власти, которая была узурпирована И. Сталиным и его окружением, ...средства производства, превращенные в государственную собственность, были отчуждены от рабочего класса, оказавшегося совершенно непричастным к непосредственному управлению этими средствами производства»². Н. П. Попов пишет, что Сталин «создал идеальное тоталитарное государство»³. Восторжествовали, утверждает М. П. Капустин, «деспотический тоталитарный режим, тирания, кровавый террор»⁴. «В результате образуется отрицание в принципе культуры и цивилизации...»⁵. И возникает «несомненно исторически новая социально-экономическая формация»⁶, или, как он же неопределенно поясняет, «полуфеодальный», «а порой и просто феодальный» социализм⁷.

Эта, как мы видим, достаточно определенная концепция в нынешнем виде вызывает множество вопросов, содержит немало противоречий, теоретической и конкретно-исторической путаницы.

Если облик созданного в 30-е годы общества таков, каким он вырисовывается в указанных статьях, то можно ли его вообще называть социализмом? Возникает и главный, коренной вопрос — в каком государстве, в каком обществе мы живем сейчас?

Если в несоциалистическом, то что означает тогда лозунг «Больше социализма»? Как может быть «больше социализма», если его вовсе нет? Если же мы живем в социалистическом обществе, то откуда взялся социализм, после того как Сталин его ликвидировал? Что

¹ См. Новый мир, 1988, № 1, с. 205. Иные авторы, не задумываясь о хронологии, пишут, что утверждение «грубого», «казарменного коммунизма» произошло «после смерти Ленина». (См. М. П. Капустин. От какого наследства мы отказываемся? — Октябрь, 1988, № 5, с. 151).

² Наука и жизнь, 1988, № 4, с. 47. Эти взгляды А. П. Бутенко развивает также в своем письме в редакцию журнала «Вопросы истории КПСС» (см. № 7 за 1988 г.).

³ Советская культура, 26 апреля 1988 г., с. 3.

⁴ Октябрь, 1988, № 4, с. 188.

⁵ Октябрь, 1988, № 5, с. 151.

⁶ Октябрь, 1988, № 4, с. 189.

⁷ См. Октябрь, 1988, № 5, с. 152.

или кто возвратил народу социализм? Смерть Сталина? «Великое десятилетие» Хрущева? Брежневские застойные времена? Нетрудно заметить, что вопрос исторический перерастает в вопрос политический, в коренной вопрос нашей жизни.

Большинство авторов уходит от ответа. Но элементарная логика подводит к нему. Правда, кое-кто более определенно, чем другие, отвечает, что социализма «вообще после Ленина не было по крайней мере до апреля 1985 года»⁸. Конъюнктурно простодушная мысль автора (социализм, не существовавший с 1924 г., возвращен к жизни через 60 лет решениями одного пленума ЦК) вряд ли может считаться научно обоснованной. Лишь Ю. Н. Афанасьев доводит мысль об отсутствии социализма до наших дней. Последствия длительного господства, пишет он, системы бесчеловечного казарменного «социализма» не изжиты «в своей подоснове (?) по сей день»⁹.

Среди других вопросов, которые рождает изложенная выше концепция, — вопрос о героях нашей истории. Если судить по М. П. Капустину, то наше общество являло «массу, обработанную в единый монолит, — все на одно лицо»¹⁰. В таком случае как можно персонафицировать деятелей партии, героев войны и труда, деятелей литературы, науки, искусства? Значит, «все на одно лицо» — Г. К. Жуков и Н. Г. Кузнецов, Е. Д. Стасова и О. В. Куусинен, М. А. Шолохов и И. Г. Эренбург, Н. А. Изотов и А. Г. Стаханов, Л. Д. Ландау и И. В. Курчатов?

По этим вопросам, касающимся оценок путей и форм строительства социализма, его побед и поражений, вероятно, состоится множество дискуссий, будет сломано, думаю, немало копий, будут написаны тысячи томов. Ибо речь идет о величайшем в истории социально-экономическом и общественно-политическом эксперименте, о пробах, опытах, имеющих в конечном счете значение для всех стран.

Множественность взглядов, естественно, не только возможна, но и необходима. Однако же концепции развития нашего общества, даже в условиях социалисти-

⁸ Цит. по: Октябрь, 1988, № 4, с. 189.

⁹ Правда, 26 июля 1988 г.

¹⁰ Октябрь, 1988, № 5, с. 154.

ческого плюрализма, вряд ли могут быть противоположными. Между тем из суммы разноречивых мнений уже сегодня можно выделить две основные схемы развития нашего общества, поляризующиеся по признакам, о которых говорилось выше. Правда, при всем различии оценок их объединяет, роднит однозначность, одномерность понимания исторического процесса. А он, процесс, как мы постараемся показать дальше, оказался в своем поразительном своеобразии многомерным, многослойным, диалектически противоречивым.

Схема, базирующаяся на идее установления царства ужаса и бесчеловечности, в котором народ был придавлен и запуган, не вмещает в свои рамки многие несомненно исторические явления и события, входит с ними в противоречие.

«Сталин со своим окружением узурпировал власть...» А что значит «окружение» Сталина? Ответ совсем не так прост. Да, в окружение входили (на переломе 20-х и 30-х годов) беспринципные, но верные его соратники типа В. М. Молотова и Л. М. Кагановича. Среди сталинского окружения были и такие неоднозначные фигуры, как К. Е. Ворошилов и М. И. Калинин. Но надо учесть, что слова «сталинское окружение» вовсе не идентичны (для того времени) понятию «руководство партии». Хотя Сталин убрал из руководства к началу 30-х годов не только Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева, но и Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, М. П. Томского, на руководящих постах оставались сотни крупных честных деятелей, и они поддержали тогда Сталина. Среди них были славные герои — С. М. Киров и Г. К. Орджоникидзе, процветавший во все времена А. И. Микоян и переживший «великого вождя» Г. И. Петровский. В руководстве партии были загубленные позднее ежовско-бериевскими палачами К. Я. Бауман, А. С. Бубнов, И. М. Варейкис, Ф. И. Голощекин, С. В. Косиор, Н. В. Крыленко, В. И. Межлаук, П. П. Постышев, И. А. Пятницкий, Я. Э. Рудзутак, А. П. Смирнов, С. И. Сырцов, Д. Е. Сулимов, В. Я. Чубарь, Я. А. Яковлев и др. А разве не поддержали Сталина руководящие военные деятели, многие из которых были членами или кандидатами в члены ЦК (Я. Б. Гамарник, А. И. Егоров, М. Н. Тухачевский, В. К. Блюхер, И. П. Уборевич, И. Э. Якир)? Все это цвет партии и народа. Или они, поддерживая Сталина, ничего не ведали о происходя-

щем, или же были обмануты им, поддались его «обаянию»? Или были уже тогда запуганы и подавлены? Вряд ли на эти вопросы можно ответить утвердительно. А коли так, значит, люди, составлявшие цвет, честь, ум и совесть партии, либо участвовали прямо или косвенно в контрреволюционном перевороте, либо такого переворота не было.

Мне представляется более разумной и близкой к истине формулировка А. М. Борщаговского: «Установление Сталиным режима личной власти на исходе 20-х годов — акт, враждебный социализму»¹¹. Да, нараставшее постепенно, из года в год, из месяца в месяц укрепление единоличной власти Сталина, оказавшееся необратимым, нанесло непоправимый ущерб социализму. Но большинство видных деятелей того времени не заметили именно момент качественного изменения ситуации, после которого общепризнанный лидер стал диктатором с неограниченной властью и получил возможность круто расправляться со своими оппонентами. Когда же некоторые из них поняли суть перемен, они эту власть ограничить уже были не в состоянии. Иными словами, они не смогли, не сумели представить всю глубину трагических последствий усиления власти Сталина для каждого из них, для партии и для страны в целом.

Можно предположить, что до определенного момента они не видели вреда в отождествлении Сталина с идеями социализма, а когда увидели — было поздно. Более того, они сами способствовали внедрению в народное сознание такого отождествления.

Иными словами: укрепление власти Сталина, оказавшееся в конечном счете пагубным, происходило постепенно, оно опиралось на поддержку руководящего ядра партии, сопровождалось широко и умело поставленной пропагандой, которая внедряла в умы советских людей тезис о том, что Сталин — это социализм, а социализм — это Сталин.

В рамки концепционной схемы о советском обществе 30-х годов как царстве ужаса, беззакония, отчуждения рабочих от средств производства, превращения всего населения в подневольных рабов не укладываются бесспорные факты трудового и полити-

¹¹ Московские новости, 1988, № 17, с. 3.

ческого энтузиазма значительной части населения СССР. Нельзя опровергнуть, что в конце 20-х и в 30-е годы передовые рабочие, а также выросшая за эти годы (и в большинстве своем вышедшая из народных низов) интеллигенция в искреннем порыве боролись за выполнение пятилеток, повышение производительности труда. Было здесь уже и тогда немало парадности и показухи, но невозможно отрицать размах, массовость соревнования, ударничества, стахановского движения.

подавляющее большинство народа искренне, одобрительно встретило принятие новой Конституции (1936 г.), первые выборы в Верховный Совет СССР (1937 г.), республиканские и местные Советы (1938 г., 1939 г.). Нельзя отрицать тот неподдельный энтузиазм, какой вызывали такие события, как спасение челюскинцев, папанинская эпопея, полеты В. П. Чкалова и М. М. Громова, В. К. Коккинаки и В. П. Гризодубовой. Они воспринимались народом не просто как проявление героизма отдельных лиц, а символизировали мужество и коллективизм всего общества, силу и справедливость советского строя. Неверно было бы рассматривать все эти проявления народной активности и народных настроений как камуфляж, как отвлекающие маневры деспотической власти.

В схему «царства беззакония» не укладывается и факт величайшей самоотверженности, проявленной большинством народа во время войны против фашистской Германии. Конечно, правильно утверждение, что война была выиграна, несмотря на ошибки и просчеты Сталина. Конечно (это сейчас уже аксиома), чудовищные репрессии против кадров, в том числе военных, ослабили страну и армию, во многом явились причиной неудач и поражений, особенно в начале войны.

Но неизбежно встает вопрос: в чем же причина мужества, стойкости, верности долгу, проявленных в окопах Сталинграда и у мартеновских печей, в партизанских отрядах и на крестьянском поле? Простой и самый распространенный ответ таков: мы сражались за Родину. Да, конечно, это так. Но понятие Родины отнюдь не однозначно, оно не сводится только к родному дому, и для людей разных национальностей — русских, которые составляли немногим больше

половины населения, и нерусских — это понятие вызывает разные ассоциации. Представители всех народов страны защищали не просто родную землю, а социалистическую Родину. Именно она стала общим домом для всех народов. Именно Советская власть породила «чувство семьи единой». Но если социализм был только «царством беззакония», то как же люди могли столь беззаветно защищать его? Ведь речь шла не о поднятии рук на собрании, а о собственной жизни. И почему в войне 1914—1917 гг. идея Родины не воодушевляла миллионы солдат и рабочих, хотя война и тогда шла не за морями и враг — немецкий империализм — и тогда топтал нашу землю?

И уж совсем бесспорно, что победа в Великой Отечественной войне укрепила в народе веру в силу нашего строя, в огромный потенциал социализма.

Еще одно обстоятельство, которое не укладывается в рамки схемы «казарменного социализма» и которое авторы этой схемы обходят.

Сталин и социализм несовместимы. Это очевидно. Сталин извратил суть социализма, нарушил его принципы, творил преступления. Но что произошло с социализмом после Сталина? Почему Н. С. Хрущев, первым поднявший завесу над сталинскими деяниями, начавший демократизацию общества, погряз в волюнтаристских ошибках? Почему Л. И. Брежнев за 18 лет своего пребывания у власти привел социалистическое общество к предкризисному состоянию? Возникает мысль о том, что существовали и существуют какие-то объективные факторы, мешающие развитию социализма, ведущие к его деформациям.

Если принять тезис о практической ликвидации социализма в 30-е годы, то каким образом в создавшихся условиях передавались эстафета Октября или фундаментальные ценности социализма, о которых мы говорим, которыми гордимся? Как, в каком виде они смогли остаться?

Сторонники этой концепции умалчивают о роли партии в «идеальном тоталитарном государстве», которое-де сложилось у нас при Сталине. Но по их логике получается: в таком государстве партия не могла быть ничем иным, кроме как инструментом для укрепления власти вождя, а ее члены, равно как и члены работавших под руководством партии проф-

союзов и комсомола — винтиками этого инструмента. У большинства авторов партия не упоминается вовсе. Партия в этих статьях остается лишь как арена борьбы за лидерство. Что же тогда позволило сохранить преемственность социалистических идей, что явилось базой для зарождения идей революционного обновления в наши дни?

О. Р. Лацис, автор одной из немногих по-настоящему глубоких и аналитических статей, посвященных концу 20-х — началу 30-х годов, считает, что партия была разгромлена. Но «Сталин не мог ограничиться разгромом партии»¹², он «нарушил коренные интересы обоих трудящихся классов в целом»¹³. В то же время О. Р. Лацис делает общий вывод: «Бонапартистский поворот в условиях социалистической революции не разрушил революционное государство, хотя и ослабил его»¹⁴. Этот вывод, сам по себе правильный, не согласуется с предыдущими положениями. Как же могло существовать революционное государство, если разгромлена партия — душа и главная сила этого государства?

Итак, мы видим, что концепция «бесчеловечного социализма», «царства страха и крови» не может в должной мере объяснить многие важнейшие факты и явления нашей истории. Она слишком схематична, не отражает всего богатства и многообразия, всей диалектики исторического процесса.

При этом сторонники названной концепции не вскрывают причин происшедшего. Бесчисленные заявления о коварстве, патологической жестокости, самодурстве Сталина и общие фразы о могуществе административно-приказной системы не позволяют понять, почему же *такое* могло произойти и произошло в нашей стране. Не раскрывается принципиальное положение, сформулированное на XIX Всесоюзной конференции КПСС: «...Почему КПСС... не сумела воспрепятствовать процессам деформации социализма, связанным с культом личности Сталина?» Почему и как произошли «определенные деформации в самой партии, в содержании ее деятельности и связях с трудящимися, приведшие к

¹² Знамя, 1988, № 6, с. 172—173.

¹³ Там же, с. 175.

¹⁴ Там же, с. 178.

утрате многих демократических большевистских традиций, которые были ей присущи изначально, закладывались многолетними усилиями Ленина и его соратников?»¹⁵

Лишь О. Р. Лацис делает интересную и убедительную попытку объяснить причины возникновения культа личности Сталина мелкобуржуазностью населения страны, слабостью старого рабочего класса, интересами быстро выросшего в начале 30-х годов нового рабочего класса¹⁶.

Однако и старая, традиционная концепция¹⁷ нуждается в коренном пересмотре, хотя для этого требуется критический подход к решениям ряда съездов и конференций КПСС, другим партийным документам того времени. Естественно, что сейчас, с более значительной исторической дистанции, мы можем шире и глубже судить о социализме. Мы можем — и обязаны — пересмотреть сложившиеся представления о социализме, которых мы придерживались еще совсем недавно. Да, в свете революционных свершений перестройки, начатой после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, мы видим иначе, понимаем лучше. Современное понимание социализма, сформулированное на XIX партийной конференции¹⁸, дает основу для преодоления догматических клише о новом обществе. Новое видение необходимо для того, чтобы избавиться от деформаций и слабостей, всего, что сковывало творческие способности народа.

Оценивая исторический процесс, мы должны, соблюдая ленинские требования историзма, судить о прош-

¹⁵ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 года. М., 1988, с. 70, 71.

¹⁶ См. Знамя, 1988, № 6, с. 175. Представляет также большой интерес опубликованная в Правде от 31 июля с. г. статья И. Дедкова и О. Лациса «Путь выбран», продолжающая редакционный комментарий к статье Ю. Н. Афанасьева «Ответы историка» (См. Правда, 26 июля 1988 г.).

¹⁷ Я не излагаю основных положений о переходном периоде от капитализма к социализму, об итогах и достижениях этого и последующих периодов, поскольку эти положения отражены в нашей литературе самым широким образом. Считаю необходимым сказать, что в коллективных печатных трудах, выходивших при моем участии, эта схема также нашла свое отражение.— Ю. П.

¹⁸ См. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, с. 87—89.

дом и с высоты всех наших современных знаний, и с учетом условий, обстоятельств, возможностей тех времен. Не пересматривать старые партийные решения — это историку не дано, — а оценивать их объективно, вычлняя содержащиеся в них неверные, преувеличенные, обусловленные влиянием Сталина положения.

Старая схема не отражает той борьбы за лидерство, которая развернулась в 20-е годы и наложила серьезный отпечаток на внутривнутрипартийную жизнь. Эта схема явно недооценивает значение и масштабы сталинского террора. Завершая переходный период от капитализма к социализму второй половиной 30-х годов, она прямо подводила построение основ социализма к 1937 г., который стал нарицательным для всего народа, символом террора и беззакония. Эта концепция не дает должной оценки допущенным Сталиным грубым отходам от ленинских принципов социалистического строительства.

Характеризуя последующие годы как время дальнейшего развития и упрочения социализма, его полной и окончательной победы, старая концепция не учитывала масштаба и значения негативных явлений в жизни партии и общества, распространения административно-приказных методов руководства, роста бюрократического слоя, в котором складывался механизм, тормозивший поступательное движение страны, не учитывала того, что известное — хотя и преимущественно экстенсивное — экономическое развитие сопровождалось нарастанием тенденций, приведших в конце концов к предкризисному состоянию.

Прав Г. Л. Смирнов, отмечая, что отраженные в традиционной концепции развития советского общества «зауженные представления о социализме и путях осуществления социалистических преобразований принижали значение таких сторон общественного развития, как социалистическое самоуправление народа, демократизация всех институтов общественной жизни, механизм хозяйствования, социально-классовые и национальные отношения»¹⁹.

Обе названные выше концепции не дают ответа на многие коренные вопросы нашего исторического про-

¹⁹ Смирнов Г. Л. Исторический опыт Октября и перестройка. — Вопросы истории КПСС, 1988, № 2, с. 27.

цесса, прямо выходящие на день нынешний, не отражают всей сложной диалектики истории.

Обе они исходят из недооценки роли масс. А между тем именно народные массы страны своей непогашенной верой в социализм обеспечили его выживание. И напротив, именно апатия масс и утрата идеалов создали самую серьезную угрозу социализму.

Думаю, что нам нужен многомерный подход к оценке исторического процесса. На протяжении всей истории советского общества развивались различные тенденции, сказывались различные обстоятельства.

Какие же обстоятельства надо иметь в виду? Ответ может быть дан только на основе понимания исторического процесса как многомерного, многопланового, состоящего из ряда потоков. Собственно говоря, исторический процесс всегда таков. Возьмем, например, времена Екатерины II. Один поток — это народная жизнь в эти годы, жизнь крестьян, описанная Радищевым, их страдания и их борьба за лучшую жизнь под знаменем Пугачева. Но ведь были солдаты, то есть те же крестьяне, которые защищали государыню-императрицу от крестьян-пугачевцев. Не отражая всей сложности и многоплановости исторического процесса, мы, историки, во многом не только засхематизировали и засушили его, но и создали в исторической науке немало крайне запутанных лабиринтов или тупиков. Ведь если, скажем, и Суворов — герой, и Костюшко — герой, и Пугачев — герой и дело каждого из них было правым, то почему же судьба их разводила по разным лагерям, которые приходили в непримиримые столкновения друг с другом?...

Многомерность процесса, противоречивость и даже противоположность потоков, его составляющих, с удивительной, не познанной нами силой выявились и в истории советского общества. Не увидев этой противоречивости, мы не выйдем из своих тупиков и лабиринтов.

Мне представляется, что в послеоктябрьской истории нашей страны можно выделить по меньшей мере четыре таких русла.

Что означают конкретно-исторические, часто повторяемые слишком общо положения, которые говорят о завоеваниях Октября, о наших фундаментальных ценностях? Ответ я вижу прежде всего в ре-

шении сформулированной Лениным задачи: «Поднять наинизшие низы к историческому творчеству»²⁰. Кто сможет отрицать, что десятки миллионов представителей этих «наинизших низов» поднялись к реальному участию в деятельности партийных, советских органов, заняли офицерские посты в армии, органах государственной безопасности, в управлении промышленными, торговыми предприятиями, колхозами и совхозами, получили неограниченные возможности для овладения наукой и культурой?

Процесс выдвижения людей из народа во все сферы общественной, государственной, культурной жизни продолжался все 70 лет Советской власти. Этот процесс, демократический в самой своей основе, составляет, быть может, главное ядро истории советского общества. Конечно, он не был простым и однозначным. Его механически подрубали сталинские репрессии, идейно ослабили застойные явления в обществе, но его поразительная масштабность, непрерывность, неодолимость очевидны.

Другие достижения советского строя, связанные с этим, главным, также достаточно впечатляющи. Общество, ликвидировавшее помещиков и капиталистов, быстро развивавшее промышленность, уничтожившее безработицу, создавшее прогрессивную и бесплатную систему здравоохранения и народного образования, возвеличившее человека труда, осуществившее практически равенство всех народов,— такое общество обладало и обладает необходимыми возможностями для того, чтобы утвердить социальную справедливость и добиться процветания.

Все это, вместе взятое, и составляет главное — *мощное и полноводное русло нашей истории.*

Вместе с тем с первых дней существования Советского государства появились и негативные тенденции, которые, укрепляясь и расширяясь, образовали, по существу, *другое русло нашей истории.* Это прежде всего зарождение и усиление бюрократии.

Словари наши не слишком четки в определении бюрократии. «Бюрократ» — по новейшему академическому словарю русского языка — крупный чиновник феодального или капиталистического государства. У нас (по

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 189.

словарю) — это должностное лицо, выполняющее свои обязанности формально. То же и в отношении бюрократизма. В одном значении — это «система управления в классовом обществе, при которой государственная власть осуществляется через чиновников, оторванных от народа», в другом — «пренебрежение к существу дела ради соблюдения формальностей; формализм, канцелярщина». Бюрократия в одном значении отождествляется с бюрократизмом, а в другом является собирательным к словам «бюрократы» «чиновничество»²¹.

БСЭ понятие «бюрократизм», как, видимо, не заслуживающее внимания, обходит вовсе, а слово «бюрократия» трактует в качестве специфической формы «социальной организации в обществе». Ее суть, во-первых, в отрыве центров исполнительной власти от воли и решений большинства членов этой организации; во-вторых, в главенстве формы над содержанием деятельности этой организации; в-третьих, в подчинении правил и задач функционирования организации целям ее сохранения и укрепления²². Хотя это выражено и несколько заумно, но в принципе представляется правильным.

Но далее говорится, что бюрократия присуща только обществу, «построенному на социальном неравенстве и эксплуатации», то есть феодальному или капиталистическому. Применительно же к советскому обществу БСЭ констатирует, ссылаясь на Ленина, что социализм создает предпосылки для ликвидации бюрократизма, что борьба с ним, по Ленину, является не только борьбой с пережитками старого, но и служит предупреждением «бюрократических извращений, возможных в условиях социализма в результате нарушения норм социалистической демократии»²³. Из этих рассуждений остается неясным одно — есть ли бюрократия в советском обществе, относится ли к нему разумное соображение: «Коренным признаком бюрократии является существование и рост слоя бюрократов — привилегированной и оторванной от народа чиновничье-административной касты»²⁴.

²¹ См. Словарь русского языка. Т. 1. М., 1985, с. 131.

²² См. БСЭ. Т. 4. М., 1971, с. 209.

²³ Там же, с. 210.

²⁴ Там же, с. 209.

Думается, что все же понятия «бюрократизм» и «бюрократия» различаются между собой. На мой взгляд, бюрократия у нас — это представители советского, партийного, ведомственного аппаратов в центре и на местах в совокупности горизонтальных и вертикальных срезов. Бюрократизм — различные проявления деятельности бюрократии, главным образом в том негативном смысле, который правильно подмечают словари. Именно на эту сторону и обращает внимание резолюция XIX партийной конференции «О борьбе с бюрократизмом». В ней вскрыты наиболее уродливые проявления бюрократизма — «диктат, административный произвол в экономике, социальной и духовной сферах, казенное равнодушие к правам и нуждам людей, пренебрежительное отношение к общественному мнению и социальному опыту трудящихся»²⁵.

Фактом является то, что на протяжении всей 70-летней истории *роль государства возрастала и соответственно возрастала роль аппарата*. Во время гражданской войны государство было *вынуждено* взять на себя управление *всей* промышленностью, заготовку *всех* сельхозпродуктов и их распределение. Госаппарат разрастался и бюрократизировался все больше, что вызывало растущую тревогу, серьезное беспокойство Ленина, ибо в этом он видел угрозу делу социализма.

Осуществление *индустриализации* — трудная, но жизненно необходимая задача — привело к дальнейшему усилению государства, которое сосредоточивало финансы, материальные ресурсы, рабочую силу, распоряжалось ими в интересах скорейшего создания новых фабрик, заводов, электростанций. Из одного ВСНХ стали «вылупливаться» промышленные наркоматы. Этот неудержимый процесс привел затем к немыслимому размножению союзных и республиканских министерств. Соответственно росла роль планирования и роль планирующих органов. Госплан превращался в самодовлеющую силу. *Колхозный строй* — сам по себе в принципе прогрессивный и справедливый, но созданный с большими ошибками и перекосами — дал государству решающие рычаги для полного управления сельским хозяйством. Рост совхозов придал этому про-

²⁵ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, с. 128.

цессу еще большую юридическую оформленность. С конца 20-х годов в руках государства сосредоточились и основные рычаги торговли.

Во время Великой Отечественной войны роль государства значительно возросла. Это было необходимо. Война, показав силу и значение государства, тем самым еще больше укрепила его. Влияние государства усилилось и в нелегкие годы послевоенного возрождения.

А дальше — дальше все сильнее и сильнее стали сказываться проявившиеся ранее недостатки и отрицательные стороны непрерывного возрастания роли государства. Расширение функций государства вело к *росту аппарата*. Количественный рост порождает новые звенья, среди которых многие оказываются лишними. Раз лишнее — значит бесполезное. Раз бесполезное — значит вредное. Так складывался механизм торможения. Лишнее, бесполезное звено не работает, но может создавать лишь видимость работы, а видимость работы не только не заменяет самой работы, а мешает ей.

Разросшаяся государственная система, породив множество ненужных звеньев, породила и огромную армию людей, для которых эти звенья стали жизненно необходимыми. *Значительная часть аппарата* все больше стала работать *на себя*, для себя, тормозя живое дело.

Возрастание масштабов производства, усложнение задач специализации и кооперации, оснащения производства новой техникой, освоения новых технологий делали все более трудным, а потому невыполнимым, бесполезным централизованное до крайности управление, гипертрофированное планирование.

Видимо, социализм не требует, чтобы государство взваливало на свои плечи непосильную ношу. *Государство должно делать многое, но оно не должно делать все.*

Бюрократический слой возник и в массовых общественных организациях (профсоюзы, комсомол), в творческих союзах, в научных учреждениях. И всюду бюрократизация влекла за собой окостенение, застой, социальную несправедливость. Соответственно была деформирована и практика подбора и выдвижения кадров. В капиталистическом обществе в обстановке беспощадной конкуренции выдвигались и выдвигаются

не только и не столько самые талантливые, не столько самые лучшие специалисты и организаторы, сколько люди деловые, жесткие и жестокие. Им приходится бороться за свое собственное существование, и они это прекрасно понимают: любой ценой «остаться на плаву», либо ты сомнешь других, либо тебя сомнут, — эти волчьи отношения заставляют вырабатывать специфические качества настоящего бизнесмена, требующие давить конкурента и не давать ему ни малейшей поправки, но не допускающие поправки и себе самому, исключая разболтанность, пустословие, некомпетентность, требующие максимальной интенсификации.

Отсутствие у нас закона — джунглей — благо. Мы провозгласили гуманнейший принцип: «Человек человеку друг, товарищ и брат». Но гуманность человеческих отношений, отсутствие конкурентной борьбы показали оборотную сторону. У общества как бы исчезли правильные критерии для определения и проверки *деловитости и компетентности руководителя*, а у последнего — заинтересованность в подлинно деловом, результативном руководстве. Работников — особенно в условиях застоя — стали все чаще оценивать и продвигать по служебной лестнице по формальным, анкетным данным. Главным в оценке руководителя становилось его умение хорошо отчитаться для пресловутой «галочки», создать видимость дела вместо самого дела, угодить начальству, ввести «рапортыемки», но бесполезные начинания. Все более массовым становился тип руководителя, мирившегося с ленью и разболтанностью, стремившегося поладить с коллективом так, чтобы не выносить сор из избы. Псевдогуманность делала руководство формальным, иллюзорным. Но иллюзорные, пустые для дела начальники всегда были весьма активными в отстаивании своих собственных интересов и постов. Активная безответственность и безответственная активность псевдоруководителей сковывали инициативу, тормозили выдвижение по-настоящему деловых работников, талантливых организаторов, компетентных специалистов. Общая безответственность мешала людям действительно ответственным. Деловые качества наряду с политическими (формулировка, ставшая загадочной) по-прежнему считались де-юре необходимым критерием, но настоящие

критерии, определяющие способности, знание, деловую хватку, все больше отходили на второй план.

Таким образом, рост и укрепление бюрократического механизма торможения затрудняли становление и развитие *полнокровной экономической и социально-общественной системы социализма*.

Октябрьская революция разрушила старую систему управления, старую систему общественных и экономических отношений. А новые, социалистические отношения не создаются в недрах капитализма. Поэтому главной задачей, писал Ленин весной 1918 г., «является положительная или созидательная работа налажения чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей»²⁶.

Ленин гениально предвидел одну из главных особенностей и трудностей социалистического строительства и функционирования общества. В условиях капитализма в жесточайшей конкурентной борьбе сохраняются наиболее жизнеспособные формы хозяйственной деятельности. А у нас новая система общественных и экономических отношений создавалась иным путем. Именно потому, что она не возникала ранее, не «обкатывалась» временем, не проверялась практикой, а рождалась в социалистическом государстве впервые, ей сопутствовали недостатки, которые устранялись лишь в ходе накопления опыта. Для правильного функционирования этой системы нужно не допускать застывания, закоренения отдельных форм, не оправдавших себя или устаревших, нужно гибко и своевременно освобождаться от всего отжившего, неудавшегося, поддерживать и развивать вырастающее из жизни и жизнью проверенное.

Ленин до конца своих дней не переставал неустанно бороться за совершенствование системы социалистических общественных и экономических отношений, беспощадно отбрасывая негодные формы, любовно и бережно поддерживая жизнеспособные, разумные, целесообразные. Особое место он отводил формированию социалистической организации общественного труда, на-

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 171.

лаживанию строжайшего и всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов.

Однако в дальнейшем довольно часто иные формы становились не просто старыми, они не менялись и окостеневали. Не менялись прежде всего из-за чиновничьего равнодушия, из-за привычки к сложившимся клише консерватизма, страха перед новым, из-за отсутствия научного подхода, из-за оглядки на начальство, чрезмерной централизации, ожидания предписаний сверху, из-за неумения найти альтернативу и отсутствия потребности и необходимости ее искать.

Отставание в поисках новых форм хозяйственности, абсолютизирование многих старых методов, распространение бюрократической неприязни к новому, веры во всемогущество административных (приказных) начал стали постепенно усиливаться со второй половины 20-х годов. В дальнейшем по мере разрастания бюрократических тенденций стали сильнее давать о себе знать и эти негативные явления. Не раз они подвергались критике, не раз предпринимались более или менее удачные попытки устранить нараставший груз отставания. А он, этот груз, продолжал накапливаться, особенно в 70-е годы, что и привело в конце концов к предкризисной обстановке в начале 80-х годов.

Развитие бюрократии и бюрократизма, появление многочисленного слоя людей, кровно заинтересованных в сохранении складывающихся, сложившихся, утвердившихся порядков, приобрело столь широкие масштабы и столь важное значение, привело к столь серьезным отрицательным последствиям, что было бы непростительным недооценивать воздействие этого фактора на ход нашей истории. Не случайно резолюция XIX партийной конференции констатирует, что «бюрократизм разросся до опасных пределов, стал тормозом общественного развития»²⁷.

Эти явления послужили почвой, на которой выросли всевластие Сталина, единовластие Хрущева и Брежнева.

Можно ли отбросить этот негативный груз или он является обязательным спутником социалистического государства? Да, конечно, можно и необходимо отбро-

²⁷ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, с. 128.

свить, преодолеть. И для этого есть единственное лекарство — демократизация общества, всех его институтов, подлинная гласность, которую не терпит бюрократ и которая не терпит бюрократизма. Это трудно, но это по плечу здоровым силам общества. Именно демократизация есть главное поле борьбы за подлинный социализм.

Из того, что сказано об обстоятельствах, влиявших на нашу историю и формировавших ее потоки, вытекает мысль о роли личности в нашей истории.

Мы недооценили все негативные последствия культа Сталина, волюнтаризма Хрущева, попустительства Брежнева. А действия руководителей государства, если иметь в виду масштаб их воздействия на все стороны жизни и деятельности народа, составили, по существу, *целое русло исторического процесса.*

Роль Сталина как личности огромна. Представляются беспредметными разговоры о том, что было бы, если бы на месте Сталина был другой человек. Мы не знаем этого человека. Многие имена, называвшиеся в 20-е годы и называемые сейчас, говорят о людях разных, со своими достоинствами и недостатками. Но никто не может сказать, как проявил бы себя тот или иной человек, оказавшись на посту руководителя великой партии и великой страны. Как повел бы он себя в начале своего руководства? Через 5 лет? Через 10 лет? Власть меняет людей, меняет их отношение к товарищам, к принципам коллективного руководства. Да, мы не знаем, как проявил бы себя на месте лидера другой руководитель. Но мы теперь достаточно хорошо знаем, как проявил себя Сталин. Безусловно, это оказался худший вариант, в своем роде уникальный по сумме и масштабности отрицательных качеств. Теперь уже очевидно, что личные свойства характера Сталина самым ужасным образом сказались на всей его деятельности и соответственно на жизни страны и народа. Патологическое властолюбие, сжимающая сердца и души беспощадность, презрение к человеческим судьбам, цинизм и коварство, вера во всеислие волевых решений, поразительное умение выдать поражение за успех, а любую удачу представить как величайшую победу — все это наложило неизгладимый отпечаток на формы и методы социалистического строительства, на характер построенного социализма, на об-

щественно-политическую жизнь. У Сталина имелись свои представления о социализме и коммунизме, о роли партии, государства, свое понимание демократии (вернее, полное пренебрежение к ней).

Несомненно, он сам стремился к созданию собственного культа, хотя порой лицемерно критиковал его и кичился скромностью (которая была паче гордости). В создании своего культа Сталин нашел надежных помощников среди политических деятелей и ученых, поэтов и композиторов, драматургов и кинематографистов.

Культ поддерживали те слои аппарата, которых устраивала крепкая власть, провозглашавшая демократию, но оставлявшая ее пустой формальностью, ратовавшая за критику и самокритику, но не допускавшая их в сферу, расположенную хоть на ступеньку выше управдомовского уровня.

Сталинская секира ударяла — притом весьма основательно — и по этим слоям. Но бюрократический аппарат как таковой не только оставался незыблемым, — он рос и креп. Эта незыблемость порождала у каждого уцелевшего надежду, что он не окажется в числе неудачников, а, напротив, упрочит свое положение. Так оно и было. Уцелевшие жили в страхе, но с надеждой: они получали освобождавшиеся кресла, словом и делом поддерживая вождя. На место репрессированных приходили новые аппаратчики, также со страхом и надеждой, также словом и делом верно служившие вождю.

Идол не существует без идолопоклонников. Сталинский культ питали и отсутствие подлинно демократических традиций, и свойственная мелкобуржуазной массе тяга к созданию и почитанию кумира, убежденность в необходимости мудрого, все понимающего и за все отвечающего вождя.

Н. С. Хрущев — смелый, импульсивный, эмоциональный, непоследовательный — своими действиями также оставил след на формах и методах социалистического строительства. Его попытки исправить сталинские деформации, проходившие в острой борьбе с твердыми сталинистами — Кагановичем, Маленковым, Молотовым, — вылились в деяние огромной важности — осуждающий культ личности Сталина доклад на XX съезде и широко развернувшуюся реабилитацию

жертв сталинского террора. Хрущев, несомненно, искренне искал пути к осуществлению технического прогресса, улучшению дел в сельском хозяйстве, совершенствованию управления экономикой (создание совнархозов), сделал попытку перейти к открытому общению с народом, покончив со сталинским величавым безмолвием, говорил о необходимости коллективного руководства. Однако довольно скоро его благие намерения стали видоизменяться. Говорят, что наши недостатки суть продолжение наших достоинств. Это полностью относится к Хрущеву. Его стремление говорить с народом превращалось порой в надоедливую болтливость. Смелость во многом стала смахивать на авантюризм. Энергия выливалась в желание все делать самому, всех поучать по любому поводу. Стремление осуществить необходимые перемены свелось к бессмысленным, ненужным, необоснованным перекройкам. От разговоров о коллективном руководстве он пришел к установлению полного единовластия, оформленного совмещением должностей Первого секретаря ЦК и Председателя Совмина. Поэтому было естественным, что Хрущев не сумел или не захотел осуществить действительную и действенную демократизацию, опереться на волю народа, выраженную через демократические механизмы, не смог или не захотел преодолеть механизм торможения.

Партийный и государственный аппарат, выросший за годы войны и в первые послевоенные годы, поддержал Хрущева, деятельно создавал ему престиж, пропагандируя «великое десятилетие», программу построения коммунизма за 20 лет. Но все же разоблачение культа личности — с пиками этого процесса на XX и XXII съездах КПСС (1956, 1961 гг.), — создание совнархозов, разговоры о самоуправлении, разделение парткомов внесли немало сумятицы в умы бюрократов, встревожили аппарат, лишали его уверенности в стабильности. Механизм торможения, работая против любых попыток что-то изменить, тем самым объективно работал против Хрущева. Этому способствовали его непоследовательность, перепады и зигзаги в его политическом поведении, неровность характера. Наверное, нет оснований считать, что аппарат восстал против Хрущева, однако он и не поддержал его в решающую минуту.

Л. И. Брежнев стремился к стабилизации и консервации сложившихся десятилетиями форм экономической, государственной, общественно-политической деятельности и тем самым способствовал их перерождению, загниванию, усилению и развитию практически в каждой сфере негативных тенденций. Бюрократизм и бюрократия получили дальнейший простор для роста и укрепления. Их отрицательное влияние на всю жизнь страны приняло угрожающие размеры, а коррупция аппарата стала массовой.

Что же в таких неблагоприятных условиях позволило сохранить преемственность социализма, пронести эстафету, поднять с апреля 1985 г. народ на перестройку, на преодоление застоя, на выход из предкризисного состояния?

Ответ один — вера подавляющего большинства народа в социалистические идеалы. Эта вера, воплотившая в себе вековые чаяния людей труда и их стремление к уничтожению неравенства, эксплуатации, торжеству социальной справедливости, получила реальные подтверждения в завоеваниях Октября, в фундаментальных ценностях социализма.

Революционный потенциал, рожденный Октябрем и борьбой за социализм, оказался необычайно мощным. Его влияние распространилось на все слои народа и оказалось продолжительным во временном отношении. Вера большинства советских людей в правоту коммунистического дела, в закономерность и неизбежность победы коммунизма основывалась на тех реальных завоеваниях революции, о которых уже говорилось. Она приобрела мировоззренческий характер, стала убеждением, характерной чертой большинства советских людей, проникла в толщу миллионных масс, а, как известно, идеи, овладевшие массами, становятся материальной силой. Истоки народной убежденности в социалистических идеалах, ее реальное значение, бесчисленные проявления ее материализации составляют *особое русло исторического процесса*. В воспитании сознательности, убежденности в правоте революционного дела основную, решающую роль играла Коммунистическая партия. Это прежде всего и обеспечивало ее руководящую роль.

В годы сталинского террора партия, несмотря на тяжелейшие потери, сохранила свои позиции в основ-

ных слоях советского общества и, главное, сохранила в народе социалистические идеалы, хотя и со сталинской подсветкой. Сам Сталин смог стать вождем и приобрести власть *только потому*, что от начала до конца выступал как борец за социализм. Популярность Сталина в народе, вера в него объяснялись исключительно тем, что его имя отождествлялось с социализмом, с теми завоеваниями революции, о которых говорилось выше. Каким образом ему удалось добиться такого отождествления — это феномен, заслуживающий особого изучения. Но то, что ему удалось этого добиться, представляется фактом несомненным. Какой ужасный парадокс: вера народа в светлые идеалы позволяла Сталину творить черные дела!

Сейчас, когда люди узнают все больше и больше потрясающих их сердца сведений о сталинских расправах, часто возникает вопрос: как десятки миллионов граждан СССР 30-х годов могли верить в то, что Бухарин, Рыков, Томский, Тухачевский и многие другие видные деятели партии и Советского государства действительно являлись врагами народа, шпионами и диверсантами? Есть много причин, объясняющих это непонятное новым поколениям, но подлинное явление. Но главное заключалось в том, что Сталин использовал для укрепления своей власти и для расправы с противниками реальные трудности социализма и опасности, ему грозившие. Он сумел гипертрофировать до невероятных размеров действительно имевшие место разногласия о путях социалистического строительства, убедить большую часть партии и народа в том, что недавние оппозиционеры перешли в лагерь классового врага, на сторону мирового империализма. А агрессивность империализма, его антисоветская направленность не вызывали сомнений. Еще свежи были в памяти империалистическая интервенция, нанесшая нам неисчислимый урон, неоднократные дипломатические и военные провокации 20-х годов. Для людей 30-х годов реальностью был приход Гитлера к власти, захват Японией Маньчжурии и прямые военные вылазки японских милитаристов на Хасане (1938 г.) и Халхин-Голе (1939 г.). Через сердца граждан 30-х годов прошла горячая любовь к республиканской Испании, подвергшейся нападению фашизма. Наши люди видели, что и западные демократии, предавшие Испанию, Австрию,

Чехословакию, делают все, чтобы изолировать СССР и столкнуть его с Германией и Японией.

Грозные события обостряли опасения советских людей за судьбы социализма, а Сталин умело использовал это в своих целях.

Все это не оправдывает Сталина — его оправдать нельзя. А десятки миллионов людей, которые ему верили, не нуждаются в оправдании. Здесь делается лишь попытка объяснить, *почему* ему верили.

Это парадоксально, но соответствует историческим реалиям: делая практически все, чтобы извратить ленинское понимание социализма, Сталин одновременно не жалел усилий для пропаганды социалистических идей. Сталин не просто сам агитировал за социализм — на выработку коммунистического мировоззрения были направлены школа и вузы, средства массовой информации, все пропагандистские силы, государственные органы и общественные организации. Сталин делал это для возвеличения собственной персоны, но со временем эта истина стала понятной людям и обернулась против Сталина, ибо правая идея не может вечно служить неправому делу.

Вера советских людей в социализм, как уже говорилось, была проверена и доказана во время войны, которая в огромной степени укрепила убеждение в превосходстве советского строя.

Возрождение разрушенного, открывавшиеся перспективы быстрого мирного развития, успешного движения к социализму снова и снова подкрепляли решимость народа в правильности избранного пути.

Разоблачение Сталина, предпринятое по инициативе нашей партии, потрясшее народ, вызвавшее определенный раскол в обществе, было в конце концов принято большинством населения.

Оно было принято и поддержано по одной простой причине: разоблачение шло во имя социализма, для укрепления социализма. Отрицался не социализм, а его сталинская деформация, отлучался от социализма Сталин. Жизнь показала, что это отрицание отрицания не погубило веру в социалистические идеалы, оно очистило их, осветило.

Часто спрашивают: как же так — народ уважал Сталина, верил ему; Хрущев развенчал Сталина, а на-

род поверил Хрущеву, и это подняло его авторитет? Ответ прост: народ верил в социализм и оказывал доверие и уважение Сталину, не зная всей правды о нем. Народ поверил не Хрущеву, а нашел в словах Хрущева обновленную веру в социализм.

В дальнейшем с Хрущевым, а затем и с Брежневым произошел тот же парадокс, что и со Сталиным. Они сами отступали от социализма, но не переставали клясться его именем. Они понимали его неумирающее значение, его великую притягательную силу. Эта сила поднимала и поддерживала их, она же затем сокрушала их авторитет. Надо помнить огромную важность того фактора, что во главе страны стояла и стоит партия, самым названием своим говорящая о своей сути и своей цели. Коммунистическая партия не просто правящая партия, не только руководящая сила общества. Она вобрала в себя самую активную, деятельную часть населения, являлась и является основным источником пополнения руководящих кадров на всех ступенях и во всех сферах нашей жизни. В партию — и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневе — вступали люди, в своем большинстве преданные идеям коммунизма.

Было бы кощунственным ставить под сомнение бескорыстие и честность людей, писавших заявления о вступлении в партию накануне смертельного боя, искренность миллионов рабочих, крестьян, ученых, деятелей литературы и искусства, представителей интеллигенции, пополнявших партийные ряды.

Но было бы наивно предполагать, что в партию шли (и идут) только беззаветно верящие в идеи коммунизма люди. К правящей партии карьеристы стали примазываться с того момента, как она стала правящей. А с годами эта тенденция, несомненно, усилилась. Время сталинского беззакония, хрущевских зигзагов, брежневского застоя не могло пройти бесследно. Люди беспринципные, равнодушные ко всему, кроме собственного благополучия, просто нечестные, вступая в партию, занимая руководящие должности, пополняли и укрепляли механизм торможения. Так возник невидимый, но весьма существенный водораздел, практически разделяющий партию на действительных коммунистов и людей, состоящих в ее рядах во имя собственных корыстных интересов. И наряду с этим —

множество колеблющихся, безразличных, пассивных.

Значителен резерв, из которого вышли щелоковы и медуновы, рашидовы, адыловы, чурбановы. Но не будь в партии и стране потенциала веры, резерва чести, преданности, уверенности в обновлении, откуда бы взялись нравственно здоровые силы, готовившие и подготовившие перестройку, откуда бы взялись ее прорабы? Здесь, в неугасавшей вере, в социальном, моральном, политическом, нравственном потенциале социализма и сохранился заряд для нынешнего подъема. Здоровые силы партии и всего народа проявили себя в честном повседневном труде, в критике недостатков и извращений, в поисках новых форм хозяйствования, в борьбе против бюрократического засилья. Они позволили осуществить революционную преемственность поколений, не дали разорвать, несмотря на все трудности, нити социалистических идеалов. Живительный родник социализма не иссяк.

Однако в 70-е годы мутная струя, казалось, могла превратиться в преобладающую. На глазах росли наглые и высокомерные от сознания безнаказанности казнокрадство, взяточничество, спекуляция, махинаторство, ширились бесхозяйственность, разительная неэффективность производства, все сильнее сказывалось отсутствие должных стимулов для честных тружеников. Все больше выявлялись негативные стороны и провалы во всех областях жизни — в правосудии и народном образовании, здравоохранении и науке, литературе и искусстве.

Это порождало во всех слоях народа равнодушие, апатию, неверие. Разрыв между словом и делом вел к тому, что высокое значение слова падало, инфляция слова усиливалась с каждым годом. Стала очевидной угроза: мог погаснуть тот факел, который поколения советских людей пронесли сквозь ненастье. Из всех слагаемых застоя и предкризисного состояния общества утрата веры в идеалы социализма была особенно опасной и грозной.

Апрель восемьдесят пятого стал жизненно необходимым, и это подтвердил анализ итогов трех лет послеапрельского развития, отраженный в документах XIX Всесоюзной конференции, июльского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС, которые обогатили стратегию и

конкретизировали тактику революционных преобразований с целью обеспечить углубление и необратимость перестройки.

Очищение и укрепление партии, освобождение от несвойственных ей административных и хозяйственных функций, правдивость партийного слова, реальное обновление социализма — все это повысит по существу, а не формально руководящую роль КПСС.

Вопросы истории КПСС. 1988.
№ 9. С. 19—34.

Некоторые вопросы ленинской теории социализма

На страницах журнала «Вопросы истории КПСС» развертывается дискуссия о проблемах новой концепции истории партии. Заметным вкладом в нее стала статья В. П. Наумова, В. В. Рябова, Ю. И. Филиппова «Об историческом пути КПСС в свете нового мышления»¹. Примечательно, что разработку новой концепции истории партии названные авторы тесно увязывают с попыткой осветить некоторые вопросы теории социализма и практики его построения в нашей стране. Ввиду значимости этих вопросов, думается, целесообразно остановиться на них подробнее. Ведь нельзя понять деятельности партии по строительству нового общества, не рассмотрев ее теоретических основ.

Хотя уже более 70 лет советский народ под руководством Коммунистической партии претворяет в жизнь идеи социализма, полностью реализовать их так, как виделось это Ленину, в силу разных причин не удалось. Тем острее ощущается теперь потребность прочитать Ленина без идеологических шор времен культа личности, осмыслить его концепцию созидания социалистического общества, чтобы лучше овладеть марксистско-ленинской методологией и диалектикой революционного обновления, творчески применять их для решения назревших задач перестройки. «Да, мы отказываемся от всего того, что деформировало социализм в 30-е годы и что привело его к застою в 70-е годы,— подчеркнул М. С. Горбачев в докладе на XIX Всесоюзной партконференции.— Но мы хотим такого социализма, который был бы очищен от наслоений и извращений прошлых периодов и вместе с тем наследует все лучшее, что рождено творческой мыслью основоположников нашего учения, что воплощено в жизнь трудом

¹ См. Вопросы истории КПСС, 1988, № 9, 10.

и усилиями народа, что отражает его надежды и чаяния. Мы хотим социализма, который вбирает весь передовой опыт мирового развития, в полной мере опирается на достижения человеческого прогресса»².

Вопросы теории социализма в последнее время (благодаря в первую очередь публицистике) активно обсуждаются в печати, что свидетельствует о растущем интересе к ним со стороны самых широких кругов общественности³. Особое внимание при этом обращается на выяснение истоков и процесса формирования ленинской концепции социализма, а также отступлений от нее в годы культа личности Сталина. Это является предметом рассмотрения и в данной статье, что диктуется актуальностью и сложностью проблематики.

* *
*

Ленинским представлениям о социализме как первой фазе коммунистической общественной формации были органически присущи преемственность идей основоположников марксизма, новаторский, глубоко творче-

² Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 года. М., 1988, с. 86.

³ См. «Правдинские пятницы» — серия публикаций под редакцией директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС академика Г. Л. Смирнова (Правда, 26 февраля, 25 марта, 22 апреля, 8 июля, 12 августа, 16, 30 сентября, 21, 28 октября 1988 г., и др.); *Афанасьев Ю.* Ответы историка.— Правда, 26 июля 1988 г.; *Баталов Э.* Социалистическая перспектива и утопическое сознание.— Коммунист, 1988, № 3; *Бурлацкий Ф.* Какой социализм народу нужен.— Литературная газета, 20 апреля 1988 г.; *Бутенко А. П.* Как подойти к научному пониманию истории советского общества.— Наука и жизнь, 1988, № 4; *Бушуев В.* История глазами читателей.— Коммунист, 1988, № 11; *Дедков И., Лацис О.* Путь выбран.— Правда, 31 июля 1988 г.; *Клямкин И.* Была ли альтернатива Административной системе? — Политическое образование, 1988, № 10; *Кузнецов П.* Вопросы историку.— Правда, 25 июня 1988 г.; *Лацис О.* Перелом.— Знамя, 1988, № 6; *Плимак Е.* Политическое завещание В. И. Ленина. Истоки, сущность, выполнение. М., 1988; *Поляков Ю. А.* Исторический процесс многомерен.— Вопросы истории КПСС, 1988, № 9; *Смирнов Г. Л.* Исторический опыт Октября и перестройка.— Вопросы истории КПСС, 1988, № 2; Теория социализма: история и современность. «Круглый стол» редакции.— Политическое образование, 1988, № 12; *Ципко А.* Истоки сталинизма.— Наука и жизнь, 1988, № 11—12, и др.

ский подход к анализу и обобщению первого практического опыта социалистического строительства, обеспечивающий дальнейшее развитие научной теории социалистического общества.

К Октябрю 1917 г. новейшие для того времени идеи о социализме в наиболее концентрированном виде были представлены В. И. Лениным в его выдающемся труде «Государство и революция». Именно здесь он подробно рассматривает отличия фаз коммунистического общества, о которых писал К. Маркс в «Критике Готской программы», впервые называет их по-разному: первую, низшую — «социализм», а высшую — «коммунизм»⁴.

Основная характеристика социализма, данная Марксом, сохраняется и в указанной ленинской работе. Касаясь первой фазы коммунизма, Ленин отмечает: «Каждый член общества, выполняя известную долю общественно-необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответственное количество продуктов. За вычетом того количества труда, которое идет на общественный фонд, каждый рабочий, следовательно, получает от общества столько же, сколько он ему дал... Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы»⁵. В области государственного строительства социализм, по Ленину, «поставит большинство населения в условия, позволяющие *всем* без изъятия выполнять «государственные функции»⁶. Таким образом, социализм, как он представлялся тогда Ленину на основе конкретизации и развития взглядов Маркса и Энгельса, — это общество высокоорганизованной экономики, базирующейся на единой общественной собственности и прямом продуктообмене, с государством-«общиной» (или отмирающим государством⁷), самоуправлением трудящихся.

Позитивные результаты теоретической работы в области научного социализма, достигнутые в дооктябрь-

⁴ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 94, 98.

⁵ Там же, с. 92, 101.

⁶ Там же, с. 117.

⁷ См. там же, с. 65, 66, 173.

ский период, дали Ленину основание заявить, что общее представление о социализме является для марксистов решенной задачей⁸. Вместе с тем он выступал за дальнейшую конкретизацию, уточнение и углубление этого представления, прежде всего на базе практического опыта социалистического строительства.

Нужно понять, писал Ленин вскоре после победы Октября, что «сейчас все дело в *практике*, что наступил именно тот исторический момент, когда теория превращается в практику, оживляется практикой, исправляется практикой, проверяется практикой»⁹. Разработка конкретных проблем созидания нового общества, порождаемых самой практикой, — вот что было для Ленина особенно важным, лежало в основе дальнейшего развития марксистского учения о социализме.

В статье В. П. Наумова, В. В. Рябова, Ю. И. Филиппова деятельность партии в послеоктябрьский период при жизни Ленина правильно рассматривается в контексте проводившейся в то время социально-экономической политики и связанной с ней идеологии. Но авторы не останавливаются специально на периодизации истории ленинских идей о становлении и развитии нового строя. Между тем, на наш взгляд, особенно важно видеть по меньшей мере два этапа в послеоктябрьской теоретической деятельности Ленина. Первый: конец 1917 г. — начало 1921 г.; второй: 1921—1923 гг. Различение названных этапов, как представляется, позволяет более четко выявить качественные изменения в ленинских взглядах на методы и пути социалистического строительства, что в конечном итоге отразилось и на представлениях о социализме в целом. Именно в трудах, созданных Лениным в 1921—1923 гг., были определены контуры нового общества, сделан решающий вклад в разработку научной концепции построения социализма в нашей стране.

В первые годы Советской власти (до начала 1921 г.) ориентиром для практического созидания нового общества служило в основном то общетеоретическое видение социализма, о котором говорилось выше. Оно

⁸ См. там же, т. 40, с. 104.

⁹ Там же, т. 35, с. 202. «Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания», — подчеркивал Ленин (там же, т. 18, с. 145).

нашло воплощение в «Программе Российской Коммунистической партии (большевиков)», принятой VIII съездом РКП(б). На основе этого общепартийного документа осуществлялась линия на «непосредственный переход» к социализму. Главная цель была такова: создать сверху донизу охватывающий все общество производственно-потребительский кооператив на базе общественной собственности на средства производства. Хозяйственные связи в нем должны были определяться курсом на переход к прямому продуктообмену (или натуральному товарообмену, как обосновывалось в некоторых ленинских работах весны 1918 г.). Единый государственный план призван был охватывать все производство и распределение продуктов на основе строжайшего учета и контроля за мерой труда и мерой потребления¹⁰.

В области промышленности, где ранее происходили процессы, связанные с монополизацией капитала, «непосредственный», «прямой» переход к утверждению социалистических порядков казался задачей сравнительно легко осуществимой. В сельском же хозяйстве, в силу его раздробленности, распыленности, отсталости, задачу обобществления в общегосударственном масштабе предполагалось решать более медленно, постепенно, всеми способами поддерживая как организацию крупного социалистического земледелия, так и меры по поднятию производительности отдельного мелкого крестьянского хозяйства¹¹.

Употреблявшееся неоднократно Лениным понятие «прямой» («непосредственный») переход к социализму не означало игнорирования особого переходного периода. Напротив, оно заключало в себе указание на то, что речь идет именно о необходимости определенного отрезка времени для продвижения от капитализма к социализму, а не о каком-то мгновенном «прыжке» в новое общество. Но определениями «прямой» и «непосредственный» Ленин подчеркивал, что предполагавшиеся первоначально формы и методы социалистического строительства, в сущности, почти не предусматривали использование таких «опосредствующих» экономических средств, как, например, товарно-денежные

¹⁰ См. там же, т. 38, с. 434, 441.

¹¹ См. там же, с. 437—438.

рычаги ¹². А вытекал такой подход во многом из широко распространенных в те годы представлений, что будущий социализм упразднит товарно-денежные отношения. Предполагалось, что «невидимая рука» рынка в экономике будет полностью заменена «видимой рукой» государства диктатуры пролетариата.

Чрезвычайные условия, связанные с гражданской войной и интервенцией, тяжелой экономической разрухой, вызвали необходимость проведения в Стране Советов политики «военного коммунизма». Вместо намечавшегося добровольного обмена продуктами между промышленностью и сельским хозяйством пришлось применять продразверстку — изъятие у крестьян излишков продовольствия внеэкономическими, административными методами, с тем чтобы обеспечить снабжение армии и горожан продуктами. Свободная торговля была категорически запрещена. Крестьяне потеряли заинтересованность в интенсивном ведении хозяйства. Негативным было и то, что многие революционеры, достигая целей путем жесткого нажима, администрирования, еще больше уверовали в силу этих методов, в эффективность мер государственного принуждения.

Новая обстановка, сложившаяся в стране после окончания гражданской войны, переход к мирному строительству обнаружили не только недостатки системы продразверстки, но и концепции «непосредственного», «прямого» перехода к социализму. В стране назревал кризис. «К весне 1921 года выяснилось, — указывал Ленин, — что мы потерпели поражение в попытке «штурмовым» способом, т. е. самым сокращенным, быстрым, непосредственным, перейти к социалистическим основам производства и распределения» ¹³.

Ленин совершенно определенно говорил об ошибке, допущенной в период «военного коммунизма», о чем

¹² В октябре 1921 г. Ленин отмечал, что уже с начала 1918 г. имелось в виду применение некоторых методов постепенного продвижения к социализму. В частности, был поставлен вопрос об организации учета и контроля, укреплении дисциплины труда, развертывании соревнования, привлечении специалистов с вознаграждением их по высоким ставкам и т. д. Но тогда еще совершенно не затрагивался вопрос о том, в каком соотношении окажется наша экономика к рынку, к торговле (см. там же, т. 44, с. 198, 199).

¹³ Там же, с. 204.

раньше в литературе почти не упоминалось. «Лобовая атака» ошибка или проба почвы и расчистка ее?» — ставил он вопрос и отвечал: «И то и другое, исторически глядя.

А глядя сейчас, при переходе от нее к другому методу, важно подчеркнуть ее роль, ошибки»¹⁴.

При этом, как следует из ленинской оценки, ошибочной была не политика «военного коммунизма» как система конкретных мер, необходимых и оправданных в условиях гражданской войны, а именно метод «непосредственного» построения социализма, который в известной степени был упрощен и абсолютизирован в сложной обстановке военного времени. Порой речь шла о «введении» уже не социалистических, а коммунистических принципов. «Переход к «коммунизму», — писал Ленин в плане статьи «Коммерческая постановка дела», — очень часто (и по военным соображениям; и по почти абсолютной нищете; и по ошибке, по ряду ошибок) был сделан без промежуточных ступеней социализма (коммунизм *vs* * социализм)»¹⁵.

Здесь уместно обратить внимание на то, как последовательно углублялось ленинское понимание проблемы исторического места социализма. Во-первых, Ленин четко определил, что социализм как первая, низшая фаза коммунизма неминуемо, неизбежно следует после решения задач переходного периода¹⁶. Во-вторых, он придавал все большее значение специфике социализма, отличающей его от коммунизма, и в изучении этой специфики видел первоочередную задачу познания социалистического общества, особенно его первых этапов. В-третьих, Ленин постепенно приходил к выводу, что социализм — в силу тех задач, решение которых составляет его историческую миссию, — займет по времени относительно длительный срок¹⁷, хотя он и будет динамично развивающимся обществом¹⁸. К этому следует добавить, что к процессам становления социализма Ленин учил подходить с позиций диалектики

¹⁴ Там же, с. 476.

* — *versus* — в сравнении с; по отношению к. *Ред.*

¹⁵ Там же, с. 473.

¹⁶ См. там же, т. 35, с. 192; т. 36, с. 47—48, 262, 295, 301 и др.

¹⁷ См. там же, т. 39, с. 15, 277; т. 40, с. 316 и др.

¹⁸ См. там же, т. 33, с. 99—100.

общего и особенного, учитывая специфику каждой страны, конкретную международную обстановку.

Данные положения имели огромное принципиальное значение для выработки правильной политики Коммунистической партии, стратегии и тактики социалистического строительства. Их значение было особенно велико потому, что и в среде соратников Ленина как до, так и после победы Октября господствовали представления о кратковременности социализма, о возможности его немедленного «введения», «насаждения» (без переходного периода), о тождестве его с коммунизмом и т. п. Ленин настойчиво боролся с подобными взглядами, ибо они мешали разработке верного политического курса¹⁹.

Огромная заслуга Ленина состоит в том, что он, борясь против широко распространенных и укрепившихся в годы «военного коммунизма» доктринерских взглядов, сумел на основе дальнейшего познания природы социализма, диалектики его становления выявить эффективные, отвечающие объективным законам социалистического строительства пути, методы, средства созидания *экономических основ* нового общества. Это нашло свое воплощение в разработанной им новой экономической политике (нэп).

Как известно, нэп был рассчитан на построение социалистической экономики. Были определены новые пути решения этой кардинальной задачи, в частности предусматривалось использование рыночных отношений, материальных стимулов и хозяйственного расчета. Это и были, по терминологии того времени, «опосредованные» пути, приемы перехода к социализму, сопро-

¹⁹ Так, на VII (Апрельской) партконференции Ленин решительно поправил А. И. Рыкова, заявившего, что между капитализмом и социализмом нет переходного периода (см. там же, т. 31, с. 363). Когда на VII съезде партии Н. И. Бухарин предложил дополнить программу партии характеристикой «развернутого социалистического общества», то есть коммунизма, мотивируя тем, что этот вопрос практически стал в порядок дня (см. Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года. Стенографический отчет. М., 1962, с. 160), Ленин тотчас выступил против, справедливо усмотрев в этом несвоевременную постановку задачи, перепрыгивание через необходимые этапы. Он говорил: «Что же хочет тов. Бухарин? — Характеризовать социалистическое общество в развернутом виде, т. е. коммунизм. Тут неточности у него... К этому придем в конце концов, если мы придем к социализму» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 65).

вождавшиеся, говоря современным языком, широким применением экономических методов управления народным хозяйством. Как подчеркивал Ленин, новое общество необходимо строить «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете»²⁰. Исторический опыт показал дальновидность и эффективность ленинской политики социалистического строительства в условиях переходного периода, ее международное значение.

Особое место в ленинских представлениях о будущем социалистическом обществе принадлежит идеям о кооперации. В знаменитой статье Ленина «О кооперации» было научно доказано, что при государственной власти в руках трудящихся, общественной собственности на землю, фабрики и заводы простой рост кооперации тождествен росту социализма: в этих условиях она «сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом»²¹. Это был новаторский вывод, существенно обогативший марксистское понимание первой фазы коммунистической формации. Согласно этому пониманию, социализм представляет собой строй, основанный не только на государственной, но и на кооперативной собственности в ее разнообразных видах. И хотя Ленин различал «предприятия последовательно-социалистического типа (и средства производства принадлежат государству, и земля, на которой стоит предприятие, и все предприятие в целом)» и «предприятия кооперативные»²², это вовсе не означало какого-либо умаления значимости кооперативной формы собственности в сравнении с государственной для строительства нового общества.

В последних работах Ленина нэп и кооперация анализируются в органической связи. Это позволило найти реальный путь сочетания многообразных интересов всех участников общественного производства (через кооперацию, продналог, торговлю), соединения хозрасчетной деятельности с самоуправлением народа. Ленин рассматривал процесс обобществления в тесной

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 151.

²¹ Там же, т. 45, с. 375.

²² Там же, с. 374—375.

связи с поиском разнообразных форм использования средств производства, экономической организации, стимулирования труда, управления хозяйством.

Итак, в 1921—1923 гг. произошли кардинальные изменения в трактовке Лениным переходного периода от капитализма к социализму, касающиеся прежде всего методов социалистического строительства.

Как и основоположники марксизма, он никогда не пытался заранее конструировать какую-либо «идеальную модель» будущего социализма: в его работах нет готовых «рецептов» развития собственно социалистического общества. Но вот что примечательно: если в самом начале социалистических преобразований на их методы оказывала влияние еще во многом абстрактная модель социализма, в которой недостаточно четко проглядывала специфика низшей фазы коммунистической формации по сравнению с высшей, то в условиях нэпа из апробируемых самой практикой методов и приемов «опосредованного», постепенного перехода к новому обществу стало явственно формироваться новое, более конкретное и адекватное действительности видение социалистического общества, механизмов его функционирования. Как оказалось, ленинские идеи о товарно-денежных отношениях, материальной заинтересованности, хозрасчете, значении кооперативных форм хозяйствования и многие другие, высказанные прежде всего в связи с разработкой новой экономической политики, рассчитанной на переходный период, не потеряли актуальности и огромного практического значения и позднее, когда задачи переходного периода были уже решены.

Значителен вклад Ленина в разработку теоретических проблем развития *социальной структуры* социалистического общества. И здесь его усилия были нацелены на конкретизацию — в соответствии с практическим опытом — марксовых представлений о социализме. В последних трудах Ленина высказаны идеи, позволяющие говорить о том, что у него формировалось научное представление о такой социальной структуре нового общества, которая, по крайней мере в начальной стадии, допускает еще существование определенных социально-классовых различий между людьми, характеризуется союзом рабочих и крестьян²³.

²³ См. там же, т. 44, с. 329.

Эти идеи тесно связаны с новыми ленинскими положениями об экономической структуре социалистического общества, в частности с выводом о том, что «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма»²⁴. Следовательно, это строй, при котором в обществе живут и действуют кооперированные цивилизованные труженики города и села. Детальной социальной характеристики их Ленин, как всегда при анализе будущего, не давал. Но из его работ вполне логично сделать вывод, что при наличии различных форм социалистической собственности (согласно научным критериям классового деления общества) между рабочим классом, занятым на государственных предприятиях, и кооперированными тружениками (прежде всего крестьянством) и в условиях социализма могут быть классовые различия неантагонистического порядка.

Развивая марксистскую теорию на базе опыта строительства многонационального по своему составу общества, каким являлось советское, Ленин пришел к выводу о том, что оно должно создаваться на основе неукоснительного соблюдения принципов интернационализма, социалистического федерализма, равенства и братства всех народов, населяющих страну. Известна его бескомпромиссная борьба против сталинской концепции «автономизации», за создание союза равноправных социалистических республик, в рамках которого оптимально учитывались бы и общесоюзные, и национальные интересы²⁵.

Рассматривая общество как целостную систему, Ленин большое внимание уделял разработке проблем развития социалистической *политической надстройки*, роли Коммунистической партии, полномочия Советов, становления самоуправления народа. Из всей совокупности его идей о партии как политическом авангарде народа выделим идею о разграничении функций партийных и государственных органов. Учитывая практический опыт партийного руководства, Ленин резко

²⁴ Там же, т. 45, с. 373.

²⁵ См. там же, с. 360—361. Подробнее об этом см. Правда, 8 июля, 12 августа 1988 г.

критиковал попытки взвалить на партию ответственность за решение каждой конкретной проблемы, выступал против практики, когда «конкретное мелкое дело тащат уже в Политбюро»²⁶. Из его работ следует, что партия призвана разрабатывать теорию и стратегию общественного развития, внутреннюю и внешнюю политику, вести постоянно политико-воспитательную и организаторскую работу в массах. От выполнения этих функций во многом зависит ее руководящая роль в обществе.

После победы Октября в среде партийных теоретиков складывалось мнение о необходимости курса на слияние Советов и профсоюзов в единую организацию, управляющую экономической жизнью общества. Но в дальнейшем, особенно после дискуссии с троцкистами по поводу роли профсоюзов, Ленин со всей определенностью подчеркивал специфику этой массовой организации, выступал за четкое различие ее функций и функций государственных органов. Профсоюзы он рассматривал как важнейшую «школу хозяйничанья» масс, «школу управления»²⁷.

Хорошо известна высокая ленинская оценка того значения, какое имеет социалистическое государство во всей борьбе за построение коммунизма. Ленин много работал в практическом плане над созданием эффективного госаппарата, поиском наиболее действенных форм и методов государственного управления на основе принципа демократического централизма. Вместе с тем он обращал внимание на возможность бюрократического извращения социалистического государства и подчеркивал обязательность строжайшего контроля со стороны трудящихся за аппаратом власти.

Ленин рассматривал систему Советов как единство прямой, самоуправленческой демократии и элементов, как он говорил, парламентаризма, то есть представительных органов, которые демократически формировались путем выборов. При его жизни действовала система съездов Советов — широких и полновластных собраний трудящихся, в промежутках между которыми функционировали весьма полномочные центральные исполнительные комитеты. Массовость представительства сочеталась с работой по законодательству, управ-

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 113.

²⁷ См. там же, т. 42, с. 388—390.

лению и контролю. Через Советы на местах миллионы трудящихся втягивались в политическую жизнь.

Центральной ленинской идеей в концепции социалистической политической системы выступает идея поголовного вовлечения трудящихся в управление государственными и общественными делами, предполагающая неуклонное развитие социалистического самоуправления, широкое выдвижение людей из народа на руководящую работу. Социализм живой, творческий есть создание самих масс — этой мыслью пронизаны многие ленинские работы.

Ленин — инициатор активного формирования основных устоев нового, советского правопорядка, укрепления социалистической законности. В начале 20-х годов были приняты первые кодексы законов, повышена роль суда и адвокатуры, создана прокуратура для надзора за соблюдением законности органами государственного управления, ограничена сфера компетенции ВЧК и т. д.²⁸ Одновременно усилился поиск новых правовых форм регулирования общественных процессов, в том числе экономических.

В своих последних статьях, ставших политическим завещанием, Ленин настойчиво искал пути расширения советской демократии, реальные гарантии, различные меры для надежной защиты новой общественной системы от злоупотреблений, своеволия, произвола любого органа или должностного лица. Далекое не все предложенные им меры удалось осуществить²⁹. Но

²⁸ В данном отношении примечательно письмо Н. И. Бухарина Ф. Э. Дзержинскому от 24 декабря 1924 г., в котором предлагается «скорее переходить к более «либеральной» форме Соввласти: меньше репрессий, больше законности, больше обсуждений, самоуправления (под руководством партии *naturaliter* (естественно.— *Ред.*) и проч.» (см. Вопросы истории КПСС, 1988, № 11, с. 43, 49). Этот курс был теоретически обоснован Н. И. Бухариным в статье «Хозяйственный рост и проблема рабоче-крестьянского блока», опубликованной в журнале «Большевик» (1924, № 14).

²⁹ Подробнее см. *Осадчая А. В. И. Ленин о роли ЦКК в укреплении социализма.* — Политическое образование, 1988, № 10, с. 31—38. Надо отметить, что отрицательное значение имело и то обстоятельство, что даже к концу 20-х годов еще не был завершен процесс формирования тех правовых механизмов, которые обеспечивали бы господство закона в советском обществе, еще сохранялась «правовая незащищенность» молодой политической системы; и это таило возможность для последующих преступлений Сталина и его ближайшего окружения. Способствовал тому и очень низкий уровень правовой культуры основной массы населения.

был заложен фундамент социалистической демократии, начали складываться ее традиции.

Ленинское видение социализма от начала до конца было пронизано лучом гуманизма, светлой верой в творческие силы человека труда. Оно непременно предполагало развитие всех потенциальных возможностей личности, ее духовных задатков. Известно, как высоко ценил и любил Ленин способных людей, с какой терпимостью, пониманием относился к многообразию взглядов, творческих поисков, умело привлекал таланты к строительству нового общества. Он подчеркивал, что социализм в миллионы раз увеличит «дифференцирование» человечества «в смысле богатства и разнообразия духовной жизни и идейных течений, стремлений, оттенков»³⁰. Ленин не только выступал теоретически, но и много сделал в практическом плане, чтобы рождавшаяся в те годы новая, социалистическая культура вбирала в себя и опыт прошлого, и многоцветное богатство творчества современников, дарования которых он стремился в полной мере использовать на благо народу.

В ленинских работах периода 1921—1923 гг. научно обоснован вывод о возможности построения в нашей стране «полного социалистического общества»³¹. Если же взять ленинские идеи в комплексе, то можно сказать, что было разработано целостное учение о *созидании социализма*, охватывающее все этажи социального здания — от экономики до культуры, от развития материально-технической базы общества до преобразования духовного мира людей. И везде просматривается приоритет интересов человека труда. При этом внутренние аспекты социалистического строительства Ленин рассматривал в неразрывной связи с международными условиями, с развитием мирового революционного процесса, раскрывая интернациональное значение этого строительства.

Таким образом, в соответствии с потребностями практики революционного преобразования старого общества в новое Ленин после Октября 1917 г., опираясь на марксистское учение, наибольшее внимание в своей творческой деятельности уделял проблемам социали-

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 281.

³¹ Там же, т. 45, с. 370.

стической организации различных сторон общественной жизни в переходный период. Вместе с тем ему удалось (особенно в 20-е годы) раскрыть неизвестные ранее черты будущего социалистического общества, сформулировать оригинальные научные идеи. Разумеется, эти идеи еще подлежали проверке на практике, дальнейшему развитию, но главное было сделано: намечены основные контуры нового (по сравнению с периодом до начала 1921 г.) видения социализма. Оно было настолько новым, что Ленин говорил о коренной перемене «всей точки зрения нашей на социализм»³².

В январе 1924 г. Ленина не стало. Но он успел оставить руководству партии верный компас для успешного следования курсом социализма. Надо было, преодолевая огромные трудности, строго придерживаться ленинского курса. Этого, к сожалению, не произошло.

* * *

Известные негативные стороны жизни советского общества конца 20-х — 30-х годов в некоторых публикациях объясняются главным образом личными качествами И. В. Сталина — жестокостью, крайним властолюбием, упрощенно-догматическим стилем мышления и т. д. Несомненно, вина Сталина за грубейшие извращения процессов социалистического строительства огромна. Но когда причины всех отрицательных явлений общественной жизни усматривают только в личных качествах одного человека, создается впечатление, что сторонники подобной точки зрения не выходят из плена методологии субъективно-идеалисти-

³² Там же, с. 376. Порой в литературе встречается точка зрения, согласно которой изменения в ленинских взглядах на социализм в последние годы его жизни квалифицируются чуть ли не как «разрыв» с моделью основоположников марксизма. С этим согласиться нельзя. Верный подход к трактовке данной проблемы одним из первых определил в свое время Н. И. Бухарин. В докладе «Ленин как марксист» (февраль 1924 г.) он подчеркивал: «Ясно, что тут никакого разрыва со старой марксистской традицией нет, потому что речь идет о продолжении и применении марксистского метода в совершенно новых условиях, которые в своей конкретности не были известны ни Марксу, ни Энгельсу, по той причине, что не было эмпирических данных, которые позволяли бы делать те или иные обобщения» (Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988, с. 80).

ческого толка. Видимо, к анализу той «модели» социалистического строительства, которая с рубежа 20-х — 30-х годов стала проводиться в жизнь под непосредственным и огромным влиянием Сталина, надо подойти более комплексно, с социологических позиций, как того требует диалектико-материалистическая методология.

Именно с таких позиций, на наш взгляд, дан анализ рассматриваемой проблемы в статьях Ю. А. Полякова, Г. А. Бордюгова и В. А. Козлова, В. П. Наумова, В. В. Рябова и Ю. И. Филиппова³³. Названные авторы исходят из представлений о многомерности исторического процесса, учитывают влияние всей совокупности внутренних и внешних условий, в которых находилась наша страна в те годы, социально-историческую специфику ее развития, а также состояние «человеческого фактора», социальную психологию, ценностные ориентации масс, роль личности. Анализируя конкретно-историческую обстановку конца 20-х — начала 30-х годов, нельзя, думается, не согласиться с тем, что она в какой-то мере стимулировала рекультивирование былых представлений о «штурмовых» методах строительства нового общества, методах «кавалерийской атаки» на капитал, от которых к тому времени не избавились еще многие видные партийные руководители, в том числе и Сталин. Они, по-видимому, недостаточно усвоили ленинское идейное наследие периода 1921—1923 гг., новые идеи о социализме, о чем свидетельствует недооценка ими ленинского завещания³⁴.

Надежда на быстрый рывок, скачок в счастливый мир социализма и коммунизма владела тогда сознанием достаточно широких слоев трудящихся, склонных к «революционному» нетерпению. Этим грешили и друзья СССР за рубежом, ожидая «советского чуда». Все это увеличивало вероятность ошибок субъективистского плана, связанных с переоценкой роли политики как командной силы, влияния государства на общественные процессы с целью их «подхлестывания», а так-

³³ См. Вопросы истории КПСС, 1988, № 8, 9, 10; Коммунист. 1988, № 13; Правда, 30 сентября, 3 октября 1988 г.

³⁴ См. Ленинское завещание.— Правда, 26 февраля 1988 г.

же забвением объективных закономерностей общественного прогресса, забеганием вперед³⁵.

Вместе с тем некоторые авторы, хотя и того или нет, в сущности, снимают часть вины со Сталина за грубейшие извращения идеала социализма и прямые преступления, когда призывают говорить о тех просчетах и ошибках, за которые-де он «лично не несет никакой ответственности», ибо, мол, это трагедии и заблуждения революционного рабочего движения, заблуждения эпохи. Да, такие заблуждения были, как были и глубокие причины объективного порядка, толкавшие на тот курс строительства нового общества, который неразрывно связан с именем Сталина. Но фатальной предопределенности этого курса не существовало³⁶. Реальная действительность содержала в себе альтернативу³⁷. За выбор той или иной из них всю полноту ответственности несет политический лидер.

Сталину, стремившемуся к режиму личной власти, были выгодны и складывавшаяся в управлении жестко централизованная, командно-административная система, и распространенные в партии и народе настроения, выражавшие нетерпение, готовность любой ценой как можно быстрее достичь полного социализма и коммунизма. Из такой реальной почвы и выростала его модель

³⁵ Характерным в этом плане было высказанное на XVII партконференции В. В. Осинским мнение, что первая пятилетка являлась планом построения фундамента социалистической экономики, вторая — планом построения социализма, третья — будет «началом построения высшей фазы коммунистического общества — развернутого коммунизма» (XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1932, с. 232).

³⁶ Заметным налетом фатализма характеризуется, к примеру, позиция И. Клямкина, изложенная в статье «Была ли альтернатива Административной системе?» (см. Политическое образование, 1988, № 10).

³⁷ Например, Сталин и его сторонники, составлявшие большинство в руководящих партийных органах, резко отрицательно отнеслись к позиции Бухарина и его единомышленников Рыкова, Томского, идеи которых сегодня активно обсуждаются в литературе. Привлекает внимание вывод В. В. Журавлева и В. П. Наумова о том, что альтернатива Бухарина «была не в тактических разногласиях со Сталиным, не в споре о выборе конкретных решений в практической политике, а в защите ленинской концепции социализма от сталинских извращений и отступлений от нее, которые уже проявились к концу 20-х годов» (Правда, 9 октября 1988 г.). Думается, этот вывод нуждается в более детальной аргументации, но он, несомненно, дает ориентир для научного поиска.

социализма. Вместо того чтобы строго следовать ленинским методам и принципам социалистического строительства, бороться с неизбежными в эпоху революционных преобразований утопическими иллюзиями широких масс и удерживать их на верном пути, он стал, спекулируя на настроениях масс, насаждать свое видение социализма, искажая марксизм-ленинизм.

В литературе, на наш взгляд, правильно подмечено, что многие публицисты, выступающие со статьями об истоках произошедшего в советском обществе в 30-е годы, обходят вопрос «о доктринальных причинах деформации социализма»³⁸. А ведь социализм — это первое в истории общество, которое строится сознательно, исходя из соответствующих теоретических представлений. Каковы же они были у Сталина и его сторонников?

Прежде всего необходимо отметить, что Сталин допускал грубую ошибку в определении исторического места социализма и понимании природы этого общества. Так, на XVI съезде партии он заявил, что «мы уже вступили в СССР в период социализма»³⁹. И это в то время, когда, как следовало из содержания Отчетного доклада ЦК съезду, переходный период еще не кончился, в обществе действовали его закономерности. Тезис Сталина о том, что в нашей стране «осуществлена в основном первая фаза коммунизма — социализм»⁴⁰, звучал в конце 30-х годов так, будто социализм уже «пройден» и в повестку дня поставлен переход к коммунизму. Здесь нашла отражение такая модель социализма, в которой он рассматривается лишь как краткосрочный период перехода к коммунизму. При этом умалялось значение социалистической фазы новой общественной формации, недооценивалась присущая ей историческая миссия подготовки всех предпосылок для перехода к коммунизму. Вопреки ленинским положениям Сталин игнорировал необходимость относительно продолжительного развития социализма

³⁸ Ципко А. Истоки сталинизма.— Наука и жизнь, 1988, № 11, с. 48.

³⁹ XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 28 июня — 13 июля 1930 г. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1935, с. 519.

⁴⁰ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939, с. 648.

на собственной основе, а саму эту основу трактовал неверно. Социализм представлялся ему, судя по всему, как некая механическая комбинация «пережитков прошлого» и «ростков» коммунизма. Достаточно, мол, поскорее избавиться от «пережитков», применяя все средства, в том числе насилие и принуждение, и быстрый переход к коммунизму обеспечен. Такие взгляды еще больше побуждали к забеганию вперед и весьма длительное время, фактически вплоть до начала 80-х годов, порождали облегченное, упрощенное представление о движении к коммунизму.

Видимо, было бы неверно говорить об абсолютном «склерозе» теоретической мысли в 30-е годы, ибо сама практика строительства нового общества ставила вопросы и требовала ответов на них. Сложный процесс познания социализма продолжался. Но, во-первых, теория социализма находилась в тисках сталинских идеологических стереотипов и почти не имела возможностей для творческого развития. Во-вторых, там, где она продвигалась вперед в правильном направлении, она часто не доходила до практики, испытывавшей безраздельное влияние субъективистской по характеру политики Сталина и его ближайшего окружения.

Нельзя, например, не отметить, что и в 30-е годы продолжали разрабатываться вопросы о судьбах товарно-денежных отношений, торговли при социализме. Они вызывали тогда весьма жаркие споры, которые свидетельствуют: познание нового легко не дается, готовых рецептов ни у кого и ни в каких трудах не было⁴¹. На XVII партийной конференции были подвергнуты критике взгляды о немедленном отмирании денег и торговли, о свертывании хозрасчета в условиях социализма⁴². Значение советской торговли подчеркивалось в документах Пленума ЦК ВКП(б), состоявшегося в сентябре 1932 г.⁴³. Более того, например, в выступлении Н. И. Бухарина на январском (1933 г.) Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК вырисовывались «контуры концепции социалистического

⁴¹ См., например, *Большевик*, 1930, № 5, 7—9.

⁴² См. XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет, с. 191, 193.

⁴³ См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5, 9-е изд., доп. и испр. М., 1984, с. 421—427.

рынка, нормализации экономической жизни, осмысление социализма как товарно-планового хозяйства, в котором огромную роль играла бы торговля, хотя и на новой основе»⁴⁴.

В какой-то мере уточнялись взгляды и по вопросам социальной структуры социалистического общества. На XVII партконференции в докладе В. М. Молотова проблема трактовалась по схеме: раз нет уже капиталистических элементов, эксплуататоров, то в стране утвердилась бесклассовая структура. Так и было записано в резолюции этого партийного форума. Но на данной конференции раздавались и сомнения в правильности подобной трактовки⁴⁵. Позднее в докладах Сталина о Конституции СССР и на XVIII съезде партии была дана более реалистическая, хотя и неполная, характеристика социальной структуры советского общества. В документах XVIII партсъезда отмечалось, например, что общество в СССР состоит «из двух дружественных друг другу классов — из рабочих и крестьян, грани между которыми, а также между этими классами и интеллигенцией, стираются, постепенно исчезают»⁴⁶.

Сказанное подтверждает, что и в 30-е годы под давлением потребностей практики имело место определенное продвижение вперед в познании существенных черт социализма. Нельзя не вспомнить, например, о дискуссиях при обсуждении вопросов конституционного устройства СССР и др. Но еще важнее учитывать другое: все более катастрофически расширялся разрыв между научной теорией и существовавшей практикой, не вводились механизмы, необходимые для реализации концепции научного социализма, воплощались в жизнь лишь те идеи, которые исходили прежде всего от Сталина, абсолютизовавшего применение чрезвычайных мер в строительстве нового общества, волевые, сугубо волюнтаристские начала в политике, грубо деформировавшие облик социализма.

Сейчас становится почти общепринятой точка зрения о том, что оценки, содержащиеся в известном

⁴⁴ См. Коммунист, 1988, № 13, с. 106.

⁴⁵ См. XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет, с. 191, 206.

⁴⁶ КПСС в резолюциях и решениях..., т. 7. М., 1985, с. 51.

постановлении ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» (30 июня 1956 г.) и сыгравшие свою роль в политике и историко-партийной науке, уже нельзя считать исчерпывающими при объяснении указанного феномена. Например, в этом документе высказывается негативное отношение к термину «сталинизм». Если учесть конкретно-исторические условия того времени, когда названный термин использовался в основном в антикоммунистической литературе и в сугубо антисоветских целях, то подобное отношение станет понятным. Ныне же в советской литературе такие термины, как «сталинизм» и «сталинщина», получили широкое распространение. От них уже не отмахнуться, они уже стали предметом научных дискуссий⁴⁷. Представляется, что эти термины имеют свое конкретное содержание: под «сталинизмом» подразумевается наличие системы взглядов и идей по проблемам общественной организации, конкретным выражением которой стала соответствующая модель социализма, воплощавшаяся в жизнь; «сталинщина» — это грубые извращения принципов социализма, произвол и незаконие на практике, в реальной действительности. Одно неотделимо от другого. И то, и другое означает прямые искажения ленинского курса построения социалистического общества, научной концепции социализма. А упомянутые выше термины позволяют более четко выразить это обстоятельство.

В сфере экономики, например, сталинизм проявился не только в том, что в конце 20-х годов был свернут нэп, но и в том, что фактически прекратились поиски экономических методов управления народным хозяйством. Говорилось, правда, — и немало — о внедрении хозрасчета, о развитии советской торговли и т. д., но на практике господствовали гипертрофированные командно-административные методы руководства, а товарно-денежные отношения были низведены до уровня учетно-регистрационных категорий. И позднее Сталин в своей работе «Экономические проблемы социализма в СССР» вопреки реальным потребностям развития экономики и выдвинутым Лениным требованиям об учете товарно-денежных отношений в механизме хозяйствования рассматривал в качестве непосредственной

⁴⁷ См., например, Вопросы истории КПСС, 1988, № 11, с. 41.

задачи переход к прямому продуктообмену, ограничению, а затем и полной ликвидации товарно-денежных отношений. Развиваемое им в этой работе положение о том, что сфера действия закона стоимости при социализме «строго ограничена»⁴⁸, стало своего рода теоретической платформой того административного произвола, который допускался тогда в сфере ценообразования, в управлении экономикой в целом.

Осуществлялся курс на предельную централизацию, «огосударствление» средств производства. На словах признавалась специфика колхозно-кооперативной формы собственности, а на деле колхозы, в сущности, находились под диктатом госаппарата, были лишены необходимой самостоятельности в решении своих жизненных проблем. Это наносило ущерб союзу рабочего класса и крестьянства. Материальные интересы трудящихся из первостепенного и действенного регулятора социальной активности превращались в нечто отрицательное в идеологическом смысле, трактовались чуть ли не как что-то присущее отношениям частной собственности.

Вопреки сделанным самим же Сталиным во второй половине 30-х годов выводам об изменениях в социально-классовой структуре общества, об укреплении его единства им была выдвинута и глубоко ошибочная, крайне вредная по своим практическим последствиям версия об обострении классовой борьбы по мере успехов в строительстве социализма, послужившая, как известно, теоретическим обоснованием массовых репрессий. Жертвами их стали многие и многие коммунисты, беспартийные рабочие, крестьяне, представители интеллигенции.

Сталинизм и сталинщина означали грубейшие нарушения ленинского видения социализма в политической сфере. Из теоретического лексикона исчезло само понятие «социалистическое самоуправление». Правда, много говорилось о «расцвете» советской демократии, но в действительности происходила тотальная централизация административного управления всеми областями общественной жизни — от экономики до духовной сферы. Институты демократии приобретали сугубо фор-

⁴⁸ См. *Сталин И.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952, с. 22, 93—94.

мальный характер. Массы, горячо поддерживавшие Советскую власть как свою собственную, фактически отчуждались от реального участия в управлении. В партии воцарились отношения, основанные на командах и их исполнении, делении партийцев в зависимости от ранга должностей. Произошло не только сращивание партийного и государственного аппарата, но партийные органы стали подменять Советы. Выборные органы власти не только лишились функции контроля над исполнительными органами, но и попали под их зависимость⁴⁹. Все это привело к тому, что политическая система из двигателя общества превращалась в тормоз его развития⁵⁰. Карательные органы государства вышли из подчинения закону и обществу, были поставлены, по сути дела, на службу одному лицу — Сталину, творили произвол и насилие над многими честными людьми.

В области идеологии особый упор делался на раздувание (с помощью мощного пропагандистского аппарата) культа личности вождя, на слепое повиновение всем его указаниям. Стремление держать сознание людей в идеологических шорах, подмена творческого мышления специально подобранным кодексом установок, догматическое единомыслие, унификация потребностей и запросов, грубое манипулирование человеком как пассивным «винтиком» политической машины — все

⁴⁹ Так, за весь период действия системы высших государственных органов, образованных в соответствии с Конституцией СССР 1936 г., правительства СССР, союзных и автономных республик или их отдельные министерства фактически не отчитывались в своей работе на сессиях Верховных Советов СССР, союзных и автономных республик. Сессионный характер работы Верховных Советов СССР, союзных и автономных республик, ограничение их деятельности в основном лишь принятием законов, с одной стороны, и сужение полномочий их Президиумов — с другой, привели к тому, что государственное управление страной преимущественно осуществлялось только Советами Министров СССР, союзных и автономных республик. Значение Верховных Советов и их Президиумов в государственном управлении страной значительно снизилось по сравнению с той ролью, которую играли в первые годы существования Советской власти съезды Советов и сессии ВЦИК и ЦИК СССР.

⁵⁰ См. *Горбачев М. С.* К полновластияю Советов и созданию социалистического правового государства. Доклад и заключительное слово на внеочередной двенадцатой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва, 29 ноября — 1 декабря 1988 года. М., 1988, с. 7.

это свидетельствует об антигуманной направленности сталинской модели социализма.

Усилиями мощного пропагандистского механизма в сознании подавляющего большинства советских людей внедрялась версия о том, что Сталин персонифицирует собой подлинно научный социализм, базирующийся на идеях ленинизма, и с этой позиции трактовалось все происходящее в советском обществе. В действительности же сталинизм означал поворот, отступление от курса на построение социализма, разработанного партией под руководством Ленина.

Какое же общество создавалось в СССР? На XVIII съезде ВКП(б) (март 1939 г.) в докладе Молотова было высказано положение о том, что социализм в нашей стране в основном построен⁵¹. Имелись ли основания для такого вывода? К этому времени средства производства и в промышленности, и в сельском хозяйстве были обобществлены, с общественной арены сошли эксплуататорские классы, провозглашено равноправие людей вне зависимости от национальной принадлежности, власть трудящихся была законодательно закреплена в Конституции. Общественная система переходного периода с ее многоукладностью экономики, классовой борьбой по принципу «кто — кого» отошла в прошлое. Забывать об этом нельзя. По сравнению с переходным периодом общество, несомненно, приобрело новое качественное состояние, хотя задачи завершения переходного периода были решены урезанно, с деформациями. Думается, это обстоятельство надо учитывать и при рассмотрении проблем периодизации истории партии и советского общества, уделив внимание прежде всего анализу того, что было сделано или не сделано на том или ином этапе.

Что же получилось в итоге? В упоминавшейся статье трех авторов нет достаточно ясного ответа на этот вопрос. Между тем на базе изучения имеющихся фактов можно сделать уже более определенный вывод. Представляется, что то общество, которое было построено в основном в нашей стране в конце 30-х годов, явилось результатом воплощения в жизнь сталинской модели социализма. В реальности она представляла со-

⁵¹ См. XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет, с. 283.

бой внутренне противоречивую общественную систему, включающую в себя как основные черты социалистического строя — обобществление средств производства, новый тип социальной структуры, власти и идеологии и т. д., правда, функционирующие в деформированном виде, так и явления, чуждые природе социализма (репрессии, разного рода другие преступления на почве злоупотребления властью, культ личности и т. п.). В чертах нового, социалистического строя, хотя они еще не развернули, да и не могли в тех условиях развернуть полностью присущих им преимуществ, массы видели реальные завоевания Октября. Это усиливало их активность, порождало надежды на лучшее будущее, гордость за достижения в социалистическом строительстве. «Несмотря на все сложности и тормозящие факторы, миллионы советских людей самоотверженно трудились во имя социализма,— подчеркнул М. С. Горбачев, выступая на встрече с молодежью 29 октября 1988 г.—...Значит, жива социалистическая идея в наших людях, во всех поколениях, сохранилась преданность Октябрю, вера в социализм, вера в наш выбор»⁵².

Эклектичность сталинской модели социализма, ее внутренняя противоречивость затрудняют характеристику сложившейся на ее основе общественной системы⁵³. Порой высказываются мнения, что нельзя считать созданное у нас общество социалистическим, что нам еще предстоит «выруливать» на социалистическую дорогу⁵⁴. Эти мнения представляются односторонними. На наш взгляд, в них абсолютизируется лишь то в

⁵² Перестройка и молодежь: время действий. Встреча М. С. Горбачева с молодежью Москвы и Подмосковья, 29 октября 1988 года. М., 1988, с. 30.

⁵³ В литературе имеется попытка дать содержательную характеристику того общества, которое было построено при Сталине (см. *Плимак Е.* Политическое завещание В. И. Ленина. Истоки, сущность, выполнение, с. 130). При этом используются некоторые положения К. Маркса, касающиеся характеристики так называемого «грубого коммунизма» (см. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 113—127). Попытка сама по себе интересная, но требующая, на наш взгляд, дальнейшей глубокой проработки.

⁵⁴ См., например, *Афанасьев Ю.* Ответы историка.— Правда, 26 июля 1988 г.

названной системе, что было чуждо социализму или грубо деформировано. Но ведь она, как мы видим, не сводилась только к этому. Основы социализма, его черты проявлялись в жизни, затрагивали интересы масс (например, ликвидация безработицы, подъем образовательного уровня населения, бесплатное здравоохранение, прогрессивная система социального обеспечения и т. д.), укрепляли их веру в то, что они создали новое общество. Это так и было, хотя — еще раз надо подчеркнуть — фундаментальные черты общества в реальности далеко не во всем соответствовали тем критериям социалистичности, которые вырисовываются из работ Ленина, а некоторые из них функционировали в глубоко деформированном, извращенном виде. Негативные явления, порожденные сталинщиной, особый урон нанесли демократической и гуманистической сущности социализма.

Политика Сталина, направленная на воплощение в жизнь его модели социализма, находилась в противоречии с ленинскими идеями, с перспективными интересами советского народа, потребностями и тенденциями подлинно социалистического развития страны. Но с помощью грубого диктата и насилия она дала свои горькие плоды, проникла так глубоко в ткани общественных отношений, что надолго определила основные контуры советского общества и внутренние механизмы системы социального управления, которую теперь справедливо именуют командно-административной.

XX съезд КПСС (1956 г.) сделал много для очищения советского общества от негативных наслоений и деформаций, но живительным процессам избавления от сталинизма в то время не хватало глубины, последовательности и полноты, а со второй половины 60-х годов началась как бы реанимация сталинского наследия, которая стала особенно заметна на фоне явлений застоя в 70-е годы, когда весьма ясно обнаружилась нить преемственности с системой административного социализма. Нужны были мощный революционный поворот апреля 1985 года, решения XXVII съезда партии, XIX Всесоюзной партийной конференции, Пленумов ЦК КПСС, чтобы партия, все наше общество получили возможность вернуться к ленинскому пониманию социализма и развернуть подлинно революционную перестройку в духе ленинизма.

Разумеется, возрождение сегодня ленинских представлений о социализме было бы неверно понимать как простой «возврат к Ленину». Обстоятельства теперь иные, чем при его жизни. Суть дела состоит в том, чтобы полностью избавиться от сталинских деформаций, на прочной базе марксизма-ленинизма развить и претворить в жизнь научную концепцию, в которой наиболее полно учитывались бы закономерности и особенности современного этапа развития нашего общества, наши идеалы, принципы социализма, обосновывались способы действий, гарантирующие успешный ход перестройки, а также учитывался бы разносторонний опыт мирового социализма.

Разработка проблем теории социализма требует больших усилий и представляет собой весьма трудное дело. Господство командно-административных методов, проявления застоя крайне отрицательно сказались на состоянии общественных наук. Их творческий потенциал был втиснут в прокрустово ложе догматических схем, во многом использовался для лакировки действительности. Отступления от норм и принципов социализма в политике вели к отрыву теоретических исследований от практики, ее потребностей. В условиях перестройки приходится решать порой весьма болезненное противоречие между стремлением к истине и давлением многолетних стереотипов догматизма. К тому же на практике приходится сталкиваться с последствиями результатов длительного действия механизма торможения, борьбой старого с новым. Это сказывается на темпах реального обновления социализма: преобразования идут медленнее, чем предполагалось ранее. И все же, обобщая опыт революционной перестройки, возвращая подлинный смысл многим идеям классиков марксизма-ленинизма, наша партия уже внесла весомый вклад в научную концепцию социализма, продолжает обогащать ее новыми положениями и выводами. Остановимся на некоторых из них.

Так, в духе ленинских требований «обобществления на деле», приобщения трудящихся к распоряжению средствами производства осуществляется сейчас перестройка в сфере отношений социалистической собст-

венности. Смысл ее в том, чтобы перейти от в значительной мере формального к реальному использованию трудящимися своих прав собственника, хозяина средств производства, всех общественных богатств. Эта линия четко просматривается, например, в «Законе СССР о государственном предприятии (объединении)», принятом в июне 1987 г.⁵⁵

Практика показывает, что лишь тогда, когда общенародная социалистическая собственность какой-то своей частью, в каких-то формах оказывается одновременно и собственностью конкретного работника, может быть создано то объективное положение, при котором, отстаивая свои собственные интересы, он одновременно реализует и общественные интересы. В этом плане особый эффект дают различные формы подряда, арендных отношений, хотя они применяются еще не так широко, как требует жизнь.

В ленинском духе рассматривается ныне и вопрос о кооперативной форме собственности. Закон о кооперации в СССР исходит из того, что последовательное развитие кооперативного движения в стране превращает кооперацию в широко разветвленную систему, органически связанную с государственным сектором экономики и индивидуальной трудовой деятельностью населения. Меняются, хотя и медленно, взаимоотношения государства и кооперативов, в частности колхозов. Раньше, как уже отмечалось, они строились в основном на командно-административных методах управления, подрывающих принципы колхозной демократии. Такая практика была осуждена решениями XXVII съезда КПСС, указавшими на то, что деятельность колхозов должна строиться на принципах хозяйственной самостоятельности и самоуправления. Эта установка была полностью поддержана IV Всесоюзным съездом колхозников⁵⁶. В развитие этих принципов в Законе о кооперации в СССР закреплены положения о необходимости более строгого соблюдения прав кооператоров, значительного повышения самостоятельно-

⁵⁵ См. О коренной перестройке управления экономикой. Сборник документов. М., 1988, с. 4.

⁵⁶ См. Правда, 24 марта 1988 г.

сти и инициативы колхозов и других кооперативных предприятий⁵⁷.

Современный подход к решению проблем развития социалистической экономики предполагает подлинно ленинскую оценку важности товарно-денежных отношений, которая адекватна их объективной роли в механизме планомерных хозяйственных связей. Но нужно придать еще большее значение, чем до сих пор, социалистическому рынку, договорным отношениям между предприятиями, между потребителями и производителями. Это позволит оптимальнее увязывать, согласовывать общественные интересы с коллективными и личными, добиваться их единства.

Сегодня особенно ясно видно, что и такое великое завоевание нашего строя, как интернациональное единство советского народа, проявляется через многообразие интересов, складывается через непрестанное разрешение живых противоречий в сфере межнациональных отношений. Работа в этой сфере, как подчеркивалось на ноябрьском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС, требует наиболее полного учета как специфических интересов различных наций и народностей, так и задач сохранения и упрочения братской дружбы народов Советского Союза⁵⁸. Сейчас теоретически глубоко прорабатывается курс партии на расширение прав союзных республик и автономных образований, на гармонизацию отношений между Союзом в целом и отдельными республиками. Исходной основой здесь служат ленинские идеи социалистического федерализма. Вместе с тем к решению обострившихся в последнее время проблем межнациональных отношений нужны новые подходы, о чем специально пойдет речь на одном из Пленумов ЦК КПСС.

ХІХ Всесоюзная конференция КПСС, выдвинув в качестве приоритетных задач осуществление реформы политической системы советского общества и правовой реформы, углубление гласности и борьбу с бюрократизмом, сделала упор на перестройку политической сферы как необходимое условие необратимости перестройки в

⁵⁷ См. Закон Союза Советских Социалистических Республик о кооперации в СССР. Принят на девятой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва 26 мая 1988 г. М., 1988, с. 43—62.

⁵⁸ См. Правда, 29 ноября 1988 г.

целом. Взятая на вооружение партией концепция революционных преобразований в политической системе призвана устранить деформации прошлого, в полной мере восстановить и воплотить в жизнь ленинское учение о партии, возродить ленинские идеи и практику социалистического самоуправления народа, создать прочные гарантии недопущения таких явлений, как культ личности, произвол, субъективизм и т. п. Эта концепция включает в себя целый комплекс требований, выполнение которых по-новому определяет роль в соотношении партии, Советов, административных органов и общественных организаций⁵⁹.

На базе ленинских представлений о социализме осуществляется и обновление духовной жизни общества. Оно характеризуется, в частности, признанием роли и значения социалистического плюрализма в данной сфере общественной жизни. Сама социалистическая действительность свидетельствует: единство людей в коренных, главных идеях не означает полного тождества их мыслей по тем или иным конкретным вопросам. Подход к идейному единству как внутренне динамичному, многообразному проявляется ныне в духовной сфере во все большей демократизации дискуссий, гласности, свободном выражении различий в мыслях, высказываниях. Всему этому необходимо учиться, твердо придерживаясь принципов социализма. В то же время, как учит ленинизм, идейные поиски, социалистический плюрализм в духовной сфере не означают «всеядности», абсолютного произвола в выборе методологии и этических принципов⁶⁰. Критерий здесь — социалистичность мировоззрения членов общества, их активная политическая и нравственная позиция.

Таким образом, сквозь призму идей XXVII съезда КПСС и XIX Всесоюзной партийной конференции социализм видится как строй реального гуманизма, высшей ценностью которого является человек, как строй динамичной экономики, удовлетворяющей жизненные потребности людей, строй социальной справедливости,

⁵⁹ См. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, с. 118.

⁶⁰ В. И. Ленин указывал, что люди, идейно «не согласные в основном», — это люди, «неспособные действовать действительно дружно, действительно сообща» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 271).

подлинного народовластия, высокой культуры и морали. Именно для того, чтобы придать социализму подлинно гуманный облик, отвечающий ленинским идеям, КПСС и мобилизует усилия народа на перестройку всех сторон общественной жизни, достижение качественно нового состояния советского общества.

Глубокое изучение ленинской концепции социализма, ее истоков, отступлений от нее, ее возрождение и развитие — неперенное условие разработки подлинно научной истории партии, способной ярко раскрыть деятельность народных масс, руководимых своим политическим авангардом, по строительству нового общества, показать, как переплетались в этой деятельности победы и неудачи, открытия и ошибки, светлое и трагическое — все то, что составляет правду жизни.

Вопросы истории КПСС. 1989. № 1.
С. 18—35.

О переоценке ценностей в историческом сознании

Методологические аспекты

Перестройка и формирование нового мышления связаны с процессом переоценки ценностей, который захватывает практически все сферы жизни нашего общества. Пересматриваются изжившие себя представления и стереотипы, восстанавливаются подлинные ценности социализма, выражающие его демократическую и гуманистическую сущность, преодолеваются ложные ценности или антиценности, возникшие во времена сталинизма и застоя.

Перестройку общественного сознания невозможно было начинать без подлинно научного, то есть основанного на фактах, честного и непредвзятого переосмысления исторического опыта. По словам В. И. Ленина, «...действительная история есть база, основа, бытие, *за коим* идет сознание» (Полн. собр. соч., т. 29, с. 237).

Происходит существенное обновление знаний и оценок, связанных с историей нашей страны, особенно ее советского периода. Начат трудный, но насущно необходимый процесс ее очищения от лжи и фальсификаций, от умолчаний и лукавой полуправды. Заполняются «белые пятна», по-новому трактуется роль и значение многих партийных, государственных, военных и иных исторических деятелей, событий и явлений. Ликвидируются зоны, прежде практически закрытые для исследования, постепенно становятся доступными архивы и исторические документы.

Однако протекает все это далеко не гладко. Взгляды на ряд событий, оценки некоторых исторических фигур приобретают неоднозначный, а порой и полярный характер. Видимо, данная ситуация объясняется не только гносеологическими причинами, то есть особой сложностью добывания истины в области истории, но

и неодинаковостью жизненного опыта и социальных позиций спорящих, а также инерционностью исторических представлений, стереотипов и иллюзий у некоторых групп населения.

Разоблачение сталинщины и связанных с ней преступлений для некоторых означает как бы нарушение душевного комфорта. Им, очевидно, удобнее жить, вырубив прошлое из памяти. Вот какую записку мне довелось получить во время одной из лекций: «Так ли необходима для становления общественного сознания проблема «белых пятен»? Целую историческую эпоху советский народ или ничего не знал из истории партии и страны, или знал то, что ему «позволяли» знать. И ничего — жили и развивались. Может быть, и дальше проще жить таким образом?». «Жить проще» — это не значит жить достойно. Есть простота, которая, как говорится, хуже воровства. Да, страна жила и развивалась. Но сколько неиспользованных возможностей, упущенных шансов, какие ужасные и бессмысленные потери мы имели на этом пути! Глубоко аморальна попытка лишить народ его исторической памяти. Прах невинных жертв должен всегда стучаться в сердца живущих, дабы ни они, ни следующие за ними поколения не допускали и не испытывали ничего подобного.

Как считал В. Сухомлинский, чувство современности, то есть сопричастность со всем важным, что происходит сейчас, чувство ответственности за развитие событий наших дней, неотделимо для нас от другого чувства — чувства истории, сопричастности с прошлым нашей Родины и человечества, ответственности за их будущее. Одно чувство можно назвать горизонталью современности, другое — вертикалью, идущей от прошлого к настоящему и будущему. Каждый человек есть точка пересечения этих координат, он их живое средоточие, воплощение связи времен. В этом реальное, а не мифическое бессмертие смертного человека. «Убежден, что духовная зрелость приходит к человеку с видением жизни своего поколения как одного из звеньев в бессмертной цепи человечества» (Сухомлинский В. Потребность человека в человеке. М., 1978, с. 77).

На смену догматическому униформизму и апатичному конформизму пришла живая мысль, оплодотворенная эмоциями, без которых познание истины невозможно.

В спорах рождается истина. Именно рождается, а не приходит готовой. Плюрализм мнений в области исторического знания, бесспорно, следует расценить как явление в высокой степени положительное. Но при этом надо учитывать, что плюрализм мнений не равнозначен плюрализму истин, а ведь к ее достижению и должна стремиться любая дискуссия, иначе она вырождается в пустопорожнюю говорильню. Истина, взятая в определенных конкретно-исторических условиях и границах, единственная, а мнений по ее поводу может быть много. На каждый корректно поставленный вопрос можно дать один правильный ответ, а неправильных ответов может быть, строго говоря, бесчисленное множество. Поэтому не могут быть правы все спорящие. Никакая логика — ни формальная, ни диалектическая — не разрешает делать одновременно противоположные высказывания по одному и тому же строго сформулированному вопросу. Как отмечал Ленин, «это совсем не марксизм» (т. 30, с. 37).

Истина в историческом познании не должна зависеть от чьих-то пристрастий, симпатий или антипатий, ей противопоказаны конъюнктурные соображения, субъективизм и волюнтаризм, ее нельзя задрапировать, скажем, в националистические одежды, поставить на службу чьих-либо амбиций. Истина только тогда заслуживает названия истины, если она является объективной, то есть когда ее содержание, по известному определению Ленина, не зависит ни от человека, ни от человечества.

Вместе с тем истину нельзя считать чем-то раз и навсегда данным, застывшим и неподвижным. Это бы привело к догматизму и консерватизму, что фактически и произошло с нашей общественной мыслью в годы застоя. Истина есть бесконечный процесс углубления мысли в предмет исследования. Основоположники нашего учения всегда рассматривали его не как катехизис, или собрание готовых абсолютных истин в последней инстанции, которые надлежит заучить и применять всюду и везде, не считаясь с конкретными обстоятельствами и изменившимися условиями. Марксизм, как и всякая наука, есть система развивающихся относительных истин, каждая из которых включает в себе лишь частицу истины абсолютной. И это не чисто эволюционное, плавное развитие. Оно включает в себя

борьбу противоречий, переходы в новое качественное состояние, перерывы постепенности, отрицание отрицания. Формирование нового мышления и следует, видимо, считать конкретным выражением глубокой диалектической противоречивости социального познания.

Особенно сложен и противоречив процесс достижения истины в исторической науке. Прежде всего это объясняется тем, что предмет познания, как правило, уже не существует. Остались лишь его следы, запечатленные в документах, воспоминаниях современников и некоторых других данных. Из логики известно, что умозаключения от следствий к причинам, их породившим, имеют вероятностный характер, хотя степень вероятности может быть достаточно высокой.

Но если отсутствуют или, например, уничтожены документы, а заодно и основные свидетели, то составить истинное представление о том или ином историческом событии или факте во всей его полноте и конкретности бывает чрезвычайно трудно, порой и просто невозможно. Выдвинутые по этому поводу гипотезы или версии, обычно противоречащие друг другу, так и остаются гипотезами, поскольку нет достаточных оснований для превращения одной из них в научно доказанное, вполне достоверное положение и соответственно для отбрасывания всех остальных как несостоятельных. Наука знает немало таких исторических загадок, за разрешение которых при помощи художественных средств, психологического анализа берется подчас литература, создавая на этой основе в отдельных случаях высочайшие эстетические и этические ценности. Достаточно в этой связи назвать трагедию Бориса Годунова, гениально изображенную в творениях Пушкина и Мусоргского.

Настоящее, из которого рождается будущее, всегда многовариантно, содержит выбор между несколькими возможностями, носящими иной раз альтернативный характер. Но поскольку время, в том числе и историческое, необратимо, течет в одном направлении, то прошлое однозначно, в нем уже ничего нельзя изменить, подправить, улучшить... Конечно, всегда были охотники переписать историю по своему вкусу и усмотрению. Однако эти фальшивки рано или поздно разоблачаются, и не о них сейчас идет речь. История в принципе не знает сослагательного наклонения, поэтому рассуж-

дения по формуле: что было бы, если бы... не имеют доказательной силы. И тем не менее такие рассуждения — не плод праздного ума, психологически они, во всяком случае, вполне объяснимы.

Мы, конечно, вправе экстраполировать на будущее сложившиеся тенденции развития на каком-то отрезке истории, учитывая характер политических лидеров той поры. Но это будущее особого рода: речь идет о том варианте или возможности, которые вполне могли бы быть, но их не было. В ряде случаев подобные предположения содержат такую степень вероятности, которая приближается к достоверности. Нам очень нетрудно представить, что было бы с нашей страной, если бы Ленин не ушел из жизни так рано, если бы он достиг хотя бы такого жизненного срока, который был отпущен последующим нашим лидерам... Но гораздо труднее ответить на тот же вопрос применительно к другим политическим лидерам той поры: Бухарину, Троцкому, Зиновьеву, Рудзутаку и т. д. Вообще моделирование несостоявшихся возможностей и вариантов развития опирается на зыбкую почву одних предположений. Это, в сущности, ненаучный способ рассуждения.

В современный, критический для судеб социализма и мировой цивилизации исторический момент от марксистов больше чем от кого бы то ни было требуются творческий подход и гибкость диалектического мышления, отказ от тех положений, теорий, которые были правильны в каких-то отношениях для своего времени, но ныне утратили свое значение. Цепляться за них — значит стать догматиками, безнадежно отстать от быстротекущего времени. Но не следовало бы забывать, что гибкость политического мышления для Ленина никогда не означала отказа от принципиальной, сущностной основы диалектико-материалистического мировоззрения. Как в физике существуют мировые константы, имеющие инвариантный характер, так и марксизм, на наш взгляд, имеет свои методологические константы, в которых в высокой степени выражена абсолютная истина. К их числу, на наш взгляд, относятся: материальное единство мира, единство и борьба противоположностей как внутренний источник самодвижения, объективность рассмотрения, партийность и конкретно-исторический подход в познании и, вероятно, некото-

рые другие. Ключевое положение в нашем мировоззрении заняли ныне положение о приоритете общечеловеческих ценностей как идейная основа нового политического мышления, принципы социалистического гуманизма и демократизма.

* * *

* .

Переоценка ценностей в исторической науке не может, как мы убеждены, быть успешной, если не использовать в полной мере методологический арсенал марксизма. Новые оценки, подходы, версии и т. п. лучше всего выражать в категориях исторического материализма. Ведь речь идет не только и не столько об оценках отдельных исторических деятелей и всего, что с ними связано. В центре современных споров стоят коренные вопросы философии истории: откуда, куда и как идет наше общество, чего мы достигли и чего не достигли, что построили или недостроили, какова концепция дальнейшего развития и каков прогноз на будущее. Вопросы эти имеют для нас, да и для всего человечества судьбоносный характер. Поэтому подход к их решению требует не только научной ответственности, методологической четкости, логической безупречности, но и, я бы сказал, социалистической гражданственности.

Социалистический плюрализм мнений имеет, как это очевидно, свои идейные, нравственные и политические границы, определяемые интересами самого социализма, то есть задачами его совершенствования и дальнейшего прогрессивного развития. Внутри этих границ возможны и необходимы совместный поиск наилучших вариантов научного решения насущных проблем перестройки и совершенствования социализма, сопоставление различных точек зрения, споры и дискуссии, пусть самые острые и горячие, но между единомышленниками.

Именно в таком контексте следует понимать выраженные в данной статье критические замечания и несогласие по ряду спорных вопросов с некоторыми известными советскими историками и философами. При этом наши замечания концентрируются в основном на методологических вопросах. Разумеется, автор не претендует на истину в последней инстанции, хотя и убеж-

ден в логической корректности приводимых им рассуждений.

Как уже отмечалось, одним из спорных стал вопрос о характере существующего в нашей стране общественного строя. Можно ли назвать его вполне социалистическим, ликвидирована ли у нас на деле частная собственность? Некоторые авторы в этом сомневаются.

Остановимся для примера на рассуждениях известного историка Ю. Н. Афанасьева: «В качестве важнейшего достижения в развитии нашего общества считается ликвидация частной собственности. А ликвидирована ли она на самом деле? Как, например, ответить Л. Карпинскому, обосновывающему идею, что мы имеем перед собой вставшую на дыбы частную собственность, проявляющуюся в форме собственности на функцию, на кресло, на должность?...» (Иного не дано. М., 1988, с. 493). Итак, нас приглашают присоединиться к мнению, что в нашем обществе существует частная собственность, хотя и «вставшая на дыбы». А если это так, то ни о каком социалистическом строе не может быть и речи.

Следует напомнить, что идея, которую якобы обосновал Л. Карпинский, была выдвинута еще в начале XX столетия, когда стали формироваться основные элементы технократической концепции. Суть этой концепции хорошо известна и сводится к одному ложному тезису: собственность на средства производства потеряла свое значение силы, определяющей классовую структуру общества, главную роль в обществе играет функция управления производством и другими видами социальной деятельности. В результате отделения капитала-собственности от капитала-функции реальная власть перешла от буржуазии к управляющим, или директорам, менеджерам. Буржуазно-апологетический характер этой теории о «революции управляющих» очевиден.

Распространяя эту «теорию» на социалистическое общество, буржуазные идеологи утверждают, что в нем имеется правящий класс — класс бюрократов, куда огулом включаются партийные, советские, хозяйственные и все иные руководители, «эксплуатирующие народ».

Что же можно ответить на это обвинение? Прежде всего то, что в буржуазном обществе нет частной собственности на функции, на управленческие должности

и начальственные кресла. Процесс управления капиталистической экономикой — это не чисто организационная или техническая функция, а функция эксплуатации наемного труда, носящая классовый характер. Однако кадры управления производством не являются и не могут являться особым классом, тем более господствующим. Высшие менеджеры, являясь, как правило, крупными акционерами, сливаются с буржуазией. Тем не менее их состав почти полностью обновляется за 10—15 лет, что по мировым стандартам считается оптимальным сроком для пребывания на руководящей должности, остальной управленческий персонал — наемные служащие монополий со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Что касается кадров управления в социалистическом обществе, то они также не являются особым социальным классом. Нельзя называть их и носителями частнособственнических функций, как это делают некоторые наши авторы. Но могут сказать, что бюрократ, работающий неэффективными административно-командными методами, плодящий ненужные бумаги, просяживающий стул на ненужной должности и зазря получающий зарплату, такой бюрократ ничем не отличается от эксплуататора, присваивающего прибавочный продукт, произведенный трудящимися. При всем нашем отрицательном отношении к бюрократизму и бюрократии, против которых мы всем миром ведем борьбу, не будем спешить с выводами. К сожалению, проедать зазря народное добро и произведенный кем-то продукт способны не только бюрократы. Как известно, у нас еще есть научно-исследовательские институты, насчитывающие сотни и даже тысячи сотрудников, но которые годами и десятилетиями не дают никакой полезной продукции. Есть фабрики, производящие, допустим, обувь, которую невозможно носить, и она оседает мертвым грузом на складах. Есть, наконец, министерства, деятельность которых оборачивается миллиардными убытками, что характерно, например, для Минводхоза.

Революционное обновление невозможно без преодоления бюрократизма с его диктатом, административным произволом в экономике и всех других областях, с равнодушием к человеку, его жизненным интересам и потребностям.

XIX Всесоюзная конференция КПСС не только вскрыла социальную анатомию и идейно-политический вред бюрократизма, но и разработала достаточно конкретную систему мер по его преодолению и искоренению. Однако искоренению подлежит бюрократизм и бюрократия, а не аппарат управления и его кадры.

Из неправильной посылки о существовании у нас эксплуататорского класса, или слоя бюрократов, своего рода «правлящей элиты», делаются далеко идущие выводы, ставящие под сомнение реальность социалистических отношений в нашей стране. Эта точка зрения проводится, например, в журнале «Урал», № 1, 1988 г.

Аналогичную позицию Ю. Н. Афанасьев формулирует в полемической статье, которую опубликовала «Правда». Отвечая на прямой вопрос о том, существует ли у нас социализм, он пишет: «...Я не считаю созданное у нас общество социалистическим, хотя бы и «деформированным». «Деформации» эти касаются его жизненных оснований, политической системы, производственных отношений и решительно всего остального» (Правда, 1988, 26 июля). Такой вывод историк не считает «обезоруживающим». Только придя к нему, вначале «сознательные борцы за перестройку», а затем громадное большинство населения, полагает он, найдут в себе силу и адекватную политическую тактику, чтобы «заново вырुлить на социалистическую дорогу». Иначе мы придем лишь к полумерам, а «затем к краху этой нашей — последней исторической попытки выйти из страшного тупика». О том, какие конкретные меры необходимо предпринять, чтобы решить поставленную задачу, в статье не говорится.

Но если у нас не построено социалистическое общество, нет даже его основ (слово «социализм» Ю. Н. Афанасьев берет в кавычки), то в каком же тогда обществе мы живем? На капитализм тоже вроде непохоже: все же нет эксплуататорских классов, частной собственности на средства производства, функционирует (пусть и недостаточно эффективно) социалистическая система хозяйства, нет безработицы (и надеемся, что и впредь ее не будет), выдвинуты принципиально иные по сравнению с классово-антагонистическими формациями цели социально-экономического развития (хотя осуществляются они не так, как нам бы хотелось) и т. п. Одним словом, если оценивать вышеперечисленные

объективные признаки нашего общества с позиций исторического материализма, то иначе как социалистическими их не назовешь. Конечно, это социализм отнюдь не «развитой», не «зрелый», но все-таки какие-то основы социализма у нас созданы? Но нет. Как следует из статьи Ю. Н. Афанасьева, даже на «казарменный социализм» наше общество не тянет. Но какое-то название у нашего общества должно быть? Ю. Н. Афанасьев и ряд других авторов прибегают к спасительному термину «тоталитаризм».

Вопрос о применимости понятия «тоталитаризм» для обозначения того отрезка нашей истории, который связан с культом личности Сталина, имеет во многом терминологический характер. В самом деле, как называть это время? Формула о периоде культа личности, охватывая наиболее существенное, не раскрывает всей его специфики. А тут существует уже готовый термин и выражаемое им понятие, которые вроде бы очень хорошо подходят для описания царивших у нас в те годы порядков, если это только можно, вообще говоря, называть порядком.

Итак, тоталитарным государствам и режимам свойственны огосударствление всех легальных организаций, не ограниченные законами полномочия властей, фактическая ликвидация демократических и конституционных прав и свобод, репрессии в отношении оппозиции и инакомыслящих, милитаризация общественной жизни и т. п. Примерно такое определение дается тоталитаризму в «Философском энциклопедическом словаре». Правда, там говорится, что тоталитаризм есть одна из форм авторитарных государств периода империализма и что типичными тоталитарными государствами были фашистские Германия и Италия. По сути дела, тоталитаризм есть самоназвание фашизма, ибо впервые этот термин был пущен в политический оборот Муссолини. И только несколько позже буржуазно-либеральная критика распространила этот термин и на советский политический строй.

Уже давно термин «тоталитаризм» превратился в пропагандистский стереотип антикоммунизма, лишенный всякой познавательной ценности. Это формальная абстракция, объединяющая разнородные явления на основе внешнего их сходства. Использование его для характеристики советского общества пи-

как не способствует прояснению существа дела и не может, как нам представляется, считаться теоретической новинкой.

Нельзя также не учитывать того, что буржуазная пропаганда применяет формулу о тоталитаризме к любой революционной власти, в том числе и в первую очередь к Советскому государству, когда его возглавлял Ленин. По этому же пути идут и некоторые наши доморощенные «демократы» из «Демократического союза» и других неформальных организаций, заявляющие, что тоталитарный режим — детище Октябрьской революции, что красный террор был страшнее белого, а организатором массовых репрессий против народа выступал Ленин (см. Советская культура, 1988, 27 августа и 22 октября).

Колыбелью тоталитарных режимов реакционные историки называют и Французскую революцию, 200-летие которой будет широко отмечаться в 1989 году. При этом речь идет не только о якобинском терроре, но о революции как таковой. Ее объявляют «отклонением от нормального хода истории» (см. Жуков Ю. Правда и ложь о Французской революции.— Правда, 1988, 21 октября).

Тем не менее некоторые наши уважаемые авторы, выступая остро и бескомпромиссно против сталинизма, называют его тоталитаризмом. Такое словоупотребление нам представляется неудачным, хотя в других отношениях их критика является весьма убедительной. Так, доктор исторических наук Н. П. Попов пишет, что Сталин «создал идеальное тоталитарное государство, в котором его личная власть распространялась на все... Насажденный Сталиным режим реанимировал все монархические обычаи: почитание всякой власти, безоговорочное подчинение «начальству», забвение гражданских прав и свобод» (Советская культура, 1988, 26 апреля).

Получается, что над социалистическим базисом, существование которого признает автор, возвышалась тоталитарная и чуть ли не монархическая надстройка: Сталиным был создан «строй личной диктатуры в условиях развивающегося социалистического хозяйственного уклада. А бесконтрольность личной власти была сравнима с властью монарха. Разросшийся всемогущий репрессивный аппарат добавлял сход-

ства с господством разве что Ивана Грозного» (Советская культура, 1988, 26 апреля).

Возникает сразу же ряд вопросов. Чьи классовые интересы выражала «личная диктатура Сталина», если придерживаться марксистско-ленинского понимания диктатуры как господства какого-то определенного класса? Интересы «репрессивного аппарата»? Но любой аппарат, в том числе и репрессивный, и чрезмерно разросшийся, не является каким-то особым социальным классом, и поэтому нет оснований говорить о его диктатуре. Следует вспомнить, что «левые» коммунисты противопоставляли диктатуру пролетариата «диктатуре партии» и «диктатуре вождей». Ленин назвал подобные рассуждения старым, давно знакомым хламом, «левым» ребячеством. В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» он замечает: «Договориться по этому поводу до противоположения *вообще* диктатуры масс диктатуре вождей есть смехотворная нелепость и глупость» (т. 41, с. 26).

Читатель может возразить по поводу правомерности ссылок на работу, относящуюся к весне 1920 года. Ведь Ленин не знал, не мог знать того, что мы сейчас называем сталинизмом. И потом разве не фактом была бесконтрольность личной власти Сталина? Да, бесконтрольность личной власти Сталина имела, как говорится, место. Речь идет не о том, чтобы отрицать очевидные факты и искать какие-то исторические оправдания режиму культа личности. Задача состоит в том, чтобы дать объективный научный анализ исследуемому явлению, а сделать это можно только на путях марксистско-ленинской методологии, которая различает такие понятия, как классовое господство (диктатура), функция управления обществом, форма правления, политический режим и др. Все это различные, хотя и близкие категории. Например, Ленин указывал, что «не «формой правления», а *государством иного типа* является диктатура пролетариата, пролетарское государство...» (т. 37, с. 104).

Политический режим, формы правления при Сталине были, бесспорно, авторитарными. Но существовала ли в тот период диктатура рабочего класса, носила ли политическая надстройка социалистический характер? Думается, что да, хотя культ личности вызвал их значительные деформации.

Речь идет не о том, чтобы в какой-то мере оправдать культ Сталина и все то, что с ним связано. Преступлениям Сталина и его окружения нет и не может быть никаких оправданий. Он Каин нашей советской истории, как и истории международного коммунистического движения. Но нельзя преувеличивать масштабы его фигуры и масштабы его деятельности, утверждая, будто они не только деформировали социализм, но привели к фактической его ликвидации. Как полагают некоторые историки, философы и литераторы, в 30-е и 40-е годы в нашей стране существовал не социализм хотя бы в его первоначальной и несовершенной форме, а, скажем, тот же «тоталитаризм», или «сталинский бюрократический строй», или просто «сталинизм». На наш взгляд, такая позиция представляет собой культ личности, но с обратным знаком. Тот, кто называет наш общественный строй «сталинизмом», в методологическом отношении по сути сближается с апологетами культа, громогласно возвещавшими о наступлении «сталинской эпохи». Как бы ни была велика — в положительном или отрицательном смысле — личность, она не может своими свойствами и качествами детерминировать характер общественного строя, придать ему качественную определенность, сформировать систему сущностных формационных характеристик. Думать иначе — значит сойти с позиций исторического материализма и очутиться на позициях субъективной социологии и волюнтаризма.

В то же время исторический материализм, или марксистско-ленинская философия истории, весьма далек от фатализма, отрицающего роль случайностей в истории, в том числе таких случайностей, как характер личности, стоящей во главе движения. Такая личность может придать специфические черты физиономии исторических процессов, ускорить или задержать выявление объективных тенденций общественного развития и даже серьезно деформировать их, как это произошло со Сталиным. Поэтому методологически ошибочно называть общественный строй термином, образованным от имени того или иного исторического деятеля. Ленинизм, сталинизм, маоизм, троцкизм и т. п. — это прежде всего система взглядов, концепция, теория, набор методологических приемов теоретической деятельности, переносимых в политическую

практику, мировоззрение и жизневоззрение, включающее систему этических принципов и других духовных ценностей. Эти системы могут быть самыми различными, как и различно к ним наше отношение. Их теоретическая правильность и историческая ценность проверяются общественной практикой, жизнью, временем, которое безжалостно их сортирует, отбрасывая ложное, нежизнеспособное, сохраняя истинное и подлинно гуманное. Таким с точки зрения исторического прогресса и социалистической перспективы мы считаем ленинизм. Поэтому задачей перестройки стало воплощение в нашу жизнь ленинской концепции социализма. Ю. Н. Афанасьев в одной из своих статей пишет: «В последнее время появился и отрабатывается еще один прием — попытка создать в общественном сознании советских людей эдакий образ-гибрид — щедринский симбиоз, состоящий из двух компонентов: «с одной стороны — с другой стороны». С одной стороны — массовые репрессии и преступления, а с другой — каждодневная радость и рекорды. И чтобы никакого очернительства нашего славного прошлого!» (Литературная Россия, 1988, 17 июня). Получается, что упоминания о рекордах, энтузиазме, которые действительно были в тот период, представляют собой попытку реанимировать сталинизм, пожертвовав самим Сталиным. Во всяком случае, именно так можно понять рассуждения Ю. Н. Афанасьева, которые не всегда отличаются определенностью. Иногда автор только ставит вопрос, но отвечать на него предоставляет читателю.

Что значит «щедринский симбиоз», или сочетание двух компонентов: «с одной стороны — с другой стороны»? Диалектическая логика требует всесторонности анализа, то есть анализа по возможности всех наиболее существенных сторон изучаемого предмета, но с обязательным выделением главной, ведущей стороны, «основного звена» в цепи событий. И если с этих методологических позиций подойти к обсуждаемому периоду нашей истории, то его по справедливости следует характеризовать временем строительства основ социализма. Не личность руководителя, а социальное содержание и направленность деятельности народных масс являются в конечном счете детерминантой исторического процесса.

Получается, что некоторые советские историки и литераторы, остро и, казалось бы, бескомпромиссно критикующие культ личности, фактически его оправдывают, утверждая, что в силу отсталости России, ее революционного одиночества и т. п. в ней и не могло возникнуть ничего иного, кроме грубого, «казарменного» коммунизма, или, как уже говорилось, тоталитаризма с чуть ли не монархическим политическим режимом. За годы первых пятилеток (которые, конечно же, неправомерно именовались «сталинскими») в итоге индустриализации и коллективизации (со всеми ее ужасными перегибами) были, на наш взгляд, построены основы социализма. Но они оказались деформированными культом личности, отягощенными сталинским беззаконием, административно-бюрократической системой управления и т. п. Видимо, стоит отличать сущность социализма и исторически обусловленные и ограниченные формы его выражения, осуществления, которые могут быть и на самом деле являются многообразными. Сталинизм не сущность социализма, а его деформация, вызванная комплексом конкретно-исторических обстоятельств, носящих в основном случайный, привходящий характер.

Если же исходить из предпосылки, что строился не социализм, то сейчас надо заботиться не о перестройке, а о возведении его основ, фундамента. Это во-первых. Во-вторых, ставится под сомнение и Октябрьская революция. Она оказывается преждевременной и напрасной, как напрасны и те жертвы, которые были принесены народами нашей страны в годы гражданской войны и во весь последующий период.

В нашей публицистике можно встретить и фаталистическое по своей сути понимание истории, оправдывающее именем исторической необходимости все, что в ней имело место.

Тезис об исторической неизбежности культа личности и связанных с ним последствий фактически отстаивает Вадим Кожин. Он приводит рассуждение Энгельса о том, что в истории господствует необходимость, дополнением и формой которой является случайность: «Что Наполеон, именно этот корсиканец, был тем военным диктатором, который стал необходим Французской республике, истощенной войной,— это было случайностью. Но если бы Наполеона не

было, то роль его выполнил бы другой» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 175—176). По мнению Кожина, все это целиком относится к феномену Сталина, хотя «речь идет в данном случае не о каком-либо «сходстве» Наполеона и Сталина, а о необходимости их появления». Он считает, что Сталин больше похож на Оливера Кромвеля — известного своей жестокостью вождя Английской революции. Нельзя изображать создание сталинского культа как некий результат интриг и козней самого Сталина и его подручных. «Словом, 1937 год (как и феномен Сталина вообще) — это явление всемирной истории или, по меньшей мере, мирового революционного процесса, а не результат интриг некой зловредной группировки» (Наш современник, 1988, № 4, с. 164—165).

Таким образом, культ Сталина и связанные с ним массовые репрессии и прочие беззакония — это проявление исторической необходимости. И если бы не было Сталина, нашелся бы кто-нибудь другой, кто бы совершил примерно то же самое. Такова «логика», прямо скажем, странных рассуждений Кожина, который совершенно напрасно призывает себе в союзники Энгельса. Последний считал, что личность выдающегося исторического деятеля, будучи случайной по своему появлению (он мог вообще даже и не родиться), есть форма выражения какой-либо общественной закономерности. Известно, что Наполеон выполнил роль «хорошей шпаги», в которой нуждалась французская буржуазия для завоевания внешних рынков. А какая же закономерность или необходимость выражалась в репрессивной деятельности Сталина? Сам Сталин объяснял ее «закономерностью» обострения классовой борьбы по мере успехов социализма. Сейчас мы хорошо знаем, что эта «закономерность» является чистой выдумкой. Конечно, репрессии были необходимы Сталину для поддержания его культа. Но сам культ не является выражением исторической необходимости или закономерности перехода общества от капитализма к социализму.

В. Кожин напоминает хорошо известную истину: рождение нового строя, особенно переход от капитализма к социализму, сопровождается долгими муками родов, сопряжено с тяжелыми жертвами. Людские потери в годы гражданской войны и интервенции

были неизбежны, хотя виноваты в них контрреволюционеры и интервенты. Коллективизация была также достаточно острой формой классовой борьбы, но здесь уже были допущены непростительные перегибы, повлекшие многочисленные беззакония и жертвы. Но, спрашивается, какая необходимость была в культе личности и кровавом терроре против мнимых «врагов народа»? Какая была необходимость в уничтожении практически всего высшего командного состава армии и флота накануне войны? Исторической необходимости, то есть необходимости, вытекающей из внутренних закономерностей развития общества, такой необходимости в отношении культа личности и связанной с ним системы извращений и деформаций социализма, повторяем, не было.

* * *

*

Восстановление в своих правах и творческое развитие марксистско-ленинского методологического арсенала представляет собой насущную задачу, которая во весь рост поставлена перед историей партии и всей советской исторической наукой. Как известно, ЦК КПСС поручил специальной комиссии создание очерка истории партии, который бы отвечал всем строгим требованиям научной объективности. Методологические и нравственные основы для написания правдивой истории нашей партии, а следовательно, и истории советского общества заложены в решениях XXVII съезда, XIX Всесоюзной конференции КПСС, в докладе «Октябрь и перестройка: революция продолжается» и в других документах.

Переоценка ценностей в историческом сознании означает, на наш взгляд, конкретное проявление диалектического отрицания, которое, решительно отбрасывая все ложное, фальшивое, догматически окостенелое, не перечеркивает исторического опыта прошлого целиком и полностью, а берет из него все действительно ценное и жизнеспособное. В свете этого от историка, как нам представляется, требуется не заменять одну неправду другой или одну полуправду другой полуправдой, а стремиться к воссозданию исторической истины во всем ее конкретном многообразии и диалектической противоречивости.

И. Ковальченко

«Исследование истины само должно быть истинно»

Заметки о поисках исторической правды

Хорошо известно, что жизнь общества невозможна без знания своей истории. Поэтому историей интересовались всегда. Но бывают периоды, когда интерес к прошлому особенно резко возрастает. Это происходит тогда, когда перед обществом возникают задачи, решение которых связано с радикальными переменами в ходе общественного развития. Именно такой этап переживает сейчас советское общество. Отсюда и небывалый за многие десятилетия взрыв интереса к историческому, и прежде всего к недавнему прошлому нашей страны. Люди хотят, чтобы были ликвидированы «белые пятна» и о нашем прошлом сказана «вся» правда.

Особенностью исторического познания на нынешнем этапе является преобладание публицистических, научно-популярных форм освещения «белых пятен» и выявления «всей» правды истории. Это вполне естественно, ибо публицистика всегда отличалась наибольшей оперативностью в постановке актуальных проблем современности. Поэтому неправомерны, на мой взгляд, раздающиеся порой сетования на чрезмерную активность массовой печати в обращении к историческим сюжетам. При всей специфичности публицистического рассмотрения оно имеет важное значение, во-первых, в определении круга вопросов, требующих первоочередного научного изучения, и, во-вторых, в формировании исторического сознания и повышении его мировоззренческой роли. Разумеется, публицистическое освещение прошлого нуждается в совершенствовании. Сегодня же оно нередко несет на себе налет легковесности, сенсационности и нетерпимости к иным мнениям.

Однако даже самое широкое публицистическое освещение прошлого не заменяет необходимости его глубокого научного исследования. В этой связи перед исторической наукой, как и перед другими общественно-гуманитарными дисциплинами, встают важные задачи.

Их решение требует критической оценки состояния исторической науки и определения путей ее дальнейшего развития. О неудовлетворительном положении в этой сфере научного знания сказано и написано много. В целом основные недостатки многих исторических исследований сводятся к следующему. Прежде всего это теоретико-методологическое иждивенчество, то есть упование на то, что наиболее принципиальные оценки прошлого и подходы к нему (особенно по истории советского общества и истории партии) будут даны не самими историками, а выражены в партийных и государственных документах. Нетворческий подход многих историков к изучению прошлого на протяжении не одного десятилетия порождал комментаторство и догматизм, иллюстративность и фактографичность, ограничение исследований эмпирическим уровнем и подмену научного объяснения и теоретического синтеза фактов их простейшим анализом и заранее предопределенной оценкой. Многие явления прошлого выпали из поля зрения ученых или изображались ими односторонне и искаженно.

Изъяны в развитии исторической науки порождены совокупностью объективных и субъективных факторов. Главными объективными (по отношению к исторической науке) факторами были все более широко распространявшиеся технократизм и дегуманизация науки, недооценка общественно-гуманитарных дисциплин, административное вмешательство в решение научных проблем, монополизация отдельными учреждениями и органами печати представлений об истинности научного знания и путях и методах его получения. Невосполнимый ущерб обществу нанесли репрессии против ученых.

Но наряду с объективными были и субъективные факторы, оказывавшие отрицательное влияние на развитие исторической науки. Спрос на конъюнктурное знание порождал и соответствующее предложение. Нашлись историки, точнее, в историческую науку пришли люди, которых вполне устраивало изготовление научных поделок.

Указанные обстоятельства не только приводили к появлению множества «белых пятен», подмене правды истории ее суррогатами или вообще неправдой, но и тормозили рост профессионализма историков во всех его аспектах и даже снижали его. Думается, именно в этом и выражаются наиболее тягостные и трудные для устранения последствия негативного воздействия на историческую науку культа личности Сталина и украшательских тенденций периода застоя.

Однако, ни в коей мере не убавляя критики в оценке современного состояния нашей исторической науки, следует учитывать и те ее достижения, кото-

рые служат основой для движения вперед. Поэтому не могут быть приняты имеющие место упрощения и лишь негативные трактовки данного вопроса.

Успешное выполнение стоящих перед исторической наукой задач требует прежде всего углубления методологических подходов к их постановке и решению, выработки адекватных этим задачам путей и методов исследования исторической реальности. «Не только результат исследования,— указывал К. Маркс,— но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, стр. 7). В этой связи следует решительно подчеркнуть, что ни постановка самых актуальных проблем, ни расширение доступа историков к новым материалам при всей их несомненной важности сами по себе, без повышения теоретико-методологического и конкретно-научного уровня обществоведческих исследований не приведут к существенным сдвигам в развитии исторической науки.

Остановимся поэтому на ряде методологических проблем, требующих, на наш взгляд, разработки историками и другими обществоведами.

Прежде всего нуждается в прояснении вопрос о соотношении в исторической науке нравственно-этического подхода, направленного на выявление «всей» правды истории, и научно-теоретического подхода, цель которого — познание объективной исторической истины. Имеют место попытки разорвать и противопоставить эти подходы. Они не только безосновательны, но и вредны. Правда и истина истории тесно взаимосвязаны. *Правда истории* — это в конечном счете *истинное* представление об исторической реальности. Без знания истины, то есть адекватного выявления объективных черт и свойств этой реальности, нельзя сказать всю правду о прошлом. Но и сама истина не будет познана, если нет твердого намерения узнать *всю* правду. Еще Сократ говорил, что «всякое знание, отделенное от справедливости и другой добродетели, представляется плутовством, а не мудростью». Знаменательная черта нашего времени — широкое стремление узнать «всю» правду о нашем прошлом. Это важнейшее условие успешного познания исторической истины.

В познавательном плане перед общественными науками, в том числе исторической, ставится задача прорыва на фронте их исследований. Естественно возникает вопрос: в чем должна выражаться суть этого прорыва, какие конкретные сдвиги в исследовательских результатах будут свидетельствовать о том, что такой прорыв имеет место?

Ни в коей мере не претендуя на решение этой сложной методологической проблемы, хотелось бы выдвинуть для обсуждения один из возможных вариантов его понимания применительно к исторической науке. Видимо, в условиях, когда трудно рассчитывать на открытие каких-либо совершенно неизвестных сторон и закономерностей в общественно-историческом развитии, исследовательским прорывом можно считать такое приращение знаний, которое даст заметный сдвиг в познании изучаемой исторической реальности, позволяющий существенно расширить научно-познавательное и практически-прикладное значение результатов исторических исследований.

Как отмечал Ленин, конспектируя труды Гегеля, познание идет «от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. без конца» (Полн. собр. соч., т. 29, стр. 227). Следовательно, научно значимым, фундаментальным является такое углубление знаний, которое означает переход к познанию сущности более высокого порядка. Значит, для движения вперед, во-первых, надо знать, какой уровень сущности уже достигнут в познании. Это задача историографического анализа. Во-вторых, необходимо представлять, каков конкретный путь восхождения к сущностям более высокого порядка. Это требует поиска новых подходов в изучении соответствующей исторической реальности. Общая основа для этого известна. «...Отдельное,— писал Ленин,— не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частица или сторона или сущность) отдельного» (там же, стр. 318). Очевидно, изучая отдельное, что обычно и делают историки, следует выявлять в нем все более широкое общее, а имея дело с общим, раскрывать вариации выражающего его отдельного.

Таковы общие методологические посылки углубления научного познания. Они не всегда учитываются и практически реализуются историками. - В изучении конкретных исторических событий и процессов мы чаще всего акцентируем внимание на раскрытии их особенностей, что неизбежно ведет, помимо увлечения детализацией при их освещении, к зауженному анализу их сущности. Этот анализ идет прежде всего путем рассмотрения данной системы как таковой, то есть ее природа раскрывается на уровне сущности первого порядка. Значительно реже мы подходим к изучаемой системе как компоненту (подсистеме или элементу) систем более высокого уровня, то есть ищем общее в отдельном, что и позволяет познать изучаемую реальность на более высоком уровне сущности.

Отрыв особенного от общего ярко проявляется при изучении истории советского общества. Здесь усилия направлялись в первую очередь на отгораживание от «не нашего» во всех сферах общественной жизни, в том числе и в развитии самой исторической науки. При этом забывалось, что «наше» — это составная часть общечеловеческой истории, поэтому включает в себя многие ее черты и закономерности.

В общем представляется очевидным, что переход при исследовании прошлого к познанию сущностей более высоких порядков путем овладения методами историко-системного анализа открывает широкие перспективы для повышения качества и эффективности исследований и их практически-прикладной значимости.

В этой связи нуждаются в уточнении два вопроса. Первый: в какой мере заимствование тех или иных идей, технических и технологических открытий и вообще исторического опыта правомерно трактовать как показатель отставания той или иной страны и говорить о моделях «догоняющего» исторического развития и т. п.? Ведь история свидетельствует, что новые идеи и открытия, как правило, возникали в одном месте, там, где для этого были наиболее благоприятные условия или особенно настоятельная потребность в них, а затем по мере расширения «спроса» они распространялись в других странах, подвергаясь переработке и дополнениям. Второй — вопрос об отношении к историческому опыту, значимому для современности. Долго господ-

ствовало и сохраняется поныне представление, что практически и чуть ли не исключительно значим лишь тот опыт, который можно почерпнуть из недалекого прошлого. Отсюда концентрация усилий на изучении истории советского общества, и прежде всего ее последних десятилетий. В этом, конечно, есть определенный резон. Однако, как сейчас выяснилось (хотя это было очевидным и прежде), мы можем почерпнуть много полезного для себя и из истории нашей страны досоветского периода, и из истории других государств и народов. И это касается не только таких сфер и процессов общественной жизни, развитие которых во многом определяется долговременными факторами (этническими, семейными, культурно-бытовыми, социально-психологическими и т. д.), но и тех, которым присущ высокий динамизм, например сферы политической.

Один пример из истории отмены крепостного права в России. Подготовка реформы проходила в обстановке, когда большинство господствующего класса дворян-крепостников было против отмены крепостного права и фактически допускало лишь смягчение и регулирование его. Поэтому обычный бюрократический путь подготовки реформы через разного рода комитеты и комиссии, состоявшие из царских сановников и чиновников соответствующих ведомств, оказался безуспешным. Тогда самодержавие, понимавшее необходимость отмены крепостного права с предоставлением крестьянам определенной хозяйственной самостоятельности, пошло на неординарную меру. Был создан вневедомственный орган (Редакционные комиссии), подчиненный непосредственно царю и включавший, кроме радикально настроенных чиновников, еще и независимых экспертов из числа помещиков, заинтересованных в отмене крепостного права. Только благодаря этому был разработан проект реформы, действительно ориентированный на отмену крепостного права и представлявший собой компромисс, исходивший из учета объективных обстоятельств и интересов крестьян, а также различных групп помещиков. Очевидно, что данный опыт небызынтесен для современности, ибо пока еще подготовка проектов многих важных преобразований и решений ведется прежде всего на основе административно-ведомственного подхода, без привлечения независимых (в том числе и научных) экспертов. И нас не должно шокировать, что речь идет об опыте самодержавного государства. Государство — общественный институт, который при всех его особенностях в различных классовых обществах имеет и нечто общее. Следует подчеркнуть, что и историки, и праведы не уделяют должного внимания целостному изучению истории государства, выявлению и обобщению накопленного в процессе его функционирования общезначимого опыта.

Вместе с тем, соотнося прошлое и настоящее и обращаясь к историческому опыту, необходимо учитывать, что такое соотнесение должно базироваться на

учете сущностно-содержательной однотипности явлений прошлого и настоящего, а не на внешнем их сходстве. Важно и то, что полезными для современности, как правило, оказываются принципы и методы деятельности при решении тех или иных общественных задач в прошлом, а не достигнутые при этом результаты как таковые. И то и другое нередко игнорируется в первую очередь публицистикой, что ведет к идеализации многих явлений прошлого. Так, например, нэп изображается чуть ли не как эпоха всеобщего процветания и благоденствия, хотя в это время общий уровень экономического развития и жизненный уровень широких масс населения был низким, в стране сохранялась массовая безработица и т. д. Опыт нэпа ценен прежде всего методами решения важнейших общественных задач, а не существовавшим тогда образом и уровнем жизни.

Таковы, как представляется, некоторые пути повышения качества и эффективности исторических исследований.

Существенное место в современном обсуждении задач исторических исследований занимает вопрос: что и для чего должны изучать историки? Ответ на него вроде бы очевиден. Задачей исторической науки в самом общем ее выражении является показ и объяснение того, что было в прошлом. В целом содержательную и целевую программу исторических исследований Энгельс определил так: «На исторические события не сетуют,— напротив, стараются понять их причины, а вместе с тем и их результаты, *которые далеко еще не исчерпаны*» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, стр. 210). Как бы продолжая эту мысль и распространяя ее на современность, Ленин в полемике с П. Струве считал обязательным для марксистов «свести все дело к выяснению того, что есть и почему есть именно так, а не иначе» (Полн. собр. соч., т. 1, стр. 457). Однако, показывая прошлое, историки зачастую не уделяют должного внимания раскрытию того, почему было так, а не иначе.

Всестороннее раскрытие причин и результатов исторических событий требует выявления в прошлом возможностей для иных, альтернативных осуществившимся вариантам хода исторического развития. Сегодня вопрос об изучении альтернативных ситуаций в

историческом развитии (особенно в советский период) ставится все более широко. Обозначается и все большее число таких ситуаций в истории нашей страны. Исследование исторических альтернатив требует учета ряда методологических моментов.

Прежде всего не подлежит сомнению правомерность выявления и анализа альтернативных ситуаций в историческом развитии. Хотя все то, что произошло в прошлом, инвариантно, однозначно и неизменно, все совершившееся («прошедшая действительность») — результат практической реализации той или иной из возможностей, заключенных в предшествовавшем этой действительности прошлом («прошедшее прошлое»). При этом «прошедшая действительность» могла быть результатом победы одной из альтернативных возможностей. Вместе с тем «прошедшая действительность» заключала в себе те или иные возможности для последующего развития («прошедшее будущее»), которые тоже могли быть альтернативными. Значит, альтернативность — реальная черта общественно-исторического развития и потому полный охват познанием этого процесса непременно требует изучения не просто того, что произошло, но и того, из чего и как оно произошло. Следовательно, проблема не в том, надо или нет изучать альтернативность в историческом развитии, а в том, для чего и как ее надо исследовать.

В данной связи требует уточнения само понятие исторической альтернативы. В этом сейчас царит разнородие мнений. Одни считают, что наличие различных объективных возможностей общественного развития и свидетельствует о существовании альтернативных вариантов безотносительно к тому, видели ли современники различные возможности и боролись ли за реализацию существенно отличных из них. Короче, альтернативы фиксируются лишь по тому, есть ли объективные предпосылки для них.

Противоположный подход состоит в том, что альтернативность выводится из наличия у современников существенно отличных представлений о путях и формах последующего развития без учета их связи с реальными возможностями.

В действительности же реальная историческая альтернатива имеет место лишь тогда, когда, с одной стороны, есть объективные (экономические, социальные и иные) возможности для разных вариантов развития, а с другой — существуют общественные силы (именно «силы», а не отдельные лица), которые видят эти возможности, ориентируются на те или иные из них и ведут борьбу за претворение их в жизнь. Учет единства объективных и субъективных факторов — непременное условие при выявлении реальных исторических альтернатив, то есть таких исторических ситуаций, которые могли привести к существенно различным исходам.

Методологически важны вопросы о соотношении исторических альтернатив с настоящим и будущим, с необходимостью и закономерностью в историческом развитии. Они нуждаются в специальном всестороннем обсуждении и изучении. Отметим только, что альтернативу нельзя, как это порой делается, представлять как нечто способное в *будущем* противостоять настоящему. Альтернатива — это борьба в *настоящем* за существенно различные варианты последующего развития.

Альтернативность, борьба за разные варианты исторического прогресса — одна из форм выражения исторической необходимости. Здесь возможность торжества того или иного альтернативного варианта имеет определенную вероятность. Научиться измерять ее — трудная, но насущная для историков задача. Однако нельзя согласиться с мнением, что историческая необходимость всегда реализуется как вероятностный процесс. Во-первых, в вероятностных (стохастических) процессах событие (в данном случае историческое) может произойти, но может и не произойти. А ведь необходимость — это то, что непременно должно осуществиться. Во-вторых, кроме альтернативно-вероятностной формы, необходимость может еще реализоваться как неизбежность или случайность.

Одна иллюстрация к сказанному. Идущая у нас сейчас радикальная перестройка всех сфер общественной жизни — это не альтернатива существовавшему (и в основном еще существующему) положению, а исторически назревшая неизбежность его коренного изменения. Интересы общественного прогресса непреклонно и однозначно требуют радикальной перестройки. Либо мы ее осуществим, и тогда наша страна сохранит и значительно укрепит свои позиции лидера в борьбе за наиболее благоприятные для человечества пути общественного прогресса, либо, как справедливо отмечается, мы будем отброшены на обочину этого прогресса. Но поскольку в плане поступательного исторического движения поражение не альтернатива победе (хотя в единично-конкретных ситуациях такие альтернативы могут и возникать), постольку, как это неоднократно подчеркивалось в последнее время на самом высоком уровне, у нас нет иного выхода, кроме как провести радикальную перестройку в обществе. Альтернативными могут быть пути и формы решения конкретных задач перестройки, но не сама перестройка как историческое явление.

Теперь о целях изучения исторических альтернатив. Во-первых, несомненно, надо изучать реальные и конкретные возможности и альтернативы, нельзя конструировать вместо них то, что нам хотелось бы видеть в истории. А мы порой делаем именно это.

Во-вторых, неиспользованные возможности и нереализованные альтернативы в историческом развитии должны исследоваться для более глубокого уяснения причин и результатов того, что произошло, а не для того, чтобы сожалеть о том, что история пошла не так, как, на наш взгляд, следовало бы. Подчеркивая это, Ленин указывал, что надо смотреть на «историю с точки зрения тех, кто ее *творит*, не имея возможности

наперед *непогрешимо* учесть шансы, а не с точки зрения интеллигента-мещанина, который морализирует «легко было предвидеть... не надо было братья...» (Полн. собр. соч., т. 14, стр. 379). Морализирования же по поводу прошлого и отступлений от историзма у нас предостаточно. Так, в освещении истории советского общества почти все, кроме деятельности Ленина и нэпа, вызывает у многих неудовлетворение и сожаление.

Несколько замечаний по поводу выдвигаемых трактовок конкретных альтернатив в историческом развитии нашей страны. В центре внимания здесь находятся вопросы об альтернативах Октябрьской революции и сталинской модели построения социализма. Применительно к Октябрьской революции одно из мнений (высказываемое прежде всего буржуазными историками) состоит в том, что альтернативой Октябрю и переходу к социализму могла якобы быть реализация установок столыпинской аграрной реформы. Этому-де помешала первая мировая война. Несостоятельность выдвижения данной альтернативы заключается в том, что столыпинская реформа, направленная на достижение победы помещичье-буржуазного («прусского») пути аграрного развития, потерпела крах, как показано советскими историками, еще до разразившейся в 1914 году мировой войны.

Напомним, что прежде всего провалился составлявший основу столыпинщины курс на ликвидацию общины и насаждение слоя «гроссбуаэров», которые должны были стать опорой помещиков в деревне. Из общины выделилось (во многих случаях под административным нажимом) всего 22 процента крестьянских дворов, которым принадлежало лишь 14 процентов общинных земель. Из них менее половины переселились на хутора или получили свою землю в отрубках (то есть отведенных в одном месте земельных участках). Помещикам и самодержавию не удалось сломить приверженность крестьян ограниченному, но все же имевшимся в общине тенденциям к уравнительности и социальной самозащите. Тем самым была снята возможность победы «прусского» пути буржуазной революции. Единственным в канун войны путем этой эволюции был крестьянский, буржуазно-демократический («американский») путь. Однако быстрое развитие в годы первой мировой войны монополистического капитализма, сделавшее невозможным ликвидацию помещичьего землевладения без посягательства на буржуазную собственность, сняло возможность победы капитализма и в буржуазно-демократическом варианте. Более того, к 1917 году все возможности прогрессирующего развития на базе капитализма были исчерпаны. Страну охватил глубокий национальный кризис, грозивший превращением ее в придаток более развитых капиталистических стран.

Приход к власти после Февральской революции либерально-буржуазных и мелкобуржуазных партий не только ничего не изменил, но еще больше усугубил положение. Сложилась историческая ситуация, когда вырваться из кризиса было нельзя, как подчеркивал Ленин, «не покидая почвы буржуазных отношений»

(Полн. собр. соч., т. 31, стр. 37). «Только беззаветно-последовательный разрыв с капиталистами,— писал он в сентябре 1917 года,—...в состоянии спасти нашу революцию и нашу страну, зажатую в железные тиски империализма» (Полн. собр. соч., т. 34, стр. 197). Поэтому Октябрьская революция и переход к социализму были не альтернативой капитализму, как иногда полагают, а исторической неизбежностью, порожденной ходом общественно-исторического развития.

Наконец, говорят о том, что альтернативой победе пролетариата в 1917 году была возможность установления военной диктатуры. В историческом плане здесь также не было альтернативы. Даже если допустить, что корниловский мятеж увенчался бы успехом и власть перешла к военным, то это не создало бы никакой альтернативы, ибо наиболее консервативные и реакционные социальные слои, стоявшие за военными, не только не преодолели бы переживаемого страной кризиса, но еще более обострили бы его. Очевидность этого для современников и была, как представляется, основной причиной сравнительно легкого подавления корниловского мятежа.

В связи с Октябрьской революцией следует остановиться еще на одном вопросе, по которому ведутся оживленные споры,— о зрелости объективных социально-экономических предпосылок для социалистической революции. В центре внимания здесь характер аграрного строя, соотношение в нем полукрепостнических и капиталистических отношений, уровень развития аграрного капитализма. В многочисленных работах последнего времени конкретно показано, что в начале XX века в этом строе безусловно утвердились буржуазные отношения. Показано и то, что в России господствовали низшие, неразвитые формы аграрного капитализма (мелкобуржуазный уклад в крестьянском хозяйстве и переплетение собственно буржуазных и полукрепостнических отношений в помещичьем хозяйстве при преобладании первых из них). Вот почему неубедительны утверждения о якобы преувеличении степени развития аграрного капитализма. Если указанный уровень является преувеличенным, то иным строем аграрных отношений могло быть лишь господство в нем полукрепостнических отношений. Но от этой некогда распространенной точки зрения отказались даже самые последовательные ее сторонники из числа советских историков. И нет никаких оснований пятиться назад.

Именно потому, что капитализм господствовал и в городе, и в деревне, и в промышленности, и в сельском хозяйстве, возникший в стране к 1917 году экономический, социальный кризис и не мог быть преодолен на буржуазной основе. Февральская революция потому и не решила аграрно-крестьянский и другие вопросы (национальный, прекращение империалистической войны), что уже было невозможно решить их, не затрагивая устоев капитализма. Если бы

существовала возможность ограничиться лишь ликвидацией полукрепостнических пережитков, буржуазия в борьбе за власть, несомненно, пошла бы на это. Обозначенный круг проблем истории Октябрьской социалистической революции требует дальнейшего углубленного изучения.

Таким образом, путь к пролетарской революции и переходу к социализму не имел исторических альтернатив. В стране были альтернативы иного рода, связанные с наличием различных возможностей для перехода власти к пролетариату. Их необходимо выявлять и изучать.

Что касается проблемы моделей построения социализма, альтернативных сталинской, то она рассматривается прежде всего в связи с культом личности Сталина, формированием и функционированием централистки-командной, административно-бюрократической системы управления общественной жизнью страны во всех ее сферах. В фокусе всеобщего внимания сейчас находится фигура самого Сталина, что вполне естественно, ибо он вершина громадного айсберга, воплощавшего эту систему. А вершина, как известно, дальше всего видна. Это рождает иллюзию, что, поднявшись на вершину, можно обозреть и весь айсберг. Поэтому так много суждений о личности Сталина, о его роли в историческом развитии страны, о его ответственности за те катастрофические провалы и огромные, невосполнимые потери, которыми сопровождалось это развитие. При всей существующей разноголосице мнений по поводу культа личности Сталина и его причин, с позиций историка представляется очевидным следующее.

Первое — оценка культа личности как исторического явления. Здесь надо самым решительным образом подчеркнуть, что любой культ — явление сугубо негативное. Культ — не просто ограничение, а сковывание самостоятельности и инициативы всех слоев общества и звеньев общественного управления. Культ — это насаждение веры в сверхчеловека, духовное порабощение, а в своих крайних формах, как было с культом Сталина, — насилие и террор. Поэтому никакого не только прямого, но и косвенного оправдания культа Сталина не может быть. Однако это никоим образом не заслоняет успехов в социалистическом строительстве, которые, безусловно, имели место, и не бросает ни малейшей тени на тех, кто отдавал свою энергию, энтузиазм,

ум, а зачастую и жизнь во имя социализма. Еще выдающийся русский историк С. Соловьев подчеркивал: «Произвол одного лица, как бы сильно это лицо ни было, не может переменить течение народной жизни, выбить народ из его колеи». Такой колеей для советских людей были путь, открытый Октябрьской революцией, ее идеалы, социалистическое строительство. Имеющиеся здесь несомненные успехи были достигнуты энтузиазмом, энергией, величайшей самоотверженностью всех классов и социальных слоев советского общества. В этой связи критика культа личности Сталина не может бросить ни малейшей тени на поколения строителей и защитников социализма, на беспримерный подвиг их жизни, труда и борьбы.

Второй момент связан с выявлением причин возникновения культа личности. Здесь высказано множество мнений и точек зрения. Мы сейчас подошли к тому, что крайности в раскрытии причин культа стали сходить, то есть приводить объективно к единому итогу. Одна из них состоит в том, что возникновение системы культа объясняется личными чертами Сталина. Такой подход означает, что общество не имеет гарантий против появления культа, ибо какая конкретная личность окажется во главе общественной системы — случайность. Остается лишь надеяться на то, что авось попадетсся хороший человек.

Другой подход сводит причины культа к разного рода объективным факторам (особенности хода мирового революционного движения, отсталость страны, отсутствие опыта демократии, необходимость централизации и т. д.). В результате культ предстает как историческая неизбежность, которой общество тоже не может противостоять. Оба подхода, при всей их противоположности, ведут к единому объективному итогу — предотвратить насаждение административно-бюрократической системы и культ Сталина было невозможно. Такой итог не может быть принят. Очевидно, что культ и соответствующая система были порождены сложным сочетанием объективных и субъективных факторов, которые еще предстоит выявить и всесторонне изучить, ибо это необходимо для выработки конкретных мер, которые обеспечивали бы невозможность возникновения культа в будущем. В общем историческом плане не подлежит сомнению, что, поскольку твор-

цами и двигателями общественно-исторического прогресса являются народные массы, единственно прочной гарантией от командно-бюрократических методов и культа возглавляющих общественную систему лиц является полное и истинное (то есть фактическое, а не декларируемое) народовластие со всеми присущими ему атрибутами (выборность и подотчетность, контролируемость и сменяемость всего управленческого аппарата, гласность и коллективность в выработке и принятии решений и законов и их обязательность для всех членов общества и т. д.).

Далее можно сказать определенно: система культа и командно-бюрократического управления не была исторически неизбежной для нашей страны. Были иные возможности и реальные альтернативы социалистического строительства. Главная из них заключалась в том, что при всей необходимости централизации (а такая необходимость существовала) она могла проводиться не в форме насильственного бюрократического централизма, как это произошло в действительности, а в форме демократического централизма, как и предусматривал Ленин. Никакие сетования на то, что не было должного опыта демократии, низок был культурный уровень народа и т. п., не снимают такой возможности. Народ, сумевший понять необходимость свержения старого строя, совершивший революцию и отстаивший ее завоевания, несомненно, оценил бы и поддержал демократический путь развития. Думается, сталинская модель построения социализма восторжествовала потому, что идейные сторонники альтернативных вариантов движения по пути социализма не сумели (не захотели или не смогли) развернуть деятельность по их практической реализации в тех масштабах и формах, которые нужны были для их победы.

В целом изучение проблем культа и альтернативных возможностей в социалистическом строительстве требует сегодня перехода от публицистически-гипотетических трактовок к систематическому конкретно-историческому исследованию на основе документальных материалов. К сожалению, многие из этих материалов еще остаются недоступными для исследователей.

Поскольку при наличии объективных социально-экономических возможностей для альтернативных вариантов социалистического строительства их практическая

реализация обуславливалась факторами субъективными, постольку в центре предстоящего анализа должно находиться выявление этих факторов и раскрытие соотношения между ними, которое и определяло равнодействующую в борьбе различных подходов. При этом освещение субъективных факторов должно вестись, во-первых, на разных уровнях (лидеры борющихся тенденций — партийные, советские и государственные «верхи» — широкие народные массы во всем многообразии их социальной структуры) и, во-вторых, с учетом всех потребностей и интересов, устремлений и идеалов, то есть всей совокупности воззрений и деятельности и лидеров, и «верхов», и масс. Применительно к личности Сталина следует всесторонне изучить его взгляды и деятельность, особенно на высоких партийных, государственных и военных постах. Пока мы не узнаем всего этого, нельзя до конца понять, как формировались и функционировали механизмы личной власти.

Особое внимание должно быть уделено анализу общественного сознания широких масс в его идеологических и социально-психологических формах. Без этого мы не поймем действий ни лидеров, ни «верхов» не только в советский период, но и в другие исторические эпохи.

Между тем с изучением общественного сознания, исключая историю общественной мысли в ее теоретизированных формах, вообще сложилась парадоксальная ситуация. Хорошо зная, что в истории, говоря словами Энгельса, «ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, стр. 306*), мы фактически до самого последнего времени обходили молчанием и даже игнорировали в угоду ложно понимаемому материалистическому подходу к истории сознание классов, социальных слоев и различных общественных групп. А именно здесь коренятся многие долговременные факторы исторического развития. Известно, что сила привычки и инерция миллионов — наиболее мощная и труднопреодолимая преграда на пути общественного прогресса. Целый ряд давно сформировавшихся черт обыденного сознания и образа жизни жив и по сей день. К их числу, например, относится широко распространенное стремление к уравнительности, уходящее своими корнями в тысячелетнюю историю крестьянской общины.

Поэтому очевидно, что выработка нового мышления не может ограничиваться его изменением у сравнительно узкого общественного слоя. Новое мышление должно утвердиться в массовом сознании. Нет надобности говорить о том, насколько это сложная и трудная для решения задача. Здесь нужны значительно большие усилия и затраты, чем прилагались до сих пор. Задача эта не может быть решена и без радикального изменения роли и места в жизни нашего общества всего научного, культурного и идеологического фронта, то есть сферы духовного производства в целом.

Бытие, разумеется, определяет сознание, но лишь на уровне обыденном, социально-психологическом. Переход же общественного сознания на уровень мировоззренчески-идеологический не совершается автоматически. Как показывает историческое развитие, для этого требуются специальные и длительные усилия идеологов и соответствующих учреждений. Обобщить накопленный здесь исторический опыт — важная задача обществоведов. При этом надо учесть и опыт идеологического воздействия на массы со стороны церкви. Нельзя забывать и то, что обеспечение продовольствием, одеждой и жильем — важнейшая, но лишь исходная основа для решения коренной исторической задачи перестройки — выхода нашей страны на новый, существенно отличный от Запада уровень духовного, гуманистически-культурного развития человека и общества. Эта длительная историческая перспектива непременно должна учитываться при осуществлении текущих задач перестройки, распределении усилий и средств.

Кроме отмеченных, есть еще целая совокупность методологических проблем исторических исследований. Так, в связи с негативными явлениями в истории советского общества 30—40-х годов ставится вопрос о соотношении усилий, затраченных им при решении определенных задач, с теми результатами, которые были при этом достигнуты. Следует признать, что оценка результатов исторической деятельности с позиций приложенных усилий — важная методологическая проблема, заслуживающая разработки. Понятно, что в решении ее следует идти прежде всего путем выявления исторического значения результатов той или иной деятельности. Быть может, следует подумать над выработ-

кой на основе конкретно-исторических данных такого понятия, как «исторический оптимум».

Важное значение для успешного развития исторической науки (да и не только исторической) приобретает корректное, последовательно диалектическое оперирование с понятийно-категориальным аппаратом. Нам нужно до конца избавиться от имевших здесь место догматических односторонностей. Напоминать об этом приходится потому, что в ряде случаев и сейчас наблюдается шараханье из одной крайности в другую. Например, совершенно справедливо и своевременно подчеркивается первостепенная важность в современную эпоху учитывать общечеловеческие потребности и интересы. Но ведь не исчезла и неизбежность социально-партийного подхода и к настоящему и к прошлому. (Следует особо подчеркнуть, что принцип партийности мы понимаем по-ленински, а вовсе не узкосектантски, когда конечная оценка предвосхищает результат исследования, а то и подменяет само исследование. Для нас этот принцип связан прежде всего с ясностью общественной позиции ученого, отдающего свои силы и знания поиску объективной истины.) Однако о таком подходе при освещении прошлого говорится все меньше и меньше. Понятие партийности в общественной науке как важнейшего принципа диалектико-материалистического познания хода общественного развития почти исчезло. Но ведь нет же обществоведения вне социально-партийных позиций. И разве марксистская партийность может помешать нам концентрировать внимание на общечеловеческом, общегосударственном, общенациональном? Ведь важнейшее ее требование — борьба за наиболее благоприятные для самых широких масс (для всего человечества) условия общественного прогресса. Допустимо ли забывать об этом?

Другой пример связан с соотношением объективного и субъективного. Да, прежде нередко наблюдалось выпячивание объективного, его отрыв от субъективного. Доходило до того, что порой объективное понималось как нечто вообще противостоящее субъективной человеческой деятельности, тогда как на самом деле в общественной жизни нет ничего объективного, не связанного и не порожденного этой деятельностью. Однако едва ли правомерно под предлогом раскрытия роли человеческого фактора акцентировать внимание только

на субъективном и утверждать, скажем, что еще не известно — история-де находит личность или личность историю.

Или еще проблема — монизм и плюрализм. Прежде подчеркивалась лишь их противоположность. О плюрализме у нас писали почти исключительно в негативном плане. Сейчас признано, что марксизм вовсе не исключает плюрализма мнений, их множественности. И мы почему-то замолчали о монизме. Но ведь у нас плюрализм социалистический. Точнее его можно назвать диалектико-материалистическим. И он тесно связан с материалистическим монизмом. Множественность наших мнений как о настоящем, так и о прошлом основывается на монистическом понимании единства объективной истины, на материалистической теории объяснения реальности и диалектическом методе ее познания. И мы должны говорить об этом, ибо иначе отказ от одной крайности породит другую.

Чтобы успешно решать стоящие перед исторической наукой задачи, следует совершенствовать искусство научных дискуссий. Они сейчас нередко страдают существенными недостатками.

Наконец, прогресс исторической науки невозможен без радикального совершенствования ее материально-технической базы. Автоматизированные библиотечные и архивные информационно-справочные системы, машинные банки и базы конкретно-исторических данных, возможность широкого использования персональных компьютеров — это то, без чего в современную эпоху никакая теория и методология исторических исследований сами по себе не обеспечат соответствующего уровня исследований. Сегодня в этой области мы настолько отстаем от историков развитых стран, что если не предпринять активных усилий, то в скором времени мы вообще перестанем понимать «технологии» их работы и будем не в состоянии даже проверить результаты, полученные ими, а тем более повторить исследование.

Таков круг методологических проблем исторических исследований, на которые, как представляется, целесообразно обратить внимание и которые требуют пояснения и разработки.

Реформа политической системы и общественная наука

I

Масштабность и глубина процесса обновления социализма не в последнюю очередь определяются его комплексным характером. Взаимозависимость экономики и политики, права и социальных отношений, национальной психологии и бытовых традиций столь велика, неоднозначна и противоречива, что недооценка в ходе перестройки значения какого-либо из элементов общественной жизни, неверное понимание тенденций его развития могут серьезно затормозить ее или существенно изменить ожидаемые результаты. Гарантией от таких ошибок может быть только широта анализа действительности, опора на науку, которая в принципе способна объективно оценить историческую ситуацию и наметить альтернативные варианты продуманной политики. Должны также существовать определенные процедуры, которые обеспечили бы демократический и эффективный путь обсуждения альтернатив и принятия оптимальных решений.

Готова ли наша общественная наука к этой роли? Как она проявила себя в сложной исторической обстановке современного переустройства общества? Каковы ее предполагаемые и реальные потенции? Ответы на эти вопросы неоднозначны. Во-первых, потому, что сама общественная наука неоднородна, многовариантна; к тому же вопреки распространенному мнению в ней немало школ и различных течений. Во-вторых, необходимо учитывать и динамику развития науки: сегодня обществоведы уже не те, что были всего лишь два-три года назад. В-третьих, роль обществоведческих знаний различается в зависимости от точки их приложения, не говоря уже о содержании и направленности так на-

зываемого «социального заказа», если он имеется. Тем более важно определить степень влияния науки на политическую практику именно сегодня, когда происходят важнейшие изменения в нашей общественной жизни.

В центре этих изменений — коренная реформа политической системы, которая на первом своем этапе включает, в частности, реорганизацию высших органов государственной власти, демократизацию избирательной системы, укрепление независимости суда. Изменения Конституции СССР, принятые внеочередной двенадцатой сессией Верховного Совета СССР, сегодня уже воплощаются в жизнь.

Выборы народных депутатов СССР, проводимые по демократизированным процедурам, завершатся созданием новых органов: Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР, в которых будут широко представлены не только территориальные и национальные образования, но и общественные организации с их специфическими интересами и мнениями. Изменения в структуре и порядке деятельности высших представительных органов создают конституционную базу для значительного улучшения законодательной работы, гласного, демократического ведения государственных дел, для решения важнейших социальных вопросов с учетом разнообразных общественных интересов, укрепляют юридические гарантии против злоупотреблений властью и авторитаризма. Сделан первый, но весьма важный шаг на пути формирования социалистического правового государства, преодоления прежней, окостеневшей системы государственного управления.

За годы перестройки был достаточно полно осознан тот факт, что командно-административная система полностью изжила себя в экономическом, социальном, внутри- и внешнеполитическом планах. Огосударствление практически всех сфер жизни, чрезмерная централизация управления и его бюрократизация вызвали ряд серьезных отрицательных последствий. Это, во-первых, снижение эффективности и общей культуры управления, воспроизводство и постепенное преобладание некомпетентности на разных уровнях руководства, а следовательно, и примитивизация отношения к науке. Во-вторых, обилие перестраховок, отписок, безнаказанность нарушения закона и отсюда — падение ответственности за выполняемое дело. И, в-третьих, как не-

избежное следствие — серьезные ошибки при принятии ряда крупных государственных внутри- и внешнеполитических решений. Демократические институты, в общем-то предусмотренные нашей политической структурой, были выхолащены и, по существу, лишь имитировали активную деятельность.

Обстановка застоя и догматизма в обществоведении препятствовала тому, чтобы с полной откровенностью и ответственностью проанализировать негативные явления и сформулировать нелицеприятную их оценку. Этого не было, и в то время не могло быть. Тем не менее научная мысль исподволь готовила перестройку, и в этой связи можно указать по меньшей мере на три основных направления, по которым происходило постепенное, так сказать, подспудное развитие нового политического мышления, создавался потенциал новых идей.

Во-первых, это исследование проблемы общественных противоречий. На фоне лакировки действительности, господства «теории бесконфликтности» ряд философов, экономистов и социологов в конце 70 — начале 80-х годов обратились к вопросу о противоречиях социализма. В отдельных монографиях и статьях, в дискуссиях на страницах журналов речь шла, в частности, о противоречиях между нашим экономическим базисом и политической надстройкой, между производительными силами и производственными отношениями, а также о различии интересов разных слоев советского общества. Известно, что многие исследования в этом направлении пресекались, а их авторы подвергались достаточно грубой критике. Тем не менее сама постановка вопроса о реальных противоречиях социализма была важным теоретическим зародышем более общей мысли о том, что не только застойная экономическая, но и политическая система начинает себя изживать и должна быть реформирована, приведена в соответствие с объективными потребностями времени.

Второе направление — научная критика состояния государственного управления в экономике и других сферах общественной жизни. Здесь наибольшую активность проявили экономисты и юристы, издавшие ряд работ по вопросам оптимизации управления и демократизации политических институтов. В них содержались уже вполне конкретные рекомендации, многие из которых нашли поддержку и развитие в решениях

XXVII съезда КПСС, а затем и XIX партконференции.

Третье по счету, но, может быть, наиболее важное, — это совокупность научных идей, лейтмотивом которых явились гуманизация всей нашей жизни, возвышение общечеловеческих ценностей. В центре этого направления — утверждение достоинства личности, ее прав и законных интересов, преодоление бездушия и технократизма, возрождение духовной культуры. Влияние этого широкого нравственно-политического направления на развитие идей демократизации общества, на подготовку коренной реформы политической системы было немаловажным. Ведь все политические преобразования сегодня пронизаны духом гуманизации, повышения роли гражданина в управлении государственными и общественными делами, идей обновления социализма.

Новое нравственное и политическое мышление не сразу кристаллизовалось в конкретные формулы государственных преобразований. Вспомним, что в решениях XXVII съезда КПСС ставился вопрос лишь о совершенствовании существующих политических и правовых институтов. Главный упор был сделан на разработку и реализацию экономической стратегии партии.

Очень скоро жизнь показала, что подъем экономики невозможен без перестройки социальной сферы. Прошло время, и XIX партийная конференция констатирует: «...На первый план сегодня выдвигается кардинальная реформа политической системы». И эта эволюция политических решений вполне естественна. Она, пожалуй, лучше всяких деклараций подтверждает тот факт, что перестройка — процесс саморазвивающийся, революционный, обладающий громадным и нарастающим потенциалом.

Жизнь властно потребовала кардинальных изменений в политических учреждениях. А как же наука? Любопытно, что, идеологически подготовив, хотя бы в самой общей форме, некоторые важные шаги в этом направлении, обществоведы в массе оказались не готовыми к конкретной реализации ряда собственных прогрессивных идей. Сказался сложившийся годами и десятилетиями разрыв между научной теорией и реальной практикой.

Вот несколько примеров. Хотя советские государствоведы давно уже занимались анализом политических структур, они тем не менее не смогли внести конкрет-

ных предложений о наиболее эффективных путях обновления структуры и функций высших органов государственной власти. Это сделала XIX партконференция.

Обществоведы крайне отстали с разработкой национального вопроса. И когда он в весьма острых формах возник в жизни, ни философы, ни социологи, ни политологи не смогли предложить рациональных схем его решения. Всем этим пришлось путем проб и ошибок заниматься политической практике.

Еще одна, казалось бы, очевидная проблема: пути борьбы с бюрократизмом. Но надо отметить: единственная отечественная монография на эту тему была издана в Москве в 1906 году. За все годы Советской власти ни одного серьезного специального исследования по данному вопросу не было.

Это только частные иллюстрации того реального положения, которое приходится констатировать в сфере исследований, связанных с первым этапом реформы политической системы. Можно высказать соображение и более общего порядка. Дело в том, что любую экономическую, социальную или политическую проблему нельзя решить удовлетворительным образом вне конкретного исторического контекста, не принимая во внимание особенности психологии людей, их политические настроения, расстановку классовых и социальных сил и иные многочисленные обстоятельства, в которых будет реализовываться принятое решение. Характеристика этого исторического контекста, анализ названных выше обстоятельств — задача специалиста-обществоведа. Она существенно отличается в этом отношении от задачи естествоиспытателя (например, физика), который также анализирует изучаемый объект в конкретной внешней среде. Но последняя все же гораздо стабильнее в пространстве и времени, чем поле изысканий представителя гуманитарных наук, имеющего дело не только с общественным бытием, но и с человеческим сознанием.

Что же получилось на практике при разработке первого этапа реформы политической системы? Исторический ее контекст был выявлен слабо. Правда, ряд позитивных элементов, вызванных перестройкой и способствующих проведению реформы, был достаточно очевиден. К ним относятся рост политической активности людей, широкая поддержка различными слоями обще-

ства проводимых демократических преобразований, повышение чувства гражданственности, ответственности за судьбы нашего общества, за будущее социализма.

В то же время в понимании реальной социально-политической и нравственно-психологической обстановки был допущен ряд досадных просчетов. Главный из них — завышенная, недостаточно дифференцированная оценка состояния общественного сознания (прямое следствие «теории бесконфликтности», бывшей лакировки действительности). Не было ясного понимания того, что некоторые положения проектов изменений Конституции СССР и избирательного закона могут вызвать не одно лишь одобрение населения, но и по крайней мере еще две на первый взгляд полярные реакции: недовольство консервативных слоев быстрыми переменами государственных структур, с одной стороны, и разочарование радикально настроенных групп, в том числе националистического толка — с другой. Уровень политического и правового сознания широких масс населения был явно переоценен, сказались и наивные представления о том, будто демократия станет развиваться «самотеком». На этом фоне дала себя знать и недостаточно активная разъяснительная работа вокруг проектов как со стороны их составителей — работников партийного и советского аппаратов, так и широкой печати. Нельзя не упомянуть о юридических дефектах проектов, многие положения которых страдали неясностью и противоречивостью. К работе над ними ученые-обществоведы были привлечены далеко не в полной мере.

Подводя итоги обсуждения проектов новых законов на внеочередной двенадцатой сессии Верховного Совета СССР, М. С. Горбачев сказал: «Чего греха таить, мы получили в центре хороший урок. Думаю, и вы все его получили — из всего того, что пережили при обсуждении вопросов первого этапа реформы». Этот урок, несомненно, получили и ученые-обществоведы. Обсуждение проектов отчетливо показало слабости нашей общественной науки, в которой пока что больше нерешенных, чем решенных вопросов, еще много схоластических, умозрительных построений, есть критика, но мало «работающих» концепций.

Причины этого очевидны, и о них уже достаточно сказано. Долгие годы обществоведы оперировали лишь

нормативными знаниями (пожалуй, их лучше назвать установками) и создавали соответственно лишь нормативные концепции. Иными словами, они больше занимались не сущим, а должным — к тому же зачастую иллюзорным, оторванным от реальной исторической почвы. Это особенно сказалось в таких науках, как философия, правоведение, этика, отчасти экономика. Молодые кадры обществоведов, не имея должной подготовки, серьезно отстали по своим знаниям и общей культуре от мирового уровня, их кругозор был замкнут тесными догматическими схемами. Самостоятельность мышления не поощрялась, а в связи с этим не могло быть воспитано и уважение к мнениям других. И когда наступила перестройка, новые требования к общественной науке вызвали у части ученых растерянность; дала себя знать неподготовленность к содержательному анализу общественного бытия. Вакуум в науке стал заполняться публицистикой — часто прогрессивной, острой, деловой, а иногда поверхностной и случайной.

Сейчас, на четвертом году перестройки, происходят позитивные и достаточно глубокие перемены. В январе 1989 года президиум Академии наук СССР принял решение о создании Всесоюзного межведомственного центра наук о человеке и Института человека при этом центре. Утверждена общеакадемическая комплексная программа «Человек, наука, общество». Активизируется научно-исследовательская работа философов, экономистов, социологов, юристов, историков, стали чаще проводиться творческие дискуссии, теоретические семинары. Вместе с тем все еще сказываются явная неполнота накопленных знаний, слабость научной методики, а также несформированная или уже утраченная привычка к объективному сопоставлению различных мнений, поиску альтернатив и всестороннему анализу существующего в мире колоссального исторического опыта общественно-политического развития.

II

Для вывода обществоведения из застоя необходима прежде всего коренная переоценка ряда положений, имеющих фундаментальное значение. Они относятся в первую очередь к пониманию сути социалистической

общественной системы и к оценке ее места в современном мире.

При пересмотре представлений о социализме главным, вероятно, должен быть переход от упрощенной, одномерной его модели к многомерному, комплексному пониманию. Прimitивная и, по существу, неверная концепция, будто социально-экономическая и политическая реальность, к которой наше общество пришло к началу 80-х годов,— чуть ли не идеал общественного развития, должна уступить место исторически обоснованным представлениям как о многовариантности, разнообразии «моделей» социалистического развития в пространстве и во времени, так и о многоаспектности каждой из них. Иными словами, современный социализм должен изучаться как общество сложное, неоднородное, противоречивое, экономические и политические формы которого пока еще далеки от совершенства.

Задача обществоведов — разработать научную концепцию современного социализма, наметить позитивные ориентиры, определяющие пути и средства приближения общественной практики к социалистическим идеалам. Здесь нельзя ограничиться лишь анализом объективной действительности, нужен и синтез, необходимы и достаточно развитые представления о целях, к которым мы стремимся, будь то экономика или политика, право или духовная жизнь общества.

Преодоление догматических представлений о социализме, создание нового его видения — образа, модели, системы — имеет прямое отношение ко всем общественным наукам. В политической экономии, например, предстоит окончательно распрощаться с огосударствлением всей хозяйственной деятельности. Опыт перестройки показал, что при социализме могут эффективно использоваться различные формы собственности — общественной и личной, государственной и кооперативной, а также смешанной, лишь бы они служили человеку, не порождали эксплуатации, обезлички, отчуждения. Общественное разделение труда и неравномерность научно-технического развития вызывают потребность в специфической многоукладности социалистического народного хозяйства, где полезны и крупные государственные производственные объединения, и кооперация, и индивидуальная трудовая деятельность,

и арендный подряд. Не отторжение всех этих форм, а изучение их экономических, социальных, правовых и психологических особенностей представляется одной из актуальных задач обществоведения.

Или возьмем проблемы социальной структуры нашего общества. Многолетнее и упорное огосударствление экономики было тесно связано с навязчивой идеей унификации социальной жизни, ускоренного стирания не только классовых, но и иных социальных различий. В результате омертвлялась социальная активность людей, а в идеологии складывалось крайне обедненное представление о гражданском обществе как недифференцированной массе людей, еще сохранившиеся различия интересов, мнений, уровня культуры которых якобы не имеют серьезного научного, да и практического значения. Во всяком случае, эти вопросы изучались слабо. В результате и сейчас мы еще не имеем ясного представления о реальном распределении населения по таким, например, показателям, как отношение к разным формам собственности, политические взгляды и предпочтения, мировоззренческие установки, личные идеалы и жизненные планы, отношение к религии и многое другое. «Белыми пятнами» остаются многие вопросы социальной психологии, и среди них такие, как общественные нравы и настроения, массовые формы поведения, формальное и неформальное лидерство, национальные черты и стереотипы поведения людей разного возраста, профессии и т. д. Переоценка устаревших взглядов в этой области идеологии и науки тесно связана с признанием не только допустимости социалистического плюрализма мнений и интересов, но и прежде всего его полезности, необходимости для полноценного развития как общества, так и личности.

От примата административной системы к верховенству народовластия — этот путь в науке пройти нелегко, потому что он требует пересмотра ряда устоявшихся постулатов и привычных стереотипов. Например, что выше: общественный интерес или личность? Все ли разрешено (при отсутствии запрета) не только с правовой, но и с нравственной точки зрения? Каковы исходные принципы, аксиомы коммунистической нравственности, каково ее соотношение с общечеловеческой моралью? Это только небольшая часть вопросов, сводящихся к одному «центру притяжения» — проблеме соотношения

общечеловеческих, классовых, национальных, групповых, индивидуальных ценностей. А проблема эта непростая, она затрагивает этику и психологию, внутреннюю и внешнюю политику, права человека и общественные приоритеты.

Научная разработка названной проблематики, как видно, является прямым продолжением того гуманистического направления, в центре которого — человек в самом широком смысле слова, *общественный человек*. Отсюда проблемы демократии, социальной активности личности, ее места в обществе, ее защищенности, социальной справедливости. Социализм мы видим как строй подлинного, реального гуманизма, при котором человек на деле выступает «мерой всех вещей», говорилось на XIX партийной конференции. И проводимая в стране реформа политической системы имеет смысл именно в этом плане: она совершается для возвышения человека как политического деятеля, гражданина.

Уместно сказать и о пересмотре многих представлений в области исторической науки. Даже с сугубо прагматической точки зрения очевидно: реформа политической системы не будет эффективной, если мы не сумеем на основе нашего же собственного исторического опыта реалистически представить себе пути дальнейшего развития Советского государства, Коммунистической партии, всего социалистического общества, изменений его экономики, социальной, политической и духовной жизни. Но эти пути в научном отношении не разрабатывались; многое в нашей истории было фальсифицировано, искажено. А ведь нужно знать не только подлинные события прошлого, но и представлять себе многоплановые, сложнейшие механизмы, посредством которых прошлое влияет на современность: предвидеть, что нас ждет в будущем, какова должна быть общая стратегия развития социализма.

В этом плане требует скорейшего развития марксистская политология, которая у нас до последнего времени вообще не считалась наукой. Лишь силами немногочисленных энтузиастов несколько лет назад стало возрождаться это научное направление. Фундаментальные исследования в политологии нуждаются в изучении природы и структуры власти, анализа механизмов принятия решений, разработки различных моделей соотношения политических и социальных сил, которые

имеются в современном социалистическом обществе. Явное отставание политологии от мирового уровня серьезно препятствует решению практически-политических задач, а в теоретическом аспекте сильно обедняет наши представления о функционировании общества. Реформа политической системы актуализирует политическую проблематику, потребует развертывания научных исследований и существенного расширения подготовки кадров специалистов в этой области.

Пересмотр прежних догм необходим и в правоповедении. Формирование социалистического правового государства предполагает признание и последовательное утверждение верховенства закона, взаимной ответственности государства и гражданина, равенства всех перед законом, независимости суда, презумпции невиновности и осуществления ряда других принципов, отражающих общедемократические завоевания человеческой цивилизации. Свобода и ответственность, демократия и власть, убеждение и принуждение, дозволение и запрет, интересы государства и права личности — вот лишь часть тех проблем, которые требуют глубокого научного анализа, нового видения, широкого общественного обсуждения.

Новое политическое мышление открыло дорогу кардинальным практическим сдвигам в сфере внешней политики, оздоровило международный климат. Но оно во многом меняет и теоретические конструкции обществоведов. Достаточно отметить такие принципиальные концептуальные изменения, как отказ от «образа врага», от видения мира как двух противоборствующих сил; признание не только неизбежности, но и полезности взаимодействия различных общественных систем в рамках одной цивилизации; упор на интернационализацию межгосударственных отношений, включая более широкое использование в общих интересах таких институтов, как ООН, Международный суд. Получают развитие различные формы международного сотрудничества и диалога, в основе которых лежат доверие и уважение друг к другу, гуманизация и демократизация международных отношений. Убедительным подтверждением этого стала Венская встреча представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Новые политические и нравственные ценности составляют идейный фундамент перестройки в нашей стране, они заложены и в основе реконструкции поли-

тической системы. Доверие к людям, консолидация прогрессивных сил, взаимное сотрудничество — факторы не только внешней, но в не меньшей степени и внутренней политики. А открытость и гласность во внешнеполитической сфере, пожалуй, даже следствие аналогичных явлений внутри страны. Да и отказ от «образа врага» прямо сопрягается с преодолением прежней подозрительности, практики «наклеивания ярлыков».

Перемена «обществоведческой идеологии» — или, можно сказать, философии внутренней и международной жизни — задача фундаментальная. Она имеет много аспектов и по-разному преломляется в различных науках. Ее ближайший практический результат должен найти отражение и в тех политических, социально-экономических и правовых решениях, которые предстоит принять на втором этапе реформы. Каковы основные направления ее реализации? Их несколько.

Делом первостепенной важности представляется дальнейшая демократизация работы Советов всех ступеней, повышение роли общественных организаций и органов общественной самодеятельности. Должна быть разработана широкая система мер для использования Советами на всех уровнях имеющихся у них прав и возможностей в решении всех вопросов местной жизни. Многие из них найдут отражение в проекте Закона о местном самоуправлении и местном хозяйстве. Двенадцатая сессия Верховного Совета СССР поручила подготовить и принять временное положение о президиумах и председателях местных Советов и осуществить другие шаги, необходимые для самостоятельной и инициативной работы в новых условиях постоянных комиссий Советов, депутатских групп, народных депутатов, исполкомов.

На втором этапе политической реформы будут широко обсуждены проблемы дальнейшего развития советской федерации, упорядочения межнациональных отношений на демократической основе, возрождающей и углубляющей ленинские принципы. Речь идет о четком разграничении полномочий Союза и республик, устранении излишней централизации в их взаимосвязях, гармонизации межнациональных отношений. К этому тесно примыкает подготовка проекта общих принципов перестройки руководства экономикой и социальной сферой в союзных республиках на основе

самоуправления и самофинансирования. Речь идет о формировании качественно нового механизма территориального управления, при котором органически сочетались бы интересы каждой республики с интересами и потребностями страны.

Формирование социалистического правового государства на предстоящем этапе реформы означает создание надежных механизмов защиты прав и свобод граждан и обеспечения выполнения каждым своих обязанностей и ответственности перед обществом. Это предполагает создание политических и правовых гарантий гласности, эффективного функционирования средств массовой информации, расширения участия всех слоев населения в принятии государственных решений. Соответственно должны быть подготовлены законопроекты по всем этим вопросам, а также по реорганизации судебной и прокурорской системы, следственного аппарата и исправительно-трудовых учреждений. Уже вынесен на всенародное обсуждение проект Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, построенный на принципах законности, демократизма, неотвратимости ответственности, равенства граждан перед законом, справедливости и гуманизма, уважения свободы и достоинства личности.

Понятно, что результативность второго этапа реформы политической системы определится не количеством и не наименованиями новых законов, а их существом, направленностью и практическим осуществлением. Уже в ходе разработки проектов их нужно будет наполнить глубоко демократическим содержанием. Здесь-то и потребуются обновленные представления, свежие научные идеи и концепции. Очевидно также и то, что демократизация содержания законов во многом зависит от степени демократичности процедуры их подготовки, обсуждения и принятия. Первый этап политической реформы создает для этого необходимые предпосылки: постоянно действующий Верховный Совет, новую избирательную систему, конституционный надзор, отчетность исполнительной власти перед народом.

Новое политическое мышление, распространяясь на сферу внутреннего права, предполагает, что законодательные нормы должны сопоставляться, согласовываться, а в ряде случаев и перерабатываться в свете меж-

дународно-правовых принципов и норм, которые выработаны прогрессивным человечеством, содержатся в решениях и рекомендациях Организации Объединенных Наций, в международных конвенциях, договорах и соглашениях, участником которых является наша страна. Здесь также много нового. Отметим, например, что в упомянутом выше проекте Основ уголовного законодательства сказано (ст. 1): «Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик подлежит приведению в соответствие с положениями международных договоров, заключенных СССР». А проект Закона об изобретательской деятельности в СССР, также вынесенный на всенародное обсуждение, гласит еще категоричнее (ст. 63): «Если международным договором СССР установлены иные правила, чем те, которые содержатся в советском законодательстве в области изобретательства, то применяются правила международного договора». В этих положениях четко выражен приоритет общих договоренностей, достигнутых всеми или несколькими государствами, по сравнению с локальными правилами одной страны. И эти общие договоренности, принятые добровольно, без дискриминации и принуждения, вовсе не ущемляют интересов сторон; напротив, они содействуют удовлетворению этих интересов посредством взаимно согласованных усилий.

III

Задачи, стоящие перед обществоведами, требуют определенной перестройки и в том, что можно назвать «технологией» научного исследования.

Очевидно, что любое исследование начинается с познания объекта, то есть, по существу, с получения необходимой информации. Этот этап в обществоведении весьма специфичен. Во-первых, факты, изучаемые ученым-обществоведом, первоначально бывают получены, как правило, не им самим: главный источник интересующих его сведений — государственная и ведомственная статистика, общественное мнение, официальные документы, пресса. Во-вторых, эти сведения еще до всестороннего и объективного исследования уже могут быть (и обычно бывают) кем-то интерпретированы, например, средствами массовой информации. В-третьих, большинство полученных сведений о социальных явле-

ниях и процессах недолговечно в том смысле, что жизнь быстро меняется и сложившиеся представления об экономической, социальной и политической ситуации устаревают не по дням, а по часам. Преодолеть эти трудности помогают современные разработки по методологии и методике научного исследования, которые, например, в социологии уже достаточно продвинулись. Но есть ряд организационных неувязок и препятствий, которые пока что мешают достижению в общественных науках достоверных научных результатов.

Первое трудное звено — получение объективной информации. Вряд ли нужно повторять, что большой массив государственной и ведомственной статистики для обществоведов остается все еще недоступным. При опросе летом 1988 года ученых пяти московских обществоведческих институтов на это указали 82,4 процента научных сотрудников. Ограничимся одним примером. В резолюции XIX партконференции «О гласности» сказано: «Следует систематически публиковать... статистические сведения о состоянии преступности и мерах по ее предупреждению». Решения конференции, очевидно, надо выполнять. И вот вышел сборник «Социальное развитие СССР» (М., 1988), в котором две страницы (из 264) посвящены состоянию и динамике преступности. Цифр немного, да и большая их часть дана не в абсолютных показателях, а в процентах по сравнению с двумя предыдущими годами (данные о которых ранее не публиковались). Вот и пойми, каково реальное состояние преступности в стране! И это в тот момент, когда на всенародное обсуждение выносятся законопроекты, как раз предназначенные для борьбы с этим антиобщественным явлением.

Для сравнения скажем, что сборники уголовной статистики, выпускавшиеся в стране до конца 20-х годов, содержали подробный анализ всех необходимых сведений. Последний из известных нам статистических сборников о преступности в США представляет собой увесистый том в 450 страниц.

Трудности в получении полной и объективной социальной информации, с которыми сталкиваются московские институты, многократно возрастают для ученых союзных республик. Они не имеют прямого доступа к первичным источникам, находящимся в Москве; книги и другие издания поступают к ним с запозданием. Приток

иностранной литературы крайне незначителен. Да и издательская база обществоведов союзных республик чрезвычайно слаба.

Недостаток государственной статистики и иной официальной информации может быть восполнен специально проводимыми социологическими исследованиями. Для того чтобы глубоко и объективно изучить общество, в котором мы живем, надо, в частности, проводить регулярные опросы разных слоев и групп населения. Но сеть интервьюеров для Всесоюзного центра изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам при ВЦСПС и Госкомтруде СССР (руководитель академик Т. И. Заславская) все еще не развернута, хотя есть и научные программы, и подготовленные специалисты, и даже необходимая техника. Увы, дело за малым: нет помещения. И в результате вся работа стоит...

Объяснять недостатки обществоведения одной лишь скудостью первичной информации или организационными трудностями было бы, конечно, неверно. Многие наши слабости проистекают из поверхностного анализа уже полученных фактов, скороспелых обобщений и выводов, не основанных на рассмотрении всех вариантов и альтернатив, особенно прогностического характера. Однолинейность, упрощенность, а порой и наивность суждений — плод догматизма и схоластики, неразвитости так называемых теорий среднего уровня, отсутствия откровенных творческих дискуссий, споров, «мозговых атак», «деловых игр» и других методических средств и приемов, достаточно обычных для мировой практики. Пути преодоления этих недостатков известны: поощрение свободы творчества, повышение требовательности к конечным результатам, поддержка новых, прогрессивных идей.

Особое значение имеет демократизация отношений среди ученых. Речь идет и об управлении (и самоуправлении) в научных коллективах, и о создании атмосферы открытости, уважения к идеям и предложениям другого, о разнообразии научных школ и направлений. Здесь тоже полезно опереться на мировой опыт, в частности учесть рекомендации ЮНЕСКО о статусе научного работника, его месте в современном обществе.

Заключительное звено «технологического процес-

са» — реализация выводов и рекомендаций, к которым приходит отдельный ученый или научный коллектив. Положение здесь улучшается медленно.

Обычно аналитические доклады и рекомендации по экономическим, социально-политическим, правовым, психологическим проблемам, подготовленные научными коллективами в результате проведенных исследований, направляются в партийные и советские органы, министерства и ведомства. Но все эти учреждения, по сути дела, никак не ответственны за рассмотрение предложений науки и тем более за внедрение их в общественную практику. У философов, историков, литературоведов процесс внедрения вообще ограничен книгами, статьями да вузовской программой.

Такой путь крайне неэффективен. Необходим точный, юридически закрепленный механизм обсуждения, оценки и внедрения научных рекомендаций в области экономики, политики, права, социальной жизни. Ведь обновление социализма, включая проведение политической реформы,— это не личный интерес энтузиаста-ученого или творческого научного коллектива, это дело всех и каждого. И можно ли обеспечить успех перестройки, если игнорировать мнение специалистов, их советы, прогнозы, сомнения, предположения!

Надо сказать, что сейчас, на втором этапе реформы политической системы, для укрепления связи науки с политической практикой открываются более широкие возможности. Особенно следует подчеркнуть два обстоятельства.

Во-первых, недавно созданы Комиссии ЦК КПСС по основным направлениям внутренней и внешней политики. Думается, что они должны стать связующим звеном между учеными и политическим руководством, аккумулировать все полезные идеи и предложения, которые дают наука, общественная мысль для принятия крупных экономических, социальных, внутри- и внешне-политических решений.

Во-вторых, это новый Верховный Совет, который будет открыт для выражения мнений и интересов всех слоев населения, в том числе и научных работников. Возможность избрания депутатов от общественных организаций значительно повышает их роль в выработке законопроектов и иных государственных решений. Это-

му способствует и наделение Академии наук СССР правом законодательной инициативы.

Политическая реформа уже на первом своем этапе существенно активизировала работу научных учреждений гуманитарного профиля. Опрос, на который мы ссылались, показал, что для большинства ученых-обществоведов характерно заметное единство взглядов на состояние общественных наук и пути их перестройки. Эти пути в значительной степени связываются с продолжением и углублением процессов демократизации, гласности, гуманизации нашего общества. Тем самым выявляется тесная двусторонняя связь между политическими тенденциями, наблюдаемыми в стране, и современным развитием обществоведения. Политическая реформа будет оптимальна и эффективна лишь в том случае, если она будет проводиться на основе объективных данных научной теории. В то же время именно политическая реформа, и прежде всего демократизация всех сторон нашей жизни, создает условия и стимулы для преодоления застоя в теоретическом мышлении, порождает потребность и необходимость в дальнейшем развитии общественных наук.

ФАКТЫ. ПРОБЛЕМЫ. УРОКИ

2

Предпосылки образования в России марксистской партии нового типа

Культурные предпосылки Октября

Численность партий большевиков и меньшевиков в 1917 году

Судьба мелкобуржуазных партий

VIII съезд РКП(б): взгляд в будущее

Двадцатые годы: в начале пути

Ленин и Коминтерн

Сталин и проблемы политики единого фронта

30-е годы в нашей истории

Советско-финская война

В преддверии 2-й мировой войны

Незавершенные повороты 1956 и 1965 годов

Оскудение деревни

У человечества единая судьба

Партия в правовом государстве

Жить и извлекать уроки

«Пролетариат, как и все другие партии, быстрее всего учится на своих собственных ошибках, и никто не может полностью уберечь его от этих ошибок».

Ф. Энгельс

(Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.
Т. 37. С. 276)

«Первой задачей всякой партии будущего является — убедить большинство народа в правильности ее программы и тактики».

В. И. Ленин

(Полн. собр. соч. Т. 36. С. 172)

«...Мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собою масс, и вся машина развалится».

В. И. Ленин

(Полн. собр. соч. Т. 45. С. 112)

О предпосылках образования в России марксистской партии нового типа *

Проблема типа капиталистической эволюции в России, активно разрабатывавшаяся более 15 лет назад¹, вновь оказывается в поле зрения исследователей. Но это не просто возвращение. На рубеже 60-х и 70-х годов названной проблемой занимались преимущественно специалисты по экономической истории капиталистической России. Теперь же на нее вышел более широкий круг исследователей. Как показывают опубликованные в последнее время работы², потребность связать воеди-

* Публикуемая статья является последней работой недавно скончавшегося видного советского историка Константина Николаевича Тарновского. Она дает ответы на многие вопросы, которые затрагиваются проходящей сейчас дискуссией на страницах журналов и газет: о масштабе и уровне зрелости капитализма в России, об особенностях ее капиталистической эволюции в условиях империализма и в этой связи о предпосылках и путях образования в России марксистской партии нового типа. Статья отражает глубокий творческий подход к изучению истории пролетарского этапа освободительного движения, присущий научным трудам К. Н. Тарновского.

¹ На необходимость исследовательской разработки проблемы типа капиталистической эволюции одним из первых указал А. Л. Сидоров. «По-видимому,— писал он более 20 лет назад,— надо говорить о российском типе империализма» (Сидоров А. Л. Некоторые размышления о труде и опыте историка.— История СССР, 1964, № 3, с. 133). Тогда же на сессии Научного совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» проблема особенностей (типа) российского капитализма была названа среди тем, нуждающихся в разработке (см. Первая мировая война. 1914—1918. М., 1968, с. 22). В мае 1969 г. эта проблема рассматривалась на научной конференции в Свердловске (см. Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности, Свердловск. 1972). Сборник вызвал резкую предвзятую критику (см. Актуальные проблемы общественных наук на современном этапе. Стенограмма совещания по историческим наукам (21—22 марта 1973 г.). М., 1974, с. 130—145), и исследование проблемы типа капиталистической эволюции России прекратилось.

² См. Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября. Первая буржуазно-демократическая революция в России. М., 1985; Там же. кн. 2. Свер-

но такие категории, как новая историческая эпоха,¹ социалистическая революция, марксистская партия нового типа, осознана вполне³. Более того, намечаются некоторые подходы к ее решению, и притом с разных сторон и на различных срезах российской общественной структуры. Другими словами, в отличие от начала 70-х годов проблема особенностей капиталистической эволюции понимается теперь как комплексная проблема. В настоящей статье и предпринимается попытка поставить российскую разновидность капиталистической эволюции в связь с социально-политической проблематикой истории России конца XIX — начала XX в., и прежде всего с вопросом о предпосылках возникновения в нашей стране марксистской партии нового типа.

Начнем с определения понятия «особенности (или тип, что, по нашему мнению, идентично) капиталистической эволюции». В январе 1923 г., подводя итоги многолетним размышлениям над вопросами о путях и особенностях развития при капитализме, В. И. Ленин писал: «...При общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития»⁴. Если первым русским марксистом, начавшим разработку проблемы развития российского капитализма, был Г. В. Плеханов, то к специальному исследованию проблемы особенностей российской капиталистической эволюции первым обратился В. И. Ленин. В итоге была выявлена неизвестная еще форма утверждения капиталистического способа производства. В сравнении с западноевропейской для нее характерны не только сжатые сроки, но и резкое смещение стадий (этапов) складывания системы крупноиндустриального производства, а также иная последовательность аграрно-капиталистического и промышленного переворотов. Если в странах первого эшелона капиталистического развития железные дороги явились результатом про-

жение самодержавия. Вторая буржуазно-демократическая революция в России. М., 1986.

³ См., например, рецензии на первые две книги «Исторический опыт трех российских революций» в журналах «Рабочий класс и современный мир» (1986, № 4) и «Вопросы истории КПСС» (1986, № 11).

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 379.

мышленного переворота и в этом смысле, по выражению Маркса, увенчали дело окончательного преобразования капиталистического производства⁵, то в России крупное железнодорожное строительство началось до завершения промышленного переворота, явившись стимулом индустриального развития страны и одной из причин иной, чем в старых капиталистических странах, формы возникновения крупнофабричного производства — в ряде случаев без прохождения мануфактурной стадии. Именно так, минуя мануфактурную стадию, образовался в 80—90-х годах в Донбассе и Криворожье крупнейший (южный) горно-металлургический район.

В другой, по сравнению с европейскими странами, последовательности происходило в России и оформление кредитной системы. К началу XX в. она была представлена прежде всего крупными и крупнейшими акционерными коммерческими банками, а бурный рост средних и мелких кредитных учреждений приходится на время предвоенного промышленного подъема.

Что же касается последовательности аграрно-капиталистического и промышленного переворота, то в странах раннего капитализма первый был следствием буржуазных революций и предшествовал второму, тогда как в России, наоборот, промышленный переворот завершился в 80-х годах прошлого столетия, по крайней мере за 20 лет до буржуазной революции, а аграрно-капиталистический не завершился вовсе. Этот последний предполагает окончательное торжество «национального пути» развития капитализма в сельском хозяйстве, «прусского» или «американского» и как следствие — окончательный (политически оформленный) раскол крестьянства на классы буржуазного общества, раскол, ликвидирующий возможность выступления всего крестьянства против помещиков, снимающий с порядка дня крестьянскую аграрную революцию. Этого, как известно, добивался царизм в процессе столыпинских аграрных преобразований. Но не добился.

Ответил Ленин и на вопрос о причинах особенностей российской капиталистической эволюции в сравнении с Западом, обратив внимание на ускорение роста некоторых отраслей тяжелой промышленности и железно-

⁵ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 290—291.

дорожного строительства методом прямого государственного вмешательства, с одной стороны, и привлечения иностранных капиталов — с другой. Впоследствии, характеризуя капиталистическую эволюцию России в пореформенный период (с 1861 по 1905 г.), Ленин подчеркнул: «...Именно этот период был периодом усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху»⁶.

Таковы особенности капиталистического развития России, выявленные с точки зрения указания Ленина на возможность своеобразия «либо формы, либо порядка» этого развития. Разработка намеченного круга вопросов на конкретном материале составила целую полосу истории советской исторической науки⁷. Самым общим итогом этой полосы является выдвигаемое в настоящее время положение о России как стране второго эшелона мирового капиталистического развития⁸.

При изучении экономического развития пореформенной России исследователи обращали внимание прежде всего на формирование индустриального развития. Характеризуя некоторые социальные процессы, необходимо сказать о задержке консолидации в класс российской буржуазии как следствии «насаждения капитализма сверху» и опережающем буржуазию социальном и политическом развитии российского пролетариата. Не выполнив до конца своей исторической миссии — самостоятельного созидания общероссийской системы крупноиндустриального производства, участвуя в этом процессе наряду с царизмом и иностранным капиталом, коренная российская буржуазия к началу XX в. не смогла сложиться в класс, монопольно распоряжающийся индустриальной мощью страны, и политически осознать себя таковым.

Что же касается российского пролетариата, то форсированное складывание системы крупноиндустри-

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 38.

⁷ См. подробнее: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4. М., 1966, с. 368—398; То же. Т. 5. М., 1985, с. 316—338.

⁸ См. Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября. Первая буржуазно-демократическая революция в России, с. 76, 89; Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России, 1783—1883. М., 1986, гл. 1; Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987, с. 62, 104, 143, и др.

ального производства ускорило его консолидацию в масштабе всей страны, а сходные условия жизни и эксплуатации на предприятиях государственных (казенных), иностранных и «отечественных» облегчали осознание принципиальной общности своего положения в системе капиталистического способа производства, общих (интернациональных) и особенных (национальных) задач. И поэтому пролетариат раньше, чем буржуазия, появился на политической арене. Уже на рубеже 80-х и 90-х годов прошлого столетия рабочие становятся не только активными участниками первых марксистских кружков и групп в России, но и инициаторами нескольких политических акций. Особое место среди них занимает первая маевка петербургских пролетариев (1891 г.). Даже Г. В. Плеханов, считавший «европеизацию» России наиболее желательной и возможной перспективой развития страны после буржуазно-демократического переворота, заговорил тогда о «неоспоримых особенностях» русской жизни. Главное состояло в том, писал Плеханов в предисловии к майским речам рабочих, что *«политическое сознание в русском рабочем классе пробудилось раньше, чем в русской буржуазии»*⁹. Придя к такому заключению, он выдвинул некоторые положения, ныне справедливо квалифицируемые как элементы концепции гегемонии пролетариата и союза пролетариата и крестьянства в освободительном движении России¹⁰. Но именно элементы. Положение о тождестве капиталистической эволюции России и западноевропейских стран, а следовательно, и принципиальном сходстве назревавшей в России революции с западноевропейскими оставалось для Плеханова вне сомнений. И поэтому, отмечая политическую слабость и незрелость российской буржуазии, Плеханов все же продолжал считать ее — правда, наряду с российским рабочим классом — движущей силой предстоящей революции¹¹. Что же касается политического руководства непролетарскими мас-

⁹ Плеханов Г. В. Сочинения. Т. 3. М.—Л., 1928, с. 210.

¹⁰ См. Тютюкин С. В. Первая российская революция и Г. В. Плеханов. Из истории идейной борьбы в рабочем движении России в 1905—1907 гг. М., 1981, с. 111; Курбатова И. Н. Начало распространения марксизма в России. Литературно-издательская деятельность группы «Освобождение труда». М., 1983, с. 127—128.

¹¹ См. Плеханов Г. В. Сочинения, т. 3, с. 120.

сами, как важнейшей задачи класса-гегемона, то этого вопроса Плеханов не касался вовсе. В этом состояла одна из причин его серьезнейших просчетов при определении характера и перспектив развития революционного процесса в России вообще и социалистической революции в особенности. По существу, Плеханов разделял точку зрения лидеров II Интернационала, считавших, что социалистическая революция является делом лишь одного пролетариата и поэтому может привести к победе лишь тогда, когда он станет большинством нации¹².

Ленин не мог согласиться с такой системой взглядов. Открыв российскую разновидность капиталистической эволюции, он пришел к заключению, что и зреющая здесь буржуазная революция не может быть простым повторением революций эпохи мануфактурной стадии капитализма¹³. Последние совершались под безраздельным руководством буржуазии, заканчивались ее победой и подавлением самостоятельных выступлений трудящихся масс. В России же буржуазная по содержанию революция могла стать пролетарской по основной движущей силе и средствам борьбы, привести к поражению буржуазии еще на демократическом этапе и открыть перед пролетариатом и его союзниками социалистическую перспективу. Этот вывод был сделан Лениным в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894 г.). Заканчивая ее, он писал: «...русский РАБОЧИЙ, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ (рядом с пролетариатом ВСЕХ СТРАН) прямой дорогой открытой политической борьбы к ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»¹⁴.

¹² Обосновывая данное положение, К. Каутский писал в 1903 г., что в ходе социалистической революции против рабочих окажутся не только «все эксплуатирующие классы, но и большинство мелких буржуа и крестьян, и большая часть интеллигенции» (Каутский К. Социальная революция. Женева, 1903, с. 78—79).

¹³ Мы принимаем предложение А. Н. Чистозвонова о целесообразности классификации буржуазных революций не по формальному временному признаку («ранние» и «поздние»), а по стадийному признаку (деление их на революции мануфактурной, фабричной и империалистической стадии капитализма).— См. Чистозвонов А. Н. Генезис капитализма: проблемы методологии. М., 1985, с. 161—162.

¹⁴ Ленин В. И. Полн собр. соч., т. 1, с. 312.

Так за 10 лет до первой революции в России была выдвинута идея гегемонии пролетариата в борьбе за демократию для перехода к социалистической революции, базовая идея ленинской концепции революционного процесса в России. Формулируя вытекающие из нее задачи нарождавшейся в России марксистской революционной партии, Ленин в той же работе специально подчеркнул, что русским коммунистам «более, чем каким-нибудь другим» нельзя никогда забывать в своей деятельности «громadной важности **ДЕМОКРАТИЗМА**»¹⁵.

Соединить массовое рабочее движение с научным социализмом и борьбу социалистического пролетариата с демократическими движениями народных масс — так сформулировал Ленин вытекавшие из объективного положения страны задачи и основные направления деятельности российской революционной марксистской партии. В условиях наступающей новой эпохи в такой стране, как Россия, борьба за демократию и борьба за социалистическую революцию не будут резко разделены во времени, они явятся звеньями единого революционного процесса. Пролетариату незачем ждать, когда он станет большинством нации: и на демократическом, и на социалистическом этапах развития революции он выступит в союзе с большинством трудящихся масс.

Первые работы Ленина показали, что в революционном марксизме конца XIX в. выявилось новое течение, принципиально иначе решавшее вопрос о роли буржуазии в демократической революции и широких народных масс — как в демократической, так и в социалистической революциях. Этому течению предстояло развиться в партию нового типа. Для этого нужно было выработать программу целенаправленных действий, ведущих к соединению марксизма с массовым рабочим движением, а последнего — с выступлениями широких непролетарских масс. На протяжении первого пятилетия своей политической деятельности Ленин выдвигает две такие программы, приходящиеся первая — на середину 90-х годов (время деятельности петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»), вторая — на начало нового столетия

¹⁵ Там же, с. 300.

(«искровский» период в истории партии и страны). Они были разными, так как учитывали принципиальные отличия в экономическом положении России (промышленный подъем во второй половине 90-х годов прошлого века и глубокий экономический кризис в начале XX в.), а также в уровне и характере рабочего и социал-демократического движения. Вместе с тем обе программы представляли собой последовательные этапы единой социал-демократической деятельности, призванной в конечном счете обеспечить самостоятельное участие руководимых пролетариатом широких народных масс в демократической революции.

Истории выработки и реализации ленинских программ посвящена огромная литература. И все же различные их стороны изучены неравномерно. Проблема соединения марксизма с массовым рабочим движением и этого последнего с демократическим нуждается, на наш взгляд, в дополнительной разработке. На ней главным образом мы и остановимся.

В середине 90-х годов XIX в. принципиальные изменения в развитии рабочего движения явились результатом перехода от пропаганды марксизма в рабочих кружках к агитации в широких массах петербургского пролетариата. Как и рассчитывал Ленин, агитация содействовала «переводу» революционной теории на язык масс и переходу рабочего движения от стихийных стачек к сознательной борьбе с фабрикантами, а затем и с царским правительством. Вместе с тем переход от пропаганды к агитации стал средством преобразования рабочих и марксистских кружков в социал-демократическую организацию с разделением обязанностей, необходимым техническим оснащением и центральной группой по координации работы.

Одновременно шла подготовка к изданию газеты, с помощью которой Ленин рассчитывал «соединить стачечную борьбу с революционным движением против самодержавия и привлечь к поддержке социал-демократии всех угнетенных политикой реакционного мракобесия»¹⁶.

Таким образом, в полном соответствии с выдвинутой Лениным двуединой задачей в середине 90-х го-

¹⁶ Там же, т. 6, с. 32.

дов ставился вопрос об одновременном переходе к массовой агитации среди рабочих и демократических слоев русского общества. Агитация, которая велась от имени революционных социал-демократов, и имела в виду соединение рабочего движения с демократическим.

«Союз борьбы» практически одновременно начал выпуск листовок, обличающих порядки на отдельных предприятиях, и прокламаций, обращенных ко всем рабочим города. В декабре 1895 г. на арест своих руководителей «Союз борьбы» ответил резким усилением политической агитации. Сформировавшееся в итоге состояние возмущения и прозрения вылилось летом 1896 г. в грандиозную стачку 30 тыс. текстильщиков Петербурга, с которой прежде всего Ленин соотносил начало массового рабочего движения в связи с социал-демократией¹⁷.

«Союзу борьбы», однако, не удалось развернуть агитацию среди демократических слоев населения русского общества. В ночь на 9 декабря 1895 г. полиция арестовала основной состав его руководителей и захватила готовый к печати первый номер «Рабочего дела». Вторая часть ленинской программы, касающейся соединения рабочего движения с демократическим, осталась нереализованной. Массовое рабочее движение второй половины 90-х годов еще не вызвало открытых выступлений в демократических слоях русского общества. Исходя, в частности, из такого итога, «экономисты» стали вообще отрицать необходимость социалистической борьбы пролетариата, снимая тем самым вопрос о его гегемонии в демократической революции. Как показывают материалы Первого съезда РСДРП, участники его также не уяснили во всей полноте выдвинутую Лениным программу деятельности русских марксистов, опирающуюся на анализ капиталистической эволюции страны. Правда, в Манифесте Российской социал-демократической рабочей партии констатировалось, что в политическом отношении буржуазия становится «трусливее и подлее» к востоку Европы; что «русское правительство с похвальным усердием само насаждало семена классовой борьбы, обездоливая крестьян, прокровительствовавшим помещикам, выкармливая

¹⁷ См. там же, т. 25, с. 94.

и откармливая за счет трудящегося населения крупных капиталистов». Но из этого заключалось, что нужную ему политическую свободу «русский пролетариат может завоевать себе только сам»¹⁸. Иными словами, констатируя в отличие от «экономистов» вступление рабочего класса на путь политической борьбы, Манифест не касался вопроса о гегемонии пролетариата, о его союзниках в борьбе с царизмом»¹⁹.

Принципиально иначе оценил ситуацию Ленин. Неуспех с постановкой политической агитации среди демократических слоев российского общества, подчеркивал он, «доказал лишь, что тогдашние социал-демократы оказались не в силах удовлетворить насущный запрос момента вследствие недостатка у них революционного опыта и практической подготовленности»²⁰. И поэтому вряд ли случайно, что в статьях для «Рабочей газеты» (осень 1899 г.), с которыми связано начало нового этапа борьбы за подготовку пролетариата и широких народных масс к самостоятельному участию в назревшей российской революции, Ленин вновь говорит о необходимости связать рабочее движение с «социалистическими убеждениями, которые должны стоять на уровне современной науки», то есть учитывающими принципиальные итоги марксистского анализа экономического положения России конца XIX в., с одной стороны, и с «систематической политической борьбой за демократию» — с другой²¹. Но теперь сформулированная в середине 90-х годов двудесятилетняя задача решалась уже иначе, с учетом происшедших изменений в общих условиях борьбы, а также в рабочем и социал-демократическом движениях.

Главным средством реализации второй ленинской программы подготовки масс к самостоятельному участию в демократической революции стала газета «Искра». Цель своей деятельности — сформировать могучую

¹⁸ Первый съезд РСДРП. Март 1898 года. Документы и материалы. М., 1958, с. 79—80.

¹⁹ В этой связи нам представляется вполне обоснованным содержащийся в новейшей литературе вывод, что в 1898 г. в России возникла социал-демократическая рабочая партия, но еще не партия нового типа — большевистская (см. Злобин В. И. Второй съезд РСДРП. Историография. М., 1980, с. 93).

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 32.

²¹ См. там же, т. 4, с. 189.

революционную армию, возглавив которую российский пролетариат сможет свергнуть гнет российского самодержавия, — газета сформулировала в первом же номере. А свою борьбу за влияние в российской социал-демократии и в освободительном движении страны «Искра» повела не только и даже не столько посредством литературной полемики, сколько путем прямого воздействия на рабочее движение. Идти от революционного опыта к развитию революционной теории и с помощью последней поднимать на новую ступень массовое рабочее движение — этот путь соединения марксизма с выступлениями российского пролетариата обеспечил целостность политических действий «Искры» и безусловное соответствие ее общей линии реальному ходу освободительной борьбы. Результатом явилось не только неодолимое движение за проведение в жизнь теоретических взглядов и принципов «Искры», ее тактики и организационной политики, но и постоянный рост рабочего движения и усложнение форм борьбы пролетариата, прямо воздействующих на демократические силы российского общества, поднимавших их на борьбу вместе с пролетариатом и под его руководством.

Выделим главные вехи и основные направления реализации «Искрой» второй ленинской программы подготовки трудящихся масс страны к самостоятельному участию в надвигавшейся демократической революции. Справедливость высказанного в первом номере «Искры» прогноза о возможности возникновения в стране массового демократического движения, возглавив которое российский пролетариат свергнет гнет российского самодержавия, подтвердилась сразу. Когда в январе 1901 г. правительство объявило об отдаче в солдаты 183 студентов, принимавших участие в студенческих волнениях в Киеве, Ленин через «Искру» обратился к рабочим и социал-демократам с призывом к организации «широкого и открытого протеста посредством публичной демонстрации»²². «Искре» удалось предугадать развитие событий. В начавшемся демонстрационном движении самое активное участие приняли рабочие университетских городов. В февральско-мартовские дни 1901 г. в России впервые произошло соеди-

²² Там же, с. 396.

нение рабочего движения с демократическим, в данном случае студенческим. Революционный опыт сразу же подтвердил правильность сформулированной Лениным программы. Это обстоятельство имело огромное значение для успеха всего дела «Искры».

Прежде всего первая же оказавшаяся столь успешной попытка использования газеты для непосредственного руководства массовыми выступлениями помогла редакции найти, а затем и отработать свои, именно газете присущие средства воздействия на ход движения, его активизацию и организацию. Отныне «Искра» поступала так. За статьями-прогнозами, основывавшимися на данных научного исследования экономического положения страны и содержащими указания на возможность революционных выступлений среди тех или иных слоев российского общества, следовали (когда движение уже началось) статьи с рекомендацией конкретных форм, средств и приемов борьбы, а затем — всесторонняя информация о ходе движения с детальным анализом всех его плюсов и минусов и выводами на будущее. В итоге оценивались уже не возможные, а реальные общественные позиции «демократических элементов» русского общества и выделялись те из них, которые были действительно способны выступить вместе с пролетариатом на революционную борьбу с самодержавным режимом.

Далее, в России и за границей началось активное движение за создание и совершенствование организации, специально занимавшейся доставкой и распространением газеты. К осени 1901 г. сложились основные элементы и определились контуры организации профессиональных революционеров, названной Лениным Русской социалистической почтой (группы содействия за границей, транспортные группы, основные и распределительные склады литературы, подпольные типографии и группы содействия на местах), а в начале следующего года оформилась Русская организация «Искры» с центром в Самаре и Транспортным бюро в Вильно, координировавшим всю работу по распространению литературы в России. По мере роста влияния «Искры» местные комитеты РСДРП начинают устанавливать прямые связи с редакцией и организацией «Искры», а затем и официально признавать газету своим руководящим органом, разрывая с представителями «эко-

номизма». Началось слияние искровской организации с комитетами и группами в России в единый организм на основе разработанных «Искрой» принципов.

Наконец, далеко идущие последствия имело и обращение рабочих к демонстрациям. В результате соединения демонстрационных выступлений со стачечной борьбой формировалась ранее неизвестная форма движения, главная особенность которой состояла в комбинировании экономической и политической борьбы. В силу этого стачка-демонстрация не только втягивала в движение различные группы и слои пролетариата, от передовых до самых отсталых, но и оказывала революционизирующее воздействие на демократические массы. Указав на демонстрации как на действенное средство поддержки рабочими выступлений студентов и связав демонстрации со стачечной борьбой, «Искра» внесла в движение элементы саморазвития и самоорганизации. В итоге за 1901—1903 гг. рабочее движение в России не только гигантски расширилось, пройдя путь от стачки на отдельных предприятиях к всеобщей стачке на юге России, но и усложнилось: массовые стачки-демонстрации стали сопровождаться листковой агитацией, а с ноября 1902 г. в ходе знаменитых событий в Ростове-на-Дону — многотысячными митингами, в которых наряду с рабочими участвовали представители средних городских слоев. Стачки-демонстрации вобрали в себя, объединили в единое революционное действие все найденные к тому времени пролетариатом формы борьбы, стали мощным средством проведения и осуществления гегемонии пролетариата в освободительном движении, средством непосредственного соединения рабочего движения с демократическим. Позже эту форму движения Ленин назовет массовыми революционными стачками и придет к выводу, что такие стачки искусственно вызвать нельзя; они появляются в предреволюционную эпоху, свидетельствуют о нарастании революционного кризиса и свое полное развитие получают в ходе революции, подводя массы к вооруженному восстанию, становясь его исходным пунктом.

Стачки-демонстрации начала XX в., получившие наиболее полное для того времени развитие в ходе всеобщей стачки на юге России (1903 г.), связали в единое революционное действие борьбу рабочих и вы-

ступления средних городских слоев — студентов, служащих, ремесленников и т. д. И в это же самое время параллельно с городскими революционными стачками и под их прямым воздействием формировался мощный внегородской поток революционно-демократической борьбы.

О необходимости и возможности занесения «семян» классовой борьбы и классового сознания «в многомиллионную массу крестьянства» Ленин писал уже весной 1901 г. в № 3 «Искры» (в статье «Рабочая партия и крестьянство»). В четвертом (апрельском) номере он указал на близость массовых выступлений²³, а начиная с августа 1901 г. (дата выхода в свет № 7 «Искры») и по ноябрь того же года включительно, когда в России появляется ее десятый номер, Ленин печатает серию статей, где специально рассматривает вопрос об участии фабрично-заводских пролетариев в работе среди крестьянства (такой путь «занесения» в крестьянство элементов классовой борьбы и классового сознания учитывал практиковавшуюся царским правительством в 1901—1903 гг. бесплатную отставку рабочих из городов в деревню) и прямо называет темы и поводы для пропаганды и агитации в деревне. В ленинских статьях рабочие и крестьяне характеризуются и как угнетенные классы, и как силы, в разной мере осознавшие свое положение: рабочие уже поднялись на борьбу, не остановившись перед прямой уличной схваткой с войсками (впервые — в ходе знаменитой Обуховской обороны), крестьяне лишь начинают осознавать необходимость открытого сопротивления угнетателям. Вовлечение в пропаганду и агитацию в деревне фабрично-заводских рабочих готовило почву для последующих совместных выступлений, для соединения рабочего движения с демократическим — крестьянским.

И все же главным средством воздействия на крестьянство в 1901 — первой половине 1902 г. являлось само рабочее движение в крупных промышленных центрах, развивавшееся в связи с движением средних городских слоев. Достаточно напомнить о первомайских стачках и демонстрациях 1902 г.

Именно эта прокатившаяся через всю страну волна революционного протеста более всего способствовала

²³ См. там же, т. 4, с. 437; т. 5, с. 12.

пробуждению к активной жизни непролетарских слоев русского общества. В том числе и крестьянства: сообщение о начале первого в пореформенной России крестьянского восстания появилось в июньском (21-м) номере «Искры» за 1902 г. Направленное прежде всего против помещиков — и в этом состояло сходство движения с крестьянскими «бунтами» второй половины XIX в. — восстание 1902 г. отразило углубление социальных противоречий в пореформенной деревне, а также влияние рабочего движения и социал-демократической пропаганды. Показательно: из 1088 учтенных крестьянских выступлений за 1901—1904 гг. около 75% (787 выступлений) приходится на 1902 и 1903 гг. — время наибольшего подъема рабочего движения накануне первой буржуазно-демократической революции в России²⁴. В антифеодальной направленности крестьянского движения «Искра» видела его неустрашимость и прямо ставила вопрос о возможности соединения аграрно-крестьянской революции с борьбой русского пролетариата: «...С всероссийским восстанием в городах, поддержанным открытой революцией в деревне, едва ли справится самодержавие. ...Разлившись по всей «сермяжной Руси», крестьянское движение легко обессилит самодержавие и даст возможность нанести ему в городе смертельный удар...»²⁵.

Итак, если главным результатом реализации первой ленинской программы подготовки народных масс к самостоятельному участию в демократической революции стало начало соединения марксизма с массовым рабочим движением, то к исходу 1902 г., когда велась непосредственная подготовка к проведению Второго съезда РСДРП, был установлен состав «демократических элементов» русского общества, способных вместе с пролетариатом, но в собственных интересах идти на революционную борьбу с самодержавием, намечалось соединение руководимого революционными социал-демократами рабочего движения с выступлениями демократических сил города и выявлены революционные возможности многомиллионного крестьянства. На

²⁴ См. Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881—1904 гг. М., 1984, с. 219. (табл. 48).

²⁵ Искра, № 21, 1 июня 1902 г.

очередь встал вопрос о путях непосредственного соединения массового рабочего и демократического движения в городах с крестьянской аграрной революцией.

Практически-политическое решение данного вопроса было предложено Лениным в брошюре «К деревенской бедноте» (написана весной 1903 г.). Остановимся лишь на двух вопросах, прямо касающихся рассматриваемой темы, — о социальных предпосылках и путях (механизме) соединения рабочего движения с крестьянской аграрной революцией.

Капиталистическое расслоение крестьянства, выделение крестьянской буржуазии, с одной стороны, и сельских полупролетариев — с другой, — таковы социальные критерии, обеспечивавшие сближение, а затем и соединение классово-борьбы крестьянства против помещиков либо с буржуазной оппозицией, либо с движением городского пролетариата. Ленин подчеркивал: все попытки крестьянства «осознать свою силу, по своему направить экономику и политику кончались крахом. Либо под руководством пролетариата, либо под руководством капиталистов — середины нет»²⁶. Для мануфактурной стадии капиталистической эволюции объективно существовала лишь вторая возможность, реализованная в странах западноевропейского региона. Руководствуясь этим, меньшевики более чем скептически оценивали вероятность выступления российского крестьянства на стороне пролетариата. Однако охарактеризованные выше особенности (тип) российской капиталистической эволюции, опережающая буржуазия политическая консолидация пролетариата впервые в мировой истории создавали условия для успешной реализации первой отмеченной Лениным возможности — выступления крестьянства на стороне пролетариата, в союзе с ним. На эту возможность он указал в брошюре «К деревенской бедноте». Разработал Ленин и вопрос о путях (механизме) соединения рабочего движения с крестьянской революцией. В первоначальной редакции плана брошюры говорится: «Необходимость освободить *все* крестьянство (и среднее и буржуазное) для освобождения бедноты *для* ее борьбы за социализм». Здесь применительно к крестьянству сформу-

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 136—137.

лированы ближайшая и конечная задачи российских социал-демократов. Какими социальными силами они могут быть решены? Ленин записывает: «Опыт с крестьянством в других странах: измена зажиточного и среднего крестьянства после политической и аграрной реформы». «Утилизация этого опыта для России, т. е. соединение $6\frac{1}{2}$ млн. *наперед* с городским рабочим...» «Это соединение начинается теперь и в Европе. Мы в России должны сразу закрепить эту связь и тем облегчить себе *всю борьбу за социализм*»²⁷.

По подсчетам Ленина, из 10 млн. крестьянских дворов $6\frac{1}{2}$ млн. приходилось на дворы бедноты. Сказано, следовательно, о необходимости союза пролетариата с беднотой (или «пролетарским крестьянством») не только на социалистическом, но и на буржуазно-демократическом этапе развития революции, в ходе которого пролетариат выступает вместе со всем крестьянством. Разумеется, никакого смешения социалистических и демократических задач и соответственно социальных сил, способных решить их, Ленин не допускает. Говоря о необходимости создания заранее, «наперед», то есть еще на демократическом этапе развития революционной борьбы, союза пролетариата с деревенской беднотой, он намечает практически-политическое решение вопроса, над которым будет работать вплоть до октября 1917 г.: как «*соединить* борьбу за демократию и борьбу за социалистическую революцию, *подчиняя* первую второй»²⁸.

По своему положению деревенская беднота — наиболее близкая к пролетариату и политически наиболее активная часть крестьянства. Союз пролетариата с беднейшим крестьянством может выполнять в силу этого различные функции на разных этапах революционной борьбы. На социалистическом этапе он выступает как общественная сила, направленная против городской и сельской буржуазии, на демократическом этапе этот союз — средство соединения рабочего движения с общекрестьянской аграрной революцией. Ленин подчеркивает в своей брошюре: «...Всем русским рабочим и всей деревенской бедноте надо *обеими руками на две стороны борьбу вести*: одной рукой —

²⁷ Там же, т. 7, с. 365.

²⁸ Там же, т. 49, с. 347.

*борьбу против всех буржуа, в союзе со всеми рабочими; другой рукой — борьбу с чиновниками в деревнях, с помещиками-крепостниками, в союзе со всеми крестьянами»*²⁹.

В конце 1902 — первой половине 1903 г. на базе этих положений и велась работа революционной социал-демократии, направленная на развитие, организацию и непосредственное соединение массового рабочего и крестьянского движения. Об этом говорят прежде всего распространенный летом 1902 г. и тогда же перехваченный департаментом полиции «Проект программы революционной работы в деревне», а также публикуемые «Искрой» данные о выпуске местными комитетами и группами РСДРП прокламаций, обращенных к крестьянам»³⁰.

Широко развернулась и устная пропаганда среди крестьян. Перелом в ее развитии приходится на конец 1902 г., когда большая часть комитетов РСДРП перешла на искровские позиции, а рабочее движение стало охватывать крупные промышленные центры и даже районы.

Так начинался новый этап борьбы за соединение рабочего и крестьянского демократического движения. Содержание его определено в написанном Лениным проекте резолюции для Второго съезда РСДРП о работе среди крестьянства. До этого времени Ленин был против создания в деревне социал-демократических групп и настаивал на концентрации партийных сил в городах и промышленных центрах. Теперь он подчеркивал: необходимо «стремиться к тому, чтобы из сознательных крестьян и интеллигентных работников в деревне образовывались крепко сплоченные группы социал-демократов, постоянно сносящихся с комитетами партии»; необходимо выступать перед крестьянством, в особенности перед деревенским пролетариатом, «со всей социал-демократической программой в ее целостности, разъясняя значение аграрной программы, как первых и ближайших требований на почве существ-

²⁹ Там же, т. 7, с. 178.

³⁰ См. Ушаков А. В. Борьба партии за гегемонию пролетариата в революционно-демократическом движении России (1895—1904). М., 1974, с. 53. По сведениям «Искры» (см. № 25 от 15 сентября, № 27 от 1 ноября 1902 г. и № 46 от 15 августа 1903 г.), листовки выпускались тиражом свыше тысячи экземпляров.

вующего строя»; необходимо, наконец, «противодействовать среди самого крестьянства пропаганде социалистов-революционеров, сеющей беспринципность и реакционные народнические предрассудки»³¹.

Остается рассмотреть вопрос об особенностях формирования в России непролетарских политических течений, а затем и партий, обусловленных своеобразием капиталистической эволюции страны и деятельностью РСДРП, ранее других появившейся на политической арене.

На рубеже столетий, отмечала «Искра» (№ 31, 1 января 1903 г.), «один только русский пролетариат, как класс, проявил политический смысл, один только он неудержимо развивался и оказался способным не только вести общественную борьбу, но и — в силу этого — поглощать общественные симпатии всех активно революционных элементов, выделявшихся нашим обществом». Интерес к пролетарскому социализму — марксизму — был выражением этих общественных симпатий, а широкое распространение некоторых марксистских положений среди интеллигенции самых различных оттенков — его следствием. Когда же под влиянием классовой борьбы пролетариата на политическую арену стали выдвигаться другие, непролетарские общественные силы, их политическое самоопределение начиналось, как писала «Искра», с «вытравления» сложившейся ранее идейной традиции пролетарского социализма «из сознания революционно настроенных элементов», с ревизии идейных, тактических и организационных принципов пролетарской партии. Другими словами, возникновение в России непролетарских политических группировок начиналось в ряде случаев с отпадения от революционной социал-демократии как течения общественной мысли, а затем и партии интеллигентских групп, уяснивших несовместимость или лишь частичное совпадение их задач с целями и задачами пролетарской партии.

Последовательность откола, отпадения от революционной социал-демократии непролетарских по своей сущности интеллигентских групп и оформление соответствующих политических течений определялась пере-

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 304 (за недостатком времени резолюция на съезде не обсуждалась).

ходом различных демократических элементов российского общества к открытым выступлениям против самодержавного режима. Средние городские слои непосредственно соприкасались с пролетариатом и раньше других демократических сил поднялись на борьбу. Соответственно первыми откололись от социал-демократии так называемые «легальные марксисты». Их представители перешли на позиции буржуазного либерализма, возглавили журнал «Освобождение», повели развернутую атаку на принципы революционного марксизма и в дальнейшем активно способствовали возникновению главной партии российского либерализма — конституционно-демократической партии. Так же действовали и социалисты-революционеры, до крестьянского восстания 1902 г. разделявшие некоторые положения марксизма и имевшие общие с социал-демократами организации (на Урале, в Саратове). Ответом последовательных пролетарских революционеров была бескомпромиссная критика отходящих от социал-демократии непролетарских течений и группировок, претендовавших на гегемонию в освободительном движении. Цель критики заключалась не только в защите коренных принципов марксистской партии, но и в установлении реального классового положения формировавшихся политических течений и на этой основе — выявления общих интересов в освободительной борьбе. Разрыв, размежевание с отходящими от социал-демократии интеллигентскими группами, прекращение отношений с ними как политическими единомышленниками ускоряли консолидацию того или иного политического течения, способствовали кристаллизации политической структуры российского буржуазного общества и вместе с тем создавали предпосылки возникновения межклассовых союзов (блоков), условия и форма которых определялись задачами борьбы на соответствующем этапе освободительного движения, а также мерой демократизма непролетарских группировок и партий.

Процессы политической размежевки продолжались и после Второго съезда. Когда в 1903 г. в результате победы принципов ленинизма возникла партия нового типа — большевистская, коммунистическая партия, меньшинство съезда, потерпев поражение в борьбе за овладение партией и не подчинившись воле ее большин-

ства, стало на путь раскола (точнее — откола). В итоге съезд привел к образованию меньшевистской фракции, а затем и партии — типичной социалистической партии старого типа. Характеризуя этим термином западноевропейские социал-демократии после их идейно-политического краха в начале первой мировой войны, Ленин в статье «Что же дальше?» (январь 1915 г.) писал: «Типом социалистических партий эпохи II Интернационала была партия, которая терпела в своей среде оппортунизм, все более накапливаемый десятилетиями «мирного» периода, но державшийся тайком, приспособлявшийся к революционным рабочим, *перенявший* у них их марксистскую терминологию, уклонявшийся от всякой ясной принципиальной размежевки»³². «Терпимость» к оппортунизму — характерная черта меньшевистской партии. Меньшевики также целиком разделяли программные и тактические принципы западноевропейских социал-демократий, сложившиеся в условиях во многом иной, чем в России, капиталистической эволюции. Они исходили из догматической оценки буржуазии как революционной силы и отрицали революционные возможности крестьянства.

* *
*

Заключительный этап оформления политической структуры западноевропейского буржуазного общества — образование марксистских рабочих партий — оказался началом того же процесса в России. Все изложенное выше показывает, что российский вариант не случайное отклонение от единственно возможного пути развития, а общественно-политическое выражение во многом иной, чем в Западной Европе, капиталистической эволюции и в этом смысле объективный результат особенностей эволюции. В субъективном же плане образовавшаяся в России марксистская пролетарская партия с максимальной полнотой выявила и выразила ближайшие потребности и перспективы развития страны, обусловленные конкретной разновидностью ее исторической эволюции в условиях новой стадии капитализма. В преддверии буржуазно-демократической ре-

³² Там же, т. 26, с. 114.

волюции возглавляемая Лениным партия российского рабочего класса выработала и сделала достоянием передовых пролетариев теоретические, тактические и организационные положения и принципы, определившие ее характер как марксистской пролетарской партии нового типа. Прежде всего был установлен огромного значения факт начала новой полосы всемирной истории. В то время, как известно, термин «империалистическая эпоха» еще не применялся в качестве определения начавшейся на рубеже XIX и XX вв. исторической полосы: открытие Лениным империализма как высшей стадии капитализма было еще впереди. Но крупные исторические эпохи отличаются друг от друга не только состоянием общественного производства, но и социальными характеристиками. Позже Ленин напишет: «Мы не можем знать, с какой быстротой и с каким успехом разовьются отдельные исторические движения данной эпохи. Но мы можем знать и мы знаем, *какой класс* стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д.»³³ Эпоха подъема буржуазии была в прошлом. Соответственно отошла в историю и та стадия развития капитализма, которую станут называть стадией промышленного (домонополистического) капитализма. На авансцену борьбы выступил другой класс. Уже в первой своей большой работе именно с «русским рабочим» связал Ленин судьбы назревавшей в России революции. А в книге «Что делать?» (вышла из печати в марте 1902 г.), опираясь на данные революционного опыта, он всесторонне разработал положение о пролетариате как передовом борце за демократию и сформулировал вывод о русском пролетариате как авангарде международного революционного пролетариата. Так накануне первой революции в России марксистская мысль обогатилась кардинальным положением о новых объективных условиях и факторах революционной борьбы, определяемых выдвижением в центр эпохи нового класса — пролетариата, и, следовательно, о начале новой полосы истории

³³ Там же, с. 142.

капитализма, принципиально отличной от капитализма «свободной конкуренции»³⁴.

Другим достижением марксистской мысли конца XIX — начала XX в. было открытие конкретной разновидности российской капиталистической эволюции, характеризовавшейся отличной от стран раннего капитализма последовательностью развития капиталистического способа производства и, следовательно, иной «сцепкой» общественных сил, определившей, в свою очередь, принципиально иной характер революционного процесса. В итоге был открыт новый, соответствующий российскому варианту капиталистического развития и условиям империалистической эпохи тип освободительного движения. Новый по составу участвовавших в общей борьбе против царизма сил, ибо он характеризовался соединением в единый революционный поток классовой борьбы политически самостоятельного пролетариата и массовых демократических движений различных видов; новый с точки зрения руководящей силы этого революционного потока — гегемония в борьбе принадлежала теперь пролетариату; новый и по перспективе борьбы — победа в буржуазно-демократической революции была для пролетариата лишь ближайшей целью, а в революционном ниспровержении капитализма, опутанного в России особенно густой сетью крепостнических пережитков, оказывалась прямо заинтересованным подавляющее большинство трудящихся масс. Наконец, новый и потому, что возглавлялся марксистской пролетарской партией нового типа, су-

³⁴ В свете изложенного вряд ли случаен выявившийся в период «полосы подготовки народной революции» интерес Ленина к вопросам «эволюции современного капитализма» — под таким заглавием вышла в свет на русском языке в 1898 г. книга английского экономиста Дж. А. Гобсона. В мае 1899 г. в № 5 журнала «Начало» была напечатана ленинская рецензия на эту книгу (см. *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 4, с. 153—156). Когда же в 1902 г. в Англии была напечатана книга того же автора «Империализм», Ленин взялся за ее перевод на русский (см. *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 55, с. 237). Перевод издан не был, рукопись его не сохранилась. Напомним также, что в 1916 г., работая над книгой «Империализм, как высшая стадия капитализма», Ленин обращался к своим исследованиям по экономике России конца XIX в. Во втором пункте плана книги об империализме («Рост крупного производства. Концентрация производства») наряду с германскими и американскими промышленными переписями упоминается книга «Развитие капитализма в России» (см. *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 28, с. 207).

мевшей оценить впервые в мировой истории сложившуюся ситуацию и разработать соответствующую новым условиям борьбы тактику. Рассчитанная на обеспечение гегемонии пролетариата в освободительном движении, она была выработана в ходе конкретного руководства массовыми выступлениями рабочего класса и способствовала осознанию им своих классовых, интернациональных и национальных задач и целей. Все это поставило российский пролетариат в центр освободительной борьбы огромной страны и выдвинуло в авангард международного рабочего движения.

В ходе руководства массовым рабочим движением в условиях полного отсутствия политических свобод были найдены, а затем и закреплены в уставном порядке и организационные принципы партии нового типа, соответствовавшие конкретным условиям борьбы и обеспечивавшие ее политическую самостоятельность. Нет смысла подробно говорить здесь о зависимости организации пролетарской партии нового типа от общих условий борьбы и о том, как ее структура и внутрипартийная жизнь перестраивались с изменением общих условий — этим вопросам посвящена огромная литература. Что же касается расколов, то следует еще раз подчеркнуть, что в России оппортунистические тенденции и течения представляли собой не просто оттенки в рабочем и социал-демократическом движении, а оказывались в ряде случаев симптомами формирования непролетарских течений и группировок, принципиально враждебных партии рабочего класса. Расколы, а точнее, отколы были связаны с особенностями капиталистической эволюции страны, носили объективный характер, являлись одним из путей формирования политической структуры российского буржуазного общества.

Подчеркивание безусловного соответствия теории, тактики и организационной политики партии нового типа российской разновидности капиталистической эволюции вовсе не означает, что выдвинутые ею положения и принципы применимы лишь к конкретным условиям России. Российская капиталистическая эволюция в начале XX в. являлась конкретной формой реализации общих закономерностей империалистической эпохи. То, что в это время отличало экономику России от западноевропейских капиталистически раз-

витых держав, — наличие наряду с «самыми передовыми» формами промышленного и финансового капитала до- и раннекапиталистических народнохозяйственных отношений — как раз и делало ее непосредственным воплощением, сколком структуры мирового хозяйства начала нового столетия. Поэтому оценивать российскую капиталистическую эволюцию и формировавшийся на ее основе революционный процесс с точки зрения соответствия европейским эталонам, относящимся к ушедшей в прошлое исторической эпохе, как это делали, например, меньшевики, методологически неправомерно и бесперспективно в научном плане³⁵. Вряд ли случайно, что предпринимавшиеся на такой теоретической основе попытки уяснить значение и итоги победы Великой Октябрьской социалистической революции в крайнем своем выражении привели фактически к исключаяющим друг друга результатам — концепции «неподготовленности» России к революционным преобразованиям вследствие «крайне низкого» уровня капиталистического развития и «доктрины отсталости», согласно которой революции являются уделом отсталых стран. Рассмотрение же революционного опыта России в связи с особенностями ее капиталистической эволюции в условиях империалистической эпохи приводит к выводу, что между уровнем развития капитализма и буржуазных общественных отношений, с одной стороны, характером и интенсивностью революционного процесса — с другой, прямой зависимости нет, что максимально благоприятные условия для развития и победы демократических и пролетарских революций возникают там и постольку, где и поскольку возможно непосредственное соединение социалистического рабо-

³⁵ Имея в виду теоретиков II Интернационала, Ленин в статье «О нашей революции» подчеркивал, что в теоретическом плане «у всех них бросается в глаза полная неспособность понять следующие соображения марксизма: они видели до сих пор определенный путь развития капитализма и буржуазной демократии в Западной Европе. И вот, они не могут себе представить, что этот путь может быть считаем образцом *mutatis mutandis*, не иначе, как с некоторыми поправками...». «Слов нет, — заканчивал Ленин свои заметки, — учебник, написанный по Каутскому, был вещью для своего времени очень полезной. Но пора уже все-таки отказаться от мысли, будто этот учебник предусмотрел все формы развития дальнейшей мировой истории. Тех, кто думает так, своевременно было бы объявить просто дураками» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 379, 382).

чего движения с массовыми демократическими выступлениями.

Такие условия, порожденные вступлением мира в империалистическую эпоху и особенностями становления и развития капиталистического способа производства, и сложились в России в самом начале XX столетия. В силу этого выявившийся здесь новый тип освободительного движения стал прообразом современного революционного процесса, а большевистская партия — исходным пунктом формирования мирового коммунистического движения.

Вопросы истории КПСС. 1987. № 10.
С. 35—49.

К проблеме культурных предпосылок Великого Октября

В литературе достаточно полно исследован вопрос об экономических и социально-политических предпосылках Великого Октября. Что касается культурных предпосылок, то они остаются практически неизученными. Очевидно, однако, что без разработки этой проблемы нарушается логическая цепь и из нее как бы выпадает одно из связующих звеньев между дореволюционным этапом борьбы большевистской партии и трудящихся масс за свою культуру и послереволюционным этапом ее развития, между дооктябрьским периодом разработки В. И. Лениным концепции социалистической культуры и культурной революции и послереволюционным этапом ее разработки и осуществления. Без исследования культурных предпосылок Октября трудно обосновать самую необходимость культурной революции как составной части ленинского плана построения социализма. Советская историография сделала уже немало для того, чтобы можно было поставить проблему культурных предпосылок Октября. В теоретическом плане — это работы, трактующие вопросы культурной преемственности¹; в конкретно-историческом плане — исследования, затрагивающие отдельные стороны развития культуры, порою в контексте других проблем². Целью настоящей статьи является

¹ Из последних работ см.: *Ким М. П.* Проблемы теории и истории реального социализма. М. 1983; *Горбунов В. В.* Развитие В. И. Лениным марксистской теории культуры (дооктябрьский период). М. 1980; его же. Развитие В. И. Лениным марксистской теории культуры (советский период). М. 1985; *Марксистско-ленинская теория культуры*. М. 1984; *Проблемы философии культуры*. М. 1984; и др.

² *Клейнборг Л. М.* Очерки рабочей журналистики (1893—1923). Пг. 1924; *Лебедев А.* Антонио Грамши о культуре и искусстве. М. 1965; *Осьмеркин Н. В.* Русская пролетарская поэзия. М. 1968; Часть общепартийного дела (литературная критика в дореволюционных большевистских изданиях). М. 1981; *Лапшин В. П.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 г. М. 1983; *Вопросы истории и историографии социалистической культуры*. М. 1987; и др.

определение основных контуров данной проблемы и привлечение внимания специалистов к необходимости ее дальнейшей разработки.

Вопрос о том, существовали ли в условиях российской буржуазно-помещичьей действительности культурные предпосылки социалистической революции, рассматривался в методологическом аспекте Лениным в его статьях «Критические заметки по национальному вопросу», «О национальной гордости великороссов» и др. Истоки будущей социалистической культуры, считал он, следует искать в совокупности тех демократических и социалистических элементов, которые зреют в недрах капиталистического общества, но не могут развиться в нем в господствующую культуру, ибо для этого нужен политический переворот — социалистическая революция, за которой последует «целая полоса» культурного развития общества, именуемая культурной революцией. Ленин подчеркивал: «...Из каждой национальной культуры берем *только* ее демократические и ее социалистические элементы, берем их *только* и *безусловно* в противовес буржуазной культуре»³. Под демократическими элементами, содержащимися в буржуазной культуре, Ленин понимал те запасы знаний, «которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»⁴, те запасы духовных ценностей, которые содержатся в науке, литературе, искусстве. Бережное отношение к позитивным элементам культуры прошлого — один из основополагающих тезисов ленинской концепции культурной революции.

Отличительной чертой демократической культуры является ее связь с жизнью народа, стремление служить ему. Ленин постоянно подчеркивал тесную связь прогрессивной русской культуры с развитием освободительного движения, с выработкой революционной теории. Известно, какое влияние на формирование революционных настроений оказывало творчество великих революционных демократов А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и др. Не менее важное место отводил Ленин русской классической литературе и искусству, назначение которых — противостоять злу,

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 121.

⁴ Там же. Т. 41, с. 304—305.

насилию, быть трибуной защиты угнетенных, нести мечту о счастье народном. В русской литературе XIX в. Ленин видел один из мощных источников формирования коммунистического сознания в том смысле, что она создавала такую духовную атмосферу, в которой «хорошо росла» революционная мысль, хотя сами эти произведения отнюдь не всегда звали к борьбе. В процессе знакомства с произведениями И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Горького и др. у читателей формировались чувства добра, справедливости, гуманизма, рождался протест против несправедливого устройства общества, закрадывалось сомнение относительно неизменности такого порядка вещей. Вот почему партия большевиков включала в свой арсенал всю классическую культуру, которая, помогая росту политического сознания, в определенной степени способствовала и пришествию революции.

Целые поколения демократов-просветителей мечтали о соединении народа с культурой. Немало было подвижников, которые несли в народные массы свет знания, и все же эти усилия в условиях царской России были незначительны. Трагизм дореволюционной русской действительности заключался в том, что для определенных слоев населения знания были не только недоступны, но и не нужны, т. е. степень отчуждения народа от культуры была такова, что ее уже нельзя было устранить простым перераспределением духовных богатств. Для того чтобы в этих слоях населения проснулась жажда знания, чтобы потянулись к нему те, кому оно прежде было не только недоступным, но и ненужным, требовался революционный переворот во всей политической, экономической, социальной системе, а сверх того — еще ряд особых мер культурного свойства, которые бы воссоздали тонкую духовную структуру жизни народных масс. Только после того как рухнет стена, отделяющая трудовой народ от духовных ценностей, он сможет опереться на все богатство отечественного и мирового культурного наследия.

Что касается социалистических элементов культуры, то они есть результат не только усвоения и творческой переработки лучших образцов культуры прошлого, но и начавшегося еще до революции процесса непосредственного создания трудящимися массами, рабочим классом и его партией новой, пролетарской культуры.

К социалистической революции партия пришла, будучи вооруженной марксистско-ленинским учением о закономерности смены культуры буржуазного общества культурой победившего пролетариата — социалистической культурой. Основоположники научного коммунизма впервые указали на рождение новой культуры и связали это с выходом на историческую арену рабочего класса. Обоснование закономерности возникновения новой культуры, культурной миссии рабочего класса содержится в их теоретических трудах и письмах⁵. «Мы знаем,— говорил К. Маркс,— что новые силы общества, для того чтобы действовать надлежащим образом, нуждаются лишь в одном: ими должны овладеть новые люди, и эти новые люди — рабочие»⁶. В ленинских работах дооктябрьского периода были сформулированы такие главные принципы будущей социалистической культуры, как ее классовость, партийность, народность. Марксистско-ленинская концепция культуры, сформировавшаяся в условиях антагонистической формации, принципиально отлична от буржуазных концепций культуры, исходящих из неверной оценки творческих возможностей трудящихся масс.

В условиях первой российской революции усилилось стремление пролетариата осмыслить свое место и роль в духовной жизни общества. «На арену общественной жизни выступил новый социальный класс — рабочая демократия,— отмечала большевистская газета «За правду» 3 октября 1913 года.— Ни на минуту этот класс не перестает работать над собой. В его недрах идет колоссальный творческий процесс. Он переоценивает старые ценности, выбирает годящиеся ему, создает новые, недостающие ему». В борьбе с ошибочными взглядами на пролетарскую культуру важную роль сыграла и марксистская критика. «Пролетариат как класс не может вести осаду капиталистической крепости, не может пробиться к свету из фабричного мрака и нужды, пока он не противопоставит свои собственные эстетические идеалы искусству наших дней»,— писала К. Цеткин; суммируя факты творчества пролетариев, она дела-

⁵ См.: «Критика Готской программы», «Предисловие к «К критике политической экономии», «Немецкая идеология», письма Ф. Энгельса М. Каутской (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Тт. 3, 13, 19, 36).

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 12, с. 4.

ла вывод: «Время дает все больше доказательств, что рабочий класс хочет не только наслаждаться искусством, но и создавать его»⁷. Так ставили вопрос марксисты, утверждая необходимость культурного, эстетического вооружения пролетариата как одного из условий успеха его освободительной борьбы. В дореволюционной России с решительной поддержкой первых шагов рабочего класса на пути выработки собственной культуры выступали Г. В. Плеханов, М. Горький, А. В. Луначарский, Д. Бедный, М. С. Ольминский. Исходным условием для ее возникновения в рамках капиталистического общества явилось соединение рабочего движения с научным социализмом. В революционном учении Маркса — Энгельса — Ленина пролетариат обрел то идейное оружие, которое дало его движению четкую, научно обоснованную программу и вооружило против идеологических противников. Справедливо высказывание Луначарского о том, что «социал-демократия не просто партия, а великое культурное движение. Даже величайшее из до сих пор бывших»; пролетариат уже «по самому своему существу есть культурный класс»⁸. Революционная практика пролетариата становилась одновременно и его борьбой за выработку будущей социалистической культуры. Всякий его шаг по пути к созданию социалистического общества был и его вкладом в развитие его культуры.

Это, конечно, не значит, что культурная деятельность рабочего класса растворяется в его революционном творчестве и не имеет собственных форм и направлений. Луначарский справедливо утверждал, что пролетарская культура в условиях царизма сказывалась в первую очередь в областях «политической и экономической, в формах борьбы и организации»⁹. Объективные потребности экономики государства, вступающей в высшую стадию развития капитализма, настоятельно требовали повышения уровня культуры производства, соединения в необходимых пропорциях умственного и физического труда. Отсюда — довольно высокий уро-

⁷ Цеткин К. О литературе и искусстве. М. 1971, с. 96, 99.

⁸ Луначарский А. В. Собр. соч. В 8-ми тт. Т. 7. М. 1967, с. 154, 191.

⁹ Луначарский А. В. Идеализм и материализм. Культура буржуазная и пролетарская. М. 1929, с. 85.

вень грамотности промышленного отряда рабочего класса России. Перепись 1897 г. показала, что при общем среднем уровне грамотности в 21,1% грамотность среди рабочих по стране составляла 53,6%, а в крупных промышленных центрах превышала 60%, среди квалифицированной части петроградских рабочих достигала 78%¹⁰. Ленин отмечал необычайное стремление пролетариев к знанию: «Среди рабочих растет страстное стремление к знанию и к социализму, среди рабочих выделяются настоящие герои, которые — несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на оупляющую каторжную работу на фабрике,— находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться»¹¹.

В России под воздействием общего хода развития страны и под влиянием марксистско-ленинских идей из первоначально темного рабочего начинает формироваться новый тип личности — тип рабочего-революционера, наделенного высокими моральными качествами, тип борца за справедливость, за светлое будущее человечества. Этот процесс нашел отражение, в частности, в романе Горького «Мать». Средствами искусства писатель начертил тот путь, который предстояло пройти многим из народа. Борясь накануне социалистической революции за массы, партия противопоставляла привычкам, навыкам и убеждениям старого мира революционную убежденность пролетарского авангарда. Победить старый мир, преодолеть его пороки и слабости можно будет только в том случае, говорил Ленин, «если против врага будут двигаемы новые и новые, все более многочисленные, все более просвещенные опытом, все более закаленные в трудностях борьбы отряды рабочих»¹².

В процессе превращения пролетариата из угнетенного класса в класс-гегемон, в политического руководителя трудящихся масс не только шла его консолидация, но и происходили глубокие качественные изменения. Сказав накануне Октября о большевистской партии, что она есть «ум, честь и совесть нашей эпохи», Ленин

¹⁰ Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М. 1970, с. 303.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 269.

¹² Там же. Т. 36, с. 364.

воплотил в этой формуле итог процесса культурного и политического развития не только партии, но и масс, шедших за нею; рабочий класс России был «интеллектуальным и моральным двигателем»¹³ грядущей революции. Длительная и трудная борьба за «интеллектуальную гегемонию», за новую, революционную мораль и новые идеалы, которые составили позднее основу нравственного кодекса советских граждан, тоже являлась одной из культурных предпосылок социалистической революции.

И еще одно направление культурной деятельности рабочего класса. О нем писал В. И. Ленин в 1909 г.: «Историческая задача пролетариата — переваривать, переучивать, перевоспитывать все элементы старого общества, которые оно оставляет ему в наследство»¹⁴. Это разрозненная масса многомиллионного крестьянства, растерявшаяся интеллигенция, зараженные мелкобуржуазной идеологией одиночки, которых предстояло политически отсечь от буржуазии и перетянуть на свою сторону. Особую роль в политическом перевоспитании крестьянства с его сложной психологией одновременно собственника и труженика Ленин отводил городскому пролетариату. Поднять крестьянские массы на революционную борьбу, сплотить и организовать их — означало реализовать огромную воспитательную и просветительскую работу, осуществить революцию — означало расковать народные массы и дать простор историческому творчеству миллионов. Разрушение старых представлений, убеждений и привычек, воспитание новых начались фактически еще до социалистической революции. Если бы рабочий класс во главе со своей партией не проделал этой работы в массах, то не смог бы совершить победоносную революцию.

К предреволюционному периоду относится и начало критического осмысления партией буржуазного культурного наследия с отбором из него положительных элементов и с развенчанием того, что противостояло идеям новой, нарождающейся культуры. Изолированная от естественной питательной среды — народной культуры, замыкающаяся сама на себе, культура господствующего класса все более становилась достоянием

¹³ Там же. Т. 26, с. 73.

¹⁴ Там же. Т. 19, с. 107.

узкого круга лиц, эстетствующей культурой. Времена, когда культура молодой буржуазии как восходящего и поэтому прогрессивного класса могла создавать талантом своих художников произведения, несущие передовую, революционную мысль, облеченную в совершенную художественную форму, уходили в прошлое. Несмотря на ряд ярких достижений, культура буржуазно-помещичьего общества в России периода империализма была в целом тяжело больна, как больным было само это общество.

С разоблачением псевдокультуры, отравлявшей сознание народа, выступала большевистская печать. Поражение революции 1905 г., наступившая затем реакция, разгром передовых общественных сил сковали мысль и чувства российского «интеллигентного» общества; как писала большевистская газета «Путь правды» 26 января 1914 года: «На литературной арене властвовали гг. Каменские, Арцыбашевы, Чулковы и пр... Писатели-декаденты стремились создать над «бушующей жизнью» «сладостные легенды» об «очаровательном и прекрасном» (Сологуб. Творимая легенда). Правда, этот «очаровательный» мир при ближайшем наблюдении оказывался весьма скучным буржуазным уголком, где люди творили мелкие подлости и мелкий разврат». Известна резкая критика Лениным декадентского романа В. К. Винниченко «Заветы отцов»: «Вот ахиня и глупость! Соединить вместе побольше всяких «ужасов», собрать воедино и «порок», и «сифилис», и романтическое злодейство с вымогательством денег... Все это с истериками, с вывертами, с претензиями...»¹⁵.

Предреволюционный театр тоже находился в состоянии творческого кризиса и политической растерянности. Пытаясь уйти от действительности, он нередко искал спасение в романтической фантастике, мистериях, экзотике. Это была эпоха падения драматического театра, как засвидетельствовал Луначарский. Исключения не составлял даже московский Художественный театр, известный своими демократическими традициями. За три предреволюционных года он не смог создать ни одного подлинно нового спектакля, ограничившись в лучшем случае классикой. Но «если театр посвящает себя исключительно классическому репертуару,.. он рискует...

¹⁵ Там же. Т. 48, с. 294.

стать академически-мертвым»¹⁶. «На всю культурную жизнь накладывала жирную лапу буржуазия,— писал Луначарский.— На театр она действовала в двух направлениях: непосредственно требуя от него невероятно блестящих постановок с миллионными затратами, ухищрениями, новшествами и в то же время не мирясь ни с каким горячим чувством, ни с какой правдой. Ибо сильная мысль, горячее чувство и правда резко враждебны плутократии как классу и притом дурно влияют на организм паразита, явившегося в театр переваривать обед»¹⁷.

Но растлевающая сила искусства господствующих классов была обращена не только на самое себя: она стремилась отравить политическое сознание рабочих. На эту опасность указывала большевистская печать. «Арцыбашев в «Санине»,— писал Ольминский в газете «Правда труда» 7 сентября 1913 г.,— оплевывает всякое общественное дело и по существу романа ставит лозунг «Водку и девку!» на место лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Вслед за М. П. Арцыбашевым Ф. Сологуб в «Навях чарах» старался изобразить собрания и митинги революционной эпохи 1905 г. на манер т. н. собачьей свадьбы. Винниченко приравнивал некоторых революционеров к ворам и проституткам (рассказ „Купля”»). В другой статье, критикующей «грязное в нравственном отношении» стихотворение Сологуба «Три девы», Ольминский писал: «Но не удивляйтесь, читатель, этому: все-таки оно — произведение «чистого» искусства. С названием здесь произошло то же, что и с названием политических партий: грязь свойственна «чистому» искусству в не меньшей мере, чем коварство и корысть, неправда и неправота свойственны «правым» политическим партиям»¹⁸.

Уход от реальной действительности в «чистое искусство» был одной из характерных черт предреволюционной культуры господствующих классов. Анализируя общественные условия, в которых рождается то или иное понимание назначения искусства, Плеханов в ряде своих работ показал, что склонность к искусству для

¹⁶ Немирович-Данченко В. И. Избранные письма. М. 1954, с. 119.

¹⁷ Вестник театра, 1919, № 1, с. 5.

¹⁸ За правду, 10.VIII.1913.

искусства возникает там и тогда, где и когда обнаруживается безнадежный разлад художника с окружающей средой. И наоборот, «утилитарный взгляд» на искусство, т. е. «склонность придавать его произведениям значение приговора над явлениями жизни» и его готовность «участвовать в общественных битвах», проявляется там, где есть полное слияние интересов общества и художника¹⁹.

Закономерность этого явления отметил в ряде своих статей на страницах большевистской печати Д. Бедный. В 1912 г. в статье «Их лозунг» он писал: «Всякий раз, когда в нашем благословенном отечестве жизнь становится невмоготу, когда миазмами разложения отравлен воздух и нечем дышать, — в пору наибольшего единения печального бесправия с диким произволом, — постоянно и неизменно, с какой-то роковой неизбежностью, снова и снова в русской литературе выдвигается — под тем или иным флагом — один и тот же лозунг: «искусство для искусства»²⁰. Ольминский определял уход художника в «чистое искусство» как измену делу рабочего класса: «Отдельный человек может совершить измену и предательство, ничем не прикрашивая своего поступка. Но для целого общественного слоя — да еще умственно развитого — необходимы мостки и прикрасы, чтобы и самое предательство было как бы не предательством, а служением чему-то высокому. Таким мостиком или прикрасой издавна являлась в истории теория «чистого искусства»²¹.

Реакция поразила все сферы культуры. Реакционная журналистика («Московские ведомости», «Новое время», «Земщина», «Киев» и др.) распространяла великодержавно-шовинистическую идеологию. Широко пропагандировали свои идеи воинствующие идеалисты Д. С. Мережковский, В. С. Соловьев, Ю. И. Айхенвальд, М. О. Гершензон. Представители официального обществоведения старались спрятаться от всяких законов исторического развития. Именно буржуазных ученых Ленин имел в виду, когда писал: «...Ни единому про-

¹⁹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XIV. М.— Л. 1926, с. 131. См. также его статьи «Искусство и общественная жизнь», «Гл. И. Успенский», «Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского» и др.

²⁰ Звезда, 12.II.1912.

²¹ Правда труда, 7.IX.1913.

фессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить *ни в одном слове*, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же *партийная* наука в современном обществе, как и *гносеология*. В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов»²².

Предреволюционное десятилетие (1907—1917 гг.) Горький назвал позорным и бесстыдным в истории русской буржуазной интеллигенции²³. Подтвердилось хорошо известное высказывание Карла Маркса о том, что «капиталистическое производство враждебно известным отраслям духовного производства, например, искусству и поэзии»²⁴. Признаки деградации свидетельствовали о наступлении глубокого кризиса культуры капиталистического общества. «Мы,— скажет Ленин в 1920 г.,— в наследство от капитализма получили... разрушенную культуру»²⁵. Анализируя аналогичную ситуацию в Европе, он указал и на причину кризиса: «...наступил такой исторический момент, когда командующая буржуазия, из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое»²⁶. Культура капиталистического общества перестала удовлетворять прогрессивную часть этого общества. Таким образом, борьба партии с реакционной буржуазной культурой явилась тоже одной из важных культурных предпосылок социалистической революции.

К буржуазной интеллигенции большевистская партия подходила дифференцированно. Она всегда различала в ней слои более передовых, демократически и патриотически настроенных деятелей науки, литературы и искусства, своей практической деятельностью подготавливавших атмосферу, в которой активно развивалось революционное сознание масс. Эта часть интеллигенции порою задыхалась в болоте бездуховности, ци-

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 363—364.

²³ Горький М. Собр. соч. в 30-ти тт. Т. 27. М. 1953, с. 316.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. I, с. 280.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 5.

²⁶ Там же. Т. 23, с. 166.

низма и упадочничества. Именно ее лучшие представители шли навстречу пролетариату.

Наконец, существенной составной частью культурных предпосылок социалистической революции было создание дореволюционным пролетариатом элементов своей художественной культуры. Предвидя закономерный творческий взлет рабочего класса, газета «Правда» писала 24 апреля 1912 г.: «Наш общественный строй дал рабочему только кабак как эстетическое удовлетворение, но любовь рабочего к свободе позвала его и к красоте... И те, кто боялся разгрома рабочими искусства, увидят скоро, как в руках рабочих-творцов оно начнет приобретать новую мощь, свойственную душе пролетария». Одним из самых ранних проявлений творческой активности рабочих в этой сфере стало зарождение пролетарской поэзии в 90-е годы XIX века. Первоначально она имела характер устного творчества, ее тематика была ограничена описанием тяжелого положения трудового человека и не поднималась до социальных обобщений. Наиболее удачные образцы творчества рабочих распространялись в рукописных списках, но это не давало им выхода к массовой аудитории. Дальнейшее развитие пролетарской поэзии связано с ростом рабочей печати. Поэты-революционеры группировались вокруг ленинской «Искры», киевской газеты «Вперед», журнала «Жизнь», некоторых других изданий. Среди них были авторы широко известных революционных песен. К началу XX в. пролетарская поэзия уже обрела силу и форму растущего течения. Об этом свидетельствует выход в свет ряда стихотворных сборников. В 1902—1905 гг. в Женеве появились «Песни борьбы», «Песни жизни», «Перед рассветом», в которые наряду с лучшими образцами профессиональной поэзии вошли произведения рабочих. Эти публикации расценивались РСДРП как партийная литература и включались в ее пропагандистский арсенал.

Новый этап развития пролетарской поэзии был связан с первой российской революцией. Поэтическое творчество рабочих начинает развиваться по всей стране, даже в глубокой провинции, где не было легальных пролетарских изданий и единственной возможностью публикации для рабочего поэта являлось его участие в издании подпольных прокламаций, листовок и т. п. Изменился характер рабочей поэзии: главным ее мотивом

стал призыв к единению, солидарности в борьбе против самодержавия. Этот этап ее развития также тесно связан с большевистской печатью. «Правда», другие передовые издания поставили перед собой задачу воспитания рабочих-литераторов. «Дорожа немногими писателями, не порвавшими с рабочим делом,— писал Ольминский,— мы должны подчеркнуть в то же время насущную необходимость создания рабочих-писателей»²⁷. Несмотря на трудности существования большевистской прессы, редакция «Правды» начала большую работу по обучению рабочих авторов в специальных кружках, через организацию литературных объединений и т. д. Бережно и любовно работала редакция с рукописями начинающих литераторов. Один из старейших правдивистов, А. А. Богданов, вспоминал, что редакция «Правды» становилась лабораторией для художников слова: технически несовершенные и слабые по форме произведения подвергались здесь тщательной обработке.

Очень много для организации пишущих рабочих сделал Горький. В ряде своих статей он обратил внимание общественности на начавшийся процесс формирования пролетарской литературы. В статье «Писатели-самоучки» (1911 г.) Горький привел данные о том, что из полученных им 343 рукописей 114 принадлежали рабочим, а 67 — крестьянам. Анализируя произведения рабочих, он отмечал факт рождения нового типа писателя, отличительной чертой которого было глубокое непосредственное знание жизни, искренность, неприятие фатализма и пессимизма. Характерным образцом рабочей поэзии правдинского периода явилось стихотворение Ф. Шкулева «Мы кузнецы», вобравшее в себя характерные черты пролетарской поэзии: оптимизм, призыв к единению, веру в победу рабочего дела. Сам новый тип писателя олицетворял и новый тип рабочего человека, бодрого духом, полного горячего стремления овладеть культурой, изменить жизнь.

В предисловии к «Сборнику пролетарских писателей» (1914 г.) Горький подчеркнул значение дореволюционного творчества пролетариата для будущего: «Может быть, вы сами не сознаете, не замечаете,— писал он, обращаясь к рабочим,— как много сделано вами, но

²⁷ Ольминский М. Из эпохи «Звезды» и «Правды». М. 1956, с. 144.

будущие поколения русских рабочих и весь пролетарский мир нашей планеты, несомненно, почерпнет в примере вашем великие силы для борьбы за новую, мировую культуру»²⁸. Соображения подцензурного характера сделали особо популярным в рабочем творчестве жанр басни. Возрождение его в России связано с именем Д. Бедного. Вместе с Горьким он отдавал много сил работе с начинающими поэтами и писателями.

Этап легального развития рабочей печати, в течение которого пролетарская литература имела возможность развиваться относительно открыто, неоднократно прерывался репрессиями и закрытием передовых газет. Но сделано было за те годы многое. Пролетарская литература развивается в заметное явление общественной жизни, которое сразу же заняло место в истории отечественной литературы. А когда Февральская буржуазно-демократическая революция возродила в стране сеть легальных большевистских издательств, поэтическое слово пролетарских писателей становится одним из средств политической пропаганды и агитации в борьбе партии за массы.

Особую страницу в истории дореволюционной культуры составляет участие трудящихся масс в рабочем корреспондировании. Приступая к выпуску газеты «Вперед», Ленин писал: «Мы просим корреспондировать всех, а особенно рабочих. Давайте пошире возможность рабочим писать в нашу газету»²⁹. Участие рабочих в печати явилось проявлением роста их классового самосознания, возрастания политической и культурной зрелости. Только в 1914 г. газета «Путь правды» опубликовала 1114 корреспонденций рабочих. Они были «лишь частью всего того, что написали в свою газету сами рабочие», — отмечала газета 22 апреля 1914 года. «Два центральных создателя и сотрудника было у... «Правды», — вспоминал старый правдист К. С. Еремеев, — Владимир Ильич Ленин и рабкор... «Правда» была, по существу, их созданием. Гениальный вождь и учитель революции и безымянный собирательный рабкор — рабочий, бросивший орудие труда на минутку, чтобы взяться за перо»³⁰.

²⁸ Горький М. Ук. соч. Т. 24. М. 1953, с. 172.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 107.

³⁰ Страницы славной истории. М. 1962, с. 279.

Партия использовала все легальные формы просвещения широких масс. Народные дома, народные университеты, воскресные школы, различные курсы, клубы (в 1913 г. в России было 68 рабочих клубов) и пр. — через эти каналы большевистская партия внедряла в массы социалистическую идеологию. С конца XIX в. в жизнь рабочих входит и театр. С одной стороны, театры возникали с помощью прогрессивной интеллигенции, искавшей пути просвещения народа; с другой — действовали «правительственные» театры. В первом случае возникали настоящие культурные очаги — народные театры; во втором — зрелища, уведившие рабочего в сторону от социально-политических проблем. Такие театры не пользовались популярностью у рабочего зрителя, что давало повод либеральной интеллигенции, заигрывавшей с рабочим классом, обвинять его в бездуховности, инертности, отсутствии интереса к культуре.

Журнал «Русское богатство» поместил статью некоего В. Дадонова, утверждавшего, что русские рабочие (речь шла о тружениках Иваново-Вознесенска) всем библиотекам и театрам предпочитают штоф водки, драку да заунывные пьяные звуки гармошки. Возмущенная клеветой на рабочих, Н. К. Крупская писала в связи с этим И. В. Бабушкину: «Очень важно бы было поместить в «Искре» или «Заре» опровержение этого вздора со стороны *рабочего*, близко знакомого с жизнью Иваново-Вознесенска»³¹. Бабушкин в приложении к «Искре» (октябрь 1901 г., № 9) дал достойный ответ клеветникам, показав убожество репертуара иваново-вознесенского театра Общества трезвости, ничего не делавшего для души рабочего человека, хотя цены на билеты в этом балагане были куда выше цены штофа водки (брошюра Бабушкина «В защиту иваново-вознесенских рабочих»).

С 900-х годов рабочие начинают принимать непосредственное участие в организации собственного театра. Пролетарское театральное движение зародилось раньше всего в крупных промышленных центрах. Наиболее известными самодеятельными рабочими коллективами того времени были театр при Народном доме гр. Паниной под руководством П. П. Гайдебурова в Петербурге,

³¹ Ленинский сборник VIII, с. 158.

рабочий театр под руководством актрисы А. А. Бренко и Передвижной театр В. Д. Поленова в Москве и др. В первом десятилетии нашего века борьба за самодеятельный рабочий и крестьянский театр обретает черты массового общественного движения, имевшего организационный центр в виде Отдела содействия по устройству фабричного и деревенского театра, сначала при Московском отделении Русского технического общества, а затем при Московском обществе народных университетов.

Большевистская печать неустанно пропагандировала идею рабочего и крестьянского самодеятельного театра. «Рабочий театр,— писала газета «За правду» 27 ноября 1913 г.,— более легким путем пробудит сознание и тем самым подготовит новые кадры сознательных членов рабочей организации». Партия ставила вопрос о репертуаре рабочих театров. Ее печать постоянно освещала на своих страницах жизнь театра, помещала рецензии рабочих корреспондентов на спектакли, критические обзоры и пр. Передовые рабочие четко отвечали на вопрос о том, какой театр им нужен, какие пьесы в нем они хотели бы видеть. «Пусть не думают, что рабочие настолько темны и неразборчивы, что их можно пичкать плясками и желтой поэзией... Нет, неразвитый, но чуткий инстинкт, заложенный в каждом человеке, подсказывает рабочему, где кончается красота культуры и начинается балаганщина; все прекрасное, что дает рабочим культура человечества, они впитывают в себя, а все желтобалаганное, как ненужная ветошь, с протестом отбрасывается в сторону»,— писали рабочие в 1905 г. в большевистскую газету «Новая жизнь»³².

Когда после Февральской революции большевикам удалось добиться успеха на выборах в Петроградскую городскую думу, Луначарский, избранный товарищем городского головы и заведующим культурно-просветительным отделом Думы, тотчас приступил к реорганизации подвластных городскому самоуправлению театров. Специальная комиссия во главе с М. Ф. Андреевой, П. П. Гайдебуровым и К. П. Карповым приняла ряд мер к оздоровлению репертуара рабочих и народных театров и к пополнению их трупп актерами из рабо-

³² Цит. по: История советского театра. Т. 1: 1917—1921. Л. 1933, с. 63.

чих. «Правда» выступила инициатором объединения пролетарских сил в искусстве. В мае 1917 г. в редакции газеты состоялось организационное собрание деятелей культуры, разделявших убеждение, что рабочий театр, как и все пролетарское искусство, призван сыграть роль рупора, доводящего идеи партии до широких народных масс. Собрание заложило основы «Общества пролетарских искусств».

10 мая 1917 г. театральная комиссия при заводе Нобеля в Петрограде собрала межрайонное совещание представителей фабрично-заводских комитетов с целью создания рабочего театра, который вел бы работу в духе идей социализма. Созданная совещанием оргкомиссия обратилась с просьбой к известным писателям и артистам, сочувствовавшим рабочему движению, а также в культурно-просветительную комиссию Петроградского Совета с просьбой помочь рабочим основать свой театр. Такой театр в мае 1917 г. был создан и получил наименование «Первый петроградский рабочий социалистический театр». Заняв четкую классовую позицию, деятели рабочего театра правильно определили свое отношение и к непролетарской художественной интеллигенции: «Одни мы не могли бы осуществить и сколько-нибудь заметной доли нашей программы. Но с нами будет, мы надеемся, все, что осталось еще живого в интеллигенции»³³. Отсюда видно, что с первых же шагов существования рабочий театр отвергал принцип сектантской замкнутости. Он открыл запись в свой коллектив на всех петроградских фабриках и заводах. В его уставе значился пункт, согласно которому для вступления в число членов необходима рекомендация «партийной социалистической организации»³⁴.

4 июня 1917 г. «Общество пролетарских искусств», возникшее при газете «Правда», организовало митинг, посвященный пролетарской культуре. Ускорился процесс возникновения пролетарских культурных организаций. Кроме литературных и театральных, стали возникать также хоровые кружки, студии изобразительного искусства. Одной из них, работавшей в Москве при Пречистенских рабочих курсах, руководила скульптор А. С. Голубкина. Так постепенно оформлялось и шири-

³³ Обзорение театров, 12.VIII.1917.

³⁴ История советского театра. Т. 1, с. 63.

лось пролетарское культурное движение. Но его многочисленным объединениям не хватало централизованного управления. 16—19 октября 1917 г., т. е. в канун социалистической революции, состоялась I Петроградская конференция пролетарских культурно-просветительных обществ, на которой был оформлен возникший весной 1917 г. Пролеткульт как «независимая, добровольная организация пролетарской самодеятельности в различных областях искусства и литературы»³⁵. Последующие ошибки идеологов Пролеткульта не могут умалить огромного значения пролетарского культурного движения, которое дало ускорение тяге рабочего класса к культуре.

Соединение рабочего движения с марксистско-ленинским учением, теоретическая разработка марксистско-ленинской концепции пролетарской культуры, упорная работа рабочих над повышением своего культурного уровня, показ антинародной сущности буржуазной культуры и усвоение ее лучших, демократических элементов, выработка новых ценностных ориентаций, новых моральных принципов, начало формирования художественной пролетарской культуры — все это были элементы будущей социалистической культуры. Вместе с демократическими элементами — классическим культурным наследием, овладеть которым по-настоящему трудящиеся массы могли лишь в результате победы социалистической революции, они относятся к числу культурных предпосылок Великого Октября. Основоположники научного коммунизма писали: «Еще до того как пролетариат завоеует свою победу на баррикадах и на полях сражений, он возвещает о наступлении своего господства рядом интеллектуальных побед»³⁶. Эти победы были одержаны рабочими России во всех трех сферах духовной культуры: научной, нравственной и художественной. Изучение их обогатит историю отечественной культуры, выявит сущность Великой Октябрьской социалистической революции как глубоко культурного акта.

Вопросы истории. 1987. № 11. С. 32—42.

³⁵ Пролетарская культура, 1918, № 1, с. 10.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7, с. 440.

К вопросу о сравнительной численности партий большевиков и меньшевиков в 1917 г.

Численность той или иной политической партии является одним из показателей отношения масс к этой партии. Поэтому изучение вопроса о сравнительной численности большевистских и меньшевистских парт-организаций при рассмотрении многообразных процессов, происходивших в России в начале XX в., на разных этапах, весьма важно. При этом необходимо учитывать еще одно обстоятельство. У каждой политической партии были свои принципы комплектования. Так, в партию эсеров летом 1917 г. записывались в армии целыми ротами, а в тылу — целыми деревнями. Иным было положение у социал-демократов. Как известно, большевики и меньшевики пользовались одним и тем же партийным уставом, принятым в 1903 г. на II съезде РСДРП. А в 1906 г. на IV съезде в Устав был внесен пункт, закрепивший ленинское понимание членства в партии. Поэтому, рассматривая вопрос о сравнительной численности большевиков и меньшевиков в 1917 г., мы одновременно можем сделать вывод и о степени их влияния в массах.

Об интересе исследователей к вопросу о сравнительной численности большевиков и меньшевиков на разных этапах революционного процесса в России в начале XX в. свидетельствует, в частности, статья А. И. Уткина «О росте рядов большевистской партии в 1905—1907 годах»¹. Ее автор внимательно проследил, как менялась численность большевиков и меньшевиков в годы первой российской революции. Однако применительно к периоду подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции этот вопрос, на наш взгляд, нуждается в углубленном изучении. В научном обороте находится несколько цифр, характеризующих

¹ См. Вопросы истории КПСС, 1986, № 9, с. 72—83.

численность большевиков и меньшевиков на разных этапах революционного 1917 года; они переходят из работы в работу, не подвергаясь каким-либо сомнениям. Внешне все обстоит вполне благополучно. Между тем внимательное чтение, казалось бы, хорошо известных источников позволяет сделать некоторые выводы, которые могут явиться стимулом к последующим исследованиям.

Первым, кто попытался сопоставить численность партий большевиков и меньшевиков в 1917 г., был известный политический деятель и публицист Ю. Ларин (М. А. Лурье). Вскоре после вступления с группой своих сторонников в ряды партии большевиков он опубликовал в газете «Новая жизнь» сохранившую до сего времени определенное значение статью «География российской социал-демократии»². В ней, основываясь на материалах VI съезда РСДРП(б) и Объединительного съезда меньшевиков, он высказал ряд интересных соображений. Так, он отметил преобладание большевиков в великорусских районах, меньшевиков — на окраинах, а интернационалистов, действовавших в рядах меньшевиков, — в «большевицкой полосе», и т. д. Но одно место этой статьи заслуживает внимания и с точки зрения нашей темы. Ю. Ларин писал о «традиционном равновесии обоих крыльев российской социал-демократии». Между тем отмечаемое им сравнительное равновесие (с некоторым перевесом в пользу большевиков) не было стабильным в 1917 г. Оно, как будет показано ниже, было присуще относительно короткому промежутку времени — июлю — августу 1917 г., а до и после этого периода численность обеих партий была различна.

В дальнейшем исследователи убедительно показали, что, например, осенью большевиков в стране было уже значительно больше, чем меньшевиков. Менее изученными по ряду причин оказались процессы, связанные с численностью большевиков и меньшевиков в первой половине 1917 г. Однако «общим местом» нашей историко-партийной литературы стал тезис о том, что в течение всего 1917 года численность большевицких организаций была больше, чем меньшевицких (и той части объединенных, которые шли за меньшевиками).

Историки, изучающие процесс развития большевиц-

² См. Новая жизнь, 9(22) сентября 1917 г.

ских и меньшевистских организаций в 1917 г., обычно выделяют несколько хронологических рубежей и сопоставляют численность большевиков и меньшевиков на каждом из них. В качестве первого такого рубежа берут Февральскую революцию и сравнивают численность большевиков и меньшевиков после их выхода из подполья. Затем рассматривают их численность в конце апреля — начале мая, когда с небольшим разрывом во времени прошли VII (Апрельская) конференция большевиков — 24—29 апреля (7—12 мая), а затем Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций — 6—12 (19—25) мая. Следующим рубежом обычно является июль — август, когда чуть с большим разрывом прошли VI съезд большевиков — 26 июля — 3 августа (8—16 августа) и Объединительный съезд меньшевиков — 19—26 августа (1—8 сентября). Наконец, завершается сопоставление октябрем — ноябрем 1917 г. Обычно здесь приводятся цифры, характеризующие численность большевистских организаций накануне и в момент проведения Великой Октябрьской социалистической революции, и данные извлеченные из материалов Чрезвычайного съезда меньшевиков, проходившего 30 ноября — 7 декабря (12—20 декабря). На наш взгляд, эти рубежи определены верно, и в последующем изложении мы будем их придерживаться. Однако, что касается данных о численности меньшевистских организаций, вышедших из подполья, то их мы (за редкими исключениями) практически не имеем. Сама политическая аморфность меньшевизма, наличие в нем различных течений, то рассматривавших себя как часть меньшевистской организации, то исключавших себя из ее рядов (для примера назовем «плекхановцев» и «новожизненцев»), делают этот подсчет крайне затруднительным.

Вместе с тем необходимо хотя бы поставить этот вопрос, так как нельзя уже больше ограничиваться хорошо известными высказываниями типа: «Революция застала наши организации разбитыми и распыленными при полном отсутствии связи между городами и промышленными центрами. Положение в этом смысле, — так говорилось в обращении ОК РСДРП к меньшевистским организациям, — было хуже, чем в худшие времена на подпольного существования»³.

³ Рабочая газета, 12 марта 1917 г.

В этом высказывании все правда. Действительно, число меньшевистских организаций в стране к концу февраля 1917 г. было ничтожно, связи между ними были редкими, эпизодическими. Однако не стоит сбрасывать со счетов легальную, оборонческую часть меньшевизма, организовавшуюся вокруг «рабочих групп» военно-промышленных комитетов. Это течение в меньшевизме не было организационно оформлено в партийном отношении, но именно оно объединяло до Февраля наиболее активную часть меньшевиков.

Историки подчас недооценивают значение этих «рабочих групп», а ведь не следует забывать, что они действовали в 58 городах⁴ (Петрограде, Москве, Киеве, Одессе, Екатеринославе, Ростове, Казани, Самаре, Царицыне, Перми, Екатеринбурге, Омске и т. д.), имели свой руководящий орган в виде Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, издавали свои бюллетени и даже проводили свои всероссийские совещания. Не случайно еще в 1915 г. В. И. Ленин писал о меньшевиках-оборонцах, что эта группа единственная, кроме большевиков, «имеющая серьезное влияние в России»⁵. К сожалению, мы не располагаем данными о количестве меньшевиков, действовавших в составе «рабочих групп», но, видимо, их число было достаточно велико.

Кое-кто из читателей может возразить: правомерно ли участие в «рабочих группах» считать доказательством формальной принадлежности их членов к оборонческому крылу меньшевизма? Думаю, что ответ должен быть утвердительным, и не только потому, что в качестве организаторов «рабочих групп» выступали видные деятели меньшевизма.

Как известно, в условиях самодержавного режима пребывание в рядах нелегальной организации не всегда могло быть закреплено формально. Поэтому большевики подходили к этому вопросу достаточно гибко. Так, в ленинской резолюции Поронинского совещания 1913 г. «О партийной печати» говорилось, что групповые сборы на легальную большевистскую печать «являются член-

⁴ См. Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984, с. 244.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 347.

скими взносами на партию»⁶. Если подойти к «рабочим группам» военно-промышленных комитетов с этой точки зрения, то мы должны будем признать, что их связи с оборонческими центрами меньшевизма были даже более тесными, чем у групп большевистски настроенных рабочих с легальной большевистской печатью кануна мировой войны. А раз так, то мы обязаны рассматривать членов и сотрудников «рабочих групп» военно-промышленных комитетов как важную составную часть меньшевистских организаций. Поэтому думаю, что бытовавшая до последнего времени точка зрения, будто меньшевизм накануне и в дни Февраля представлял ничтожную в политическом отношении силу, вряд ли верна. Да и лидеры меньшевиков, пришедшие к руководству Петроградским Советом в дни Февральского переворота, не возникли из небытия. Меншевистская фракция Государственной думы, естественно, не являлась активной революционной силой, но и она обладала определенным влиянием на рабочие массы столицы. Так что вопрос о силах меньшевиков в первые дни после свержения самодержавия не так однозначен, как нам представлялось раньше.

С вопросом о численности большевиков к Февральской революции дело внешне обстоит более благополучно. Исследователи Всероссийской переписи членов РКП(б), проходившей в 1922 г., определили численность большевиков к началу 1917 г. в 23,6 тыс. членов⁷ («в исчислении»). Эта цифра перешла затем во многие труды историков 20-х — начала 30-х годов, а затем — много лет спустя — в многотомную историю КПСС. Здесь, кстати, была сделана попытка расшифровать эту цифру, и в связи с этим указывалось, что в петроградской организации было около 2 тыс. членов, в московской — около 600, в уральских — 500, в екатеринославской — около 400, в нижегородской — свыше 300, в ростово-нахичеванской — 170, в тверской — 120—150, в иваново-вознесенской — 150—200, в харьковской — 200, в самарской около 150, в киевской — 200, в макевской — 180—200 человек⁸. Вместе с тем в литературе

⁶ Там же, т. 24, с. 53. Эта же мысль проходит в ряде других ленинских работ (см., например, т. 25, с. 372, и др.).

⁷ См. Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 4. М., 1923, с. 32.

⁸ См. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. М., 1966, с. 653.

существуют и другие цифры. Так, Г. Е. Зиновьев утверждал, что после «Февральской революции партия большевиков насчитывала в своих рядах не более 10 тыс. членов»⁹, а в «Кратком курсе истории ВКП(б)» говорилось, что по выходе из подполья в рядах большевистской партии было не больше 40—45 тыс. человек¹⁰. Обе эти цифры были в дальнейшем отвергнуты исследователями. Но, на наш взгляд, и общепринятые данные (около 24 тыс.) нуждаются в анализе и уточнении.

Внимательное изучение итогов переписи 1922 г. позволяет сделать вывод о том, что названная в ней цифра «23,6 тыс.» носит оценочный характер. Вместе с тем рассматривать эту цифру, видимо, следует в сопоставлении с другими, помещенными рядом. А рядом стоят полученные таким же образом («в исчислении») данные о числе вступивших в партию в 1917 г. (101,9 тыс.) и числе выбывших из партии («за смертью» — 2,2 тыс. и «попутчиков» — 8,3 тыс.)¹¹. Иными данными о числе выбывших из партии мы не располагаем, но за минувшие годы мы накопили уже достаточно много данных о том, что в 1917 г. в партию большевиков вступило не 100 тыс., а по крайней мере втрое больше. Все это заставляет нас сомневаться и в цифре «23,6 тыс.» и настаивать на необходимости дополнительного изучения вопроса.

При этом следует учитывать одно важное обстоятельство. Если авторы многотомной истории КПСС, как указывалось выше, сделали вывод, что в крупнейших большевистских организациях (Петрограда, Москвы, Урала, Донбасса, Украины и т. д.) состояло около 5 тыс. членов, то можно предположить, что в остальных организациях страны, в своей массе сравнительно малочисленных, вряд ли было больше членов. Поэтому цифра 10 тыс. человек, насчитывавшихся в большевистских организациях страны накануне Февраля, представляется вполне реальной.

Значительно большей информацией мы располагаем относительно численности большевиков и меньшевиков в апреле — мае. В докладе мандатной комиссии на Ап-

⁹ Цит по: *Аннин Г. П.* Большевики Верхневолжья в 1917 г. Ярославль, 1983, с. 41.

¹⁰ См. История Всесоюзной Коммунистической партии (больше-
виков). Краткий курс (далее — История ВКП(б)). М., 1938, с. 176.

¹¹ См. Всероссийская перепись членов РКП 1922 года, с. 32.

рельской конференции большевиков указывалось, что ее делегаты представляли 79 204 члена партии. С небольшим округлением (80 тыс. человек) эта цифра вошла сначала в «Краткий курс истории ВКП(б)»¹³, а затем и в многотомную историю КПСС, где она сопровождалась оговоркой, что, хотя на конференции было представлено 80 тыс. членов партии, общая ее численность превышала 100 тыс. человек¹⁴.

Вместе с тем необходимо указать и на иные цифры, существующие в литературе. В материалах Всероссийской переписи членов РКП 1922 г. для характеристики численности партии большевиков в апреле 1917 г. используются две цифры: «по исчислению — 46 тыс.», а «по другим источникам» — 40—79 тыс.¹⁵. Комментируя эти данные, С. Г. Струмилин писал: «Чрезвычайно гадательны и противоречивы также имеющиеся подсчеты к моменту Апрельской конференции 1917 г., когда по одним данным числилось уже до 80 тыс. членов, а по другим и, по-видимому, более правдоподобным, только 40 тыс.»¹⁶. В качестве источников, указывающих на эту последнюю цифру, С. Г. Струмилин называет работу А. С. Бубнова, вышедшую первым изданием в 1921 г., и еще одну брошюру, опубликованную в самом начале 20-х годов¹⁷.

Внимательный анализ общепринятой цифры членов партии, представленных на Апрельской конференции (80 тыс.), заставляет нас прийти к выводу, что она вряд ли соответствует действительной численности большевиков в стране. Речь идет об ее возможной корректировке в двух направлениях. С одной стороны, необходимо учитывать, что на Апрельскую конференцию направили своих делегатов и объединенные социал-демократические организации с достаточно высоким удельным весом меньшевиков (Минская, Сормовская, Рижская, Тифлисская и некоторые другие). С

¹² См. Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы. М., 1958, с. 149.

¹³ См. История ВКП(б), с. 180.

¹⁴ См. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3, кн. 1. М., 1967, с. 70.

¹⁵ См. Всероссийская перепись членов РКП 1922 года, с. 33.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См. там же.

другой стороны, важен подсчет и тех большевистских организаций и групп, которые по тем или иным причинам не были представлены на конференции. Во всяком случае, обычно приводимые данные о 100 тыс. большевиков в стране в этот период (базу которых составляют 80 тыс. членов партии, представленных на Апрельской конференции), видимо, несколько завышены. Исследование этого вопроса вряд ли можно считать завершенным.

Что же касается численности меньшевистских организаций в апреле — мае, то историки обычно используют материалы Всероссийской конференции меньшевистских и объединенных организаций РСДРП, на которой, по принятым данным, было представлено около 45 тыс. членов партии. Эту цифру приводят большинство авторов, но комментируют ее по-разному.

И. И. Минц считает эту цифру завышенной. Он пишет: «Если примерно половина организаций, представленных на конференции, были объединенными, а в них значительную часть (до половины) составляли большевики, то отсюда следует сделать вывод, что число меньшевиков было по крайней мере на $\frac{1}{4}$ меньше, чем число членов партии, представленных на конференции. Иначе говоря, число организованных меньшевиков в стране к маю вряд ли превышало 30—35 тыс. Конечно, следует учитывать, что на майской конференции не были представлены некоторые меньшевистские и объединенные организации, но это обстоятельство вряд ли серьезно изменит общую цифру»¹⁸.

По-иному рассуждает Н. В. Рубан, который, правда, также считает, что эта цифра (45 тыс. — В. М.) не дает реального представления о численности меньшевиков в стране. Приведя ее в тексте, он в сноске указывает: «В действительности численность партии была несколько большая; на конференции не были представлены объединенные организации Кавказа, Сибири (за исключением Тюмени), тульская и одесская организации. С учетом этих организаций численность меньшевистской партии составляла примерно 50 тысяч»¹⁹.

¹⁸ Минц И. И. История Великого Октября. В 3-х т. Т. 2. М., 1968, с. 122.

¹⁹ Рубан Н. В. Октябрьская революция и крах меньшевизма (март 1917—1918 г.). М., 1968, с. 52.

Касается майской конференции в своей книге и Х. М. Астрахан, но он ограничивается лишь упоминанием, что на ней было представлено 55 организаций (27 объединенных и 28 меньшевистских), насчитывавших 44 830 членов²⁰. Вопрос же о реальной численности меньшевиков в стране он даже не поднимает.

Между тем у нас есть определенные возможности для того, чтобы внести ясность в этот вопрос. Первое, с чем приходится спорить,— это с утверждением И. И. Минца, что на майской конференции было представлено всего 30—35 тыс. меньшевиков. По уточненным данным, опубликованным еще в 1917 г., на конференции были представлены 31 меньшевистская и 28 объединенных организаций общей численностью 46,7 тыс. членов²¹. Эти же данные содержат информацию о количестве членов большинства указанных организаций. В соответствии с ними 31 меньшевистская организация насчитывала 32,3 тыс., а 28 объединенных организаций — всего 14,4 тыс. Кроме того, к числу объединенных были отнесены организации Ростова-на-Дону (3 тыс. членов), Смоленска (730), Казани (400), в которые входили только меньшевики разных толков, так как в этих же городах действовали и чисто большевистские (ленинские) организации. Далее, в числе объединенных были и такие организации, в которых почти не было большевиков. Например, в Витебске в объединенную организацию входило всего несколько большевиков²². Таким образом, численность организаций, в которых были и большевики (в сколько-нибудь значительном количестве), не превышала 9 тыс., да и в этих организациях они составляли меньшинство. Сравнительно много большевиков было лишь в таких организациях, как Минская (1000 членов), Сормовская (600), Выборгская (562), причем две первые участвовали и в Апрельской конференции большевиков, и в майской меньшевистской конференции. Все это, на наш взгляд, может явиться основанием для предварительного вывода о том, что число большевиков,

²⁰ См. Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 году. Л., 1973, с. 227.

²¹ Подсчет автора по: Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП. Пг., 1917, с. 29—32; Партийные известия, 1917, № 1, с. 28.

²² ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 12, л. 37.

состоявших в объединенных организациях, представленных на меньшевистской конференции, вряд ли превышало 2—3 тыс., а соответственно меньшевиков было 43—44 тыс.

Вместе с тем необходимо учитывать, что ряд крупных меньшевистских организаций по тем или иным причинам не направил на майскую конференцию своих представителей. В первую очередь следует назвать меньшевистские организации Кавказа (то есть Закавказья и Северного Кавказа), которые решили не участвовать в майской конференции, так как, по их мнению, «фракционная меньшевистская конференция излишня и что необходим общий объединительный съезд»²³. Между тем здесь с весны 1917 г. действовал один из самых крупных отрядов меньшевиков в стране — 40—50 тыс. членов²⁴. По тем же причинам в майской конференции не участвовала Тульская организация РСДРП (с 3 марта по 30 мая объединенная), после распада которой в меньшевистскую организацию входило 3 тыс. членов²⁵, а в большевистскую — 1 тыс.²⁶; Одесская, распавшаяся в июне на большевистскую и меньшевистскую (каждая примерно по 2 тыс.), и др. Не участвовали в работе майской конференции и другие объединенные организации, связанные с меньшевистским ОК: Нижне-Тагильская (2 тыс.), Ижевская (700), Роменская (400), Бердичевская, с. Богородского Нижегородской губернии (300) и др., причем только в перечисленных выше насчитывалось около 3,5 тыс. членов²⁷.

Все это, на наш взгляд, дает основание для вывода, что число меньшевиков в стране в апреле — мае 1917 г. приближалось к 100 тыс., если не превышало эту цифру.

Применительно к июлю — августу обычно приводятся две цифры, основанные на материалах VI съезда РСДРП(б) и Объединительного съезда меньшевиков:

²³ Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП, с. 6, 29; *Партийные известия*, 1917, № 1, с. 27.

²⁴ См. подробнее: Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980, с. 108—112.

²⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 11, л. 7.

²⁶ См. Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. *Протоколы*. М., 1958, с. 204.

²⁷ См. *Партийные известия*, 1917, № 1, с. 27.

240 тыс. в рядах партии большевиков, а у меньшевиков на 40—45 тыс. меньше. Вместе с тем сюда, по нашему мнению, необходимо внести известные коррективы. Дело в том, что до того места в речи Я. М. Свердлова, где говорилось о 240 тыс. членов партии, дважды приводилась и иная цифра. Сначала, на первом заседании съезда, проходившем 26 июля (8 августа), М. С. Ольминский указал, что съезд «является представительством от 200 000 членов партии»²⁸, а затем Я. М. Свердлов в организационном отчете ЦК сообщил, что «мы насчитываем 162 организации с 200 000 членов партии»²⁹. И только после ориентировочных подсчетов численности членов партии в областях Я. М. Свердлов сделал вывод о том, что в партии насчитывается около 240 тыс. членов³⁰. Еще одну цифру дает нам доклад мандатной комиссии съезда, с которым выступал М. И. Лацис. Из него следует, что на съезде было представлено около 181 тыс. членов партии³¹.

Исследования историков партии, видимо, внесут ясность в этот вопрос, но на одну неточность, допущенную Я. М. Свердловым, можно указать уже сейчас. Когда он приводил данные о численности большевиков в Петрограде, Москве, Прибалтике, Финляндии и т. д., то всюду в указанных им цифрах учтены и члены партии, входившие в местные военные организации. А затем, после сообщения о численности большевиков в отдельных регионах, он добавил к ним данные о 26 тыс. членов партии, представленных на Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б), проходившей в Петрограде в июне 1917 г. Таким образом, эти 26 тыс. учитываются дважды³², а кроме того, как убедительно показал П. А. Голуб, на конференции присутствовали не только большевики, но и представители объединенных социал-демократических организаций, отнюдь не разделявших взгляды большевиков³³. Во всяком случае, даже если принять все ос-

²⁸ Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 1.

²⁹ Там же, с. 36.

³⁰ См. там же.

³¹ Подсчет автора по: Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 206.

³² Кстати, эту ошибку не повторили авторы доклада мандатной комиссии (см. там же, с. 204—207).

³³ См. Голуб П. А. Большевики и армия в трех революциях. М., 1977, с. 139, 140.

тальные выкладки Я. М. Свердлова, то следует определить численность партии большевиков к VI съезду примерно в 200—215 тыс. членов.

О том, что к июлю партия большевиков насчитывала 200 тыс. членов, писал в свое время и А. С. Бубнов³⁴, а В. В. Аникеев, проанализировавший архивные материалы о численности большевистских организаций в этот период, отмечал, что имеющиеся в его распоряжении данные подтверждают наличие «только в большевистских организациях более 222 тыс. коммунистов»³⁵.

Если теперь обратиться к Объединительному съезду меньшевиков, то здесь мы располагаем двумя цифрами: 193 тыс. членов, представленных на съезде к 23 августа, когда был сделан доклад мандатной комиссии, и 205 тыс. членов с учетом численности тех организаций, делегаты которых прибыли на съезд после 23 августа³⁶. Однако последняя цифра представляется нам несколько завышенной. Со съезда ушла целая группа делегатов, заявивших о своем несогласии с его оппортунистическим курсом, причем данные о численности пославших их организаций были ранее учтены мандатной комиссией. Среди них были представители двух объединенных военных организаций Западного фронта (2-й армии и 3-го армейского корпуса) общей численностью 1625 членов, объединенной социал-демократической организации Пскова (320 членов) и некоторых других³⁷. Все это заставляет нас предположить, что численность действительно меньшевистских организаций, представленных на съезде, вряд ли существенно превышала 200 тыс. членов.

Здесь, видимо, необходимо сделать одно разъяснение. Сразу же после съезда к большевикам перешла группа видных меньшевиков-интернационалистов во главе с Ю. Лариным, а с ними — около тысячи петроградских рабочих-интернационалистов. В состав оформленной на съезде меньшевистской партии не вошли и меньшевики-новожизненцы, оформившиеся осенью в

³⁴ БСЭ. Т. 11. М., 1930, с. 99.

³⁵ Вопросы истории КПСС, 1958, № 2, с. 131.

³⁶ См. Астрахан Х. М. Указ. соч., с. 293, 294; Партийные известия, 1917, № 3, с. 2; № 4—5, с. 1; Рабочая газета, 6 августа 1917 г.

³⁷ См. Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917—1922 гг. Ч. 2. Сб. науч. трудов. М., 1977, с. 209—210; ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 14, л. 61.

самостоятельную партию³⁸. Но и те и другие участвовали в работе съезда до самого конца, и вряд ли их стоит исключать при подсчете меньшевистских сил на данном этапе развития революции.

Осенью 1917 г. положение в стране стало быстро меняться. Обострение общенационального кризиса, в ходе которого вновь выявилось, что единственной подлинно революционной силой являются лишь большевики, привело к быстрому росту их организаций. Дополнительным фактором, влияние которого необходимо учитывать, было завершение процесса размежевания в объединенных социал-демократических организациях, который в сентябре — октябре охватил и фронт.

Для суждения о численности партии большевиков накануне Октября мы располагаем несколькими цифрами. Выступая 16 (29) октября на заседании ЦК РСДРП(б), Я. М. Свердлов заявил, что в партии к этому времени состояло не менее 400 тыс. членов³⁹. Вместе с тем в его же докладе на VII съезде партии (6—8 марта 1918 г.) указывалось, что по сравнению с VI съездом «число членов партии увеличилось в 1¹/₂ раза» и, «можно полагать, достигает 300 тыс. человек — это минимум»⁴⁰. Эти слова Я. М. Свердлова заслуживают самого внимательного рассмотрения. С одной стороны, если 300 тыс. членов — это в полтора раза больше, чем имела партия в своих рядах к VI съезду, то отсюда следует, что летом 1917 г. большевистская партия насчитывала 200 тыс. членов. С другой стороны, слова Я. М. Свердлова проливают свет на вопрос о реальной численности партии большевиков накануне Октября.

За период с октября 1917 г. по март 1918 г. в рядах партии большевиков происходили определенные изменения: продолжался известный рост численности большевистских организаций, но вряд ли он был особенно значителен (наиболее активную часть пролетариата партия большевиков вобрала в свои ряды еще накануне Октября). Вместе с тем значительная часть симпатизи-

³⁸ См. Непролетарские партии России. Урок истории, с. 291, 346.

³⁹ См. Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958, с. 94.

⁴⁰ Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года. Стенограф. отчет. М., 1962, с. 4.

ровавших большевикам после победы Октябрьского вооруженного восстания заколебалась, испугавшись реальной необходимости проводить в жизнь политику диктатуры пролетариата. В этой связи образование партии социал-демократов-интернационалистов из бывших «новожизненцев» и вступление в ее ряды группы С. А. Лозовского достаточно симптоматичны. С другой стороны, в связи с демобилизацией старой армии были ликвидированы существовавшие на фронте многочисленные большевистские военные организации. В их рядах накануне Октября, по подсчетам П. А. Голуба, состояло (без Кавказского фронта) около 50 тыс. членов и 40 тыс. сочувствующих⁴¹. После демобилизации часть солдат-большевиков влилась в ряды местных большевистских организаций. Но основную массу солдат составляли крестьяне; вернувшись в деревню, они зачастую не находили там большевистских организаций. В этих условиях одни, более активные, создавали новые организации, а другие, не менее увлеченные воплощением в жизнь большевистских идей, декретов Советской власти, на какое-то время отходили от собственно партийной жизни, оказывались вне партии. Поэтому вполне естественным было заметное сокращение в период с октября 1917 г. по март 1918 г. общей численности большевистских организаций. Это наше рассуждение подтверждается подсчетами ряда историков. Так, В. В. Аникеев писал в 1958 г., что, по имевшимся в его распоряжении данным, к Октябрю (то есть до ликвидации военных организаций.— В. М.) в партии насчитывалось 360 тыс. членов. «Хотя,— оговаривается он,— в них по ряду организаций включены данные, представленные еще к VI съезду партии»⁴². В этой связи думаю, что следует согласиться с авторами многотомной истории КПСС, которые пришли к выводу, что накануне Октября в рядах партии большевиков насчитывалось 350 тыс. членов⁴³.

Вопрос о численности партии меньшевиков осенью

⁴¹ См. Голуб П. А. Большевики и армия в трех революциях, с. 214.

⁴² Вопросы истории КПСС, 1958, № 2, с. 131.

⁴³ См. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3, кн. 1, с. 243.

1917 г. исследовался нами специально ⁴⁴, и здесь хотелось бы лишь кратко изложить результаты этой работы.

В трудах советских историков, где говорится о количестве меньшевиков в стране к концу 1917 г., обычно приводится цифра 150 тыс. ⁴⁵. При этом чаще всего ссылаются на номер меньшевистского журнала «Партийные известия», вышедший в январе 1918 г. В нем, в частности, говорилось: «Несмотря на все неблагоприятные политические условия, приведшие к тому, что партия лишилась влияния на рабочие массы, она все же представляет ныне могучий организм, охватывающий свыше 150 тыс. членов» ⁴⁶. Приводя эту цифру, историки зачастую делают вывод о том, что с августа численность партии уменьшилась на 50 тыс. (то есть на $\frac{1}{3}$).

Между тем внимательный анализ опубликованных и архивных источников позволил сделать вывод, что только на съезде было представлено свыше 143 тыс. меньшевиков. Вместе с тем на съезде не были представлены меньшевистские организации Закавказья (в которых летом 1917 г. состояло около 46 тыс. членов, а в 1918 г. численность меньшевиков только в Грузии возросла до 60 тыс.) ⁴⁷, Севера Европейской части России, Сибири и Дальнего Востока, а также значительной части Поволжья и Северного Кавказа. Поэтому, на наш взгляд, общая численность партии меньшевиков к осени 1917 г. вряд ли существенно изменилась по сравнению с летом и, видимо, по-прежнему составляла около 200 тыс. членов ⁴⁸.

За этой внешней стабильностью стояли достаточно сложные и неоднозначные процессы (уход от меньшевиков значительной части кадровых пролетариев, приход новых представителей городских средних слоев, оформление в рядах меньшевистской партии части сочувствовавших ей солдат и т. п.), но в данном случае для нас важен вывод: в условиях, когда ряды боль-

⁴⁴ См. подробнее: Миллер В. И. К вопросу о состоянии партии меньшевиков осенью 1917 г.— В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Сб. статей. М., 1980, с. 297—306.

⁴⁵ См., например: Подбологов П. Д., Спиринов Л. М. Крах меньшевизма в Советской России. Л., 1988, с. 23.

⁴⁶ Партийные известия, 1918, № 8, с. 22.

⁴⁷ См. Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980, с. 110, 112.

⁴⁸ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 306.

шевиков быстро росли, численность партии меньшевиков топталась на месте.

Полученный нами вывод важен не только сам по себе. Если в научный оборот войдут новые цифры численности большевиков и меньшевиков на разных этапах 1917 г., то несколько иными станут наши представления и о динамике революционного процесса. Так, если партия меньшевиков в течение 1917 г. росла сравнительно медленно (с весны до середины лета — всего вдвое), а осенью ее рост и вовсе прекратился, то партия большевиков в эти же месяцы непрерывно росла, и быстрыми темпами: только за период с июля до октября число ее членов увеличилось на 75%.

* *
*

Подведем некоторые итоги. Приведенные выше данные свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что вопрос о численности большевиков и меньшевиков в 1917 г. нуждается в дополнительном глубоком изучении⁴⁹. Вместе с тем хотелось бы указать на один принципиальный момент, который необходимо учитывать в ходе последующих подсчетов.

Вопрос о численности партии большевиков в 1917 г. подчас связывается с попытками выяснить, сколько большевиков насчитывалось на разных этапах революции в объединенных социал-демократических организациях. На наш взгляд, такая постановка вопроса неверна. Нельзя считать членами большевистской партии людей, состоявших вопреки указаниям ЦК в объединенных социал-демократических организациях и даже не имевших при этом своей фракционной организации (своего печатного органа, как это было у тифлиских большевиков; своего бюро, как это было в других местах). Факт пребывания в объединенной организации свидетельствовал о том, что входившие в нее большевики испытывали большее или меньшее влияние меньшевизма и уж, конечно, не могли выполнять директи-

⁴⁹ Первая попытка была предпринята автором на научной конференции в Калинин 16—18 сентября 1986 г. (см. Великий Октябрь — торжество идей марксизма-ленинизма. Материалы конференции. Т. 2. М., 1987, с. 30—41).

вы большевистских партийных центров. При этом мы имеем в виду не личное отношение тех или иных людей к ленинским идеям. Речь в данном случае идет о том, что при подсчете сил большевистской партии мы не можем считать этих людей ее членами.

Необходимо подчеркнуть, что для наиболее подготовленных участников революции был характерен именно такой подход к соотношению терминов «большевистский» и «партийный». Так, С. Черномордик (П. Ларионов), рассказывая о своей работе в Казвинском Совете в 1917 г., в частности, писал, что в его президиуме была представлена и большевистская точка зрения, но тут же уточнял: «большевистская (не партийная, ибо оформленной партийной организации не существовало на нашем фронте до самых последних дней октября)»⁵⁰. Полагаю, что с этой точкой зрения мы не можем не считаться.

Вопросы истории КПСС. 1988. № 12. с. 107—118.

⁵⁰ Черномордик С. (Ларионов П.) Перед Октябрем. На далеком фронте.— Пролетарская революция, 1922, № 10, с. 453.

Судьба мелкобуржуазных партий

В начале XX века в России существовали политические партии четырех направлений — помещичьи, буржуазные, мелкобуржуазные и пролетарские.

Мелкобуржуазные партии по числу (в 1917 г. их было более 20) и количеству их членов стояли на первом месте, что было закономерно для страны с преобладанием мелкобуржуазного (крестьянского) населения.

Под красивыми лозунгами

Самой многочисленной была партия социалистов-революционеров (эсеров). Она была создана в конце 1901 — начале 1902 гг. в результате объединения народофильских групп. В мае 1917 г. она насчитывала свыше 500 тыс. членов. Лидеры партии — В. М. Чернов, А. Ф. Керенский, Н. Д. Авксентьев, А. Р. Гоц, В. М. Зензинов и другие.

Но единой партия эсеров не была. К тому же она находилась в кризисе, который был вызван громким скандалом вокруг руководителя боевой организации и члена ЦК Евно Азефа, оказавшегося провокатором. Тем не менее после Февральской революции эсеровские организации численно укрепились, поскольку за ними, выдвигавшими красивые лозунги «Земля и воля», «В борьбе обретешь ты право свое», потянулись различные представители мелкобуржуазных слоев.

Вскоре выяснилось, что эсеры не смогли выполнить ни одного требования своей программы. Осенью 1917 г. у них стало выделяться левое крыло, которое в ноябре организационно оформилось в партию левых эсеров. Правые эсеры, созвав свой IV съезд в конце ноября — начале декабря 1917 г., решили действовать под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию», но потерпели крах.

Признавшие Октябрьскую революцию левые эсеры после колебаний пошли на блок с коммунистами и на II съезде Советов голосовали за Декреты о мире и земле. Позднее они вошли в состав правительства, заняв посты наркомов земледелия (Колегаев), почт и телеграфа (Прошьян), юстиции (Штейнберг) и ряд других. Но чем дальше развивалась Октябрьская революция, тем более усиливались колебания левых эсеров.

В начале лета 1918 г. левые эсеры отходят от сотрудничества с большевиками. III съезд их партии прошел под лозунгом подготовки левозэсеровского мятежа. Потерпев поражение при голосовании основных вопросов на V Всероссийском съезде Советов, лидеры партии дали команду начать восстание. Сигналом к мятежу явилось убийство германского посла в Москве графа Мирбаха. Мятеж показал, что эта мелкобуржуазная партия в России скатилась на позиции контрреволюции и утратила влияние на массы. Последний IV съезд левых эсеров показал, что эта партия как массовая организация перестала существовать.

Гражданская война выявила контрреволюционный характер действий правых эсеров. Они были инициаторами многих заговоров против Советской власти (в Ярославле, Рыбинске, Муроме, в Поволжье, Сибири, на Дальнем Востоке), совершили ряд террористических актов (ранили В. И. Ленина, убили Урицкого и Володарского), создали контрреволюционное правительство Комуч и возглавили Уфимскую директорию. И это определило политический крах правых эсеров.

Проходивший в 1922 г. процесс над 34 членами ЦК партии эсеров полностью доказал их отрыв от трудящихся масс. В 1923 г. партия социалистов-революционеров прекратила свое существование.

Идеологи буржуазии

Второй по численности мелкобуржуазной партией была реформистская партия меньшевиков. Меньшевизм возник на II съезде РСДРП, как часть рабочего движения. Если эсеры отражали взгляды крестьянства, то меньшевики отражали идеологию городской мелкой буржуазии и части интеллигенции. В 1912 г. меньшевики были исключены из партии. В августе 1917 г. они насчитывали в своем составе 193 тыс. человек.

Лидерами меньшевиков были Л. Мартов, А. Мартынов, Б. Богданов, Н. Чхеидзе, Ф. Дан и другие.

После Февральской революции меньшевики вместе с эсерами входили в состав Временного правительства, но ничего не сделали для осуществления своих программных требований.

Враждебно встретив Октябрьскую революцию, они стали терять свое влияние, а уйдя со II съезда Советов, просто скомпрометировали себя. Численность партии сократилась до 60 тыс. человек (май 1918 г.).

В годы гражданской войны меньшевики входили в ряд антисоветских правительств (в Самаре, Омске, Екатеринбурге), активно участвовали в Кронштадтском мятеже, совместно с эсерами руководили кулацкими мятежами. Антисоветская позиция привела к утрате их политического влияния.

Против всех и вся

Одним из отрядов мелкобуржуазных социалистов были анархисты. Сторонники безвластия предусматривали прямые действия против государства и буржуазии и отрицали значение политической борьбы. Анархисты делились на два течения: более многочисленные «анархисты-коммунисты», занимавшиеся «пропагандой действий», и «анархисты-синдикалисты», переносившие центр работы на создание беспартийных союзов. В борьбе с буржуазным Временным правительством анархисты были попутчиками большевиков.

Но после Октябрьских дней анархисты оказались помехой на пути развития революции, хотя отдельные группы перешли на сторону большевиков. Достаточно здесь назвать таких героев гражданской войны, как А. Г. Железняков, А. В. Мокроусов и Э. А. Берг. Большинство же выступавших под знаменами анархии занимались уголовной деятельностью. Характерно, что после разоружения анархистских групп в Москве в апреле 1918 г. преступность в столице снизилась на 80%.

В годы гражданской войны анархизм перестал быть политическим течением и выродился в анархо-бандитизм.

Партий много, финал — один

В национальных регионах деятельность мелкобуржуазных партий активизировалась после Февральской буржуазно-демократической революции. Тому было несколько причин: подъем национально-освободительного движения, ослабление центральных (общероссийских) органов власти и др. Всего в России в 1917 г. функционировало 23 национальные мелкобуржуазные партии.

Среди них наиболее заметными были грузинские меньшевики, которые в 1918 г. отделились от российских, эстонские, до Октября 1917 г. называвшиеся «Эстонское социал-демократическое объединение», и Украинская социал-демократическая рабочая партия, выступившая в числе организаторов Центральной рады.

Активную деятельность после февраля 1917 г. развернули и еврейские социал-демократические партии. К сентябрю 1917 г. численность Бунда составила около 20 тыс. членов, а Еврейской социал-демократической рабочей партии (Поалей Цион) — 16 тысяч. Обе партии стояли на позиции российских меньшевиков.

После февраля 1917 г. активизировались национальные партии народнических направлений. Наряду со старыми партиями (Белорусская социалистическая громада, Грузинская партия социалистов-федералистов, Дашнакцутюн) появились новые мелкобуржуазные национальные партии, в частности в Прибалтике и на Украине.

В целом можно отметить, что в условиях углубления революции ведущей тенденцией развития мелкобуржуазных партий в 1917 г. была их политическая интеграция с буржуазными партиями. Идея создания «национальных советов» нашла свое отражение в деятельности украинской Центральной рады, Белорусского национального комитета, Латышского Временного (ввиду оккупации части Латвии немецкими войсками) национального совета, Тарибы (Литовского совета), Всеэстонского союза, национального совета Грузии, Армянского национального совета.

Следует отметить, что интеграция буржуазных и мелкобуржуазных партий вызывала недовольство радикальных элементов в мелкобуржуазных партиях, усили-

вая размежевания внутри их, что привело к образованию левых течений и групп, многие из которых позднее вливались в большевистскую партию. Для той же части национальных мелкобуржуазных партий, которая отстаивала идею союза с крупной буржуазией, закономерным стал переход на контрреволюционные позиции, на путь борьбы с Советской властью. Контрреволюционная политика привела их к политическому и организационному банкротству.

Их лидеры, бежавшие за границу, продолжали свою антисоветскую деятельность, пытались организовать «правительства в изгнании», как это делали белорусский эсер В. Ластовский и украинский социал-демократ С. Петлюра. После разгрома в 1921 г. антисоветского мятежа в пределах Советской Армении перестала существовать партия Дашнакцутюн. Аналогична судьба грузинских меньшевиков, национал-демократов, правых социалистов-федералистов и эсеров.

Если говорить кратко, то судьбы мелкобуржуазных партий в России удивительно схожи: они шли против царизма на первом этапе революции, породнились с пришедшей к власти в результате демократического переворота буржуазией, а после Октября 1917 г. повели борьбу против советского строя, что в конечном итоге предопределило их крах.

VIII съезд РКП(б): взгляд в будущее

Среди важнейших событий истории нашей партии и страны особое место занимает VIII съезд РКП(б). Он состоялся в марте 1919 года, ровно семьдесят лет назад. Съезд принял вторую Программу партии — программу социалистического строительства, обсудил вопросы об отношении к крестьянству, о принципах организации Красной Армии, ряд других неотложных задач.

Обращаясь сегодня к материалам VIII съезда, мы хотим лучше, полнее знать, как Ленин, партия представляли тогда пути дальнейшего развития страны. Понять характер, особенности и самого времени, и тех, кто в первые послеоктябрьские годы не жалел ни сил, ни своей жизни для достижения великой цели — созидания социалистического общества.

Материал публикуется под редакцией директора ИМЛ при ЦК КПСС академика Г. Л. Смирнова.

...Прошло меньше полутора лет после Октябрьского восстания в революционном Петрограде. Всего 17 месяцев с момента провозглашения Советской власти.

Здание бывших Судебных установлений в Кремле, где 18 марта открылся VIII съезд РКП(б), не отапливалось. 403 делегата, представлявшие 315 тысяч членов партии, не снимали верхней одежды. Многие были в шинелях, кожанках, бушлатах — они приехали прямо с фронтов, сжимавших почти со всех сторон молодую Советскую республику. После успехов Красной Армии в конце 1918 — начале 1919 гг. военное положение вновь серьезно ухудшилось. За две недели до открытия съезда перешла в наступление от Урала к Волге 130-тысячная армия адмирала Колчака, вооруженная империалистами Антанты. На юге реформировывал свою армию Деникин, готовясь поддержать натиск колчаковцев. На западе нацеливался на Петроград генерал Юденич. На севере орудовали белогвардейцы Миллера и войска англо-американских интервентов.

Положение Республики Советов было крайне трудным. Сокращалось число работающих заводов и фабрик. Голод вынудил многих рабочих уходить в деревню. «Классовый паек» составлял от полуфунта до фунта

хлеба в день. Это было время, когда почти все можно было продать и ничего нельзя купить. В такой обстановке все больше вступала в силу политика «военного коммунизма» — с продразверсткой в деревне и натуральной оплатой труда рабочих, стремлением к централизации всей жизни, военно-приказными методами, в том числе и в партийной работе...

Но, несмотря на все трудности, партия проводила свой очередной съезд. В повестке дня было семь вопросов: отчет ЦК, Программа РКП(б), создание Коммунистического Интернационала, военное положение и военная политика, работа в деревне, организационные вопросы, выборы ЦК. Делегаты собрались, чтобы коллективно, сообща обсудить ключевые проблемы партийной политики, будущего Советской России.

Мы остановимся лишь на некоторых вопросах, прежде всего на том, какими видели коммунисты контуры нового мира, нового общества? Слово — документам, напечатанным и неопубликованным. Они воссоздают атмосферу партийного форума, острые дискуссии по главным вопросам политики.

Прогноз и реальность

Разные подходы выявились при обсуждении второй Программы партии (первая, как известно, была принята на II съезде РСДРП в 1903 г.). В ней намечались ориентиры социалистического строительства.

Выступая с докладом о партийной программе, В. И. Ленин дал анализ ее теоретических основ, обратил особое внимание на подходы к справедливому решению национального вопроса, на отношение к крестьянству, кооперации, на использование буржуазных специалистов, борьбу с бюрократизмом, за вовлечение широких масс в советскую работу и т. д. Возражая против «нетерпения», свойственного ряду коммунистов, в том числе Бухарину, Ленин предупреждал от попыток наполнить программу «бодрящими призывами», что превратило бы ее в прокламацию:

«Все должно быть обосновано теоретически». «Программа должна заключать абсолютно непререкаемое, фактически установленное, только тогда она — программа марксистская».

В этих словах — присущий Ленину реализм, стрем-

ление учесть конкретный опыт послеоктябрьского развития. Владимир Ильич предостерегает от переоценки партией своих возможностей, тем более — от похвалы-бы:

«Если мы будем корчить из себя лягушку, пыхтеть и надуваться, это будет посмешищем на весь мир, мы будем простые хвастуны».

Вторым докладчиком по Программе партии был Н. И. Бухарин. По ряду вопросов он спорил с Лениным, выступал, в частности, против включения в Программу характеристики капитализма, который уже якобы изживает себя, оставив только положение об империализме. Не отрицая этих ошибок Бухарина, надо вместе с тем совершенно определенно сказать: дискуссии при выработке партийной политики в то время, несмотря на экстремальную обстановку «военного коммунизма», были естественным, обычным явлением, каждый коммунист считал себя вправе высказывать и отстаивать свою точку зрения, спорить с Лениным, другими лидерами партии. Так поступал и Бухарин, который был убежден тогда в том, что

«Мы ни на одну йоту, ни на один волосок не отступаем от метода Маркса».

Видение коммунистами контуров социализма в 1919 г. нельзя правильно понять без учета того, что, как подчеркивалось, «в программе речь идет о социалистической революции в мировом масштабе». Да, в годы гражданской войны партия большевиков считала, что революция в России — только начало преобразования мира, что скоро произойдут социальные революции во многих передовых капиталистических странах, что социализм в России — это одновременно и часть будущего мирового социализма.

Исходя из этого, многие делегаты съезда забегали вперед в своих планах и воззрениях. Г. Л. ПЯТАКОВ, например, «пугая мировую буржуазию», говорил чуть ли не о всемирном совнархозе, о подчинении всех компартий ЦК РКП(б). На критическое замечание Ленина он бросил реплику: «А разве вы думаете, что было бы плохо?»

ЛЕНИН: «...Если бы что-нибудь подобное стояло в программе, то критиковать ее не было бы надобности: авторы такого предложения сами бы убили себя».

Характерно и выступление политработника 1-й ар-

мии, члена партии с 1905 г. Л. В. Суницы, который, перефразируя известное изречение Г. В. Плеханова, предложил записать в Программе:

«...пролетарская революция победит как международная пролетарская революция, создав международный единый фронт, или она совсем не победит».

В ходе обсуждения, теоретических споров прояснялось и утверждалось понимание того, что социализм можно строить только на базе реального научно-технического и людского потенциала, доставшегося от капитализма, на базе практического опыта, приобретенного партией за первые месяцы Советской власти.

Программа, принятая VIII съездом, отразила диалектику ленинского подхода к демократии, учитывающего расстановку классовых сил в стране после победы Октября. Большевики исходили из того, что пролетарская, советская демократия является высшей, по сравнению с капитализмом, формой. Это — демократия рабочего класса и беднейшего крестьянства, составляющих огромную часть общества, демократия, которая осуществила в широком виде местные самоуправления, без сверху назначаемых властей.

Из Программы РКП(б)

«Задачей партии является неутомимая работа над действительным проведением в жизнь полностью этого высшего типа демократии, требующего для своего правильного функционирования постоянного повышения уровня культурности, организованности и самостоятельности масс».

В Программе указывалось, что ущемление политических прав непролетарских слоев населения носит временный, вынужденный характер и в дальнейшем подлежит отмене. Партия была призвана вести всю работу так, чтобы происходило сближение органов власти с массами трудящихся на почве «все более строгого и все более полного осуществления этими массами демократизма на практике, в особенности же путем проведения ответственности и подотчетности должностных лиц».

По отношению к непролетарским классам партия выступала за подавление тех элементов буржуазии, которые оказывают сопротивление, и одновременно — за принятие на службу Советской власти всех, кто хочет работать, особенно специалистов.

Бедные крестьяне (полупролетарии) оставались главной опорой партии и Советской власти в деревне. Среднее крестьянство рассматривалось как союзник пролетариата, его постепенно, но неуклонно предстояло вовлечь в социалистическое строительство.

Проводилась линия на подавление сопротивления кулаков (деревенской буржуазии) новому строю, но не на их экспроприацию как класса. Если кулак лояльно относился к Советской власти, его не трогали.

Политика в области национальных отношений предусматривала курс на сближение пролетариев и полупролетариев всех народов, уничтожение привилегий какой-либо нации, полное равноправие, «признание за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение». В качестве одной из переходных мер к полному единству (заметим, единству, а не слиянию) партия выдвигала федеративное устройство по советскому типу. Особо подчеркивалось, что пролетариат ранее угнетаемой нации должен внимательно относиться к пережиткам национальных чувств ранее угнетенных трудящихся масс, что главным оружием в борьбе за единство народов являются пропаганда, партийное влияние, организация единых профессиональных союзов.

Поддерживая создание федерации советских республик, А. И. РЫКОВ отмечал: «Ясное дело, что интересы нации, интересы языка, религии, культуры и т. д. мы ни в коем случае и ни при каких условиях подавлять не будем». Надо напомнить также, что съезд не поддержал предложение Пятакова и Бухарина заменить лозунг «самоопределение наций» другим — «признать только право трудящихся классов на самоопределение».

Классовый подход нашел особенно рельефное выражение в правовой области. Утверждался единый народный суд (одна инстанция), упрощалось судопроизводство. Выбираемые Советами судьи были призваны «осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а в случаях отсутствия таких или неполноты их руководствоваться социалистическим правосознанием». К судебному разбирательству широко привлекались в качестве заседателей рабочие и бедные крестьяне.

Сегодня, когда мы ставим задачу создания право-

вого государства, уязвимость тогдашних формул: «руководствоваться социалистическим правосознанием» и т. п., на первый взгляд, очевидна. Но еще раз напомним: тогда шла гражданская война, навязанная классовым противником, и она неотвратимо накладывала свой отпечаток на все формы и формулы.

Некоторые публицисты, как, впрочем, и ряд историков, склонны видеть в событиях тех лет истоки позднейших сталинских репрессий. Что тут можно сказать? Вопрос о революционном насилии чрезвычайно сложный. И нельзя его упрощать в угоду какой-либо заданной схеме. Как нельзя ни объяснять, ни тем более оправдывать (а объективно подчас получается именно так) развязанный сталинской группой террор против партии и народа ссылками на совершенно иную историческую эпоху.

Иногда, произвольно вырывая из текста какие-то ленинские слова, представляют дело так, будто именно большевики считали насилие главным элементом в борьбе за создание нового общества. В частности, нередко цитируется фраза из выступления Ленина на VIII съезде: «Прекрасная вещь революционное насилие и диктатура, если они применяются, когда следует и против кого следует». А иной раз опускают даже и это пояснение — когда и против кого.

Между тем это грубое искажение ленинской мысли, суть которой — предостеречь от злоупотреблений революционным насилием и диктатурой.

Выступая на съезде при обсуждении организационных вопросов, В. И. Ленин подчеркивал, что главной в пролетарской революции является организаторская работа, направленная прежде всего на воспитание и перевоспитание народа.

«Тут та область,— предупреждал он,— где революционное насилие, диктатура употребляется для того, чтобы злоупотреблять, и от этого злоупотребления я бы осмелился вас предостеречь. Прекрасная вещь революционное насилие и диктатура, если они применяются, когда следует и против кого следует. Но в области организации их применять нельзя. Этой задачи воспитания, перевоспитания и длительной организационной работы мы совершенно не решили и к этому мы должны систематически приступать».

В годы «справедливой гражданской войны» (ленин-

ские слова), и одновременно трагической (добавим мы), вождь большевиков неоднократно возвращался к вопросу о революционном насилии как вынужденной в тех условиях ответной мере. «После революции 25 октября (7 ноября) 1917 г. мы не закрыли даже буржуазных газет, и о терроре не было и речи,— напоминал он позже, после VIII съезда.— Мы освободили не только многих министров Керенского, но и воевавшего против нас Краснова. Лишь после того, как эксплуататоры, т. е. капиталисты, стали разворачивать свое сопротивление, мы начали систематически подавлять его, вплоть до террора».

Осенью 1919 года в письме к А. М. Горькому, протестовавшему против ареста группы буржуазных интеллигентов, Ленин писал, что ошибки мы делаем, что для расследования этого конкретного дела мы создали комиссию (в нее вошли Бухарин, Каменев и Дзержинский), освободим, кого можно, но подчеркнул, что наша линия в целом необходима и правильна.

«Вопль сотен интеллигентов,— продолжал Ленин,— по поводу «ужасного» ареста на несколько недель Вы слышите и слушаете, а голоса массы, миллионов рабочих и крестьян, коим угрожают Деникин, Колчак, Лианозов, Родзянко, красногорские (и другие кадетские) заговорщики, этого голоса Вы не слышите и не слушаете. Вполне понимаю, вполне, вполне понимаю, что так можно дописаться не только до того, что-де «красные такие же враги народа, как и белые» (борцы за свержение капиталистов и помещиков такие же враги народа, как и помещики с капиталистами), но и до веры в боженьку или в царя-батюшку. Вполне понимаю».

Партия и Советы

Бывают такие моменты в жизни общества, отмечал В. И. Ленин, когда политика, а не экономика играет главную роль. Это полностью относилось к гражданской войне. И закономерно, что на VIII съезде РКП(б) в поле зрения был и вопрос об органах власти и взаимоотношениях большевистской партии и Советов.

В решениях съезда говорилось, что Российская Коммунистическая партия стоит у власти и держит в своих руках весь советский аппарат.

Так как в отношении к советским республикам был принят федеративный принцип, выдвигались предложения и об организации РКП(б) на основе федерации самостоятельных коммунистических партий. Съезд однозначно высказался за единую централизованную Коммунистическую партию с единым ЦК, руководящим всей работой партии в целом. Все решения РКП(б) и ее руководящих учреждений безусловно обязательны для всех членов партии независимо от их национальности. Центральные Комитеты коммунистов национальных республик пользуются правами областных комитетов партии и целиком подчиняются ЦК РКП(б).

Напомним: делегатами съезда были коммунисты 15 национальностей: 190 русских, 49 евреев, 21 латыш, 11 украинцев, 10 поляков, 5 литовцев, 4 армянина и др.

Положение правящей партии в условиях сложившейся к тому времени однопартийной системы таило определенную опасность, это не прошло мимо внимания VIII съезда.

Уже в начале гражданской войны наметился отрыв руководящих партийных и советских органов на местах от масс коммунистов и народа. Стали появляться, и чем дальше, тем больше, партийные и советские бюрократы, сосредоточившие в своих руках большую власть.

Выявилось и другое отрицательное явление — подмена партийных организаций партийными комитетами.

К правящей партии присасывалось все больше нечестных людей, карьеристов. Во многих местах отнятые у буржуазии дома давали не рабочим, а партийным и советским чиновникам.

«Нельзя больше резать партию, чем этим,— говорил докладчик ЦК по организационным вопросам Г. Е. Зиновьев,— потому что каждый ремесленник, прачка, извозчик, каждый человек труда, который, может быть, завтра будет с нами, каждый из них не прочтет нашей коммунистической программы, не прочтет наших резолюций, не узнает о III, Коммунистическом Интернационале, но все они узнают, что советские чиновники и партийные коммунисты такой-то дом отняли, поселились в нем сами и поселили туда свою родню».

Партия ставила своей задачей всеми силами бороться против подобных явлений, справедливо распределять материальные средства, делать все возможное, чтобы «в ближайшее время дать почувствовать большим кругам населения, что мы хотя бы на одну йоту уже сейчас улучшаем их повседневную жизнь. Только этим можем мы сейчас завоевать новые силы, потому что одной пропагандой, одной агитацией мы много не сделаем».

Некоторые делегаты съезда высказывали серьезные критические замечания также и в адрес ЦК, других центральных учреждений.

Обратив внимание на смешение функций партии и Советов, съезд отметил гибельность такого явления, указал, что коммунисты проводят свои решения через советские органы в рамках Советской Конституции. «Партия,— говорилось в постановлении съезда,— старается руководить деятельностью Советов, но не заменять их». Коммунисты, работающие в Советах, обязывались отчитываться перед своими избирателями не реже одного раза в две недели, вести партийную работу в своем районе, состоять членами профсоюзов.

Контурь экономики

«Мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически». Эта мысль Ленина, высказанная на VIII съезде, выражала главную суть политики партии, направленной на всемерное повышение производительных сил страны.

Приведем несколько характерных фрагментов из документов съезда и выступлений делегатов.

«У нас не потребительский коммунизм, не всеобщий уравнительный дележ, как утверждают противники Советской власти, а производственный коммунизм, то есть такое товарищеское производство, которое дает полный простор развитию производительных сил, созданию наибольшего количества продуктов». (Из доклада Н. И. Бухарина).

В разоренной, обнищавшей и голодной стране, какой в то время была Советская Россия, на первое место выдвигалась практическая задача «немедленно и во что бы то ни стало увеличить количество необходимых для населения продуктов».

Из Программы РКП(б)

«...Социалистический способ производства может быть упрочен на основе товарищеской дисциплины трудящихся, их максимальной самодеятельности, сознания ответственности и строжайшего взаимного контроля над продуктивностью труда».

То было время, когда в революционном энтузиазме видели главную движущую силу общества. Жизнь дополнит это элементами личного интереса, в том числе материальным стимулом. История скажет, что при социализме должны органически сочетаться интересы всего общества (государства) с интересами регионов, коллективов — с интересами отдельной личности.

Согласно Программе партии идеалом развития сельского хозяйства считалось создание в конечном счете крупного социалистического земледелия. Единственным путем его организации объявлялось совершенно добровольное объединение тружеников деревни в те формы, которые им были ближе по их положению и сознанию. Поддерживая первые советские хозяйства и коммуны земледельцев (последняя форма объединения, являясь данью революции, в дальнейшем не оправдала себя ни в деревне, ни в городе), партия намечала широкое развитие различного рода товариществ и кооперативов. Она исходила из того, что мелкие и средние крестьянские хозяйства будут существовать еще долгое время и подходить к ним надо очень осторожно. Не только к бедняку, но и к середняку представители Советской власти, говорил Ленин, «не должны допускать ни малейшего принуждения при организации обобществленного труда». Программа требовала идти на уступки крестьянину «в определении способов проведения социалистических преобразований».

Экстремальные условия того времени, нетерпение, забегание вперед отразились в записанных в Программе представлениях о распределении материальных благ при социализме, о роли денег, банковского дела.

Торговля и деньги подлежали постепенному, но неуклонному и беспощадному искоренению. На них смотрели как на классового врага. Все общество предполагалось объединить «в единую сеть потребительских коммун», которые в строго централизованном порядке

должны снабжать население. Базу для их создания видели в существующей потребительской кооперации. Руководить коммунами будут пролетарии и полупролетарии, то есть бедное население. Банковские операции и банковский аппарат мыслилось превратить в органы учета и счетоводства, «в центральную бухгалтерию коммунистического общества».

Пройдет время, и Ленин, а затем и партия в целом будут по-иному смотреть на эти вопросы. Партия уточнит и многие другие, пока еще чисто теоретические представления коммунистов об обществе, которое они начали строить. Строить «по Марксу и Энгельсу», по предоктябрьским работам Ленина (см. «Государство и революция»). Сложность, противоречивость этих процессов и отразил VIII съезд РКП(б), внесший свой исторически обусловленный вклад в формирование концепции социализма. В то же время на практике строительство нового общества осуществлялось методами «военного коммунизма».

«Военный коммунизм»: суть и уроки

Раньше «военному коммунизму» в основном пели дифирамбы, сейчас многие публицисты предают его анафеме. В чем же дело и какова суть «военного коммунизма»? Он включал в себя одновременно и систему мер по военной защите революции, и способ строительства социализма, причем в тесной их взаимосвязи. «Военный коммунизм» — это продразверстка, национализация не только крупной, но и средней и даже части мелкой промышленности, запрещение торговли, рынка, свертывание денежного обращения. И одновременно: натурализация заработной платы, уравниловка, трудовая повинность. В управлении обществом, в проведении преобразований — «штурмовой» метод, прямой, непосредственный переход к коммунизму, строгая централизация и регламентация, военно-приказная система. Так, все члены партии объявлялись на военном положении, носили оружие, обучались стрельбе, без рассуждений должны были выполнять все приказания.

«Военный коммунизм» был рожден экстремальными условиями того времени: «крайней нуждой, разо-

рением и войной» (Ленин). Многим коммунистам, воспитанным в условиях революции и гражданской войны, казалось, что жесткая централизация, всемерное обобществление, военно-приказная система сократят путь к социализму. Одновременно «военный коммунизм» отражал старые представления о том, что с победой пролетарской революции утрачивает свое действие закон стоимости, отмирают товарно-денежные отношения, рынок, их место занимает прямой продуктообмен. Таковы две его стороны, два источника, которые всегда надо иметь в виду.

Оценивая «военный коммунизм» как временный способ защиты Советского Отечества, Ленин отмечал, что без него «победить помещиков и капиталистов в разоренной мелкобуржуазной стране мы не могли... Этот факт показывает также, какую роль лакеев буржуазии играли на деле меньшевики, эсеры, Каутский и К°, когда они ставили нам в вину этот «военный коммунизм». Его надо поставить нам в заслугу».

В то же время Ленин видел вынужденный характер этой политики, вызванной экстремальными условиями. К концу гражданской войны она переросла в метод управления всем обществом. Это полностью противоречило идеалам социализма. После окончания гражданской войны Ленин первый потребовал решительного отказа от такой политики. Тем более — как метода строительства социализма:

«В этом отношении мы очень много погрели, идя слишком далеко: мы слишком далеко зашли по пути национализации торговли и промышленности, по пути закрытия местного оборота. Было ли это ошибкой? Несомненно».

«Штурмовой» метод был пагубным и бесперспективным, ибо социализм без определенных этапов переходного периода, говорил Ленин, построить нельзя. Это займет много лет.

Можно ли, однако, как делают сейчас некоторые публицисты и даже историки, утверждать на этом основании, что разруха к концу гражданской войны явилась результатом политики «военного коммунизма»? Нет, здесь переставлены местами следствие и причина. Империалистическая, а затем гражданская война, экономическая и политическая блокада Советской России — вот что привело страну к разрухе.

И не только союзник

Большое место в работе VIII съезда заняло обсуждение крестьянского и военного вопросов. Они были органически связаны между собой и решались партией комплексно, смело, новаторски, ленинскими методами.

Середняк, получив после победы Великого Октября помещичьи земли, стал главной фигурой деревни. От его поведения в гражданской войне зависела судьба революции и контрреволюции. Кого поддержит он: Советскую власть или белогвардейских генералов, Колчака и Деникина? Первая дала землю, защищает от возврата помещиков, но теперь стала силой брать хлеб для рабочих и Красной Армии (нечем было платить), запретила рынок, торговлю, без которых среднее крестьянство не может нормально существовать, стала проводить принудительные мобилизации...

Колчак и Деникин разрешали свободно торговать, взвинчивать цены, драть с рабочих три шкуры, а значит, обогащаться. Но ни один из белогвардейских правителей не решал извечный крестьянский вопрос — не дал землю мужику; из-за их спины выглядывал помещик, а его сынки — белогвардейские офицеры на захваченных ими землях пороли крестьян.

«Крестьянин — это прежде всего хозяин,— говорил докладчик на крестьянской секции съезда председатель Пензенского губернского Совета В. В. Кураев.— Все его интересы, все его мысли пропитаны хозяйственными вопросами и землей... Мы должны заинтересовать его».

«К крестьянам надо подходить умеючи,— призывал делегат с Украины крестьянин Ф. Д. Панфилов.— Приедешь из города в деревню, тебя спрашивают: «Чего приехал сюда?» Говоришь: «Приехал устраивать ячейки, артели коммунистические». — «А ты керосину привез? А соли привез?» — «Нет». — «Ну так проваливай». Крестьянам нужно,— продолжал оратор,— чтобы на хлеб товары давали, чтобы понимали их нужды».

Ленин решительно заявил: «Насилие по отношению к среднему крестьянству представляет из себя величайший вред». «Действовать здесь насилием, значит, погубить все дело». Не только жить с ними в мире, но и учиться у крестьян, «и не сметь командовать!» Город должен помогать всячески им. Крестьяне пра-

вильно отвергают командование, «предписания» сверху. Надо завоевать доверие крестьян.

Съезд принял ленинскую резолюцию об отношении к крестьянству, предусматривающую заключение союза рабочих и средних слоев деревни. Это имело огромное значение для победы в гражданской войне, для строительства социализма в Советской России.

Могут ли военные управлять армией?

Классический урок марксистской диалектики, смелого революционного новаторства преподал съезд в решении военного вопроса.

Гражданская война и интервенция показали, что прежние теоретические и политические представления о вооруженных силах пролетарского государства с милиционной системой, добровольчеством, выборностью командного состава, децентрализацией, революционной партизанщиной, вполне оправдывавшиеся в первые месяцы после Октября, теперь полностью изжили себя. Это стало ясно уже летом 1918 г., когда Советская власть потерпела страшное военное поражение, отдав белогвардейцам и интервентам большую часть территории страны.

Тогда же началось строительство новой Красной Армии, не предусмотренное ни Программой, ни какими другими документами. Во многом шли ощупью, отмечал Ленин, пробовали так и этак, испытывали, отменяли негодное и снова пробовали, пока не получилось. Были заложены крепкие основы вооруженных сил пролетарского государства численностью в полтора миллиона человек. Создавалась массовая классовая армия путем мобилизаций, со строгой военной дисциплиной, централизованным управлением, с привлечением в нее на командные должности офицеров старой армии, которым давалось право решать оперативные вопросы. В армии действовал партийно-политический аппарат, руководимый военными комиссарами. Военкомы контролировали военных специалистов.

Итак, партия выполнила одно из кардинальных требований марксизма-ленинизма: надо исходить не из предвзятых доктрин, а из потребностей реальной жизни, смело пересматривать все, что устарело и отжило.

Однако было немало коммунистов (впоследствии их назовут «военной оппозицией»), которые не все принимали в этой политике. Шли споры о методах и способах строительства Красной Армии. На съезде большая группа делегатов, главным образом армейских, выступила с критикой военной политики партии, ее Центрального Комитета. Критиковались написанные Л. Д. Троцким тезисы ЦК по военным вопросам, а также работа возглавляемого им военного ведомства.

Чтобы всесторонне обсудить причины расхождений, ЦК РКП(б), Ленин сочли необходимым дать слово на съезде по военному вопросу делегатам, представлявшим разные точки зрения, досконально изучить его на военной секции. От Центрального Комитета с докладом выступил Г. Я. Сокольников (Троцкий в это время был на Восточном фронте), с содокладом от оппозиции — член реввоенсовета 5-й армии В. М. Смирнов.

Главное содержание «оппозиции» выразилось в лозунге: «Мы не можем отдать армию военным». Вначале на военной секции, затем на съезде разгорелся спор о роли офицеров старой армии.

Оппозиция использовала тот факт, что часть бывших офицеров, призванных в Красную Армию, изменяла Советской власти, переходила в стан врагов. Военные комиссары не всегда обеспечивали должный контроль военспецов, иной раз из-за недостаточной подготовленности сами подпадали под их влияние.

Однако нельзя согласиться с мнением, которое утвердилось в нашей литературе, будто «военная оппозиция» вообще выступала против старых военных специалистов. Вот что говорилось на военной секции, материалы которой до сих пор не публиковались.

«Никто не думает, что можно, как говорится, по-мужицки, по-дурацки, с топором идти против танков», воевать, не имея бронепоездов, пушек, «ничего, кроме программы, написанной Лениным» (Г. И. Сафаров, представитель 3-й армии).

«Мы их должны использовать, но не на командных должностях, а как консультантов, не давая им никаких командных прав» (А. Ф. Мясников).

«Мы сейчас остановились на том, что единоличного командования не может быть» (В. М. Смирнов).

Многие ораторы говорили:

«Красная Армия, которая строилась трудом и кро-

вью наших товарищей, должна находиться в руках коммунистов».

Некоторые делегаты настаивали, чтобы к армейским коммунистам применяли требования не военной, а партийной дисциплины, — эту позицию сторонники тезисов ЦК называли «партийным синдикализмом».

Недовольство оппозиции вызвала централизация не только военного дела, но и партийно-политической работы в вооруженных силах, назначение комиссаров и руководителей политотделов Всероссийским бюро военных комиссаров, возглавляемым К. К. Юреневым. «Оппозиционеры» требовали, чтобы всю политическую работу в армии взял на себя Центральный Комитет.

«ЦК должен сам назначать членов реввоенсоветов армий, руководить партийной работой в армии». (Делегат от 3-й армии Н. Г. Толмачев).

ЮРЕНЕВ: «Нельзя требовать, чтобы ЦК подменял военное ведомство». Признавая критику плохой работы центральных органов с комиссарами, он заметил: «В том-то и трагедия нашей революции, что она, оттолкнув интеллигентские слои, выбросив их за борт, совершенно не дала в области командования сколько-нибудь крупных талантов». В этом была доля горькой правды.

Ряд делегатов выступил против жестких методов руководства в армии, установленных председателем Реввоенсовета республики Троцким (одновременно он занимал пост народного комиссара по военным и морским делам). Действительно, Троцкий требовал отдавать под трибунал любого коммуниста, если он проявлял трусость, покидал поле боя, не выполнял приказы. Впрочем, другого выхода жестокая гражданская война не давала.

Ленин не критиковал на съезде Троцкого, фактически взял его под защиту. Позже он неоднократно указывал на недостатки Троцкого и руководимого им военного ведомства, но одновременно отмечал и большие заслуги в защите революции.

О конфликте с Троцким говорил председатель Царицынского Совета, политработник С. К. Минин. Дело в том, что осенью 1918 года, будучи в Царицыне, где Ворошилов командовал 10-й армией (а Минин был членом ее реввоенсовета), Троцкий очень нелестно отозвался о военных способностях командарма, гневно

писал Ленину о самоуправстве находившегося там с особыми полномочиями наркома по делам национальностей, члена ЦК И. В. Сталина. Он требовал:

«Категорически настаиваю на отозвании Сталина. На Царицынском фронте неблагополучно, несмотря на избыток сил. Ворошилов может командовать полком, но не армией в 50 тыс. солдат. Тем не менее я оставляю его командующим 10 Царицынской армией на условии подчинения командарму южфронта Сытину. До сего дня царицынцы не поставляют в Козлов даже оперативных донесений. Я обязал их дважды в день представлять оперативные и разведывательные сводки. Если завтра это не будет выполнено, я отдам под суд Ворошилова и Минина и объявляю об этом в приказе по армии...»

Всю дискуссию по военному вопросу пронизывала забота о том, что и как делать, чтобы средний крестьянин пошел в Красную Армию, а не «критиковал оружием» Советскую власть. Большинство видело выход в проведении той политики, которую намечал съезд по отношению к среднему крестьянству, в усилении воспитательной работы среди воинов-крестьян, в поднятии в них советского сознания, а не в принуждении, не в муштре.

После горячих трехдневных споров большинство военной секции проголосовало против тезисов ЦК. Окончательное решение перенесли на пленарное заседание съезда. Дискуссия продолжалась и там. Внимательно выслушав оппонентов Центрального Комитета, Ленин признал, что в работе военных органов есть ошибки, ЦК это знает, но утверждать, что военное ведомство проводит не политику партии, а какую-то свою, это величайшее заблуждение.

«На каждом заседании ЦК по каждому крупному вопросу стратегии,— не было ни разу, чтобы не было заседания ЦК, либо бюро ЦК, ни разу не было, чтобы мы не решали основные вопросы стратегии». Вскрывая ошибки оппонентов, он продолжал: «Подкладка в том, что старая партизанщина живет в вас, и это звучит во всех речах Ворошилова и Голощекина... Тов. Ворошилов говорит: у нас не было никаких военных специалистов и у нас 60.000 потерь. Это ужасно». (Отметим, что ленинские выступления с критикой «партизанщины» не были в годы культа личности включены в опубликованную стенограмму VIII съезда).

Ленин защищал линию партии на привлечение военных специалистов на командные посты, на создание строжайшей дисциплины в регулярной Красной Армии.

В защиту тезисов ЦК по просьбе Ленина выступил и Сталин (заметим, что он сам до этого был фактически в «оппозиции», особенно с ее царицынской частью, а теперь вынужден был, следуя за Лениным, выступить против нее. Его выступление на съезде позднее в тщательно отредактированном виде было опубликовано в четвертом томе сочинений, мы приводим текст по стенограмме). Он сделал акцент на железной дисциплине, на принудительных мерах:

«Я должен сказать, что те элементы, не рабочие, которые составляют большинство нашей армии — крестьяне, они не будут драться за социализм, не будут. Добровольно они не хотят драться...» Значит, их надо заставить силой — таков был вывод. «Оппозицию» Сталин обвинил в том, что их меры имеют целью подорвать дисциплину, дать облегчение крестьянским элементам, помешать сковать его (крестьянство.— Авт.) в единую дисциплинированную массу».

Вместе с тем Сталин высказал на съезде ряд правильных мыслей, в том числе об огромном значении политической работы в армии, о превращении Красной Армии в мощную революционную силу.

В конечном счете съезд одобрил военную политику ЦК. Но дискуссия вскрыла недостатки в военном деле, способствовала их устранению. В Красной Армии были устранены отжившие органы, созданы новые, более совершенные. При Реввоенсовете республики организовали политическое управление во главе с членом ЦК И. Т. Смилгой, Полевой штаб (Ставку). Политбюро дало указание Троцкому регулярно проводить совещания с армейскими партийными работниками.

VIII съезд РКП(б) стал ключевым этапом в борьбе партии за продолжение дела Октября, за построение нового, социалистического общества, в выработке ее политики на перспективу.

Двадцатые годы: в начале пути

Беседы о нашей истории

В беседе принимают участие сотрудники Института истории партии Ленинградского обкома КПСС — кандидат исторических наук А. А. КИРИЛИНА, доктор исторических наук Г. И. КОПАНЕВ, кандидат исторических наук Ю. С. КУЛЫШЕВ, доктор исторических наук Н. Б. ЛЕБЕДЕВА, кандидат исторических наук Ю. А. ЛИПИЛИН, кандидат исторических наук И. М. ШИШКИНА, кандидат экономических наук В. И. СЕКУШИН.

Возобновляя прерванный полет

— СРЕДИ всех периодов нашей послеоктябрьской истории 20-е годы вызывают сегодня едва ли не самый большой интерес. А ведь совсем недавно в учебниках истории, в научных трудах им отводилось весьма скромное место. В чем тут дело?

КОПАНЕВ: — Сейчас мы признаем, что построили социализм с деформациями и наслоениями. Чтобы вскрыть истоки этих деформаций, надо разобраться в том, что происходило именно в 20-е годы. Иначе, скажем, не понять сущности нэпа, живучести «военного коммунизма», отчуждения непосредственного производителя материальных благ от самой собственности.

КИРИЛИНА: — К тому же этот период недостаточно изучен исторической наукой, зачастую тенденциозно подавался. Правда, это не столько вина историков, сколько их беда. Ведь большинство материалов 20-х годов было закрыто не только для широкой публики, но и для специалистов. И архивы, и работы Н. И. Бухарина, Г. Е. Зиновьева, Л. Д. Троцкого — все это было недоступно. Между тем без изучения, например, работ Бухарина, Зиновьева трудно разобраться в таких вопросах, как отношение к крестьянству, нэпу, внутривнутрипартийных отношениях.

КОПАНЕВ: — К сожалению, широкого доступа к очень многим материалам нет и сейчас. Хотя с высоких трибун немало слов сказано о необходимости перемен в архивном деле.

— Иной раз проводят прямые параллели между нашим этапом развития социализма и периодом нэпа. Насколько такое сравнение правомерно?

ЛИПИЛИН: — Можно сказать, что мы в какой-то мере возвращаемся к тому рубежу, с которого начались деформации. Нам как бы нужно возобновить прерванный полет.

КИРИЛИНА: — Но прямые аналогии, конечно же, антиисторичны. Все значительно сложнее. Перестройка происходит на новом витке экономического, политического и культурного развития.

СЕКУШИН: — Нельзя забывать и условий того периода. Только что закончилась гражданская война, интервенция. Ведущие капиталистические державы не желали признавать Советскую Россию. Республика жила в условиях экономической блокады. Отсюда — естественное состояние конфронтации. Во второй половине 80-х годов складывается совсем иная внутренняя и международная ситуация.

ШИШКИНА: — И все же мы можем говорить и о том, что является общим для обоих периодов. И тогда существовала, и сейчас есть необходимость перемен в методах управления экономикой и общественными процессами. Тогда, к концу гражданской войны, разразился экономический и политический кризис. В середине 80-х — налицо явная предкризисная ситуация в экономике, исчерпание возможностей командно-административной системы руководства.

СЕКУШИН: — Для нас сегодня, как и в те годы, характерно разнообразие форм развития экономики. Создаются, скажем, совместные предприятия с западным капиталом, развиваются кооперативы, аренда и т. п. А в 20-е годы, в период нэпа, довольно быстрое восстановление экономики, ее рост происходили на базе многоукладной экономики, т. е. использования различных типов и форм хозяйства.

ЛЕБЕДЕВА: — Не будем забывать и о негативном опыте тех лет. Развивались и взяточничество, и коррупция. Достаточно вспомнить хозяйственников, которые продавали кооператорам сырье в ущерб своим предприятиям.

ЛИПИЛИН: — Согласен с вами, но, на мой взгляд, нас прежде всего должны интересовать развивавшиеся тогда положительные процессы. Потому что, если мы

говорим, что 30-е годы были связаны с деформациями, то искажался-то как раз тот облик социализма, который начал формироваться в 20-е годы, особенно в первой их половине.

— Что же прежде всего определяло этот облик?

КУЛЫШЕВ: — С моей точки зрения, стремление к преодолению военных методов руководства страной, к переходу на экономические методы хозяйствования. В. И. Ленин говорил по этому поводу, что время показало несостоятельность попыток управлять страной на основах «военного коммунизма».

ШИШКИНА: — «Военный коммунизм» вызвал к жизни продразверстку в деревне, строгую централизацию всех ресурсов, форсированную национализацию не только крупной и средней, но и мелкой промышленности, ликвидацию свободной розничной торговли...

КУЛЫШЕВ: — В то же время я хотел бы напомнить известные слова Ленина о том, что «военный коммунизм» нужно ставить не в вину большевикам, а в заслугу. Не существовало тогда других методов для того, чтобы мобилизовать экономику для отпора врагу. Партия в то время была по существу милитаризована — партийные мобилизации стали обычным явлением. Утвердилась система боевых приказов.

ЛИПИЛИН: — Вы говорите, что командные методы были вызваны к жизни условиями гражданской войны. Тогда вопрос: почему к ним вернулись вновь в мирных условиях? Мне кажется, причина также и в определенных теоретических предпосылках, в умонастроениях.

КУЛЫШЕВ: — Возможно, если бы к руководству страной пришло другое лицо, а не Сталин, с другим окружением, практика «военного коммунизма» не возродилась бы. Методы же Сталина были хорошо известны еще с Царицынского фронта, с 18-го года. Да и в Петрограде в 1919 году вел он себя грубо, навязывал свое некомпетентное мнение, нарушал решения партии о сотрудничестве с военспецами.

— Простите, но разве субъективный фактор мы должны сводить только к личности Сталина и его окружения?

СЕКУШИН: — Безусловно, его надо понимать шире. И как мировоззрение, и как общий уровень представлений людей, их культуры. Их понимания тех проблем, которые перед ними возникают.

— Это касается партии в целом, широких слоев людей?

КИРИЛИНА: — Да, я думаю, так можно сказать.

ШИШКИНА: — Безусловно, политика «военного коммунизма» формировалась под влиянием тех представлений о социализме, которые разделялись достаточно широким кругом партийных работников и рядовых участников событий.

КИРИЛИНА: — Не будем забывать, что классики марксизма не детализировали вопроса о том, как будет создаваться социализм, а затем коммунизм. Но они предполагали, что после победы социалистической революции товарно-денежные отношения не будут использоваться, а будет существовать система прямого распределения и обмена, продуктообмена между городом и деревней. На такой же точке зрения до победы Октября стоял и Ленин.

Гражданская война усугубила подобного рода представления широкой массы коммунистов, потому что тогда волей-неволей пришлось перейти к системе прямого, очень жесткого распределения крайне ограниченного количества продуктов.

СЕКУШИН: — Я бы добавил, что, с точки зрения управления, командные методы, военная система наиболее понятны. Здесь существует иерархия приказов, распоряжений, при которых ты, собственно говоря, не обязан думать, а должен выполнять. И это соответствовало распространенному представлению о социализме, как о сверхмонополии, цель которой — благо всего народа.

Многие директора заводов пришли в народное хозяйство после гражданской войны. Они были воспитаны именно на такой системе. Попадая в условия нэпа, когда нужно было работать экономическими методами, они оказывались в положении человека, впервые приехавшего к морю и не умеющего плавать. Что там говорить, по ряду элементов капитализм возрождался. Прибыль, хозрасчет, цена — не всем уровень подготовки позволял как следует разобраться в этом. Доступнее были командные методы.

— Конструируя новую экономическую политику, развивая в последних своих работах теорию строительства социализма, В. И. Ленин высказывает взгляды, заметно отличавшиеся от существовавших, скажем, до семнадцатого года. Можно ли сказать, что партия приняла и поняла их?

ЛИПИЛИН: — Нэп был своеобразной революцией.

Низы уже не хотели жить по-старому, а верхи уже не могли руководить по-старому. Но естественно, что многие в партии, привыкнув на войне отвечать ударом на удар, силу противопоставлять силе, считали, что нужно и теперь власть употребить, покончить, в частности, с крестьянскими протестами с помощью оружия. Похоже, верхи партии, хотя и во многом односторонне, понимали, что надо менять систему управления. И если Ленин говорил о спокойном прохождении идеи налога вместо продрозверстки, то он имел в виду прежде всего эти верхи. А вот на местах далеко не все коммунисты приняли нэп, не все поняли его.

КИРИЛИНА: — После гражданской войны, по словам Ленина, происходит коренное изменение всей точки зрения на социализм, методы его построения. Начинается переход от административных способов регулирования экономики к использованию товарно-денежных отношений. Да и в последних своих работах Владимир Ильич многие вопросы ставит иначе, чем даже на X съезде.

СЕКУШИН: — Такова динамика развития ленинских взглядов.

КИРИЛИНА: — Верно, но партия оказалась в значительной степени не подготовлена к такой их эволюции, к тому, чтобы усвоить новые ленинские идеи.

ЛЕБЕДЕВА: — Давайте прямо говорить: последние ленинские работы не популяризировались. Я, например, в газетах той поры не встречала, чтобы они широко публиковались, рекомендовались к изучению, чтобы разъяснялись их положения. Для широких масс они остались закрытыми.

КИРИЛИНА: — Более того, ведущие теоретики, идеологи партии интерпретировали Ленина так, как им было в данный момент удобней, так, чтобы укрепить свои позиции. В последнее время я много занималась изучением работ Г. Е. Зиновьева. В значительной степени они сводятся к цитированию Ленина. Причем выбирались цитаты, работавшие на Зиновьева. Это — урезанная ленинская позиция.

А как отмечались первая и вторая годовщины смерти Ленина! В газетах помещалась общая статья, затем шли воспоминания и какие-либо общеизвестные работы Владимира Ильича дооктябрьского или октябрьского периода. Словно потом и не было ничего.

«Не смей командовать крестьянством!»

— Что собой представляли Петроград и губерния в начале 20-х годов?

ШИШКИНА: — О положении в стране в тот период Ленин говорил, что оно «больше всего похоже на состояние человека, которого избили до полусмерти: семь лет колотили ее, и тут, дай бог с костылями двигаться!». Не было исключением и Петроград.

В городе к 1921 году по сравнению с 1916 осталось меньше трети населения — 770 тысяч человек. Жители покидали его в первую очередь из-за того, что не хватало продовольствия и топлива. Остановились десятки предприятий, в том числе Путиловский и Ижорский заводы. К началу 1922 года действовало лишь 12% заводов и фабрик, а выпуск их продукции составлял около 13% от уровня 1913 года. Число рабочих в питерской промышленности сократилось с 234 тысяч в 1914 году до 91 тысячи в 1921-м.

Острой оставалась и ситуация в губернии. Уменьшилось ее население. Посевные площади и поголовье скота с 1917 по 1920 гг. сократились почти на 30%. План продрозверстки в 1920/21 хозяйственном году по хлебу удалось выполнить немногим более чем наполовину. По другим видам сельскохозяйственной продукции дело обстояло еще хуже.

КОПАНЕВ: — В земледелии осуществлялась кавалерийская атака на капитал. Созданные летом 1918 года комбеды, кроме обеспечения города и армии продовольствием, проводили и некоторые социалистические преобразования в сельском хозяйстве. В губерниях Северной области (Петроградской, Псковской, Новгородской, Олонецкой, Северо-Двинской, Череповецкой и части Архангельской) уже к концу 1918 года было создано свыше тысячи сельскохозяйственных коммун, артелей и товариществ — преимущественно на землях бывших помещичьих имений. Большинство созданных колхозов находилось в Петроградской губернии.

Ленин внимательно следил за развитием событий в деревне. Заметив, что на местах все более открыто допускается произвол, он решительно заявил: «Не смей командовать крестьянством!»

ШИШКИНА: — Главной причиной разразившегося

ся в стране кризиса как раз и стало резкое недовольство крестьянства продразверсткой.

КУЛЫШЕВ: — Наиболее мощным выступлением против политики «военного коммунизма» был Кронштадтский мятеж, хотя подобные события происходили и на Украине, и на Кавказе, и на Тамбовщине.

Ведь Балтийский флот в 1921 году был уже не тот, что в дни Октября. Выходцы из крестьянской среды составляли здесь большинство. Впрочем, как и в гарнизоне Кронштадтской крепости. Такой факт: в докладах Политотдела флота Реввоенсовету республики отмечалось, что матросы жалуются не на свои трудности, а на проблемы жизни в деревне, откуда они получали письма. Так что причину мятежа надо искать прежде всего в экономике.

И здесь, наверное, надо вспомнить, что в начале февраля Ленин написал проект тезисов о продналоге. Думаю, если бы их суть стала известна матросам, вполне вероятно, что события в Кронштадте не приняли бы такого трагического, такого кровавого характера.

Начался мятеж с митинга, на который собрались 15 тысяч человек. Из Петрограда прибыл М. И. Калинин, но он не смог повлиять на ход событий. Группа матросов во главе со старшим писарем линкора «Петропавловск» С. Петриченко выступила с лозунгом «Да здравствуют Советы, но без коммунистов». Был создан так называемый «ревком» мятежников.

— А какова была роль эсеров, меньшевиков? Ведь раньше акцент в анализе причин мятежа делался на их деятельности.

КУЛЫШЕВ: — Они вели активную работу среди восставших. Просто нам нужно не забывать, что именно экономический фактор оказался решающим.

В Кронштадте действовала также группа бывших царских офицеров во главе с А. В. Козловским, и среди них — прежние командиры стоявших в гавани крепости линкоров «Петропавловск» и «Севастополь». Судя по всему, к мятежу оказались причастны и иностранные разведки, поскольку в зарубежных газетах уже в начале февраля, то есть до мятежа, появились сообщения о восстании кронштадтских моряков.

Что касается кронштадтских большевиков, то они сначала поддержали мятеж, а затем, разобравшись что к чему, повели подпольную работу. Многие из них вскоре оказались в тюрьме, причем наиболее активных во главе

с героем гражданской войны Н. Н. Кузьминым мятежники собирались расстрелять в ночь с 17 на 18 марта. Достоинно внимания, что в эту ночь большевики в тюрьме выпустили стенгазету, которая называлась «Красный смертник». Удивительного мужества были люди. Мятежники не посмели их расстрелять.

— Известно, что первый штурм Кронштадта, состоявшийся 7—8 марта, провалился. Почему?

КУЛЬШЕВ: — Руководил им Троцкий, которого в военных делах отличал безмерный авантюризм. Он бросил курсантов на Кронштадт практически без всякой подготовки. Весь лед был устлан телами погибших. Их убирали матери, жены, невесты.

ЛИПИЛИН: — Было опубликовано правительственное решение об объявлении Козловского и его сподвижников вне закона.

КУЛЬШЕВ: — Троцкий же издал приказ о том, что только «безусловно сдавшиеся» мятежники могут рассчитывать на помилование.

ЛИПИЛИН: — И эта формула предопределила, с одной стороны, ожесточенное вооруженное сопротивление — оно и началось после приказа Троцкого, а с другой — наказания без суда и следствия, массовые казни.

КУЛЬШЕВ: — Из Москвы, где проходил X съезд РКП(б), вернулась петроградская делегация. С ней вместе приехали еще около трехсот делегатов. Прибыл и М. Н. Тухачевский, назначенный командующим 7-й армией.

ШИШКИНА: — Вся власть в Петрограде и губернии, где было объявлено осадное положение, перешла к Военному совету (Комитету обороны города). Уже к 4 марта в части Всеобуча было призвано 1.376 коммунистов и 572 комсомольца. В отряд профсоюзов вступило 400 человек.

КУЛЬШЕВ: — Кронштадт представлял собой мощнейшую морскую крепость. В боевых действиях первой мировой войны он не участвовал, и в казематах хранилось громадное количество боеприпасов. Тридцать четыре батареи — в основном крупнокалиберные — прикрывали подходы к острову Котлин. На льду перед крепостью мятежники поставили вооруженные пулеметами блокгаузы. Глубокие железобетонные казематы надежно укрывали гарнизон от артиллерийского огня любого калибра.

Ситуация неожиданно осложнилась с прибытием под Кронштадт 27-й Омской дивизии, прославившейся в боях на Восточном фронте. Красноармейцы, среди которых большинство опять же составляли крестьяне, отказались участвовать в штурме, заявив, что против братьев-матросов они воевать не станут. Они снялись с позиций и двинулись к Петергофу.

Навстречу им были брошены делегаты X съезда и курсанты. Дивизию остановили. Состоялся грандиозный митинг. На нем выступил начальник дивизии герой гражданской войны В. К. Путьна. Солдатам была разъяснена новая политика партии в отношении крестьянства, суть перехода от продрозверстки к продналогу. Видимо, это и сыграло решающую роль. Дивизия приняла участие во втором штурме Кронштадта, состоявшемся в ночь с 17 на 18 марта.

Кронштадт отчаянно защищался. На улицах города завязались рукопашные бои. Штурмовавшие потеряли убитыми больше пятисот человек и ранеными около полутора тысяч. Мятежники потеряли свыше тысячи человек убитыми и около двух тысяч ранеными. В плену оказалось не менее двух с половиной тысяч.

— Но были и другие жертвы.

КУЛЬШЕВ: — Да. Сохранились воспоминания матроса линкора «Петропавловск». В них в частности, говорится, что, узнав о подавлении восстания, матросы собрались на митинг и приняли резолюцию: кто чувствует себя виновным перед Советской властью, пусть уходит в Финляндию, а у кого совесть чиста, пусть остается на корабле. Всего в Финляндию ушло примерно 8 тысяч участвовавших в мятеже матросов. Остальные же составили винтовки в пирамиды, надраили немывшиеся на протяжении всего мятежа палубы. Сумели они предотвратить и взрыв корабля, который готовили офицеры.

Через некоторое время на палубу поднялись курсанты. Матросов сначала заставили убрать трупы со льда, а затем отправили строем в Ораниенбаум и Кронштадт, где уже работали особые тройки. По их приказу без суда и следствия было казнено 3 тысячи матросов и 400 кронштадтских коммунистов: людей выводили пятерками и расстреливали.

— Были ли обоснованы эти жесткие меры?

КУЛЬШЕВ: — Нет. В. И. Ленин считал, что с главарями нужно расправляться беспощадно, с массой же

решать вопрос политическими методами. Поэтому расстрел по решению ревтрибунала 15 захваченных руководителей мятежа — оправданная мера социальной защиты. А вот казнь 3 тысяч рядовых матросов и коммунистов оправдать нельзя. Они ничего не имели против Советской власти. Они выступили против продрозверстки, против тяжелого положения в деревне.

ЛЕБЕДЕВА: — Уже давно не цитировались эти ленинские слова, а ведь он говорил о «несчастных кронштадтцах». Он понимал, что для них случившееся было трагедией.

КУЛЫШЕВ: — В том же 1921-м году ушедшие в Финляндию матросы стали возвращаться в Россию. Поначалу Петроградским губкомом партии были приняты довольно лояльные по отношению к ним решения: усилить агитационную и воспитательную работу среди матросов и т. п. Но вот не так давно мне довелось познакомиться с документом, в котором Губком просит ГубЧК куда-нибудь «убрать» этих матросов. А куда могла убрать их ЧК? В районе Холмогор был построен специальный лагерь для кронштадтцев.

СЕКУШИН: — Но к 7 ноября 1922 года Губком принимает постановление о том, чтобы отправить в лагерь комиссию, посмотреть, как живут там люди, и положительно решить вопрос об их возвращении. Так и было сделано. Матросы стали возвращаться домой.

Возрождение экономики

— Мы говорили в основном о настроениях в крестьянских массах. А какая же обстановка сложилась среди рабочих?

ШИШКИНА: — Прежде всего давайте сразу подчеркнем, что изменился состав рабочих города. На питерских предприятиях работало все больше выходцев из деревни, заменивших кадровых рабочих, которые участвовали в революции, в гражданской войне, посылались на советскую и хозяйственную работу в разные уголки страны. Все это привело к частичному деклассированию и распылению питерского пролетариата.

Продовольственное положение было необычайно острым. В 1921 году некоторое время рабочие получали не более чем полфунта (200 г) хлеба в день. По просьбе Губкома РКП(б) в Петроград из Москвы для улучшения продовольственного снабжения был возвращен видный

партийный работник А. Е. Бадаев, который руководил продовольственным делом в городе в предыдущие годы. На эту работу мобилизовывались многие коммунисты.

СЕКУШИН: — Положение с продовольствием было настолько трудным, что 7 декабря 1921 года на заседании Губкома для улучшения снабжения продуктами рабочих предлагалось немедленно начать продажу железного лома за границу, а также учесть ценности, в том числе картины, дабы затем обменять их на хлеб.

В 1922 году, хотя позади уже остался известный период развития нэпа, хозяйственное положение оставалось крайне острым. Не хватало сырья, топлива, продовольствия. И вот здесь мне бы хотелось коснуться вопроса о забастовках и «волынках». В прошлом он, мягко говоря, обходился стороной. А если уж что-либо говорилось, то вся вина тут же возлагалась на эсеров и меньшевиков, которые подталкивали рабочих к выступлениям против Советской власти.

Правда ли это? Да, конечно, но это не вся правда. Главным, определяющим было именно бедственное положение людей. Предприятия переходили на частичную работу, сокращались штаты — рабочие оказывались на улице. Существовало недовольство низкими тарифными ставками, высокими ценами на рынке. Прямо нужно сказать: рабочие не имели достаточного прожиточного минимума. Не лучше жилось и служащим. К примеру, милиционер, то есть совслужащий, получал от 1,5 до 4 миллионов рублей в месяц — с учетом инфляции, а на рынке фунт хлеба стоил 35 тысяч рублей, масла — 400 тысяч, сахара — около 300 тысяч.

Вот вам главная причина забастовок и «волынок». О том же свидетельствует такой красноречивый факт. Как только на государственных предприятиях в июне задержали зарплату за май, сразу — забастовки. Как только деньги выдавались — никаких забастовок.

«Волынки» и забастовки проходили и в 1921 году, и в 1922 году — весной, а затем летом. В августе, например, их состоялось 7, причем 3 — на «Скороходе». А всего в 1922 году забастовок и «волынок» в Петрограде состоялось больше, чем в 1908 году.

ЛЕБЕДЕВА: — Нельзя забывать, что в 1921-м разразился голод в Поволжье. Его последствия не могли не сказаться и на Петрограде. Возьмите даже такой вопрос: многие церковные ценности ушли за границу для закупки

хлеба голодающим. Но ведь вырученные средства при иных обстоятельствах могли пойти на закупку сырья, в котором нуждалась промышленность.

СЕКУШИН: — В 22-м в Петроград приехало из районов, пораженных неурожаем и голодом, около 28 тысяч человек. Им оказывалась всяческая помощь. Правда, были единичные случаи, когда на предприятиях единогласно проходили резолюции с отказом отчислять деньги и средства голодающим Поволжья — свое собственное тяжелейшее положение застигло людей, а это, как правило, были женщины, глаза.

ЛЕБЕДЕВА: — Есть, на мой взгляд, и еще одна важная причина возникновения забастовок. В начале двадцатых годов ставился вопрос о свертывании целого ряда питерских заводов, об их переводе в Москву, в Нижний Новгород, другие промышленные центры. Это не могло не отразиться на и без того плохом их снабжении сырьем и топливом, а главное — грозило ростом безработицы, что тоже способствовало созданию нестабильной обстановки в рабочей среде, становилось причиной недовольства.

СЕКУШИН: — Серьезные трудности возникали с получением заказов для промышленности города. На губпартконференциях не раз заходил разговор об этом. И, надо признать, велика была заслуга Зиновьева в том, что их все-таки удавалось получать.

Приведу буквально пару примеров. В Петрограде было сосредоточено примерно 3/4 мощностей судостроительной промышленности, а 3/4 заказов по судпрому отдается южным заводам. «Светлана» располагала мощностями для выпуска 18 миллионов лампочек в год, однако вместо того, чтобы предоставить ей заказ, в Москве строится завод на 9 миллионов лампочек. Шла настоящая борьба за заказы.

ЛЕБЕДЕВА: — В силу того, что заказов не хватало на всех, Невский завод, например, был переведен на строительство и ремонт паровозов, хотя раньше строил суда.

В этой связи хотелось бы обратить внимание вот на что. Сейчас нет-нет да приходится слышать, что нэп изжил сам себя, что появились негативные тенденции, которые свели его на нет. Но если всерьез проанализировать ситуацию тех лет, в частности практику взаимоотношений между трестами и заводами, то нужно учесть

и то, что нэп получил в наследство от «военного коммунизма» и не успел изжить до конца. Это такие явления, как главкизм, как мелочная опека предприятий центром, как, например, бюрократизм, т. е. то, что мешает нам жить и поныне.

— И все же нэп привел к значительным сдвигам в экономике.

СЕКУШИН: — Безусловно. Промышленность Петрограда восстанавливалась завидными темпами. К 1925 году она составляла более 80% от уровня 1913 года.

КОПАНЕВ: — Инициативней, оборотистей в хозяйственном смысле стало в период нэпа и крестьянство. В Петроградской губернии широкое развитие получила снабженческо-сбытовая и промысловая кооперация. Благодаря нэпу возрождались крестьянские хозяйства. И уже в 1921/22 хозяйственном году, хотя план по продналогу в губернии был выполнен лишь на 90%, рост объема продукции оказался значительным.

По сравнению с 1920—1921 хозяйственным годом было заготовлено ржи на 80%, масла — в 9 раз, яиц — в 3,5 раза больше. В ноябре 1921 года была отменена карточная система на продовольствие.

КИРИЛИНА: — В 1925 году Путиловский завод выпускал около 100 тракторов «Фордзон-Путиловец» в месяц. Были восстановлены почти все крупнейшие предприятия легкой промышленности. Ставился вопрос о перевооружении судостроительной промышленности, Ижорского и Металлического заводов. В Ленинграде не так остро, как в других городах, к середине 20-х годов стоял вопрос о безработице.

Многое делалось для решения социальных вопросов, для развития культуры. Вот мы привыкли говорить, что реконструкция Московской и Нарвской застав осуществлялась в 30-е годы. Но проекты разрабатывались и более того — широко обсуждались — в 1925 году. Тогда же начали создаваться Дворцы культуры.

Мы не погрешим против истины, если скажем, что немалая заслуга в этом принадлежала партийному и советскому руководству города. Во главе Петросовета Ленсовета тогда стоял Зиновьев, член Политбюро ЦК РКП(б). Этого нельзя замалчивать, если мы хотим понять причины последующего развития событий.

* *
*

Участники беседы затронули лишь отдельные аспекты, фрагменты процессов, происходивших в 20-е годы. Но на этом разговор о том периоде нашей истории не заканчивается. Он будет продолжен.

Публикацию подготовил
П. РАШЕВСКИЙ

Ленинградская правда. 1989. 2 марта.

Ленин и Коминтерн

В марте 1989 г. исполнилось 70 лет со дня основания Коммунистического Интернационала. Он объединял все коммунистические партии мира и действовал до лета 1943 года. Коминтерн сыграл большую роль в развитии международного коммунистического движения, в организации борьбы трудящихся против капиталистической эксплуатации, против империалистической реакции, фашизма и военной опасности.

Инициатором создания Коминтерна, его вождем, заложившим основы и разработавшим принципы коммунистического движения, был В. И. Ленин.

О ленинском этапе деятельности Коминтерна в беседе с корреспондентом «Правды» рассказывают ученые Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — доктор исторических наук, профессор Л. М. Минаев, доктора исторических наук Ф. И. Фирсов и К. К. Шириня.

Материал публикуется под редакцией директора ИМЛ при ЦК КПСС академика Г. Л. Смирнова.

Под воздействием Октября

— Наверное, первый вопрос, который возникает у наших читателей: почему мы сегодня обращаемся вновь к истории Коминтерна? Только лишь по случаю его 70-летия? Или есть настоящая потребность прочитать по-новому эти страницы в летописи международного коммунистического движения?

— О Коминтерне написано много, и все же сейчас, разумеется, не только в связи с юбилеем, необходимо вернуться к его истории. Прежде всего — к ленинскому этапу его деятельности. Вернуться для того, чтобы восполнить пробелы, вызванные умолчаниями и искажениями времен культа личности и последующих лет. И, может быть, в первую очередь для того, чтобы ответить на многие вопросы, вызывающие дискуссии и споры у нас и за рубежом.

Надо сказать, споры вокруг Коминтерна по существу никогда не утихали. Ленина, большевиков обвиняли в том, что созданием III Интернационала, получившего название Коммунистического, они раскололи рабочее движение и создали организацию, действовавшую исключительно в «интересах Москвы».

Сегодня к прежним спорам и оценкам прибавились новые. Особенно острый характер носят дискуссии вокруг того периода, когда деятельность Коминтерна жестко

направляли Сталин и его ставленники в Исполкоме Коммунистического Интернационала. Это были драматические, порой трагические страницы в истории Коминтерна, в судьбе ряда компартий, их руководителей. Мы к этому вернемся в следующих публикациях.

Но немало и, прямо скажем, огульной критики, попыток перечеркнуть всю историю III Интернационала. Выхватывая отдельные цитаты из программных документов Коминтерна, из выступлений Ленина, других деятелей, нередко пытаются абсолютизировать их, оторвать от конкретной исторической обстановки. Приписать коммунистам-интернационалистам некие «разрушительные» идеи и действия, которые, дескать, препятствуют и сейчас единству в борьбе за демократию, за общечеловеческие интересы.

Что можно сказать по этому поводу? Не имеет смысла «обвинять» или «оправдывать» историю и переделать ее нельзя, она уже состоялась, пошла тем или иным путем — под влиянием конкретных обстоятельств, противоречивого, сложного противоборства различных сил, факторов, действий народных масс, партий, исторических лиц. Историю можно и нужно изучить, понять, объяснить, извлечь из нее уроки, имеющие значение и для настоящего, и для будущего. Все это в полной мере относится и к страницам истории Коминтерна. Ее правдивый анализ — объективная необходимость.

— Какова же была конкретно историческая обстановка, когда создавался Коммунистический Интернационал?

— Решающее воздействие на обстановку в мире оказала Октябрьская революция в России. Свержение власти буржуазии, установление политической власти рабочего класса в интересах строительства нового общества, революционный выход из империалистической войны — вот чем был для трудящихся всего мира притягателен пример нашей страны. Рабочее движение в Европе переживало небывалый подъем. В Германии и Австро-Венгрии разразились революционные грозы, и эти прежде могучие империи рухнули. Для буржуазии это были дни страха и тревоги. Приведем характерное признание премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа. 25 марта 1919 г. он писал французскому премьеру Ж. Клемансо и президенту США В. Вильсону: «...вся Европа насыщена духом революции. Глубокое чувство не только недовольства, но гнева и возмущения царит в рабочей среде про-

тив условий, существовавших до войны. От одного конца Европы до другого больше не удовлетворяет массы весь современный строй с его политическим, социальным и экономическим укладом».

Согласитесь, это — красноречивое свидетельство.

Сейчас, конечно, можно вести дискуссии, рассуждать, о том, насколько зрелыми были объективные и субъективные предпосылки для социалистической революции в той или другой стране. Но тогда пролетарские революционеры увидели в подъеме рабочего движения великий исторический шанс для победы над буржуазией. Они исходили из убеждения, что началась новая эпоха, переход от капитализма к социализму, и в этой обстановке необходимо объединение революционных сил рабочего класса.

Кто же был способен выступить руководителем пролетариата в нараставших революционных битвах? Старые социал-демократические партии II Интернационала?

Известно, что Ленин не отрицал заслуг II Интернационала в организации и сплочении рабочего класса, в пропаганде идей социализма. В начале XX века он считал, что в рамках II Интернационала, несмотря на рост социал-реформистской тенденции, все еще сохранялась возможность перегруппировки сил, преодоления буржуазного политического и идеологического влияния на рабочее движение. Однако с началом первой мировой войны большинство партий II Интернационала перешло на позиции социал-шовинизма. Их лидеры проголосовали за военные кредиты, провозглашали необходимость «защиты отечества», «гражданского мира» между классами, помогали господствующим классам гнать на войну солдатские массы. Они отказались от прежних интернационалистских, антивоенных решений. Это и вызвало идейно-политический крах II Интернационала, привело к расколу в рабочем движении между социал-реформистами и революционерами.

Нет, эти партии не могли стать во главе революционного движения в новых условиях. Нужна была иная организация — ею стал III, Коммунистический Интернационал.

Надо отметить, что В. И. Ленин еще в начале первой мировой войны увидел: для революционной борьбы против империалистической бойни и руководства этой борь-

бой необходимо размежевание с оппортунистами и создание нового Интернационала. Он разрабатывает идейно-теоретические основы новой международной организации и всего коммунистического движения. Принципиальное значение имели ленинские работы об империализме, творческое развитие им марксистского учения о социалистической революции, вывод о возможности победы пролетарской революции первоначально в одной, отдельно взятой, стране, а также его учение о пролетарском государстве, о партии нового типа.

В то же время Ленин, большевики, интернационалистские элементы других рабочих партий добивались сплочения революционных сил в международном рабочем движении — об этом свидетельствовали два международных совещания интернационалистов — в Швейцарии в Циммервальде (1915 г.) и в Кинтале (1916 г.). В конце 1918 г. в ряде стран образовались первые коммунистические партии, провозгласившие своей целью борьбу за победу социалистической революции. С возникновением этих партий, благодаря их стремлению к объединению своих усилий в международном масштабе сложились политические и организационные предпосылки для создания III Интернационала. I конгресс его состоялся 2—6 марта 1919 г. в Москве.

По замыслу основателей Коминтерна, он был призван всемерно содействовать объединению пролетариев всех стран для революционного натиска на капитал, разрабатывать научно обоснованную стратегию и тактику коммунистического движения, помогать созданию и развитию компартий, способных руководить борьбой трудящихся, вести борьбу с социал-реформизмом в рабочем движении.

Отметим, что III Интернационал строился на принципах демократического централизма. Это позволило, как считал Ленин, обеспечить единство действий партий и их равноправное коллективное участие в выработке совместной политики. Видные деятели Коминтерна, представители входивших в него партий считали в тех условиях особенно важной централизацию усилий коммунистов. Они рассматривали Коминтерн как Интернационал революционного дела, способный немедленно включиться в общественную борьбу, как фактор, двигающий революцию.

— Стоит, очевидно, напомнить и о судьбе «старого», II Интернационала. Насколько известно, его вожди не хотели признать, что II Интернационал был сам, что называется, побежден и взорван изнутри социал-шовинизмом. Чему учит история его краха?

— История убедительно доказала гибельность отступлений от принципов пролетарского интернационализма. И мы вспоминаем об этом сегодня прежде всего потому, что на современном этапе особое значение вновь приобретает единство трудящихся в борьбе за мир, против военной угрозы. У всех рабочих, у всех трудящихся, независимо от того, состоят ли они в каких-либо политических партиях, коренные интересы общие. Все хотят прочного мира, безопасности, улучшения материальных условий жизни, расширения социальных прав, укрепления демократии, повышения культурного уровня людей. И потому заинтересованы не в возрождении споров, чувств недоверия или вражды, а напротив — в том, чтобы устранить все, что разъединяет различные политические течения трудящихся, шире открыть двери для сближения и сотрудничества.

О лозунге мировой революции

— Мы вольно или невольно смотрим на историю с позиций дня сегодняшнего, современным взглядом. Это, конечно, упрощает нашу задачу: сегодня мы уже знаем, что из того, о чем мечтали основатели Коминтерна, осуществилось, что не было реализовано. Но это и затрудняет объективное понимание реальностей, психологии людей того времени, их настроений, взглядов. Как можно сейчас оценить, к примеру, едва ли не самый распространенный в то время, особенно в 1918—1923 гг., лозунг «мировой пролетарской революции»? Могла ли она победить?

— На конгрессах Коминтерна некоторые ораторы неизменно заканчивали свои доклады и речи лозунгом «Да здравствует мировая революция!» Насколько были реальными основания для его выдвижения? Споры об этом продолжаются. Есть историки, и не только среди социал-демократов, считающие, что коммунисты в то время слишком увлеклись русским примером, слишком понадеялись на свои силы, переоценили остроту ситуации. Что вообще вся линия Коминтерна в эти годы представляла собой «революционаристское увлечение», хотя уже тогда подобные лозунги были нереалистичны.

Бесспорно, имея дело с готовыми результатами истории тех трудных лет, несравненно легче рассуждать о том, «переоценили или не переоценили» коммунисты

степень революционности тогдашней ситуации. Для участников же событий того времени ситуация не была прозрачной и легко разгадываемой. Вопрос решали классовые сражения, конкретное соотношение сил, организованность и решительность масс, поведение вождей, их политическая опытность, а также, конечно, сила и организованность классового противника.

Мы уже говорили, что Центральная Европа переживала тогда революционный подъем. Это бесспорно. Всеобщее распространение получили требования наказать виновников войны, свести счеты со спекулянтами, казнокрадами, мародерами, наживавшимися на страданиях миллионов. Prestиж буржуазной демократии катастрофически падал, и этим следует объяснять широкую поддержку во многих странах идеи власти Советов (или сходных с ними демократических органов, порожденных рабочей инициативой).

В. И. Ленин, его соратники, руководящие деятели Коминтерна рассматривали Октябрь 1917 г. и послеоктябрьский подъем в мире как единое целое, как период, когда революционный рабочий класс уже начал штурм капиталистического строя. Сейчас, оглядываясь назад, мы знаем, что рабочему классу пришлось испытать горечь поражений. Но коммунисты, выходявшие на арену политической борьбы в 1919—1920 гг., воспринимали сложившуюся обстановку как открывшуюся возможность для свержения власти капитала не только в России, но и в ряде других стран. Назревающая в них революционная ситуация была реальностью. Ленин считал непростительным не воспользоваться этим. Он и его сторонники действовали тогда «в расчете на мировую революцию» (т. 42, с. 1).

Едва ли можно отрицать, что в установках Коминтерна преувеличивались возможности победы революции, что, стремясь использовать «исторический шанс», коммунисты во многом разделяли революционно-романтические настроения и недооценивали трудности на своем пути. Хотя Ленин и в это время нередко обращал внимание на необходимость быть реалистами, строить политику как науку и искусство. Ленин видел также, что та уникальная историческая обстановка, которая сложилась к концу войны и в той или иной мере продолжалась еще некоторое время (разное — в разных странах) после войны, не является перманентным состоянием.

Напомним, что в докладе на II конгрессе Коминтерна (июль — август 1920 г.) Ленин резко критиковал представления о безвыходности кризиса буржуазии. Можно сказать, что и в период революционного подъема Владимир Ильич видел вариантность исторического процесса.

— С лозунгом мировой революции обычно связывают вопрос о политике искусственного подталкивания Советской Россией и Коминтерном революций в других странах...

— Само по себе понимание Октября как начала новой эпохи, начала ломки капиталистического строя и перехода к социализму не предполагало перенесения вооруженным путем революции из Советской России в другие страны.

Поставим вопрос иначе: существовали ли в Коминтерне и в РКП(б) настроения в пользу такого способа распространения революции? Да, существовали. Например, Л. Д. Троцкий после поражения Венгерской советской республики направил в ЦК РКП(б) письмо, в котором предлагал, исходя из того, что на европейских весах Красная Армия теперь «весит мало», создать хорошо вооруженный корпус и бросить его на Индию, в тыл империализму. Вместо ленинской линии на союз с антиимпериалистическими революционно-освободительными движениями угнетенных народов предлагался авантюристический план военного «поворота революции» на Восток. План был отвергнут, но подобные настроения кое у кого еще оставались. Можно назвать один момент в жизни Коминтерна, когда во время II конгресса — а это были дни наступления Красной Армии на Варшаву — многие делегаты связывали свои революционные надежды с развитием военных действий. Эти настроения отразились в отдельных формулировках Манифеста II конгресса Коминтерна. Там высказывался тезис о «гражданской войне во всем мире».

Можно отметить, что Н. И. Бухарин выдвигал в свое время лозунг «красной интервенции». Если империалистические державы, рассуждал он, присвоили себе право вооруженной рукой вершить судьбу Советской России, то почему пролетариат не может взять себе такое же право? Но этот тезис, появившийся в статье Бухарина в конце 1920 г. (и повторенный им на IV конгрессе Коминтерна), не получил поддержки. Можно найти и некоторые аналогичные заявления других коммунистических деятелей, в том числе западноевропейских. На этих

фактах и основываются утверждения, будто все надежды возлагались на военную вылазку, а главным субъектом мировой революции выступала Красная Армия.

Основой же коминтерновской концепции мировой революции, несмотря на существование в рядах Коминтерна революционно-романтических и левацких настроений, были марксистско-ленинские выводы о назревании революций в силу классовых противоречий, прежде всего внутренних.

Так, в книге Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», розданной делегатам II конгресса Коминтерна, с большой силой подчеркивалось значение объективных и субъективных предпосылок революции. В книге развивается учение о революционной ситуации. Содержание «основного закона революции» (Ленин дважды дает его определение) следующее: революция возможна лишь на основе общенационального кризиса, лишь тогда, когда к этому рубежу массы подведены своим собственным политическим опытом (т. 41, с. 69—70, 78). Разве это совместимо с искусственным подталкиванием революции в другой стране?!

А вспомним доклад Ленина на II конгрессе Коминтерна. Там основное внимание обращено на экономические корни кризиса буржуазного господства, на внутренние противоречия буржуазного строя.

После конгресса Ленин не раз предупреждает против всякого авантюризма в революционной борьбе, против всякого искусственного подталкивания. Через год в письме к польским коммунистам он скажет ключевые слова о необходимости «*вырастить* революцию до *полного* созревания плода», о победе «*Соввласти изнутри*» (т. 44, с. 181). Известно и ленинское требование поставить дело так, чтобы никто не мог говорить, «что большевики навязывают свою универсальную систему, которую будто бы можно на красноармейских штыках внести в Берлин» (т. 38, с. 160). Такая ленинская постановка вопроса есть исток, начало того принципа, на котором мы сегодня делаем особый акцент: право каждого народа на собственный выбор.

«Не путем насилия внедряется коммунизм»

— А как ставился вопрос о гражданской войне и насилие? Ведь известно, что в некоторых документах Коминтерна гражданская война объявлялась неизбежной?

— Вопрос непростой. Послеоктябрьские перемены в России вызвали самое ожесточенное сопротивление эксплуататорских классов, вооруженную контрреволюцию и империалистическую интервенцию. Так было в действительности, и эти факты нельзя игнорировать. На их основе у коммунистов сложилось представление, что социалистические революции будут, как правило, сопровождаться гражданскими войнами. Коминтерн исходил из этих представлений. В его документах подчеркивалось, что гражданская война «навязывается рабочему классу его смертельными врагами» (В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал. М., 1970, с. 145). Ленин также многократно говорил о неизбежности гражданской войны, о необходимости смотреть этой суровой, неприукрашенной правде в глаза.

Но в ленинских оценках мы явственно услышим и другие мотивы. О том, что нельзя обожествлять гражданскую войну с ее жестокостями, жертвами и произвольно возникающей привычкой к пролитию крови. Рабочий класс, трудящиеся заинтересованы прийти к власти и осуществить социалистические преобразования наименее болезненным путем. Отсюда и ленинское положение о возможности мирного пути революции. Правда, ожесточенная борьба в Советской России в период гражданской войны и военной интервенции показала, что мирный путь практически маловероятен. Но вот происходит в марте 1919 г. мирное взятие власти рабочим классом в Венгрии. Ленин сразу же указывает на всемирное значение такого опыта: «Другие страны приходят другим путем, более человеческим, приходят к тому же — к Советской власти. Вот почему пример Венгрии будет иметь решающее значение» (т. 38, с. 262). Коминтерн руководствовался ленинскими положениями о многообразии форм борьбы. Он признавал возможность завоевания власти без вооруженного восстания, «как в Венгрии» (Коммунистический Интернационал, 1920, № 12, с. 2243).

Принципиальная позиция Коминтерна по вопросу о роли насилия также базировалась на марксистско-ленинских выводах. Ленин, как и Маркс, считал революционное насилие неизбежным при свержении власти буржуазии, поскольку эксплуататорские классы добровольно от своего господства не отказываются. Более того, Ленин заявлял, что революционное насилие есть

«основной признак» диктатуры пролетариата. Если мы внимательно проанализируем эти ленинские высказывания, то увидим, что речь здесь идет лишь об одной стороне пролетарской власти, обращенной к оказывающим сопротивление эксплуататорским классам. Приведем более общее ленинское определение: «революционное насилие представляло из себя необходимый и законный прием революции лишь в определенные моменты ее развития, лишь при наличии определенных и особых условий, тогда как гораздо более глубоким, постоянным свойством этой революции и условием ее побед являлась и остается организация пролетарских масс, организация трудящихся» (т. 38, с. 74).

Коммунистов, революционеров сплошь и рядом обвиняли в то время в терроризме. Ленин опровергал эти обвинения, говоря, что как раз буржуазия навязала нам террор, что большевики первыми сделают шаги, чтобы ограничить террор «минимальнейшим минимумом». Но были и иные представления. Иные акценты во взглядах на насилие и терроризм мы находим у Троцкого. В ряде его статей и брошюр на эту тему немало разящих аргументов против лицемерия буржуазной политики и против насильственных действий буржуазной власти. Троцкий при этом считал, что вооруженное сопротивление буржуазии ведет неизбежно к тому, что пролетарская «система репрессий сгущается в систему террора» (Коммунистический Интернационал, 1920, № 11, с. 1756, 1759), что последний есть имманентное средство революции. Подобного рода левоанархистских установок в документах Коминтерна не было. Однако взгляды, близкие тому, что высказывал Троцкий, существовали. Сам этот факт требовал, на наш взгляд, со стороны Коминтерна более строгого осуждения терроризма как метода, опасного для революционной морали.

Ленин же не отделял социалистические, революционные требования и цели от гуманистических, он подчеркивал, что «не путем насилия внедряется коммунизм» (т. 38, с. 162).

— 1919—1920 годы были чрезвычайно трудными для Советской России. Ленин, занятый неотложными делами, занимался много и работой Коминтерна. На какие проблемы политики Коминтерна, кроме уже затронутых, обращал он особое внимание?

— Центральное место, конечно, занимали вопросы революции, путей ее развития, а в неразрывной связи

с этим — укрепления коммунистических партий как авангарда революционной борьбы, укрепления их связей с массами.

В рабочем движении шла острая, бескомпромиссная борьба по вопросу: за революцию или против. Ленин и Коминтерн выступали непримиримо против соглашательства социал-демократических и центристских партий, против их попыток противопоставить революционной волне политику постепенного улучшения буржуазно-парламентских режимов. Даются самые жесткие, самые отрицательные оценки социал-демократической концепции и соответствующей политике. Коммунисты не соглашались обсуждать в этот момент какие-либо вопросы о возможностях продвижения вперед через использование буржуазно-демократических свобод. Один пример. Когда в Европе из рядов социал-демократии раздались голоса о возможностях сочетания буржуазно-демократических форм с Советами, коммунисты, и Ленин в том числе, отвергли это предложение. Почему? Полагали, что такой лозунг задержит революционное развитие. А может быть, здесь сказались и недостаточное проникновение в своеобразие условий рабочего движения в странах Запада?

С борьбой против правых верхов социал-демократии связывал в эти годы Коминтерн надежды на быстрое вовлечение пролетарских масс в революционное движение. В 1919—1920 гг. преобладали представления, что рабочий класс — в одних странах быстрее, в других медленнее — уже уходит из-под влияния реформистских лидеров. Такой процесс действительно наметился в ряде стран. Его размах и темпы в Коминтерне, однако, преувеличивались. Ленин первым указал на эту ошибку, подчеркнув, что раскол рабочего класса оказался в странах Запада глубже, влияние реформистской идеологии и традиций сильнее, а буржуазия значительно опытнее и хитрее, чем в России.

В книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», ставшей настоящей энциклопедией стратегии и тактики коммунистического движения, Ленин впервые с такой силой поставил вопрос о борьбе компартий за массы, за завоевание поддержки рабочего класса и непролетарских трудящихся масс. Глубоко раскрывая закономерности общественной борьбы, сопоставляя опыт коммунистов Европы с опытом большевизма, Ленин

подвергает резкой критике догматизм и «левое» сектанство как явления, характерные для незрелости коммунистического движения. Он рассматривает конкретные «левые» ошибки молодых компартий и развивает учение об авангардной роли партии, о ее связях с массами. Революционно-романтические представления и «левизна», отрицание работы в реформистских профсоюзах и парламентах, отрицание компромиссов стали в то время серьезным препятствием на пути молодых компартий к массам. Ведь многие зарубежные коммунисты воспринимали тогда из опыта большевизма лишь его наступательный дух и непримиримость, видели в большевизме, как писал один из основателей Коммунистической партии Германии Г. Эберлейн, «только действие, вооруженное восстание, борьбу на жизнь и смерть против реформизма, против его правительственной власти и наемных белогвардейских войск».

Поэтому книга Ленина стала великим событием для Коминтерна, для всех компартий. Особенно важна была ленинская мысль о том, что партия должна уметь сблизиться, до известной степени слиться с самой широкой массой. Для этого она должна всегда верно учитывать положение и настроение масс, работать везде, где есть масса, овладевать всеми формами движения, совершенствовать свою политику, уметь идти на компромиссы, привлекать союзников, то есть всесторонне готовить массы к революционной борьбе и при этом не подхлестывать движение искусственно путем радикальных лозунгов, а вести массы вперед, убеждая их на их собственном опыте. Уже в то время Ленин ставит принципиальнейший вопрос о необходимости поиска путей подхода, перехода к социалистической революции в условиях стран Запада.

За единый фронт

— Известно, что революционная волна в мире на рубеже 1920—1921 годов пошла на спад. Как Ленин и Коминтерн корректировали политическую линию коммунистов в новых условиях?

— Да, после поражений рабочего класса в Германии, Венгрии, Италии, ряде других стран революционная волна отхлынула. Буржуазный строй сумел выстоять и начал стабилизироваться. Советской стране предстояло строить новое общество в одиночку, собственными уси-

лиями преодолевать разруху, отсталость экономики и возводить фундамент социализма. Новые задачи вставали перед коммунистическими партиями в капиталистических странах. Стратегию Коминтерна предстояло разработать во многом заново.

Ленин первым увидел перемены в развитии революционной борьбы, что потребовало внести коррективы в концепцию мировой революции. Он оценил обстановку в мире в 1921 г. как «неустойчивое равновесие» (т. 44, с. 4) и сформулировал вывод о необходимости перехода от штурма к осаде капиталистической крепости (т. 44, с. 219). На передний план для трудящихся капиталистических стран выдвинулись задачи защиты повседневных насущных интересов, борьба за демократию, против натиска реакции. Ленин неустанно призывал коммунистов искать новые подходы к массам, к решению назревших общественных задач.

Осознание новой ситуации и новых задач оказалось для молодых компартий делом нелегким. Настроения революционного нетерпения, иллюзорные убеждения в нарастающей слабости капиталистической системы, представления о том, что можно «подтолкнуть» революцию, взгляды, получившие воплощение в так называемой «теории наступления», были широко распространены. Сторонниками этой теории были многие видные деятели компартий — А. Тальгеймер, Г. Брандлер (Германия), У. Террачини (Италия), Б. Кун (Венгрия), Э. Бранд (Польша). По ряду вопросов их поддерживал Председатель Исполкома Коминтерна Г. Зиновьев.

Левацкие установки становились чрезвычайно опасными, грозили изоляцией коммунистов от масс и тяжелыми поражениями. И Ленин, опираясь на поддержку наиболее зрелых и дальновидных деятелей коммунистического движения, таких, как К. Цеткин в Германии, Б. Шмераль в Чехословакии, Г. Димитров в Болгарии, А. Варский в Польше, М. Кашен во Франции, повел решительную борьбу с этими левацко-авантюристскими установками.

Встречаясь с представителями партий на III конгрессе Коминтерна, Ленин остро критиковал попытки применить «теорию наступления» как крайне опасные действия, ибо они дают возможность реакционным властям изображать коммунистов зачинщиками нападения, от которых-де надо защищать народ. «Если конгресс не бу-

дет вести решительного наступления против таких ошибок, против таких «левых» глупостей, то все движение осуждено на гибель»,— говорил Ленин 1 июля 1921 г. на заседании III конгресса Коминтерна (т. 44, с. 23). Он подчеркивал, что решающее значение имеет то, какую позицию занимает большинство трудящихся, что необходимо отказаться от иллюзии, будто победа зависит исключительно от воли партии и ее активности.

III конгресс благодаря твердой позиции Ленина и его сторонников стал поворотной вехой в истории Коминтерна. Ленин в то время неоднократно напоминал, что самой большой опасностью для революционера является преувеличение революционности, забвение граней и условий успешного применения революционных приемов, потеря способности хладнокровно соображать, взвешивать и решать, когда надо действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому (т. 44, с. 223).

В. И. Ленин предостерегал против попыток копирования опыта большевизма, превращения его в схему, шаблон и навязывания его зарубежным компартиям. А такая тенденция имела место. Ведь это был в то время единственный успешный опыт революционной борьбы и победы, и многие специфические, неповторимые черты российского опыта воспринимались подчас как общезначимые. Это, в частности, проявилось в принятой на III конгрессе резолюции об организационном строительстве компартий, методах и содержании их работы. Позднее Ленин заметил, что эта резолюция «слишком русская», «отражает российский опыт, поэтому она иностранцам совершенно непонятна» (т. 45, с. 292, 293). Он подчеркивал значение конкретного подхода и учета национально-специфических различий в каждой стране и в каждой ситуации.

Ленин говорил: суть, живая душа марксизма состоит в конкретном анализе конкретной ситуации, «марксизм заключается в том, чтобы определить, какую политику надо проводить в тех или иных условиях» (Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969, с. 119). В докладе на IV конгрессе Коминтерна он предложил компартиям продумать вопрос о том, как действовать в условиях возможного отступления, как обеспечить себе отступление. Для этого он советовал

учиться, чтобы действительно постигнуть организацию, построение, методы и содержание революционной работы, творчески воспринимать российский опыт и обратить особое внимание на борьбу с опасностью фашизма (т. 45, с. 281, 282, 293, 294).

Анализируя новую обстановку, Ленин писал, что капиталистические государства добились укрепления своих позиций путем уступок трудящимся, которые оттягивают революционное движение и «создают некоторое подобие «социального мира», а потому необходимо строить политику с учетом этой реальности (т. 45, с. 402). В то время не была еще дана развернутая характеристика нового периода, преобладали представления, что новая революционная волна подымется в относительно короткие сроки. С опозданием коммунисты признали и факт стабилизации капитализма. Однако многие важнейшие черты этого периода, сменившего полосу революционного подъема, были осознаны. В центре внимания Коминтерна встали вопросы о путях созидания нового, социалистического общества, о значении национально-освободительного движения как активного фактора всемирной политики, о задаче сплочения в едином фронте всех сил, способных вести борьбу за демократию и социальный прогресс.

— В чем основное содержание и значение политики единого фронта? В литературе она нередко рассматривалась как временная мера, как маневр для разоблачения социал-демократии?

— Прежде всего хотелось бы указать, что ее появление совпало с выработкой новой экономической политики. Если нэп, по мысли Ленина, определял линию партии на социалистическую реконструкцию народного хозяйства страны и победу социализма и рассматривался партией как политика «всерьез и надолго», то политика единого фронта была рассчитана, как говорилось в документах IV конгресса, на целую эпоху (В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, с. 466).

В новой ситуации по-новому определялись и задачи рабочих организаций и партий. Принципиальные различия в подходе коммунистов и социал-демократов к разрешению коренных вопросов классовой борьбы пролетариата не были непреодолимым препятствием для организации совместной борьбы в защиту жизненных интересов трудящихся, общечеловеческих идеалов мира, демократии, социальной справедливости. Выступая про-

тив обострения конфронтации с социал-демократическими организациями, Ленин придавал первостепенное значение воспитанию в массах духа совместных действий. Он горячо поддержал инициативу Компартии Германии, обратившейся в начале января 1921 г. ко всем пролетарским организациям страны с предложением совместной борьбы в защиту насущных интересов трудящихся.

Исключительное значение Ленин и Коминтерн придавали политике единого фронта в деле противостояния натиску реакции и фашизма и росту военной опасности. По предложению Ленина пленум Исполкома Коминтерна в начале 1922 г. рассмотрел вопрос о борьбе против угрозы войны. В своем докладе К. Цеткин выдвинула задачу «создать сплоченный единый фронт пролетариата для борьбы против войны и империализма» (Четвертый конгресс Коминтерна. М., 1980, с. 116).

В то время политика единого фронта действительно нередко трактовалась как маневр с целью разоблачения социал-демократии. Г. Зиновьев говорил о ней как «о тактическом маневре, чтобы представить вождей (речь о лидерах реформистских организаций.— Авт.) голыми и перетянуть массы» (там же, с. 114). Но такой подход по сути был сектантско-левацким извращением политики единого фронта, сердцевина которой заключалась в обеспечении единых действий трудящихся масс.

Однако многие коммунисты все еще продолжали мыслить категориями революционного штурма. Они утверждали, что, поскольку Коминтерн создан как штаб мировой революции, политика единого фронта может привести к разрушению этого штаба и перерождению компартий. На пленуме ИККИ (февраль — март 1922 г.), как заметил Ленин, некоторые из таких революционеров, увидев, что большевики перешли к нэпу, что мировая революция отодвигается, «непозволительным образом и подетски расплакались» (т. 45, с. 87). Именно тогда Ленин в статье «Заметки публициста» советовал не забывать, что можно сделать непоправимую ошибку, можно погибнуть, «если заменить трезвый учет обстановки одним «настроением» или маханьем красными флажками» (т. 44, с. 421).

В обеспечении единых действий Ленин видел не только возможность защиты повседневных интересов трудящихся, но и путь, ведущий к новым рубежам борьбы за решение коренных задач рабочего движения.

В качестве альтернативы буржуазному правительству Коминтерн на IV конгрессе выдвинул лозунг рабочего правительства в 1923 г. он был расширен до лозунга рабоче-крестьянского правительства). Оно могло возникнуть на основе сотрудничества и взаимодействия пролетарских и демократических организаций и проложить путь к переходу власти в руки трудящихся. При этом не исключалась возможность возникновения рабочего правительства парламентским путем. Ленин писал еще в 1922 г. о немногих шансах «мирной эволюции капитализма к новому строю, чему мы, как коммунисты, не очень верим, но помочь испытать согласны» (т. 44, с. 407).

Так формулировалась новая концепция развития революционного процесса в капиталистических странах. Развития через развертывание общенародной борьбы против наступления капитала, реакции и фашизма, через мобилизацию масс на выполнение переходных этапных задач, которые могут совместно решать разные отряды трудящихся. Учитывалось также возрастающее значение борьбы народов угнетенных стран за национальное и социальное освобождение. Характерно, что эта концепция складывалась на основе коллективного сотрудничества представителей коммунистических партий различных стран, всестороннего обобщения опыта братских партий.

Разумеется, неверно считать, что все проблемы были тогда разработаны последовательно и на все вопросы дан правильный ответ. Многие виделось более простым, чем оказалось в действительности.

Водораздел между коммунистами и социал-демократами был слишком глубоким, и попытка весной 1922 г. в результате переговоров представителей различных международных организаций рабочего класса воссоздать единство действий кончилась неудачей. Обе стороны стремились добиться уступок в свою пользу, навязать оппоненту свои требования, рассматривали переговоры как маневр для разоблачения политической позиции соперника.

Неудача создании единого фронта между коммунистами и социал-демократами имела тяжелые последствия. Отношения еще более обострились, и это привело к новым поражениям рабочего класса, облегчило наступление фашизма. Ленинское предупреждение на

IV конгрессе Коминтерна о том, что трудящиеся в капиталистических странах не гарантированы от черной сотни, не было в тот период понято как необходимость сосредоточить силы против общего врага трудящихся и в этих целях пойти на сотрудничество со всеми демократическими силами. К осознанию этой истины коммунистическое движение пришло значительно позже.

— Деятельность В. И. Ленина в Коминтерне по своему идейно-теоретическому и политическому значению выходит далеко за рамки этой организации. Что в его наследии принадлежит истории, что сохраняет жизненную силу и в наше время?

— Многогранно и велико значение того, что сделал Ленин для Коминтерна, как и значение самого опыта

Коминтерна в ленинский период. В этой деятельности ярко проявилась смелость ленинского учения, его внутренняя способность к постоянному развитию на основе обобщения международного опыта общественной борьбы. Социалистические идеалы в его учении органично слиты, спаяны с интересами широких масс, со всеми прогрессивными устремлениями народа.

Особое значение имеет ленинская политика единого фронта. Именно в этой политике, в линии на сплочение всех пролетарских организаций, прогрессивных, демократических сил, выработанной Коминтерном в ленинские годы, при непосредственном активном участии Владимира Ильича определено то направление развития рабочего движения, за которым было будущее.

**Публикацию подготовил
А. ИЛЬИН.**

Правда. 1989. 3 марта.

Сталин и проблемы политики единого фронта

Сталинизм оказал негативное воздействие и на развитие мирового коммунистического движения, его теории и политики. Развязанный Сталиным террор против ленинских кадров большевистской партии сопровождался репрессиями и против кадров Коминтерна, представителей многих братских коммунистических партий. Жертвами этого произвола стали многие коммунисты-политэмигранты, искавшие убежище в СССР от преследований реакции. В числе тех, кто оказался в тюрьмах и лагерях Ежова и Берии, погиб мучительной смертью, были руководящие деятели и рядовые члены компартий Австрии, Венгрии, Германии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Финляндии, Эстонии, Югославии и ряда других стран. Все это не могло не подорвать Коминтерн, не сказаться на эффективности проводимого в предвоенные годы курса на мобилизацию всех демократических и миролюбивых сил против фашизма и угрозы войны.

Одним из наиболее тяжелых последствий сталинского вмешательства в деятельность Коминтерна, навязанных Сталиным установок было сектантско-догматическое извращение политики единого фронта, принесшее огромный вред борьбе коммунистов за сплочение рабочего класса.

Ленинские принципы единого фронта

Суть этой политической линии объединения трудящихся масс В. И. Ленин весной 1922 г. раскрыл следующим образом: «Цель и смысл тактики единого фронта состоит в том, чтобы втянуть в борьбу против капитала более и более широкую массу рабочих, не останавливаясь перед повторными обращениями с предложением вести совместно такую борьбу даже к вождям II и II^{1/2} Интернационалов» (Полн. собр. соч., т. 45, с. 131).

Эта политика в мировом пролетарском движении возникла в начале 20-х годов на основе стремления масс к сплочению, чтобы противостоять натиску капитала и политической реакции. Она ставила своей целью объединить усилия рабочих вокруг неотложных и близких массам практических требований, вовлечь в движение самые различные отряды трудящихся, включая и те, которые находились под влиянием реформистов, содействовать революционному воспитанию пролетариата в процессе этой борьбы. С инициативой выступила в январе 1921 г. Компартия Германии, обратившаяся к другим пролетарским организациям с предложением совместных действий. Этот шаг был предпринят по совету представителя Исполкома Коминтерна в Германии К. Радека.

Ключевое значение для успеха политики единого фронта имело то, как будут развиваться взаимоотношения коммунистов и социал-демократов, поскольку под влиянием социал-демократии находились основные массы рабочего класса в странах капитала. В условиях послеоктябрьского революционного подъема, когда развернулся процесс размежевания революционного и реформистского течений в рабочем движении, для этих отношений была характерна ожесточенная идеологическая и политическая борьба. Однако и в те годы в ряде случаев, особенно когда возникала общая опасность, как это было, например, в Германии весной 1920 г., в связи с реакционным капповским путчем, они ощущали потребность действовать совместно. С изменением ситуации, вызванным спадом революционной волны и переходом капитала в наступление, когда на передний план выдвинулись задачи оборонительной борьбы трудящихся, принципиальные расхождения между коммунистами и социал-демократами в подходе к разрешению коренных вопросов классовой борьбы пролетариата уже не являлись непреодолимым препятствием на пути совместных действий. Ленин в то время подчеркивал необходимость для коммунистов, не прекращая идейной борьбы против социал-реформизма, найти пути подхода к рабочим, находящимся под его влиянием. Отвергая искусственное обострение конфронтации с социал-демократическими организациями, он придавал первостепенное значение воспитанию в массах духа совместных действий.

Коминтерн в 1921—1923 гг. выдвигал лозунг рабочего и рабоче-крестьянского правительства как альтернативу буржуазному правительству, основанную на сотрудничестве и взаимодействии пролетарских и демократических организаций. Таким образом, формулировалась идея развития революционного процесса в капиталистических странах через развертывание общенародной борьбы против наступления капитала и реакции и мобилизацию масс на достижение целей, которых могут совместно добиваться разные отряды трудящихся.

Уяснение и особенно реализация этой политики встретили на своем пути огромные трудности. В первую очередь они были связаны с позицией правой социал-демократии, ее антикоммунизмом и антисоветизмом, с ее курсом на классовое сотрудничество с буржуазией и враждебностью к совместным действиям с коммунистами. Препятствием были и левацкие представления среди части коммунистов, вызванные недостаточным политическим опытом, настроениями «революционного нетерпения», упрощенным пониманием задач и сущности революционного авангарда. В то же время среди них проявлялись и правооппортунистические настроения в сторону отказа от четкой идейной позиции партии, прекращения идейной борьбы с социал-реформизмом, сползания на позиции социал-демократизма. Однако более распространенным было левачество, нежелание учитывать конкретную ситуацию, трактовка лозунга единого фронта лишь как маневра в целях разоблачения реформистов и как можно более скорого отрыва от них масс.

Видный деятель Компартии Чехословакии К. Крейбих в начале 1922 г. писал: «При обсуждении вопроса о едином фронте у нас было немало сомнительных высказываний. Так, например, что это только маневр для преодоления мертвой точки движения, что мы хотим лишь обмануть социал-патриотов. Разоблачение социалистических вождей выставлялось как подлинная цель акции. Такие и подобные высказывания свидетельствуют о том, что мы еще не поняли всей серьезности и обширности этой проблемы»¹. Такой сектантский подход облегчал реформистам саботирование единого фронта, и Ленин, Исполком Коминтерна настойчиво

¹ Archiv Ústavu marxismu-leninismu ÚV KSČ, f. 20. jed. 102.

боролись за отказ от ошибочных представлений о политике единого фронта, за ее проведение в жизнь. «...Тактика единого фронта будет иметь решающее значение для новой эпохи»,— заявил IV конгресс Коминтерна в декабре 1922 года¹.

Зиновьев и Сталин ревизуют тактику единого фронта

Однако сектантско-левацкие представления о едином фронте полностью в то время преодолеть не удалось, и они вновь проявились осенью 1923 года в момент обострения ситуации в Германии и назревания в стране революционного кризиса. Выразителем таких настроений был председатель Исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьев, который первоначально выступил против курса на единый фронт, затем под влиянием Ленина частично пересмотрел свои взгляды и доказывал важность единых действий. При этом он делал акцент не на вопросах сотрудничества, а на разоблачении социал-демократии в ходе совместных действий. Зиновьева в пересмотре ленинской установки на единый фронт активно поддержал И. В. Сталин, переносивший на проблему взаимоотношений коммунистов и социал-демократов опыт борьбы большевиков с меньшевиками. В основе подхода Зиновьева и Сталина к социал-демократии лежало мнение, что она представляет собой кучку предателей, которую можно быстро разоблачить и изолировать от масс. Причины сохранения влияния социал-демократии в рабочем классе они видели прежде всего в неумении коммунистов раскрыть массам глаза на измену реформистских лидеров и полагали, что путем лавирования и маневров это влияние удастся преодолеть.

На совещании в ИККИ в сентябре 1923 г., созванном для обсуждения ситуации в Германии, Сталин внес предложение, направленное на то, чтобы ускорить раскол среди германской социал-демократии и, как можно скорее дискредитировав лидеров левой социал-демократии, привлечь рабочих на сторону коммунистов. Не совместные действия коммунистов и социал-демократов, их сотрудничество в борьбе за обеспечение интересов пролетариата, в ходе которой массы получают необходимый

¹ В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал. М., 1970, с. 466.

политический опыт, а лишь маневр с целью разоблачения социал-демократов — так интерпретировал Сталин вслед за Зиновьевым тактику единого рабочего фронта.

Такой подход к проблеме единого фронта Сталин сохранил и позднее. Сравним, например, высказывания о тактике единого фронта Зиновьева и Сталина. В ноябре 1923 г. Зиновьев писал: «Нужно раз навсегда понять, что для Коминтерна тактика единого фронта была и остается только стратегическим маневром в борьбе с контрреволюционными вождями социал-демократии, методом агитации среди рабочих, доверяющих еще социал-демократии. И только. Надо раз навсегда распроститься с мыслью о том, что тактика единого фронта есть нечто большее...»¹. Три года спустя, в речи на заседании Президиума ИККИ 7 августа 1926 г., Сталин заявил: «Коммунисты идут вообще в блоке с реформистскими вождями рабочих для того, чтобы добиться своей гегемонии, добиться того, чтобы стать руководящей силой внутри блока, а потом во всех массовых организациях рабочего класса, изолировав и изгнав оттуда реформистов»².

Трактовка тактики единого фронта лишь как маневра с целью разоблачения социал-демократии была извращением ленинской постановки проблемы единого фронта, направленной в первую очередь на обеспечение единых действий трудящихся масс. Ориентация компартий на нанесение основного удара по социал-демократии вообще и левым социал-демократам в особенности, обоснованная Сталиным в работах «Об основах ленинизма» и «К международному положению» как важнейший элемент стратегии, отталкивала от коммунистов те группы левых социал-демократов, которые необходимо было максимально приблизить и сплотить с ними, сводила на нет политику единого фронта. Эти положения, вошедшие в документы Коминтерна, в решения его V (1924 г.) и VI (1928 г.) конгрессов, создали значительные трудности для работы компартий в массах, способствовали левосектантским ошибкам и искривлениям на практике, серьезно затормозили борьбу за единство рабочего класса.

«Разоблачительный» подход Сталина к социал-демо-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 19, д. 70, л. 135.

² Там же, ф. 558, оп. 1, д. 2786, л. 28—29.

кратии сопровождался утверждением, будто социал-демократия перешла на сторону фашизма. Этим Зиновьев и Сталин объясняли причины неудачи революционной борьбы германских рабочих осенью 1923 года. Таким образом, явления, отличные друг от друга по социальной природе, политическому содержанию, объявлялись взаимосвязанными и взаимообусловленными. «За последнее время произошла передвижка сил, передвижка мелкобуржуазных социал-демократических сил в сторону контрреволюции, в лагерь фашизма,— заявил Сталин вслед за Зиновьевым в январе 1924 г. на Пленуме ЦК РКП(б).— Вывод: не коалиция с социал-демократией, а смертельный бой с ней, как с опорой нынешней фашизированной власти»¹. А в сентябре того же года Сталин сформулировал тезис о социал-демократии как объективно умеренном крыле, близнеце фашизма². Тем самым социал-демократия, за которой шло большинство рабочего класса в капиталистических странах, оптом как бы отбрасывалась в лагерь самой черносотенной реакции. Отсюда и появление пресловутой теории «социал-фашизма», сыгравшей роковую роль в последующих событиях.

Борьба в Коминтерне по вопросам единого фронта

Подобные сектантско-догматические установки, получавшие поддержку у тех коммунистов, которые тяготели «влево», не могли не вызывать протеста среди наиболее опытных и теоретически зрелых кругов в коммунистических партиях. Пленум ЦК Коммунистической рабочей партии Польши 23 декабря 1923 г. обратился с письмом к ЦК РКП(б), в котором среди других критических замечаний содержалось возражение против формулы «единого фронта снизу», что справедливо расценивалось как отказ от единого фронта и переходных лозунгов. Критикуя подобные сектантские установки, выдающаяся деятельница германского и международного рабочего и коммунистического движения К. Цеткин на VI пленуме ИККИ в феврале 1926 г. говорила: «Рабочий не мог понять такой двойственности, когда товарищ говорит ему как члену профсоюза: «Приди в

¹ Цит. по: Вопросы истории КПСС, 1987, № 10, с. 123.

² См. Сталин И. В. Соч., т. 6, с. 282.

мои объятия, товарищ-пролетарий, да здравствует единый фронт в профсоюзах», а как члену социал-демократической партии...: «Ты — фашист и предатель, я тебя хвачу по башке»¹.

В связи с тем, что социал-демократия во второй половине 20-х годов проводила политику блокирования с буржуазными партиями, ИККИ в конце 1927-го — начале 1928 г. выдвинул лозунг «Класс против класса», направленный на заострение удара против социал-демократии, которая характеризовалась как «буржуазная рабочая партия». Рабочие ориентировались на выступления без участия социал-демократии и реформистских профсоюзов. Борьба между коммунистами и социал-демократами усиливалась, раскол рабочего класса углублялся.

На VI конгрессе Коминтерна часть делегатов настойчиво требовала включения в документы конгресса констатации того, что «социал-империализм» перерос в «социал-фашизм», а социал-демократия стала «фашистской рабочей партией». На заседании политической комиссии конгресса 15 августа 1928 г. П. Тольятти от имени делегации Итальянской компартии возражал против попытки внести в тезисы конгресса о международном положении и задачах Коммунистического Интернационала подобные оценки. Однако высказывалось и другое мнение. «Разве мы не вправе назвать социал-демократическую партию социал-фашистской, коль скоро мы говорим в тезисах, что фашизм заимствует свою политику у социал-демократического руководства, что он не только опирается на социал-демократию, но и вбирает в себя некоторые ее элементы. (Мы имели это в Германии, Польше и т. д., — заявил С. А. Лозовский, возглавлявший руководство Красного Интернационала профсоюзов). Весьма возможно, что часть этого социал-демократического руководства будет играть активную роль в фашизме»².

Делегация Компартии Венгрии отстаивала тезис о том, что социал-демократия становится орудием «своеобразной фашизации рабочего движения», идет по пути

¹ Шестой расширенный пленум Исполкома Коминтерна (17 февраля — 15 марта 1926 г.). Стенографический отчет. М.—Л., 1927, с. 228.

² ЦПА ИМЛ, ф. 493, оп. 1, д. 403, л. 41.

превращения в «фашистскую рабочую партию, колеблясь между либеральной и фашистской рабочей политикой», что «социал-либерализм» становится «социал-фашизмом». И делегация Компартии Германии в своих поправках к проекту Программы Коминтерна высказала мнение, что социал-демократия по своей идеологии приближается к фашизму, что «социал-империализм» переходит в международном масштабе в «социал-фашизм».

Выступая с заключительным словом по вопросу о Программе Коминтерна, Н. И. Бухарин, заметив, что «социал-демократии свойственны социал-фашистские тенденции», предупредил вместе с тем, что «было бы неразумно валить социал-демократию в одну кучу с фашизмом. Нельзя этого делать как при анализе положения, так и при намечении коммунистической тактики»¹. И хотя термин «социал-фашизм» в Программе не употреблялся, однако в нее было включено положение, гласившее, что «социал-демократия в моменты наиболее для капитализма критические нередко играет фашистскую роль»².

Этот термин появился в передовой статье журнала «Коммунистический Интернационал» в апреле 1929 г. (№ 14), а затем в статьях и различных документах в связи с расправой полиции над участниками запрещенной первомайской демонстрации в Берлине. С этого момента он стал широко применяться для характеристики социал-демократии, и это, разумеется, исключало любую попытку достижения единства действий коммунистических и социал-демократических партий.

Пропагандистское заострение борьбы с социал-демократией, доведение этих оценок до крайности вызывали возражение со стороны Г. В. Чичерина, многие годы возглавлявшего Наркомат по иностранным делам Советской страны, но в тот момент тяжело больного и длительное время лечившегося в Германии и Швейцарии. Он 20 июня 1929 г. послал письмо Сталину, в котором предупреждал, что основывать политику на ложной информации, на агитационной трескотне — «это значит вести Коминтерн к гибели». Чичерин назвал нелепым

¹ Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 3. М.—Л., 1929, с. 144—145.

² Коммунистический Интернационал в документах. М., 1933, с. 12.

вздором «крики о социал-фашизме»¹. Однако Сталин не захотел внять предупреждению Чичерина.

Пагубная оценка

X пленум ИККИ (3—19 июля 1929 г.) официально охарактеризовал социал-демократию в целом как «социал-фашизм». Сталин, правя проект тезисов пленума, внес в него, в частности, такое добавление: «Пленум ИККИ предлагает обратить особое внимание на усиление борьбы против «левого» крыла социал-демократии, задерживающего процесс распада соц.-демократии путем сеяния иллюзий об оппозиционности этого крыла к политике руководящих с.-дем. инстанций, а на деле всемерно поддерживающего политику соц.-фашизма»². В документах пленума термин «социал-фашизм» употреблялся как оценка участия социал-демократии в проведении политики империалистического государства в процессе фашизации страны, как особая форма фашизма в странах с сильными социал-демократическими партиями.

И этот тезис о «социал-фашизме», линия на сосредоточение основного удара по социал-демократии настойчиво навязывались Сталиным в годы мирового экономического кризиса, когда опасность фашизма все более нарастала. Они повторялись в решениях пленумов ИККИ, указаниях, которые получали компартии от руководства Коминтерна. На XVI съезде ВКП(б) в докладе Сталина и в выступлении В. М. Молотова также содержались установки на развертывание всемерной борьбы с «социал-фашизмом». Молотов, в частности, заявил: «...компартии и Коминтерн в целом должны выдвинуть задачи борьбы с фашизмом и социал-фашизмом, задачи разоблачения фашизма и социал-фашизма перед рабочими массами и задачи организации рабочих масс на основе большевистского проведения тактики единого фронта снизу для всемерного отпора наступающему фашизму и социал-фашизму»³. Таким образом, исключалась всякая возможность установления контактов между компартиями и социал-демократическими и социали-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 558, д. 48, л. 11.

² Там же, ф. 495, оп. 168, д. 14, л. 75.

³ XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.— Л., 1930, с. 420.

стическими партиями с целью создания единого фронта рабочего класса против наступления фашизма. Такие рекомендации способствовали усилению сектантства, фактически сводили на нет возможность создания единого антифашистского фронта.

Практика антифашистской борьбы заставляла преодолевать эти догматические препоны. ИККИ в июне 1932 г., учитывая усиление фашистской опасности в Германии, рекомендовал добиваться вовлечения в единый фронт низовых организаций реформистских профсоюзов. И XII пленум ИККИ (август — сентябрь 1932 г.) попытался несколько расширить рамки единого рабочего фронта, признав возможным обращение к низовым организациям социал-демократических партий. Однако общие установки на единый фронт только снизу и оценка социал-демократии как «социал-фашизма» сохранились.

Эти сектантские формулы были на руку правым социал-демократам, заявлявшим о недопустимости контактов с коммунистами и ориентирующимся на сотрудничество с буржуазно-либеральными силами, на проведение политики «меньшего зла», что на деле облегчало реакции наступать на жизненные интересы трудящихся, расчищало путь нараставшей фашистской угрозе.

Одним из первых, кто осознал ошибочность сектантских взглядов, был руководитель Западноевропейского бюро Коминтерна Г. Димитров. В октябре 1932 г. в письме в ИККИ он критиковал такой подход к совместным действиям, когда социал-демократам предлагали: «Идите к нам! Боритесь вместе с нами!» Димитров считал необходимым проводить тактику единого фронта с позиции: «Рабочие, без различия партийной и организационной принадлежности, создавайте на основе пролетарской демократии собственные, вами сообща избранные боевые органы, принимайте коллективное конкретное решение о совместном боевом выступлении против грабежа зарплаты и пособий, против фашизма, полицейского и национал-социалистского террора, в защиту ваших рабочих прав, ваших организаций, ваших боевых позиций, вашей жизни и жизни ваших вождей»¹. Это был зародыш будущих решений VII конгресса Коминтерна, но в конкретной ситуации осени 1932 г. предложения Димитрова не были реализованы.

¹ ЦПА на ЦК на БКП (София), ф. 146, оп. 6, а. е. 813, л. 3.

Трудный путь преодоления сектантских установок

Ход событий, особенно в связи с захватом в Германии власти гитлеровцами, настоятельно требовал отказа от обанкротившейся трактовки социал-демократии как «социал-фашизма» и перехода к конструктивному взаимодействию с ней. Осознание этой необходимости возникло не сразу, так же как и понимание того, что дело отнюдь не должно сводиться к новой кампании по разоблачению социал-демократии.

6 февраля 1933 г. семь социалистических партий Европы обратились к руководству Коминтерна и Рабочего социалистического интернационала (РСИ) с предложением созвать конференцию двух Интернационалов для выработки плана совместных действий против фашизма. 19 февраля Бюро РСИ опубликовало воззвание, в котором заявляло о согласии вести переговоры с Коминтерном и предлагало прекратить взаимные нападки коммунистов и социал-демократов.

Первоначально составленный в ИККИ проект ответа от имени трех компартий — Германии, Франции и Англии носил весьма ультимативный характер. В нем содержались утверждения типа: «Сейчас вопрос стоит не о фашизме или парламентской демократии, а о диктатуре буржуазии или диктатуре пролетариата... Предлагаемое партиями II-го Интернационала заключение «пакта о ненападении», т. е. отказ от критики, фактически означало бы отказ от нападения на буржуазию. Пакт с союзником классового врага есть пакт с классовым врагом»¹ и т. д. В то же время в нем говорилось о готовности участвовать в совместной конференции.

25 февраля секретарь ИККИ И. А. Пятницкий послал проект ответа Сталину и Молотову с просьбой дать «указания, можно ли этот ответ послать и опубликовать, или указать, как его переработать»². После получения от Сталина соответствующих указаний проект был переработан и 28 февраля вновь послан ему с просьбой дать замечания.

Опубликованный в виде возвания ИККИ к рабочим всех стран от 5 марта 1933 г. этот документ содержал

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 19, д. 243, л. 61—62.

² Там же, л. 54.

программу антифашистской борьбы и предложение компартиям добиваться установления единого фронта с социал-демократическими партиями. Однако в нем ничего не говорилось о готовности Коминтерна вести переговоры непосредственно с РСИ. Это послужило для лидеров последнего предлогом отвергнуть предложение ИККИ. Таким образом, снятие из проекта ответа заявления о готовности Коминтерна пойти на переговоры с РСИ помешало в тот момент осуществлению этого мероприятия, которое могло содействовать подъему антифашистского движения.

Однако настроения в пользу переговоров Коминтерна с РСИ усиливались. 7 апреля руководители компартий Франции и Чехословакии М. Торез и К. Готвальд прислали в ИККИ телеграммы, предлагавшие Коминтерну пойти на эти переговоры. Руководство ИККИ, получив соответствующее указание Сталина, разослало компартиям директивы, содержавшие требование «усилить кампанию против 2-го Интернационала, который не только замалчивает измену германской социал-демократии, прекращает кампанию против германского фашизма, но и отказывается от единого фронта с коммунистами по настоянию германской социал-демократии. 2-й Интернационал и его секции срывают борьбу с фашизмом и наступлением капитала против рабочего класса. Необходимо подчеркнуть переход германской социал-демократии в лагерь фашизма»¹. Здесь, разумеется, вновь сказалось отношение Сталина к социал-демократии и его влияние на позицию Коминтерна.

Позиция Сталина в связи с событиями в Германии и его отношение к социал-демократии видны также по его правке весной 1933 г. статьи одного из руководителей Компартии Германии Ф. Геккерта «Что происходит в Германии». На первой странице рукописи Сталин задает себе вопрос и отвечает на него: «Соц.-фашисты? Да». К словам автора о том, что социал-демократия перешла на сторону фашизма, Сталин приписал: «и почему коммунисты именуют социал-демократов вот уже три года социал-фашистами»².

И позднее, в ответ на поставленный Г. Димитровым в его письме от 1 июля 1934 г. вопрос: «Пра-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 18, д. 967, л. 3.

² Там же, ф. 558, оп. 1, д. 4010, л. 1.

вильной ли является огульная квалификация социал-демократии как социал-фашизма», Сталин написал: «Насчет руководства — да, только не «огульная». Таким образом, и в период, когда компартии в ряде стран Европы, прорывая существовавшую стену недоверия между коммунистами и социал-демократами, добивались создания единого фронта, когда под руководством Димитрова в Исполкоме Коминтерна начался пересмотр несостоятельных схем и догм, Сталин еще сохранял свои представления о социал-демократии. На вопрос Димитрова «Правильно ли считать социал-демократию везде и при всяких условиях главной социальной опорой буржуазии» он ответил: «В Персии, конечно, нет. В основных капстранах — да». На вопрос «Правильно ли считать все левые социал-демократические группировки при всяких условиях главной опасностью» Сталин ответил: «Объективно — да»¹.

В этом письме Димитров, излагая основные идеи своего будущего доклада на VII конгрессе Коминтерна, предложил вместо применения тактики единого фронта «исключительно как маневра для разоблачения социал-демократии без серьезных попыток создать действительное единство рабочих в борьбе... превратить ее в действительный фактор развертывания массовой борьбы против наступления фашизма»². Сталин на полях написал: «Должны», а также: «Против кого этот тезис?»³.

Такие вопросы Сталин задавал и по поводу других предложений Димитрова. Это свидетельствовало не только о подозрительности Сталина, но и о нежелании отказаться от сектантского подхода к проблеме единства действий коммунистов и социал-демократов.

Пометки Сталина отражают, как представляется, возникшие у него колебания в правильности прежних схем. Однако, они это тоже показывают достаточно четко, его при этом весьма беспокоила мысль, не станет ли ясно, кто навязывал все подобные установки.

Документы свидетельствуют, что в руководстве Коминтерна при выработке новых установок понимали, что речь идет о преодолении сталинских догм. Так, на засе-

¹ ЦПА на ЦК на БКП, ф. 146, оп. 6, а. е. 754, л. 1.

² VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. М., 1975, с. 29.

³ ЦПА на ЦК на БКП, ф. 146, оп. 6, а. е. 754, л. 2.

дании комиссии по 2-му пункту повестки дня конгресса работник аппарата Коминтерна, немецкий коммунист С. Шваб 2 августа 1934 г. говорил: «Я полагаю, что ни один тезис Сталина не использовали столь беззастенчиво как тезис о близнецах. Его цитирование стало удобным приемом, чтобы избавиться от выявления отличий, разницы в методах»¹.

Весьма красноречивым является признание секретаря ИККИ Д. З. Мануильского 14 июня 1934 г. в комиссии по подготовке конгресса: «Как мы себе представляли развитие раньше? Мы себе представляли, что развитие будет такое: борьба с социал-демократией на исторической арене, класс против класса, буржуазия — пролетариат, и для того, чтобы мы возглавили пролетариат, надо разгромить социал-демократию. Мы себе представляли две группы: коммунисты и социал-демократы. Вот мы себе представляли, какие две группы борются между собой. Мы представляли себе, что в конце концов мы победим социал-демократию, но вышло не так, как мы думали на VI конгрессе. Социал-демократию разгромили не коммунисты, а фашисты. Все наши указания были таковы, что социал-демократия — это наш главный враг. Вопрос заключается в том, что игнорируя борьбу с фашизмом, мы сосредоточивали весь огонь на социал-демократии и считали, что борясь с социал-демократией, мы тем самым громили фашизм... Я думаю, вывод такой, что вопрос о борьбе с фашизмом сейчас должен быть поставлен несколько иначе, чем мы его ставили до сих пор»².

В политике коммунистических партий, в развитии коммунистического движения настойчиво пробивала себе дорогу тенденция к сплочению всех революционных и демократических сил в борьбе за свержение фашистских диктатур и установление режимов народного фронта или подобных им антифашистских демократических режимов. Это было восстановлением и развитием в новых условиях ленинских положений о едином фронте и решении задач переходных этапов в классовой борьбе пролетариата. Эта линия легла в основу исторических директив VII конгресса Коминтерна (июль — август 1935 г.), взявшего курс на создание единого

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 494, оп. 1, д. 100, л. 28.

² Там же, л. 8—10.

рабочего и широкого народного фронта. В ней сочетались общедемократические, гуманистические цели сохранения мира, отпора фашизму с борьбой за социальный прогресс. Тем самым создавались благоприятные возможности для совместных действий, сотрудничества различных политических течений и в первую очередь коммунистов и социал-демократов.

VII конгресс на деле означал серьезную попытку вернуть Коминтерну значение коллективного руководящего органа коммунистического движения, органа, проводящего свою деятельность на марксистско-ленинских принципах, учитывающего как интернационалистскую основу движения, так и его национально-специфические черты в различных странах. Это свидетельствовало об огромных идейно-политических потенциях коммунистического движения, росте его зрелости. Осуществление компартиями политики антифашистского единства, сплочение демократических и антивоенных сил, провозглашенное VII конгрессом Коминтерна, означало завершение в целом процесса становления коммунистических партий как партий нового типа, важный шаг к укреплению их самостоятельности.

Решения VII конгресса, которые были приняты в атмосфере набравшего безудержный размах ультраличности Сталина, фактически отбросили многие господствовавшие тогда в коммунистическом движении сектантские установки, вторым из которых был Сталин. На практике эти решения, опиравшиеся на успехи в создании единого рабочего фронта Франции, Италии, Испании и некоторых других странах, содействовали возникновению движения народного антифашистского фронта. Однако оно не получило в предвоенные годы такого размаха, который могло бы обеспечить перевес демократических сил над силами, подготавливавшими развязывание второй мировой войны.

Разумеется, подготовка VII конгресса Коминтерна, выработка проектов его решений не могли идти без Сталина и вопреки его мнению. Можно допустить, что в создавшейся ситуации Сталин считал целесообразным согласиться с предложениями Г. Димитрова и других руководителей Коминтерна. Это в определенной мере совпадало с внешнеполитическими акциями Советского правительства, направленными на создание системы коллективной безопасности. Однако Сталин, как это

отмечали советские историки Б. М. Лейбзон и К. К. Шириня в первом издании своей книги, «публично нигде не выразил своего отношения к новой политике Коминтерна... Это было скорее молчаливое согласие с решениями конгресса, чем их активная поддержка»¹. К этому можно добавить, что процессы 1936—1938 годов, смерч террора, который обрушил на советских людей Сталин и который не миновал Коминтерна и компартии, подорвали не только возможности осуществления единого фронта в предвоенные годы, но и нанесли непоправимый удар Коминтерну.

В этой ситуации все попытки Коминтерна добиться создания в международном масштабе единого фронта коммунистов и социал-демократов, особенно в связи с необходимостью оказания помощи испанскому народу в его героической борьбе с франкистскими мятежниками, опиравшимися на прямую поддержку и военную интервенцию итало-германского фашизма, оказались безуспешными. И в этот период правая социал-демократия вновь упорно отказывалась от сотрудничества с коммунистами, считая, что единственным средством предотвращения опасности войны является ориентация на западные державы. Намечавшиеся в ряде случаев контакты коммунистов и социал-демократов были сорваны вследствие воздействия на мировое общественное мнение позорных судебных процессов конца 30-х годов, организованных Сталиным и его подручными, и яростной кампании в печати против тех, кто посмел заявить об их фальсифицированном характере. Все это роковым образом препятствовало созданию единого антифашистского фронта. И к началу второй мировой войны такого фронта не существовало. Лишь значительно позднее в огне движения Сопротивления фашистским поработителям, в ходе национально-освободительной борьбы политика антифашистского единства, выработанная VII конгрессом Коминтерна, воплотилась в жизнь, способствуя успеху в разгроме фашизма.

Таким образом, сталинизм, аккумулировав сектантско-догматические взгляды на политику единого фронта и навязав эти установки коммунистическому движению, сыграл отрицательную роль в том, что к моменту реша-

¹ Лейбзон Б. М., Шириня К. К. Поворот в политике Коминтерна. М., 1965, с. 308.

ющих для судеб человечества испытаний, связанных с развязыванием фашистскими агрессорами второй мировой войны, не удалось добиться создания единого фронта коммунистов и социал-демократов, тех сил, которые могли стать цементирующим началом сплочения всех противников войны.

Урон, нанесенный Сталиным коммунистическому движению, его идеологии, его стратегии и тактике, его борьбе за сплочение широких масс трудящихся, огромен. Развенчание сталинизма до конца, полное преодоление его последствий — насущная задача современности. Сегодня это необходимо прежде всего для сплочения во имя спасения мира и человечества всех противников войны. И в этом смысле сотрудничество коммунистов и социал-демократов имеет особо важное значение.

Политическое образование. 1989. № 1. С. 77—85.

Не плакать, не смеяться, но понимать

*«Круглый стол» в Институте военной истории
Министерства обороны СССР*

Изречение, вынесенное в заголовок этой публикации, произнесено очень давно — средневековым мыслителем Спинозой. Но на недавней встрече ученых оно было повторено не случайно. Хотя, вероятно, многим эта философия, обращенная к трагическому, пожалуй, самому трагическому периоду нашей недавней истории — 30-м годам, может показаться не просто неприемлемой, но и кощунственной.

Гнев и боль вызывают в душе каждого честного человека преступления Сталина и его окружения. Их невозможно ни забыть, ни простить. Ученые — историки, философы, юристы — такие же люди, как мы с вами. Над ними тоже властвуют такие же чувства. И все же прежде всего от них мы вправе ждать спокойного и трезвого проникновения в причины и суть произошедшего в нашей стране.

«Не плакать, не смеяться, но понимать...» Можно сказать, что именно с таким настроением прошла встреча за «круглым столом» в Институте военной истории.

Открывая встречу, начальник института, генерал-полковник, доктор философских наук, автор известной книги о Сталине «Триумф и трагедия», профессор Дмитрий Антонович Волкогонов сказал: «Объект нашей встречи — 30-е годы. Сам по себе исторический ландшафт этого периода очень многообразен. Мне хотелось бы, чтобы мы, не поддаваясь только эмоциональной стороне дела, говоря о преступлениях, аномалиях, извращениях, деформации, чрезвычайно бережно отнеслись к общественному сознанию, к народу, который верил в социализм, который творил, созидал, самоотверженно сражался. Это самое сложное. В наши дни и в печати, и в письмах читателей ставятся многие вопросы. Почему планы, которые казались абсолютно бесспорными, оцениваются ныне как сомнительные,

ошибочные? Почему произошла деформация тех концептуальных идей, установок, которые были выработаны еще Лениным? Можно ли найти формулы, чтобы оценить социализм того периода? Как относиться к этому?»

О взглядах ученых на эти и другие вопросы вы можете получить представление по публикуемым сегодня выдержкам из выступлений некоторых участников «круглого стола».

Представим их: заведующий сектором Института истории СССР АН СССР, доктор исторических наук, профессор Ю. С. Борисов; заведующий отделом Института экономики мировой социалистической системы АН СССР, доктор философских наук, профессор А. П. Бутенко; старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР, доктор исторических наук В. П. Данилов; заместитель директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, доктор исторических наук В. В. Журавлев; доктор философских наук, профессор Академии МВД СССР М. П. Капустин; заместитель начальника Института военной истории МО СССР, доктор философских наук Ю. Я. Киршин; старший научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, доктор исторических наук В. Г. Колычев; начальник кафедры Высшей школы Академии МВД СССР, доктор юридических наук В. М. Курицын; старший научный сотрудник Института военной истории МО СССР, доктор исторических наук, профессор Н. Д. Табунов; заведующий сектором Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, доктор исторических наук Ф. И. Фирсов.

А. БУТЕНКО:

Перестройка заключается в том, чтобы сломать государственно-административный, «казарменный социализм», имевший одну модель и при Сталине, и при Брежнев.

Каково было мировоззрение Сталина? Какой общественный строй мы построили в 30-е годы?

Я думаю, если мы правильно ответим на первый вопрос, а это нуждается в очень глубокой оценке, анализе всех взглядов Сталина, всех документов партии, то мы сможем ответить и на второй.

Для нас важно, был ли Сталин марксистом-ленинцем или нет. Я считаю, что не был. Это мой исходный тезис. Я стою на той позиции, что на рубеже 20-х — 30-х годов произошла подмена ленинской концепции социализма сталинской.

Сталин исходил из того, что построить социализм — это обеспечить стопроцентное обобществление промышленного производства и стопроцентную коллективизацию. Для реализации этих двух принципов он применил не только государственное принуждение, но и массовые репрессии, беззакония и т. д. Мы не можем, конечно, отрицать того факта, что в 30-е годы наша страна изменилась коренным образом: были построены тысячи заводов, фабрик, созданы совхозы и колхозы, ликвидирована частная собственность, ликвидирована в старой форме эксплуатация человека человеком. Эти вопросы всячески подчеркивались и акцентировались: нет эксплуатации, нет капитализма, вот уже и социализм в основном построен. И Сталину верили, что в конце 30-х годов социализм в основном действительно построен.

Но какой социализм? Я считал и считаю: сталинский, государственно-административный социализм при господстве партийно-государственной бюрократии, при отсутствии гласности, демократии, при тысячах тюрем, казарм, то есть то, что марксизм называет «казарменным социализмом». По Марксу «казарменному социализму» свойственно полное презрение и пренебрежение к личности. Маркс говорил, что при «казарменном социализме» руководители будут считать важнейшей своей заслугой достижение такого положения, чтобы народ больше производил, но меньше потреблял. Разве было не так? Посмотрите внимательно, «казарменный социализм» описан Марксом практически один к одному с тем, что было в нашей стране.

Перестройка заключается в том, чтобы сломать этот государственно-административный, «казарменный социализм», имевший одну модель и при Сталине, и при Брежневе, с той только разницей, что у последнего отсутствовали массовые репрессии, что страх не являлся опоркой в том качестве, в каком он был при Сталине.

В. ЖУРАВЛЕВ:

Некоторые пытаются подменить проблему болезни нашего общества проблемой болезни и капризов тирана.

Часто мы, остановившись на изложении деформированной, во многом уродливой системы, боимся или не хотим идти дальше. Я думаю, что это не случайно, и до сих пор мы не всегда следуем мудрому совету Спинозы, о котором сегодня уже говорилось. Мы вынуждены и смеяться, и плакать, но все-таки наша задача в том, чтобы понимать существо дела.

Сейчас же история переходного периода очень часто рассматривается нами исключительно как разгул субъективных стихий и страстей, как своего рода эмоциональное поле, перейти которое удастся не каждому.

А потому рассмотрение переходного периода порой ограничивается как бы исследованием истории одной болезни — приступов паранойи у Сталина, когда все внутрисполитические события (сроки и формы коллективизации и даже появление «головокружения от успехов») впрямую связываются с циклами ухудшения и просветления в состоянии болезни Сталина. Авторы подобных версий, надо думать, очень гордятся собой, считая, что они-то и наносят самые губительные удары по культуре личности и его последствиям. Но это кажущиеся победы. Подобные заходы при всех благих намерениях их авторов запутывают сложную, драматическую картину болезни нашего общества, подменяя ее проблемой болезни и капризов тирана. Это неизбежно ведет нас к идее исторического пессимизма, когда все в социализме — в его прошлых, настоящих и будущих судьбах — зависит от личных качеств руководителя, который формируется по нашей модели социализма. Дело в том, что, не познав истинных причин появления и распространения культа личности, мы не способны выработать и социальный механизм, гарантирующий общество от повторения пройденного.

Н. ТАБУНОВ:

Точка зрения Ленина о многофазности коммунистической формации долгое время не принималась во внимание.

Когда мы имеем в виду историю как объективный процесс, ее невозможно переписать. Но есть история идей. И когда мы сейчас рассматриваем историю идей, партийных решений, то убеждаемся, что эта история объективные процессы отражала не адекватно. Поэтому вполне правомочно пересмотреть определенные взгляды, внести определенные коррективы и, опираясь на развитие научной мысли, внести вклад в периодизацию, в освещение и интерпретацию событий прошлого.

С этой точки зрения я хотел бы отметить, что рассматривая историю идей, мы имеем определенную модель, созданную Марксом, Энгельсом и Лениным. Но мы не учитывали, что коммунистическая формация не какой-то кратковременный период, она может и будет продолжаться многие столетия, века и тысячелетия.

У Ленина в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» единственный раз указывается, что коммунистическая формация будет многофазной. В свое время эта же идея промелькнула и в нашей печати. Сотрудники Института марксизма-ленинизма в книге «Марксистско-ленинская теория социализма и современность» отвергли ее, заявив, что никакой средней фазы коммунистической формации нет, это лишь эпизодическое замечание В. И. Ленина, которое не нашло подтверждения в его дальнейших теоретических трудах.

А вот в работе М. С. Горбачева о новом мышлении есть мысль, над которой всем стоит призадуматься. Проводя историческую параллель с революциями прошлого, он отметил, что во Франции буржуазный строй утвердился в результате ряда революций: Великой революции 1789 года, революций 1830, 1848 и 1871 годов. Почему же социализм, который призван осуществить более глубокие, чем капитализм, экономические, социальные, политические и духовные перемены в обществе, не должен пройти несколько революционных перевалов, чтобы выявить всю свою потенцию и окончательно откристаллизироваться как принципиально новая формация? К этому добавлю: Ленин не раз повторял, что социализм будет складываться из многих периодов. Я думаю, мы вправе говорить, что социализм — это самостоятельная формация, и как таковая он утверждается после переходного периода. А затем будет средняя

формация, будущая коммунистическая формация.

Сейчас мы говорим, что построены основы социализма. Но если подойти из анализа экономики, социальной и политической сферы, то, на мой взгляд, можно сказать, что мы лишь вступаем в этап построения развитого социалистического общества, причем только начинаем его строить.

Ф. ФИРСОВ:

Сама мысль о возможности сотрудничества коммунистов и социал-демократов в борьбе с фашизмом для Сталина была ересью.

Хотел бы высказаться по вопросу о том, как сталинизм отразился на деятельности Коммунистического Интернационала в 30-е годы. В эти годы были нарушены и деформированы те принципы, на основе которых Коминтерн был построен при Ленине и благодаря Ленину. Фактически говорить о Коминтерне в то время как о демократическом объединении коммунистических партий нереально, ибо аппарат Коминтерна в 30-е годы полностью находился под контролем Сталина и его ближайшего окружения. Ни одно политическое решение Коминтерна не принималось без предварительного указания и многократной проверки этого указания Сталиным.

Возникает весьма противоречивая картина. С одной стороны, мы имеем дело с VII конгрессом Коминтерна, который «прорывает» сталинские догмы, а с другой — последовавшую вслед за этим лавину репрессий и террора, обрушившихся на Коминтерн и коммунистические партии. Иногда спрашивают, неужели Коминтерн пошел на VII конгресс вопреки Сталину? Конечно же, нет. Сталин в это время лавировал, вынуждаемый обстоятельствами, той волной антифашистского движения, которое развернулось во всем мире, и тем реальным разоблачением стереотипов социал-фашизма, что было характерно для коммунистического движения.

Очень любопытный материал связан с реакцией Сталина на установление фашизма в Германии. В статье Троцкого о положении в Германии, появившейся в газете

те «Манчестер гардиан», были подвергнуты резкой критике ошибки Коммунистической партии Германии. «Лидеры партии,— писал Троцкий,— выдвинули нелепую аксиому, будто социал-демократы и национал-социалисты представляют собой лишь две разновидности фашизма, которые, согласно пагубной формуле Сталина, являются не полюсами, а близнецами». На полях газеты против этих слов Сталин написал: «Разве это не подтвердилось целиком?» Особую ярость Сталина вызвали слова Троцкого о необходимости оборонительного союза коммунистов и социал-демократов против наступления фашизма. Сама мысль о возможности сотрудничества коммунистов и социал-демократов в борьбе с фашизмом на случай защиты буржуазной демократии для Сталина была невообразимой ересью.

Впрочем, не следует забывать, что и Троцкий, резко критиковавший теорию социал-фашизма, решительно отверг установку VII конгресса Коминтерна о едином широком народном фронте, расценив ее как переход от классовой линии в сторону классового сотрудничества.

В связи с тем, что личность Троцкого у нас наконец-то получает освещение на страницах печати, я хотел бы высказать свое мнение по этому вопросу. Мне кажется, ни в коем случае нельзя приравнивать ошибки, заблуждения и даже неправильные, вредные действия одного к преступлениям другого. (Кстати, меня удивляет, что до сих пор мы весьма туманно говорим о гибели Троцкого. Дескать, убил его некий испанец... А это Меркадер. Никаких сомнений, чьим агентом он был и чью волю исполнял, быть не может, ибо известно, что после освобождения из тюрьмы этот человек жил у нас, имел звание Героя Советского Союза. Пора обо всем рассказать до конца...)

Хочу отметить, что в тот период сам пересмотр сталинских догм был крайне труден, хотя в Коминтерне понимали, что это надо делать, не вызывая ярости и подозрений Сталина. Поэтому VII конгресс Коминтерна, отбросивший многие сталинские догмы, проходил в обстановке такого культа личности Сталина, который сегодня мы с трудом можем даже представить.

Когда мы говорили и говорим о значении решений

VII конгресса, историческую актуальность которого мы видим все больше и больше, нельзя забывать, что вслед за 1935 годом, осуществившим эти решения, и успехами народного фронта 1936 года, последовали процессы, подорвавшие линию VII конгресса Коминтерна. Были репрессированы руководящие кадры коммунистических партий Австрии, Венгрии, Германии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Эстонии, Финляндии, Югославии и ряда других стран. Это я говорю только о руководящих кадрах, а репрессировано было огромное число политэмигрантов.

Урон, нанесенный Сталиным коммунистическому движению, его идеологии, стратегии и тактике, огромен. Однако даже это не уничтожило коммунистическое движение, которое своими корнями уходит в самую толщу рабочего класса.

Ю. БОРИСОВ:

Я думаю, что командно-административный метод объясняется низкой квалификацией, некомпетентностью кадров.

Социализм, который начали строить в 1917 году в совершенно особых, исключительно тяжелых условиях, учитывал многое: и наличие теоретически осмысленных моделей путей развития, и глубокие исторические традиции страны, в частности роль государства в России, и известную идеализацию роли государства, и государственную практику преобразований в нашей стране, что отличало ее от стран Западной Европы. При этом не могли не учитываться конкретные тяжелые условия. Тем не менее ленинские представления, особенно развитые им в последних работах, указывали выход из этих тяжелых условий, пути построения социализма, то есть то, что потом было свернуто Сталиным. Был осуществлен возврат к административно-командному, административно-карательному методу. Это отвечало не только представлениям самого Сталина, но и глубоким историческим традициям. Мы снова вернулись в привычную, наезженную веками колею, освещенную к тому же героическим периодом военного коммунизма. Почему это произошло? Почему это оказалось легче? Почему

му это не вызвало серьезного противодействия даже на уровне Политбюро?

Помните слова В. И. Ленина о том, что коммунисты должны научиться торговать? Нэп был выходом в такую политику, которая требовала компетентного руководства, требовала руководителей особого рода — грамотных, умеющих торговать, умеющих на профессиональном уровне решать политические, экономические и иные вопросы. Но таких людей было можно пересчитать буквально по пальцам. Успешно привлекали и старых специалистов. Когда Ленина не стало, когда в Политбюро очень быстро произошли изменения, когда наиболее талантливые люди были устранены, пришли другие люди, хотя и честные, искренние, герои-революционеры и практики, но, как правило, некомпетентные. Конечно, легче руководить приказами: это проще, к тому же был опыт. И вот такая линия подбора, генерация руководителей, не имеющих должной квалификации, продолжалась. За всю историю партии во главе ее было всего два человека с университетским образованием. Я не хочу сказать, что университетский диплом единственное, что нужно. Нет.

И все же. Я думаю, что командно-административный метод объясняется низкой квалификацией кадров. А это не отвечает ленинскому призыву учиться торговать, учиться вести хозяйство и т. д. Ленин в своих последних документах прямо указал модель: «Руководитель — это человек, широко мыслящий, умеющий сплачивать специалистов». А орговик должен быть вторым лицом.

В. КУРИЦЫН:

Когда отсутствуют экономические стимулы, над работником нужен надсмотрщик, а над ним еще надсмотрщик...

Крупнейшая проблема, возникшая с первых лет Советской власти,— это проблема стимула к труду. Стимул мыслился как моральный. Мы предполагали, что товарно-денежные отношения — это пережиток капитализма. С первых дней революции мы говорили, что они отомрут вместе с капитализмом. Зарплата, материальные стимулы не признавались. Оставалось единствен-

ное — внеэкономическое принуждение: в годы гражданской войны — это поселкомы в сельском хозяйстве, которые судили за недосев, недосбор; в промышленности — это рабочие товарищеские дисциплинарные суды, наказывающие за нарушение норм выработки шестью месяцами заключения. А если внеэкономическое принуждение, то, следовательно, над работником нужен надсмотрщик, а над ним еще надсмотрщик. Вот вам и создается бюрократическая пирамида.

Именно такую систему мы и создали в годы гражданской войны. Я вижу величие В. И. Ленина в том, что с переходом к нэпу он смело пошел на ломку старых догм, на выработку новой теории социализма. В связи с этим следует сказать, что теория социалистического государства, социалистического общества — это развивающаяся теория. Но в начале 30-х годов вследствие тех обстоятельств, которые известны всем присутствующим, нам пришлось вновь перейти к административно-командным формам управления, чтобы попытаться создать военно-экономический потенциал.

За счет чего он создавался? Во-первых, за счет дани с крестьянства — перекачка сил из сельского хозяйства, во-вторых, массовый бесплатный труд заключенных, о чем говорить было не принято. И раскулачивание создавало огромный контингент заключенных и спецпоселенцев. В свою очередь потребовалось реорганизовать весь государственный аппарат, прежде всего карательные органы. Вот экономическая подоплека того режима, который утвердился: это административно-командный режим, бюрократизация всей политической системы и государственного аппарата. Отсюда термин «винтиков», сосредоточение, срастание партийного и государственного механизма, сосредоточение власти в руках партийно-государственной элиты, верхов. Вот та система команд и безусловное их исполнение под страхом жестокого наказания. Тут мы видим бюрократизацию не только в государственном механизме, но и во всей политической системе, к сожалению, бюрократизацию самой партии.

Была ли возможна альтернатива, о которой сейчас много пишут? Та экономическая система, которую в свое время предлагал Н. И. Бухарин, давала возможность создать в экономике и государственный сектор, и кооперативный, и другие сектора. Это была бы экономи-

ческая основа для демократии. А в условиях всеобщей мобилизационно-карательной системы такой базы для демократии не было, поэтому, к сожалению, Конституция 1936 года фактически превратилась в ширму для диктатуры Сталина.

Я хочу поддержать выступавших здесь в отношении того, построили мы социализм или нет. Думаю, что в 30-х годах социализм мы еще не построили. Совершенно правильным, на мой взгляд, является утверждение наших историков, что речь может идти только о переходном периоде, который завершился где-то в середине или в конце 50-х годов. Говорить о построении социализма в условиях такой бюрократической системы управления невозможно, ведь социализм органически, неразрывно связан с демократией.

В. КОЛЫЧЕВ:

Даже вопросы перемещения коммунистов внутри партийных организаций рассматривались на бюро райкомов.

В 30-е годы усиленно разрастается аппарат Центрального Комитета и местных партийных органов. В конце марта 1939 г. после XVIII съезда было создано Управление кадров при ЦК ВКП(б), возглавляемое Маленковым. 45 его отделов занимались расстановкой кадров по отраслям народного хозяйства. Следует отметить, что в работе Политбюро ЦК и местных партийных организаций усилился централизм. Так, Политбюро рассматривало на своих заседаниях даже такие вопросы, как распределение семенной ссуды между областями и колхозами.

Внутрипартийные вопросы также были слишком централизованы. Даже перемещение коммунистов внутри партийных организаций в республиках решалось на бюро ЦК партии, а в областях — на бюро обкомов и райкомов.

Надо сказать и о негуманном характере многих решений партийных органов. Например, в 1940 году на июльском Пленуме ЦК Маленков в своем докладе потребовал ужесточения мер в отношении тех, кто самовольно уходит с предприятий, допускает прогулы и опоздания. Кстати говоря, в своем обращении к рабочим и служащим ВЦСПС предложил тюремное заключение сроком до одного года за самовольный уход с

предприятий и исправительно-трудовые работы по суду сроком до шести месяцев за прогулы и опоздания на работу. А Маленков в своем докладе предложил «упростить» судебную процедуру, ликвидировав статус народных заседателей. Вскоре такое решение было оформлено Указом Президиума Верховного Совета СССР.

Имеется немало фактов негуманного отношения к партийным работникам, коммунистам. Так, на Политбюро ЦК за два с половиной месяца (конец 1938 — начало 1939 г.) были заслушаны отчеты восьми секретарей областных и республиканских партийных организаций. 7 человек тут же были сняты с работы как несправившиеся, а вскоре многие из них репрессированы. Одной из первых жертв оказался Угаров — секретарь Московского городского комитета партии. Таким образом, командно-административная система насаждалась и в партии.

Возникает вопрос: почему это стало возможным? Я согласен с мнением, что идет это еще с гражданской войны. Дело не только в злом гении Сталина. Очевидно, есть серьезные, существенные причины возрождения командно-административной системы. Одна из них — недостаточная подготовка и опыт кадров. Например, среди секретарей обкомов партии 60 процентов не имели даже среднего образования.

В. ДАНИЛОВ:

30-е годы стали историческим зигзагом, из которого мы сейчас с таким трудом выбираемся.

Я считаю, мы не можем назвать общество ни 30-х, ни 60—70-х годов обществом вполне социалистическим. Думается, и наше современное общество по своим основным критериям и по отношению к производству, по отношению к труду, по отношению между людьми не отвечает основным критериям социализма, его можно будет назвать социалистическим лишь после завершения перестройки общественной жизни, если этой перестройке будет сопутствовать успех, если мы этого успеха достигнем.

Что касается обществ 30-х и последующих годов, то я намеренно употребляю множественное число, так как это были разные общества. Думаю, их можно

назвать обществами переходного периода, где их связь с социализмом, переходом к социализму (в этом смысле переходному заключалась лишь в устремлениях широких народных масс к социализму, в заряде, который был дан Октябрьской революцией и который, я надеюсь, не исчерпан до сих пор.

Мы сейчас часто ссылаемся на системные представления. Между тем до появления всей системы терминов у нас еще в дореволюционное время наука понимала, что если из системы представлений исчезнет хотя бы один элемент, то происходит переворот во всей системе в целом, появляется принципиально другая система. Как я не могу себе представить социалистическим общество с системой лагерей, системой террористической диктатуры Сталина, так и не могу признать социалистическим «брежневское» общество с системой коррупции, подхалимажа и многими другими «болезнями». Поэтому я и говорю, что это общества переходного периода у которых есть общее — бюрократизированное общество. Судя по тому, что в последние 30-е годы положили начало уходу в сторону от социализма, стали историческим зигзагом, из которого мы теперь с таким трудом выбираемся.

Ю. КИРШИН:

Снижение престижа наших Вооруженных Сил сегодня связано с прошлыми деформациями в жизни армии.

В дооктябрьский период и первые годы Советской России была сформулирована ленинская концепция строительства социалистической армии. На основе этой концепции и создавалась Красная Армия. Она развивалась на принципах гармоничного сочетания централизма и демократизма на принципах демократических отношений между начальником и подчиненным. Гласность, критика и самокритика пронизывали структуру Красной Армии сверху донизу. Поощрялся плюрализм мнений. У красноармейцев были не только обязанности, но и права. Командиры и политработники стремились обеспечить социальную справедливость. Законы и воинские уставы во многом обеспечивали социальную защищенность военнослужащих.

Однако в конце 20-х и начале 30-х годов в Красной Армии был допущен существенный отход от ленинской концепции.

Это в первую очередь отход от демократизма, отчужденность, отрыв командно-начальствующего состава от красноармейцев, в армии не допускался плюрализм, инакомыслие, господствовала дозированная гласность, была принижена роль партийных организаций. Часто в вопросах строительства Красной Армии принуждение и насилие брали верх над убеждениями. Страх, явившийся одним из важнейших стимулов поведения красноармейцев, выступал средством укрепления воинской дисциплины. Страх служил стимулом даже в идеологической работе, в частности в освоении курса истории партии. Не было полной социальной защищенности военнослужащих, нарушалась нередко социалистическая законность, некоторые начальники превышали свои права. Я уж не говорю о репрессиях.

Что касается социальной справедливости, то уже в те годы появился протекционизм в подборе и расстановке кадров (это касалось хотя бы выходцев из 1-й Конной армии), порой сдерживался рост талантливых людей, была уравниловка в выдвижении кадров, выдвигались карьеристы, подхалимы, угодники.

Каковы же результаты деформаций в Красной Армии? Это снижение боевой мощи, снижение морального духа и уровня боевой готовности, крупные поражения и неудачи в годы Великой Отечественной войны, большие потери, миллионы военнопленных. Мне представляется, что и снижение престижа наших Вооруженных Сил, которое мы наблюдаем сегодня, связано с прошлыми деформациями в жизни армии.

М. КАПУСТИН:

Чтобы сохранить свою власть, сталинизм вырубил практически весь цвет нации, ее генофонд.

Хотелось бы обратить внимание историков на то, что волнует сейчас марксоведов, которые вернулись к следующему вопросу. В свое время Вера Засулич обратилась к Марксу с просьбой ответить, является ли судьба России продолжением «Капитала» или она

пойдет своим путем. Маркс ответил, что «мой «Капитал» относится только к странам Западной Европы, а у России свой путь, следует обратить внимание на ту общину, которой так долго занимались русские демократы».

Однако это письмо, которое противоречило взглядам всей группы Плеханова, было скрыто. Ленин о нем практически ничего не знал и собственным путем дошел до мысли Маркса. Развитие ленинского, а потом бухаринского типа построения социализма как раз учитывало эту традицию русской крестьянской общины, которую можно было использовать в ненасильственном кооперировании.

В 30-х годах ленинизм оставался лишь в умах верных ленинцев, ряды которых с каждым годом все больше редели. Начавшийся курс авантюризма, насилия и террора был чреват гигантским количеством ошибок. Расчет, видимо, был на бесконечность ресурсов — и людских, и сырьевых: Россия казалась громадной и бесконечной. Посчитали, что можно пренебречь всякого рода научными анализами, привлечением специалистов и т. д. Более того, чтобы сохранить свою власть, сталинизм вырубил практически весь цвет нации, ее генофонд. Хочу в связи с этим напомнить чрезвычайно важную мысль академика Лихачева: чтобы социализм был, нам не хватает одного — культуры. Да, генофонд национальной культуры был уничтожен, и восстановление его — процесс сложный, долгий и болезненный.

Думаю, можно сказать, что при сталинизме мы имели дело с левым вариантом государственного социализма. Суть его заключалась в следующем: по вертикали — абсолютаризм, имеющий давнюю национальную историю, глубочайшую традицию царизма, а по горизонтали — бюрократия, которая также весьма исторична, начиная еще с Петра I. Пересечение вертикали и горизонтали и дает пирамидальную структуру социального управления, в которой в 60—70-е годы была произведена лишь некоторая перестановка, вместо того чтобы признать, что демократический централизм сменился бюрократическим, диктатура пролетариата сменилась диктатурой бюрократов. Сложившуюся систему можно назвать авторитарной бюрократией.

Мне думается, возрождение ленинизма и общества ленинского типа, которое происходит сегодня,— это процесс реальный, перспективный. Но вместе с тем иго, оставленное сталинизмом, преодолеть гораздо труднее, чем нам кажется. Плеханов когда-то говорил, что оппортунизм у нас в России умер, но не похоронен и труп его продолжает разлагаться и отравлять Россию. Я бы перенес его слова всецело на оценку сталинизма. Задача десталинизации отнюдь не только историческая.

**Материалы «круглого стола» подготовил
В. ЕВСЕЕВ.**

Московская правда. 1989. 1 февр.

Была такая война

Советско-финляндские отношения стали ныне убедительным примером жизнненности и результативности мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Однако так было не всегда. Хорошо известно, что эти отношения прошли через сложные и трудные испытания, в том числе в 30-е годы.

В основе внешнеполитической концепции Финляндии в 30-е годы лежала классовая неприязнь правящих кругов к первому социалистическому государству и заинтересованность, в силу этого, в ликвидации Советской власти в СССР. Были в этих кругах и сторонники реалистического отношения к Советскому Союзу (основанного прежде всего на правильно понимаемых национальных интересах самой Финляндии), но они никогда не были в большинстве и тем более не осмеливались выступать открыто. В официальной пропаганде Советский Союз рассматривался как враждебное государство, с которым Финляндия должна вести борьбу, вплоть до участия в войне против него, а финны — как народ, которому предопределено быть «защитником западного мира». Поэтому, несмотря на отдельные положительные моменты во внешней политике Финляндии, ее общая линия оставалась неизменной и устремлялась, по образному выражению О. Куусинена, «как устремляется стрелка компаса к северу, в объятия тех государств и правительств, которые на данном этапе занимали враждебную к СССР позицию».

Кроме того, влиятельным политическим силам Финляндии не были чужды интервенционистские планы. Ни в одной соседней стране не велась столь открытая пропаганда за отторжение территорий Советского Союза, как в Финляндии. Офицерская присяга в фин-

ской армии заканчивалась словами: «Так же, как я верю в единого бога, верю в Великую Финляндию и ее большое будущее».

Фашистская Германия, принявшая на себя роль главной ударной силы международной империалистической реакции, уделяла большое внимание Финляндии, граница которой составляла $\frac{1}{3}$ западной границы Советского Союза и проходила вблизи его важных политических и экономических центров и коммуникаций. С середины 30-х годов началось интенсивное политическое и военное сближение Финляндии и Германии. «Тень Гитлера в конце 1930-х гг. распростерлась над нами, и финское общество в целом не может поклясться, что оно не относилось к ней с определенной симпатией», — отмечал покойный президент У. Кекконен.

Советский Союз, учитывая это, имел полное основание опасаться за безопасность своих северо-западных границ, прежде всего Ленинграда, который находился лишь в 32 км от границы (неудовлетворительность линии границы на Карельском перешейке неоднократно признавалась и с финской стороны и была предметом советско-финляндских переговоров еще в 1918 г. Советское правительство пошло на уступки в вопросе о ней в 1920 г. в интересах достижения мира).

Естественно, сама Финляндия угрозы для Советского Союза не представляла, однако любая империалистическая держава могла использовать эту страну как плацдарм для развертывания агрессии против СССР. Договор о ненападении, заключенный между СССР и Финляндией в 1932 г., отмечал видный правовед, бывший президент страны К. Столберг, не мог быть юридическим препятствием для этого.

Безрезультатные переговоры

Связи с ростом угрозы новой мировой войны Советское правительство неоднократно высказывало правительству Финляндии мнение о настоятельной необходимости улучшения советско-финляндских отношений.

По инициативе советской стороны в течение почти полутора лет — с апреля 1938 г. по ноябрь 1939 г. — между СССР и Финляндией с перерывами велись

переговоры о принятии мер, которые обеспечивали бы безопасность как северо-западных границ СССР, так и самой Финляндии. В ходе их рассматривались самые различные варианты решения этой проблемы — заключение между обеими странами общего договора о взаимопомощи, заключение ограниченного договора о взаимной помощи в обороне Финского залива, принятие Финляндией обязательства сопротивляться агрессии Германии, перенос на расстояние 70 км границы от Ленинграда, обмен территориями, создание на полуострове Ханко или на прилегающих к нему островах советской военно-морской базы, обоюдное разоружение укрепленных районов на границе и др.

Сделанные Финляндии с советской стороны в этом плане предложения не диктовались своекорыстными или тем более агрессивными намерениями и не выходили за рамки международного права. Финские историки и дипломаты оценивают их как «предложение помощи», отмечают их последовательность и обоснованность с исторической и военной точек зрения.

Однако интереса к достижению соглашения правительство Финляндии не проявило, и все предложения с советской стороны им неизменно отвергались. Видя уступчивость Советского правительства и его готовность к компромиссам, оно избрало линию на затягивание переговоров. Чувствовалось, что правительство Финляндии истолковывало в свою пользу расширение гитлеровской агрессии в Европе и рассчитывало, что положение Советского Союза будет ухудшаться. (Характерно, что о советских предложениях незамедлительно информировались западные державы, а правительство, парламент и, по некоторым данным, даже президент страны оставались в неведении.)

Срыв западными державами планов создания системы коллективной безопасности и осложнение обстановки в Европе, в том числе на северо-западе, в связи с началом второй мировой войны поставили Советский Союз перед необходимостью укрепления своей обороны. Вместе с тем Советское правительство не теряло надежды, что дипломатическим путем удастся добиться выработки мер по обеспечению взаимной безопасности с Финляндией.

12 октября 1939 г. переговоры были возобновлены. Советское правительство, пишет видный финский исто-

рик и дипломат К. Корхонен, «стремилось в октябре 1939 г. к соглашению, а не конфликту с Финляндией...» «Речь шла о том, как обеспечить финляндский фланг в том случае, если Германия действительно попытается полностью подчинить себе внешнюю политику Финляндии или использовать часть ее территории».

Предложение Советского правительства продолжить переговоры было использовано правыми кругами для разжигания воинственных выступлений и недоверия к СССР. Еще до начала переговоров были приняты решения о концентрации войск на Карельском перешейке и постановке перед ними боевых задач. 14 октября началось формирование полевой армии. По указанию министра иностранных дел Э. Эркко в печати и на радио была развернута массивная пропагандистская кампания против любых соглашений с СССР, чтобы создать впечатление, что якобы существует опасность для независимости страны. Короче говоря, делалось все, чтобы вызвать у Советского Союза недоверие в отношении намерений Финляндии и подготовить условия для срыва переговоров.

Советская делегация на переговорах, которую возглавлял И. В. Сталин, отмечают финские историки, энергично пыталась найти компромиссное решение. Однако Э. Эркко, без ведома правительства и парламента и не считаясь с позицией командования армии, дал финской делегации инструкцию проводить жесткую линию. Хотя на одном из этапов наметилось достижение взаимоприемлемых соглашений, категорически отрицательная позиция Э. Эркко, поддерживавшаяся министром обороны Ю. Ниукканеном и министром финансов В. Таннером, не позволила заключить их.

По инициативе финской стороны переговоры 13 ноября были прерваны. Делегация Финляндии вернулась в Хельсинки. Э. Эркко цинично заявил, что у нее имелись «более важные дела». Прекращение переговоров, писал возглавлявший финскую делегацию Ю. Паасикиви, было «одной из наиболее серьезных и тяжелых ошибок в серии внешнеполитических просчетов Финляндии. Ошибки делались и раньше, в том числе в 1938 г. и в начале 1939 г., их делали одну за другой вплоть до 1944 г. Однако осень 1939 г. явилась исходным пунктом последующих событий».

Большую долю ответственности за развитие событий

несут реакционные круги империалистических держав. Переговоры проходили в обстановке прямого вмешательства западных держав, которые, играя на национальных чувствах финнов, советовали правительству Финляндии не идти ни на какие соглашения с СССР и намекали на поддержку со своей стороны.

Советское правительство не исключало уже с середины 1939 г. возможности срыва переговоров. Теперь это стало фактом. И. В. Сталин поставил на Военном совете вопрос о том, что «нам придется воевать с Финляндией».

Возобновить переговоры правительство Финляндии не стремилось. Была избрана линия на то, чтобы поддерживать высокую боевую готовность и ожидать развития событий в Европе. В то же время продолжались «патриотические митинги», на которых с вызывающими речами выступали члены правительства и депутаты парламента.

105 военных дней

В конце ноября Советское правительство предприняло еще одну попытку избежать назревающего военного конфликта и предложило Финляндии отвести войска на 20—25 км от границы, чтобы исключить возможность пограничных инцидентов. Правительство Финляндии не приняло это предложение и выдвинуло встречное требование об отводе на такое же расстояние, т. е. в пригород Ленинграда, советских войск, что лишало бы город всякого прикрытия. Советское правительство расценило это как свидетельство того, что правительство Финляндии «продолжает оставаться на враждебных позициях в отношении СССР». 28 ноября Советский Союз заявил о денонсации Договора о ненападении и отзыве своих дипломатических представителей из Финляндии.

Войска Ленинградского военного округа получили приказ путем активных боевых действий отодвинуть границу на Карельском перешейке. Целью последующих военных мер ставился выход на линию Кексгольм — Выборг, что, по замыслам советского командования, должно было решить исход войны. 30 ноября части Красной Армии перешли границу Финляндии. (В советской литературе в прошлом начало военных

действий часто изображалось как акт агрессии со стороны Финляндии.)

Переданное через шведского посланника в Москве сообщение правительства Финляндии о готовности возобновить переговоры было отклонено Молотовым со ссылкой на то, что Советский Союз теперь признает лишь временное народное правительство «Финляндской Демократической Республики», созданное после начала войны находившимися в эмиграции представителями финских левых сил. Это правительство заявило, что ставит перед собой задачу заключения мира с Советским Союзом, демократизации страны, а также обеспечения ее независимости путем заключения договора о взаимопомощи и дружбе с СССР.

На первом этапе войны советские войска на Карельском перешейке преодолели сильную полосу заграждений и на всем протяжении вышли к главному опорному рубежу, получившему в западной печати название «линии Маннергейма». В сложных условиях суровой зимы прорвать ее с ходу не удалось, и военные действия приняли затяжной характер.

В финском народе создание народного правительства Финляндии, носившее характер явной импровизации, поддержки не получило. Оно согласилось на переговоры Советского правительства с правительством Р. Рюти, сформированным в Хельсинки 1 декабря 1939 г., и самораспустилось.

Западные державы рассчитывали превратить советско-финляндский конфликт в отправной пункт для империалистического «крестового похода» против СССР. Верховный военный совет Англии и Франции разработал план интервенции своих войск в Финляндию для войны против СССР. Одновременно они готовились нанести удар по Советскому Союзу с юга. (Германия в то время была связана войной на Западе и, опасаясь расширения войны на два фронта, не пошла на предоставление широкой помощи Финляндии.)

В этом случае Советский Союз и Финляндия оказались бы втянутыми в мировую войну. В сложившейся обстановке было важно ускорить разрешение военного конфликта и не допустить его использования империалистами западных держав. В январе 1940 г. начался мирный зондаж со стороны Финляндии. Советский Союз, отмечала финская общественная деятельница

Х. Вуолиоки, участвовавшая в переговорах, «относился с сочувствием к нашему обманутому, но отважному народу, который в течение долгих лет подвергался ослепляющему воздействию лживой враждебной пропаганды, ибо СССР не хотел войны против нашего народа», а советские представители «проявили исключительно глубокое понимание и дружбу по отношению к нашему народу»...

Многие финские политические деятели понимали, что превращение страны в поле боя означало бы для Финляндии полную катастрофу, однако правительство, несмотря на согласие советской стороны, не спешило начать переговоры о мире, и кровопролитные бои продолжались еще несколько недель. В правящих кругах Финляндии полагали, что вскоре начнется война между Германией и Советским Союзом и что вообще на долю Финляндии, в случае ее участия в любой агрессии на стороне Запада, может выпасть «историческая роль в ослаблении Советского Союза».

Прорыв частями Красной Армии «линии Маннергейма» и их успешное продвижение побудили правительство Финляндии согласиться на переговоры. 12 марта 1940 г. между СССР и Финляндией был подписан мирный договор. Его условия опрокинули домыслы о том, что якобы речь шла о стремлении Советского Союза «уничтожить» самостоятельность Финляндии. Фактически договор означал восстановление исторической русско-финляндской границы, существовавшей до 1809 г. Его целью было обеспечение безопасности северо-западных границ СССР — Ленинграда, незамерзающего Мурманского порта и Мурманской железной дороги. Кроме того, СССР получал в аренду полуостров Ханко для создания военно-морской базы. Это сыграло немалую роль в обороне северного фланга в годы Великой Отечественной войны.

Была ли эта война неизбежна? — такой вопрос правомерно задают многие. На сессии Верховного Совета СССР в марте 1940 г. говорилось: «Можно с уверенностью сказать, что если бы в отношении Финляндии не было внешних влияний, если бы в отношении Финляндии было меньше подстрекательств и враждебной Советскому Союзу политики со стороны некоторых третьих государств, то Советский Союз и Финляндия осенью прошлого года мирно договорились бы между

собой и дело обошлось бы без войны». У. Кекконен неоднократно отмечал, что войны можно было бы избежать, если бы тогдашнее руководство Финляндии проявило понимание интересов СССР и самой Финляндии.

В беседе с У. Кекконеном в начале 50-х гг. В. М. Молотов признал, что свою долю вины за развитие событий, приведших к войне, несет и Советский Союз.

Советским историкам еще предстоит создать целостную картину истории отношений между СССР и Финляндией. Несомненно, что в ходе этой работы события, связанные с войной 1939—1940 гг., получают более обстоятельное прочтение.

В преддверии второй мировой войны

Заметки историка

50-летие трагических событий 1938—1939 годов резко усилило общественный интерес к истории кануна второй мировой войны, вызвало сотни новых публикаций в СССР и других странах, посвященных различным аспектам мирового развития в 30-е годы.

В кругах советских историков и журналистов, общественных деятелей и дипломатов развернулись оживленные и острые дискуссии. Мы постепенно преодолеваем бытовавший столь долго синдром запретности в изучении внешнеполитической сферы, в критическом осмыслении многих этапов и проблем истории советской внешней политики.

В подходе к предыстории второй мировой войны в наших дискуссиях сейчас ясно обозначились две тенденции. Ряд историков предостерегают против критики любых вопросов советской внешней политики как 30-х, так и последующих лет, отмечая, что такая критика наносит ущерб международному престижу и авторитету страны.

Противоположная тенденция проявилась в попытках рассматривать тогдашнюю внешнеполитическую линию страны лишь в контексте сталинских деформаций социализма, вне анализа международно-политического развития 30-х годов. Сторонники подобного подхода настаивают на полном пересмотре наших прежних оценок и представлений о советской политике того периода. При этом действительный ход событий часто подменяется ими умозрительными схемами, оторванными от политических реалий времени.

По всем этим вопросам мы ощущаем также непрекращающееся давление извне: часть западных историков продолжает всячески оправдывать политику Англии, Франции и США и считать СССР ответственным за возникновение второй мировой войны.

Столкновение полярных порою взглядов и оценок, спектр различных мнений и позиций ставят перед историками задачу проведения широкой дискуссии о самой методологии подхода к сложным и противоречивым явлениям кануна второй мировой войны. В этой связи хотелось бы высказать некоторые соображения.

Во-первых, существует проблема текущего исторического опыта. В последнее время в периодической печати и в дискуссиях за «круглыми столами» нередко высказывается мысль, что оценивать прошлое можно, только опираясь на свидетельства непосредственных участников событий тех лет. Однако критическое переосмысление прошлого невозможно без новых подходов, а они предполагают усвоение и применение опыта наших дней, современного видения исторических процессов. Следует иметь в виду и то, что история располагает сегодня такой суммой документов, какой не имел ни один из участников тех далеких событий. Для историка ясны скрытые потенции, которые не мог бы обнаружить и во всей полноте оценить самый пронзительный свидетель минувшего. Анализ альтернативных решений, вердикт историка о том, какое решение было бы более благоприятным и приемлемым, предполагает историческую дистанцию.

Во-вторых, важнейшая методологическая предпосылка для изучения предыстории второй мировой войны состоит в том, что и в тот период неизбежно существовала органическая и разветвленная связь внешней политики каждой страны как с общим развитием международных отношений, так и с внутривнутриполитической ситуацией. Диалектика внутренней и внешней политики заключалась, в частности, в том, что внешнеполитические цели и решения каждой страны лимитировались действиями других участников событий. Нельзя понять драматические события 1939 года без тщательного изучения международной обстановки на протяжении всех 30-х годов, без учета позиций различных государств и мировой общественности.

Но сложность исследования предыстории второй мировой войны обусловлена тем, что одновременно внешняя политика СССР испытывала на себе воздействие сталинских деформаций социализма, отступлений от норм нравственности и морали. Это не могло не ска-

заться и на оценке ситуации, и на осуществлении многих внешнеполитических мероприятий.

В-третьих, мы должны рассмотреть международно-политическое развитие предвоенного времени с учетом различных альтернатив, существовавших в 30-е годы в области международных отношений. Речь идет о том, чтобы не только сопоставить и взвесить различные альтернативы, но и выявить объективные условия и субъективные факторы, которые влияли на возможности реализации той или иной альтернативы. Не ставя перед собой задачи вскрыть весь комплекс проблем предыстории войны, мы хотели бы привлечь внимание к некоторым подходам в исследовании событий конца 30-х годов, обозначить проблемы, по которым особенно нужны изыскания и новые дискуссии.

Угроза всему человечеству

Советская историография сделала немало для раскрытия социальных корней фашизма, его сущности и типологии, для освещения этапов восхождения Гитлера и его сподвижников к власти, осуществления агрессивной программы фашизма, для анализа всей сложной картины международных отношений 30-х годов.

В то же время в современных условиях следовало бы глубже показать ту опасность, которую представлял собой фашизм для общечеловеческих ценностей, достижений мировой цивилизации и культуры. При такой постановке вопроса яснее станет экстремальность ситуации, возникшей в конце первой трети нашего столетия. Теперь, оглядываясь на итоги завершающегося века, мы можем констатировать, что фашизм бросил вызов прогрессу всего человечества, его социальным и политическим завоеваниям, самому существованию многих стран и народов.

В своем стремлении к мировому господству он апеллировал к низменным инстинктам, брал на вооружение наиболее реакционные и антигуманные теории и представления, использовал исторический опыт массовых репрессий, порабощения и угнетения целых рас и народов. Именно этот аспект и придавал сложившейся обстановке экстремальный характер. Фашизм противостоял не только социализму, он ставил своей программной задачей не только порабощение славянских

и ряда других народов. Это была угроза и западным демократиям, стремление подчинить себе народы колониальных и зависимых стран, перекроить в своих интересах карту мира.

Главная опасность для человечества заключалась в том, что фашизм хладнокровно и целенаправленно планировал физическое уничтожение десятков миллионов людей, «теоретически» обосновывая геноцид, расовую и национальную исключительность. Он развращал умы и сознание, используя социальную демагогию, возводя на пьедестал самые низменные чувства и представления.

В реальной жизни этот вызов фашизма общечеловеческим ценностям маскировался конкретными, внешне привычными политическими и дипломатическими лозунгами и категориями. Искусная социальная демагогия вводила в заблуждение, камуфлируя (особенно на первых порах) истинные цели этой антигуманной идеологии. Выражая интересы наиболее реакционных и милитаристских слоев, фашизм использовал и недовольство средних слоев, части рабочего класса в Германии, испытывавших на себе последствия тяжелого экономического кризиса и социальных потрясений.

Фашизм умело приспособлял к своим нуждам новую ситуацию в политическом и социальном развитии, изменения в мышлении миллионов людей в итоге первой мировой войны. Так устанавливалась генетическая связь двух мировых военных катастроф XX столетия, когда поражение Германии, то национальное унижение, которому подвергли немцев страны Антанты, создали питательную среду для реваншистских идей, для обращения к гипертрофированным национальным чувствам немецкого народа, взятым на вооружение теоретиками и практиками нацизма.

Акцент на эту сторону мирового развития в 30-е годы позволяет посмотреть на предысторию войны с некоего макроуровня, в контексте защиты человечества от возникшей перед ним тотальной опасности. Такой подход дает возможность более полно представить себе смысл и сущность общечеловеческих ценностей и раскрыть идеологию и практику фашизма как одну из самых зловещих и страшных угроз, нависших над человечеством в XX веке.

Другая важная проблема состоит в выяснении того, в какой мере в самых различных слоях существовало ощущение грядущей беды. Известная резолюция VII конгресса Коминтерна отражала понимание руководителями коммунистического движения того, что фашизм представлял собой главную угрозу всему миру. В СССР после прихода гитлеровцев к власти в Германии, естественно, господствовали настроения осуждения нацистской политики и идеологии; в таком же духе действовала и пропаганда. Конгрессы деятелей культуры и науки, многочисленные встречи европейской общественности, конференции пацифистов, тревога многих западноевропейских либералов свидетельствовали о том, что многие представители европейской общественности тоже сознавали приближающуюся опасность.

Но одновременно в Европе были распространены шовинистические настроения в поддержку фашистских идей и лозунгов. Правоконсервативным кругам импонировал антикоммунизм и антисоветизм фашистской программы. Европейская реакция рассчитывала, что фашизм железной рукой остановит рост революционного движения и обуздает европейских радикалов.

Отметим еще одно немаловажное обстоятельство. Обращаясь к предыстории второй мировой войны, мы порой так увлекаемся критикой англо-французской политики «умиротворения», что чуть ли не забываем главных виновников войны. На одной из встреч историков польский ученый справедливо заметил, что у нас иногда получается, что за возникновение войны несут большую ответственность Чемберлен и Даладье, нежели Гитлер и его окружение.

Была ли возможность совместной защиты от фашистского нашествия?

Вызов, брошенный человечеству фашизмом, составлял реальную основу для широкого объединения самых различных сил, готовых противостоять надвигающейся катастрофе. Для Советского Союза фашизм означал опасность порабощения и гибели миллионов людей; народы Европы все полнее осознавали возможные последствия фашистской угрозы. Интеллигенция различных стран, писатели, ученые, художники предостере-

гали, призывали преодолеть безразличие и конформизм и объединить усилия в борьбе с коричневой чумой.

Серьезное беспокойство охватило и правящие круги многих стран Европы и США. Немало политических деятелей Англии, Франции и других государств видели в усилении Германии угрозу для своих позиций в Европе и в других частях земного шара. Экономические и политические противоречия между капиталистическими странами создавали почву для острого соперничества между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией — с другой.

Важным этапом на пути обеспечения безопасности Европы и возможности объединения антифашистских сил явились 1933—1936 годы. Тогда стали прочерчиваться контуры системы коллективной безопасности, консолидации борцов с фашизмом во всем мире. Выработанный Советским Союзом комплекс мер и предложений предусматривал совместные действия ряда больших и малых европейских государств, подписание соглашений о гарантиях восточных границ соседей Германии («восточное Локарно») и т. п.

В те годы выявилась близость подходов советской дипломатии и позиции ряда влиятельных деятелей Франции (Л. Барту, П. Бонкура, Э. Эррио). К попыткам создать систему коллективной безопасности подключились король Югославии и министр иностранных дел Румынии, многие деятели других западных стран. Они по-прежнему «не принимали» идеологию и практику социализма, но были готовы к объединению усилий в борьбе с фашизмом. Происходили многочисленные встречи М. Литвинова — горячего поборника сотрудничества с буржуазно-демократическими государствами Запада — с политическими деятелями и дипломатами больших и малых стран. И определенные результаты были достигнуты: подписаны советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимопомощи, Советский Союз вступил в Лигу Наций, велись переговоры о разоружении, СССР был признан Соединенными Штатами Америки.

Но все же решающего сдвига не произошло. Руководящие деятели Англии с самого начала блокировали выработку совместной системы безопасности, а после убийства Барту изменилась и ориентация французской дипломатии. Германия явно форсировала осу-

ществование своей программы мирового господства, а возможности образования антифашистского фронта становились все более иллюзорными.

Печально известная политика «умиротворения» агрессора, главным мотором которой была Англия, базировалась на трех китах: во-первых, на воинствующем неприятии социализма и желании ликвидировать или ослабить СССР (что казалось возможным претворить в жизнь, направив германскую агрессию на Восток); во-вторых, на стратегической недооценке сущности фашизма как угрозы не только социализму, но и западным демократиям; и в-третьих, на иллюзии, что удастся удержать гитлеровскую Германию в тех рамках, которые устраивали бы Англию и ее союзников. Конечно, было бы неверным сводить западную политику только к политике «умиротворения» (в реальной практике все было сложнее), ибо в Англии и Франции, как и во многих других странах, имелись значительные силы и влиятельные круги, которые были готовы, хотя и с колебаниями и оговорками, к организации совместного фронта с СССР против фашизма. Однако эти силы были разобщены, многие даже реалистически мыслящие политики и общественные деятели страшились и не хотели контактов ни с коммунистами и левыми кругами на Западе, ни с советскими представителями.

К сожалению, не удалось создать и объединенного фронта общественных сил. В те годы еще не осознавалась в полной мере роль общественности в целом в решении международных проблем. Кроме того, идеологические и мировоззренческие различия столь сильно поляризовали мировое общественное мнение, что трудно было преодолеть противоречия, выработать, а главное, реализовать совместную программу. Наконец, существовал серьезный раскол левых сил в капиталистических странах Европы. В широких кругах населения не чувствовалось понимания грозящей катастрофы. Резко снижало возможности антифашистской борьбы противостояние коммунистов и социал-демократов.

И хотя в середине 30-х годов Коминтерн, равно как и некоторые другие международные организации, принял важные решения и рекомендации об антифашистской борьбе, реального сплочения антифашистских сил, способных противостоять агрессивным действиям Германии и Италии, осуществить не удалось.

Серьезной помехой к формированию широкого антифашистского фронта левых сил были ошибки и извращения, связанные с культом личности Сталина. Известные резко негативные оценки социал-демократии, данные Сталиным и утвержденные Коминтерном в конце 20-х — начале 30-х годов, препятствовали сотрудничеству с социал-демократами, которые объективно являлись союзниками в антифашистской борьбе.

Сталинское осуждение «абстрактного гуманизма», неприятие европейских пацифистов служили тормозом в расширении связей советской общественности с либеральными пацифистскими кругами Запада. В то же время массовые репрессии в Советском Союзе, в том числе и против деятелей Коминтерна, серьезно деформировав облик социализма, подрывали доверие к нашей стране в широких кругах западной общественности, ослабляли ряды коммунистов, то есть огромную реальную силу, противостоящую фашизму. Все это сужало возможности создания широкого антифашистского фронта общественных сил.

Нельзя не учитывать и определенную апатию среди части западных интеллектуалов. Мир был свидетелем многочисленных индивидуальных протестов писателей, художников и ученых против человеконенавистнического режима. Томас Манн, Альберт Эйнштейн и десятки других видных деятелей науки и культуры покинули Германию, но ни они, ни их многочисленные коллеги не стали символом активной борьбы с нацизмом, не смогли организовать и возглавить массовое сопротивление ему.

В этом плане перед историками стоит задача глубокого изучения позиции общественных сил Запада, включая исследование пацифистского движения того времени. К сожалению, в прошлом мы слишком часто увлекались простым перечислением встреч деятелей науки и культуры, участников международных конференций и конгрессов, не анализируя того, насколько влиятельны и представительны были эти форумы, какие силы и круги при этом оказались вне антифашистского движения, отклоняя тесное сотрудничество с советской общественностью. Дезориентации общественности и ее разобщенности во многом способствовала и неудача в образовании объединенного антифашистского фронта на официальном, государственном уровне.

В такой напряженной обстановке мир вступил в 1938 год.

Мюнхен — апогей «умиротворения» и пролог трагедии

История Мюнхенского соглашения хорошо известна. Поэтому хотелось бы остановиться лишь на некоторых общих вопросах. Прежде всего Мюнхен установил некий водораздел, знаменовав собой новый этап в международно-политическом развитии предвоенного периода. До Мюнхена курс на «умиротворение», проводившийся Англией и Францией, выражался в общей направленности политики, в отказе от соглашения с Советским Союзом, в постоянных контактах с гитлеровской Германией и в молчаливом согласии с актами германской агрессии. Аншлюс Австрии, осуществленный Гитлером в марте 1938 года, был его собственной акцией, которую западные державы спокойно проглотили.

Но в Мюнхене ситуация стала принципиально иной. Чемберлен и Даладье своими руками отдали Гитлеру часть Чехословакии, не пожелав посчитаться с интересами чехословацкого народа. Они создавали опасный прецедент, в результате которого Гитлер без единого выстрела получал часть европейской страны. Кроме того, Англия и Франция как бы признали гитлеровский метод «защиты» лиц немецкой национальности, проживающих в других странах, поощряя Гитлера на повторение подобных шагов. Мюнхен нанес сильнейший удар по проектам коллективной безопасности, по самой идее объединения европейских государств на антифашистской основе.

Лидеры Англии и Франции считали, что им удастся направить германские аппетиты на Восток и что в то же время они будут в состоянии удержать вождения гитлеровской Германии под собственным контролем. Однако очень скоро события опровергли такого рода иллюзии; Германия явно выходила из-под всякого контроля. В марте 1939 года она захватила оставшуюся часть Чехословакии.

Мюнхен лишил Европу стабильности, отныне малые страны континента стали чувствовать себя неуверенно и ощущали свою незащищенность перед лицом нарастав-

шей фашистской угрозы. Мюнхен создал угрозу изоляции для Советского Союза. Находившийся ранее в известном центре политических и дипломатических событий, СССР утрачивал возможность оказывать влияние на развитие международных отношений. Война угрожающе приближалась к советским границам.

В зарубежной историографии часто можно встретить утверждения, будто западные державы пошли на соглашение с Германией из-за того, что не могли доверять СССР, особенно с учетом массовых репрессий 1937—1938 годов и ослабления советской военной силы в результате уничтожения руководящих военных кадров. Несомненно, сталинские репрессии шокировали западную общественность, существенно поколебали международный авторитет социалистического государства даже в глазах многих наших сторонников. Можно, однако, выразить сильные сомнения по поводу суждений о влиянии наших внутренних событий на мюнхенскую политику Англии и Франции. Политика «умиротворения» началась и проводилась и раньше, до 1937 года. Западные лидеры (особенно в Лондоне) уже с середины 30-х годов стремились изолировать СССР, ведя переговоры с Германией. Кроме того, вряд ли соображения морального порядка и забота о правах советских людей так уж сильно волновали столь прожженных политиков, как Чемберлен и Даладьё, Галифакс и Лаваль.

В то же время Мюнхен оказал большое влияние на СССР, на представления Сталина и его окружения. Укоренившееся недоверие к западным демократиям получило сильное и вполне реальное подтверждение. Сталин, видимо, явственно ощутил нарастающую изоляцию СССР, неумолимое приближение военной опасности. Постепенно в СССР начался поиск альтернативных решений. А в результате были установлены контакты с Германией. Этот поворот проявился и в раздражении Сталина против Литвинова. В дипломатических кругах в Москве все больше распространялись слухи о литвиновской опале. Они подтвердились, когда в мае 1939 года новым руководителем внешнеполитического ведомства стал Молотов, человек совершенно иного склада и мышления, один из деятелей, наиболее приближенных к Сталину.

Подводя итоги развития событий в 1938 году, мож-

но прийти к выводу о том, что западные державы в Мюнхене нанесли сокрушительный удар по идее коллективной безопасности, побудили СССР искать альтернативы в дипломатических контактах с Германией, стимулировали рост недоверия Сталина к западным демократиям, сказавшегося и в августовские дни 1939 года.

Предвоенный кризис

Острые дискуссии, развернувшиеся вокруг предыстории второй мировой войны, в значительной мере сконцентрированы на англо-франко-советских переговорах летом 1939 года и на советско-германском пакте от 23 августа 1939 года.

Весной того года английские и французские лидеры имели возможность убедиться в несостоятельности своих попыток удержать действия Германии под контролем. Нацистское руководство шаг за шагом проводило свою программу, выступая в союзе с Италией и Японией. В марте 1939 года Германия захватила Клайпеду, создав непосредственную угрозу прибалтийским государствам. Усиливая антипольскую кампанию, гитлеровцы готовились к удару по Польше. Документы показывают, что окончательное решение напасть на эту страну было принято Гитлером в апреле 1939 года. Италия к тому времени оккупировала Албанию, а Япония, используя антикоминтерновский пакт, активизировала свои агрессивные поползновения на Дальнем Востоке и в мае 1939 года спровоцировала военный конфликт с СССР.

Понимая, что Германия готовится к слому всей европейской системы государств, руководители Англии и Франции совершили два важных шага — они приняли решение о гарантиях Польше и Румынии и согласились на политические и военные переговоры с СССР. Польша и Румыния были традиционными сферами французского влияния, Англия также имела сильные позиции в Польше, и оккупация последней рассматривалась в Париже и Лондоне как удар по позициям этих стран и как их существенное ослабление в случае возможного столкновения с Германией. Но одновременно Англия продолжала тайные переговоры с Германией,

по-прежнему ведя игру «умиротворения» и рассчитывая прийти к какому-то соглашению с Гитлером.

Весной 1939 года начались и активные советско-германские контакты. Они открылись обсуждением торгово-экономических вопросов, но постепенно затрагивали и политическую сферу. В такой сложной обстановке были начаты политические, а затем и военные переговоры между СССР, Англией и Францией.

Существует мнение, что эти переговоры были заранее обречены на неудачу. Некоторые советские историки полагают, что после Мюнхена уже не было никакой альтернативы последующему советско-германскому соглашению. Как мне представляется, столь категоричное суждение грешит упрощенчеством. Конечно, взаимное доверие трех потенциальных союзников в противодействии гитлеровской Германии оказалось в большой мере подорванным в результате Мюнхена, но не все еще было потеряно. Сохранился один шанс — и он состоял в политических и военных переговорах летом 1939 года по поводу заключения пакта о взаимопомощи и особенно о военной конвенции между Англией, Францией и Советским Союзом. Ход и итоги этих переговоров достаточно хорошо известны. Поэтому остановимся лишь на некоторых моментах.

Внимательное изучение имеющихся документов дает основание для оценки действий участников переговоров и модификации некоторых наших прежних представлений. Прежде всего необходимо известное разграничение позиций Англии и Франции на переговорах военных миссий в августе 1939 года, чего ранее практически не делалось. В Париже нарастала тревога в связи с усиливающейся германской агрессивностью. Французская дипломатия, балансируя между старой политикой «умиротворения» и боязнью германской агрессии, вела себя на переговорах непоследовательно, но в конце концов после колебаний 21 августа французское правительство уполномочило своих представителей подписать тройственную военную конвенцию.

Одновременно, как показывают французские документы, представители Франции в Варшаве пытались воздействовать на польского министра Бека, рекомендуя дать хотя бы в какой-либо форме согласие на пропуск советских войск через польскую территорию в случае возникновения войны с агрессором (имелась

в виду Германия) и включить это соглашение в текст конвенции.

Ситуация становилась тупиковой из-за позиции тогдашних лидеров Англии. Ее представители так и не получили полномочий на подписание конвенции. Одновременно, как это теперь видно из английских документов, британские дипломаты продолжали тайные переговоры с гитлеровцами. Английские дипломаты показывали свою незаинтересованность и в согласии Польши на пропуск советских войск.

Сейчас многие исследователи пишут о том, что ключи к успеху московских переговоров во многом находились в руках Варшавы. Выразим сомнение в истинности такого предположения ввиду неконструктивной позиции Англии, которая, будучи фактически главным нашим западным партнером на переговорах, явно не хотела соглашения. И все же польская позиция в те драматичные дни стоила многого.

Ныне некоторые польские историки критикуют советских ученых за упрощенный подход к политике Польши. Они пишут, что в ряде советских трудов преувеличиваются польско-германские связи во второй половине 30-х годов. Думаю, эти упреки справедливы, и нам следует дать более точную и сбалансированную оценку польской политике того периода. Но фактом остается то, что в решающие дни Бек и его окружение не проявили реализма. Бек постоянно ссылаясь на заветы Пилсудского, согласно которым ни в коем случае нельзя допустить появления чужих солдат на польской территории. Он говорил французскому послу в Варшаве и о том, что Красная Армия оказалась ослабленной репрессиями командного состава и что поэтому положиться на нее нельзя. Все это можно было бы принять во внимание, но вспомним, что в те дни десятки германских дивизий уже стояли на польской границе и что их нападения можно было ждать со дня на день.

В такой обстановке реминисценции Бека и его обращение к заветам Пилсудского выглядят не только не убедительно, но и трагично для судеб Польши. Быть может, соглашение в Москве все равно бы не состоялось, но неуступчивость Польши в тот драматичный период нельзя оценить иначе, как проявление политической близорукости.

Что касается СССР, то хорошо известны заявления советской делегации на переговорах о готовности к заключению конвенции, о ее главном и непременном требовании получить согласие Польши и Румынии на пропуск советских войск. К сожалению, мы не располагаем пока достаточным количеством материалов, которые дали бы полную картину того, как в те августовские дни в советском руководстве проходило обсуждение складывавшейся ситуации. Нет у нас и корпуса донесений советских послов из европейских столиц. Думается, что синдром недоверия к Англии и Франции после Мюнхена и активные контакты, осуществлявшиеся с Германией, неизбежно сказывались на советской позиции. К тому же в Москве было известно, что Англия продолжает переговоры с Германией. Не вызывало сомнений и то, что Польша проявляет нежелание идти на уступки и компромиссы.

И все же необходимы более глубокий и непредвзятый анализ советской позиции и выяснение того, что было сделано, а что упущено на августовских переговорах для достижения соглашения. После 20—22 августа переговоры зашли в тупик, и возможность соглашения была утрачена.

В связи с московскими переговорами мы вправе говорить о таком феномене международных отношений, как идея упущенных возможностей. Этот термин уже начал использоваться нашими историками-международниками. Можно сделать вывод, что в те тревожные августовские дни участники переговоров в Москве явно недооценили агрессивную сущность и ударную силу фашизма, упустили из виду ту смертельную опасность, которую нес фашизм всему человечеству.

Как бы то ни было, переговоры оказались безрезультатными, и перед Советским Союзом встала проблема принятия ответственного решения. Судя по имевшимся данным, война оказалась буквально на пороге, нападение Германии на Польшу было предрешиено, и мы находились перед прямой угрозой выхода фашистской Германии к советской границе близ Минска и захвата немцами Прибалтики. Рассчитывать на то, что Англия и Франция реально выполнят свои гарантии Польше, было весьма проблематично, что и подтвердили последующие события.

Нельзя было не учитывать и того, что на Дальнем

Востоке существовала угроза со стороны милитаристской Японии. Другими словами, СССР стоял перед возможностью войны на два фронта. В итоге в Москве приняли предложение Германии о приезде Риббентропа, который 23 августа и подписал с Молотовым советско-германский договор о ненападении. Продиктованный создавшейся обстановкой, договор должен был предотвратить для СССР вступление в войну в 1939 году и дать время для повышения обороноспособности страны (другой вопрос, и он требует тщательного анализа,— как это время в действительности было использовано).

«Говорят, что решение, которое принял Советский Союз, заключив с Германией пакт о ненападении, не было лучшим,— отмечал М. С. Горбачев в докладе в связи с 70-летием Великого Октября.— Возможно, и так, если руководствоваться не жесткой реальностью, а умозрительными абстракциями, вырванными из контекста времени».

Само по себе подписание договора о ненападении не было чем-то из ряда вон выходящим. В конце 20-х и в 30-е годы был подписан целый ряд договоров о ненападении. Последними из них были соглашения Англии и Франции с фашистской Германией в сентябре—декабре 1938 года. Существует, однако, и другой аспект, связывающий договор с теми деформациями, которые были присущи эпохе культа личности, со свойственным Сталину и его окружению пренебрежением принципами морали и нравственности. Эти факторы сказались как на трактовке договора, так и на действиях Советского правительства после его подписания. И именно они, пожалуй, в большей степени, чем сам договор, шокировали мировое общественное мнение и по-прежнему остаются полем острых дискуссий и критики в адрес СССР.

Уже на следующий день после подписания договора в Кремле в газете «Правда» появились настояжившие многих слова об окончании вражды между двумя странами. 28 сентября 1939 года, после захвата немцами Польши, был подписан еще один советско-германский договор, призванный демаркировать новую линию границы. Игнорируя то, что договор подписывался с фашистской Германией, его называли «Договор о дружбе и границе».

В выступлениях Молотова в Верховном Совете осуждались действия Англии и Франции, которые назывались агрессивными за то, что они силой оружия пытаются подавить идеологию гитлеризма. В выступлении 31 октября 1939 года Молотов заявил: «Наши отношения с *Германией*... улучшились коренным образом. Здесь дело развивалось по линии укрепления дружественных отношений, развития практического сотрудничества и политической поддержки Германии в ее стремлениях к миру». И далее: «Мы всегда были того мнения, что сильная Германия является необходимым условием прочного мира в Европе». Через год, 1 августа 1940 года, он официально объявил, что «в основе сложившихся добрососедских и дружественных советско-германских отношений лежат не случайные соображения конъюнктурного характера, а коренные государственные интересы как СССР, так и Германии». Такого рода заявления давали основания говорить о межсоюзнических отношениях, а исчезновение из нашей пропаганды осуждения фашизма даже создавало впечатление идеологического примирения с ним. К тому же в высказываниях Молотова содержались противоправные, оскорбительные выпады против польского государства. Впоследствии, в ходе войны Англии и Франции против Германии, Сталин и Молотов вплоть до осени 1940 года приветствовали «большие успехи» германских вооруженных сил.

Допускались и предвзятые оценки борьбы Англии против гитлеровской Германии. Эти заявления и действия дезориентировали мировое общественное мнение, поставили в трудное положение международное коммунистическое движение.

В соответствии с целым рядом экономических соглашений, подписанных с нацистской Германией, СССР вплоть до начала Отечественной войны поставлял ей стратегические материалы и сырье, постоянно сталкиваясь с невыполнением гитлеровцами их собственных экономических обязательств в отношении нашей страны.

Наконец, в 1939—1940 годах продолжались массовые репрессии и нарушения социалистической законности внутри Советского Союза, в том числе против польского населения на территории Западной Украины и Западной Белоруссии и против жителей Прибалтики.

Таковыми противоречивыми и неоднозначными предстают перед нами обстоятельства, связанные с подписанием советско-германского договора от 23 августа 1939 года и последующим ходом событий. Подписание договора, несомненно, являлось вынужденным и трудным решением, следствием международного развития в 1938—1939 годах и в то же время сопровождалось действиями, порожденными сталинской деформацией социализма, которая проявлялась и во внешнеполитической сфере. Советские историки призваны продолжить глубокие исследования предыстории договора, его сущности и последствий, всесторонне изучив и вопрос о сопутствовавших договору документах.

Однако, когда западная историография бросает сегодня в адрес СССР обвинения в развязывании войны, следует со всей определенностью сказать, что именно правящие деятели Англии и Франции несут тяжелую ответственность за свою близорукую политику попустительства Германии и за попытки соглашения с ней за спиной и за счет СССР. В конечном счете эта политика подорвала возможности формирования антигитлеровской коалиции в конце 30-х годов и во многом привела к трагическим последствиям 1939 года.

Человечество в экстремальной ситуации

Во всей проблеме предыстории войны есть еще один отмеченный выше чрезвычайно важный аспект. На наш взгляд, можно было бы подойти к этому периоду, явившемуся одним из экстремальных в истории XX века, с более широких позиций, задавшись вопросом о том, как вообще должны вести себя политические партии и лидеры в такой момент, когда на карту поставлены судьбы человечества. Не следует ли найти в себе силы подняться над сиюминутными выгодами и эгоистическими интересами, чтобы осознать бремя ответственности перед человечеством, перед мировой цивилизацией и, преодолевая острые разногласия между государствами, отыскать пути и способы достижения соглашения и компромисса.

Подходя с таких позиций, мы сможем найти новые грани и новые характеристики действий различных стран и их лидеров в канун второй мировой войны, понять и обусловленность их поведения объективными

факторами международного развития, и их просчеты. Тот же подход позволит нам с новой силой и под новым углом зрения рассмотреть опыт предвоенного периода и усвоить тот урок-предупреждение, который дает нам предыстория второй мировой войны.

Такой подход очень важен сегодня, когда человечество снова, на сей раз на качественно новом и несравнимо более грозном уровне, оказалось в переломной ситуации. Ныне особенно остро стоит вопрос о новом мышлении, о способности облеченных доверием государственных деятелей, мировой общественности в целом осуществить прорыв в осмыслении возникшей реальности, утвердить в международных отношениях новые принципы и методы. Важное значение приобретает и проблема морали и нравственности во внешней политике и в международных отношениях.

Выдвинутый нашей партией тезис о приоритете общечеловеческих ценностей и интересов на переломных этапах человеческой истории свидетельствует о том, что мы утверждаем новый климат и критерии в международных делах, ставя во главу угла заботу об интересах людей и человечества в целом, задачу выживания жителей планеты в условиях ядерной угрозы.

По-новому высвечивается и роль мировой общественности в международных отношениях. Ныне осуществляются важные шаги по объединению людей разных политических и религиозных убеждений на антиядерной и антивоенной платформе, наши устремления к сохранению мира сближаются с этической программой пацифизма. Тем самым преодолевается узкий, сектантский подход прошлых лет.

В сложном, благородном процессе перестройки международных отношений важное место должно занять использование опыта мировой истории, в том числе уроки преддверия минувшей войны.

Опыт и уроки незавершенных поворотов 1956 и 1965 годов

1956-й и 1965-й годы. Сначала их назовут решительным поворотом, рубежом больших перемен, потом — временем нереализованных возможностей и не вполне оправданных надежд. Интерес к событиям этих лет растет и становится тем заметнее, чем глубже развиваются процессы современной перестройки. Интерес этот столь же закономерен, сколь закономерно стремление идти вперед, учитывая опыт прошлого и не повторяя его ошибок. Сейчас приходится возвращаться к многим проблемам, поставленным еще в 50-е и 60-е годы, но не дошедшим в свое время до стадии практического решения или решенным непоследовательно, половинчато, некомплексно¹.

Многое надо переосмыслить и переделать. А переделывать, перестраивать порой сложнее, чем строить заново. Причем не только в конкретно-вещественном плане, но и психологически. Думается, мы еще не оценили в полной мере силу инерции недоверия к повторным шагам, когда кажется, что «все это уже было» и «ничего нельзя изменить». Своеобразное переплетение новых и старых задач, старых проблем и новых подходов к их решению — одна из особенностей и одновременно сложностей перестройки. Понять ее место в общем историческом процессе можно только на основе уяснения того, что же в действительности было тогда, в середине 50-х и в середине 60-х годов, почему начавшееся общественное обновление было в конечном итоге «заморожено», а многие замыслы этих лет так и не стали реальностью.

Потребность в исследованиях, анализирующих исторический процесс в его «критических точках», дикту-

¹ См. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987, с. 40.

ют само время, его поворотный характер. В этом плане историографическая традиция пока еще не очень сильна, чтобы говорить о сложившемся подходе. У нас есть крупные работы, посвященные Октябрю, переходу к нэпу, началу Великой Отечественной войны, хозяйственной реформе 1965 г. и другим событиям советской истории, которые относятся к ее поворотным моментам (хотя и неравнозначным по своему содержанию и характеру). Вместе с тем по совокупности вышедших книг еще нельзя судить о роли того или иного поворота в жизни страны. В результате рубежные грани истории становятся либо слишком расплывчатыми, либо чисто формальными².

В историко-партийной науке весьма распространенным оказался подход, согласно которому история партии представляется как движение от съезда к съезду, каждый из которых рассматривается как новый этап поступательного развития советского общества и момент обогащения марксистско-ленинской теории. И дело здесь даже не в том, что на этом уравнительном фоне как бы теряется значение действительно рубежных событий, какими стали, например, XX и XXVII съезды партии, а в том, что подобный подход мешает понять особенности выработки стратегической линии партии на том или ином этапе общественного развития, увидеть и оценить этот процесс во всех его сложностях и противоречиях.

Что касается книг по истории советского общества, то и здесь ученые в большей степени привыкли иметь дело с «периодами», «этапами», «пятилетками», которые наполняются конкретно-историческим содержанием. Отправными моментами исследования при этом служат анализ предпосылок перехода к тому или иному этапу и соответствующее партийное или хозяйственное постановление, как бы дающее ему начало. Такой подход вполне оправдывает себя, когда историк ставит перед собой задачу показать, как шло развитие тех или иных событий в истории страны. Но как только он пытается ответить на вопрос, почему цепь этих событий сложи-

² Это, в частности, просматривается и в дискуссионных материалах по проблемам истории КПСС и советского общества, в том числе и опубликованных на страницах данного журнала. Но подробное рассмотрение вопроса выходит за пределы замысла настоящей статьи.— Е. З.

лась именно в такой, а не в какой-либо другой последовательности, сразу обнаруживается ограниченность традиционной схемы. Источник этой ограниченности, как уже отмечалось на страницах журнала³, — в недостатке диалектического подхода, основанного на анализе противоречий, которые, пока историки «мыслили периодами», как бы провалились в «стыки» между этими периодами.

Сосредоточение анализа в «критических точках» обращает внимание историка к завязке проблем, к тому «узлу» противоречий, поняв который можно объяснить и логику развития периода в целом. Узловые моменты в истории — не просто рубежные вехи, дающие начало новому этапу и помогающие решать вопросы периодизации, а такие «точки роста», которые во многом определяют общественное развитие на более или менее длительный период.

Исторический поворот — всегда момент разрешения противоречий общественной жизни. Глубина и характер этих противоречий определяют характер и форму развития поворота. Он может быть эволюционным или революционным, осуществляться с помощью последовательных реформ или в результате решительной ломки, выступать как законченный процесс или остаться незавершенным. И еще. Это всегда момент поиска, выбора, сопоставления альтернатив. Это такая критическая точка действительности, в которой сталкиваются объективный и субъективный факторы истории: объективная необходимость назревших перемен, осознание этой необходимости партией и народом, готовность к практическим шагам. Противоречия объективной реальности, ее «болевые точки» — своеобразные ориентиры, помогающие обществу выбрать верное направление своего дальнейшего движения. Собственно выбор, его конкретизация в программе практических действий зависят уже от степени «включенности» в процесс субъективного фактора, уровня его зрелости и готовности к предстоящим переменам. «Подключение» субъективного

³ См., например, *Козлов В. А. Историк и перестройка. — Вопросы истории КПСС, 1987, № 5, с. 119.* В обращении к «стыковым» моментам советской истории автор видит одно из главных направлений последующих методологических разработок (там же, с. 122). Предложенный подход был положен в основу настоящей статьи. — *Е. З.*

фактора начинается с осознания места и глубины поворота, что во многом определяет и логику развития всех последующих событий, и отношение к требованию «идти непременно дальше», к которому призывал В. И. Ленин.

XI съезд РКП(б). Ленин оценивает создавшуюся в стране в связи с поворотом к нэпу ситуацию: «За этот год мы доказали с полной ясностью, что хозяйничать мы не умеем... Либо в ближайший год мы докажем обратное, либо Советская власть существовать не может»⁴.

«Иначе нас сомнут!» — так обосновывалась И. В. Сталиным необходимость поворота конца 20-х — начала 30-х годов.

Быть или не быть социализму — аналогичную альтернативу поставил и 1941 год.

«Такой коренной поворот необходим, ибо другого пути у нас просто нет. Отступать нам нельзя и отступать некуда»⁵. Такой вывод был сделан на апрельском (1985 г.) и подтвержден на январском (1987 г.) Пленумах ЦК партии.

Повороты 1921, 1929, 1941 и 1985 годов. В их основе — решение судеб социализма, проблема, которая может возникнуть не только в переходный период или при столкновении с внешней агрессией, но и на том этапе, когда социализм вполне упрочился и развивается в условиях мира. Альтернатива «быть или не быть» вырастает, как правило, из кризисной ситуации, из реальной опасности существованию социализма или формируется под угрозой его серьезных деформаций. Она может возникнуть и в условиях, когда кризиса в полном смысле слова еще и нет, но налицо симптомы его возможного появления. В обстановке предкризисной ситуации, которая сложилась, например, на рубеже 20—30-х годов, подведение под фундамент поворота жесткой альтернативной основы тоже имело свое обоснование. Тогда альтернатива социализму не могла быть снята просто в силу незавершенности переходного периода и вопрос «кто — кого» по-прежнему стоял в повестке дня. Кроме этого, действовал еще один фактор:

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 80.

⁵ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года. М., 1987, с. 15.

за годы строительства социализма удалось в целом овладеть механизмом «крутой ломки», свойственной периодам «штурма и натиска», в то время как методы и приемы «осады», то есть последовательных «реформационных» перестроек, оказались освоенными в значительно меньшей степени. Этот фактор имеет особое значение — в данном случае не столько для понимания «приемлемости» тех или иных методов осуществления поворота 1929 г., сколько для определения места и роли событий 1956 и 1965 годов с точки зрения развития механизма поворотов в целом. А значение 1956 и 1965 гг. как раз и состоит в том, что в тот период была предпринята фактически первая попытка овладения механизмом «реформационных» поворотов, которые в случае их завершенности выводят общество на качественно новый уровень развития. И в этом смысле по своему характеру, по своей конечной направленности они могут рассматриваться как революционные, что не только не противоречит реформационной форме их развития, но и представляет собой, думается, одну из закономерностей социалистического прогресса.

Поворот 1956 г. вырос из общей экономической и политической ситуации, сложившейся в стране на рубеже 40-х — 50-х годов. Послевоенный восстановительный период закончился — об этом говорили не только показатели развития народного хозяйства, но и утверждение мирного настроения в общественной жизни в целом, связанное с оформлением социально-психологического перехода от войны к миру. Произошла известная переоценка ценностей, в том числе стимулов и факторов подъема трудовой активности. Принцип работы «любой ценой» все более утрачивал свою оправдательную функцию (последствия войны, трудности восстановления и т. д.). Чем дальше отодвигалась война, тем отчетливее в сознании современников зрело понимание того, что вместе с ней должны уйти в прошлое вызванные экстремальной военной обстановкой бытовые лишения и напряженность труда. Вопрос ставился жестко: «Закончилась война, тяготы войны мы все пережили и прекрасно знаем: наступил период мирного строительства. Сколько можно спать на козлах»⁶. Так, обыденное сознание, по существу, зафик-

⁶ ЦГАОР СССР, ф. 7676, оп. 9, д. 888, л. 237.

сировало один из рубежных моментов в развитии советского общества, особенность которого состояла в необходимости поворота к социальным программам, а по сути — к адекватному воплощению в жизнь основного экономического закона социализма. Между тем механизм его конкретного действия в условиях развития социализма «на своей собственной основе» еще только предстояло «открыть» и использовать. Потребность в поиске, построенном на осмыслении противоречий действительности, становилась все более общественно необходимой.

Это показали прошедшие в конце 40-х — начале 50-х годов дискуссии (по проблемам экономики, философии, биологии, литературы и др.). Почти все они вышли за рамки своего предмета, обратившись к анализу ряда общих социально-экономических, политических и нравственных проблем: общественная мысль настойчиво искала трибуну для обсуждения насущных задач современности и использовала в этих целях любой повод. Усиливалась волна критических выступлений «снизу», направленных против недостатков в организации производства, неустроенности быта, различных злоупотреблений. «Кто виноват?» — этот вопрос, и именно в такой форме, чаще всего сопровождал поиск причин существования общественного «зла». «Зло», таким образом, выступало в строго персонифицированной форме, а проблема ответственности, в общем, сводилась к определению круга непосредственных «виновников» тех или иных неполадок, сбоев, трудностей. Так методы «борьбы с недостатками» переходного периода переносились в день сегодняшний, а логика этой борьбы воспринималась как нечто абсолютное и настолько «усвоенное», что становилась частью общественной психологии. Опыт прошлого превращался в своего рода резервуар, единственный кладезь, хранящий ответы на все вопросы действительности.

Некритическое отношение к методам и формам управления общественными процессами переходного периода приводило к их известной абсолютизации. Абсолютизация же, придающая ограниченно верному способу действий универсальный характер, всегда служит основой заблуждений⁷. Перерастание относительных

⁷ См. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М., 1984, с. 45.

аспектов социалистической практики в абсолютные сыграло свою роль и в развитии концепции социализма, которая сложилась в основном еще в 30-е годы. Согласно этой концепции социализм все более мыслился как непрерывное поступательное, достаточно непротиворечивое движение общества к вершинам коммунизма. Эта теория в основе своей опиралась на возникшие еще в первые послереволюционные годы представления о том, что все трудности социалистического строительства объясняются отсутствием опыта и исторических предпосылок, «что по истечении определенного времени все пойдет как по маслу: задачи хозяйственного и социального строительства будут решаться намного проще, без хлопот и различного рода издержек»⁸. Реальный социализм в этой теории становился простой суммой «пережитков прошлого» и «ростков будущего»; первые предполагалось искоренять, вторые всемерно поддерживать и развивать. Идеальный и упрощенный образ социализма вошел в теорию и стал во многом определять и общественную практику, которая как бы «копировалась» с него, а все, что не вписывалось в заданную структуру, относилось к разряду «чужеродного», «пережиточного», «не нашего». Замороженные товарно-денежные отношения, усеченный хозрасчет, практически тотальная централизация управления и др.— это результат схематичного подхода к действительности, при котором идеальный образ заслоняет реальный мир. Когда же состояние реального социализма сигнализировало о некоторых неблагоприятных в созданной системе, его идеальный образ слегка «корректировался», обновлялся. Речь при этом всегда шла не столько о *качестве*, сколько о *мере* необходимых преобразований. Направление вносимых изменений (и в теории, и на практике) определялось на основе выделения «узких мест», т. е. тех проблем, которые лежали на поверхности, воспринимались как первоочередные. Отсюда — стремление действовать только в одном направлении с помощью отдельных рычагов и частных поправок.

Поиск нового подхода, основанного на отказе от принципа «разовых действий» и переходе к комплекс-

⁸ Ципко А. С. Некоторые философские аспекты теории социализма. М., 1983, с. 5.

ным программам общественного обновления, займет в целом весьма длительный период и в конечном счете подведет к концепции современной перестройки. В конце 40-х — начале 50-х годов успешное развитие этого поиска сдерживали условия, в которые он был поставлен. Его направление изначально оказалось как бы «заданным», ограниченным достаточно узкими рамками. Эти рамки определял авторитаризм. Давление силы авторитета, прежде всего авторитета И. В. Сталина, сковывало развитие общественного сознания, общественной мысли — этого политического интеллекта общества, призванного вести поиск путей разрешения противоречий общественной жизни. Имя Сталина нередко использовалось как «щит», как тот самый аргумент из аргументов, который ставит последнюю точку в любом споре и решает исход любой дискуссии. Позиция оппонента подчас не просто осуждалась, а подвергалась обязательному «разгрому» с последующим запретом права на существование (первое, что приходит на память в этой связи, — сессия ВАСХНИЛ 1948 г.). В результате сложилась, казалось бы, парадоксальная ситуация: необходимость перемен постепенно стала ощущаться на всех уровнях общественного сознания (о чем свидетельствовал рост критического настроения), но при этом современники старались упорно обходить проблемы современности (не последнюю роль здесь сыграл принцип «как бы чего не вышло»). Этот «порочный круг» необходимо было порвать. Единственной альтернативой авторитаризму могла стать демократизация общественной жизни.

«Оттепель» — так символично обозначился в сознании людей период, непосредственно предшествующий XX съезду партии. «...1954—1955 годы кажутся затянувшимся прологом в книге бурных походов, неожиданных поворотов, драматических событий, — вспоминал И. Эренбург. — Это, однако, не так. В моей личной жизни то время отнюдь не было тусклым: сердце оттаивало, я как бы начинал заново жить. Названные годы не были бледными и в жизни нашей страны. Начало справедливой оценки несправедливостей прошлого не было случайностью, оно не зависело ни от добрых намерений, ни от темперамента того или иного политического деятеля. Просыпалась критическая мысль, рождалось желание узнать об одном, проверить

другое»⁹. А вслед за этим — 1956 год, XX съезд, осуждение культа личности, курс на широкую демократизацию общества. Обновление. Поворот.

Альтернатива тех лет воспринималась следующим образом: «...Или партия открыто, по-ленински осудит допущенные в период культа личности И. В. Сталина ошибки и извращения, отвергнет те методы партийного и государственного руководства, которые стали тормозом для движения вперед, или в партии возьмут верх силы, цеплявшиеся за старое, сопротивлявшиеся всему новому, творческому»¹⁰. Следовательно, альтернатива получала главным образом *политический* характер.

Процесс обновления, затронувший в 50-е годы разные сферы общественной жизни, начался прежде всего с восстановления демократических основ деятельности партии, ленинских норм партийной жизни, коллективности руководства. Был налажен регулярный созыв партийных съездов и пленумов ЦК, стало широко практиковаться обсуждение партийных и государственных документов в печати и на собраниях трудовых коллективов. По важнейшим вопросам развития тех или иных отраслей народного хозяйства стали созываться совещания с привлечением широкого круга специалистов. Уточнялись функции партийных организаций: последние освобождались от задач оперативно-хозяйственного руководства и передавали их специальным органам управления народным хозяйством. Партия получала возможность сосредоточиться на выработке стратегических программ социально-экономического развития страны, выборе приоритетных направлений и средств их выполнения. Одновременно активизировалась деятельность Советов, профсоюзов, комсомола в направлении развития самостоятельности и инициативы. Основным требованием перестройки работы этих органов и организаций было требование их решительного поворота «лицом» к народу. Рожденная XX съездом атмосфера поиска, в которой раскрепощалась общественная мысль, получали развитие новые идеи и подходы, стала благоприятной почвой для обновления науки, литературы, искусства.

⁹ Эренбург И. Люди, годы, жизнь.— Огонек, 1987, № 22, с. 23.

¹⁰ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1962, с. 102.

Курс на демократизацию общественной жизни должен был найти свое адекватное продолжение и в экономике. Все экономические перестройки второй половины 50-х — начала 60-х годов, по замыслу, были призваны решить проблему демократизации управления: расширить хозяйственные права союзных республик путем передачи в их ведение вопросов, которые раньше решались в центре; приблизить управление к «местам»; сократить управленческий аппарат и др. Особенность же всех хозяйственных реорганизаций 50-х — первой половины 60-х годов заключалась в том, что на развитии их в большой степени сказался «политический детерминизм» поворота 1956 г. Многие экономические проблемы тех лет пытались решать чисто политическими приемами и методами. И тогда уже партийность хозяйственного руководителя определялась по его отношению к посевам кукурузы, а рост урожайности ставился в прямую зависимость от уровня политической сознательности. «Если в отдельных районах страны кукуруза внедряется формально, колхозы и совхозы снимают низкие урожаи, то в этом виноват не климат, а руководители,— говорил Н. С. Хрущев.— Там, где кукуруза не родится, есть «компонент», который не содействует ее росту. Этот «компонент» надо искать в руководстве... Надо заменять тех работников, которые сами засохли и сушат такую культуру, как кукуруза, не дают ей возможности развернуться во всю мощь»¹¹. Путем использования испытанных приемов непосредственной апелляции к сознательности, энтузиазму, самоотверженности решались задачи освоения целины и сибирских строек. Движение за коммунистический труд — заметное событие тех лет — родилось в первую очередь на волне политического подъема, на той же базе сознательности и энтузиазма. И в то же время первые попытки реально связать энтузиазм и экономический интерес (начало бригадного подряда) воспринимались главным образом как явления «стяжательства», «рвачества» и чуть ли не «капитализма» в экономике.

Представляется, что созданный в сознании людей образ коммунизма, построение материально-технической основы которого было обещано через 20 лет,

¹¹ Там же, с. 80.

оказывал на экономическую и социальную политику конца 50-х — начала 60-х годов большее влияние, нежели анализ тогдашней экономики и ее проблем. Именно в силу этого попытки «обогнать время» в тот период окончились в целом неудачей. Но вместе с тем они в немалой степени способствовали созданию такой обстановки, которая побуждала к поискам, дерзаниям, стремлению выйти за пределы возможного. Прорыв человечества в космос — событие, неотделимое от той эпохи. Успешное решение приоритетных научно-технических проблем только оттеняло недостатки состояния «обыденной экономики». Поиск велся и в этом направлении. Его вектор был задан в общем верно: отказ от излишней централизации, расширение хозяйственной самостоятельности, использование цены, прибыли, кредита и других экономических рычагов в хозяйственной практике, переход на хоздоговорные отношения между предприятиями и т. д. Эти вопросы обсуждались в ходе экономических дискуссий, которые, начавшись еще в середине 50-х годов, то на время затухая, то возрождаясь вновь, продолжались уже на протяжении всего последующего десятилетия. В результате этих дискуссий постепенно отработывались основные положения будущей хозяйственной реформы. И что не менее важно — они способствовали формированию экономического мышления, готовили общественное мнение к предстоящим переменам. Люди приучались за «нерадивостью» отдельных хозяйственников видеть недостатки системы хозяйствования, несовершенство хозяйственного механизма в целом. Но со временем содержание дискуссий, охвативших вначале широкий аспект экономических проблем, все более сужалось — сначала до спора о показателях (по которым должна была оцениваться деятельность предприятий), потом о «главном» показателе и, наконец, приобрело ярко выраженный «антиваловой» характер. Таким образом, «стартовые» возможности хозяйственной реформы уже оказались заниженными. В немалой степени это было связано и с изменением общей политической ситуации в конце 50-х годов, с особенностями развития процессов демократизации в этот период.

Глубину процессов демократизации можно «измерить» на основе отношения критики прошлого к критике настоящего. Каждый новый этап общественного

развития закономерно начинается с оценки пройденного пути, с его критического осмысления. Справедливая, во многом мужественная оценка прошлого, с которой выступил на XX съезде Н. С. Хрущев, придала серьезный импульс процессу общественного обновления. Осуждение культа личности, его негативных последствий для судеб народа и страны, сам факт откровенного разговора о наболевших проблемах действительности стали для современников потрясением — независимо от того, были для них данные на съезде оценки прошлого открытием или давно ожидаемой данью справедливости. Со времени смерти И. В. Сталина тогда уже прошло три года. За этот период были преданы гласности многие факты произвола по отношению к честным советским гражданам, осужден Л. П. Берия, началась массовая реабилитация. Вместе с тем тот самый момент, когда появившееся несколько ранее понятие «культ личности» получило персональный адрес, а оценки роли и места Сталина в жизни партии и страны обрели объективность и взвешенность, оказался для миллионов людей слишком резким поворотом и требовал определенной перестройки массового сознания.

Если признание факта личной ответственности Сталина за допущенные нарушения принципов социалистической справедливости, его ошибок на первом этапе Великой Отечественной войны, а также критика нравственной стороны ряда его действий в общем могли быть приняты сразу, то та быстрота, с какой поменялись прежние оценки на противоположные, недавнее почти божество превратилось в «злого гения» истории (а позднее ссылкой на культ личности стали оправдывать все и вся), не могла не настораживать и, во всяком случае, заставляла думать. Поставленная в такой исключительно персонифицированной форме, проблема ответственности за «ошибки прошлого» объективно сужала основу анализа создававшихся противоречий, тем более что многие из них в результате критики культа личности так и не были сняты. Да и вопрос «а судьи кто?» в тот период звучал отнюдь не риторически. Партийная этика всегда была частью партийной политики. Критика прошлого и решение в результате ее вопроса об ответственности за допущенные просчеты — одна из сторон проблемы доверия к авангарду, на котором

и строится связь партии с массами. Одно дело — смело указывать на чужие ошибки (хотя для этого подчас действительно нужна смелость), и совсем другое дело — иметь мужество признать свои собственные, разделить меру ответственности.

Отношение к проблеме партийной и государственной ответственности политического руководства 50-х годов уже достаточно ясно обозначилось в июне 1957 г., когда прошел Пленум ЦК, осудивший «антипартийную группу» В. М. Молотова, Л. М. Кагановича, Г. М. Маленкова и других, поведение которых после XX съезда КПСС в значительной мере связывалось с фактом персональной ответственности этих лиц за произвол и беззакония «периода культа личности»¹². С осуждением «антипартийной группы» вопрос об ответственности за прошлое как бы сам собой закрылся. А вместе с тем и политическое руководство страны было выведено из зоны критики.

Постепенно изменилось отношение и к поискам «правды жизни» в искусстве — на основе возрождения догматически понимаемого принципа «единомыслия». Вызвавший огромный читательский интерес роман В. Дудинцева «Не хлебом единым» был объявлен «клеветническим сочинением», в котором автор «умышленно сгущает краски, злорадствует по поводу недостатков»¹³. Роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» тогда не дошел до массового читателя, что, однако, не помешало его всеобщему организованному осуждению и исключению автора из числа членов Союза писателей СССР. Казалось, возвращаются еще не забытые времена борьбы с «космополитизмом». «Нападки на писателей были связаны не с критикой литературных произведений, а с изменением политической ситуации, — поделился своими наблюдениями И. Эренбург. — Люди старались не вспоминать о XX съезде и, конечно, не могли предвидеть XXII. Молодежь пытались припугнуть, и студенты перестали говорить на собраниях о том, что думали, говорили между собой. Страх, заставлявший людей молчать при Сталине, исчез. Он

¹² См. там же, с. 105.

¹³ Хрущев Н. С. За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа. М., 1957, с. 22—23, 25.

заменился обычными опасениями... если много кричать, пошлют на работу подальше от Москвы»¹⁴.

До тех пор пока процесс общественного обновления не стал необратимым, наличие колебаний и даже прямых отступлений в его развитии является в известном смысле закономерным — как естественное отражение борьбы между сторонниками и противниками перемен. Возможность «реванша» со стороны последних делает поворотный процесс «уязвимым», подверженным влиянию различных привходящих факторов — внутренних или внешних. В судьбе поворота середины 50-х годов, думается, не последнюю роль сыграл «урок» венгерского кризиса 1956 г. Контрреволюция под лозунгом «демократического социализма», раскол в руководстве правящей партии, усиление ревизионистских течений и как итог октябрьско-ноябрьский мятеж — в свете этих событий яснее становятся факты нашей собственной истории 1957—1958 гг. И хотя Венгрия в тот момент находилась, в общем, только в начале своего социалистического пути, а в нашей стране социализм как общественный строй существовал уже 40 лет, венгерский «урок» был фактически понят как поддержка абсолюта собственного пути. А вместе с тем изменилась и общая оценка прошлого, его критика получала новые акценты.

В иной тональности зазвучала проблема авторитетов — прошлых и настоящих. Справедливая критика, «невзирая на авторитеты», по-прежнему признавалась важным инструментом воспитательного воздействия. Но при этом все чаще выражалось сожаление, что-де редко можно прочесть доброе слово о директоре предприятия, председателе райисполкома, других руководителях¹⁵. Считалось, что при подобном подходе «у незрелых людей рождается пренебрежительное отношение к руководителям вообще, недоверие к ним: мол, все они такие! Бывает и так: стоит заговорить об авторитетах, как обыватели начинают шептаться: «Опять культ, возвращаемся к старым временам»¹⁶. По-

¹⁴ Эренбург И. Люди, годы, жизнь.— Огонек, 1987, № 24, с. 28.

¹⁵ См. Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, 18—21 июня 1963 года. Стенографический отчет. М., 1964, с. 76.

¹⁶ Там же.

зиция, согласно которой «народу, строящему коммунизм, нужны авторитеты»¹⁷, не нуждается в полемическом обсуждении в силу своей бесспорности. Но тот факт, что в обыденном сознании 50-х — начала 60-х годов понятие авторитета нередко идентифицировалось с понятием культа личности, требует определенных размышлений. Обыденное сознание обычно легко отражает и фиксирует внешнюю, поверхностную связь событий и явлений, соотносит их с полученными ранее и устоявшимися понятиями, представлениями, образами. Такой относительной устойчивостью обладало понятие культа личности, которое и в реальной жизни, и, следовательно, в сознании людей долгое время практически исчерпывало проблему авторитета.

Разрушение стереотипов мышления — процесс длительный. Усвоение новых понятий идет через критическое преодоление устаревших и постоянно соотносится с последними. Если, с одной стороны, осуждается культ личности, говорится о необходимости строгого проведения в жизнь принципа коллективности руководства и даже если этот принцип действительно проводится (более или менее последовательно), но, с другой стороны, по отношению к тому или иному руководителю начинают использоваться прежние атрибуты — пусть внешние, «церемониальные», но сопровождавшие культ личности — в обыденном сознании эта ситуация будет неизбежно фиксироваться как «возврат к прошлому» (в силу устойчивости прежних представлений и их внешней схожести с новым явлением). А эта внешняя сторона была достаточно очевидна: на место низвергнутого авторитета постепенно ставился новый. Уже на XXII съезде партии были «обнародованы» факты «героической борьбы» ЦК Компартии Украины во главе с Н. С. Хрущевым против «провокационной деятельности» Кагановича¹⁸. А потом пойдет речь об «успехах», которыми «мы обязаны» тому, кто находился в это время во главе партии, его «неутомимой энергии и революционной страстности»¹⁹ (эти слова произнесет человек, который спустя всего четыре года сам же

¹⁷ Там же.

¹⁸ См. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, т. 1, с. 280—281.

¹⁹ Там же, с. 340.

и осудит носителя «революционной страстности» за волюнтаризм и «ошибки», и уже ему, новому, мы «будем обязаны» нашими очередными «успехами»).

Как бы то ни было, но смещение акцентов в критике прошлого и недостаточно критическое восприятие действительности стали серьезным препятствием на пути дальнейшей демократизации советского общества. Задачи развертывания критики были отнесены к свойствам «особых» периодов — периодов «разборки и расчистки», своеобразных подготовительных этапов, предваряющих начало нового «наступления». «Разборка и расчистка», начатая в 1953 г., к концу этого десятилетия считалась уже законченной²⁰. Процесс демократизации, понятый скорее как *предпосылка* общественного обновления, нежели его основа, его дух, его внутренняя необходимая сущность, стал чем-то вроде «клапана», который можно открыть полностью, приоткрыть или просто закрыть. Такой подход в немалой степени помешал выработке принципиально новой долговременной стратегии социально-экономического развития страны с учетом не только опыта прошлого, но и неудач настоящего. Политическое руководство тех лет, по существу оставшись вне критики, лишило себя пространства выбора и оценки собственных шагов. Однозначно положительная заданность принимаемых в тот период решений, восприятие их в качестве безальтернативных и конечных (разрешающих проблему раз и навсегда), неумение соотнести промежуточные успехи (первый эффект) с неизбежностью возникновения новых проблем — все это не могло не привести к серьезным просчетам в практике хозяйственного и политического руководства.

Неудача с совнархозами — только одно звено в этой цепи. В период подготовки к перестройке управления по территориальному принципу обоснованно критиковалась работа министерств. Вместе с тем некоторые специалисты были всерьез обеспокоены их намечавшейся ликвидацией, в связи с чем предлагалось сохранить хотя бы часть министерств или создать новые органы с функциями разработки общей политики развития отраслей промышленности. Некоторые специалисты

²⁰ См. Хрущев Н. С. К новым успехам литературы и искусства. М., 1961, с. 9, 10.

отмечали положительные стороны деятельности будущих совнархозов, но выражали опасения (которые впоследствии и подтвердились), что эти преимущества быстро исчерпают себя и появятся элементы местничества. Эти предположения и сомнения, так же как и предложения о проведении первоначально серии экономических экспериментов, как известно, не были учтены²¹. Когда же после «взлета» совнархозов начался их спад, обусловленный накоплением противоречий территориальной системы управления «образца» 50-х годов, и усилилось влияние негативных тенденций (местничества, роста бумаготворчества, потери отраслевой перспективы развития и др.), эти явления не были отнесены на счет системы, которая считалась «правильной». Причины сбоев искали вне ее, а поэтому чаще всего они получали субъективное объяснение: нерасторопность хозяйственников, неумение вести дело и т. д. «Поправить положение» означало заставить хозяйственников работать так, как «надо». Отсюда закономерный возврат на старый испытанный путь — к методам нажима и диктата, а от них к «стихии администрирования».

В середине 60-х годов были приняты специальные партийные решения, осуждающие волюнтаризм и администрирование в руководстве народным хозяйством как ставшие серьезным тормозом на пути его развития. Что касается самого процесса возникновения волюнтаризма как общественного феномена, то таковой нуждается в глубоком специальном осмыслении, а это выходит за рамки данной статьи. Поэтому ограничимся лишь некоторыми замечаниями, имеющими непосредственное отношение к судьбам поворотов 1956 и 1965 годов. Поскольку от волюнтаристских подходов в руководстве обществом практика не была свободна ни в довоенный период, ни после осуждения волюнтаризма в середине 60-х годов, вряд ли следует относить это явление к началу 60-х годов, а тем более считать «личной ошибкой» Н. С. Хрущева. Первый серьезный удар по абсолюту волевых методов руководства, игнорирующих законы общественного развития, был нанесен как раз в середине 50-х годов в результате критики культа личности. Другое дело, что преимуще-

²¹ См. Лисицына Л. Н. Из истории подготовки экономической реформы 1965 г.— История СССР, 1971, № 2, с. 4.

ственно «верхушечный» характер этой критики, сведение корней культа к личным недостаткам И. В. Сталина не позволили в то время сделать более глубокий анализ этого многосложного явления и увидеть за личностью систему, за авторитарной личностью авторитарную (шире — бюрократическую) систему.

Централизация управления несет в себе тенденцию к усилению бюрократического аппарата. В результате его роста создаются предпосылки для формирования цельной бюрократической системы, распространяющей влияние не только на сферу экономики, но и на весь общественный организм. Этой реально существующей возможности бюрократизации должен противостоять политический демократизм социалистического строя. В процессе управления без волевых методов не обойтись, но столь же необходима и инициатива. Причем объективно нужны воля и инициатива всех участвующих в общественном производстве и управлении, а не только «командиров». В случае жесткого разделения функций, когда одни «командуют», а другие «исполняют», возрастает опасность волюнтаристских действий. Вместе с тем волюнтаризм (и это роднит его с явлением культа личности) представляет собой не только «сопутствующий» бюрократической системе фактор, но и надежный ее «щит»: в случае возникновения предкризисной ситуации всегда можно найти виновных «командиров» и вывести саму систему из-под удара.

Опасность разрастания бюрократического аппарата возникла почти сразу же после победы социалистической революции, когда на одной чаше весов оказались «увлеченность борьбой за социализм», «энтузиазм и искренность», но одновременно низкий уровень культуры, в том числе и управленческой, рабочего класса, а на другой — профессиональная компетентность, «элементы знания», но политическая чужеродность старых специалистов. В силу своей профессиональной и общекультурной неподготовленности новые люди, привлеченные в сферу государственного управления, могли «усвоить» и успешно применять только одну из внешних, организационных форм управления — администрирование. «Я замечал у некоторых из наших товарищей, способных влиять на направление государственных дел решающим образом,— писал В. И. Ленин в 1922 г.,— преувеличение администраторской стороны,

которая, конечно, необходима в своем месте и в своем времени, но которую не надо смешивать со стороной научной, с охватыванием широкой действительности, способностью привлекать людей и т. д.»²². В практике государственного управления первых лет Советской власти компетентность и администрирование нередко оказывались разделенными не только функционально, но, как правило, и политически: новые «администраторы» призваны были осуществлять контроль за старыми «профессионалами». Решение задачи соединения этих противоположностей, этих двух сторон управленческой деятельности, по мысли Ленина, должно было стать важным звеном в перестройке всего госаппарата. Главную роль при этом призван был сыграть правильный подбор кадров, поскольку соединение компетентности и способности вести административную сторону дела в одном лице в то время Ленин считал весьма трудным делом²³. Этого соединения практически не получилось даже спустя десятилетия, когда в стране появился «свой» корпус управленцев. Среди них было немало людей, сочетавших в себе качества хороших профессионалов и организаторов одновременно. Но как только им приходилось выбирать между профессиональной компетентностью (то есть истинными интересами дела) и своей административной подчиненностью, «администратор» в каждом из них брал «верх» (вспомним хотя бы Онисимова — героя романа А. Бека «Новое назначение»). Так водораздел между двумя несоединенными сторонами прошел уже внутри личности — один из первых признаков того, что аппарат во многом продолжал работать на старых принципах, оставаясь, по существу, «ведомым» старой культурой, подчиненным ее влиянию. Произошло это в силу ограничения традиций демократизма, сужения базы развития элементов самоуправления и контроля за деятельностью аппарата снизу — тех самых факторов, которые только и могли противостоять прогрессирующей бюрократизации. Именно свертывание процессов демократизации в 20—30-е годы привело не только к разрастанию аппарата управления, но и к формированию цельной бюрократической системы. «Для понимания ситуации тех лет сле-

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 351.

²³ См. там же.

дует иметь в виду,— отмечал М. С. Горбачев,— что административно-командная система, начавшая формироваться в ходе индустриализации и получившая новый импульс во время коллективизации, сказалась на всей общественно-политической жизни страны. Утвердившись в экономике, она распространилась и на надстройку, ограничивая развертывание демократического потенциала социализма, сдерживая процесс социалистической демократии»²⁴.

Развитие процесса демократизации в результате поворота 1956 г. своей оборотной стороной имело сужение бюрократического влияния вследствие сокращения собственно управленческого аппарата, а также в связи с ростом инициативы снизу. Однако на первом этапе (примерно до 1958 г.) он выступал в целом как мероприятие центра. Когда же процесс получил заметную поддержку снизу (благодаря движению за коммунистический труд, первым опытам производственного самоуправления), в центре уже стали проявляться колебания, непоследовательность и некомплексность действий. Эта разновременность вызревания степени готовности движущих сил общественного обновления объективно усилила позиции тех, за кем стояла бюрократическая система. Последняя обладала гораздо большей устойчивостью по сравнению с направленными против нее элементами демократизации и очень чутко реагировала на колебания и отступления в развитии демократического процесса.

Вторая половина 50-х и начало 60-х годов прошли под знаком борьбы демократической и бюрократической тенденций в развитии общественной жизни. В конце этого периода демократическая тенденция стала ослабевать, главным образом в силу непоследовательности действий сверху, увеличилась опасность волюнтаризма и администрирования, что впоследствии послужило прямой предпосылкой для укрепления позиций бюрократической системы. Это произошло не сразу: процессы демократизации к середине 60-х годов набрали положительную инерцию, переключившись из сферы политической в сферу экономическую, точнее — продолжаясь в сфере экономики. Развитие поворота 1965 г.

²⁴ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается, с. 20.

находилось поэтому под влиянием двух разнонаправленных тенденций: если хозяйственные решения второй половины 60-х годов фактически продолжили и углубили поиски предшествующего десятилетия, то политическая ситуация после 1964 г. складывалась в целом «вразрез» с основными принципами демократического курса XX съезда партии.

Главное содержание и основную направленность поворота, намеченного в 1965 г., определила хозяйственная реформа. К этому времени в партии, в обществе в целом созрело понимание ограниченности практики частных поправок и отдельных улучшений, а вместе с тем и необходимости выработки системы мер — эта мысль ясно прозвучала на XXIII съезде партии²⁵. Через преодоление волюнтаристских тенденций в руководстве страной партия выходила на проблему обеспечения новых подходов в практике управления, ставящих ее на научную основу. Эти новые подходы были разработаны мартовским и сентябрьским (1965 г.) Пленумами ЦК партии. Мероприятия середины 60-х годов, направленные на совершенствование системы и принципов управления народным хозяйством, были самой крупной за весь послевоенный период попыткой перестройки экономики в соответствии с новыми требованиями времени. В отличие от предшествующих попыток решения 60-х годов затронули сразу несколько отраслей — промышленность, строительство, сельское хозяйство. В качестве главной формы государственного планирования утверждался пятилетний план, предусматривалось расширение сферы действия хозрасчета на предприятиях и в отраслях, намечались мероприятия по совершенствованию системы стимулирования и т. д.²⁶. Наиболее существенные изменения претерпела система управления промышленностью и строительством. Сократилось число планируемых предприятию сверхпоказателей; основой оценки деятельности предприятий стал показатель реализованной продукции, пришедший на смену «вала»;

²⁵ См. XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 29 марта — 8 апреля 1966 года. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1966, с. 53—54.

²⁶ См. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 5. М., 1968, с. 606—609, 658—685.

образовывались специальные поощрительные фонды. Предприятия, перешедшие на новую систему, в целом улучшали показатели своей работы по сравнению с предприятиями и производствами, где действовала еще старая система. Однако со временем эта разница становилась все менее заметной. Пока на новых принципах работало сравнительно небольшое число предприятий, они находились в более выгодном положении — и в смысле направления государственных капитальных вложений, и в смысле использования собственных резервов. По мере развития реформы многие предприятия, формально работавшие на старых принципах, перенимали отдельные элементы новой системы и улучшали таким образом свои производственные показатели²⁷. Это одновременно означало, что реформа пока не пошла вглубь, не затронула основ хозяйственного механизма. «Мы подняли только то, что можно было поднять, не нагибаясь, — говорилось в одной из корреспонденций журнала «Коммунист». — Пора идти к новым резервам роста эффективности»²⁸.

«Не дать реформе остановиться» — таков лейтмотив наиболее конструктивных выступлений по проблемам экономической реформы в конце 60-х годов. Опасения были не напрасны: вновь созданная система экономического управления сдавала позицию за позицией (участились корректировки планов, ограничивались права предприятий, усилился диктат центра и т. д.). Реформа как бы остановилась посередине, на уровне предприятия, не дойдя до конкретного рабочего места, с одной стороны, и не затронув эшелоны управления — с другой. Попытки двинуть реформу «вниз» вылились в целое движение экономического экспериментирования.

Между тем первые успехи экономической реформы, придавшие импульс творчеству «снизу», совсем по-иному повлияли на действия центрального руководства: здесь они послужили своеобразным обоснованием «достаточности» принятых мер. Нельзя и тут не учитывать «подключение» внешнего фактора. В середине

²⁷ См. Румянцев А., Филиппов В. Новая система планирования и экономического стимулирования промышленного производства. — Хозяйственная реформа в СССР. М., 1969, с. 17.

²⁸ Коммунист, 1966, № 18, с. 71.

60-х годов практически все европейские социалистические страны приступили к экономическим реформам, аналогичным нашей. Наиболее радикальные мероприятия были проведены в Югославии, Чехословакии, Венгрии (в этих странах почти полностью была отменена система директивных показателей, предприятиям предоставлены достаточно широкие права в распределении полученных доходов, введена гибкая система цен и т. д.)²⁹. В Чехословакии экономические противоречия тесно переплелись с политическими. Следствием обострения этих противоречий стал кризис 1968—1969 гг. Чехословацкие события того времени, безусловно, нуждаются в самом обстоятельном анализе. А он важен. Что касается нашей страны, «...нужны были новые кардинальные перемены в обществе и, конечно, соответствующая политическая воля,— так оценивается сегодня сложившаяся в те годы ситуация.— Ни того, ни другого не хватило. И даже многое из того, что было решено, осталось на бумаге, повисло в воздухе. Темпы нашего развития серьезно замедлились»³⁰. В силу этого поворот середины 60-х годов так и не смог в полной мере реализовать свой потенциал. Демократические процессы, по сути дела, оказались заблокированы силами бюрократического консерватизма. Поворот 1965 г. не смог поэтому довести до конца традицию 1956 г., хотя логически и исторически был продолжением поворота середины 50-х годов.

Перед нами, таким образом, внутренне единый, но дискретный в своем развитии процесс, своего рода *один поворот*, в котором события 1956 и 1965 годов представляют собой как бы две его стороны, две составляющие — линию на демократизацию общества и линию на экономическую перестройку. Но эта дискретность, осложненная непоследовательностью действий, стала одной из причин разрушенного единства, незавершенности поворотов в целом.

Принцип последовательности для осуществления поворотов имеет особое значение, помогает преодолевать *критические точки* в их развитии. Таких точек у

²⁹ См. Экономические реформы в социалистических странах Европы. Вып. 6. М., 1969, с. 13, 25—36.

³⁰ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается, с. 29.

любого поворота бывает по крайней мере две. Одна из них связана с переходом от заявлений и выработки программы действий к собственно практическим шагам. Повороты, вырастающие из кризиса, проходят этот критический момент достаточно быстро — в силу действия мощных катализаторов, в качестве которых может выступать внешний импульс (военные кризисы) либо резкий рост активности масс, обусловленный крайностью сложившейся ситуации (внутренние политические и экономические кризисы). В результате такие повороты почти сразу осуществляются как одновременное движение сверху и снизу. Когда же ситуация еще не сложилась как кризис и поворот носит в известной степени упреждающий характер, подключение к поворотному процессу различных общественных сил, прямо или косвенно заинтересованных в нем, происходит, как правило, одновременно. Начинать при этом всегда приходится сверху — такова особенность «реформационных» поворотов вообще. По мере их развития происходит постепенное укрепление и расширение социальной базы поворота, вовлечение в него новых сил. Вместе с тем наша история знает попытки ускорить течение этого процесса, которые выражались в стремлении действовать методами нажима и прямого давления, как это было, например, в ходе поворота 1929 г. при переходе к сплошной коллективизации. Опыт 1956 г. показал, что попытки административного внедрения новой системы, усиление диктата центра без соответствующего учета реально складывающейся обстановки ведут к прямому росту волюнтаристских тенденций в управлении страной и только тормозят процесс обновления общества. Сложность и противоречивость ситуации в данном случае состоит в том, что новый механизм не может быть «запущен» без непосредственного административного воздействия. Другое дело, что эти первые меры могут рассматриваться и применяться как подготовительные, своего рода «мобилизационные», открывающие возможность для использования экономических рычагов и стимулов проведения в жизнь принятых программ. Ход развития поворотов 1956 и 1965 гг. подводит к выводу, что массы втягиваются в дело перестройки постепенно, по мере нарастания положительного эффекта проводимых преобразований. Основная же работа по перестройке в этот период ложится на плечи авангарда.

Вместе с тем было бы неверным характеризовать развитие поворотного процесса на первом его этапе исключительно как работу центра. Поворот вообще немислим без участия масс, без их поддержки. Другой вопрос — форма и масштабы этой поддержки и этого участия. От понимания и одобрения проводимых сверху мероприятий до возникновения (причем «естественного») таких форм движения снизу, которые были бы адекватны выработанной стратегической концепции общественного обновления, должно пройти время. Развитие этого процесса ускоряется по мере появления позитивных, достаточно ощутимых результатов принятых решений. На этой основе в массах формируется «феномен доверия» к мероприятиям политического руководства, что вызывает резкий рост активности снизу (вспомним «взрыв» движения за коммунистический труд в конце 50-х годов, масштабы «низового» экономического экспериментирования в конце 60-х).

В этот момент поворот подходит к следующей критической точке, в которой фактор единства действий центра и масс приобретает свою законченную форму, поскольку подкрепляется не только фактом одобрения проводимой сверху линии, не только самоотверженной работой авангарда, но и широкой практической поддержкой снизу, основанной на осознанной готовности людей поступиться сиюминутными интересами во имя интересов долговременных.

1956 и 1965 гг. обнаружили серьезные противоречия в устремлениях центра и масс именно в этой критической точке, что во многом определило судьбы этих поворотов в целом. Движение за продолжение и углубление общественных преобразований снизу натолкнулось в данном случае на известную пассивность со стороны центра, где «первые успехи» были фактически признаны гарантом конечных, а принятые ранее меры расценены в силу этого как «все необходимое и достаточное».

Умение не только предпринять практические шаги, но и видеть их ближайшие и отдаленные последствия, постоянная готовность к решению вновь возникающих проблем — необходимое условие осуществления социально-экономических поворотов. А поэтому главным уроком любого поворота по-прежнему остается ленин-

ский — «идти *непрерывно* дальше...»³¹ — как в смысле последовательности осуществления программы революционных реформ, так и особенно в смысле развития процесса демократизации. Таков лейтмотив выводов, которые, формируясь постепенно в недрах народа и его партии, привели наше общество к современной концепции перестройки, к выработке нового политического мышления на основе марксистско-ленинской диалектики и учета уроков исторического опыта.

Вопросы истории КПСС. 1988. № 4.
С. 74—87.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 196.

Оскудение деревни: видеть истинные причины

Период 70-х — начала 80-х годов в развитии советского общества, и деревни в том числе, получил определение «застойного». Некоторые склонны связывать такое состояние прежде всего с личностью Л. И. Брежнева и его окружением. Несомненно, субъективный фактор играл существенную роль. Но главное все же заключалось в существовании социально-экономических отношений, господствовавших в стране, той модели социализма, которая сформировалась еще в конце 20—30-х годов. Ее главные черты достаточно подробно охарактеризованы в современных публикациях, и нет необходимости к ним возвращаться.

В брежневский период развитие советского общества в значительной мере шло по инерции. Потенциальные возможности сталинской модели социально-экономических отношений были исчерпаны, а новая концепция развития страны не выработана. Застой и кризисные явления в экономике тщательно камуфлировались, а их последствия сглаживались за счет экспортной распродажи национального богатства (нефти, газа, леса и т. д.). Все это вело к снижению жизненного уровня народа. К 1985 г. достаточно четко выявились признаки полного крушения основных постулатов командно-приказного социализма, масштабы отступлений от ленинского понимания социалистических принципов. Это хорошо видно и на примере развития сельского хозяйства.

Осознание причин застоя и деградации аграрного производства в стране шло медленно, противоречиво, с большими отступлениями. Даже сейчас, в условиях революционной ломки изживших себя механизмов командного социализма, правда о деревне сказана далеко не вся. Отставание сельского хозяйства связывают прежде всего с несовершенством его организационных

форм, тогда как истинные причины кризиса кроются гораздо глубже — в существовании аграрной политики, которая многие десятилетия проводилась государством в отношении колхозов и совхозов.

Начиная с коллективизации, она в основе своей носила антикрестьянский характер. Деревня развивалась как сырьевой придаток города, рынок для его продукции. Экономический обмен между ними осуществлялся на неэквивалентной основе и долгие годы носил натуральный характер. Колхозы и совхозы были вынуждены отдавать не только прибавочный, но и необходимый продукт. Материальное благосостояние колхозника базировалось в основном на доходах от личного подсобного хозяйства, развитие которого также ущемлялось.

Демократические институты в деревне были свернуты. Исключалась всякая хозяйственная самостоятельность колхозов и совхозов, труженики которых находились в положении поденщиков. Ущемлялись и социальные права крестьян. Они не имели паспортов и, по сути, принудительно прикреплялись к земле, без права передвижения. Пренебрежительное отношение было к деревне и как месту проживания. Она резко отставала от города по условиям жизни населения. Все это консервировало архаичный уровень аграрного производства, его низкую технологическую культуру и обернулось большими издержками социального, экономического и нравственного характера.

В 50-х годах Н. С. Хрущев сделал попытку ослабить антикрестьянские вожжи. На сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС впервые было сказано, что причины отставания сельского хозяйства кроются в низком уровне его финансового и материально-технического обеспечения, в ущемлении социального положения крестьянства. Началось осуществление мер по экономическому стимулированию работы сельхозпредприятий: увеличены капиталовложения, повышены закупочные цены на продукцию, сдаваемую государству, возросла оплата труда колхозников, расширилось культурно-бытовое строительство на селе. Однако эта линия в аграрной политике не была последовательной. В конце 50 — начале 60-х годов не окрепшую еще экономику колхозов подорвали кабальными условиями реорганизации МТС и другими пагубными для развития сельского хозяй-

ства мерами. Это привело к резкому падению темпов производства сельскохозяйственной продукции в стране. Вместо запланированного на семилетку (1959—1965 гг.) прироста в 70% реально валовая продукция увеличилась всего на 15%.

Новая попытка разработать эффективную аграрную политику была предпринята на мартовском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС. Его решения нашли воплощение в системе мер, направленных на подъем экономики колхозов и совхозов, гармонизацию общегосударственных, коллективных и личных интересов в аграрном производстве. После 1965 г. резко выросли ассигнования на нужды села. За 1965—1985 гг. капитальные вложения в сельское хозяйство составили 670,4 млрд. руб. Расширены возможности государственного кредитования, в 2 раза поднялись закупочные цены на сельхозпродукцию, продаваемую государству, изменены условия взимания подоходного налога с колхозов, укреплена материально-техническая база хозяйств. Общая энерговооруженность труда в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве возросла с 7,7 л. с. в 1965 г. до 32,6 л. с. в 1985 г.¹ Огромные средства были вложены в мелиорацию и химизацию земель. Развернулись процессы по специализации производства, освоены новые прогрессивные технологии. Возросла социальная защищенность крестьянства, введено пенсионное обеспечение и социальное страхование, гарантирована заработная плата. Положительные сдвиги произошли в культурно-бытовом обустройстве деревни, жилищном строительстве. Все эти меры были направлены на интенсификацию производства, укрепление экономических позиций колхозов и совхозов, повышение жизненного уровня труженников села.

Каков же результат? За восьмую пятилетку прирост валовой продукции в сельском хозяйстве составил 21%, за девятую — 13, десятую — 9, одиннадцатую — 6%². Принятая в 1982 г. Продовольственная программа и новые попытки остановить деградацию аграрного производства заметного результата не дали. За 1983—1987 гг. валовая продукция сельского хозяйства вы-

¹ Народное хозяйство СССР в 1985 г. М., 1986, с. 260, 83.

² Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный стат. сб. М., 1987, с. 213.

росла на 11,5%. Этот прирост лишь немного превышал темпы прироста населения³.

Со второй половины 70-х годов ситуация в сельском хозяйстве все более отчетливо стала принимать кризисные формы. На XIX Всесоюзной партконференции продовольственная проблема была названа как самая острая, болевая точка в жизни страны. Поставлен справедливый вопрос: почему нам так долго не удается продвинуться здесь вперед?⁴

Сколько дано и сколько взято?

Главной причиной низкой эффективности общественного сельского хозяйства, его стагнации в 70-х годах явилось продолжавшееся ущемление экономических интересов крестьянства, отчуждение последнего от результатов труда. Кривая темпов производства сельскохозяйственной продукции наглядно демонстрирует закономерность: как только возрастает неэквивалентность экономического обмена, увеличиваются безвозмездные изъятия средств из сельского хозяйства, усиливается командный нажим, сразу же падают показатели в производстве, снижается его эффективность. Так производитель продукции реагирует на ущемление его интересов.

Надо откровенно признать, что, несмотря на неоднократные попытки преодолеть антикрестьянский характер осуществляемой в стране аграрной политики, сделать это в полной мере не удалось. При всех ее поворотах сохранялся механизм, с помощью которого государство беспрепятственно изымало из аграрной сферы потребные ему средства. Любопытно, что в 70-х годах произошла своеобразная мимикрия этого механизма. Он стал как бы невидимым. Если в 30 — начале 50-х годов государство держало колхозы и совхозы на голодном пайке, действовало открыто внеэкономическими методами, то в 70-х годах «обирание» хозяйств происходило на фоне, когда в аграрную сферу потоком лились капиталовложения, кредиты, техника и другие средства. В результате создавалось впечатление, что колхозы

³ Милосердов В. АПК: проблемы старые и новые.— Коммунист. 1989, № 4, с. 16.

⁴ XIX Всесоюзная конференция КПСС. Стеногр. отчет. М., 1988, т. 1, с. 23.

и совхозы неэффективны как формы хозяйства, раз при таком изобилии средств не могут обеспечить страну продовольствием. Реальная картина была иной.

«Разве мало деревня получила средств?» На этот вопрос участник «круглого стола» в «Правде» А. И. Дубовский, председатель колхоза «Третий решающий» Солигорского района Минской области, Герой Социалистического Труда, ответил: «Деревня — мало. Все ушло партнерам — мелиораторам, ремонтникам, переборотчикам, строителям в райцентры, города»⁵.

По каким каналам шло изъятие средств из колхозов и совхозов и каковы его размеры? Прежде всего это — резкое вздорожание всех средств промышленного производства, потребляемых в сельском хозяйстве. Цены на средства производства и другие виды промышленной продукции для сельского хозяйства поднялись за 1965—1985 гг. в 2—5 раз, а закупочные цены на сельхозпродукцию, сдаваемую государству, — примерно в 2 раза. Рост цен носил галопирующий характер. Например, в десятой пятилетке по сравнению с восьмой стоимость пахотного и посевного агрегатов поднялась почти в 3 раза, технических средств на один гектар орошения — в 2,8 раза⁶. Монопольное право промышленных предприятий самостоятельно устанавливать стоимость своей продукции привело фактически к неконтролируемому росту цен на технику, удобрения, комбикорма и другие виды продукции. Вздувая цены, государственные предприятия покрывали свои издержки за счет колхозов и совхозов. По расчетам ВНИЭСХ, необоснованный рост цен на сельскохозяйственную технику только за 1984—1986 гг. повлек за собой дополнительные затраты хозяйств около 6 млрд. руб. При этом цена на технику оторвана от ее производительности. Так, производительность кормоуборочного комбайна КСК-100 выросла по сравнению с заменяемой техникой на 70%, а цена — почти в 4 раза, производительность косилки самоходной СКП-10 возросла на 79%, а цена — в 4,4 раза, картофелесортировального пункта КСП-25 — соответственно в 3,5 и в 21 раз⁷. Вздорожали комбикорма, минеральные удобрения.

⁵ Правда, 1989, 13 марта.

⁶ Правда, 1982, 1 октября.

⁷ Сельская жизнь, 1988, 6 октября.

Общее необоснованное удорожание основных видов промышленных средств производства и производственно-технических услуг для сельского хозяйства страны за 1984—1986 гг. составило более 18 млрд. руб.⁸. В 1987—1988 гг. ценовой диктат по отношению к колхозам и совхозам еще более усилился, степень неэквивалентности товарного обмена между городом и деревней возросла. Об этом говорили многие участники мартовского (1989 г.) Пленума ЦК КПСС.

Монополизм и диктат производителя средств производства для села не только разоряет колхозы и совхозы, но одновременно консервирует отсталость и архаизм в самом этом производстве, так как нет потребности во внедрении новых прогрессивных технологий, необходимости бороться за потребителя. В принудительном порядке крестьянина обязывают покупать низкокачественную технику, ремонтировать ее в государственных мастерских, где капремонт нередко стоит дороже новой машины.

Огромные издержки (ежегодно возрастающие) были связаны у колхозов и совхозов с оплатой услуг таких организаций, как Сельхозтехника, Сельхозхимия и др. С 1965 по 1977 г. общий объем производственных услуг Сельхозтехники (без торговли) в денежном выражении увеличился в 4 раза, а прибыль — в 7,6 раза. Денежные расходы колхозов и совхозов, связанные с оплатой ремонтных работ в расчете на единицу оборудования, возросли только за 1966—1972 гг. в 2,2 раза, а в расчете на единицу стоимости сельскохозяйственной продукции — в 3,3 раза⁹. Кроме того, предприятия Сельхозтехники не несли фактически материальной ответственности за качество ремонта машинного парка и за тот ущерб, который терпели хозяйства из-за простоя машин. К тому же сплошь и рядом они не выполняли ремонтные работы, а служили передаточной инстанцией запчастей. Деньги же брали как за произведенный ремонт.

Отметим также, что в 70-х годах значительно подорожало производственное строительство. На покрытие этого удорожания колхозы и совхозы израсходовали

⁸ Там же.

⁹ Тюринна А. П. Экономические отношения в сельском хозяйстве СССР.— Вопросы истории, 1986. № 2, с. 30, 31.

только в 1971—1975 гг. 21,6 млрд. руб.¹⁰. Все это привело к росту издержек производства, повышению себестоимости сельхозпродукции. Дополнительные доходы, полученные колхозами и совхозами от повышения закупочных цен и других экономических мероприятий, были «съедены» возросшими производственными расходами.

Значительная часть накоплений, созданных трудом колхозников и работников совхозов, в результате несбалансированного экономического обмена оседала в промышленности, заготовительных организациях, торговле и сфере обслуживания. Это не только снижало материальную заинтересованность работников сельского хозяйства в увеличении объемов производства, но и создавало неправильное представление о низкой эффективности колхозов и совхозов как социалистических форм организации производства.

Рост производственных затрат, не обеспечиваемый в общественно необходимых пропорциях последующим восполнением через закупочные цены и другие распределительные каналы, привел во второй половине 70-х годов к дестабилизации экономического положения в колхозах и совхозах, стал одной из важнейших причин снижения темпов производства сельскохозяйственной продукции в стране. Совокупная рентабельность (отношение прибыли к себестоимости реализованной продукции) в колхозах уменьшилась с 34% в 1970 г. до минус 0,4% в 1980 г., в совхозах соответственно с 22% до минус 1,0%. Производство всех видов животноводческой продукции, кроме яиц, было для хозяйств убыточным. Так, в 1980 г. продукция, проданная государству колхозами, приносила убыток: по молоку — 9%, крупному рогатому скоту — 13, свиньям — 20, птице — 14, шерсти — 11%. Это стало одной из кардинальных причин экономического оскудения сельскохозяйственных предприятий. В последнем году десятой пятилетки свыше 50% колхозов страны не произвели отчислений в неделимые фонды, в том числе в РСФСР — 68%. Выражением крайней степени этого оскудения в 70-х — начале 80-х годов явилась утрата многими хозяйствами собственных оборотных средств¹¹.

¹⁰ Там же.

¹¹ Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987, с. 290, 292, Правда, 1987, 20 октября.

Мартовский (1989 г.) Пленум ЦК КПСС отметил, что для поддержания эквивалентного обмена между аграрным сектором и другими сферами народного хозяйства важно не допускать перекося в ценах на продукцию, поставляемую промышленностью. С этой целью нужно выработать ценовой паритет и создать механизм его поддержания, установить за этим надлежащий контроль¹². Однако принципы этого механизма и контроля четко не определены. Возникает опасение, что этот курс также может остаться на уровне деклараций, как уже неоднократно бывало. В связи с этим следует подчеркнуть, что как бы добросовестно ни трудился земледелец, будучи индивидуальным арендатором или членом колхоза, он не сможет долго противостоять экономическому нажиму со стороны различных государственных ведомств и организаций, которые паразитируют на аграрной сфере, извлекая для себя неоправданно большие доходы. Пока не будут выработаны надежные заслоны на пути «группового эгоизма» промышленности, ведомств, трудно ожидать кардинальных сдвигов на селе.

На современном этапе нельзя не учитывать огромную психологическую усталость сельского труженика, которая, накапливаясь десятилетиями, вылилась в социальную апатию, иждивенчество, равнодушное отношение к труду. Вера в положительные перемены, в то, что когда-нибудь селу будет отдано взятое у него, упала до крайней отметки. Крестьянский уклад жизни утратил свою престижность. Отток населения из сельской местности многие годы превышает его естественный прирост. В 1987 г. на селе насчитывалось более 900 тыс. пустующих домов. Во многих районах, в особенности в Нечерноземной зоне РСФСР, деревня умирает на глазах. За 1981—1988 гг. из российского села выбыло 4,5 млн. человек, ежегодно около 3 тыс. сельских населенных пунктов стирается с карты республики¹³. Для восстановления сельскохозяйственного производства в этих районах потребуются уже экстраординарные меры.

Опыт 70-х годов по совершенствованию механизма экономических связей сельского хозяйства с другими отраслями народнохозяйственного комплекса и сферой

¹² Правда, 1989, 16 марта.

¹³ Правда, 1989, 17 марта.

обслуживания со всей очевидностью показал, что частичные улучшения здесь оказываются неэффективными. Сохранение приоритетного внимания промышленности и другим ведомствам в ущерб сельхозпредприятиям разоряет не только последние, но и страну, вынужденную все в больших размерах закупать продовольствие за рубежом. Удельный вес импорта в потреблении мяса в стране составил в 1987 г. 6,6%, масла животного — 19,7, растительного — 22,5, сахара-сырца — 25,5%. Общая стоимость импорта продовольствия и сырья для его производства увеличилась за 1970—1987 гг. в 6 раз и достигла 10 млрд. руб.¹⁴.

Уйти от «Продразверстки»!

Негативное воздействие на развитие сельскохозяйственного производства оказывала действовавшая система заготовок сельхозпродукции государством. Она сложилась в 30-х годах и с незначительными изменениями продолжает функционировать сегодня. В чем ее существо? До колхозов, совхозов и других предприятий сверху доводятся планы производства и заготовок сельхозпродукции, для большинства хозяйств заведомо невыполнимые. По сути, это та же продразверстка, которая «выбивается» всеми методами и средствами. Сегодня нет в деревне традиционных уполномоченных по заготовкам. Но арсенал применявшихся ими методов сохранился. В хозяйства посылаются бесконечные телефонограммы из райкома, райисполкома, РАПО с угрозами снять фонды на технику, удобрения, особо дефицитные строительные материалы и т. д. В итоге зерно и другая продукция выгребались под метелку, вывозились нередко фуражные и семенные фонды, лишь бы выполнить план. Крестьянин был полностью отчужден от произведенной продукции. Чтобы сохранить поголовье и иметь семенные фонды, колхозы и совхозы уже осенью обращаются к государству за «помощью» и покупают обратно свою же продукцию втридорога. Несут огромные транспортные расходы.

О порочности такой системы заготовок много говорилось и писалось. Приняты соответствующие решения, призванные охранять интересы колхозов и совхозов,

¹⁴ Милосердов В. Указ. соч., с. 16.

но практика заготовок остается еще во многом прежней. Более того, в условиях падения темпов производства сельхозпродукции, снижения эффективности полей и ферм административный нажим на хозяйства ужесточился. Современный госзаказ, по сути, является такой же директивой «от потолка», что и раньше. В значительной мере он базируется на внеэкономической основе, нередко не обеспечен ресурсами.

Не в полной мере реализуется важная установка XXVII съезда партии о предоставлении хозяйствам возможности свободной продажи продукции, полученной сверх плана, а по картофелю, плодам, овощам — и значительной части плановой продукции. Почему колхозы и совхозы не используют вроде бы предоставленные им права? Вот что сказал по этому поводу председатель известного в стране колхоза «Советская Белоруссия» Брестской области, дважды Герой Социалистического Труда В. Л. Бедуля: «Да потому, что из них по-прежнему «выкачивают» все, что старая «продразверстка» на деле существует и сегодня»¹⁵.

Несовершенство существующей системы заготовок проявляется и в том, что, по сути дела, нет никакой (ни экономической, ни правовой) защищенности коллективных хозяйств от представителей государства. При сдаче продукции они несут большие убытки от того, что занижается ее сортность, практикуются массовые обвесы, обсчеты сдатчиков. Произвольными являются и нормативы отчислений из прибылей современных агрофирм и агрокомбинатов.

Платить по труду

Низкая эффективность сельского хозяйства была связана также с тем, что многие меры осуществлялись разрозненно, отсутствовала комплексность в подходе. Даже такая важная в социальном отношении мера, как введение гарантированной оплаты труда в колхозах, обернулась экономическими и социальными деформациями. Следствием резкого отрыва оплаты труда от его производительности стало «проедание» полученных в общественном производстве доходов. В 1965 г. фонд оплаты труда в колхозах составлял 64% валового до-

¹⁵ Сельская жизнь. 1989, 10 марта.

хода, в 1970 г.— 66, в 1978 г.— 78, в 1980 г.— 96%. По итогам 1985 г. более одной трети колхозов использовали на оплату труда 80% валового дохода, а в десятой части колхозов весь валовой доход был использован на потребление¹⁶. Многие руководители колхозов, да и сами колхозники проявляли откровенное иждивенчество, равнодушно проедавая общественные средства, мало заботясь о будущем своих хозяйств. Оплата труда часто полностью отрывалась от конечных результатов хозяйствования, выплачивалась вне зависимости от реального трудового вклада, уровня полученного дохода. Незаработанный рубль тяжелым бременем ложился на себестоимость колхозной продукции.

Снизилось воздействие идеологических и моральных факторов. Коммунистические идеалы постепенно утрачивали свою былую притягательность, исчезала наивная вера в скорый бесклассовый «рай», обещанный уже для поколений 80-х годов. Реалии сельского бытия резко расходились с провозглашенными лозунгами. Ситуация усугубилась в период застоя, когда нараставшие противоречия и четко обозначившиеся деформации в социально-экономической структуре деревни и ее морально-нравственной сфере камуфлировались под «отдельные недостатки», влияние неблагоприятных погодных условий. Адекватные реальной обстановке решения, которых требовала жизнь, не были приняты.

Есть и другие причины острой нехватки продовольствия. Так, на всем пути сельхозпродукции от поля до потребителя происходят огромные ее потери. Недостаток транспортных средств, элеваторов, хранилищ, тары, перерабатывающих предприятий, удаленность их от колхозов и совхозов, плохие дороги — все эти и многие другие факторы приводят к неоправданным утратам уже произведенной продукции. Об их масштабах говорят следующие данные. Потери зерна составляют 20%, картофеля — 40%, овощей — $\frac{1}{3}$ часть от того, что произведено. При остром дефиците мясных продуктов в стране потери мяса составляют миллион тонн¹⁷. Преступная бесхозяйственность царит на государственных приемных пунктах заготовительной системы, базах хра-

¹⁶ Народное хозяйство СССР в 1980 г. М., 1981, с. 40, 254; Всесоюзное собрание представителей Советов колхозов союзных республик 1 декабря 1986 г. Стеногр. отчет. М., 1987, с. 27

¹⁷ Социалистическая индустрия, 1989, 8 февраля.

нения овощей, перерабатывающих предприятиях. При таком положении дел с хранением и переработкой сельхозпродукции бессмысленными в значительной степени представляются усилия по увеличению объемов ее производства.

Одной из главнейших причин низкой эффективности общественного сельского хозяйства были командно-приказные методы руководства этой отраслью. Вопреки неоднократно принимавшимся решениям о расширении хозяйственной самостоятельности колхозов и совхозов на практике их деятельность регламентировалась до мелочей, подчинялась диктату вышестоящего аппарата.

Ситуация не изменилась и на современном этапе. Решения XXVII съезда и пленумов ЦК КПСС о демократизации управления в сельском хозяйстве не выполняются. Напротив, руководители хозяйств отмечают все возрастающий бюрократический нажим. «Дело доходит до абсурда,— сказал на Четвертом Всесоюзном съезде колхозников председатель колхоза имени Ленина Тульской области В. А. Стародубцев.— Без разрешения нельзя купить даже ведра, если оно стоит дороже пяти рублей. Я уже не говорю о структуре посевных площадей, поголовье скота. Какая же здесь самостоятельность? Не отсюда ли, товарищи, многие наши беды? Лишив колхозника самостоятельности, тем самым отлучили его от земли, породили равнодушие к ней, отсюда низкие урожаи, падение плодородия, разбазаривание пашни»¹⁸.

Созданный Госагропром СССР не сумел перестроиться, отказаться от методов бумажного командования, не смог найти оптимального сочетания централизма и местной инициативы. Закономерным результатом стала его ликвидация. Но проблема лежит гораздо глубже — в переходе на экономические методы управления в сельском хозяйстве, резкое расширение роли трудовых коллективов в принятии хозяйственных решений. На мартовском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС подчеркнута, что «никто не должен вмешиваться в оперативно-хозяйственную деятельность колхозов и совхозов, тем более крестьянских и личных подсобных хозяйств»¹⁹. Надо

¹⁸ Четвертый Всесоюзный съезд колхозников. Стеногр. отчет. М., 1988, с. 79.

¹⁹ Правда, 1989, 16 марта.

отдавать отчет в чрезвычайной трудности реализации этих установок, преодолении сложившихся «традиций».

За многообразие форм социалистической собственности

Раскрывая механизмы торможения в аграрном секторе, нельзя не сказать и о том, какой вред принесли теоретические догмы и упрощенные представления о социалистической собственности, концентрации производства, организации труда и его оплаты. Долгие годы бытовало мнение, что чем крупнее хозяйство, тем оно должно эффективнее вести свои дела. Как следствие, шел непрерывный процесс укрупнения хозяйств, в особенности колхозов. Размеры хозяйств формировались произвольно, не учитывались природные, поселенческие, производственные и иные факторы. Проявилась своеобразная гигантомания. Многие хозяйства охватывали по 10—50 и более населенных пунктов. Став неуправляемыми, разукрупнялись. Действовал стереотип крупного производства в городе. Специфика сельского хозяйства, где работник имеет дело с живой природой, находится в зависимости от климатических условий, в расчет не принималась. Мелкие, в особенности необобществленные формы организации труда рассматривались как несовместимые с социализмом. Концентрация приобрела всеобщий характер. Между тем В. И. Ленин, анализируя ее экономические аспекты, отмечал, что и в промышленности «закон превосходства крупного производства вовсе не так абсолютен и так прост, как иногда думают... В земледелии же, которое отличается несравненно большей сложностью и разнообразием отношений, полная применимость закона о превосходстве крупного производства обставлена значительно более строгими условиями»²⁰. Опыт 60—70-х годов наглядно подтвердил это ленинское положение.

Стойкое предубеждение существовало против кооперативной формы собственности. Она изображалась как нечто «второсортное» и бесперспективное. Наряду с ущемлением экономических интересов колхозов это привело к свертыванию колхозного сектора. За 1954—

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 110—111.

1985 гг. 27 962 колхоза, или почти одна треть их общего количества, были преобразованы в совхозы²¹.

Недооценка колхозно-кооперативной собственности сказалась по самым разным линиям. Произошла, по сути дела, унификация социально-экономических отношений в колхозном и государственном секторах сельского хозяйства, огосударствление кооперативных отношений. Управление в колхозном производстве осуществлялось теми же командными методами, что и в государственном. Принципы колхозной демократии не соблюдались. Районные комитеты партии, по существу, узурпировали право членов кооператива самим выбирать руководителя хозяйства. Председатели, как правило, «рекомендовались» сверху.

Многочисленные ограничения, в которых развивалась колхозная собственность, нарушения кооперативных принципов в организации производства, его управления, распределительных отношениях имели своим следствием то, что сегодня колхозная собственность существует скорее в ее юридической форме, чем фактических отношениях. Многие кооперативные принципы утрачены, поэтому речь идет об их возрождении, восстановлении ленинской концепции кооперативного производства и его роли в социалистическом строительстве. Колхозная система до настоящего времени не имела полных возможностей проявить свои потенции как кооперативная форма хозяйства.

В этой связи странными представляются утверждения, что колхозы себя не оправдали, что они генетически запрограммированы на голод и, следовательно, ни при каких условиях не способны быть эффективными. При этом совершенно отбрасывается опыт многих тысяч колхозов и совхозов, успешно развивающих общественное производство, обеспечивших высокий уровень жизни своим труженикам. Такой деструктивный подход, кроме вреда, ничего принести не может.

Колхозно-совхозная система обладает большими, еще не использованными потенциальными возможностями. Это, однако, не означает, что она должна сохраняться в закоряченном виде, с архаическими формами организации и оплаты труда, управления, которые стали

²¹ *Тюрина А. П.* К вопросу о преобразовании колхозов в совхозы.— История СССР, 1983, № 5, с. 6.

в ряде случаев тормозом на пути внедрения хозрасчета, коллективного подряда, арендных отношений. Надо предоставить труженикам колхозов и совхозов свободу выбора, обеспечить плюрализм не на словах, а на деле. Мартовский (1989 г.) Пленум ЦК КПСС указал на необходимость развития разнообразных форм хозяйствования — от крупных коллективных до семейных ферм, личных подсобных и других хозяйств. Эта сложная как в организационном, так и в психологическом плане перестройка должна идти постепенно, без нажима сверху. Огромная опасность таится в кампанейщине, которая загубила в сельском хозяйстве не одно полезное начинание. С сожалением приходится констатировать, что и внедрение арендных отношений начинает принимать характер кампании.

Противоречия аренды

По данным Госкомстата РСФСР, к началу 1989 г. в сельском хозяйстве Советской России на аренду перешли около 70 тыс. (пятая часть) подразделений. Знакомство с делом на местах показывает, что фактически арендных отношений, как правило, нет, а применяются разные формы бригадного хозрасчета. Идет неоправданное захваливание достижений арендаторов, что порождает иллюзии быстрого подъема сельского хозяйства на этой основе. Особый упор делается на хозяйственную самостоятельность арендаторов. Но она, как справедливо подчеркнула К. И. Панкова за «круглым столом» в «Правде», определяется не формами организации труда, а системой экономических отношений²². Все зависит от того, насколько семейный или коллективный арендатор будет экономически заинтересован в интенсификации производства.

Аренда во многих случаях выгодна, эффективна. Но ее практика слишком мизерна, результаты искажены привычной лакировкой, чтобы ее можно было без опасения распространять в массовом масштабе. Думается, не случайна определенная настороженность в отношении аренды (особенно семейной) у многих руководителей колхозов и совхозов, специалистов. И дело здесь, видимо, не в боязни потерять «оклад», а скорее в реали-

²² Правда, 1989, 13 марта.

стической оценке тех экономических условий, в которых действуют сельхозпредприятия. Внедрение аренды должно быть сугубо добровольным. Об этом говорили участники мартовского Пленума ЦК КПСС.

Пропагандируя внедрение арендных отношений, не стоит забывать о том, что речь идет об интенсификации производства на основе преимущественно ручного труда, так как основными орудиями арендатора пока являются вилы, лопата, для тяжелых работ — трактор, причем далеко не у всех. Как бы заинтересованно в этом случае ни работал человек (по 12—16 часов в сутки), его потенции ограничены. Арендатор, используя лежащие на поверхности резервы, неизбежно будет ориентироваться на наиболее доходные отрасли производства, а при убывании дохода сократит или свернет свое производство совсем. Это не досужие рассуждения. Опыт Китая по использованию долгосрочной семейной аренды в сельском хозяйстве достаточно отчетливо выявил противоречия этой формы, ее ограниченный потенциал, показал, что на определенном этапе земледельцам не обойтись без тех или иных форм коллективного труда²³.

К этому следует добавить, что к переходу на семейную аренду в массовом порядке наша деревня еще не готова ни в материально-техническом, ни в психологическом отношении. Производство технических средств для села ориентировано на крупное хозяйство, при этом их остро не хватает, они низкого качества и чрезвычайно дороги. Надеяться на быструю перестройку сельхозмашиностроения не приходится. Вопреки потребностям колхозов и совхозов оно по-прежнему гонит вал дорогостоящих «гигантов», обеспечивающих ведомственные интересы отрасли.

Надо отдавать отчет и в том, что массовая семейная аренда с выходом из коллективного хозяйства потребует огромных единовременных инвестиций и кредитов для строительства различного рода производственных помещений, приобретения техники и всего необходимого для организации производства. В состоянии ли сегодня государство выделить для этого не только средства, но главное — обеспечить их соответствующими фондами.

В комплексе факторов, которые формируют пове-

²³ Правда, 1989, 27 февраля.

денческие мотивы земледельца, следует указать на отсутствие экономического стимула. Сельские труженики имеют большие денежные накопления, которые не могут реализовать из-за острого дефицита товаров. Причем в последнее десятилетие этот дефицит увеличился, а денежные доходы резко возросли.

Кроме того, пережив многочисленные реорганизации, повороты в политике «туда» и «обратно» (по подсчетам, это 28-я «перестройка» в сельском хозяйстве²⁴), крестьянин не уверен в долговременности взятого курса. Даже те, кто потенциально готов работать на арендном подряде, выжидают, не хотят рисковать.

Все это говорит о том, что не следует искусственно форсировать развитие семейной аренды, вновь шараться в крайности, разрушать сложившиеся в совхозах и колхозах коллективы, особенно в тех случаях, когда хозяйства рентабельны, когда отработаны оптимальные формы организации труда. Аренда — не антипод колхозу. Последний по своей сути является коллективным арендатором, кооперативом первичных звеньев, бригад, цехов, ферм и т. д. Другое дело, что государство не считалось с его кооперативным характером, полностью подчинило деятельность колхоза своему диктату. Ключ к успеху в аграрном секторе, по нашему мнению, лежит сегодня не столько в поисках новых форм организации труда, сколько в изменении существа аграрной политики. Изменению не на словах, что уже делалось многократно, а на деле.

Выработанная мартовским (1989 г.) Пленумом ЦК КПСС аграрная политика призвана обеспечить решительный переход к развитию агропромышленного производства на основе разнообразных форм социалистической собственности и видов хозяйствования, создание им равных экономических и правовых условий деятельности. Намечены радикальные преобразования в материально-технической базе аграрного сектора, социальном переустройстве села, демократизации управления АПК на всех его уровнях. Предстоит планомерно шаг за шагом формировать новые производственные отношения, восстанавливать нравственные основы крестьянского труда, преодолевать социальную апатию и иждивенчество, механизмы застоя, которые привели

²⁴ Правда, 1989, 6 марта.

к социально-экономическому оскудению деревни. Надо настроиться на повседневную, трудную, но последовательную и целеустремленную борьбу за коренное преобразование аграрной сферы, оздоровление социально-нравственной обстановки на селе. Обеспечить продовольственный достаток — это значит стабилизировать экономическую и политическую ситуацию в стране, восстановить ее достоинство в глазах мирового общественного мнения.

Политическое образование. 1989. № 9.
С. 77—83.

У человечества единая судьба

*«Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые...»*

Ф. И. Тютчев

*«Нет ничего хуже, чем жить в
интересное время».*

Иная точка зрения

ВРЕМЯ действительно интереснейшее и роковое. То, что происходит сейчас в нашей стране, в международных делах, вызывает ворох мыслей, надежд, сомнений, вопросов. На поверхность выступают десятки и сотни проблем, и, конечно, не только практических, но и с выходом на теорию, иногда чисто психологических. Рискну и я, пользуясь доброжелательностью редакции журнала, поделиться некоторыми размышлениями в этом ключе.

Человеку изначально свойственно стремление улучшить мир. Довольно быстро он обнаруживает, что это исключительно трудное и неблагодарное занятие. Большинство от него отступается, подтверждая изречение: тот, кто пришел в этот мир с желанием его переделать, должен радоваться, если ему удастся унести ноги. Остается, однако, горстка, обусловленная, должно быть, генетически, которая не опускает руки. Такие «безумцы» оставили яркий след в истории всех народов. Их-то стараниями во многом и определяется субъективный фактор, которым движется целенаправленное улучшение мира. Не говорю о тех переменах, которые происходят в силу действия объективных процессов — развития производительных сил, научно-технической революции и т. п. Все это, разумеется, в реальной жизни тесно переплетено, но все же имеет смысл выделить сознательную деятельность людей. Мы многократно

убедились, что по мере эволюции человеческого общества она приобретает все большее значение.

В наши дни инициатором существенного оздоровления международных отношений выступила огромная и мощная страна — наша. Мы имеем право призывать к их более демократическому и гуманному виду, ибо начали с себя, во-первых, и имеем четкое представление, чего мы хотим добиться на мировой арене, во-вторых. А это то, что выходит из-под спуда во всем мыслящем мире: необходимость остановить нарастание грозных симптомов в развитии человечества как общности, не допустить его гибели или деградации.

Всему роду человеческому пришло время взяться за ум, если он хочет просто выжить, не говоря уж о том, чтобы развиваться нормально.

ТРУДНО припомнить случай, когда правящая партия сделала бы столь беспристрастный, временами беспощадный социально-экономический и политический анализ, как это сделала Коммунистическая партия Советского Союза. В силу критичности этого анализа то огромное, поистине историческое, что было сделано в СССР за семь десятилетий, как бы отошло на второй план, а на авансцену выпирают, кричат о себе недостатки.

И вот что, на мой взгляд, характерно: эта критика, эта беспощадность были, если брать преобладающие тенденции, хорошо встречены не только у нас в стране, но и за рубежом. Прежде всего потому, что анализ дополнялся широкой, развернутой, конструктивной программой обновления советского общества во всех его сферах. Но, мне кажется, не в последнюю очередь еще и потому, что у порядочных людей самокритика, возможность трезво взглянуть на самих себя вызывают уважение. Иными словами, такие чувства, как честность в политике, ее направленность на подлинное благо народа, как бы ни были они девальвированы теми или иными деятелями, целыми правящими классами, политиками, глубоко сидят в сознании людей. К ним нужно и можно апеллировать. В этом, возможно, один из «секретов» популярности нашей перестройки в мире. Здесь же компонент надежды на то, что задуманное при всей его сложности удастся осуществить.

МОЖЕТ БЫТЬ, я ошибаюсь, но у многих в глубине души сидит сомнение: можно ли вообще говорить в нашем современном мире — а мы каждый день видим его противоречия, расколы, жестокость — об общечеловеческих ценностях, о преодолении эгоизма, классовых, партийных, групповых, национальных и других интересов? Такой вопрос, наверное, особенно часто возникает у людей моего поколения, десятилетиями воспитывавшегося на определенных понятиях, если не сказать стереотипах. Как нам, к примеру, безоговорочно принять примат общечеловеческих ценностей над классовыми, когда столько лет мы слышали, что именно борьба классов является основной движущей силой общества на всех ступенях его развития, и так далее и тому подобное?

Не может ли помочь выйти из этого, скажем так, дидактического противоречия такое соображение: почему обязательно одно должно отменять другое? Чистой замены нет, есть различное соотношение, изменившийся удельный вес каждого фактора. Очевидно, что интересы людей, их групп, партий, классов будут сталкиваться внутри стран, а интересы различных государств — на международном ристалище. Во всяком случае, на наш век этого хватит. Но возникли объективные лимиты, за которые не может выйти столкновение интересов, чтобы не нанести ущерба обеим или даже всем борющимся сторонам. Они, эти лимиты, созданы развитием военной техники, средств уничтожения, то есть в конечном счете производительных сил. От этой объективной реальности никуда не денешься. Они созданы возможностью, не существовавшей ранее, — уничтожить физически друг друга и чуть ли не весь род людской. Значит, люди должны ставить сознательные пределы такой борьбе, находить для нее цивилизованные пути и методы. Сумеют ли они это сделать? Предшествующая история, равно как и многие нынешние явления, дает мало оптимизма для утвердительного ответа. Но есть ведь сегодня и феномены противоположного, то есть позитивного, свойства. Среди них — возросшая зрелость человечества. Окажется ли ее достаточно, чтобы предотвратить беду? Только будущее ответит со всей определенностью на этот вопрос. Но

вот что хотелось бы подчеркнуть: у нас, живущих в настоящем, в любом случае просто нет иного выхода, как прилагать все силы, чтобы гарантировать выживание человечества. И в этом контексте мысль В. И. Ленина о преобладании общечеловеческих ценностей над классовыми, мощно поднятая на щит XXVII съездом КПСС, весит ныне для нас больше, чем в начале века, когда она была сформулирована.

И то, что слово в защиту общечеловеческих ценностей, единства цивилизации становится все более популярным в мире, является, можно сказать без преувеличения, большой заслугой нынешней советской политики.

У МЕНЯ лично нет сомнений, что, опять-таки говоря о людях нашего поколения, мы абсолютизировали круг понятий, связанных с классовой борьбой. Классики марксизма выделяли этот элемент из общей совокупности закономерностей, обуславливающих развитие человеческого общества, с одной стороны, в методологических целях, чтобы лучше изучить его проявления, а с другой — потому, что он действительно играет очень важную роль. Но не единственную. Классовые отношения — далеко не единственные отношения между людьми. Сейчас мы это видим особенно четко на фоне национальной вражды, трайбализма, клановости, разделения по религиозному признаку и так далее. Нам же в свое время казалось очень просто мерить все подряд одним испытанным метром. Жизнь, однако, лишний раз показала, что она глубже, богаче, содержательнее любой теории, тем более понимаемой упрощенно и прямолинейно. Хрестоматийный пример: длительный период почти открытой враждебности СССР и Китая. Как могло классовое сходство допустить кровопролитные вооруженные столкновения? А Вьетнам и Китай? А совсем уж чудовищный случай с Кампучией Пол Пота? Можно, конечно, сослаться на дефиниции, не считать социалистическими те или иные государства. Но это, кстати, еще раз подчеркивает необходимость обладания государством значительно большим количеством атрибутов, чем мы считали раньше, чтобы быть социалистическим в подлинном смысле этого понятия.

СОХРАНЕНИЕ человеческой цивилизации справедливо связывается с возможностью решения крупных, можно сказать, гигантских проблем, вставших перед людьми в конце XX века. Среди них особенно выделяются, это уже общепризнанно, две — ядерная и экологическая. К ним примыкает третья — экономическая, прежде всего с точки зрения разрыва, зияющей пропасти между развитыми и развивающимися странами.

Вместе с тем корректно поставить вопрос о выживании и так: не допустить, чтобы различия между людьми взяли верх над их общностью. Нельзя позволить, чтобы расхождения идеологического, социально-экономического, политического или иного порядка, при всей их значимости и объективной обоснованности, оказались определяющими в период, когда возникла угроза существованию Земли.

Это выводит на первый план мысль о единстве человеческого рода, некогда весьма сильно звучавшую в гуманистической традиции, в последние же десятилетия как бы поблекшую. Между тем наша общая принадлежность к человечеству должна бы стать исходной посылкой для любой государственной политики, любой идеологии.

Требуется своего рода возрождение великих гуманистических идей, которые чтятся и исповедуются в очень многих странах, а главное — преломление этих идей в практической политике. Ибо каждый день мы видим, что духовное устремление — одно, а практика — совсем другое. Это противоречие предстоит снимать сообща. Иначе говоря, приводить политику государств в соответствие с высшими нравственными принципами человечества, общечеловеческими ценностями.

Люди в целом научились общежитию, например в масштабах города, района, страны, хотя и здесь, конечно, есть проблемы, и немалые. Но, видимо, слишком медленно идет процесс осознания нашего главного единства — общечеловеческого. Мешают экономические и политические эгоизмы, амбиции, претензии.

Пусть мы разные, но мы — секторы одной цивилизации, может быть, единственной, и мы не можем жить один без другого. Пусть этот всемирный организм противоречив, сложен — все мы связаны одной судьбой.

Различия — не предмет для военной конфронтации, а условия для обмена, сопоставления, соревнования.

ВЕКАМИ между политикой и нравственностью существовал разрыв. Мало кто возьмется утверждать, что он преодолен нынче. Но можно ли мириться с этим в наш век глобальных опасностей? И не является ли нравственность тем инструментом, которым природа наделила человека, помогая ему удержаться от самоубийственных шагов? Наверное, есть законы человеческого поведения, общие для всех времен и народов. Их невозможно отменить, подобно тому, как в соответствии с физикой нельзя создать вечный двигатель. Тогда, может быть, пора перестать издеваться над нравственными закономерностями? Физики, кстати, давно уже осознали не только единство мира, но и всей Вселенной. Очередь теперь за политиками.

Развитость государственной политики состоит как раз в ее связи с личной совестью человека, точнее сказать, с совестью многомиллионных масс людей. Механизмы демократического контроля над политикой, парламентские либо иные, при всей их необходимости, сами по себе не всегда гарантируют от роковых ошибок. Не раз бывало достаточно ссылок на национальную безопасность, чтобы эти механизмы оказывались пленниками конфронтационных решений. Ложное, эгоистическое, безнравственное по сути толкование национальной безопасности способно стать детонатором катастрофы. Более, чем когда-либо прежде, в политике необходима ныне прямая ориентация на общественные силы и движения, на массовые организации и институты, утверждающие в своей деятельности общечеловеческие нормы нравственности, общечеловеческие ценности.

Зачастую внимание людей настолько сосредоточено на расхождениях между ними, что связывающие их ценности нередко остаются в тени. Однако общечеловеческие ценности — не выдуманная категория. Она включает вполне реальные понятия. Это жизнь, продолжение человеческого рода, окружающая среда, созданный человечеством культурный, духовный и научно-технический багаж, здоровье человека и человечества. В ряду

общих ценностей — семья, достоинство человеческой личности, взаимопомощь и солидарность между людьми и многое другое.

И ко всему прочему это наиболее прочные ценности. Десятью заповедями в конечном счете просто выгодно руководствоваться. Здравый смысл подтверждает это на каждом шагу обыденной жизни. Его надо перенести и в сферу международной политики. Древние греки строили свои храмы по законам гармонии, и они оказались одними из самых прочных строений в истории. Следовательно, красота — это еще и основательность, устойчивость, если хотите, безопасность и даже больше — «спасение мира».

ЕДИНСТВУ природы не противоречит, напротив, соответствует ее многообразие. Равным образом плюрализм — это норма, естественное состояние человеческой цивилизации. Возьмите, скажем, такой феномен, как движение неприсоединения, в рамках которого учитывается весьма широкий спектр политических взглядов. Единство человечества только выигрывает от взаимообучения и взаимообогащения в международных отношениях, от взаимодействия различных общественно-политических и культурных тенденций, диалектического противоборства между ними.

Отсюда следует противоестественность навязывания единообразия в мире, плюралистическом по самой своей сути. Одна из кардинальнейших черт нового мышления — безусловное признание права на свободный выбор, резкое выступление против навязывания своих взглядов в любой форме: в виде экспорта революций, в виде консервативных попыток притормозить ход исторического развития, подправить его на свой лад, ограничить свободу выбора. Короче, лозунг момента: деидеологизировать международные отношения.

Почему так опасно привносить идеологию во внешнюю политику? Потому что это есть прямой путь навязывания своих взглядов, своей шкалы ценностей, своих идеалов. Отсюда — нетерпимость к взглядам других. Отсюда один шаг до навязывания своих убеждений силой. Как правило, это мало кому нравится. Значит, ответная реакция — вражда, конфликты, война,

что чаще всего ударяет бумерангом по приверженцам мессианства.

Идеологические агрессии не снимают идейных противоречий, но нагнетают напряженность в межгосударственных отношениях, создают остроконфликтные ситуации. Идеологическое сопоставление, диспут могут нести в себе зерно состязательности, позитивного взаимовлияния. Идеологическая война — никогда. Выбор между первым и вторым — вопрос не только политической культуры, но и международной ответственности. Идеология во внешней политике просто-напросто контрпродуктивна. Критерий, это становится все более очевидно, иной — государственные, национальные интересы. Кстати сказать, их баланс найти куда легче, чем баланс идеологий.

Идеологическая война, впрочем, это крайний случай. Но вообще дом мирного человеческого общежития — будь то европейский, азиатский или всемирный — не построить, если каждая сторона будет пытаться заложить в него только свои кирпичи. Смысл в том, чтобы принимать любой созидательный вклад, откуда бы он ни шел. Не оспаривать права стран и народов на историческое творчество. Не может быть приемлемо, когда одна сторона оценивает другую как выверт истории, ее злосчастную случайность, болезнь, подлежащую принудительному лечению, и формирует на основе такой оценки свою внешнюю политику. Не менее неверно полагать себя держателями исторической истины, эдакими обладателями патента на будущее, а своих партнеров — временными попутчиками, чья жизнь принадлежит прошлому и кому нечего сказать грядущим поколениям.

В более конкретном ракурсе: на обозримое будущее двум мировым общественно-экономическим системам предстоит сосуществовать. Если между ними и стоял когда-либо «земельный вопрос» — кто кого закопает, — то он должен безоговорочно отойти в прошлое. Мы, в Советском Союзе, с этим как будто покончили бесповоротно. Хотелось бы надеяться, что высказывания Р. Рейгана насчет отмены «империи зла», произнесенные в самом центре этой самой «империи», слова М. Тэтчер, что «холодная война» закончена, действительно означают отказ от попыток выбросить социализм на свалку истории.

В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ к факторам, объединяющим мир, добавился такой мощный, как научно-техническая революция. На наших глазах (хотя, к сожалению, не все, кому бы полагалось, видели это) она приобретает все более глобальный, всеохватывающий характер. Наука становится — или уже стала — решающей производительной силой. Футурологи предсказывают, что — в силу всеобщности этого процесса, охвата им всех областей человеческой деятельности — он неудержим. Мы с некоторым трудом перевариваем уже сделанные открытия, а нам пророчат еще более фантастические.

Логика здесь, насколько я могу понять, в следующем: НТР освобождает людей от жесткой сцепки с машинами, характерной для так называемого индустриального общества. Людской потенциал, наконец, раскрепощается. Самым эффективным средством роста производительных сил становится сама творческая энергия человека, а его развитие, самосовершенствование превращаются, говоря словами К. Маркса, в самоцель. НТР высвобождает человека для творчества, растет роль человеческого фактора, а это, в свою очередь, приводит к новым открытиям, новым достижениям в области науки, техники и производства. Две стороны данного процесса взаимно влияют друг на друга, и такой своеобразный тандем неудержимо двигает прогресс вперед. Довольно быстро, как показывает опыт передовых стран, меняется структура промышленности, вытесняются неквалифицированные рабочие, вообще уменьшается их число, растет численность техников и инженеров, меняется структура всего общества, его социальный характер. В целом развитие НТР идет таким образом, что специализация уступает место универсализму. Из всего этого тянется целый ряд ниточек к новому политическому мышлению. В том числе такая: коль скоро технический прогресс требует более универсально подготовленных людей, бóльшую рельефность приобретают общечеловеческие ценности, признание всеобщих вечных истин, а с ними — осознание того факта, что истина, как писал один мыслитель, не может быть национальной, она всегда универсальна. Разные же национальности могут быть призваны к раскрытию тех или иных сторон истины.

Основным богатством нации становится богатство интеллектуальное. В будущем, если верить социологическим прогнозам, приоритет получают государства с лучшими системами науки, образования и культуры, а не те, у кого просто больше промышленный потенциал или богаче естественные ресурсы. Вновь и вновь видишь, что наши идеи нового мышления глубоко коренятся в реальностях нового, постиндустриального, как его иногда называют, общества.

Оно, это общество, поставило на повестку дня массу новых проблем: необходимость — и возможность — преодоления разрыва между технологией, с одной стороны, и культурой, нравственностью — с другой; раскрытие творческих способностей людей, причем возможно большего их числа, ибо этого требует развитие самих производительных сил, коими стали наука и техника; придание развитию общества и индивидуумов в нем такого характера, чтобы для каждой отдельной личности совпали повседневный труд и самоутверждение.

А проблема потребления? Очень скоро, надеюсь, и у нас во весь рост встанет вопрос, как не стать рабом вещей, не следовать слепо извилистому пути потребительского общества, как научиться воспитывать человека в духе разумной достаточности, повышать престиж культуры, духовной жизни, науки. К сожалению, приходится лишь вскользь касаться этих интереснейших вещей. Главное же: кажется, действительно началось движение к тому, чтобы «не человека приспособлять к миру, а мир к человеку» (слова Джона Бернала, произнесенные еще в 50-х годах). И еще важнее: наша страна отнюдь не пассивный наблюдатель этого движения. На волне перестройки она не просто включилась в него, но и мощно ускоряет своей внутренней и внешней политикой.

Техника, наука революционизируют, разумеется, отношения не только внутри стран, но и международные, и это происходит по целому ряду направлений. Одно из них — резкое возрастание взаимосвязанности, а отсюда и взаимозависимости. Тенденция к интеграции проявляется во всем мире. Сейчас ее всерьез уловили и мы. И хотя во многих отношениях путь только начинается, исключительно важно, что в нашей политике поменялось направление движения. Без этого принци-

пиального поворота невозможно было бы подключение СССР к мировой системе хозяйственных и иных связей. Такое подключение, в свою очередь, ведет к невероятным ранее переменам и в нашей собственной, и в международной жизни. Впрочем, эта тема слишком велика для данного разговора. Не могу, однако, удержаться от замечания насчет того, какими же архаичными на фоне глобальных интеграционных процессов выглядят некоторые попытки у нас в стране автаркироваться, отгородиться, найти решение проблем на путях национальной замкнутости, если не сказать, эгоизма.

Другой пример — понимание невозможности, бессмысленности применения созданного развитием науки и техники ядерного и другого оружия массового уничтожения для достижения внешнеполитических целей. Это в большой мере способствовало росту антивоенной тенденции в деятельности не только общественности, но теперь уже и государств. Среди достигнутых результатов главный, как было подчеркнуто на XIX Всесоюзной партконференции, тот, что удалось отодвинуть угрозу войны. Начался нелегкий процесс стабилизации системы международных отношений.

Кажется, одному из крупных западноевропейских деятелей принадлежит мысль о том, что все вместе мы научились сохранять такое равновесие в международных отношениях, которое позволяло избегать войны. Теперь надо идти дальше — научиться строить мир. Добавлю: при этом нам очень пригодится опыт, накопленный за послевоенные 40 лет, и не только позитивный, но и негативный, тот, которого надо избежать. А теперь продолжу прерванную мысль: если нынешние перспективы в мировой обстановке будут и далее развиваться, то на передний план в отношениях между государствами выйдет не оружие, а культурные традиции, изобретательность, способность к поддержанию контактов и связей с другими народами.

Международные отношения, по эталонам нового мышления, должны быть органическим сплавом сотрудничества и мирного соревнования государств, отличающихся друг от друга в политическом, социально-экономическом, культурно-историческом плане. И именно существование, сохранение этих различий на основе принципа свободы выбора может обеспечить плодотвор-

ность их взаимодействия, принести максимальные результаты для мирового развития.

В подкрепление этой мысли хотелось бы обратить внимание на то, что соревнование между капитализмом и социализмом уже привело к значительным положительным результатам (как, видимо, всякая здоровая конкуренция). Мы, возможно, мало об этом задумывались в прошлом, делая упор на противопоставление двух систем. Хотя бы такой факт: утверждение социализма дало реальную альтернативу развития странам «третьего мира», предоставило им возможность выбора. Оно ограничило диапазон разрушительного воздействия эгоцентрических, узкоклановых закономерностей капиталистической системы как внутри ее самой, так и в плане ее влияния на развивающиеся государства.

А разве не был элемент соревнования с социализмом одним из факторов, не позволявших капиталистическим монополиям «застаиваться», способствовавших внедрению в странах современного капитализма практики государственного регулирования в поисках наиболее эффективной экономической системы? Неплохо бы задуматься над этим тем деятелям в капиталистических странах, которые твердят, что Советскому Союзу можно будет доверять только в том случае, когда он преобразуется по их образу и подобию. Так или иначе, этого не произойдет, мы идем по собственному пути, накрепко «женем» социализм с демократией. Основное же, соревнование — по большому счету — идет на пользу и капитализму.

Сейчас, в эпоху НТР, эта состязательность приобретает новую интенсивность, новую окраску, распространяется на все новые аспекты взаимоотношений между государствами в силу быстрого роста взаимозависимости, взаимопроникновения, роста хозяйственных, культурных, гуманитарных связей.

ОБ ЭТИХ последних, близких моему профессиональному занятию, хотелось бы поговорить поподробнее.

Как, например, добиться того, чтобы интеграционные процессы — объединение в одну группу стран — не усугубляли размежевание с другими? Один из ответов: параллельно должен идти процесс углубления экономических и других обменов, своего рода перемешива-

ние в масштабах региона, континента, мира в целом. По сути дела, интеграция на нескольких ярусах. У итальянцев есть прекрасная идея лабораторий без границ, то есть сотрудничества ученых всех стран, раскритичности в научной области. Наверняка требуется вовлекать в этот процесс другие сферы.

Но есть и другая грань. Принадлежность к одной цивилизации предполагает, что все страны — члены международного сообщества строят свою внутреннюю жизнь, сообразуясь, хотя бы по-крупному, с какими-то общими идеалами, если хотите, правилами. Вековой человеческий опыт выработал определенные стандарты — в экономике, в культуре и, как бы синтезируя их все, в области прав человека, свободы личности. Ответствие им считается обязательным.

Верно, что, как никакая другая, эта сфера считалась и продолжает еще считаться наиболее идеологизированной. В отношении к ней государств есть, как, кстати, и в подходах к другим делам, далеко немаловажные различия. Существует, однако, большой массив совпадающих взглядов. Если разобраться, то, пожалуй, нет другой области международного сотрудничества, в которой было бы такое количество пактов, конвенций, иной регламентации, как область прав человека. На сегодняшний день их насчитывается свыше полусотни. Некоторые специалисты считают, что тут вообще окончена законотворческая деятельность. Дело теперь за применением разработанных и вступивших в силу международных соглашений. Среди них возвышается Всеобщая декларация прав человека, чье 40-летие было впервые широко отмечено в декабре прошлого года не только на Западе, но и на Востоке. Положения таких основополагающих документов, как международные пакты о правах человека, обязались выполнять государства, составляющие большинство членов ООН. Если другие государства (и среди них, конечно, США) подпишут или ратифицируют пакты, то создастся своего рода единое правовое гуманитарное пространство. Оно может сыграть роль противовеса центробежным устремлениям, в том числе интеграционного характера.

Мне кажется, что в гуманитарной плоскости отчетливее отражаются характерные стороны тех глубинных процессов научно-технического и социального развития, которое переживает сейчас человечество. Автома-

тизация и роботизация ведут, повторим это еще раз, к расширению творческого начала как основы современного производства. И с этой точки зрения многообразие способностей человека, плюрализм мнений, диалектическое столкновение между ними представляют все большую ценность для человеческого общества, в том числе и такую, как внушительный фактор технологического, экономического и социального развития.

Известен и далеко еще не ушел в прошлое соблазн поиграть на чувствительных струнах темы прав человека в спекулятивных, демагогических целях. Но было бы упрощением, на мой взгляд, объяснять интерес западного общества к правам человека одними лишь задачами пропаганды. Тут задействованы гораздо более мощные рычаги, включая, может быть, в первую очередь экономическую заинтересованность. Без дальнейшего раскрепощения человека, повышения его роли в общественной и государственной жизни ни одно общество — ни капиталистическое, ни социалистическое — не сумеет дать ответ на запросы времени.

Если рассматривать развитие человеческого общества как последовательное восхождение вверх, то аксиомно, что и в области прав человека на стадии буржуазной формации был достигнут значительный прогресс. Его, наверное, можно выразить в двух словах — формальное равенство. Вместо десятков критериев — сословных, родственных и прочих, которыми оперировал феодализм, был выдвинут один показатель веса в обществе — деньги. При том понимании, что во всем остальном люди равны.

Не достигнув всеобщего распространения буржуазного права, оставшись во многом на феодальном уровне, мы после Октябрьской революции задумали сразу выйти на равенство по существу. Нам немало удалось добиться в этой беспрецедентной исторической попытке перепрыгнуть через ступени. Но были, как мы сейчас видим, и крупные потери. Некоторые типично феодальные черты были перенесены через эти ступени и в нынешнее общество. Одна из них — глубоко сидящее отрицание формального равенства.

Оно выражается, чтобы много не говорить по этому поводу, в известной поговорке: не тот прав, кто прав, а тот прав, у кого больше прав. Наши российские традиции, по крайней мере их значительная часть, в этом

плане весьма пагубны. «Полное неравенство перед судом,— писал А. И. Герцен,— убило в нем (в русском) всякое уважение к законности. Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство». Неверие в возможность добиться справедливости порождало устойчивое недоверие к закону, к праву вообще.

Сказались и некоторые специфические особенности интеллигенции, игравшей в России, как и во всякой отсталой стране, особенно важную роль. Ее неукротимое стремление служить народу превращалось не просто в нравственную обязанность, а в своего рода религию. Дефекты, как известно, суть продолжение достоинств, и благородные устремления, доведенные до крайности, вели к тому, что интересы общества, а затем государства заслоняли личность. Благо народа порой искусственно противопоставлялось интересам отдельного человека, свободе личности и ее неприкосновенности. Отсюда недалеко и до примата «целесообразности» над правом, забвения нравственных ценностей, от которых можно было отступать, если это отвечало вольно толкуемым интересам народа. Такой подход сильно отомстил за себя.

Ясно, что пути назад к буржуазному формальному равенству как к последнему слову человеческой мысли для нас нет. Но, строя правовое государство, бесполезно позаимствовать некоторые «формальные» структуры буржуазной демократии. В ее рамках поставлены и по-своему решены некоторые важные вопросы, над решением которых мы ныне работаем: соотношение исполнительной и законодательной власти, независимость судопроизводства, гарантии политического плюрализма. Механизмы буржуазной демократии отработывались многими веками и наверняка могут быть использованы при соответствующей трансформации в нашем социалистическом обществе. Без этого нам труднее будет преодолевать глубоко въевшиеся антиправовые привычки, такие, из-за которых — чего греха таить — так противоречиво идет дело с разработкой новых законов. А ведь наивно думать, что мы живем в вакууме, что другие не замечают наших мук. Совершенно точно сказано, что об облике государства ныне судят прежде всего по тому, как оно обращается со своими граждана-

ми. Наш имидж, то, как выглядит страна на международной арене, никоим образом не может быть для нас безразличным. Тем более в условиях, когда мы сами призываем к созданию мирового правопорядка, вытеснению политики силы силой политики.

К счастью, в нынешней работе по совершенствованию политической и правовой структуры можно опереться на сильную гуманистическую, демократическую традицию. Сейчас модно говорить, что мы, мол, не готовы к демократии, нет, дескать, соответствующей традиции. Это и так, и не так. Нельзя ведь забывать о таких наших столпах, как Л. Толстой, Ф. Достоевский, о всей нашей литературе, так настойчиво ратовавшей за нравственность. Нельзя забывать тех, кто часто безуспешно провозглашал, что развитие личности есть базис для общественных преобразований. Нельзя, наконец, забывать о ценнейшем наследии ленинских идей о социалистическом государстве и законности, его борьбе за создание основ правового государства в нашей стране. Неразрывная связь социализма с развитием и утверждением верховенства права давно понималась и признавалась в России. Я едва не подпрыгнул, прочитав слова, написанные 80 лет назад: «Социалистический строй с юридической точки зрения есть только более последовательно проведенный правовой строй. С другой стороны, осуществление социалистического строя возможно только тогда, когда все его учреждения получают вполне точную правовую формулировку».

Просто нам надо знать и помнить наших философов и публицистов, которых нередко лучше знают (и используют!) на Западе.

ПОПРОБУЕМ теперь проиллюстрировать вышеприведенные, условно скажем, теоретические построения на такой модели, как советско-американские отношения, играющие столь выдающуюся роль в мировой обстановке в целом. Они хорошо подходят для этого, ибо, с одной стороны, поражают перемены, происшедшие в них за какие-то три-четыре года, а это означает, что процесс оздоровления мировой ситуации реален. А с другой — немного, видимо, найдется людей, даже среди истинных сторонников сближения между СССР

и США, у кого бы не возникало сомнение: насколько прочны нынешние благотворные изменения? Не есть ли они преддверие, как это уже нередко случалось в прошлом, очередной вспышки конфронтации? Ведь послужной список советско-американских отношений на этот счет, к сожалению, не блестящ. А пойдет ко дну наше сотрудничество, остальному миру тоже придется нелегко.

Главная мысль, которую хотелось бы донести, и не в порядке, как говорят французы, «ноблесс обличж», а по глубокому внутреннему убеждению, заключается в следующем: ныне существуют серьезные объективные предпосылки к тому, чтобы два государства наладили длительное, стабильное и выгодное как для них самих, так и для всего мира сотрудничество. Если, конечно, мы сами окажемся на высоте положения, не наделаем ошибок.

На чем базируется подобная убежденность?

Первое. Движение в пользу новых отношений между СССР и США, к прочному примирению между ними пользуется растущей поддержкой среди самых различных слоев населения СССР и США, включая молодежь, творческую интеллигенцию. В практическое осуществление советско-американских связей вовлечены с обеих сторон десятки тысяч людей. Очень отрадный факт: наиболее крупные решения, касающиеся своих взаимоотношений, стороны принимают с учетом мнений общественности, на базе соображений и выводов ученых, публицистов, интеллектуалов. Иными словами, улучшение отношений между СССР и США становится общим достоянием, делом, близким сердцам миллионов людей.

То, что международные отношения становятся все более отношениями действительно между народами, а не только между государствами, это вообще примета времени. Но особенно важно это для советско-американских отношений. И чем более глубокие пласты общественности выступают за их развитие, тем больше шансов на то, что позитивные перемены в этих отношениях могут стать долгосрочными. Воздействие общественности — могучий побудительный фактор дальнейшего прогресса. С ее настроениями никто не может не считаться. Но и сами эти перемены возникли не вдруг. Они отражают пришедшие в движение глубин-

ные течения, являются результатом осмысления реальностей современного мира.

Второе. В условиях, когда подавляющее число имеющихся на Земле ядерных зарядов сосредоточено в арсеналах СССР и США и у них же и большая часть других средств массового уничтожения, необходимость обеспечить выживание человечества является одним из важнейших составных компонентов объективной основы для советско-американского сотрудничества. Могут возразить, что такое положение существовало и раньше. Верно. Однако новый и обещающий феномен — осознание этого императива как политическими деятелями, так и широкими слоями населения. Осознание, которое привело к первым конкретным акциям, таким, как заключение Договора по РСМД. Есть основание полагать, что в обеих странах понимают важность дальнейшего движения по начатому пути.

Третье. На пользу советско-американского сотрудничества работает лучшее понимание и того факта, что при всех наших расхождениях и разногласиях мы — части одной общей человеческой цивилизации. Другой не дано. Общей, следовательно, является и ответственность за сохранение цивилизации. В советско-американских отношениях начали переступать через опасный стереотип, что наши различия — это чуть ли не автоматический источник конфронтации. Мир не поддается господству ни одной страны, не является ничьей вотчиной. Надо искать баланс интересов. Попытка гегемонии обращается против того, кто ее осуществляет. В советско-американских отношениях сейчас наблюдается тенденция находить этот баланс взаимных интересов. Он отражен в целом ряде соглашений и договоренностей, достигнутых за последнее время.

Четвертое. Мало что так подчеркивает взаимную зависимость, как общепланетарные проблемы, с которыми никому не справиться в одиночку. Мы уже выделили одну из них — экологическую. Здесь также, кстати, возникают любопытные вещи, требующие отказа от прежних представлений. Сколько ломается копий в США и некоторых других западных странах насчет того, чтобы не давать Советскому Союзу передовых технологий. Не стоит ли задуматься над тем, что устаревшая технология может дать такие экологические последствия, которые распространятся и на тех, кто выс-

тупает в качестве сторонников списков КОКОМ или «поправки Джексона — Вэника»? А разве не являются бомбой замедленного действия экономические проблемы, накопившиеся в мире, пока СССР и США занимались бесплодным наращиванием вооружений, конфронтируя друг с другом? Разве не пришло время совместно искать пути решения этих проблем, не соперничая, а сотрудничая в так называемом «третьем мире»? Недавние соглашения по урегулированию региональных конфликтов говорят, что это возможно.

Еще одна реалья ядерно-космической эпохи — бессилие силы. Это не дань парадоксам в духе Оскара Уайльда. Это результат трезвой оценки исторического опыта. Не перечислить конфликтов, которые происходили в мире после окончания второй мировой войны. И что же? Привели они к какому-то осязаемому результату, в том смысле, например, что изменили границы государств, обеспечили территориальное приращение? Если оперировать сколь-нибудь существенными масштабами, безусловно, нет. Даже превосходящая сила не дала стране, развязавшей военные действия, желаемого результата. Даже в случае, когда эта преобладающая сила была подкреплена ядерным оружием. Значит, справедлив вывод о том, что применение силы теряет свой смысл как инструмент политики. Это стало особенно отчетливо видно на примере многолетней и кровопролитной ирано-иракской войны. Надо искать мирные, политические способы, надо садиться за стол переговоров.

Этот вывод также имеет огромное значение для советско-американских отношений. Слишком долгое время они базировались на стремлении превзойти друг друга в военной силе. Исходили из того, что, чем вооруженнее государство, тем надежнее обеспечена его безопасность. Жизнь показала, однако, что дорогостоящая гонка вооружений приводит к обратному результату. Это доказали американские ученые на примере собственной страны. В свое время США были практически неуязвимы в военном отношении. Начались, однако, «холодная война», конфронтация, гонка вооружений. Не будем полемизировать, кто явился первопричиной этого. Важнее иное. Укрепилась ли безопасность США в результате того, что появились межконтинентальные ракеты, подводные лодки с ядерными ракетами

на борту, трансконтинентальные бомбардировщики? Ответ однозначен. Он, разумеется, полностью относится и к СССР. Значит, необходимо искать другие пути и, как зафиксировано в совместных советско-американских документах, не стремиться к военному превосходству.

Таким образом, в национальных, государственных интересах для СССР и США не распылять силы на противостояние, а сосредоточиться на решении действительно жгучих для безопасности и благосостояния проблем.

Скорее всего советско-американские отношения пройдут еще не через одно испытание. Иллюзии здесь неуместны. Но сегодня, безусловно, есть значительно больше, чем раньше, объективных возможностей для того, чтобы рассчитывать на успех. Это верно, думаю, для перестройки в мире в целом. Силу в нем призваны заменить разум, коллективные усилия по созданию стабильной безопасности, основанной на мирном сосуществовании как универсальном принципе, на примате права, на свободе выбора. Это — невероятно трудная задача, но и не бесплодное мечтание.

ДАВАЙТЕ подводить черту. Какой бы банальной ни казалась эта метафора, мир действительно стоит на развилке. Есть возможность обеспечить ему будущее, причем лучшее, чем сейчас. В защиту цивилизации формируется широкий интеллектуальный и материальный потенциал. Конечно, в мире еще немало темных, невежественных, фанатичных сил. Их воздействие на худшие черты человеческого характера все еще велико, да и подвигнуть человека на зло легче, чем на добро. К сожалению, это показывают и иные события, происходящие в нашей собственной стране.

Но что важно: Советский Союз кладет весь вес своего авторитета, своей политики, своих ресурсов на чашу весов мирного развития. В новаторстве и инициативности советской политики, в происшедшем обновлении внешнеполитических подходов на всех основных направлениях — серьезный залог успеха общего предприятия. И жить в такое время, причем на правильной стороне баррикады, действительно благо.

Во-первых, полная гласность...

(О некоторых нормативных гарантиях осуществления руководящей роли КПСС в условиях перестройки)

Имевший место в историографии отрыв от реальности при толковании процесса возрастания руководящей роли КПСС проявлялся прежде всего в том, что объективные факторы, на которых преимущественно концентрировалось внимание, как бы выхватывались из жизненной ткани в качестве своеобразных постулатов, что создавало иллюзию «самореализации» действительно объективной, закономерной тенденции. Упускалось также из виду, что сознательные, планомерные действия партийных органов и организаций, связанные с постановкой идеологической, политиковоспитательной, организационно-партийной работы, совершенствованием внутрипартийной жизни, руководства экономическим и социальным развитием, должны быть строго адекватны объективным потребностям, задачам на данном историческом этапе.

И вот эта важная тема о руководящей роли КПСС вновь стала предметом широкой гласности. С не меньшей, чем раньше, злободневностью, но главное — реальной перспективой превращения известной возможности в действительность философы, юристы, историки, партийные работники, публицисты в своих выступлениях в прессе пытаются глубже проникнуть в проблему, нередко выделяя в ней наряду с общим и особенное — реализацию политическим авангардом своей функции как правящей партии¹.

¹ См. *Васильев И.* Потребность дела.— Советская Россия, 24 июля 1988 г.; *Гранин Д.* Дорога к здравому смыслу.— Правда, 5 августа 1988 г.; *Попов Г.* Через совмещение постов к укреплению власти Советов.— Московские новости, 7 августа 1988 г.; *Белоцкий С.* Вся власть в одних руках? (письмо в редакцию)... *Аметистов Э.* Да, но это руки народа.— Советская культура, 9 августа 1988 г.; *Воронецкий В., Курашвили Б.* О совмещении должностей.— Аргу-

Стержневой вопрос формулируется с достаточной прямотой, хотя не всегда вещи называются своими именами. При дальнейшем совершенствовании Конституции СССР, считают в частности А. Бузгалин и А. Колганов, необходимо внести определенность в те формы, в которых будет реализоваться руководящая роль КПСС в жизни советского общества, его политической системе. По их мнению, это должно стать предметом первоочередного рассмотрения на будущем съезде народных депутатов СССР. Иначе, дескать, возникают опасения, что «отдельные исполнительные органы партии (чему есть примеры в прошлом) смогут проводить свою руководящую роль недемократическими и даже неконституционными методами»².

В общей массе суждений о партии подобных мнений не так уж много. Но предложения о том, чтобы программные и уставные требования партии о ее внутреннем укладе и функционировании, регламентацию жизни и деятельности общественных организаций, осуществляемую их нормативными документами, облечь в государственную правовую форму, принять, так сказать, «законы» о законах самодеятельных формирований трудящихся, неоднократно высказывались и перед XXVII съездом КПСС, и в канун XIX Всесоюзной партийной конференции.

Такого рода соображения, продиктованные как будто стремлением подорвать корни административно-командной системы, не допустить выхода партийных органов и организаций за рамки Конституции СССР, тем не менее ничего общего не имеют с научными представлениями о правовом государстве, так как ведут, в сущности, не к демократизации, а к огосударствлению, бюрократизации всей общественно-политической жизни.

менты и факты, 1988, № 35; *Швец И.* Что даст совмещение постов...— Правда, 27 сентября 1988 г.; *Любицкий В., Журкин Н., Селезнев А.* Готовы ли Советы взять власть? — Правда, 5 октября 1988 г.; *Крючков Г. К.* Политический авангард общества: его место и роль в перестройке.— Вопросы истории КПСС, 1988, № 10; *Залудяк Н. И.* Решение принято. Что дальше? — Коммунист Украины, 1989, № 1; *Горидзе А.* Восхождение к личности.— Коммунист Грузии, 1988, № 12; *Хамраев Т.* Меняем стиль работы партийного комитета.— Партийная жизнь (Ташкент), 1988, № 10; *Мухутдинов О.* Не командовать, а убеждать.— Коммунист Татарии, 1989, № 1, и др.

² Литературная газета, 9 ноября 1988 г.

И естественно, что вопреки некоторым наскокам на нормативные документы партии, позволяющие ей обеспечивать свое лидирующее положение в политической системе, внесенные с учетом всенародного обсуждения изменения и дополнения в Основной Закон не затронули его принципиальных положений о сущностно-функциональном статусе КПСС как руководящей и направляющей силы советского общества. А понадобится ли в дальнейшем вносить какие-либо коррективы в эти положения, конкретизировать в законодательном порядке формы и методы руководящей деятельности партии, покажет практика. Мало исправить ошибки, извращения, нужно ориентироваться на позитивный опыт в современных условиях, который еще предстоит наработать как в общем плане — КПСС и советское общество, так и применительно к ее отношениям с государством.

На XIX Всесоюзной партийной конференции, последующих Пленумах ЦК КПСС, внеочередной сессии Верховного Совета СССР 29 ноября 1988 г. подчеркивалось, что восстановление полновластия Советов ни в коей мере не означает отхода партии от своего места в политической системе социализма. «Партия выступила с инициативой перестройки,— сказал в докладе на сессии М. С. Горбачев,— она является сегодня двигателем обновления и сама обновляется на ленинских принципах. Только партия с ее авторитетом и возможностями способна выполнять объединяющую роль, интегрировать в единой политике многообразные, подчас противоречивые социальные интересы. Только партия, вернувшая себе свойство передовой революционной силы, постоянно подтверждающая свое право идти в авангарде общества, может обеспечить продвижение нашей страны на новые рубежи прогресса»³.

Разумеется, и с точки зрения нормативного обеспечения естественного, закономерного функционирования КПСС, жизненности внутрипартийных отношений сегодня требуется особенно взвешенный, твор-

³ Горбачев М. С. К полновластия Советов и созданию социалистического правового государства. Доклад и заключительное слово на внеочередной двенадцатой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва, 29 ноября — 1 декабря 1988 года. М., 1988, с. 25.

ческий подход, исключаящий, с одной стороны, разрушение базовых, основополагающих принципов, на которых строится партия, а с другой — превращение их в застывшие формулы и тем более сползание к изначальным примитивным формам демократизма. Как известно, В. И. Ленин, рассматривая демократию в закономерной связи с партийным товариществом, как более общим понятием, противопоставлял бюрократической централизации, необязательности, амбициям, немотивированному недоверию *гласность* и в качестве одного из эффективнейших средств формирования подлинно коллективистских отношений, взаимной ответственности указывал на развитое общественное мнение революционной среды, «карающее с беспощадной суровостью всякое отступление от обязанностей товарищества»⁴.

Все это имеет прямое отношение к возрождению и развитию ленинской концепции партии как авангарда народа и политического руководителя общества. На ноябрьском (1988 г.) Пленуме ЦК, где царила атмосфера открытого заинтересованного обсуждения наиболее острых современных проблем, в первую очередь вопросов деятельности самой партии, отмечалось, что быть во главе перестройки КПСС может лишь тогда, когда она готова к новым формам работы в условиях плюрализма мнений, гласности, демократии. Пленум ЦК указал на необходимость исходить при осуществлении политической реформы из того, что на основе всестороннего обсуждения и учета мнений, согласования интересов в любом вопросе нужно и можно выработать удовлетворяющее всех решение. Здесь не место поспешным, односторонним действиям, шагам, неправильно ориентирующим общественное мнение⁵.

Январский (1989 г.) Пленум ЦК принял «Обращение Центрального Комитета КПСС к партии, советскому народу», содержащее ответы на практические вопросы, волнующие сегодня наше общество, в том числе и вопросы деятельности самой КПСС.

Партия, общество, каждый коммунист, беспартийный трудящийся, участвуя в реорганизации экономи-

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 142.

⁵ См. Правда, 29 ноября 1988 г.

ческой и политической систем страны, несомненно, кровно заинтересованы в том, чтобы видеть происходящее не в кривом зеркале бытовавших прежде пропагандистских имитаций с их деформациями и фигурами умолчания, а во всем многообразии, при свете партийной гласности. Очевидна и потребность разобраться, как взаимодействует гласность с демократией в целом и централизмом руководства, какова ее роль в воссоздании ленинского облика партии, обновлении руководящих функций КПСС в современных условиях.

* *
*

По образному выражению М. С. Горбачева, гласность была одной из героинь XIX партконференции, на которой шел глубокий, заинтересованный разговор о том, как нам дальше быть с гласностью, каковы ее возможные и разумные пределы⁶. Атмосфера открытости, дискуссионности, включая дискуссионность по вопросам самой культуры обсуждения, гласности, была перенесена затем на отчетно-выборные партийные собрания и конференции в парторганизациях, на коллективный обмен мнениями, всколыхнувший все общество, по опубликованным проектам законов изменений и дополнений Конституции и о выборах народных депутатов СССР. Это способствовало и способствует прояснению назревших проблем, идейно-политическому согласию по коренным вопросам, практической согласованности действий масс.

Гласность как форма и сущностное проявление плюрализма мнений, как средство выражения и достижения единства в многообразии в его общесоциологическом, партийно-политическом и других значениях, аспектах приобрела сегодня особую актуальность. И прежде всего потому, что именно через утверждение отношений гласности обеспечивается политизация трудящихся. Серьезные позитивные изменения в массовом политическом сознании и действии, потенциально опережающих развитие других сфер общест-

⁶ См. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 года. М., 1988, с. 154—155.

венного сознания и определяющих в известной мере эффективность его обратного влияния на практику, отвечают жизненно важным интересам рабочего класса, всего народа, их заинтересованности в ускорении давно назревших перемен, в том, чтобы быстрее устранить негативные явления. А тут не обойтись без гласности и консолидации, объединения через гласность всех перестроечных сил вокруг идей революционного преобразования общества на пути к его качественно новому состоянию под руководством партии.

Передовой отряд рабочего класса, народа есть, по определению В. И. Ленина, сумма связанных воедино организаций, местных и специальных, центральных и общих, и эта сумма не может быть простой арифметической — она должна представлять собой комплекс, от устойчивости, жизненности которого зависит широта, разносторонность, богатство и плодотворность влияния партии на окружающие ее, руководимые ею массы⁷. В осуществлении руководства ими, регулировании своей жизни определяющей для КПСС была и, пока она существует, сохранится идея единства, сплочения революционных сил в их борьбе за победу социалистической революции, построение социализма и коммунизма, составившая один из незыблемых принципов партийного строительства, само понятие партийности, партии⁸.

Речь, конечно, идет не о механическом единстве как о каком-то неизменном, статичном понятии, приспособленном к законам административно-командной системы, а об определенном состоянии целостности как процессе, который надо постоянно поддерживать, обеспечивать нормативно и организационно-практически. Исторический опыт и современная практика учат, что определенное единство мыслей и действий людей достигается лишь тогда, когда они участвуют в обсуждении вопроса, высказывают и выслушивают разные мнения, узнают взгляд большинства, выраженный в соответствующем решении, добросовестно исполняют это решение⁹. В русле такого единства,

⁷ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 30; т. 8, с. 241, 244.

⁸ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 341—342; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 102.

⁹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 192.

такого понимания партии, в рамках обусловленного им типа руководящей деятельности КПСС и следует рассматривать поставленный вопрос, не говоря уже о практической работе по расчистке старых завалов, ломке всего консервативного во внутривнутрипартийных отношениях, утверждению в них демократических начал, как бы это трудно ни было.

Переделывая многократно сделанное, а заодно себя, наша почти 20-миллионная партия коммунистов исходит из того, что «не аппарат, не какое-либо звено нашей политической системы при всей его значимости, а именно народ призван сыграть решающую, революционную роль»¹⁰. Отсюда — твердость, уверенность, с которыми было сказано на XIX Всесоюзной конференции КПСС о том, что «мы от роли правящей партии в стране не отказываемся», — «наоборот, хотим ее подтвердить и признаем, что чувствуем свою возросшую ответственность на этапе перестройки»¹¹. Отсюда — и ориентация на открытость, демократизацию, втягивание в политический процесс всей партии и народа. Следуя программному требованию на развертывание и углубление внутривнутрипартийной демократии, развитие критики и самокритики, широкой гласности¹², КПСС стремится к установлению отношений с Советами народных депутатов, профсоюзами, комсомолом, другими общественными организациями, всемерному развитию их самостоятельности на подлинно демократической, опирающейся на ленинский опыт партийного строительства основе.

Разве не об этом свидетельствуют та же коллективная, гласная выработка, с вовлечением в нее широчайших масс коммунистов, беспартийных, и принятие законов об изменениях и дополнениях Конституции, выборах народных депутатов СССР, в которых нашли отражение рекомендации партийной конференции? Или реализация последовавших затем других неотложных мер по проведению в жизнь реформы политической системы? Наконец, набирающая в последнее

¹⁰ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, с. 97.

¹¹ Там же, с. 104.

¹² См. Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция. Принята XXVII съездом КПСС. М., 1986, с. 77.

время силу практика публичного воздействия на текущие процессы революционного обновления, все более компетентного и обстоятельного информирования масс, в том числе через новые издания «Известия ЦК КПСС», «Правительственный вестник»?

Безусловно, искаженные прагматические представления о руководящей роли партии уходят в прошлое, совершается поворот к политическим приоритетам в руководстве, с учетом применения ленинской традиции к конкретным обстоятельствам. И вопрос о том, сумеют ли партийные органы приблизиться к ленинской мудрости, беспристрастности, к отсечению всего личного в политике, вести, как говорил еще Н. И. Бухарин, в таком духе партию, с ней вместе и через нее рабочий класс, крестьянство, заключается главным образом в том, чтобы учиться у Ленина. Сейчас, может быть, как никогда, необходимо, чтобы в недрах рабочего класса, всех трудящихся существовала такая сила, которая наиболее ясно видела бы возникающие противоречия, умела бы подчинять второстепенное коренному и основному и обнаруживала бы небывалое единство воли и способности к руководству¹³.

Ясно и другое: КПСС не может достигнуть поставленных целей никаким другим путем, кроме как через развитие демократии, аккумуляцию всего разнообразия конкретных идей и опыта масс, объединение их усилий для выполнения общих задач, обеспечение плюрализма мнений и единства действий, когда решение принято. Демократическая природа руководящей деятельности партии проистекает из того, что она видела и видит сущность собственного предназначения, конституции и образа действий в соединении научного социализма с практическим проявлением рабочим классом своей организаторской роли, революционным творчеством народа.

При этом, воплощая разработанную ею концепцию перестройки в конкретные дела, КПСС особое значение придает непрерывности заложенного в самом партийном механизме процесса единения, единства теории и практики, идейных и организационных основ. Непрерывности, которая может быть обеспечена, в

¹³ См. Бухарин Н. И. Избранные произведения, М., 1988, с. 84, 121, 221.

свою очередь, благодаря создаваемой на всех уровнях руководства и управления в соответствии с установками XXVII съезда КПСС, XIX партконференции безотказно действующей системы гласности.

Между одним и другим моментами существует глубокая взаимосвязь. Опыт КПСС, коммунистических и рабочих партий за рубежом свидетельствует, что результаты теоретической, агитационно-пропагандистской организаторской деятельности коммунистов не могут быть достаточно прочными, завершенными и плодотворными, если динамика ее ослабевает, если допускаются просчеты в осмыслении новых данных, обобщении самых различных сторон текущей работы, в анализе, оценке и решении методологических и практических проблем. И наоборот, когда партия рабочего класса оказывается, по ленинскому наблюдению, впереди всех в наиболее революционной оценке каждого политического события, ни одно такое событие не проходит без того, чтобы не повлиять на большее и большее усиление ее авторитета и престижа¹⁴. Вообще «чем больше стихийный подъем масс, чем шире становится движение, тем еще несравненно быстрее возрастает требование на массу сознательности и в теоретической, и в политической, и в организационной работе...»¹⁵.

В настоящее время, когда восстанавливается ленинская концепция социализма, социалистической демократии, самой партии и ее внутреннего уклада, необходим как раз опережающий рост сознательности и активности в партийной среде, в каждом подразделении и учреждении парторганизаций, их печатных органах — во всех низовых и вышестоящих звеньях КПСС, по всем направлениям ее деятельности. Проявление сознательности парторганизаций, в том числе извлечение ими политических уроков и практических выводов из событий, должны опережать рост инициативы и творчества масс, развитие событий, общественной практики.

Известно, что в общее и вместе с тем достаточно предметное определение принципа, охватывающего внутрипартийную демократию, ее состояние, развитие, В. И. Ленин включал «два следующие необходимые

¹⁴ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 97—98.

¹⁵ Там же, с. 52.

условия: во-первых, полную гласность (выделено мною.— В. Е.) и, во-вторых, выборность всех функций»¹⁶. Причем, называя гласность в качестве перво-степенной, ведущей стороны демократизма, демократизации, он пояснял: «Без гласности смешно было бы говорить о демократизме, и притом такой гласности, которая не ограничивалась бы членами организации»¹⁷. Здесь уместно также сказать, что Владимир Ильич, обращаясь к членам ЦК, еще в 1905 г. писал: «Во время революции руководить устными беседами, личным общением — архиутопия. Надо руководить публично. Надо *все остальные* виды работы подчинить этому виду, всецело и безусловно»¹⁸.

Иначе говоря, гласность следует рассматривать и как важнейший составной элемент внутрипартийной демократии, и как соответствующее проявление его вне организации, в руководящей деятельности партии, всех ее звеньев. Гласность должна органически связываться с выборностью и подотчетностью выбранных центров. Применение всеобщего выборного начала — это источник осведомленности о самом насущном в жизнедеятельности партии, а настоящая выборность невозможна без гласной подготовки, свободы обсуждения. Еще первая (Таммерфорсская) партконференция (декабрь 1905 г.) в резолюции «Реорганизация партии» записала, что, признавая бесспорным принцип демократического централизма, она «считает необходимым проведение широкого выборного начала с предоставлением выбранным центрам всей полноты власти в деле идейного и практического руководства, наряду с их сменяемостью, самой широкой гласностью и строгой подотчетностью их действий»¹⁹.

В дальнейшем, при Ленине, указанные правила последовательно проводились в жизнь, а потом, по-пранные Сталиным и верным ему окружением, фактически утратили нормативное значение, хотя полностью не исчезали из политического лексикона. И это явилось одной из важнейших причин других деформаций. Устранение же деформаций всегда сопровож-

¹⁶ Там же, с. 138.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, т. 47, с. 39.

¹⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1, 8-е изд. М., 1970, с. 136.

далось всплесками гласности, а с переходом к решительным революционным действиям на этапе перестройки гласность закономерно выдвинулась в разряд первостепенных, ключевых принципов. Ведь конкретное содержание, пределы, критерии, требования гласности²⁰ определяются непосредственно в зависимости от главной функциональной направленности, характера развития и деятельности партии нового типа, о которых говорилось выше,— от соединения марксистско-ленинской революционной теории с общественной, социально-политической практикой, через людей, через внедрение научного сознания в массы.

* *
*

Принципиально важно с теоретической и практической точек зрения уяснить, каким образом объективные и субъективные факторы возрастания роли КПСС в обществе вступают в непосредственное взаимодействие, определяя развитие и функционирование всех составных частей единого общепартийного механизма. Это достигается благодаря многосторонней деятельности партии, каждого института ее идеологического и организационного влияния на общественные и внутрипартийные отношения, с максимальным включением в политический процесс людей. Фактически осуществляемая КПСС идейно-политическая и организационная связь в обществе, а также гласность как неотъемлемый элемент этой связи носят объективно-субъективный характер. Недостаточно четкие представления о нем всегда сдерживали и сдерживают освоение и применение определяемых им методов и средств политического руководства.

Размышляя о сути перестройки, состоящей в том, чтобы через демократизацию и гласность, через экономическую реформу, через политическую реформу вернуть человека во все эти сферы как главное действующее лицо, М. С. Горбачев на встрече с молодежью Москвы и Подмосковья в связи с 70-летием

²⁰ См. об этом: *Евсеев В.* Гласность, согласие, согласованность, или На что направлен партийный заряд прессы.— Политическое образование, 1988, № 9.

ВЛКСМ заметил: «Ведь после смерти Сталина не раз предпринимались попытки возродить ленинские принципы. Но все эти попытки — даже при том, что они приводили к серьезным изменениям, — все-таки терпели поражение. И прежде всего потому, что во все эти процессы по-настоящему не был включен народ»²¹. И далее: «Если говорить, во что упираются сегодня наши дела, наша работа, — это в методы. По сути, происходит кризис старых методов, переоценка их»²².

Если судить по многочисленным выступлениям прессы, по прошедшим партийным собраниям и конференциям, на которых приходилось бывать, разговор о методах все больше связывается с гласностью, нормативным закреплением процесса демократизации. Ставятся, в частности, и вопросы о том, чтобы сформулировать ряд новых положений в Уставе КПСС. Это естественно, закономерно. Со времени апрельского (1985 г.) и особенно январского (1987 г.) Пленумов ЦК КПСС, стимулировавших развитие гласности, выборности, демократии в целом, в общественно-политической практике произошли серьезные изменения, потребовавшие нормативного отражения их в основополагающих документах партии, резолюциях XIX партконференции, Инструкции ЦК КПСС о проведении выборов руководящих партийных органов (отдельные положения которой, кстати, приобретут окончательно силу лишь после внесения их в Устав партии). Но жизнь идет дальше, за ней надо поспевать и в известном смысле опережать ее, чтобы не создавались тупиковые ситуации.

В связи с возникающими нормативными вопросами надо обратиться к кодексу партийной жизни. Тем более что нередко спрашивают: какие его нормы, требования направлены на демократизацию и как они действуют? Известно, что сущность организационного Устава, по ленинскому определению, «состоит в последовательном проведении принципа демократического централизма»²³. И, следовательно, необходимое обновление, са-

²¹ Перестройка и молодежь: время действий. Встреча М. С. Горбачева с молодежью Москвы и Подмосковья, 29 октября 1988 года. М., 1988, с. 36.

²² Там же, с. 41.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 267.

морегулирование, революционная дееспособность партии обеспечиваются в соответствии с ее демократической природой на основе именно этого принципа. Остановимся поэтому на тех нормах, которые появились в русле дальнейшей реализации демократического централизма как руководящего принципа. То есть не только в плане организационного строения, но и, как сказано теперь в Уставе, жизни и деятельности КПСС — с учетом фактического обогащения содержания и форм этого принципа, развития демократических самоуправленческих начал в партии, а также внутри нашей государственной, общественной жизни.

Например, до внесения последних изменений в Устав КПСС гласность хотя и затрагивала, причем непосредственно, демократический централизм, но лишь в качестве требования о периодической отчетности партийных органов перед своими парторганизациями и перед вышестоящими органами (§ 19). Далее, она находила отражение как содержательный момент и как условие осуществления обязанностей и прав члена КПСС: вскрытие недостатков и сообщение о них в партийные органы (§ 2, п. «и»), открытость обсуждения, отстаивания своего мнения (§ 2, п. «б») и т. п. XXVII съезд КПСС развил эти позиции как непосредственно, указав в преамбуле Устава на гласность (при перечислении основополагающих принципов, на которых парторганизации строят свою работу), так и косвенно, распространив требования гласности на все стороны функционирования и внутренней жизни партии.

Примечательно, что в определение демократического централизма впервые за многие десятилетия включено новое положение — о сочетании коллективности в работе всех организаций и руководящих органов партии с личной ответственностью каждого коммуниста за выполнение своих обязанностей и партийных поручений (§ 19, п. «д»). А применительно к функциям первичных парторганизаций, где прежде всего реализуется ответственность (это также оговаривается, §§ 9, 11), сказано, что они заслушивают отчеты членов и кандидатов в члены КПСС о выполнении ими уставных обязанностей и партийных поручений (§ 58, п. «г»). Соответственно и в новом разделе Устава «Партия и государственные, общественные организации», появление которого обусловлено необходимостью, с одной сторо-

ны, более четкого выделения функций КПСС как правящей партии, а с другой — утверждения политического характера партийного руководства, избавления от подмены, смешения обязанностей партийных и иных органов, говорится: «Партийные организации, коммунисты, работающие в государственных и общественных организациях, добиваются, чтобы эти организации в полной мере осуществляли свои конституционные полномочия, уставные права и обязанности, широко вовлекали трудящихся в управление, решение политических, хозяйственных и социальных вопросов» (§ 60).

Усиление в нормативном обеспечении перестройки, в первую очередь ориентации партийных органов и организаций, каждого коммуниста на политический подход в работе, коллегиальность, демократические методы и формы партийного влияния на положение дел, передвижка многих полномочий, в том числе при решении кадровых вопросов, на нижестоящие уровни, естественно, потребовали расширения критериев гласности, обсуждения партийной политики (не только в партии вообще, но и во всех ее организациях, § 26), систематического осведомления о положении дел, реализации критических замечаний (как сверху, так и снизу, § 28). Теперь и прием в партию должен осуществляться, как правило, на открытых партсобраниях (§ 4, п. «б»), с предварительным обсуждением кандидатур в трудовых коллективах, как было рекомендовано Политбюро ЦК КПСС и подтверждено XIX партконференцией²⁴. Привлечение к ответственности коммунистов в уставном порядке также предполагает обсуждение проступков прежде всего в низовых звеньях партии, информирование последних о наложении взысканий вышестоящими органами (§ 9).

В дальнейшем под воздействием решений XXVII съезда партии, январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС гласность стали все больше привносить в практику подбора, расстановки и воспитания кадров, придавая особую весомость, жизненность новому уставному положению об активном участии первичных парторга-

²⁴ См. В Центральном Комитете КПСС. Об итогах приема в КПСС за 1987 год.— Партийная жизнь, 1988, № 9, с. 5—6; Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, с. 125.

низаций в проведении кадровой политики (§ 58), так как возможность лучше видеть и точнее оценивать руководящих работников позволяет массам ставить каждого из них, говоря ленинскими словами, на надлежащую полочку²⁵. Одновременно и во многом благодаря этому гласность вплотную сблизилась, а в лучших ее проявлениях сомкнулась с выборностью, усиливая подлинно выборные, конкурсные начала в ней. Из двух и более кандидатур во время прошедшей отчетно-выборной кампании избран, в частности, каждый третий партгруппорг, каждый второй секретарь цеховой и первичной парторганизации. Повсеместно использовалось предоставленное новой Инструкцией о выборах право низовых звеньев партии выдвигать свои кандидатуры в вышестоящие партийные органы. Это способствовало заметному отходу от показного единодушия и на партконференциях, от попыток подравнивания его, заорганизованности при выборах состава партийных комитетов, их бюро и секретарей.

Итоги последних отчетов и выборов в парторганизациях показывают, что осуществляемая у нас реформа политической системы благодаря новым шагам в демократизации избирательного процесса, всей внутрипартийной, общественной жизни получила более реальные очертания, дополнительный импульс изнутри. Руководящие кадры партии, партийные комитеты и организации лучше видят свое место и роль в качестве ядра этой системы, государственных и общественных формирований, активнее утверждают партнерский, координирующий характер отношений с ними, проявляют тягу к политическим подходам в работе.

И все же значение всего этого нельзя переоценивать. Нарастающий напор многообразных мнений и критики снизу, вызванный в какой-то мере активизацией беспартийных трудящихся, впервые, кстати, принявших участие в партийных собраниях и конференциях, может захлебнуться и не стать опережающим по сравнению с усиливающимися перестроечными настроениями в трудовых коллективах, обществе в целом. В том же обновлении выборного партийного актива, замене прежних руководителей новыми не всегда следует видеть

²⁵ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 96.

результат взаимной требовательности коммунистов. В этом проявился, как образно заметил делегат XIX партконференции, металлург из Нижнего Тагила В. Ярин, своего рода парад самоотводо²⁶. Среди партийных лидеров во многих коллективах меньше стало рабочих, женщин, что не может не огорчать.

Писатель Анатолий Салуцкий в заметках из Алексинского района Тульской области, говоря о причинах подобных явлений, заключает: все дело, видимо, в том, что одних в коллективе, районе, городе знают лучше, других хуже, поэтому надо позаботиться о создании для претендентов на выдвижение к руководству равных условий — наладить практику самых разнообразных и широких общественных дебатов, во время которых и коммунисты и беспартийные могли бы услышать каждого из предлагаемых в состав райкома, горкома, обкома²⁷. Вне всякого сомнения, когда обеспечивается настоящая партийная гласность на подготовительной стадии и в ходе самого собрания, конференции, с нелицеприятной, критической и вместе с тем объективной оценкой сделанного, вклада каждого из участников в общую работу, тех программ действий, которые они предлагают, политических, деловых, моральных качеств выдвигаемых, — тогда не может быть неожиданностей, неблагоприятного для дела исхода голосования. Видимый для всех итог гласного обсуждения в таких случаях, как убеждают факты, практически идентичен результатам закрытого (тайного) волеизъявления²⁸.

Причем позитивный эффект многократно усиливается и, безусловно, может существенно приближаться к желаемому, идеальному, если правильно используется массовая трибуна гласности — многотиражные, районные, городские, областные газеты, вся местная пресса, способная оперативно, систематически освещать кампанию и главное — вести гласный обмен мнениями, в том числе по выдвинутым кандидатурам, в порядке подготовки к собранию, конференции. Таких примеров в печати приводилось немало²⁹. Липецкий обком партии

²⁶ См. Советская Россия, 7 ноября 1988 г.

²⁷ См. Пробный шар.— Правда, 12 ноября 1988 г.

²⁸ См., например, *Седов Н.* Как выбирали партбюро на «Чайке». — Советская Кубань, 12 октября 1988 г.

²⁹ См., в частности, *Николаев Ю. Пятунин А.* Как проведем конференцию? — Советская Россия, 15 октября 1988 г.

на своем пленуме своевременно сориентировал партийные комитеты области на максимальное использование средств массовой информации в подготовке к собраниям и конференциям, и это многое дало. Но вначале опыт нарабатывался с большим трудом³⁰. Еще с большими трудностями в этом плане пришлось столкнуться в Горьковской области³¹.

Обращает на себя внимание, что у многих партийных, советских руководителей, журналистских кадров на местах пока нет четкого понимания того, что гласность, будучи выражением объективной потребности сознательного действия масс, в то же время должна использоваться как исходный принцип такого действия, в том числе формирования и применения самих нормативных гарантий возрастания руководящей роли КПСС, включая укрепление Советов народных депутатов авторитетом партии. Не осмыслена как следует и необходимость непредвзятого гласного анализа с активным, заинтересованным участием масс, практики политического руководства на каждой его ступени. Особенно в связи с передачей властных полномочий Советам, функционированием в этих и других органах и организациях партийного ядра. А ведь речь, по сути дела, идет о том, как восстановить эту власть в полном объеме, как партийным органам овладеть наконец политическими методами руководства.

Как отмечалось на совещании в Орле, методы сами по себе не существуют, они проявляются в действиях людей, конкретных носителей отживших подходов и взглядов. И если нет понимания исходных моментов, желания уяснить их, то не может быть и культуры гласности, правильного ориентирования в происходящих переменах, изменениях в нашем политическом строе, создаваемых организационно-практических гарантиях постоянного взаимодействия партии и народа, демократизации власти и т. п.

Вместе с тем нужно отдавать себе отчет в том, что без конкретного преломления общих принципов к определенным условиям, без научно обоснованных норма-

³⁰ См. об этом *Лесников И.* Усеченная гласность.— Ленинское знамя (Липецк), 21 сентября 1988 г.

³¹ См. *Чесноков Г.* Наказ райкому — работать гласно.— Горьковская правда, 26 октября 1988 г.

тивных разработок, установок по этим вопросам та же гласность руководства, внутрипартийной жизни, какой бы «полной» она ни была, не приведет к желаемому идейному согласию, согласованности действий. Как демократизм вообще не может существовать и развиваться, не опираясь на законность, требующую радикальной правовой реформы, так и внутрипартийная демократия, демократические методы руководящей деятельности КПСС становятся фактом лишь тогда, когда они базируются на четко выверенных принципах, нормах, осуществляются через них.

И эти принципы, нормы необходимо осваивать, уметь реализовать на практике. За сравнительно короткий срок, прошедший после XIX партконференции, разработаны и начали проводиться в жизнь практические меры по прекращению дублирования государственных органов партийными, по реконструкции аппарата, переключению основного внимания партийных организаций всех уровней на выполнение функций политического руководства³². Очень важно также иметь в виду, что «предоставленных кем-то в готовом виде и нотариально заверенных гарантий у перестройки нет и быть не может. Реальные гарантии ежедневно и ежечасно создаются самим народом, нашим общим трудом»³³.

* * *

В условиях революционных преобразований, при нацеленности на эти преобразования партии и народа, разумеется, недостаточно освоения лишь информационного пласта гласности. Нужны сопоставление различных точек зрения, опора на его результативную тенденцию, целенаправленное формирование общественного мнения. Реализуем ли мы эти возможности, ставшие столь необходимыми? Увы, далеко не всегда и не в такой мере, как следовало бы.

³² См. Правда, 29 ноября 1988 г.

³³ Жизненная необходимость социально-экономических преобразований на селе. Совещание в городе Орле первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии по актуальным вопросам аграрной политики КПСС на современном этапе. Встречи и беседы М. С. Горбачева на орловской земле, 14—15 ноября 1988 года: М., 1988, с. 125.

В период подготовки к XIX партийной конференции, как известно, при обсуждении Тезисов ЦК КПСС к ней в средствах массовой информации, на собраниях, в письмах трудящихся, поступавших в различные инстанции, вплоть до Центрального Комитета партии, все-сторонне и глубоко дебатировался вопрос об ограничении пребывания руководителей на выборных должностях. Участники дискуссии в своем подавляющем большинстве (это подтвердилось и на конференции) высказались за два выборных срока, без всяких исключений.

А вот другой, не менее важный вопрос — о совмещении партийных и советских постов, в плане разграничения функций одних и других органов, остался, по сути, вне поля зрения общественности. Поступавшая в партийные комитеты и редакции информация на этот счет не переросла в гласный обмен мнениями. И такой оборот дела существенно затруднил последующую работу.

Трудной задачей для части делегатов Всесоюзной партконференции, многих партийных публицистов, ученых оказалось предложение ЦК КПСС о целесообразности совмещения должностей председателя Совета народных депутатов и первого секретаря соответствующего партийного комитета. Доводы о том, что это диктуется необходимостью именно разделения обязанностей партийных и советских органов, установления реальной подконтрольности трудящимся важнейших функций партии, утверждения на всех уровнях ее руководства партийно-политических методов, несовместимых с бытовавшим десятилетиями административно-командным нажимом, далеко не всех и не сразу убеждают. «Понадобились долгие размышления,— говорит писатель Даниил Гранин,— пока наконец до меня дошла глубинная суть реформы, пока я понял, что это наиболее важное, ключевое решение означает принципиально новый подход, новый метод преобразования политической жизни»³⁴.

Еще во время обсуждения Тезисов ЦК к XIX партконференции наряду с предложениями повысить политическую значимость поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР высказывались и противополо-

³⁴ Правда, 5 августа 1988 г.

ложные точки зрения. Некоторые категорически заявляли о недопустимости какого-либо совмещения должностей в руководящих органах партийных комитетов и Советов народных депутатов соответствующих ступеней. Отдельные товарищи в своих письмах настаивали даже, чтобы из готовившихся проектов доклада ЦК на конференции и ее резолюций убрать вообще положения о роли и полномочиях Советов, так как это будто бы противоречит выводу о том, что должно быть исключено принятие постановлений партийных комитетов, содержащих прямые указания государственным, хозяйственным органам, общественным организациям.

Следуя подобной «логике», оторванной от конкретного анализа нынешней обстановки, нетрудно было скатиться (и такие факты имели место) к отрицанию функций КПСС как руководящей силы, правящей партии в обществе, к мыслям о возрождении у нас исторически изжившей себя многопартийной системы. XIX партконференция четко и однозначно подтвердила, что по мере углубления перестройки, демократизации руководящей деятельности КПСС, внутрипартийной и общественной жизни необходимо неуклонно руководствоваться ленинской концепцией партии, партийного строительства. Преодоление определенных деформаций в содержании, формах и методах деятельности КПСС, связях ее с трудящимися, приведшие к утрате многих демократических большевистских традиций, требует, чтобы партия, основываясь на марксистско-ленинском учении, концентрировала свое внимание на разработке теории и стратегии общественного развития, внутренней и внешней политики, формировании идеологии социалистического обновления, вела политическую и организаторскую работу в массах, воспитание и расстановку кадров³⁵.

В полной мере обеспечить проявление руководящей роли КПСС в таком понимании, в том числе применительно к государству,— значит на основе ленинских представлений о демократическом централизме, нормах партийной жизни возродить в парторганизациях атмосферу принципиальности, открытости, дискуссий, критики и самокритики, сознательной дисциплины, партий-

³⁵ См. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, с. 71—72.

ного товарищества и безусловной личной ответственности, деловитости³⁶. За последние месяцы в этом плане на местах немало сделано. Переведена в организационно-практическую плоскость и реализация обещанных в правовую форму идей XIX партконференции об избрании председателей Советов, формировании в них президиумов и т. п. Однако все еще сказывается противоречивость мнений по связанным с этим вопросам.

«Сейчас снова спорят о том, как лучше разделить функции партийного и советского аппаратов,— говорит Ушаков (первый секретарь Карымского райкома КПСС Читинской области.— В. Е.).— У нас эта проблема в основном решена. Мы с Анатолием Павловичем (предрик.— В. Е.) с самого начала договорились: райисполком полностью берет на себя дальнейшее внедрение технологии по откорму крупного рогатого скота, а работники районного комитета партии будут курировать кооперативное движение. Стараемся друг другу не мешать. Хотя иногда приходится друг друга поправлять: дело-то новое, и ошибки здесь неизбежны»³⁷.

Ничего удивительного в подобном «разделении» не видит и корреспондент газеты. «Где у нас чаще всего идет дележ «партийных» и «советских» функций? — пишет он.— Как правило, там, где стараются заниматься всем сразу. И не видят того звена, взявшись за которое можно вытянуть из застоя всю цепь. Ушаков с Ореховым такие отношения для себя нашли»³⁸. Если верить сказанному,— ни тени сомнения ни у руководителей района, ни у автора очерка под многообещающей рубрикой «Прорабы перестройки». Между тем как правильные отношения этим и множеству других «прорабов» еще искать да искать.

Автору этих строк в некоторых районах, в частности Горьковской области, приходилось сталкиваться с фактами, когда, скажем, председатель райисполкома считает естественным, что «первый» как командовал им, так и в новом качестве должен командовать, что в их взаимоотношениях после реорганизации ничего не из-

³⁶ См. там же, с. 72—74.

³⁷ Гамов А. Постоянство обновления.— Советская Россия, 19 ноября 1988 г.

³⁸ Там же.

менится. Настораживает и ситуация, когда секретарь партийного комитета обнаруживает явную робость перед перспективой бороться за лидерство, постоянно подтверждать его делами. Не «потянет» ли такой руководитель для обслуживания своих председательских нужд, понимаемых к тому же в чисто хозяйственном плане, аппарат партийного органа, нацеленный на утверждение партийно-политических методов в работе? Подобной опасности нельзя не замечать, нельзя не принимать упреждающих мер как в повседневной кадровой работе, так и при освещении соответствующих вопросов в прессе.

Это тем более надо иметь в виду, что в связи с реорганизацией партийного аппарата, затронувшей в основном областные и другие вышестоящие его эшелоны, у многих работников, особенно «районщиков», возникло заблуждение, что райкомов, горкомов партии эта перестройка практически не касается. Понимание смысла совершающегося поворота к политическим методам работы, выделению соответствующих приоритетов в ее содержании находится зачастую на уровне лозунгов, в отрыве их от закономерных процессов, исходных позиций политики. Глубокое методологическое различие между ленинскими требованиями, сформулированными на X и XI съездах РКП(б), о необходимости, с одной стороны, слияния «верхов» партийных и «верхов» советских, с другой — размежевания их аппаратов³⁹ не вполне улавливается теми, к кому это в первую очередь относится. Раз совмещение, о каком, дескать, разделении можно говорить? А встречаются и работники, которым достаточно одного понятия правящей партии.

Возникает поэтому вопрос: если после Ленина, в условиях сложившейся административно-командной системы, культа личности Сталина слитность «верхов» обернулась функциональной слитностью аппаратов, смещением обязанностей различных по своему назначению органов вообще, то где гарантия, что эти и другие деформации, которые до конца еще не изжиты, не получают дополнительной питательной почвы? Несомненно, издержки сталинского правления, пустопорожней лозунговости застойных времен, принципиаль-

³⁹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 15; т. 45, с. 122.

ное неприятие коммунистами, всем народом культа личности, узурпирования власти затрудняют осознание массами и даже некоторыми руководящими кадрами, так сказать, возврата к старому — ленинской практике на нынешнем этапе развития.

На прошедших отчетно-выборных партийных собраниях и конференциях конкретным носителям старых методов работы, консерватизму, скептицизму дан серьезный бой. Делегаты Курской областной партконференции, например, в резолюции по отчетному докладу обкома КПСС твердо выразили свою позицию: любые проявления администрирования, командно-нажимного стиля со стороны партийных органов и организаций рассматривать как деятельность, выходящую за рамки Конституции СССР.

Понятно, что и постановку вопроса о гарантиях непозволительно игнорировать. Однако гарантия гарантии рознь.

В печати уже неоднократно выражалось, в частности, недоумение, сопровождаемое порой пространными рассуждениями, почему в Инструкции ЦК КПСС о проведении выборов руководящих партийных органов не учтено, а точнее говоря, нормативно вновь не закреплено действовавшее до 1961 г. правило, когда результаты голосования определялись по большинству голосов. Старшие поколения коммунистов помнят, к чему это приводило: принципиальные, требовательные работники часто оказывались неизбранными лишь потому, что против них голосовало несколько человек, то есть явное меньшинство навязывало свою волю большинству, при характерных для такой процедуры изнуряющих переголосовках. Тем не менее, несмотря на то, что вопрос широко обсуждался до и непосредственно на XIX партконференции, что проект Инструкции, прежде чем его утвердило Политбюро, предварительно рассматривался на июльском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС, некоторые авторы расценивают нынешнюю запись⁴⁰, которая была и в прежней редакции докумен-

⁴⁰ См. положение § 33 о том, что собрание, конференция, съезд, несмотря на предварительно установленное количество избираемых в партийный орган, может принять решение об утверждении его состава в новом количестве в соответствии с результатами голосования — при условии, если за этот состав проголосовало больше половины членов КПСС, участвовавших на собрании, делегатов кон-

та, как противоречащую якобы установкам общепартийной конференции, как сохранение одного из факторов застоя.

Но что же все-таки беспокоит критиков столь, казалось бы, демократичной «мелочи»? Ведь участвующие в голосовании сами решают, пересмотреть количественную сторону дела и утвердить фактические результаты тайного волеизъявления или заново обсудить кандидатуры и повторно переголосовать. Беспокоит, оказывается, все то же — возможность большинства гласным пересмотром гласно принятого им решения (о количественном составе) заблокировать протаскивание меньшинством неугодных «начальству» кандидатур в руководящий орган или, наоборот, вышибить из него если не «угодных», то самих руководителей, признаваемых большинством лидеров. Разумеется, путем тайного голосования, но с предварительной, чаще всего скрытой агитацией, чтобы не допустить упреждающего противодействия с другой стороны, поставить, так сказать, руководство перед фактом.

Конечно, можно рассуждать и по-другому, как это делают некоторые авторы в своих публикациях. А именно: руководитель (потенциальный или явный бюрократ, вообще носитель командно-административной системы и т. п.), опираясь на правило о правомочности лишь 51% количества поданных голосов, получает не только практически стопроцентную возможность ввести любого нужного человека в любой руководящий орган, но и сильнейшее средство воздействия на массы, укрепления личного влияния.

Словом, прибегнув к заигрыванию с массами, путем интриг, манипулирования интересами, эмоциями, сознанием людей, такой руководитель задействует сильнейшие психологические факторы, затрудняющие наметившуюся консолидацию.

Действительно, получается прямо-таки «модель некоторых аппаратных творений». Только кого и в чем она убеждает? Конечно, людей неразвитых, с низкой политической культурой немало, и ими нетрудно манипулировать. Но таких людей становится все меньше,

ференции, съезда, членов партийного комитета, ревизионной (контрольно-ревизионной) комиссии.— Инструкция о проведении выборов руководящих партийных органов (Утверждена ЦК КПСС 12 августа 1988 года). М., 1988, с. 15—16.

как, впрочем, и чиновников, «бонапартиков», при свете гласности. Разве не видно из тех же газет, сколько зазнавшихся, обюрократившихся, просто неумелых работников во время прошедших отчетов и выборов в парторганизациях, как говорится, «выпало в осадок», то есть не избрано, забаллотировано, добровольно подало в отставку. Далее, разве демагогия, обывательщина, стремление урвать незаработанное и другие негативные проявления, исходящие во многих коллективах и организациях «снизу», менее опасны? Разве, наконец, «провести» к руководству способного, честного, принципиального организатора никогда не было и порой сейчас не является проблемой? «Мы всегда защищаем в нашей печати внутрипартийную демократию, — писал Ленин. — Но мы никогда не высказываемся против централизации партии. Мы за демократический централизм»⁴¹.

Спору нет, критикуемое правило, может быть, несовершенно, как и то, прежнее. Ясно, однако, что оно отвечает интересам большинства. А лучшего пока практика не подсказала. Впрочем, можно придумать сколько угодно хитроумных «деталей», и решающей ни одна из них, как и эта, быть не может. Сравнительно недавно, во время последней предсъездовской дискуссии еще более остро, чем теперь, ставился вопреки Ленину вопрос о необходимости открытого голосования при выборах руководящих партийных органов чуть ли не всех ступеней. Под напором общественного мнения в избирательном процессе при его в принципе закрытом (тайном) голосовании предусмотрели — применительно к организациям до 15 членов партии и партгруппам — возможность с согласия коммунистов открытого волеизъявления при выборах секретарей, их заместителей, партгруппоргов, делегатов на партконференции. А потом обнаружилось, что по мере фактического углубления демократии, расширения гласности при обсуждении во всех делах вообще охотников открыто голосовать на собраниях за выдвигаемых к руководству, особенно при альтернативном варианте, становится все меньше и меньше. Таким образом, гласность гласности тоже рознь.

Есть и еще один, не менее важный, «срез» глас-

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 72.

ности, имеющий прямое отношение к демократизации руководящей деятельности КПСС, ее внутренней жизни и непосредственно к определяющему их качественные характеристики демократическому централизму. Еще при создании коммунистического авангарда рабочего класса Ленин подчеркивал, что «в отношении *осведомленности* о движении центра партии (а, следовательно, и всей партии вообще), в отношении *ответственности* перед партией нужна *возможно большая децентрализация*»⁴². Утверждение и развитие гласности в парторганизациях, выходящей с помощью прессы, телевидения, радио далеко за их пределы,— это путь, который ведет к истинному демократизму руководства, реализации «правлящих» функций партии.

Более того, прежде всего через гласность, информацию, без которых практически сводится на нет подотчетность партийных органов своим организациям и вышестоящим инстанциям, достигается взаимодействие, стыковка обеих сторон, или начал, демократического централизма. В свою очередь, путем укрепления системы этих связей обеспечивается и поддержка, защищенность самой гласности, ее партийно-политическая, организационно-идеологическая, публицистическая наполненность, которая, собственно, и объединяет одно и другое условие демократии в единое целое. И поскольку настоящий, полнокровный демократизм неотделим от дисциплины, не подавляется, а именно взаимодействует с централизмом руководства, которое также подвергается ныне определенной децентрализации⁴³, внутрипартийные отношения могут и должны перерасти при таких условиях в партийное товарищество — коренное качество КПСС в ее марксистско-ленинском понимании.

* *
*

Возрастание руководящей роли КПСС как процесс, идущий изнутри нашего общества и связанный так или иначе с решением важнейших социально-экономических, политических и других задач, не должно ни в

⁴² Там же, т. 7, с. 21.

⁴³ См. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, с. 55.

коем случае отождествляться с объективной логикой развития в целом, возможными попытками втягивания партии в непосредственное управление. Именно поэтому важно прежде всего принять в расчет, что та же очевидная для всех централизация властных полномочий одним лицом мыслится и практически осуществима лишь на прочной демократической основе. Она базируется на впервые предпринимаемой за долгие годы господства административно-командной системы реализации ленинской идеи децентрализации ответственности. И связана с действиями не только первого лица, совмещающего два ответственных поста, но и тех органов партии и официальной власти, которые он возглавляет или должен возглавить. Ведь демократизация избирательного процесса в одной и другой структурах делает руководителя, а заодно партийный и советский аппарат действительно подконтрольными парторганизациям, народу.

И даже в тех случаях, когда появятся рецидивы подмены, командования, смещения функций в силу определенных личностных качеств или по другим причинам, сработает, точнее должна сработать, кроме законодательных мер, децентрализация ответственности по партийной линии, усиливаемая уже не двойным (снизу и сверху), а тройным контролем — при наличии контрольно-ревизионных комиссий. В порядке эксперимента такие комиссии образованы уже в Московских городской и областной парторганизациях, Киевских городской и областной, Краснодарской краевой, Тульской и Алма-Атинской областных партийных организациях, причем на разных уровнях.

А первостепенная и, может быть, самая весомая по значимости гарантия, от которой в огромной мере зависит обеспечение возрастающей роли КПСС в условиях перестройки, — партийная гласность. Резервы ее неисчерпаемы, быстро приводятся в движение и главное — реализуются в людях, через людей, их сознание, убеждения.

Жить и извлекать уроки

С членом ЦК КПСС, секретарем ВЦСПС, членом Комитета особого управления Нагорно-Карабахской автономной области Виктором Максимовичем МИШИНЫМ беседует обозреватель «Огонька» Анатолий ГОЛОВКОВ

Имя Виктора Мишина многие знают главным образом по комсомольской жизни 70 — начала 80-х годов. Его взлет за сравнительно короткое время от секретаря комитета ВЛКСМ МИСИ имени Куйбышева до первого секретаря Центрального Комитета комсомола со стороны казался головокружительным, хотя на самом деле путь был тернист. Ему выпало работать под руководством трех Генеральных секретарей ЦК КПСС.

Сейчас Виктор Максимович — секретарь ВЦСПС. Во время встреч и долгих бесед с ним хотелось понять прежде всего, в какой степени и как эволюционировало его мышление: в прошлом все-таки аппаратного работника «застойных лет»; в настоящем — государственного деятеля, которому доверены ответственные сферы общественной и политической жизни страны.

— Виктор Максимович, два с лишним года назад ваш переход из ЦК ВЛКСМ в ВЦСПС породил немало самых противоречивых слухов. Не смогли бы вы пролить свет гласности на это «белое пятно»? С чем, на ваш взгляд, связано то обстоятельство, что сразу три бывших первых секретаря ЦК ВЛКСМ направлены за рубеж на дипломатическую работу? Можно ли в этой связи предположить, что ЦК ВЛКСМ отводилась роль некоего филиала Дипломатической академии МИД СССР?

— Жизнь гораздо сложнее упрощенных схем. Не секрет, что к моменту моего ухода с поста первого секретаря ЦК ВЛКСМ мои предшественники работали за рубежом Чрезвычайными и Полномочными послами СССР: Сергей Павлович Павлов — в Монголии, Евгений Михайлович Тяжелников — в Румынии, Борис Николаевич Пастухов — в Дании. В один прекрасный день поехать в заокеанскую страну было предложено и мне. Предложение исходило от людей, работавших да и сейчас работающих в аппарате ЦК КПСС, со ссылкой на пресловутое «есть мнение». Я честно ответил, что если это решение Центрального Комитета партии,

я готов его выполнить, а если это пока только чье-то мнение, прошу по возможности учесть и мое. Я, знаете ли, коренной москвич, патриот своего города, вдали от него быстро начинаю не то что тосковать, а как-то тяготиться. К тому же хотелось активной работы дома, в Союзе. А в стране, куда мне предложили поехать, похоже, нужны были не столько энергия и опыт, а другие личные качества, коими я вряд ли обладаю в достаточной мере. По складу характера я не самый большой дипломат, хотя практика международного общения была. Ну, а самое главное, о чем я и сказал тогда,— в этой стране не было советской школы, негде было учиться 12-летнему сыну. Ведь, согласитесь, что итог нашей жизни подводят не столько служебная карьера, сколько наше наследие и наши наследники, причем в буквальном смысле. А на изломанные судьбы оставленных дома детей дипломатов я, слава богу, не смотрелся...

— *И ваши аргументы были приняты во внимание?*

— Можно считать, что да. Мне предложили вскоре страну, где школа имелаась... Я дал согласие, хотя и напомнил, что буду «четвертым послом» с должности первого секретаря ЦК ВЛКСМ. Хоть должность полномочного представителя Советской страны весьма почетна, я понимал, что должны ее занимать специалисты-дипломаты. Впрочем, были времена, когда комсомольские руководители заканчивали карьеру куда трагичнее. Но времена, к счастью, меняются. К тому же никаких обвинений в искажении политики партии или претензий личного порядка мне и не предъявлялось. Все же, хотя я и был на десять лет моложе своего предшественника, прекрасно понимал, что в сорок три года пора покидать комсомол. Узнав о моем предполагаемом переходе, председатель ВЦСПС Степан Алексеевич Шалаев предложил мне попробовать свои силы на профсоюзной работе. Руководство ЦК КПСС поддержало это предложение, и вопрос был вынесен на пленум ВЦСПС, который избрал меня секретарем.

— *Как вам работается? Изменилось ли ваше материальное положение? Не жалеете ли вы о таком повороте судьбы?*

— Наоборот, считаю его удачным для себя. Участок работы мне поручен очень интересный и важный. Должен сказать, что самостоятельности, пожалуй, теперь у меня даже больше, чем на посту первого секретаря

ЦК ВЛКСМ. В зарплате, правда, несколько потерял, но и оставшихся 550 вполне достаточно.

Когда меня избрали первым секретарем, я несколько недель не спал. Такой груз давил. Нормальный человек не может, по-моему, не чувствовать всей тяжести такой ответственности. А главное, я понимал, что комсомол работать по-старому не может и не должен.

Последние годы работать «на комсомоле» было нелегко. Но впечатлений, конечно, осталась масса. Я ведь еще при Л. И. Брежневем работал секретарем ЦК ВЛКСМ. Кое-что видел и слышал сам, о многом знал, то, что в газеты тогда не попадало. Уже тогда были у меня и конфликты с Игорем Щелоковым, работавшим заведующим отделом. Были попытки скомпрометировать меня анонимками, всякое было. Но старался работать честно, видеть прежде всего дело.

И Ю. В. Андропов, и К. У. Черненко, как правило, наши предложения поддерживали, жаловаться грех. Было одобрено непростое решение о проведении XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Михаил Сергеевич Горбачев вообще к комсомолу, к молодежи с таким пониманием и заботой относился и относится, что я ребятам в ЦК ВЛКСМ сейчас просто завидую. Впрочем, об этом, наверное, напишу когда-нибудь в мемуарах — сегодня в славословии могут обвинить...

— *Не находите ли вы, что ВЛКСМ в чем-то исчерпал себя как общественная организация молодежи, утрачивает авторитет среди рядовых комсомольцев, что в общем-то комсомол превращается в бюрократизированный придаток КПСС? И этот процесс, между прочим, шел и под вашим руководством...*

— Категорически не согласен. В комсомоле, конечно, хватает карьеристов, тупиц, лицемеров и эгоистов. Но вне комсомола их не меньше.

Конечно, сильно переборщили в свое время, абсолютизируя функцию комсомола как «помощника и резерва партии», зажимали самостоятельность мелочной опекой. Но ведь, помимо лозунгов, и дела были! Неловко как-то напоминать, но ведь то, чем сейчас комсомол гордится, зарождалось еще в «застойное время». Принципиальное для нас решение о создании единой общественно-государственной системы НТТМ было принято задолго до XX съезда ВЛКСМ. Евгению Королеву еще десять лет назад из всех сил помогали пробить в

жизнь идею МЖК как новой социальной общности, а не только жилого дома для молодых.

— Известно, что в комсомольскую бытность вы являлись организатором отправки молодежных комсомольских отрядов на ударные стройки по всей стране. Если взять в скобки положительный эффект такого рода эксплуатации энтузиазма, то результат во многом оказался плачевным. БАМ приносит стране ежегодно 200 миллионов рублей убытков. Благодаря труду молодых на Тюменском Севере (о социальных условиях тоже умолчим), десятки миллиардов золотых рублей, вырученных за нефть и газ, ни на йоту не улучшили уровень жизни населения, если, конечно, не считать ежегодные закупки канадской и американской пшеницы. Мелиоративная программа, в которой активно участвовал комсомол, нарушив экологический баланс, обесплодила миллионы гектаров земли. Можно было бы привести десятки других примеров... Как вы ко всему этому относитесь теперь, спустя годы, не пересмотрели ли свои взгляды?

— Прежде всего хочу сказать, что мне не по душе навязчивое стремление положительные результаты брать в скобки и замалчивать, а негативные моменты, напротив, выпячивать. Особенно когда охаивание сделанного в прошлом не слишком доказательно.

Я не готов нести ответственность за экономическую стратегию партии в 70-е и начале 80-х годов. Не берусь обстоятельно анализировать ее с научными выкладками в руках — я не экономист. Мнений ученых — и разных мнений — на этот счет публикуется достаточно.

Если же говорить об участии молодежи в реализации крупных народнохозяйственных проектов, я не считаю это ошибкой комсомола. При всех издержках, а они были, молодежь внесла конкретный вклад в решение экономических проблем страны теми методами, которые были на вооружении нашего народного хозяйства.

Я слышал выступление по телевидению Татьяны Васиной, которая уехала на БАМ в 1974 году рядовым бойцом отряда имени XVII съезда комсомола. Она с болью говорила о том, что последние публикации в прессе представляют жизнь целого поколения пущенной на ветер. Детям, которые выросли на БАМе, внушается таким образом мысль, что их родители 15 лет занимались пустым делом. Ваш журнал тоже внес свою лепту, напечатав на обложке снимок Героя Социалистического Труда А. Бондаря с броской подписью «Ищу работу!». Насколько мне известно, должность председателя дорпрофсоюза, на которую он был выдвинут, упразднена в результате сокращения профсоюзного аппарата, а ему

предложено работать заместителем начальника строительного поезда. Но этого на обложке почему-то не написано...

Я знаю Владимира Мучицына, комиссара первого отряда, знаю Виктора Лакомова, тоже Героя Социалистического Труда, выросшего на БАМе в крупную, значительную личность. Леонид Казаков, работая на БАМе, получил высшее образование, сейчас он секретарь ВЦСПС, мой коллега, государственный человек. Стройка воспитывала, формировала людей.

— *Вы перечисляете знатных бамовцев. Их даже не сотни — десятки... А тысячи и тысячи рядовых, разочаровавшихся, что связали судьбу с БАМом?*

— Я один из первых, кто пролетел БАМ из конца в конец на вертолете, много раз бывал на других стройках. Неудовлетворенность — да, была. Не всегда реальность совпадала с ожиданиями, было желание бороться с недостатками, бесхозяйственностью, ведомственностью. И люди не были разобщены в борьбе с трудностями.

То, что БАМ приносит убытки, не результат энтузиазма молодежи, а результат экономии на инфраструктуре, некомплексности освоения этой зоны. А что БАМ нужен — я в этом убежден, и это мнение разделяют многие, в частности академик А. Аганбегян. Как сообщалось недавно в газете «Труд», африканская железная дорога «Тазара» протяженностью 1860 километров семь или восемь лет приносила убытки, пока не «выросла» в экономику. Теперь же она одна из самых доходных на материке. Время еще рассудит...

Про «нефтедоллары» тоже проще всего говорить как про ошибку. А не было бы тюменской нефти, не голодали бы мы при тех руководителях, кто знает? Конечно, закупленное на эти доллары оборудование порой сгнивало нераспакованным, деньги могли транжирить необдуманно. Но разве молодежь в этом виновата?

Позиция же ЦК ВЛКСМ всегда была твердой: мы категорически возражали против потребительского отношения к энтузиазму. Особенно когда почувствовали, что многие хозяйственные руководители увидели в молодежи выгодную рабочую силу, повадились затыкать прорехи путем ее эксплуатации.

И все-таки еще в 1984 году количество всесоюзных

ударных комсомольскихстроек удалось сократить вдвое — со 123 до 63. По нашей инициативе было принято постановление ЦК КПСС и Совмина СССР по совершенствованию оргнабора и общественного призыва молодежи на объекты народного хозяйства, которое давало ЦК ВЛКСМ право приостанавливать общественный призыв... Отказывались мы посылать отряды и в Западную Сибирь, и на «Атоммаш», и на «Ростсельмаш», и в Елабугу, и в Чернобыль, тогда еще строившийся...

Что еще меня удивляет, это попытки представить молодежь, работавшую на освоении новых регионов, таким племенем варваров, разрушивших Рим. Должен сказать, что у молодого поколения экологическая культура может и недостаточна, но выше, чем у предыдущих.

Проповедь патриархальщины сегодня способна расстрогать душу, но не способна остановить развитие производительных сил. Пролить море слез над искусственными морями, затопившими плодородные земли и историко-культурные памятники, слишком мало. Мы должны извлекать уроки, чтобы сейчас давать возможность не только специалистам, но и широкой общественности рассматривать альтернативные варианты крупных проектов, на своем уровне высказывать мнения, к которым не могли бы не прислушиваться. Надо жить так, чтобы не пришлось потом рвать на себе волосы от ошибок, которых не исправить...

— *Согласен, перед любым решением стоит сначала подумать... Кстати говоря, если обратиться к политическому выбору молодежи, то сегодняшнее поколение комсомольцев активно участвует в неформальных движениях. В том числе в движениях Закавказья и Прибалтики. Часть молодых охотно примыкает даже к таким нашумевшим организациям, как «Память», «Демократический союз». Думается, если провести анализ, выяснится, что далеко не все члены комсомола разделяют целиком его Устав. Как вы относитесь к политической «дестабилизации» комсомола? Что, на ваш взгляд, следует предпринять, чтобы комсомол активно помогал реализовать ту концепцию перестройки, за которую проголосовала XIX партконференция?*

— Вы как бы вскользь затрагиваете такие сложные и разнородные явления, что мне трудно отвечать кратко, не искажая сути дела. Под неформальными движениями порой понимают все, что угодно: от банды хулиганствующих подростков до нескольких десятков людей, объявивших себя политической партией. Если вы име-

ете в виду группы и объединения политической направленности, да еще оппозиционного толка, то, убежден, число их приверженцев на много порядков меньше тех, кто разделяет Устав ВЛКСМ. Говорить об участии значительной части комсомольцев в неформальном движении можно, если под ним понимать совокупность самостоятельных молодежных объединений, выступающих с теми или иными инициативами, проектами или программами. Именно об этом говорят данные социологических исследований. Это экологическое и общественно-педагогическое движение, историко-культурные, досуговые, этнографические, творческие объединения, интербригады, компьютерные и политические клубы и т. д. С такого рода самостоятельным движением комсомол учится сотрудничать. В стране создано уже несколько тысяч центров молодежной инициативы при комитетах комсомола. Многие неформальные объединения, строго говоря, перестали быть таковыми, получив официальный статус и организационную структуру. Такое сотрудничество, на мой взгляд, благотворно сказывается и на внутрисоюзной демократизации комсомола.

Что касается Устава ВЛКСМ, он может и должен совершенствоваться. Обсуждение дополнений и поправок к нему, видимо, будет происходить в рамках предстоящей общекосмопольской дискуссии, изменения вправе внести съезд ВЛКСМ.

Советы же комсомолу со страниц «Огонька» мне давать не хотелось бы. Во-первых, потому что уверен в собственных силах нынешнего комсомольского поколения, во-вторых, боюсь поддаться соблазну впасть в поучения типа «в наше время было лучше» — слишком свежи воспоминания.

— Виктор Максимович, теперь немного о вашей работе в качестве секретаря ВЦСПС. Она созвала с активизацией политической жизни в стране. Интересно было бы узнать, каковы ваши взгляды на животрепещущие проблемы профсоюзной деятельности в самом широком их понимании. А именно: в опубликованной предвыборной платформе ВЦСПС не сказано, останутся ли профсоюзы местом трудоустройства отставных начальников и продолжат ли они защиту главным образом интересов администрации на местах или трансформируются в подлинно общественную организацию, которая отстаивала бы интересы рабочих?

— Если вы имеете в виду, что профсоюзы до недавнего времени служили «тихой гаванью» для партийных кадров пенсионного возраста или «портом приписки»

доказавших свою негодность руководителей, я, пожалуй, соглашусь. Эту порочную практику мы ломаем очень активно. В частности, за последние полтора-два года ВЦСПС отклонил больше десятка кандидатур, рекомендованных местными партийными органами для избрания председателями облсовпрофов. И не было случая, чтобы с мнением ВЦСПС не посчитались.

Зависимость профсоюзных комитетов от партийных и хозяйственных руководителей также имеет место. Но ведь, по выражению Михаила Сергеевича Горбачева, краковьяк вокруг начальства профсоюзные активисты танцуют не от хорошей жизни. С одной стороны, председатель профкома вынужден помнить о своем будущем вслед за переизбранием с этого почетного, но хлопотного поста. С другой — все виды премий профсоюзный работник получает по представлению администрации. Таким образом, экономическая зависимость налицо, и не учитывать ее по меньшей мере наивно.

Поэтому мы стремимся такую зависимость свести к минимуму: расширять права первичных организаций, устанавливать размер оклада профсоюзного руководителя, выдвигать на эту должность передовых, квалифицированных рабочих, сохраняя им среднюю зарплату, вводить доплаты неосвобожденным председателям профкомов прежде всего из числа рабочих и рядовых колхозников.

Время все-таки берет свое. Нельзя не видеть, что партия открыто отказывается от старых форм руководства общественными организациями. В этих условиях на грубый диктат, зажим самостоятельности профсоюзов мало кто решится. Но безусловно и то, что одних предпосылок для раскрепощения инициативы недостаточно. Все зависит от личного выбора человека: способен ли он на конфликт ради дела, ради правды, ради справедливости? Поддержит ли его коллектив? Пассивная среда не способна выделить достойного лидера.

— Объективки, характеристики и другие документы часто должен подписывать так называемый треугольник. Сколько раз приходилось убеждаться, что немногие председатели профкомов осмеливаются поставить свой «автограф» прежде секретаря парткома и уж тем более выразить особое мнение по какому-то вопросу внутренней жизни трудового коллектива.

— Это наша общая беда — частный опыт распространять до вселенских обобщений. Дело, наверное, не в

том, чтобы быть против секретаря парткома или администратора, а в том — за что вместе с ними выступать. Ведь, очевидно, недавний факт объявления совместной голодовки главным врачом и председателем профкома поликлиники в борьбе за новое здание огорчил общественность отнюдь не проявлением их единства, а тем, что людей довели до крайних мер уверенность одних бюрократов в безнаказанности и безответственности других.

— Этот случай, конечно, примечателен, но все же из ряда вон выходящий даже по нынешним временам. Имеется в виду несколько иное — «синдром соглашательства», характерный для профсоюзов в целом. Ведь существует и всесоюзный «треугольник». Ряд постановлений по жизненно важным для народа вопросам принимается совместно с Советом Министров СССР и ВЦСПС. Правильно ли это?

— А разве лучше ограничиваться запоздалой критикой правительственных решений после их принятия? На разных стадиях подготовки документов профсоюзы имеют возможность вносить замечания, поправки, предложения, многие из которых учитываются. На пленуме ВЦСПС, избиравшем кандидатов в народные депутаты СССР от профсоюзов, С. А. Шалаеву задали вопрос: «Трудно ли бывает председателю ВЦСПС защищать позиции профсоюзов в центральных хозяйственных органах?». Степан Алексеевич откровенно ответил, что бывает очень трудно. В частности, когда профсоюзы отстаивали необходимость повернуть экономику лицом к человеку. С трудом проходят наши предложения об увеличении продолжительности отпусков, новый Закон о пенсионном обеспечении. Это происходит не потому, что правительство не желает идти профсоюзам навстречу, существуют объективные сложности финансового положения государства.

Так что, по-моему, не всякий компромисс — соглашательство. Другое дело, что надо больше информировать трудящихся о том, кто и какие предложения вносит в правительство, как они обсуждаются, с каким результатом. Этим озабочен сейчас аппарат Совета Министров СССР. Создали Пресс-центр ВЦСПС и мы.

Есть, конечно, и обратная сторона в таком тесном сотрудничестве. Некоторые работники ВЦСПС проникаются «государственным» мышлением настолько, что порой перестают видеть различия между функциями государственных и профсоюзных органов. В некоторых случаях совместные с правительственными органами ре-

шения связывают профсоюзам руки. Это приводит к огосударствлению профсоюзов, превращению их в пусть специфическое, но ведомство, ослабляет защитную роль организации трудящихся.

— Если уж мы с вами завели речь о защитной функции профсоюзов, позвольте спросить: какова ваша точка зрения на проблему реализации конституционных прав населения в СССР? Намерены ли профсоюзы (и в какой форме) способствовать развитию самостоятельного правозащитного движения?

— Давайте немного расшифруем и этот термин. Профсоюзы призваны обеспечить полноправие трудящегося, помогать ему сохранить человеческое достоинство, обрести социальную справедливость, добиться правды в сложных жизненных ситуациях.

Всерьез говоря о необходимости создания правового государства, нельзя мириться с тем, что около 23 миллионов работников в различных сферах фактически лишены прав на профсоюзную и юридическую защиту от бюрократического произвола при возникновении трудовых конфликтов. Я имею в виду пресловутые перечни № 1 и № 2, принятые Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1974 году. В них включены многие профессии — от летчиков гражданской авиации до столь рьяно критикуемых работников партийного и советского аппарата. ВЦСПС внес соответствующие предложения на этот счет.

Все, что касается защиты прав человека, — это наша забота, будь то конституционные права на труд и жилище, на гражданские свободы или социальные гарантии. ВЦСПС, например, стал инициатором создания Ассоциации потребителей, которая призвана защитить нас с вами от группового эгоизма производителей недоброкачественных товаров, от унижений в сфере услуг. Причем приходится уповать на сугубо общественные методы воздействия, на гласность.

Озабочены мы и реальным воплощением права советских людей на культуру, на информацию. Каждый человек, каждая этническая группа, где бы они ни проживали, должны свободно развиваться на основе своих национально-культурных традиций. И мы поддерживаем те самостоятельные движения, которые выступают за сохранение национальной самобытности, возрождение и развитие народного творчества, нашего историко-культурного достояния.

А вообще в заданном вопросе мне слышится вариант трактовки правозащитников как противников существующего социального строя, именовавшихся диссидентами, пострадавшими за инакомыслие от органов власти...

— Простите, Виктор Максимович, но тут я просто вынужден возразить. «Огонек» поддерживает лишь такое правозащитное движение, которое, родившись примерно в середине 60-х годов, объединяло людей, которые мучительно искали выход из экономического и политического тупика. Искали теоретические возможности для справедливого переустройства общества, за что жестоко преследовались...

— Со всей определенностью должен сказать, что я не приемлю репрессии, судебное преследование за убеждения в качестве аргументов в споре за истину. Но моя приверженность плюрализму мнений как норме общественной жизни не означает размытости собственных позиций. Как коммунист, я за социалистический выбор, сделанный нашим народом, за гуманный и демократический социализм. Но против ниспровергателей социалистических идеалов. Думаю, что не получится у нас конструктивного диалога и взаимопонимания с теми, кто стремится свести проблему прав человека в СССР к проблеме выезда за границу для постоянного проживания или к подсчетам мнимых политзаключенных.

Хотя это не значит, что я готов закрыть глаза на безобразия в судебно-правовой практике, примеры которых описаны вами в очерке «Время на размышление» («Огонек» № 4 за 1989 г.). Как любой честный гражданин, я хотел бы высказать свою солидарность с журналом, благодарность за постановку этих острых вопросов, за раскрытие для общественности еще одной до недавнего времени запретной темы.

— Считаете ли вы забастовки юридически нормальной правовой защитой рабочих от произвола бюрократии? Если да, то способны ли профсоюзы участвовать в такого рода рабочем движении?

— На сегодняшний день забастовки нельзя считать юридически законными. Закон для них не писан — нет никаких правовых норм, регулирующих подобные конфликты. Вместе с тем организованная остановка работы — уже не заморская болезнь «загнивающего капитализма», а прискорбная реальность нашей действительности. Думаю, даже нет необходимости приводить

конкретные факты — о них открыто пишут в газетах и говорят с экрана телевизора. В настоящее время ВЦСПС внес в правительство предложения о принятии закона или подзаконного акта о забастовках, который определял бы допустимые рамки для применения такой формы согласованного волеизъявления работающих и порядок разрешения подобных конфликтов. Я убежден, что затягивать с этим нельзя. Проволочки могут только способствовать возникновению новых эксцессов.

— Известно, что законы о забастовках есть во всех странах. Причем в случаях, когда забастовка не считается законной, тут же следуют массовые увольнения...

— Совершенно верно. У нас ведь как раньше трактовался этот вопрос? Государство рабочих и крестьян — это мы. Класа эксплуататоров нет, против кого же выступать? Против самих себя? Сегодня эта логика — всего лишь демагогия невысокой пробы. Мы осознали всю степень отчуждения работника от результатов своего труда, от процессов управления производством. Осознали, что не только у капиталиста, но и у государства можно быть наемным рабочим, сохранив соответствующую психологию. Осознаем всю глубину противоречий между интересами личными и групповыми, корпоративными, между интересами общенародными и ведомственными. Так что, на мой взгляд, забастовка и выступает как одно из проявлений таких объективных противоречий на этапе совершенствования социалистических общественных отношений. Думаю, что профсоюзы должны более активно требовать правового регулирования производственных конфликтов. Когда в определенных ситуациях требования бастующих трудящихся будут считаться законными, профсоюзам можно будет подумать и о создании страхового фонда помощи, о других формах поддержки их позиции. С другой стороны, возрастет и ответственность профкомов, советов трудовых коллективов за то, чтобы без серьезных оснований не прибегать к крайней мере, чтобы при любых вариантах не переступать грань закона, не поддаваться на провокации экстремистов, подталкивающих людей к необдуманному действию. Ведь в конечном счете от забастовок страдает и общество в целом, и каждый человек.

В Нагорном Карабахе, например, сегодня катастрофическая ситуация с жильем: во многом следствие дол-

говременных перекосов в социальной политике в области и в республике. За три пятилетки возведено лишь 12 процентов запланированных площадей. Но ведь за год «небывалой общественно-политической активности», выражавшейся в том числе и в невыходе людей на работу, жилищная проблема еще более усугубилась: в результате этого из плановых 35 тысяч квадратных метров построено лишь 2,5 тысячи. Не справились новоселье 1600 семей, не прибавилось в области ни одной школы, больницы, детского учреждения, которых так не хватает...

Трудно не согласиться и с другим: при существующей монополии ряда предприятий на выпуск определенной продукции забастовки чреватые даже более дальними последствиями, чем в условиях капиталистического рынка. В этом мы могли убедиться на примере Закавказья. Срывались договоры по взаимным поставкам, страна терпела убытки...

— *Недавно Центральный Комитет партии поручил вам работу в Комиссии ЦК КПСС по вопросам правовой политики. Вы вошли в состав Комитета особого управления НКАО. Каковы ваши личные впечатления о первых неделях работы в Нагорном Карабахе?*

— Прежде всего я успел убедиться в том, что решение о введении особой формы управления автономной областью было единственно возможным в сложившейся ситуации. Накал страстей на национальной основе достиг такого уровня, что местные органы власти были уже не способны принимать управленческие решения, исходя из здравого смысла и социально-экономических интересов региона. Любая, даже чисто производственная ситуация истолковывалась сугубо с точки зрения межнациональных отношений. За примерами и сегодня далеко ходить не надо — на днях Комитету особого управления удалось «выбить» дефицитное оборудование для сантехнических и строительных работ из фондов республики. Груз прибыл в Степанакерт, а на предприятии не только отказались его разгружать, но и с угрозами развернули обратно. Мотив все тот же, абсурдный для нас с вами: не желаем ничего принимать из Баку. Такая вот амбициозная гордость.

С другой стороны, в Баку весьма ревниво относятся к любым прямым контактам области с центром и другими регионами страны. Так, кое у кого явное неудовольствие вызвало принятое союзным министерст-

вом решение о включении Степанакертской мебельной фабрики в объединение «Югмебель», правление которого находится в Ростове-на-Дону. Спрашивается, кому плохо, если мощная фирма с хорошими экономическими показателями готова помочь в реконструкции фабрики, ее переоснащении, обновлении ассортимента продукции, повышении его качества? Для нас ведь уже и создание совместных предприятий с зарубежными партнерами на взаимовыгодных условиях стало обычным делом.

— По мнению многих наблюдателей в нашей стране и за рубежом за ситуацией, сложившейся в Нагорном Карабахе, создание Комитета особого управления НКАО, хоть и с некоторым запозданием, можно только приветствовать. В конце концов человеческие жизни дороже национальных амбиций. Но хочется знать: можно ли решить проблемы НКАО только экономическими методами. Учитывает ли это в своей работе Комитет особого управления?

— Разумеется! Взаимные обиды давни, глубоки и, как ни прискорбно, имеют основания. Прежнее руководство Азербайджана последовательно проводило политику искусственной изоляции армянского населения НКАО от Армении в области культуры и языка. В детском саду, например, где дети только армянской национальности, все до единого методические пособия получались на азербайджанском языке, в музыкальном училище, где девять из десяти учащихся — армяне, в программе предусмотрен цикл по изучению азербайджанского фольклора, а искусство армянского народа практически не представлено. Подобное перечисление нелепых перекосов, ущемляющих национальное достоинство людей, идущих вразрез с их естественными духовными потребностями, можно продолжить.

Поэтому к народному движению нагорнокарабахцев за восстановление справедливости, к патриотическим чувствам армянского населения НКАО нельзя не относиться с пониманием. Оно уже доказало свое единство и популярность в массах. Беда только в том, что порой чистота помыслов некоторых его участников оказывается замутнена от нетерпения и обиды, излишние эмоции мешают сохранить мудрость и трезвость ума. Сводить счеты с целым народом в отместку за грехи его отдельных представителей — путь, ведущий в бездну межнациональной розни, к политическому бойкоту перестройки.

— Справедливо ли, по вашему мнению, арестованы члены комитетов «Крунк» и «Карабах»? Не находите ли вы, что определенным кругам в Азербайджане и Армении выгодно свалить вину за беспорядки на комитеты «Крунк» и «Карабах», опасаясь реальной перестройки и вытекающих отсюда кадровых перестановок? Какова истинная роль мафии в этих республиках?

— О членах комитета «Карабах» я судить не берусь. Думаю, что правоохранительные органы отвечают за свои действия. Что касается распущенного в свое время «Крунка», то ни один человек не арестован за членство в этом комитете. Многие его бывшие участники, напротив, продолжают занимать ответственные посты и даже выдвинуты трудовыми коллективами кандидатами в народные депутаты. Более того, нам известны случаи, когда кое-кто из членов «Крунка» был достоин административного наказания за нарушения в своей производственной деятельности, но во избежание слухов и кривотолков непосредственное их руководство предпочитает не выносить сор из избы.

Что касается А. Манучарова, директора Степанакертского комбината строительных материалов, то он арестован отнюдь не в связи с причастностью к «Крунку», а вместе с 12 своими подчиненными по обвинению во взяточничестве. Идет следствие, которое завершится судебным разбирательством. Суд и установит факт и степень виновности каждого обвиняемого.

О теневой экономике и коррупции в этом регионе достаточно определенно уже высказывался Аркадий Иванович Вольский на сессии Верховного Совета СССР и по Центральному телевидению. К этому я вряд ли могу что-то добавить.

Наше глубокое убеждение — решение проблем Нагорного Карабаха возможно только на путях преодоления социально-экономической отсталости области, на путях, намеченных перестройкой. Ведь здесь люди страдали и страдают от тех же причин, от тех же извращений сути социализма, что и весь советский народ. Только степень их извращений, масштаб недостатков были подчас выше.

Как и повсюду, трудовой человек страдал здесь от отсутствия надежной социальной защиты, бессилия перед махровым бюрократизмом, попрания своего человеческого достоинства. Это многоликое и мелочное унижение вытравило в человеке качества борца за правду и справедливость. Здесь, как и везде, раздваивалась

человеческая личность под влиянием лицемерного разрыва между словом и делом, тем, что говорилось с трибуны, и тем, что люди видели в жизни. Здесь, как и везде, человек бросал землю отцов, поставленный в безвыходные условия. Здесь, как и везде, народ устал слушать обещания скорого изобилия, глядя на пустые полки магазинов. Здесь, как и везде, получило распространение циничное отношение к честному труду, зато расцвели взяточничество, казнокрадство, спекуляция.

Сегодня, раскрепощенные перестройкой, люди требуют того, что нужно для нормальной жизни. Требуют уважения к себе — и не на словах, а на деле.

— *Виктор Максимович, последние месяцы вся страна жила дискуссиями и полемикой вокруг выдвижения кандидатов в народные депутаты СССР. Как вы лично оцениваете новые поправки к Конституции СССР, действующий ныне Закон о выборах?*

— За поправки к Конституции я отдал свой голос, как депутат Верховного Совета СССР, но думаю, что это вариант не на века, политическая реформа скоро подскажет нам еще какие-то уточнения, изменения.

Закон о выборах проходит весьма активную апробацию, мне представляется, что не все удалось в нем предусмотреть. В частности, не совсем четко продумана процедура окружных собраний. Возникало немало ситуаций при голосовании, когда его результаты можно было толковать двояко.

— *Давайте заглянем немного вперед... Каким вам видится политическое устройство общества после того, как приступит к своим обязанностям новый депутатский корпус, впервые избранный в условиях реальной конкуренции? Оправдает ли он надежды избирателей?*

— Я оптимист по натуре... Считаю, что истинная демократия и начинается с права народа на реальный выбор. Но сознательный выбор неотделим от ответственности за него. Впервые за долгие годы Советы будут сформированы на основе народного волеизъявления. Нам не на кого будет больше пенять после принятия государственных решений, кроме самих себя. Это несомненный шаг вперед на пути к подлинно правовому государству. К гуманному, справедливому социализму. К духовному возрождению нашего Отечества.

ИСТОРИЯ И ЛИЧНОСТЬ

З

Плеханов: величие ученого, трагедия революционера

Светлое имя — Надежда

Ян Эрнестович Рудзутак

Александр Косарев

Ближайшее окружение Сталина

Мы думали, что так и надо...

В то трудное время (о Димитрове)

Брежнев и крушение оттепели

«История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения *своих* целей. История — *не что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека».

К. Маркс и Ф. Энгельс

(*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 102*)

«Принципиально мы уже не раз определяли наш взгляд на значение дисциплины и на понятие дисциплины в рабочей партии. *Единство действий, свобода обсуждения и критики*, — вот наше определение».

В. И. Ленин

(*Полн. собр. соч. Т. 14. С. 125*)

«Партия — это авангард класса, и задача ее вовсе не в том, чтобы отражать среднее состояние массы, а в том, чтобы вести массы за собой».

В. И. Ленин

(*Полн. собр. соч. Т. 35. С. 94*)

«Организованность есть единство действия, единство практического выступления. Но, разумеется, всякие действия и всяческие выступления ценны лишь потому и постольку, поскольку они двигают вперед, а не назад, — поскольку они идейно сплачивают пролетариат, поднимая его, а не принижая, не развращая, не расслабляя».

В. И. Ленин

(*Полн. собр. соч. Т. 14. С. 126*)

Плеханов: величие ученого, трагедия революционера

В канун первой годовщины Октября по предложению В. И. Ленина у стен Кремля был открыт обелиск в честь выдающихся мыслителей и борцов за свободу. 19 имен — от великого английского утописта Томаса Мора и автора «Города Солнца» Томмазо Кампанеллы до Карла Маркса и его учеников — начертаны на строгом сером камне. Замыкает этот список Георгий Валентинович Плеханов — первый русский марксист, один из основателей Российской социал-демократической рабочей партии, выдающийся ученый и публицист.

Жизнь Плеханова (1856—1918) совпала с бурной, переломной эпохой в мировой и отечественной истории. За это время Россия прошла через два формационных сдвига, три революции, несколько войн, в том числе мировую. Революционеры-разночинцы уступили главную роль в освободительном движении рабочим и революционной марксистской интеллигенции, а марксизм стал в России ведущей революционной идеологией.

Эти крутые повороты так или иначе отразились и на судьбе Плеханова — одной из самых значительных, ярких и вместе с тем противоречивых, а в чем-то и трагических фигур в истории русской революции. Он первым в России пришел от народничества к марксизму, прочно связал свою жизнь с рабочим классом, отдал себя делу революции. На блестящих теоретических работах Плеханова воспитывалось целое поколение социал-демократов, включая Ленина. Недаром Ленин был глубоко убежден в том, что *«нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно изучать — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма»* (Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290).

Но мы знаем и другого Плеханова — Плеханова-меньшевика, внутренне «угасшего», оторванного от живой практики революционной борьбы, догматически

цепляющегося за устаревшие теоретические формулы. Человека, увидевшего в великой Октябрьской победе 1917 года не логическое завершение начатой им более 40 лет назад борьбы за счастье народа, а лишь большевистский военный переворот, не диктатуру пролетариата, а «диктатуру Смольного института».

Однако политические ошибки Плеханова не перечеркнули его выдающегося вклада в революционно-освободительное движение России, в теорию марксизма, в русскую и мировую культуру. Продолжая лучшие традиции революционного просветительства Белинского, Герцена, Чернышевского, он стремился нести народу свет знания, видел в этом величайшую, благороднейшую задачу мыслящей личности. «Света, больше света! — вот что нужно прежде всего». Так писал Плеханов в своей лучшей марксистской работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», цитируя слова Гете, ставшие девизом его общественно-политической и научной деятельности.

Каким же был Плеханов? Мы уже привыкли к образу вознесенного на марксистский Олимп, пресыщенного славой и всеобщим поклонением революционера-«аристократа», мастерски нарисованному М. Горьким. Широко известны и приведенные им слова молодого рабочего-большевика: «Плеханов — наш учитель, наш барин, а Ленин — вождь и товарищ наш». И хотя сам Горький допускал возможность известной односторонности своих суждений о Плеханове, они были канонизированы и в конце концов превратились в один из тех расхожих штампов, которыми так богато наше историческое сознание. При этом гордое и уважительное слово «учитель», вполне соответствующее истинной роли Г. В. Плеханова на начальном этапе социал-демократического движения в России, как-то незаметно отодвинулось на второй план, а плехановское «барство» — не только в смысле дворянского происхождения, материального благополучия и манер, но и как олицетворение высокомерия, властолюбия и капризности — стало чуть ли не определяющей чертой его сложного и противоречивого характера.

Воздавая должное самобытному таланту Горького, попробуем, однако, несколько дополнить и уточнить

созданный им портрет первого русского марксиста. Начать с того, что в нем остались как бы «за кадром» многие драматические страницы биографии Плеханова: многолетняя, доходившая порой до нищеты материальная нужда, тяжелая, изнурительная болезнь (более 30 лет он страдал туберкулезом), смерть двух маленьких дочерей, скитания из одной страны в другую в поисках политического убежища, тоска по родине, которую он не видел долгих 37 лет...

Нельзя забывать и о том, что этот «барин» был великим тружеником. В основном путем самообразования (лишь два года учился Плеханов в Горном институте в Петербурге, а затем в течение короткого времени слушал лекции в Женевском университете и Сорбонне) он стал энциклопедически образованным человеком. Не будет преувеличением сказать, что на рубеже XIX и XX веков Плеханов стоял на уровне последнего слова мировой науки. Трудно назвать другого русского марксиста того времени, который ориентировался бы в философии, истории, эстетике, художественной литературе и искусстве, вопросах естествознания столь же свободно, как Плеханов. Он отлично владел французским и немецким языками и даже писал на них теоретические работы, достаточно свободно читал литературу на английском и ряде славянских языков. Рабочий день Плеханова был уплотнен до предела, причем даже во время болезни он продолжал трудиться: при высокой температуре читал стихи и беллетристику, при средней — книги по искусству и этнографии, при небольшой — не только читал, но и писал без всяких скидок на плохое самочувствие.

Намного сложнее, чем пишут иные мемуаристы, был и характер Плеханова. Его ядро составляли такие прекрасные человеческие качества, как смелость, независимость, целеустремленность, строжайшая самодисциплина, которые хорошо оттенялись душевной тонкостью, изяществом, артистизмом. Это была гордая, мужественная и вместе с тем очень эмоциональная натура, человек-борец, прирожденный лидер, умевший драться за свои убеждения и, если надо, идти против течения. Но было в его характере — особенно в конце жизни — и немало мелкого, наносного, недостойного тех интеллектуальных высот, на которые поднимался этот выдающийся человек.

Крутые переломы, зигзаги, взлеты, падения... Сколько их было в жизни Плеханова! Его путь в революцию начался в народническом подполье, куда он пришел 19-летним студентом, разделив страстный порыв передовой русской демократической интеллигенции. «Народник до конца ногтей», как характеризовал он позже свою позицию того времени, горячий сторонник Бакунина и его «бунтарских» идей, Плеханов сразу же пошел, однако, в своей практической революционной работе несколько особым путем, увлекшись пропагандой среди петербургских рабочих. Он часто бывал в их кружках, участвовал в подготовке и проведении первых крупных стачек 1878—1879 годов, писал и редактировал листовки. В декабре 1876 года Плеханов получил свое первое «боевое крещение», выступив с яркой революционной речью на политической демонстрации столичных студентов и рабочих у Казанского собора.

Правда, в этот период Плеханов был еще далек от понимания исторической роли пролетариата (да и сам этот класс в России тогда еще только формировался), но он уже видел в городских рабочих самый подвижный, наиболее воспламеняющийся, наиболее способный к революционизированию слой населения.

В 1879 году, после раскола «Земли и воли», возникли две новые народнические организации — «Народная воля», которая пошла по пути революционного террора, и «Черный передел» во главе с Плехановым, ставивший своей задачей продолжение пропагандистской и агитационной работы в народе. Однако в январе 1880 года, оказавшись под угрозой ареста, Плеханов вынужден был эмигрировать и вернулся на родину лишь в 1917 году.

Знакомство с западноевропейским рабочим и социалистическим движением, глубокое изучение трудов Маркса и Энгельса ускорили перелом в его мировоззрении. События 1 марта 1881 года, когда народовольцы убили наконец царя Александра II, наглядно доказали бесперспективность террора, о чем уже давно предупреждал Плеханов. Не выдерживало серьезного критического разбора и народническое положение о том, что Россия придет к социализму, минуя капитализм. Требовались решительная смена приоритетов и ориентиров, приведение революционной теории в соответствие с реалиями пореформенной России. Марксизм и стал, по

образному выражению Плеханова, той нитью Ариадны, которая помогла русским социалистам выбраться из лабиринта политических и практических противоречий.

Сложность ситуации состояла, однако, в том, что симпатии русской революционной молодежи были тогда еще всецело на стороне народников, подпольная работа которых была окружена ореолом романтики, самопожертвования, нравственной чистоты. Критика народнических идеалов казалась многим прямым предательством, сползанием к банальному мещанскому реформизму, отречением от социализма. Поэтому идейный разрыв со старыми товарищами по борьбе потребовал от Плеханова не только огромной теоретической работы, но и немалого личного мужества, стойкости, самообладания.

Исчерпав все возможности прийти к соглашению с народовольцами, Г. В. Плеханов и его единомышленники — В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч и В. Н. Игнатов — основали в сентябре 1883 года в Швейцарии марксистскую группу «Освобождение труда». Она поставила перед собой две основные задачи: перевод и распространение в России марксистской литературы и критику народничества в сочетании с разработкой важнейших вопросов русской общественной жизни «с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России». Особенно весомым был при этом вклад Плеханова. Он перевел на русский язык несколько работ Маркса и Энгельса, опубликовал книги «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», брошюру «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России», две редакции программы группы «Освобождение труда» и ряд других произведений.

Двадцатилетие 1883—1903 годов стало самым ярким и плодотворным периодом общественно-политической и научной деятельности Плеханова. Он успешно разрабатывает многие важные вопросы диалектического и исторического материализма, историю философских и экономических учений, общественной мысли, проблемы эстетики. При этом он выступал не только как пропагандист и популяризатор, но и как серьезный оригинальный исследователь, обращавшийся к ряду острых, дискуссионных сюжетов, например к вопросу о роли личности в истории. Отметим, что статья Плеханова на

эту тему и поныне остается лучшей марксистской работой, в которой показан механизм появления крупных исторических личностей и их воздействия на процесс общественного развития. Вслед за английским историком Т. Карлейлем Плеханов называл великих людей «начинателями». «Великий человек,— писал он,— является именно начинателем, потому что он видит *дальше* других и хочет *сильнее* других. Он решает научные задачи, поставленные на очередь предыдущим ходом умственного развития общества; он указывает новые общественные нужды, созданные предыдущим развитием общественных отношений; он берет на себя почин удовлетворения этих нужд. Он — герой. Не в том смысле герой, что он будто бы может остановить или изменить естественный ход вещей, а в том, что его деятельность является сознательным и свободным выражением этого необходимого и бессознательного хода. В этом — все его значение, в этом — вся его сила».

Плеханов блестяще раскрыл предысторию диалектического материализма. Он показал, как возникшие еще в домарксистской социологии представления о роли классовой борьбы в жизни общества привели Маркса и Энгельса к выводу о необходимости пролетарской революции и установления диктатуры пролетариата. В то же время Плеханов стал глубоким исследователем русской общественной мысли, неизменно подчеркивая, что ее лучшие представители, и прежде всего великие революционеры-демократы XIX века, в условиях отсталой крепостной России сделали огромный шаг вперед по пути правильного осмысления закономерностей развития природы и общества, подготовив тем самым почву для последующего восприятия идей марксизма.

Философские работы Плеханова подкупают простотой изложения (никогда не переходящей, однако, в упрощенчество), строгой логикой, литературным изяществом, образностью языка. Плеханов выступает в них как убежденный и непреклонный последователь марксистского учения, счастливо соединивший в себе блестящую эрудицию, величайшую добросовестность и точность в анализе фактов, страстную партийность.

Давно миновали времена «Краткого курса», однако недооценка теоретического наследия Плеханова нет-нет да и дает о себе знать. В этой связи уместно напомнить, что до сих пор не издано полного академического

собрания сочинений Плеханова, включая всю его политическую публицистику, письма и различные подготовительные материалы, хотя потребность в этом уже давно ощущается. Конечно, придирчивый взгляд специалиста найдет сегодня в философских работах Плеханова недостатки и погрешности. Однако лучшие труды его и ныне остаются марксистской философской классикой.

Поистине огромное значение для утверждения российской социал-демократии как идейного течения — а именно в этом состояла основная заслуга группы «Освобождение труда» — имел марксистский анализ социально-экономической и политической ситуации в России. В полемике с народниками Плеханов убедительно показал, что капитализм уже стал в России фактом, а пролетариат будет главной революционной силой, которая покончит с бесправием и эксплуатацией. При этом он придавал особое значение участию рабочего класса в том процессе *европеизации*, от хода которого, по мнению Плеханова, зависело «самое существование России как цивилизованной страны». Начатый «сверху», железной волей Петра I, он будет завершен «снизу», освободительным движением пролетариата, — таково было глубочайшее убеждение Плеханова, ставшее одним из краеугольных положений его общей концепции истории нашей страны.

Плеханов был первым, кто поставил вопрос о необходимости создания в России революционной марксистской партии. Трудно переоценить и значение того факта, что в первой же марксистской работе Плеханова «Социализм и политическая борьба» было четко зафиксировано кардинальное положение марксизма о диктатуре пролетариата. Высмеяв народовольческие планы захвата власти с целью немедленного «введения социализма», Плеханов признал необходимым четко разграничить во времени буржуазно-демократический и социалистический этапы революции и подчеркнул значение борьбы за политическую свободу. Тогда он еще допускал, что разрыв между этими двумя этапами революции в России будет непродолжительным и пролетариат покончит с капитализмом прежде, чем тот успеет «расцвести».

Плеханову принадлежит бесспорная заслуга в постановке проблемы взаимоотношений российского пролетариата с другими общественными силами. Однако на

его прогнозах сказались и низкая социальная активность непролетарских слоев в обстановке политической реакции в России, и «издержки» преодоления старых народнических взглядов, в критике которых Плеханов подчас «перегибал палку» уже в противоположную сторону. Так, если для народников крестьянство было прирожденным носителем социалистических идеалов, то Плеханов постепенно эволюционировал к мысли о том, что Россия однотипна по своему укладу с восточными деспотиями, а крестьянство в общем и целом является антиподом пролетариата и служит опорой самодержавного строя. Отрицательное отношение революционных народников к либералам, наоборот, трансформировалось у Плеханова в иллюзорные надежды на возможность их решительного выступления против царизма. Но нельзя забывать и о другом: Плеханов «неоднократно и в самых решительных выражениях подчеркивал громадную важность крестьянского вопроса в России» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 242). Поистине пророчески звучат его слова о том, что «начавшееся в рабочей среде революционное движение вовлечет в свое русло значительную часть беднейшего крестьянства, и тогда придет конец тем гнусным порядкам, которые составляют горе русской земли...».

Плехановым были сформулированы и некоторые положения, в которых отчетливо просматриваются контуры будущей концепции гегемонии пролетариата в освободительной борьбе. Однако руководящая роль пролетариата понималась Плехановым достаточно односторонне — как опережение рабочими всех других классов общества по уровню сознания и социальной активности и превращение социал-демократической партии в центр, к которому будут тяготеть все симпатии демократических слоев и из которого «будут исходить все наиболее крупные революционные протесты».

Подводя итоги деятельности Плеханова в 80-х — первой половине 90-х годов XIX века, можно сказать, что он, бесспорно, был в то время признанным вождем российских марксистов, наиболее авторитетным и влиятельным теоретиком зарождавшегося социал-демократического движения в России. Плеханов неоднократно встречался и беседовал с Ф. Энгельсом, который высоко ценил его талант. В 90-е годы XIX века Плеханов был уже известным теоретиком II Интернационала. Особен-

но популярно стало его имя после блестяще проведенной кампании против ревизионистских выступлений Бернштейна.

В середине 90-х годов в России начался новый, пролетарский этап освободительного движения, который мы закономерно связываем с именем Ленина, хотя Плеханов еще продолжал играть в это время видную роль в российском и международном рабочем движении. Отношение молодого Ленина к Плеханову — и это проявилось во время первых же встреч в Швейцарии в мае — июне 1895 года — определялось огромным уважением, которое питала в России вся марксистская молодежь к своему идейному наставнику. Молодой Владимир Ульянов тоже произвел на членов группы «Освобождение труда» благоприятное впечатление: он держался деловито, с достоинством, был энергичен, эрудирован и вместе с тем скромнен. В письме к жене, Р. М. Боград-Плехановой, Плеханов писал тогда: «Приехал сюда молодой товарищ, очень умный, образованный и даром слова одаренный. Какое счастье, что в нашем революционном движении имеются такие молодые люди».

Выявились в ходе швейцарских встреч 1895 года и некоторые разногласия между Лениным и членами группы «Освобождение труда» («Вы поворачиваетесь к либералам спиной, а мы — лицом», — шутил по этому поводу Плеханов). Однако в целом они прошли успешно и завершились соглашением о том, что группа «Освобождение труда» будет выпускать специально для распространения в России периодический сборник «Работник». Известно также, что в последующий период Ленин горячо поддержал выступление Плеханова против Бернштейна и русских «экономистов» и особо подчеркивал, что сам он не только марксист-ортодокс, но еще и «плехановец».

Летом 1900 года вернувшийся из сибирской ссылки Ленин вновь приехал в Швейцарию, чтобы договориться с Плехановым о совместном издании за границей газеты «Искра» и теоретического журнала «Заря». На сей раз переговоры происходили очень бурно. При этом жесткая, а порой и просто нетерпимая позиция Плеханова определялась не только принципиальными соображениями (он совершенно безосновательно заподозрил Ленина в слишком «мягком» отношении к оппортунис-

там), но и сугубо личными мотивами, стремлением стать единоличным редактором нового, марксистского органа. Вспоминая об этом эпизоде, Ленин записал: «Никогда, никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением,.. ни перед кем я не держал себя с таким «смирением» — и никогда не испытывал такого грубого «пинка»» (Полн. собр. соч., т. 4, стр. 343).

«Искровский» период (1900—1903 годы) в общем и целом прошел под знаком делового сотрудничества «стариков» (Плеханов, Засулич, Аксельрод) и «молодых» членов редакции (Ленин, Мартов, Потресов). Плеханов активно сотрудничал и в «Искре», и в «Заре», душой и руководителем которых был Ленин. Вел он и редакторскую работу. Темами основных публицистических выступлений Плеханова в первые годы XX века были критика «экономизма», «легального марксизма», бернштейнианства, а также некоторые насущные вопросы революционного движения в России.

Шли в редакции «Искры» и очень острые товарищеские дискуссии. Так, Ленин упрекал Плеханова в слишком абстрактной характеристике российского капитализма и некоторой недооценке уровня его развития. Плеханов же вновь требовал от Ленина смягчить критику либерализма и снять из комментария к аграрной части проекта Программы РСДРП пункт о национализации земли.

Сейчас, когда нам известны содержание более поздних дискуссий между большевиками и меньшевиками и аргументация обеих сторон, нетрудно разглядеть в «искровских» спорах 1901—1902 годов зародыши последующих разногласий. Мысль Ленина, часто еще не отлитая в четкие, законченные формулировки, уже выстраивала взаимосвязанный логический ряд: новая историческая эпоха (то, что будет позже названо эпохой империализма) — новый тип революционно-освободительного движения при ведущей роли пролетариата — новый тип пролетарской партии — новый тип демократической революции. Мысль Плеханова, напротив, вращалась вокруг традиционных представлений, характерных для ортодоксии II Интернационала. Однако применительно к этому периоду еще нельзя говорить о каком-то отходе Плеханова от революционного марксизма. Налицо была пока лишь известная боязнь новизны,

ориентация на классические схемы европейских буржуазных революций, слабое знакомство с конкретной ситуацией на родине.

Очень интересно в этом плане одно наблюдение Н. К. Крупской. «Судьба Плеханова трагична,— писала она.— В области теории его заслуги перед рабочим движением чрезвычайно велики. Но годы эмиграции не прошли для него даром: они оторвали его от русской действительности. Широкое массовое рабочее движение возникло в то время, когда он уже был за границей. Он видел представителей различных партий, писателей, студентов, даже отдельных рабочих, но русской рабочей массы он не видел, с ней не работал, ее не чувствовал... Когда мы переехали в Женеву, я пробовала показывать Плеханову корреспонденции и письма, и удивляло меня, как он на них реагировал: точно почву он под ногами терял, недоверие у него какое-то появлялось на лице, никогда не говорил он потом об этих письмах и корреспонденциях».

Длительное пребывание в эмиграции действительно сыграло в жизни Плеханова крайне отрицательную роль. Не случайно в конце 1905 года, в разгар первой российской революции, он так рвался на родину, задыхаясь в проклятом эмигрантском далеке (болезнь мешала ему тогда вернуться в Россию). Оторванность от родины можно было в определенной мере компенсировать за счет тесных связей с партийными организациями, действовавшими в самой России. Однако таких прочных связей у Плеханова не было.

Несмотря на разногласия, редакция «Искры» сумела подготовить к съезду партии согласованную платформу и вышла на него единым коллективом. На II съезде РСДРП, который — и это очень символично — поручено было открыть Плеханову, он по всем вопросам поддерживал Ленина. Его великолепный дар оратора-трибуна проявился здесь в полной мере. Огромное впечатление на делегатов произвели его выступления в поддержку книги Ленина «Что делать?» и первого параграфа ленинского проекта Устава партии, его яркая речь в защиту принципа «высший закон — благо революции». Недаром Ленин писал позже, что в это время Плеханов активно боролся с оппортунизмом меньшевиков (см. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 133, 222).

Так продолжалось до конца октября 1903 года,

когда в позиции Плеханова произошел резкий перелом. Устрашенный перспективой «гражданской войны» в партии, начатой меньшевиками, он встал сначала на позиции примиренчества, а затем перешел к открытой и вполне сознательной защите меньшевизма. Союз Плеханова с Лениным, который мог бы стать для обоих дополнительным источником силы и творческого вдохновения и принести огромную пользу революционному движению в целом, оказался разрушенным.

Сейчас, вероятно, уже нет смысла строить догадки о том, был ли тогдашний уход Плеханова от большевиков фатальной неизбежностью или он мог еще на какое-то время остаться в их рядах, занимая внутри большевизма такую же «особую позицию», какую занял в лагере меньшевиков. Так или иначе Плеханов мог при желании не раз вернуться к большевикам. Достаточно напомнить, что в конце октября 1905 года Ленин в подробном письме пригласил его сотрудничать в большевистской газете «Новая жизнь». «Я знаю прекрасно,— писал он,— что все большевики рассматривали всегда расхождение с Вами как нечто временное, вызванное исключительными обстоятельствами. Споры нет, борьба часто увлекала нас на такие шаги, заявления, выступления, которые не могли не затруднять будущего соединения, но *готовность объединиться, сознание крайней ненормальности* того, что лучшая сила русских с.-д. стоит в стороне от работы, сознание *крайней необходимости* для всего движения в Вашем руководящем, близком, непосредственном участии,— все это было у нас всегда. И мы все твердо верим, что не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра наше соединение с Вами все же состоится, несмотря на все трудности и препятствия» (Полн. собр. соч., т. 47, стр. 103—104).

Однако письмо Ленина осталось без ответа, хотя в это время Плеханов был свободен от всяких обязательств по отношению к меньшевикам, выйдя летом 1905 года из состава редакции «новой» «Искры». Когда же весной 1906 года произошло формальное объединение большевиков и меньшевиков на IV съезде РСДРП, Плеханов вновь сблизился с последними. Большевиков он критиковал за излишнюю, как ему казалось, торопливость и стремление «перескочить» через несколько ступенек революции сразу, за попытки «искусственно» соединить пролетариат с мелкой буржуазией, особенно

с крестьянством, за недооценку легальных методов борьбы, «заговорщичество», что не помешало ему после революции 1905—1907 годов на время вновь сблизиться с ними на почве борьбы с меньшевиками-ликвидаторами.

Сам Плеханов никогда не считал себя правоверным меньшевиком, да и они относились к нему с изрядной долей подозрительности. И все же их роднило глубокое убеждение в том, что социализм в «полуазиатской» России — дело далекого будущего. Общими были стремление всегда и во всем следовать проверенным европейским образцам, недооценка революционных возможностей пролетариата и особенно крестьянства, неоправданные надежды на либералов. С началом мировой войны Плеханов, как и многие другие меньшевики, перешел на позиции социал-«патриотизма».

Плеханов и меньшевики разделяли широко распространенное во II Интернационале мнение о том, что предпосылками пролетарской революции обязательно являются высокий уровень развития экономики и культуры, прочные демократические традиции, превращение рабочего класса в большинство нации.

Жизнь показала, однако, что, несмотря на возникшую в годы первой мировой войны общеевропейскую революционную ситуацию, именно высокоразвитые капиталистические страны не могли сделать того последнего шага, который отделял их от социалистической революции. Здесь сказывалось действие целого комплекса взаимосвязанных факторов: успехи государственно-монополистического регулирования экономики, широкое распространение в массах псевдопатриотических и шовинистических настроений, реформистская ориентация социал-демократического и профсоюзного руководства и т. д.

По-иному складывалась ситуация в такой средне-развитой капиталистической стране, как Россия. Доведенные до отчаяния ужасами войны, разрухой и полной неразберихой в правящих сферах, народные массы отказывались повиноваться царскому, а после его свержения — буржуазному Временному правительству.

После крушения самодержавия российские социал-демократы оказались перед выбором — «притормозить» революцию и «придержать» народ в угоду той интерпретации марксизма, которая сложилась во

II Интернационале и «запрещала» России первой вступить на путь социализма, или привести теорию в соответствие с новыми историческими условиями эпохи империализма, для которой были характерны особая неравномерность общественного развития, резкое возрастание роли субъективного фактора и повышенная «нетерпеливость» масс, не желавших ждать полного исчерпания всех потенций буржуазного строя.

Драматизм ситуации 1917 года заключался в том, что выбор между этими двумя путями предстояло делать немедленно, в условиях изнурительной войны и экономического кризиса, который быстро приглушил первую радость народа по поводу завоеванной свободы. Отсюда огромное напряжение борьбы, накал страстей, острейшая, доходящая до бешенства полемика, в которую включился и вернувшийся 31 марта 1917 года в Петроград Плеханов. Знаменательно, что одна из первых его статей, опубликованных в газете «Единство», была посвящена разбору Апрельских тезисов Ленина. Приговор Плеханова был суров: бред! Призывая к классовому сотрудничеству пролетариата и буржуазии, к полной поддержке Временного правительства, Плеханов подчеркивал: «...Русская история еще не смолола той муки, из которой будет испечен пшеничный пирог социализма» и пока она такой муки не смолола, участие буржуазии в государственном управлении необходимо в интересах самих трудящихся. Так пришел Плеханов к самому вульгарному социал-реформизму, с которым он блестяще сражался в лучший период своей революционной деятельности. Так пришел он к недостойной клевете на Ленина, назвав его несравненным мастером по части собирания под свое знамя «разнузданной чернорабочей черни».

Плеханов осудил не только Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, но и роспуск Учредительного собрания (возможность чего он теоретически признавал на II съезде РСДРП), а также заключение Брестского мира. Однако от активной борьбы с Советской властью — а такое предложение ему делалось через эсера Б. Савинкова — он наотрез отказался. Спасать Россию от России, отдавать приказы о расстрелах рабочих и крестьян, делать карьеру ценой позора и бесчестья? На это Плеханов пойти не мог.

Последние месяцы жизни он провел в маленьком са-

натории на территории Финляндии. Вновь отрезанный от родины, забытый, больной... Похороны его в июне 1918 года в Петрограде были превращены меньшевиками и буржуазной интеллигенцией в антисоветскую демонстрацию, в которой большевики не участвовали. Однако они воздали должное Плеханову-марксисту. 4 июня участники объединенного заседания ВЦИК, Моссовета, профессиональных и рабочих организаций Москвы, в котором участвовал В. И. Ленин, почтили память Плеханова минутой молчания. Краткую речь произнес Л. Д. Троцкий. В «Правде» был опубликован некролог, написанный Г. Е. Зиновьевым. А 9 июня петроградские большевики собрались на торжественно-траурное заседание, созванное Петросоветом. Здесь выступали Зиновьев, Луначарский, Калинин, Рязанов и другие.

Проникновенно звучали слова М. И. Калинина, который начинал свой путь в революцию в конце прошлого века, когда авторитет Плеханова-марксиста был необычайно велик. «В период беспросветной реакции, во времена, когда рядовому рабочему с большим трудом и страшными усилиями приходилось приобретать даже первоначальную грамотность, в рабочих кругах уже вращались подпольные издания, принадлежавшие перу Георгия Валентиновича. Эти произведения открывали новый мир рабочему классу, они звали его на борьбу за лучшее будущее, они учили в ясной, простой, для всех доступной форме основам марксизма... Чем являлся Н. Г. Чернышевский для русских разночинцев шестидесятых годов, тем же служил и Георгий Валентинович для рабочего класса нашего поколения...», — говорил Калинин.

Многолетний отрыв от родины, рабочего класса, пролетарской партии обессилили Плеханова-политика. Глубоко осмыслить закономерности развития эпохи империализма и антиимпериалистических революций с ее сложными, противоречивыми тенденциями, нарушением привычного порядка движения отдельных стран и народов вперед, обилием промежуточных этапов и переходных форм Плеханов уже не смог. Характерный штрих: в то время как Ленин создавал научную теорию империализма, ставшую основой революционной стратегии и тактики большевистской партии, Плеханов посвятил почти все последнее десятилетие своей жизни много-

томному труду по истории русской общественной мысли начиная со времен Киевской Руси. И, отдавая сегодня должное этому поистине грандиозному научному замыслу, невольно ловишь себя на мысли, что перед нами уже не политический лидер, а ученый, живший не в преддверии пролетарской революции, а где-то в далеком-далеком прошлом.

Не приходится удивляться и стремительному падению популярности Плеханова в рабочих массах и в среде революционной интеллигенции. Если Ленин пришел в Октябрь вождем 350-тысячной пролетарской партии, то Плеханов в 1917 году опирался лишь на горстку меньшевиков-оборонцев из группы «Единство». Дальнейшее развитие марксизма было связано с именем Ленина — ученика Маркса, Энгельса, а в годы зарождения российской социал-демократии и Плеханова. Но лучшее из того, что создал Плеханов, навсегда останется неотъемлемой частью великой революционной теории, преобразующей мир.

Плеханов дорог нам своей страстной защитой марксизма (он называл его *«высшею социальной истиной нашего времени»*), борьбой за интересы рабочего класса, за социализм. И о революционере Плеханове, о Плеханове-марксисте коммунисты всегда будут с уважением говорить: *наш Плеханов*.

Светлое имя — Надежда

Высокая, тоненькая девушка с прекрасным лицом, стремительная, целеустремленная... Такой запечатлена она скульптором Е. Ф. Белашовой. И именно такой представляется мне она в юности.

Но знала я ее совсем другой — милой, доброй тетей Надей, с тихим грудным голосом, внимательным взглядом серых глаз, обаятельной улыбкой...

Надежда Константиновна Крупская родилась 26 февраля 1869 г. в Петербурге в небогатой семье военного. Отец ее был связан с революционерами. После его смерти юная Надя с 14 лет стала давать уроки.

Окончив гимназию с золотой медалью и получив специальную педагогическую подготовку, Надя мечтала о том, чтобы стать учительницей в школе, но никак не могла найти место. Она начинает работать в гимназии в качестве домашней наставницы. Педагогический совет гимназии выдал ей любопытное удостоверение: «Домашняя наставница Надежда Крупская в течение двух лет занималась по вечерам с десятью ученицами... Успехи ее учениц свидетельствуют о выдающихся педагогических способностях ее, основательности ее познаний и крайне добросовестном отношении к делу».

В двадцать лет Крупская впервые узнала имена К. Маркса и Ф. Энгельса, начала изучать «Капитал» в марксистском студенческом кружке. «У меня открылись глаза,— писала она.— Я поняла, что изменить жизнь может только рабочее революционное движение, что для того, чтобы быть полезной, нужной, надо отдавать все свои силы рабочему делу».

В феврале 1894 года в жизни Надежды Крупской произошло событие, которое озарило всю ее жизнь: она познакомилась с молодым марксистом Владимиром Ульяновым. Общие интересы и стремления, революционная деятельность, любовь и дружба сыграли в жизни Надежды огромную роль. С этих пор они всегда вместе, всегда рядом. Оба — члены Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В декабре 1895 года Владимир Ильич был арестован. Надежда Константиновна все время до своего ареста поддерживала с ним связь, познакомилась с его родными — матерью Марией Александровной, сестрами Аней и Маняшей, братом Митей.

В 1897 году Владимир Ильич был сослан в Сибирь, а Надежда Константиновна должна была отбывать ссылку в Уфе. Владимир Ильич посылает прошение в Департамент полиции, чтобы Н. К. Крупской разрешили отбывать ссылку тоже в Шушенском, так как они решили соединить свои судьбы. Надежда Константиновна тоже подает прошение. Разрешение было получено. В 1898 году Н. К. Крупская вместе с матерью приезжает в Шушенское. Наконец-то они снова встретились!

Владимир Ильич написал матери: «Н. К., как ты знаешь, поставили трагикомическое условие: если не вступит немедленно (sic!) в брак, то назад в Уфу. Я вовсе не расположен допускать сие, и потому мы уже начинаем «хлопоты» (главным образом прошения о выдаче документов, без которых нельзя венчать), чтобы успеть обвенчаться до поста...» (Полн. собр. соч., т. 55, с. 89).

Здесь, в Шушенском, Надежда Константиновна по совету Владимира Ильича написала первую свою брошюру «Женщина-работница».

Пролетели два года ссылки. Из Сибири Владимир Ильич возвращался вместе с Надеждой Константиновной и ее матерью. Они заехали в Уфу, так как срок ссылки Надежды Константиновны еще не окончился. Устроив ее, В. И. Ленин уехал в Москву, а вскоре за границу: у него давно уже созрел план создания русской революционной газеты «Искра».

В апреле 1901 года Н. К. Крупская приезжает в Мюнхен, где с нетерпением ждет ее Владимир Ильич. Да и партийная работа тоже ждет — Крупская становится секретарем редакции «Искры», ведет конспиративную переписку с революционными организациями России. «Искра» обеспокоила царскую полицию. На след типографии напали заграничные агенты, поэтому было решено перенести издание газеты в другую страну. В 1902 году Владимир Ильич и Надежда Константиновна переезжают в Лондон. «Когда приехали в Лондон,— вспоминала Надежда Константиновна,— оказалось — ни мы ни черта не понимаем, ни нас никто не понимает. Попадали мы вначале в прекоичные положения. Владимира Ильича это забавляло, но в то же время задевало за живое». Он дает в лондонском еженедельнике объявление: «Русский доктор прав и его жена хотели бы брать уроки английского языка у англичанина (или

англичанки) в обмен на уроки русского языка». Вскоре у Ульяновых появилось три учителя и одновременно три ученика. Метод обменных уроков, применявшийся В. И. Лениным при изучении других языков, помог овладеть английским в совершенстве.

После Лондона — Женева, II съезд РСДРП, активной участницей которого была Надежда Константиновна.

Поздней осенью 1905 года Крупская возвращается в родной Петербург. В. И. Ленин вернулся раньше. И снова она загружена нелегальной партийной работой — стала секретарем ЦК РСДРП. И снова за нею слежка полиции, негласный полицейский надзор. Ульяновым приходится жить раздельно, постоянно менять квартиры. Все собрания, встречи, явки строго конспирированы.

Наступили тяжелые годы столыпинской реакции, годы жесточайших репрессий, направленных против революционного движения, против рабочих и крестьян. Россияне — большевики, меньшевики, эсеры — вновь перебирались за границу.

Н. К. Крупская и В. И. Ленин тоже вынуждены уехать. Сначала Швейцария, затем Франция, Польша, снова Швейцария... Надежда Константиновна была секретарем Большевицкого центра, восстанавливала связи Ленина с большевистскими организациями на родине.

В наши дни многие женщины с интересом читают «Работницу». Но все ли знают, что создателем этого журнала в 1914 году была Надежда Константиновна? Журнал издавался в России легально: в его редакцию вошли известные коммунистки — Н. К. Крупская (редактор), И. Ф. Арманд и Л. Н. Сталь — за границей, А. И. Ульянова-Елизарова, К. Н. Самойлова и др. — в России.

Н. К. Крупская проводила большую работу по сплочению женщин-работниц. В январе 1915 года Надежда Константиновна писала от имени заграничной части редакции «Работницы»: «В среде этой редакции некоторое время тому назад возникла мысль... созвать Международную конференцию женщин-социалисток для обсуждения ряда неотложных вопросов женского интернационального рабочего движения». Вместе с И. Арманд Крупская активно вела подготовку конференции, кото-

рая состоялась в Берне в начале 1915 года. В ней участвовали представительницы социал-демократических партий Европы.

Кроме партийной работы, Надежда Константиновна очень много времени уделяла педагогике и внесла заметный вклад в эту науку. Владимир Ильич писал сестре из Берна, что Надежда Константиновна занимается в педагогической библиотеке, пишет большую книгу. План ее она обсуждала с В. И. Лениным. В 1915 году книга «Народное образование и демократия» была закончена.

Во время первой мировой войны материальное положение Ульяновых ухудшилось. «У нас скоро прекращаются все старые источники существования,— пишет Н. К. Крупская в Москву Марии Ильиничне,— и вопрос о заработке встает довольно остро. Тут найти что-либо трудно. Обещали мне урок, но дело все как-то тянется, обещали переписку — тоже ни черта... Надо думать о литературном заработке. Не хочется мне, чтобы эта сторона дела падала целиком на Володю. Он и так много работает. Вопрос же о заработке его порядком беспокоит.

Так вот я хотела о чем попросить тебя. Я последнее время очень много занималась педагогикой вообще и историей педагогики в частности, так что подкована в этой области недурно. Написала даже целую брошюру «Народная школа и демократия». Первая ее часть уже готова, называется: «Роль производительного труда в деле народного образования». Листов 6—7. Кажется мне, вышло довольно интересно. Вот я и хотела попросить тебя поискать издателя. Рукопись могу прислать по первому требованию...»

А в феврале 1916 года Владимир Ильич обращается к А. М. Горькому: «Многоуважаемый Алексей Максимович! Посылаю Вам заказной бандеролью брошюру моей жены «Народное образование и демократия».

Автор занимается педагогикой давно, более 20 лет. И в брошюре собраны как личные наблюдения, так и материалы о новой школе Европы и Америки. Из оглавления Вы увидите, что дан также, в первой половине, очерк истории демократических взглядов. Это тоже очень важно, ибо обычно взгляды великих демократов прошлого излагают неверно или с неверной точки зрения...

Вы очень обяжете меня, если поспособствуете — прямо или косвенно — изданию этой брошюры...» (т. 49, с. 182—183).

Однако при всем старании Горького книга Крупской «Народное образование и демократия» вышла из печати только в 1917 году.

Вообще за годы эмиграции Н. К. Крупской было написано более 30 статей, они были опубликованы в нелегальной и легальной партийной и педагогической прессе в России и за рубежом.

В начале марта 1917 года В. И. Ленин и Н. К. Крупская узнают из газет, что в России произошла буржуазно-демократическая революция. Надежда Константиновна пишет большевику В. М. Каспарову: «С трудом соображаю сегодня из-за телеграммы, взбудоражившей всех заграничных россиян: о победе революции в России...»

Вечером 3 апреля 1917 года В. И. Ленин и Н. К. Крупская были уже в Петрограде. «Тот, кто не пережил революции,— писала позднее Крупская,— не представляет себе ее величественной, торжественной красоты. Красные знамена, почетный караул из кронштадтских моряков, рефлекторы Петропавловской крепости, освещающие путь от Финляндского вокзала к дому Кшесинской, броневики, цепь из рабочих и работниц, охраняющих путь».

В Петрограде Н. К. Крупская активно включилась в работу Секретариата ЦК партии. Она выступает пропагандистом на собраниях рабочих и в печати.

В 1918 году Советское правительство переехало в Москву. Надежда Константиновна вместе с Владимиром Ильичем и М. И. Ульяновой живут в небольшой квартире в Кремле. Крупская занимается народным просвещением, принимает энергичное участие в ликвидации безграмотности.

Когда тяжело заболел Владимир Ильич, Надежда Константиновна все время была около него. Врачи предписывают Ленину отдых и покой, и она делает все возможное, чтобы оградить его от тревог, чтобы облегчить состояние вождя революции, состояние любимого человека. Полосы надежды сменяются у нее полосами тревоги. Но Надежда Константиновна старается держаться бодро, чтобы как-то подбодрить и Ленина. Только в письмах к друзьям она откровенна. «За по-

следние две недели выздоровление Владимира Ильича пошло на улучшение...», — пишет она А. В. Луначарскому. Из письма к дочери И. Ф. Арманд Инне: «У нас поправка продолжается, хотя все это идет чертовски медленно. У Володи выдержка громадная, старается скрыть от всех, как ему тяжело».

Крупская так надеется на улучшение здоровья Владимира Ильича. Из письма к Варе Арманд: «У нас дела ничего себе, хотя временами кажется, что только обманываешь себя. Во всяком случае, все движется гораздо медленнее, чем хотелось бы...»

В. И. Ленин был тяжело болен, но до последней минуты он сохранил ясный светлый ум. Сознывая свое тяжелое положение, Ильич настоял на том, чтобы ему разрешили диктовать стенографистке важный материал, именуемый теперь его «Политическим завещанием». Предупредил стенографистку — все, что он диктует, является абсолютно секретным. Вскрыть пакеты может лишь он сам, а после его смерти — только Н. К. Крупская.

После кончины Владимира Ильича, перед открытием XIII съезда РКП(б), 18 мая 1924 года, Надежда Константиновна передала Центральному Комитету партии ленинские документы. «Владимир Ильич,— писала Крупская в протоколе при передаче ленинских документов,— выражал твердое желание, чтобы эта его запись после его смерти была доведена до сведения очередного партийного съезда».

Надежда Константиновна выполнила последнюю волю Владимира Ильича Ленина.

Вскоре после смерти Владимира Ильича Н. К. Крупская начала писать о нем воспоминания. Они охватывают 25-летний период жизни Ленина — с 1893 по 1919 год. Отдельно она рассказала о жизни В. И. Ленина в 1923 году.

С 1929 года и до конца дней своих Надежда Константиновна работала заместителем наркома просвещения РСФСР. Будучи государственным и партийным деятелем, она написала статьи, имеющие значение и в наши дни. В частности, большой интерес представляет работа Крупской «Количественный и качественный учет», увидавшая свет только в прошлом году (газета «Вечерняя Москва», 11 ноября 1988 г.). Статья удивительно актуальна. Кажется, будто она говорит не из

далекого 1926 года, а сейчас, во время перестройки.

Велико педагогическое наследие Надежды Константиновны. АН СССР избрала ее почетным академиком.

Летом 1937 года Надежду Константиновну постигло неожиданное горе — умерла Мария Ильинична Ульянова, самый близкий ее друг. Познакомились они еще в Петербурге — две юные девушки Надя и Маняша. И пронесли свою дружбу через всю жизнь.

Они очень заботились друг о друге. Мария Ильинична старалась убедить Надежду Константиновну хоть понемногу отдыхать. Изредка они вдвоем ездили в Крым, но Надежда Константиновна не любила подолгу отдыхать. Она решалась на такие поездки ради Марии Ильиничны. Иногда они ездили в Дом отдыха старых большевиков Архангельское, но чаще — в Горки. Тетя Надя любила Горки — там все было связано с Владимиром Ильичем. Сколько я помню Горки, комната Владимира Ильича всегда была заперта на ключ, в ней все осталось так, как было в траурный день 21 января. Заходили туда сестры и брат В. И. Ленина, и всегда — Надежда Константиновна... Когда бы мне ни приходилось заглянуть к ней в комнату, она всегда сидела за письменным столом, погруженная в свои дела. Мне она всегда радовалась, усаживала рядом с собой, угощала конфетами. Мы с ней иногда подолгу разговаривали: она советовала, что лучше прочесть из книг, интересовалась моими детскими делами. Так же бывало и в Москве; тетя Надя расспрашивала меня о школе: «Ну как там ваш МОПШК поживает?» Именно она посоветовала моим родителям отдать меня в Московскую опытно-показательную школу-коммуна имени Лепешинского, школу, которую создала она.

Надежда Константиновна вставала обычно очень рано, часов в 5 утра. Ходила тихо, чтобы не разбудить Марию Ильиничну и Полю — заботливую добрую женщину, помогавшую им по хозяйству в кремлевской квартире. Когда я как-то спросила, почему она встает так рано, тетя Надя ответила, что утром ей легко работать, никто не мешает, и она успевает за 2—3 часа многое сделать. Надежда Константиновна старалась и вечером, после работы, присесть хоть ненадолго за письменный стол.

Печальная сидела Надежда Константиновна у гроба М. И. Ульяновой в Колонном зале Дома союзов, где

13 лет тому назад прощалась с Владимиром Ильичем. Тогда, в январе 1924 года, рядом с ней были Маняша, Дмитрий Ильич, Анна Ильинична. Теперь рядом был только Дмитрий Ильич, глубоко переживавший, как и она, смерть сестры.

В день смерти Марии Ильиничны Н. К. Крупская написала письмо моему отцу: «Дорогой, родной Дмитрий Ильич! Умерла наша Маняша. Не звонила вам потому, что было очень уж тяжело, да и врачи, по обыкновению, говорили по-разному...

Теперь надо составить ее биографию, собрать все воспоминания, составить сборник. Без Вас этого нельзя сделать. Вы лучше всех, ближе всех ее знаете. Глубокая партийка, она отдавала себя всю работе, всю без остатка. Надо сохранить для истории ее образ, ее облик.

Надо все собрать; на Вас ложится сейчас большая задача. Поговорим об этом деле с Вами при свидании.

Крепко Вас обнимаю. Берегите себя. Ваша Н. К.»

По-прежнему, когда у тети Нади выдаются редкие минуты отдыха, она ездит в Горки. Часто беседует с моим отцом где-нибудь в парке, в тенистом месте. Иногда зовет меня к себе, но чаще занята работой, которой у нее всегда очень много.

Вечером 23 февраля 1939 года Н. К. Крупская поехала за город в Архангельское, а на следующий день туда приехали Г. М. и З. П. Кржижановские, Д. И. Ульянов, Феликс Кон, Л. Р. Менжинская. Надежда Константиновна радовалась, что рядом были старые друзья. Все были веселы, вспоминали о минувших днях, говорили о ее предстоящем юбилее...

Вдруг Надежда Константиновна почувствовала себя очень плохо. Ее отвезли в Кремлевскую больницу. 25 февраля она почти все время находилась в бессознательном состоянии, пришла в себя только к вечеру. Отец был у нее в больнице. Он сказал маме и мне, чтобы мы пошли проститься с ней. Это было, помнится, 26 февраля. Некоторое время мы ждали у ее палаты, наконец оттуда вышел врач и сказал: «Зайдите к ней. Надежда Константиновна хочет вас видеть». Но присутствовавшая здесь же секретарь Крупской В. С. Дридзе не допустила нас с мамой проститься с Надеждой Константиновной.

Надежда Константиновна была избрана делегатом

XVIII съезда ВКП(б) (кроме I и V, она была делегатом всех съездов партии), готовилась к нему, хотела выступить...

До последнего дня своей жизни Крупская обладала огромной трудоспособностью, энергией, удивительно умелой организацией своего труда. К такой работе она приучила себя за долгие годы, проведенные рядом с В. И. Лениным.

Обдумывая жизнь тети Нади, мне все больше раскрывается глубина и неординарность ее природы, широкий диапазон ее знаний. Ее ум, такт, проницательность, сила воли и в то же время мягкость и чуткость привлекали к ней людей. И еще — она умела слушать собеседника.

Память о светлом человеке, друге, жене, соратнике В. И. Ленина — Надежде Константиновне Крупской — живет в сердцах миллионов людей. Память о ней — это ее искренние, подробные и удивительно правдивые воспоминания о В. И. Ленине; это и Московский педагогический институт, носящий ее имя, и белоснежный теплоход «Надежда Крупская» на Балтике. Память о ней — это и малая планета, носящая имя «Надежда».

Правда. 1989. 24 февр.

Ян Эрнестович Рудзутак

В хмурый январский день 1907 года в Виндаве (Вентспилсе) появился красивый русоволосый юноша в форме курсанта рижского мореходного училища. Он поселился на тихой Гольдингенской улице. Моряк ни у кого не вызывал подозрений. Жандармам не могло и в голову прийти, что этот на вид беспечный и общительный парень — «опасный политический преступник» Ян Рудзутак, за которым они так долго охотились.

В Виндаве, куда Рудзутак приехал по заданию партии восстановить ее разгромленную организацию, он быстро связался с уцелевшими подпольщиками. Вскоре сюда пошли под видом торговых грузов оружие, нелегальная литература. Снова стали действовать рабочие кружки. Все это встревожило охранку. В Виндаву прибыл сам начальник Курляндского губернского жандармского управления генерал Астафьев. Царские ищейки напали на след подпольщиков, были проведены массовые аресты. В Петербург полетела депеша о том, что наконец выловлен «Виндавский комитет и его главный руководитель Ян Рудзутак».

Ян Эрнестович Рудзутак родился 15 августа 1887 года в семье батрака на латышском хуторе Цауни. С раннего детства помогал дома по хозяйству, а когда подрос, пошел в пастухи к «серому барону» — кулаку. Мальчику хотелось учиться. Он любил читать книги, овладел русским языком. Но отец сказал: «Янис, сынок, гимназии не для бедняков. Наше дело батрачить». И закончилось образование Яна двумя классами волостного училища.

В поисках лучшей доли он решает податься в город. В Риге — крупном пролетарском центре — и началась его политическая деятельность. Здесь в 1905 году Рудзутак вступил в большевистскую партию. На инструментальном заводе «Отто Эрбе», где он работал, действовала хорошо законспирированная социал-демократическая организация. По ее заданию Ян распространя-

ет прокламации, впервые участвует в стачке, выступает на митинге.

Понимая недостаток своего образования, он изучает марксистскую литературу, работы В. И. Ленина. Молодой революционер, которому только два года удалось посещать школу, напряжением ума и воли становится образованным марксистом. Либих — так Рудзутака называли в подполье — вошел вскоре в Рижский комитет РСДРП(б). Товарищи высоко ценят его собранность, твердость убеждений, личную смелость. Не дрогнул он, и когда оказался один перед сворой жандармов, ворвавшихся ночью в его виндавскую квартиру.

На военном суде, состоявшемся в ноябре 1909 года, Рудзутаку было предъявлено обвинительное заключение, грозившее смертной казнью. Учитывая молодость подсудимого, суд приговорил его к 10 годам каторги. Яну не было и двадцати, когда двери тюремной камеры захлопнулись за ним на долгие годы. В каких только тюрьмах он не перебивал: Виндавская, Либавская, Миттавская, Рижская и, наконец, Бутырская каторжная. В Музее революции Латвийской ССР хранятся словари, по которым Рудзутак изучал в тюрьмах иностранные языки. Он продолжает изучать марксистскую литературу, углубляя свои теоретические знания и оттачивая политические убеждения. Годы испытаний закалили волю Рудзутака, сделали его непримиримым к любому отступничеству.

Первое марта 1917 года. Где-то далеко за стенами тюрьмы слышатся выстрелы. К пяти часам вечера поток ликующих людей залил все вокруг Бутырок. Какие тюремные ворота могут выдержать натиск восставшего народа!

— Выходите, товарищи! Да здравствует революция!

Сразу же Рудзутак получает первое партийное задание — становится инструктором Московского Совета рабочих депутатов, а затем Московского областного бюро Советов. Нужно было развернуть работу среди текстильщиков Центрального промышленного района. Щелково и Лосиное, Кольчугино и Ярославль, Киржач и Филипповское — от поселка к поселку, от города к городу в живом общении с рабочими, солдатами, крестьянами разъяснял неутомимый инструктор задачи, которые поставила партия большевиков.

Вскоре Рудзутак избирается секретарем правления

профсоюза текстильщиков Московской области, а затем и секретарем временного Всероссийского центрального совета этого крупнейшего в стране профсоюза. Принимает активное участие в вооруженном восстании и установлении Советской власти в Москве.

После Октябрьской революции Я. Э. Рудзутак с головой ушел в хозяйственные вопросы. В годы гражданской войны он был одним из тех, кто упорной работой ковал победу в тылу. В его руках были сосредоточены заботы об одежде, топливе, транспорте, продовольствии. Для молодой Республики Советов, для Красной Армии, для победы революции это было жизненно необходимо.

С января 1918 года Ян Эрнестович возглавляет профсоюз текстильщиков, становится членом исполкома ВЦСПС. В мае 1918 года партия направила его на работу в Высший совет народного хозяйства (ВСНХ). Ему, члену Президиума, поручили руководство текстильной промышленностью. На заседании Президиума ВСНХ в Кремле 23 мая 1918 года Рудзутак знакомится с В. И. Лениным.

К середине 1918 года большие запасы тканей еще оставались в собственности текстильных фабрикантов. Чтобы выбить этот экономический рычаг из их рук, Советское правительство предполагало закупить ткани в кратчайшие сроки у частных владельцев. Но капиталисты открыто саботировали это решение. Президиум ВСНХ поручил разобраться с этим делом Рудзутаку. Он предложил вместо закупки начать реквизицию тканей. Президиум ВСНХ поддержал его предложение и поставил об этом в известность Ленина. Совнарком утвердил постановление о реквизиции тканей. В течение двух недель рабочие заняли около двух тысяч складов, огромные запасы тканей стоимостью 2,5 миллиарда рублей стали народным достоянием.

1919 год. Центры страны отрезаны от районов, поставляющих хлеб, уголь, нефть. Многие железные дороги перерезаны врагами. Волга остается основной артерией, питающей центр страны. Рудзутак в это время был назначен председателем Верховной коллегии главного управления водного транспорта ВСНХ (Главвод). В середине 1919 года он становится постоянным участником заседаний Совета Рабочей и Крестьянской Обороны.

В начале 1920 года IX съезд РКП(б) избрал Рудзутака членом ЦК. Он не прерывал и работы в профсоюзах, будучи с 1918 года членом исполкома, а затем Президиума ВЦСПС. Он решительно выступил против линии Троцкого на «перетряхивание» профсоюзов, «завинчивание» гаек, против его попыток превратить профсоюзы в солдатскую казарму. V Всероссийская конференция профсоюзов одобрила и утвердила тезисы Рудзутака, выступившего на ней с докладом. Они были пронизаны ленинскими идеями вовлечения трудящихся в социалистическое строительство путем расширения демократии. 30 декабря 1920 года на соединенном заседании делегатов VIII съезда Советов, членов ВЦСПС и МГСПС — членов РКП(б), Ленин в своей речи полностью привел текст тезисов и подчеркнул: «Вот это — платформа, она во сто раз лучше и того, что написал т. Троцкий, много раз обдумав, и того, что написал т. Бухарин... совершенно не обдумав» (Полн. собр. соч., т. 42, с. 224). Ленин призывал не выдумывать различные платформы, а работать на основе одобренных партией и профсоюзами тезисов Рудзутака.

Победа ленинской линии в профсоюзной дискуссии стала частью стратегического поворота от политики «военного коммунизма» с его жесткой централизацией управления страной и методами боевых приказов к новой экономической политике.

Рудзутак полностью принял и поддержал нэп, проявив политическую смелость, дальновидность и принципиальность.

10 апреля 1922 года во дворце Сан-Джорджо открылась генуэзская конференция. В переполненный зал вошла группа советских делегатов. Среди них был генеральный секретарь ВЦСПС и член президиума ВЦИК Я. Э. Рудзутак. Советская делегация, которую возглавлял Г. В. Чичерин, упорно боролась за устранение угрозы войны, мирное сосуществование и сотрудничество.

В ходе переговоров у членов советской делегации были разные точки зрения по поводу требования капиталистических держав вернуть собственность иностранцам — бывшим владельцам предприятий в России. Рудзутак выступил против серьезных уступок по этому вопросу. В. И. Ленин его поддержал. Трем членам

делегации было предложено выехать в Москву со всеми материалами для доклада на сессии ВЦИК.

12 мая в Москве проходило совещание коммунистов — участников III сессии ВЦИК IX созыва.

М. И. Калинин сообщил, что из Генуи прибыл Рудзутак. Когда он появился на трибуне, кто-то в шутку спросил: «Почему же без фрака, как положено дипломату?» Рудзутак ответил в таком же шутовском тоне: «Фраки все заложены в погашение довоенных долгов». За этой шуткой стоял немалый драматизм событий в Генуе. Рудзутак доложил о том, как советская делегация претворяла в жизнь ленинскую программу. А через несколько дней Пленум ЦК партии обсудил его доклад и одобрил деятельность советской делегации в Генуе.

Одним из самых ответственных и сложных политических заданий, которые Рудзутак получал при жизни В. И. Ленина, была его работа в Средней Азии, продолжавшаяся с перерывами пять лет — с октября 1919-го по октябрь 1924 года. За это время он был членом Турккомиссии ВЦИК и СНК, председателем этой комиссии и, наконец, возглавлял Среднеазиатское бюро ЦК РКП(б). Ему приходилось работать в очень сложных условиях, сталкиваясь и с великодержавным шовинизмом, унижением достоинства народов края, и с местным национализмом, стремлением разграничить партийные организации по национальному признаку. Зачастую возникали группировки, завязывались ссоры, причиной которых нередко были пережитки родо-племенных отношений. Рудзутак решительно выступил против попыток образовать «тюркскую республику» и «тюркскую компартию». Ему пришлось решать ряд сложных и спорных вопросов в ходе проведения земельно-водной реформы. В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится его письмо членам Политбюро с многочисленными пометками В. И. Ленина. Основной задачей реформы, писал Рудзутак, было сломить установившийся взгляд части русских переселенцев, что хозяйственные интересы местного населения подчинены их интересам; нужно было установить национальное равноправие в хозяйственной области.

В период работы Яна Эрнестовича в Средней Азии

здесь было успешно проведено национально-государственное размежевание. Под его руководством комиссия Средазбюро выработала проект о территориях и границах Туркменской и Узбекской республик, Таджикской и Киргизской автономных областей, который одобрил Пленум ЦК РКП(б). Ленинская национальная политика одержала еще одну победу.

На XII съезде партии в 1923 году Рудзутак был избран кандидатом в члены Политбюро и секретарем ЦК РКП(б). А в начале 1924 года возглавил Народный комиссариат путей сообщения. Уже с первых дней работы на этом посту он сконцентрировал внимание на реконструкции и модернизации железнодорожного и водного транспорта. Он сразу же оценил, например, преимущества тепловозов. В феврале 1925 года успешно прошло испытание отечественного тепловоза.

В 1926 году Рудзутак был назначен заместителем председателя Совнаркома. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК в июле того же года избрал его членом Политбюро. Входя в руководящее ядро партии, он участвовал в решении стратегических задач строительства социализма в нашей стране. В 1926 году возглавил комиссию по организации долгосрочного финансирования промышленности. В июне 1927 года под его председательством Совнарком обсуждал доклад С. Г. Струмилина о подготовке первого пятилетнего плана. В декабре 1927 года XV съезд партии принял директивы по составлению пятилетнего плана. Выступая после съезда на собрании актива Московской партийной организации, Рудзутак подчеркнул необходимость поставить во главу угла металлургию и машиностроение. Только при этом условии, говорил он, если мы сами будем производить средства производства, мы постепенно ослабим, а затем и совершенно уничтожим нашу зависимость от капиталистических стран.

Отрицая возможность построения социализма в условиях капиталистического окружения, Л. Д. Троцкий и троцкисты заняли капитулянтскую позицию. С ними выступила в блоке «новая оппозиция» во главе с Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым. Ее лидеры вновь и вновь навязывали партии дискуссию, рассчитывая на раскол партийных рядов. Но в конечном

итоге партия высказалась за линию ЦК, против оппозиции. Немаловажную роль в ее разгроме сыграл и Рудзутак.

С 1931 года Рудзутак — председатель ЦКК ВКП(б) и нарком РКИ СССР. Его речи, доклады того времени и сегодня звучат актуально. «Судить о нашей работе,— говорил Рудзутак на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК в 1933 году,— мы должны по тем результатам, которые мы получаем на фабриках, заводах, железных дорогах, совхозах и колхозах. Иначе мы будем болтунами, а не бойцами-коммунистами».

Демократические принципы работы ЦКК — РКИ с опорой на массы все более расходились с административно-волюнтаристскими методами руководства страной. В 1934 году на XVII съезде партии ЦКК — РКИ была под видом реорганизации ликвидирована. Серьезная преграда, которая могла бы оказаться на пути формирования сталинского всевластия, оказалась разрушенной. После съезда Рудзутак был избран не членом, а кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), хотя остался заместителем председателя Совнаркома.

Наступил трагический 1937 год. 24 мая в выходной день Рудзутак находился на даче под Москвой. Читая за завтраком газеты, увидел приветствие Советского правительства полярникам — участникам экспедиции на Северный полюс. Его подписи там не было.

«Странно, ведь я его подписывал,— заметил Рудзутак.— Всегда газетчики путают...» А вечером Яна Эрнестовича арестовали.

В тот день, когда Рудзутака доставили во внутреннюю тюрьму НКВД, Сталин направил членам ЦК сообщение, что Рудзутак является участником антисоветского троцкистско-правого заговорщического блока, шпионом фашистской Германии, и Политбюро ставит на голосование вопрос о его исключении из партии и передаче дела в НКВД. Не собирая Пленума, опросным путем, попирая Устав партии, Сталин добился утверждения этого решения. По существу, он подписал соратнику Ленина смертный приговор, объявив Рудзутака без суда и следствия предателем и врагом народа на основании фантастических обвинений. После XX съезда КПСС Я. Э. Рудзутак был полностью реабилитирован.

«В благодарной памяти советских людей,— говорится в Обращении ЦК партии в связи с 70-летием Великого Октября,— вечно будут жить революционеры-ленинцы, сподвижники Ильича, которые заложили героические традиции большевизма и сквозь все невзгоды и испытания пронесли непоколебимую верность коммунистическим идеалам». Среди них и имя Яна Эрнестовича Рудзутака.

Агитатор. 1988. № 8.

Александр Косарев

«Замечательный большевик, руководитель ленинского стиля» — так отозвалась Е. Д. Стасова об Александре Васильевиче Косареве — генеральном секретаре ЦК ВЛКСМ в 1929—1938 годах.

Столь лестный отзыв ветерана партии и революции, много лет бок о бок проработавшей рядом с В. И. Лениным и по натуре своей далеко не склонной к сентиментальной расточительности высоких аттестаций, А. В. Косарев заслужил справедливо. Прожил Александр Косарев хотя и мало (жизнь его была жестоко и несправедливо оборвана в самом ее расцвете — в неполные 36 лет), но чисто и честно — в борьбе за идеалы Коммунистической партии, революционное воспитание молодежи.

Родился он в 1903 году на Благуше — пролетарской окраине Москвы (ныне это часть Первомайского района столицы), в бедной и многодетной рабочей семье. В ряды пролетариата Саша вступил десяти лет отроду (после окончания церковно-приходской школы) и сразу же познал всю тяжесть капиталистической эксплуатации на трикотажной фабрике компании «Рихард — Симон». Смысленный и непоседливый подросток рано потянулся к взрослым рабочим, внимательно вслушивался в их разговоры о стачках и пролетарской солидарности. Когда же на фабрике стали собирать средства на большевистскую газету «Правда», Саша, не колеблясь, внес в фонд газеты свой трудовой пятак.

В годы войны и бурные дни Февральской буржуазно-демократической революции происходило дальнейшее становление классового самосознания Александра Косарева. Он член Союза рабочей молодежи «III Интернационал» и активный пропагандист большевистских призывов среди благушенских ребят.

Великий Октябрь побудил подростка к еще более активным действиям. У него все больше проявлялись

организаторские способности. «Он был удивительный самородок,— скажут потом товарищи о Косареве.— ...Революция, партия подняли Сашу, богато наделенного природой политическим талантом вожака».

Наступили времена, определившие жизненную судьбу юноши,— 17 ноября 1918 года Александр Косарев стал членом Российского Коммунистического Союза Молодежи и вскоре перешел на освобожденную работу в РКСМ. Отныне вся его жизнь — вся до конца, без единого перерыва ни на один день, да что день! — без перерыва на час,— оказалась крепко связанной с детищем Коммунистической партии — комсомолом.

В дни Партийной недели в Москве пятнадцатилетний Александр Косарев вступил в члены Коммунистической партии. Энергичный вожак молодежи просил задания потруднее, буквально рвался на передний край классовой борьбы: по тревоге шел в облавы на дезертиров, на ликвидацию саботажей, охрану железнодорожных складов, заготовку топлива. С завистью смотрел на друзей, отправлявшихся на фронт. Косарева не отпускали: «ростом мал и возрастом не вышел». Но надо было знать горячий характер Александра, чтобы понять его поступок. Осенью 1919 года Саша тайком от райкома партии удрал с воинским эшелоном защищать красный Питер от полчищ Юденича.

...Военная опасность, нависшая над городом, миновала, и Косарева, демобилизованного воина сводно-боевого отряда, Петроградский губком комсомола направил в районную политшколу — учиться мастерству политической работы. Постигать науки с отрывом от работы Саше после этого больше не пришлось. Спустя четыре года он напишет заявление с просьбой направить его на учебу в Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова, но бурная жизнь двадцатых годов внесет в планы комсомольского вожака свои коррективы. «Его университетами» будут ночные бдения над книгами, непрерывный процесс самообразования.

В Москву Косарев вернулся только в 1922 году и сразу же с головой окунулся в дела столичной комсомольной организации. Ему доверили руководство крупнейшей комсомольской организацией — Бауманского района столицы. Иной раз читаешь строки его автобиографии и диву даешься: до чего же быстро рос этот рабочий

паренек! В 18 лет он секретарь райкома, в 22 — Пензенского губкома, в 24 — во главе МК, и всюду первый, а в 26 лет его избрали генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ.

«Он рос намного быстрее нас,— рассказывали его друзья по Бауманскому райкому.— Тогда мы не очень вдавались в анализ, почему у Саши можно было узнать то, о чем никто из нас не имеет представления, откуда у него все это — широта взглядов, интересов и знаний. Вроде и жил у всех на виду, так же мотался по предприятиям, по собраниям. В комнате райкома, где он работал, кабинетов-то как таковых не было, вечно толкался народ, сидели и на столах, и на полу, дымили, обсуждали новости. А вечером, лежа на койках в комсомольской коммуне, мы слушали его рассуждения о том, что он успел прочитать. Это была или работа Ленина, или брошюра по истории партии... И все друзья после таких рассуждений сходились на выводе: все-таки сама природа наделила Косарева не только любознательностью, но и особой способностью все схватывать на лету, легко усваивать даже понятия, чрезвычайно далекие от его образа жизни».

Осенью 1923 года комсомольская организация Московского высшего технического училища почти полностью оказалась под влиянием троцкистов. В месяцы тех горячих дискуссий Косарев почти переселился в училище, без усталости сражался с ними, отвоевывая группу за группой. Усилия партийных пропагандистов, комсомольских активистов, посланных в вузы столицы, увенчались внушительной победой — студенческая молодежь покидала своих мелкобуржуазных «наставников».

Только стали затихать дискуссии с троцкистами, а делегат XIV съезда партии А. Косарев уже на новом рубеже идеологических боев — в Ленинграде на фронте борьбы со сторонниками «новой оппозиции», в комсомоле. «Годами великой школы» назвал это время он сам. Проходил здесь очередной «курс политического бойца партии» под руководством опытных наставников. «Время моей работы в Ленинграде, в Московско-Нарвском райкоме комсомола,— писал потом Саша,— это время незабываемых встреч с Сергеем Мироновичем Кировым».

Косарев обогатился от общения с ветеранами пар-

тии, цветом славной когорты ленинской гвардии большевиков: М. И. Калининым, Г. К. Орджоникидзе, В. В. Куйбышевым и многими другими. Они формировали у него революционное мировоззрение, трезвое мышление, беспредельную преданность ленинизму, непоколебимую убежденность в его правоте. «Ленинский комсомол,— говорил А. Косарев на открытии IX съезда ВЛКСМ,— никогда не имел, не имеет и в будущем не будет иметь отличной линии от той, которую проводит наша партия. Именно это дает нам силу, именно это дает нам мощь, именно это формирует из подрастающего поколения доподлинных молодых большевиков, достойных звания Владимира Ильича Ленина».

А. Косарев был генеральным секретарем ЦК комсомола в те годы, когда в деятельности государственных органов и общественных организаций стал утверждаться бюрократический, административно-командный метод руководства. Но сам он не стал таким. Может быть, потому, что работал с «бурлящей, кипящей, вечно ищущей молодежью». А может, и потому, что сам был настоящий массовик по натуре, в нем постоянно жил рабочий паренек, задиристый, ненавидящий мертвечину, постоянно готовый вмешаться в ход событий, круто «замесить» их?

За годы работы во главе ЦК комсомола он был членом Оргбюро ЦК ВКП(б), членом ЦИК СССР трех созывов, депутатом и членом Президиума Верховного Совета СССР первого созыва, облечен другими высокими полномочиями и званиями. Но это нисколько не отразилось на его личности. Серьезность в делах и простота в общении органически уживались в нем. Все звали его просто Саша: члены Политбюро ЦК партии и комсомольские работники любого ранга, молодые рабочие и колхозники, популярные артисты, спортсмены и всемирно известные писатели.

Много сил и внимания А. Косарев уделял воспитанию настоящих комсомольских вожakov, признанных и выдвинутых самой массой молодежи. Он был противником протекционизма и групповщины, ему претил подбор актива «под себя». Саша «зеленел» от злости, когда ему рассказывали о фактах проявления «вождизма» у того или иного комсомольского работника. О таких людях отзывался, что они не могут говорить

иначе, как «по мировым вопросам», «не выступают», а «дают установки»..., относил их к тем героям произведений Салтыкова-Щедрина, которые «думали басом».

— В чем наибольшее зло нашей работы? — спросил он однажды комсомольскую аудиторию. В зале, привыкшем к косаревским экспромтам, слушатели дружно отзывались: «В отрыве от масс!», «В отсутствии самокритики!». Косарев молчал, пока выговорятся наиболее активные слушатели.

— В болтовне! — наконец жестко заключил он. Потом добавил: — И в том, что болтовня не встречает осуждения! А многие комсомольские работники даже намерены равняться на болтунов, учатся у них произносить громкие, красивые, но пустые речи.

А. Косареву присущи были правдивость и честность. Этих качеств требовал и от молодежных вожаков. Отсутствие их, считал он, «разрушает воспитание».

— Мы пишем много директив, — сокрушался он на одном из пленумов ЦК ВЛКСМ. — Директивы у нас неплохие, но вот дела плохие. Всем известно, что невыполненная директива превращается в пустую декларацию. Она не вооружает, не растит актив, она не способствует воспитанию людей.

Особое значение придавал работе с письмами молодежи. «Я убежден, что письма — это политика, — говорил он, — а бюрократический ответ на них дискредитирует нас и Центральный Комитет ВЛКСМ». Местные работники часто, удивляясь, спрашивали: «Откуда Косарев знает, что делается чуть ли не в каждой организации?» А он потому и знал, что придавал большое значение письмам с мест, любил сам бывать на заводе, шахте, заходить в цех, общежитие, клуб — интересовался, чем живут рабочие, какое настроение у комсомольцев и молодежи. Его одинаково волновало все: почему комсомольцам-лесорубам Красноярской МТС задержали выдачу заработной платы и спецодежды, почему в колхозных парикмахерских нет необходимого инструмента или в сельских клубах не организованы хоровые и драматические кружки, а детям колхозников не выдали к празднику обещанных подарков. Его любили за эту неуспокоенность.

А. Косарев возглавлял ЦК ВЛКСМ почти десять лет. И все они были годами идейных споров, борьбы

и столкновений мнений. В самую гущу событий, дискуссий неизменно включался и комсомольский вождь. Он смело и по существу критиковал писателей «конструктивистов» и «рапповцев», защищал чистоту и красоту языка А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, искренне выступал против постановки «Дней Турбиных» во МХАТе и восторгался спектаклем «Ромео и Джульетта» в Театре Революции. Призывал создать в художественной литературе образ молодого героя-революционера. «Роман «Как закалялась сталь»,— говорил Н. Островский,— это мой ответ на призыв товарища Косарева к советским писателям создать образ молодого революционера нашей эпохи».

Годы работы в ЦК ВЛКСМ — самые яркие в жизни А. Косарева. Он изъездил всю страну, ставшую огромной строительной площадкой, поднимал молодежь на ударный труд, социалистическое соревнование. Его увлеченность порой не знала границ: «Весь комсомол должен стать ударной бригадой!», «Дайте нам шахты Донбасса — мы все их сделаем образцовыми!». И этот юношеский максимализм увлекал молодежь. Время было такое, когда представлялось все исполнимым, все казалось молодежи по плечу. Турксиб, Днепрогэс, Сталинградский тракторный и Горьковский автомобильный, Магнитка и сотни других строек — это неувядаемая комсомольская слава.

За «проявленную инициативу в деле ударничества и социалистического соревнования, обеспечивающих успешное выполнение пятилетнего плана» комсомол был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В день пятнадцатилетия ВЛКСМ большая группа комсомольских работников, активистов и молодых производственников была награждена орденами Ленина. Непривычно торжественно звучат сегодня строки из постановления Президиума ЦИК СССР: «...наградить Косарева А. В.— испытанного руководителя, выдающегося организатора комсомольских масс в их борьбе под руководством партии за победу пятилетки».

В конце тридцатых годов перед комсомольскими работниками была поставлена задача: ищите врагов народа в своей среде. 21 июля 1937 года Сталин вызвал к себе Александра Косарева, секретарей ЦК ВЛКСМ Павла Горшенина и Валентину Пикину. Разговор состоялся трудный. Участвовал в нем и нарком

внутренних дел Ежов. Про его политику преследований честных партийцев уже шла молва: «взяли в ежовые рукавицы»... В течение полутора часов беседы Косарев все ждал, что Сталин вот-вот заговорит о комсомоле, молодежи, как это совсем недавно бывало. Секретари ЦК шли к нему, продумав возможные варианты беседы. Шли посоветоваться, с просьбами, наконец. «Но Сталин,— вспоминала В. Ф. Пикина,— вел беседу в одном направлении: ЦК ВЛКСМ должен помогать разоблачать врагов народа, в том числе и в комсомоле.

Уходили мы от Сталина с очень тяжелым чувством. Мы поняли, что он остался нами недоволен, особенно А. В. Косаревым, которому по окончании беседы бросил упрек: «Вы не хотите возглавить эту работу».

Среди комсомольских работников первые массовые аресты начались в 1937 году. Сразу же были арестованы секретари ЦК ВЛКСМ С. Салтанов, Д. Лукьянов, Е. Файнберг, ответственный редактор «Комсомольской правды» В. Бубекин. В августе 1937 года был созван IV пленум ЦК ВЛКСМ. Некоторых участников пленума тут же исключили из членов ЦК. Член бюро ЦК ВЛКСМ того времени В. Сорокин вспоминал, как А. Косарев яростно отметал все лживые выдумки. «Его смелое и боевое выступление произвело на всех хорошее впечатление и как-то разрядило ту тяжелую обстановку, в которой проходил пленум». А 29 августа Косарев ошеломленно читал в «Комсомольской правде» передовицу «До конца выкорчевать вражескую агентуру в комсомоле», написанную в духе резолюции пленума, принятой по настоянию Л. М. Кагановича: «Руководящие комсомольские работники, и прежде всего тов. Косарев, проявили прямую недооценку проникновения врагов в комсомол. Среди актива были распространены вредные настроения, что врагов в комсомоле нет, и отсутствовала политическая заостренность».

19—22 ноября 1938 года был созван пленум ЦК ВЛКСМ, на котором в присутствии И. В. Сталина, В. М. Молотова, Г. М. Маленкова М. Ф. Шкирятов сделал доклад, обвинявший Косарева и других секретарей ЦК комсомола. На предъявленные ему обвинения А. В. Косарев заявил: «Лично я чувствую себя абсолютно спокойным, потому что совесть моя чиста.

Никогда я не изменял ни партии, ни советскому народу и не изменю. Вот это я и должен заявить». Тем не менее А. В. Косарев был на этом пленуме снят с работы.

23 февраля 1939 года была жестоко оборвана жизнь А. В. Косарева, оставившего в жизни комсомола и истории нашей Родины глубокий, яркий след. Вечно молодым он останется в нашей памяти и памяти будущих комсомольских поколений. Каждый шаг его сознательной жизни был связан с партией и комсомолом.

Агитатор. 1988. № 10.

Из книги «Триумф и трагедия»

Политический портрет И. В. Сталина

В тени «вождя»

После XVII съезда партии из тех соратников, кто составлял ядро руководства партии десять лет назад, на XIII партсъезде, в составе членов Политбюро остался лишь Сталин. Бури междоусобиц смели с политической арены всех, с кем ему было тесно и неудобно. Те люди знали Кобу всяким: твердым и колеблющимся, напористым и растерянным, привлекательным и жалким.

После XVII съезда партии на трибуне мавзолея, в президиумах собраний, за столом Политбюро рядом со Сталиным появились новые лица, среди которых он быстро выделил новое ядро: Молотов, Каганович, Ворошилов. В составе Политбюро, среди его кандидатов скоро опять появились зияющие бреши: от руки убийцы пал Киров, скончался Куйбышев, покончил с собой Орджоникидзе, были выведены из состава Политбюро и стали жертвами репрессий Косиор, Постышев, Рудзутак, Чубарь... На глазах членов и кандидатов в члены Политбюро была разыграна едва ли не самая жуткая сцена в нашей истории. Эти люди не были просто очевидцами и свидетелями происходящего, все в окружении ближайшей «тройки» были причастны к трагедии, никто не попытался остановить беззаконие, творимое вождем. Так кто же эти люди, окружавшие Сталина?

До ноября 1986 года в подмосковной Жуковке можно было встретить медленно идущего по дорожке старого невысокого человека с высоким лбом и в неизменном пенсне. Постукивая тростью, старик внимательно вглядывался в редких прохожих своими выцветшими карими глазами. Видавшее виды ратиновое

пальто, стоптанные ботинки, потухший взгляд выдавали в нем очень старого человека. Но едва ли кто мог сказать, что ему шел девяносто седьмой год и что это не кто иной, как бывший Председатель Совнаркома, бывший член Политбюро, бывший народный комиссар по иностранным делам и один из самых близких соратников Сталина — Вячеслав Михайлович Молотов. Еще при Ленине этот долгожитель стал секретарем ЦК партии, первым кандидатом в члены Политбюро. И хотя история сохранила ряд нелестных замечаний Владимира Ильича о стиле работы Молотова в секретариате (например, о том, что мы плодим «под носом у себя позорнейший бюрократизм и глупейший»), это был именно один из тех могикан, кто многие десятилетия тому назад работал рядом с Лениным. Само по себе явление уникальное: встретить в середине восьмидесятых годов человека, который входил в состав ЦК, возглавляемого Лениным! У поэта Ф. Чуева, многократно встречавшегося с Молотовым, имеется много документальных свидетельств об этом ближайшем соратнике Сталина. «Был он скромн, точен и бережлив. Следил, чтобы зря ничего не пропадало, чтобы свет попусту не горел в других комнатах. Когда он умер 8 ноября 1986 года,— записал Чуев,— и вскрыли его завещание, в конверте была сберегательная книжка — 500 рублей на похороны».

Да, этот человек здоровался с Троцким и Бухариным, Рыковым и Зиновьевым; он провел не один час за столом переговоров с Гитлером и Риббентропом; его знали Черчилль, Рузвельт и Трумэн. Он один из главных «архитекторов» Пакта о ненападении с Германией и Договора о дружбе и границе с ней. Советские люди помнят драматические слова Молотова, произнесенные им (не Сталиным!) в полдень 22 июня 1941 года: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». Сегодня мы точно знаем: Сталин был ошеломлен катастрофическим началом войны. До последнего момента у него в глубине души теплилась искра надежды: войны можно избежать, по крайней мере оттянуть ее начало. Генсек, доверявший не фактам, а лишь интуиции, оказался в плену эфемерного предположения, а точнее, своего желания. Потрясение было столь большим, что он отказался,

как его ни уговаривали выступить члены Политбюро, от Обращения к народу, поручив это Молотову.

За долгие десятилетия Молотов стал настоящей тенью вождя. Везде рядом: на заседаниях Политбюро, на трибуне мавзолея, в газетных строках, на международных конференциях... Даже опубликовав 23 июня 1941 года выступление Молотова в «Правде», газета по привычке дала рядом большую фотографию Сталина.

О чем думал этот обитатель квартиры на улице Грановского и казенной дачи в Жуковке? Что вспоминал этот реликт бывшего могущества? Может быть, свои доклады на съездах? Молотов «специализировался» на организационных вопросах. Может быть, думал о том, что, когда сместили Рыкова с поста Председателя Совнаркома, Сталин сам предложил его кандидатуру? Тогда на заседании ЦК в декабре 1930 года Молотов сказал, что в течение ряда лет он проходил «школу большевистской работы под непосредственным руководством лучшего ученика Ленина, под руководством товарища Сталина», что он гордится этим. Надо сказать, что десятилетия после смерти Сталина не сделали его другим. А он помнил, что в конце жизни вождя его, Молотова, судьба висела на волоске — неожиданно пришла опала. Но незадолго до своей кончины он все равно сказал Ф. Чуеву о Сталине: «Если бы не он, не знаю, что с нами и было бы». До последних своих дней он считал Сталина гениальным, был убежден в том, что Тухачевский был военной силой правых — Рыкова и Бухарина, якобы готовивших заговор. До конца утверждал, что «1937 год позволил устранить у нас «пятую колонну» во время войны». Конечно, соглашался Молотов, «были допущены ошибки, погибло много честных коммунистов, но удержать завоеванное мягкими мерами было нельзя». У человека, которого овеяли самые разные ветры истории, мышление как бы застыло. А может быть, это была моральная мимикрия: попытаться использовать последнюю возможность для оправдания перед потомками? Этот послушный, усердный, настойчивый, педантичный, изошренный исполнитель воли Сталина несет особо большую ответственность за деформации законности, за превращение насилия в решающий инструмент власти.

На печально известном февральско-мартовском

Пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 году Молотов сделал доклад «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов». Все содержание доклада было подобно призыву к социальному погрому: «Вчерашние колебания неустойчивых коммунистов перешли уже в акты вредительства, диверсий и шпионажа по сговору с фашистами, в их угоду. Мы обязаны ответить ударом на удар, громить везде на своем пути отряды этих лазутчиков и подрывников из лагеря фашизма... Мы должны торопиться доделать это дело, не откладывая его и не проявляя колебаний».

И он не «колебался». В июне этого же года один из доносчиков (ведь был призыв «доделать это дело», он не был брошен в пустоту) написал Сталину, что ответственный работник Совнаркома, старый большевик Г. И. Ломов якобы был близок с Рыковым и Бухариным. Сталин начертал наискосок: «Т-щу Молотову. Как быть?»

Ответ не заставил себя ждать и был немногословным: «За немедленный арест этой сволочи Ломова. В. Молотов».

Судьба человека была решена. Арест, зверские допросы, скорый приговор, расстрел. Член партии с 1903 года, делегат исторической Апрельской конференции, член ЦИК СССР, как и многие тысячи честных большевиков, росчерком пера был зачислен во «враги народа». Именно Молотов давал прямые санкции на арест первого секретаря Свердловского обкома Кабакова, наркома легкой промышленности Уханова, председателя Дальневосточного крайисполкома Крутова и многих, многих других товарищей. При прямом соучастии Молотова из двадцати восьми народных комиссаров Совнаркома, который он возглавлял, больше половины были репрессированы.

Для Сталина это был очень удобный человек, с полуслова понимавший намерения вождя и обладавший колоссальной работоспособностью. Сталин, что делал очень редко, не раз в присутствии других членов Политбюро отмечал рвение Молотова. Когда тому в марте 1940 года исполнилось пятьдесят лет, Сталин распорядился, чтобы Пермь стала городом Молотовом, хотя на карте Отечества уже был не один десяток городков, поселков, колхозов, совхозов, носящих это имя...

В тридцатые годы вокруг Сталина теоретиков не

осталось. Большим «теоретиком» был, естественно, сам генсек. Но иногда он снисходил до того, что позволял и некоторым из своих сподвижников, прежде всего Молотову, проявить себя в теоретических изысках. В одном из писем Сталину Адоратский попросил вождя написать в готовящуюся Комакадемией «Философскую энциклопедию» статьи о стратегии и тактике ленинизма и об учении ленинизма о социалистическом строительстве. Сталин наложил на письме резолюцию:

«Т. Адор-ому

Страшно занят практическими делами и никак не могу исполнить Вашу просьбу. Попробуйте обратиться к Молотову: он в отпуску и, возможно, у него найдется свободное время.

С ком. пр. И. Сталин».

Конечно, Молотов не был теоретиком, но на фоне сталинских соратников Ворошилова, Кагановича, Андреева и других выглядел предпочтительнее.

За внешней невозмутимостью, исключительной выдержкой, непроницаемостью, вежливой и официальной корректностью скрывалась сильная, злая воля. Черчилль, не раз встречавшийся с Молотовым, так характеризовал его в своих мемуарах: «Его подобная пушечному ядру голова, черные усы и смышленные глаза, его каменное лицо, ловкость речи и невозмутимая манера держать себя были подходящим выражением его качеств и ловкости... Его улыбка сибирской зимы, его тщательно взвешенные и часто разумные слова, его приветливая манера себя держать делали его совершенным орудием советской политики в дышащем смертью мире». С такой же одержимостью Молотов во всем поддерживал Сталина и во внутренней политике. В тени вождя это был едва ли не самый влиятельный и безоговорочный исполнитель его воли. Без таких исполнителей культовый вождизм едва ли был возможен.

Мало чем уступал в рвении Молотову другой соратник Сталина — Лазарь Моисеевич Каганович.

Сергей Ильич Семин, работавший после войны у Вознесенского, рассказывал мне: «Помню, пришел я к Кагановичу с какими-то бумагами (он тогда возглавлял и Военно-промышленную комиссию) в новых сапогах. Каганович взял бумаги, посмотрел на меня, и взгляд его остановился на моих сапогах.

— Сними! — скомандовал сталинский нарком.

— Зачем? — заикнулся было я, ничего не понимая.

— Снимай быстрее! — не захотел объяснять Каганович.

Взяв затем в руки мои еще не разношенные сапоги, нарком долго их вертел, лазил рукой в голенище и, бросив наконец их мне на пол, удовлетворенно резюмировал:

— Хорошие сапоги. — Затем добавил: — Ведь я был сапожником...»

Кто знает, останься он навсегда сапожником, сохранил бы свое доброе имя. Правда, едва ли кто знал бы тогда его. Но свой выбор, не профессиональный, а политический, Каганович сделал еще в 1911 году, вступив в партию большевиков, в которой уже состоял его старший брат. Оказавшись в 1918 году в Москве, Каганович, будучи сотрудником Всероссийской коллегии по организации Красной Армии, познакомился со Сталиным. В 1920 году его послали в Туркестан. Но когда Сталин стал генсеком, он вытребовал Кагановича из Средней Азии и поставил его во главе организационно-инструкторского отдела ЦК. Так малограмотный, но исключительно напористый и в высшей степени исполнительный функционер стал быстро продвигаться по партийной и служебной лестнице вверх.

Он тоже из долгожителей. Во всяком случае, свое девяностопятилетие он отметил в ноябре 1988 года в своей квартире на Фрунзенской набережной в Москве и, возможно, думает дожить до ста лет, что не удалось Молотову.

Сталин любил Кагановича за нечеловеческую работоспособность, абсолютное отсутствие своего мнения в политических вопросах (он так и говорил, не дожидаясь выяснения вопроса, о чем идет речь: «Я полностью согласен с товарищем Сталиным») и за безропотную исполнительность. А она выражалась в постоянной готовности выполнять любые задания вождя, даже если они были дикими. Когда однажды Сталин перед одним заседанием спросил Кагановича:

— Лазарь, ты знаешь, твой Михаил (брат, министр авиационной промышленности, большевик с 1905 года) якшался с «правыми»? Есть точные данные... — Сталин испытующе смотрел на наркома.

— Надо поступать с ним по закону, — дрогнувшим голосом выдал Каганович.

Сообщив после заседания об этом разговоре по телефону брату, Каганович ускорил развязку — его брат в тот же день, не дожидаясь ареста, застрелился.

Сталин ценил таких людей. Ведь преданность ему, вождю, нужно постоянно доказывать, и доказывать не мелочами, не одним славословием. Разве Каганович не доказал ее, например, на длинном-предлинном Пленуме ЦК в феврале — марте 1937 года? Карательная машина еще только настраивалась, нацеливалась на «прореживание» рядов партии, интеллигенции, рабочего класса, крестьянства, военных, а Каганович уже отличился. В двухчасовом докладе «сталинский нарком» железных дорог излагал первые, «пробные» результаты:

«Мы в политаппарате дороги НКПС разоблачили 220 человек. С транспорта уволили 485 бывших жандармов, 220 эсеров и меньшевиков, 572 троцкиста, 1415 белых офицеров, 282 вредителя, 449 шпионов. Все они были связаны с контрреволюционным движением».

Нетрудно представить, что означали слова Кагановича об «увольнении» с дороги «шпионов и вредителей»! Генсек мог быть по-настоящему доволен анализом Кагановича, когда тот с жаром докладывал Пленуму: «Мы имеем дело с бандой оголтелых разведчиков-шпионов. В отношении железной дороги их приемы особенно ухищрены. Серебряков, Арнольдов, Лифшиц культивировали низкие нормы пропускной способности, организовывали крушения, противодействовали стахановскому движению. Особо вредили Кудреватых, Васильев, Братин, Нейштедт, Морщихин, Беккер, Кронц, Бреус — они мешали внедрению паровоза «ФД». Линия Москва — Донбасс строилась вредительски; Пятов строил Турксиб вредительски; Караганда — Петропавловск строилась Мрачковским вредительски; линия Эйхе — Сокур строилась Барским и Эйдельманом вредительски». Каганович, хотя газеты писали о перевыполнении планов перевозок, новаторстве, движении кривоносовцев, продолжал нагнетать атмосферу психоза:

— Шермергон, начальник управления железнодорожного строительства, вредил. Тов. Сталин не раз нам говорил: «Плохой он человек, враждебный человек». Тов. Сталин прямым образом предупреждал о нем и предложил присмотреться, проверить его.

— Подозрительный человек,— бросил Микоян реплику.

— Мерзавец Серебряков,— продолжал Каганович,— очень метко назвал оборонные узлы и определил свои вредительские цели...

Все в докладе Кагановича было в том же духе: множество фамилий, брань, целые стаи вредителей, которые только тем и занимаются, что взрывают, делают пробки, плохо проектируют, срывают перевозки. Разве мог Сталин не оценить такого юмора Кагановича в докладе на Пленуме: «Емшанов, мерзавец, с 1934 года начальник Московско-Донецкой железной дороги. После снятия он уже другой работы не получил и пошел на жительство прямо к т. Ежову, в НКВД. Арнольдову объявлял, объявлял выговоры... все говорили — не сохранили человека. Вот его теперь и сохраняет-охраняет т. Ежов».

Будучи глубоко невежественным, Каганович, как и все соратники Сталина, тоже пытался создать себе некое теоретическое реноме. В статье Кагановича «Великий машинист локомотива истории», подготовленной его помощниками, нарком, как мог, соревновался с другими соратниками Сталина в славословии вождя.

Одно из постановлений ЦК обязывало руководителей учреждений, предприятий и ведомств лично вести марксистско-ленинские занятия с кадрами. Нарком путей сообщения в годы войны И. В. Ковалев рассказывал мне, как Каганович однажды собрал группу руководителей и открыл семинар. Вскоре Каганович предоставил ему слово.

«В своем выступлении,— говорил Ковалев,— я остановился на том, что пролетариат в силу своего положения, действуя стихийно, способен выработать лишь тред-юнионистское сознание... Каганович ошалело смотрел на меня, смотрел и вдруг заявляет:

— Чего городишь, что еще за «юнионистское» сознание! Пролетариат может все выработать!

Все переглянулись. Сколько я ни пытался, опираясь на Ленина, растолковать Кагановичу о необходимости внесения в сознание пролетариата научной теории, до наркома это не доходило. Подозрительно глядя на меня, Каганович скоро свернул семинар и больше за проведение таких непосильных для себя вещей не брался».

Свой авторитет у Сталина Каганович поднял частыми наездами (по поручению генсека) для «наведения порядка» в те или иные области. Его поездки в Челябинскую, Ивановскую, Ярославскую и другие областные партийные организации сопровождался настоящим погромом: снятием местных работников, заведением на них «дел», кончавшихся нередко трагически для многих честных людей. Вот, например, какой результат имела одна из его поездок. Выступая на январском (1938 года) Пленуме ЦК, Каганович заявил:

— Я товарища Постышева знаю хорошо. Я ездил по поручению ЦК в прошлом году в Киев, когда вскрывали грубейшие ошибки товарища Постышева. Он показал себя работником, срывающим на практике директивы партии. Ильин, Радков, Сапов, Лейбман — злейшие враги народа, которых Постышев в свое время вырвал для себя, прямо лично к Сталину обращаясь: дайте мне этих людей. А это оказались враги народа... Наблюдая тебя в кулуарах,— продолжал Каганович, обращаясь к Постышеву,— и слушая твое выступление на Пленуме, я утверждаю, что ты хитришь с ЦК партии... Что говорил здесь Постышев — это повторение враждебных разговоров.

Судьба Постышева была решена. Сталин был доволен «железным Лазарем», как он его не раз называл. Такие «соратники» ему и были нужны: беспрекословные, фанатично преданные, с полуслова понимающие намерения вождя.

Когда же Каганович решал судьбы людей на местах, он ни с кем не советовался, а просто выполнял инструкцию Сталина: «Посмотри там внимательнее на месте и решай... Не миндальничай». Архивы бесстрастно подтверждают, что нередко до окончания следствия Каганович лично составлял и «редактировал» проекты приговоров, вносил в готовящиеся материалы произвольные изменения, вроде того, что против него, наркома, готовились якобы «террористические акты». Чем все это в конце концов заканчивалось, теперь ясно.

Пройдя причудливый путь из Москвы в Туркестан, затем опять в Москву, он стал заведующим отделом ЦК, через который шли основные назначения на крупные посты. Уже в 1926 году Каганович становится кандидатом в члены Политбюро ЦК, ему было тогда тридцать с небольшим лет. В связи со сложной обстановкой

на Украине по рекомендации генсека Каганович возглавляет партийную организацию республики — он первый секретарь ЦК КП(б) Украины. У него складываются сложные отношения с Председателем СНК Украины В. Чубарем, что в тридцать девятом году самым роковым образом скажется на судьбе последнего. Конфликты Кагановича с остальными руководящими работниками ЦК не прекращались. В 1928 году он был возвращен в Москву и избран первым секретарем Московского городского и областного комитетов партии. На XVI съезде партии он стал членом Политбюро.

В первой половине тридцатых годов влияние Кагановича было особенно сильным. Нарком неоднократно выезжал в районы, где коллективизация шла трудно, и сразу же после его «налетов» дело ускорялось. Сталина мало интересовали методы, которыми пользовался «железный Лазарь». Жестокий по натуре, предельно грубый и невежественный, Каганович был типичным, более того — классическим представителем административно-бюрократического аппарата, с особой социальной бесцеремонностью бравшимся за любое дело. Долго помнили члены партии результаты его поездки и на Северный Кавказ, после чего поток «раскулаченных», вывозимых на Север, увеличился; в Московской области он без колебаний снимал любого, кто не следовал его директивам; в соответствии с его невежественными заключениями были запрещены некоторые пьесы на московских сценах; будучи председателем Центральной комиссии по проведению партийной чистки, «железный Лазарь» вел ее беспощадно; именно его имя фигурирует и в центре загадочного инцидента по выборам в ЦК на XVII съезде партии. Он был одним из главных инициаторов уничтожения под видом реконструкции Москвы многих ее исторических памятников, в том числе знаменитого храма Христа Спасителя. Словом, Каганович успевал всюду.

Сталин по достоинству оценил безграничное усердие соратника, наградив его в числе первых только что учрежденным орденом Ленина. Этот человек вместе со Сталиным и его соратниками несет перед нашей историей полную ответственность за широкое внедрение бюрократических, административных, я бы сказал, «силовых» методов в социалистическом строительстве, за развязывание в стране кровавого террора.

Долголетие дает возможность продлить пир памяти. Кагановичу есть о чем вспомнить: его жесткое руководство на Украине, «победы» над Постышевым и Чубарем, особую благосклонность Сталина, которого он не раз замещал в тридцатые годы, когда вождь уезжал на юг; дружбу с Хрущевым; его «вклад в реконструкцию» Москвы, сопровождавшуюся сносом Сухаревой башни, разрушением Страстного монастыря, взрывом храма Христа Спасителя, сношением Иверских ворот и многих других «старорежимных» строений... Если прозревает совесть, можно пережить содеянное вновь, страдая. Если же она застыла несколько десятков лет назад, память может лишь восстановить в сознании мелькание немых черно-белых кадров былого. У людей с такой судьбой долголетие подобно наказанию. Ничего изменить нельзя. Все вечно в своей необратимости. Кроме тех оценок, которые люди давали, дают и будут давать прошлому.

В число ближайших соратников в тридцатые годы входил и Климент Ефремович Ворошилов, прославленный герой гражданской войны. Еще при жизни его имя стало легендарным. В те далекие теперь уже годы пионеры, комсомолы с энтузиазмом распевали:

Когда нас в бой
Пошлет товарищ Сталин
И первый маршал
В бой нас поведет...

К революционному движению Ворошилов приобрелся рано. Еще в 1906 году, будучи делегатом IV съезда РСДРП, он познакомился с Лениным, Сталиным, рядом других известных революционеров. Пройдя ссылки и аресты, Ворошилов встретил Февральскую революцию в Петрограде. Защита завоеваний Октября бросала Ворошилова по разным фронтам, особенно он был замечен в битве за Царицын, где и окрепла его дружба со Сталиным. Сражался будущий нарком обороны храбро, но без выдумки, отдавая дань партизанщине. Выступая на VIII съезде партии, В. И. Ленин, в частности, сказал:

«Ворошилов приводил такие факты, которые указывают, что были страшные следы партизанщины. Это бесспорный факт. Тов. Ворошилов говорит: «у нас не было никаких военных специалистов и у нас 60 000 потерь». Это ужасно... Героизм царицынской армии войдет в массы, но говорить, мы обходились без военных

специалистов, разве это есть защита партийной линии... Виноват тов. Ворошилов в том, что он эту старую партизанщину не хочет бросить».

Боевой путь Ворошилова впечатляющ: Первая Конная армия, где он был членом Реввоенсовета, бои на Северном Кавказе, в Крыму, против отрядов Махно; участие в разгроме Кронштадтского мятежа. За героизм и мужество в гражданской войне Ворошилов был удостоен двух орденов Красного Знамени. После X съезда партии он непреременный член ЦК партии, а с XIV съезда (1925 год) и член Политбюро. Будучи после Фрунзе наркомом по военным и морским делам, Ворошилов внес определенный вклад в военное строительство Красной Армии. Успех этого дела, в частности, объяснялся и тем, что в наркомате, военных академиях, в ряде округов к тому времени находился ряд интересных, творческих военачальников, военных теоретиков как из числа тех, кого выдвинула революция, так и офицеров старой армии. К ним следовало бы отнести Б. М. Шапошникова, автора глубокой работы «Мозг Армии», М. Н. Тухачевского, написавшего «Вопросы современной стратегии», К. Б. Калиновского, В. И. Величко, А. П. Верховского, А. М. Зайончковского, В. Ф. Новицкого, А. А. Свечина, Р. П. Эйдемана, И. Э. Якира и многих других.

Надо сказать, Ворошилов всегда был последовательным сторонником Сталина, часто просто бездумным. В тридцатые годы слава Ворошилова была поистине всенародной, он был для народа, повторяем, легендарной личностью. Еще в двадцатые годы появились биографии, книги, многочисленные статьи о нем. Например, такие: «Вождь армии мировой революции», «Мы слушаем твой приказ, тов. Ворошилов», «Большевицкий полководец», «Главкомандующий от станка». В стране было почетно получить знак «Ворошиловский стрелок»; тяжелый танк был назван в честь Ворошилова «КВ» (правда, более современный и мощный танк был уже назван «ИС» — «Иосиф Сталин»).

Как Сталин относился к всенародной славе своего соратника? Спокойно. Он на нее мало обращал внимания, поскольку, возвеличивая Ворошилова, говорили о наркоме только как о человеке, «выполняющем волю вождя», — «красный маршал под руководством товарища Сталина», «сталинский нарком». Сталин более чем

кто-либо знал Ворошилова. Все считали, что они были друзьями. Но ведь в настоящей дружбе не должно быть должников, а Ворошилов всегда считал себя «должным» генсеку: за славу, почет, посты, награды, положение. Имеется множество фотографий Ворошилова рядом с вождем: на съезде, на юге, на даче Сталина, при осмотре новой военной техники, у Горького...

Да, Сталин знал «цену» Ворошилова... Уже в тридцатые годы это был абсолютно послушный исполнитель, который не имел по важнейшим вопросам иного мнения, отличного от взгляда генсека. У него не было нечеловеческой работоспособности Кагановича, ума и хитрости Молотова, осторожности и осмотрительности Микояна, он уступал во многом и другим членам Политбюро. Но Сталину Ворошилов был нужен из-за того ореола легендарности, который сформировался вокруг «вождя Красной Армии». Генсек был уверен, что в решающую минуту нарком, не колеблясь, поддержит его. И Сталин не ошибся: когда пришел час выношенного им кровавого чистилища, Ворошилов без тени сомнения стал вместе с вождем разжигать костер репрессий военных кадров. Ворошилов не защитил трех расстрелянных Маршалов Советского Союза, не защитил сотен и тысяч командиров, ставших жертвами репрессий. В своей речи на печально известном февральско-мартовском Пленуме ЦК в 1937 году, перечислив поименно многих «врагов народа», проникших в РККА, Ворошилов решил проиллюстрировать сказанное примером, что, мол, не только «наверху» есть троцкисты-вредители. Нарком зачитал письмо арестованного майора Кузьмичева:

«Наркому обороны т. К. Е. Ворошилову.

Меня обвиняют, что я являюсь членом контрреволюционной террористической группы, которая готовила покушение на Вашу жизнь. Да, я в 26—28 годах входил в троцкистскую организацию. Начиная с 29 года я стремился загладить свою вину. В Вашем лице всегда видел не только вождя Красной Армии, но и чрезвычайно отзывчивого человека. Я награжден двумя орденами Красного Знамени. Как же меня зачислили в банду фашистских убийц?

По-видимому, меня расстреляют. Может быть, через несколько лет все же троцкисты скажут, зачем они оболгали честного человека, и вот когда раскроется

действительная правда, я Вас прошу восстановить моей семье честное имя. Простите за мараение, больше не дают бумаги.

21.VIII.36. Кузьмичев».

Ворошилов обвел глазами зал и эффектно закончил: — А через десять дней он признался: хотели теракт совершить в районе Белой Церкви во время маневров.

Ворошилов знал, как добываются эти признания. Докладывая Пленуму, он сказал, адресуясь, конечно, к Сталину, что часто «говорит с Ежовым в отношении лиц, подлежащих изгнанию из рядов армии». Иной раз отстаивает отдельных лиц: «Правда, сейчас можно попасть в неприятную историю: отстаиваешь, а он оказывается доподлинным врагом, фашистом». Видимо, эти же соображения руководили Ворошиловым, когда он выразил свое отношение к письму Якира, с которым тот обратился к нему накануне расстрела:

«К. Е. Ворошилову. В память многолетней в прошлом честной работы моей в Красной Армии я прошу Вас поручить посмотреть за моей семьей и помочь ей, беспомощной и ни в чем не повинной. С такой же просьбой я обратился к Н. И. Ежову.

Якир, 9 июня 1937 г.».

Ворошилов, прочитав записку, размашисто написал: «Сомневаюсь в честности бесчестного человека вообще.

К. Ворошилов. 10 июня 1937 г.».

Передо мной несколько томов документов, подписанных Ворошиловым или с его резолюциями. Беру том с письмами тех командиров, которые до суда, до расстрела успели обратиться к наркому с просьбой, мольбой, криком о помощи. Письма Горячева, Кривошеева, Сидорова, Хаханьяна, Букштыновича, Прокофьева, Красовского. Вот письмо М. Ефремова, бывшего командующего войсками Забайкальского военного округа (такие же письма Сталину и Микояну):

«Товарищи, располагая всеми данными, опровергающими возведенную на меня фашистами Дыбенко и Левандовским клевету, однако я на Политбюро 18.IV.38 г. так, к стыду моему и огорчению, был рассеян, что забыл привести доказательства моей невиновности и преданности партии Ленина — Сталина... Комвойск Дыбенко на себя говорит что-то невероятное. Он после учения, безусловно, помешался, иначе я не мог по-

нять — ведь это был бы 1934 год! По показанию Дыбенко, он меня «завербовал»... и дает задание завербовать командный состав...

Все мои братья — коммунисты, четверо командиры РККА. Сын — 17 лет, комсомолец. Мать и сестры с двенадцатью детьми в колхозе «Путь социализма» в Орловской области. Дядя повешен в 1905 г. за восстание на флоте, отец убит кулаками. Сам я московский рабочий, Участвовал в войне в Китае. Имею ранения. Награжден: орденом Ленина, тремя орденами Красное Знамя, орденом Трудового Красного Знамени... Прошу Вас скорее прекратить мои переживания и муки.

Всегда Ваш Ефремов Михаил.

Письмо, как и тысячи других, осталось без последствия, то есть без вмешательства Ворошилова. Машину репрессий никто не тормозил и не сдерживал. По существу, такое отношение — тоже элемент этой беспощадной машины. Зато на запросы с мест Ворошилов отвечал лаконично. Приведу текст нескольких телеграмм из множества им подобных (в 1937 и 1938 годах):

«Хабаровск. Блюхеру. На номер 88. Судить. К. Ворошилов»; «Свердловск. Горбачеву. На номер 39. Разрешаю арест. К. Ворошилов»; «Полярное. Командующему Северной Полярной флотилии. На номер 212. Судить и наказать как подобает. Ворошилов»; «Свердловск. Гайлиту. Найти, арестовать и строжайше судить. Ворошилов»; «Смоленск. Белову. Мезису. На номер 475. Арестуйте. К. Ворошилов»; «Ленинград. Дыбенко. Мегеру. На номер 16758. Разрешаю арестовать и судить. Ворошилов»; «Тбилиси. Куйбышеву. Апсе. На номер 344. Судить и расстрелять. Ворошилов».

В апреле — мае 1937 года Ворошилов направил Сталину одну за другой ряд записок такого содержания:

«Политбюро ЦК ВКП (б)

тов. Сталину.

Прошу исключить из состава Военного совета при народном комиссаре обороны СССР:

Тухачевского М. Н.

Эйдемана Р. П.

Лонгва Р. В.

Ефимова Н. А.

Аннога Э. Ф.

как исключенных из рядов РККА.

25 мая 1937 г. К. Ворошилов».

Расписавшись, Ворошилов слово «исключенных» зачеркнул и заменил словом «уволенных», хотя он-то хорошо знал, куда всех их собираются «уволить». В последующие дни на имя Сталина шли такие же записки, но с другими именами: Горбачева, Казанского, Корка, Кутякова, Фельдмана, Лапина, Якира, Уборевича, Германовича, Сангурского, Огиля и других... Наркома, видимо, не волновало, что практически весь Военный совет при народном комиссаре обороны СССР оказался «шпионским», «фашистским», «троцкистско-бухаринским». И здесь тоже не пытались использовать редкий шанс совести; главное — не перечить, соглашаться, «поддерживать линию товарища Сталина».

Таким был еще один из тройки ближайшего окружения Сталина. Правда, его в отличие от других тень вождя укрывала не полностью — жизнь Ворошилова больше, чем других, была на виду у народа, однако на самостоятельности суждений это никак не сказалось. Соратники оказались под стать вождю.

Конечно, все эти люди, и особенно Берия, несут ответственность за все извращения и преступления, которые совершил Сталин. Но эту ответственность должны разделить и те, кто просто поддакивал, соглашался, голосовал, восхищался «мудрыми» решениями Сталина. Степень вины их различна, и история рассудит, кто больше, а кто меньше виновен. А. А. Андреев, А. А. Жданов, М. И. Калинин, А. И. Микоян, Н. С. Хрущев, Г. М. Маленков, некоторые другие из высшего политического и государственного руководства фактически и не пытались ограничить единовластие диктатора.

В тени вождя находились и люди, которые, хотя и не занимали официальных высоких постов, тем не менее весьма сильно влияли на политику, решения, исполнение воли Сталина. Так, в секретариате Сталина, насчитывавшем около 90 человек, который возглавлял А. Н. Поскребышев, в первой половине тридцатых годов трудились еще ряд заместителей заведующего, референты-докладчики Двинский, Герценберг, Иванов, Селицкий, Логинов и некоторые другие. Верным человеком который с полуслова понимал Сталина, знал все его тайны, был, как мы уже говорили, Александр Николаевич Поскребышев, умерший в 1963 году. Члены его семьи рассказывали мне, что их отец все жалел, что не вел в свое время дневника, так много он знал. Правда,

подумав, он всегда заключал, что если бы такой дневник у него был, то его самого давно бы не было в живых. Его неспешное перемещение в густой тени вождя обеспечивало Сталину возможность всегда быть в курсе дела по любому вопросу, влиять на решение любых проблем. Хотя Поскребышев по натуре не был жестким человеком, перед ним заискивали — так много зависело от того, когда, как доложит «бумагу», что предложит сделать первый помощник.

В тени вождя свою особую, зловещую роль играл еще один человек, который некоторое время был помощником Сталина. Но еще 1 декабря 1926 года Оргбюро ЦК ВКП (б) постановило:

«Удовлетворить просьбу т. Мехлиса, освободив его от обязанностей зав. Бюро секретариата ЦК и пом. секретаря ЦК...

Секретарь ЦК Сталин».

Итак, Лев Захарович Мехлис. Он родился в Одессе, революционную деятельность начинал меньшевиком. Вступил в партию в 1918 году, со Сталиным познакомился в гражданскую войну. Занимал ряд видных постов в аппарате ЦК, «Правде», был народным комиссаром Госконтроля СССР, начальником Главного полтуправления РККА. Но его влияние на генсека определялось не столько должностями, сколько отношением к нему самого Сталина. Мехлис бывал у него часто, подолгу оставаясь с ним один на один. Ему Сталин давал самые щекотливые поручения. Передо мной лежит целый том личных донесений Мехлиса из разных мест, куда его направлял генсек. Сотни шифровок, телеграмм, письменных докладов об одном и том же: «враги орудуют», «везде беспечность», «благодущие губит дело», «нужно ужесточить меры». Сталин верил Мехлису, пожалуй, больше, чем кому-либо другому. Он умел найти «врагов» там, где даже и подозревать-то было вроде смешно. В июле 1937 года, когда Краснознаменный ансамбль песни и пляски был на востоке, к Сталину поступила зашифрованная телеграмма.

«Доношу: в ансамбле краснознаменной песни тяжелое положение. Прихожу к заключению: в ансамбле орудует шпионско-террористическая группа (разрядка моя.— Д. В.). Уволил на месте девятнадцать человек. Веду следствие. В составе есть бывшие офицеры, дети кулаков, антисоветские элемен-

ты. Привлек к работе нач. особого отдела. Пускать ансамбль в части? Мехлис».

Думаю, вопрос, заключавший телеграмму, был напрасным: арестовав пол-ансамбля, кого «пускать»? Подозрительность Сталина нашла в Мехлисе идеальный источник для ее поддержания.

Мы коснулись не всего окружения, а лишь ближайшего. О некоторых других лицах, «исполнявших волю Сталина», мы еще скажем в других главах. Эти люди находились как бы в его тени, но был еще один человек, призрак которого часто посещал Сталина,— это, конечно, Троцкий.

Октябрь. 1988. № 12. С. 80—90.

«Мы думали, что так и надо...»

ЕЖОВ, секретарь ЦК ВКП(б): «Те показания, которые мы называем, нужны партии».

САФОНОВА: «Но они не верны».

ЕЖОВ: «Повторяю, это нужно партии».

Реабилитация осужденных во времена сталинского террора вернула им честь и имя. Восстановлены имена тех, кто в общем-то из истории и не исчезал. Другое дело, что образы и дела крупнейших деятелей революции и первых лет Советской власти намеренно искажались. Тем не менее выбросить их совсем, забыть не удалось даже «Краткому курсу истории ВКП(б)». Зиновьев, Каменев, Бухарин — эти имена знакомы всем, пусть в совершенно ложном историческом контексте.

Но рядом с ними на скамьях подсудимых сидели десятки других деятелей партии и государства (сейчас речь только об открытых процессах). А кто они? Эти оппозиционеры, проходившие по «лево-», «право-» и иным троцкистским делам? Враги партии! Заблуждавшиеся? Или же провидцы? Ведь к каким бы уклонам эти люди ни примкнули после 1923 года, когда тяжело заболел Ленин и началась борьба за власть, они составляли в годы революции, гражданской войны, нэпа ленинскую гвардию. Увы, расколовшуюся, предавшую волю своего вождя или, во всяком случае, не внявшую его предостережениям и так жестоко поплатившуюся.

«Вторые лица» занимали в 20-х годах первенствующее положение в экономике, партийном и государственном аппарате, на местах. Руководители республик, наркомы, первые секретари губкомов (потом обкомов), председатели Советов, дипломаты — Крестинский, Розенгольц, Угланов, Икрамов, Голодод и многие, многие другие заняли места на скамьях подсудимых. Люди, отдавшие себя строительству нового мира, вручившие власть Великому Вождю и павшие его жертвами.

После XX съезда многие из них были реабилитированы без официальной широкой огласки. Просто их имена стали называть. В силу принадлежности к оппозициям и уклонам, они не все попадали под рубрику «Борцы за великое дело» и проходят до сих пор в нашем сознании как некие бестелесные призраки. История, уверен, еще выделит каждого из безликой пока массы и скажет правду.

Мне хотелось бы рассказать об одном из совершенно неизвестных широкому читателю крупных деятелей нашей начальной истории. Дать его полноценный портрет мне не удастся — слишком мало материала, да и не рискнул бы я на историческое исследование. Несколько отрывочных сведений о нем прозвучали при реабилитации, кое-что удалось почерпнуть из стенограммы зиновьевского процесса, есть следы в отчетах о съездах партии. Очень скудные данные. И все же они могут сказать о людях, эпохе и личных трагедиях тех дней.

Иван Никитович Смирнов был троцкистом. На XV съезде его исключили за это из рядов партии. В 1929-м, верно, восстановили и даже сделали Наркомом почт и телеграфа (Наркомпочтеlem, как тогда называли). А в 1933 году вновь исключили, арестовали, в 1936-м судили вместе с Зиновьевым и Каменевым и расстреляли.

Это был трагический финал жизни Ивана Никитовича. Напомню: на IX съезде партии Президиум был избран в таком составе: Ленин, Троцкий, Бухарин, Сталин, Рыков, Томский, Смирнов, Преображенский, Лашевич, Сапронов, Каменев, Калинин, Серебряков. Никого тогда не удивляла фамилия Смирнова среди «вождей». Член партии с 1899 года, руководитель боевых дружин в Лифортво в 1905 году, член Московского ВРК в октябрьские дни. Во время гражданской войны Иван Никитович на высших постах — член Реввоенсоветов Восточного фронта и 5-й армии. В 1919 году возглавляет Сибирское бюро ЦК в тылу белых. Его называли победителем Колчака.

После окончания гражданской войны Смирнов — председатель Сибревкома. В 1921 году на партработе в Ленинграде, а затем в ВСНХ управляет военной промышленностью. Заканчивает Смирнов свою служебную карьеру, как я уже сказал, Наркомпочтеlem.

Если посмотреть на революционные биографии и послужные списки многих неизвестных нам рядовых ленинской гвардии, то они столь же значительны, как у Ивана Никитовича. И в оппозициях к «линии Сталина», в уклонах от нее был, как известно, не он один. Некоторые своими именами обозначили эти оппозиции и уклоны, были фигурами более крупными.

Когда при реабилитации в июне 1988 года Председатель Военной Коллегии Верховного Суда СССР докладывал дела, я обратил внимание на фигуру Ивана Никитовича Смирнова по двум причинам. Он держался на следствии и на суде стойко, до конца отрицая нелепые обвинения. И в то же время у обвинения были хоть какие-то реальные зацепки для обвинения троцкиста Смирнова.

В обвинительном заключении говорилось: «И.Н.Смирнов принял участие в объединенном троцкистско-зиновьевском центре, осуществляя личную связь с Троцким». Это обвинение не имело под собой даже такого шаткого основания, как собственное признание несуществующей вины. Такого признания от него не добились и в застенках. Иван Никитович доставил много неприятностей на предварительном следствии.

Приведу лишь некоторые фрагменты из протоколов допросов 1936 года, предшествовавших суду.

Вопрос. Как ваша организация осуществляла связь с другими троцкистами?

Ответ. Никак не осуществляла. Не было никакой организации.

Вопрос. Нам известно, что в 1935 году, сидя в тюрьме, вы через свою мать передавали директивы.

Ответ. Ложь.

Вопрос. Нами вскрыты законспирированные троцкисты в ВКП(б), действовавшие под вашим руководством. Назовите их.

Ответ. Таких не знаю.

Вопрос. Каков состав троцкистского центра, восстановленного в 1930 году?

Ответ. Никакого центра я не восстанавливал.

Вопрос. В мае 1935 года вы дали директиву расправиться со Сталиным?

Ответ. Ложь. Я принципиальный противник террора. Это вам известно.

Вопрос. Почему вы не даете ни одного правдивого ответа? О терроре показывают ваши сообщники.

Ответ. Повторяю, я никогда не занимался террором.

Вопрос. Но вы обменивались письмами с Троцким?

Ответ. Да. Я получил письмо от Троцкого, где он писал о развитии фашизма. Я ответил — рассказал о положении в стране. Ничего большего в этих письмах не было.

Вопрос. Мы категорически требуем прекратить за-
пирательства.

Ответ. Мне нечего добавить...

Из газетного отчета о судебном процессе. «Вечернее заседание 20 августа началось с допроса Смирнова. В течение 3-х часового допроса Смирнов всячески уклонялся от прямо поставленных прокурором Вышинским вопросов... В конце концов вынужден признать, что является руководителем троцкистской организации».

Из речи Вышинского. Наиболее упорно заперся Смирнов... Он говорит, что уже сидел с 1 января 1933 года и не мог участвовать в террористической деятельности. Но он и из тюрьмы организовывал связь с Троцким до 1936 года... Это подтвердила и свидетель Сафонова, которая здесь давала показания...

Из стенограммы допроса Сафоновой.

Сафонова. Да, Смирнов сообщил нам, что принято решение о переходе к террору... Однажды Мрачковский (тоже из «вторых лиц», в то время руководивший строительством БАМа.— Ю. Ф.), вернувшись от Сталина, рассказал о беседе с ним и заявил, что единственный выход — убить Сталина.

Вышинский (к Смирнову). Какие у вас отношения с Сафоновой?

Смирнов. Мы близкие люди.

В. Муж и жена?

С. Да.

Юстиция, как, впрочем, и политика, лишенная нравственного начала, неизбежно превращается из института Справедливости («юстиция» в переводе «справедливость») в механизм развращения людей, растаптывания душ. Ну и, естественно, расправы над попавшими в его шестерни. Увы, до сих пор в наших кодексах сохраняются статьи, требующие показаний на близких людей, предусматривающие ответственность за недонесение хоть на мужа (жену), хоть на мать род-

ную. Говорят, практически эти статьи не применяются. Что ж, значит, сама практика отвергает безнравственность.

В те годы знаменитая фарисейская формула — «сын за отца не отвечает» — толковалась не в прямом, а в извращенном смысле: «доноси на отца, коль за него не отвечаешь». И, увы, доносили. Была ли такой доносчицей на мужа, его изблительницей Александра Николаевна Сафонова? По виду — да. Стенограммы процесса, печатавшиеся в газете, протоколы ее допросов и очной ставки со Смирновым об этом свидетельствуют: никуда не денешься.

Но насколько же все оказывается сложнее, неоднозначнее, если «не верить глазам своим», а попытаться понять то время и тех людей. Да, на очной ставке 10—11 августа 1936 года, за неделю до открытия процесса, Александра Николаевна, что называется, в глаза уличала мужа.

Сафонова. В 1930—1931 годах в троцкистский Центр входили Смирнов, Тер-Ваганян, Мрачковский и я. Да, была директива Троцкого. Но еще до нее мы решили избрать террор как метод борьбы. Это шло параллельно.

Смирнов. Я повторяю. У меня была в Берлине встреча с сыном Троцкого, мы с Троцким обменялись письмами. Но я начисто отрицаю террор как метод борьбы. Не было ни директивы, ни Центра, ни тем более террористического заговора.

Сафонова. Иван Никитович, разговор о терроре был на моей квартире. Вы же сами говорили об убийстве Сталина.

Смирнов. Но я же говорил совсем в другом смысле! Никакой директивы о переходе к методам террора от Троцкого не было. Никогда. Лично я вообще всегда отвергал террор как метод борьбы. Это ж известно достаточно широко.

Сафонова. Вы, Иван Никитович, хотите уйти в кусты? Не хотите разоружиться.

Смирнов. Ах, Шура, Шура. Я-то хоть умру спокойно...

Странно, что следователь записал и эту последнюю фразу последней встречи «наедине» мужа и жены. Записал после своего резюме: «Вы, Смирнов, кругом изблечены, ваше сопротивление бесполезно». Послед-

няя встреча Александры Николаевны и Ивана Никитовича произошла в Колонном зале Дома союзов, когда жена публично изобличала мужа, выступая свидетельницей обвинения.

И опять бесконечные вопросы: как могла? почему? Ведь изобличала мужа революционерка, прошедшая огни и воды, сама принадлежавшая к той несгибаемой гвардии, которая вынесла на своих плечах гражданскую войну, доказавшая свое мужество всей предшествующей жизнью. Когда ее в 1933 году арестовали, она держалась спокойно и с достоинством.

«Вы перенесли пытки в застенках Колчака,— говорил ей следователь Лулов,— а если мы применим такое же?». «Как и тогда, буду молчать»,— ответила она.

Почему же не молчала? Почему опустилась до изобличения товарища по революционной борьбе, мужа?

Когда готовился процесс, где обвиняемым был и ее муж, Александру Николаевну вызвал Ежов, тогда еще секретарь ЦК партии, и сказал ей, не желающей говорить неправду, отвергающей состряпанные улики.

— Те показания, которые мы называем, нужны партии...

— Но они не верны.

— Повторяю, это нужно партии.

Александра Николаевна промолчала и... выполнила требуемое от нее секретарем ЦК Ежовым.

Многих сейчас занимает один проклятый вопрос: как же это они, прошедшие царские тюрьмы, показавшие невиданную стойкость в годы гражданской войны, преодолевшие невероятные трудности восстановления разоренной страны, не терявшиеся в самых отчаянных положениях, вдруг «по грубо сработанным сценариям» стали признаваться в фантастических преступлениях? Оговаривать себя и своих товарищей, предавать в конце концов святую идею, за которую шли на Голгофу с фанатичной верой в свою правоту? Что с ними случилось? Можно ли лгать по «требованию партии»? В публицистике и литературе прокручивались разные варианты — от подставных лиц до невозможности выдержать пытки, от того, что верили обещаниям Сталина сохранить им жизнь, до надежды спасти хотя бы близких.

Из всех версий самой неправдоподобной мне лично представлялась как раз та, что прозвучала в словах

Ежова, обращенных к жене И. Н. Смирнова: отступить от правды ради интересов партии. Невероятным это кажется: возьми на себя вину в шпионаже, убийстве, заговоре против строя, в расчленении страны, в организации восстаний — и все ради того, чтобы показать свою готовность служить делу партии? Нелепость какая-то! Не малые же дети — изоцренные политики, вожди, строители государства. Да простой здравый смысл противоречит такому вздорному предложению: признать несуществующий смертный грех ради спасения души, вымазаться грязью, чтобы очиститься.

Но так судим мы, глядя на прошедшую эпоху и ее людей с высоты своего знания, из своего времени. Те люди совсем по-иному воспринимали происходящее на их глазах и с ними самими...

Александра Николаевна Сафонова осталась жива, вышла на свободу и в 1958 году дала показания по делу И. Н. Смирнова. Это, собственно, не показания — это исповедь «дочери века».

Активная участница гражданской войны, она стала партийной функционеркой: с 1923 по 1928 год была секретарем базовой партийной ячейки в Бауманском районе столицы. Как и муж, после смерти Ленина стала сторонницей Троцкого. В 1929 году Сафонову арестовали и сослали на 3 года. Она бежала из ссылки и приехала в Москву. Новый арест — и те же 3 года ссылки. Сталинское правосудие еще не набрало оборотов, оно еще «гуманно». Отбыв ссылку, Александра Николаевна в 1933-м попала в новую — опять на 3 года. По отбытии наказания ее вновь арестовали — и уже посадили капитально.

— Когда я бежала в тридцатом и приехала в Москву, — рассказывала после реабилитации Александра Николаевна, — троцкисты не имели никакой организации, как это было в 27-м. Смирнов был среди «отходников», как их тогда называли. То есть отошедших, прекративших борьбу. Их Сталин назвал двурушниками. Смирнов, Мрачковский и другие не были таковыми: они держали слово — честно отошли от борьбы и работали там, куда их назначили. Отношения с Зиновьевым, Каменевым и другими были чисто бытовыми. Да, в 1931 году Иван Никитович ездил в Берлин. Через своего сына Троцкий предлагал встретиться; Смирнов на это не пошел. Верно, письмами они обменялись,

но ни о каком заговоре, терроре там и речи не было, никаких директив не содержалось. Троцкий написал о развитии фашизма в Европе, Смирнов ему — о положении в стране. В протоколах этого нет, но, судя по всему, в 1958-м ее все же спросили: зачем она избличала мужа в несуществующих преступлениях? Что ложь и что правда в ее показаниях, насколько искренней она была? Вопрос такой можно предположить, читая ответ Сафоновой:

— Где ложь и где правда в моих показаниях, данных в 1936 году? 90 процентов — ложь. И необычная, в сторону невероятного преувеличения того, что было. Что же было? Скажем, Мрачковский прислал мне в ссылку деньги, лично мне. В моих показаниях: «на нужды троцкистского центра». Так записал следователь, а я подтвердила. Иван Никитович послал деньги старику Рязанову, тот жил в ссылке в Саратове без всяких средств. В протоколе допроса: «организована касса взаимопомощи троцкистов». Факт перевода денег был — вопрос, как его интерпретировать...

Все время что-то было, было... И ничего не было.

— Мрачковский, — продолжает Сафонова, — с глазу на глаз беседовал со Сталиным о БАМе. Вернувшись, рассказывал нам: «Удивительно он умеет ухватывать суть дела... Кстати, как просто его ликвидировать». Иван Никитович ответил: «Мы этого делать не можем». На что я сказала: «Зачем тогда эта болтовня безответственная». Узнав о перегибах в коллективизации, Смирнов сказал: «За это убить мало». Потом это расценили как теракт. Помню, Иван Никитович говорил: «Неужели Сталин становится чистым фашистом?» И себе же отвечал: «Нет, это невозможно, его партийное прошлое это исключает». Присутствовавший при этом Косарев заметил: «Сталин дьявольски одинок, он в состоянии психической надломленности».

— Почему мы все же не шли на террор? — задает как бы и себе вопрос Александра Николаевна. — Трусость? Это я отрицаю. Неумение организовать? Тоже. Уж во всяком случае нелепо, как нам предъявили, создавать тергруппы в Астрахани или Новосибирске для убийства Сталина. Хотели бы — создали в Москве. Опыт конспирации и подпольной работы у нас был. Но мы отрицали террор как принцип, не предприняли ни единой попытки.

— Как относились к Сталину? Двойственно. Политика, считали, правильная. Методы — негодные.

— Почему мы лгали? Почему оговаривали себя? — задает себе самый трудный вопрос Сафонова.

И, как мне кажется, в ее ответе ключ ко многим невыносимым, поистине проклятым вопросам, которые задаем и мы. Нам он может показаться надуманным, фантастическим. Но мы живем не в том времени.

— Киров! — говорит она. — Убийство Кирова. Мы были в оппозиции, мы — троцкисты. Для нас тогда не было сомнений: на убийство Кирова пошла оппозиция в Ленинграде. Хотели того или нет, но мы чувствовали свою моральную вину. Эта смерть нас потрясла. Именно она, эта трагическая смерть, родила желание разружиться до конца. Мы ничего не знали об истине. И все же чувствовали вину. На этом сыграли. Хотите разружиться до конца, чувствуете и свою вину? Раскройтесь тогда, признайтесь в своей вине за гибель Кирова. Этого требует единство партии, интересы партии. Докажите делом свое раскаяние.

Были невинные, в сущности, разговоры, «болтовня» — «за это убить мало». И вот — убили. Другого, но убили. Пустые разговоры — и страшный факт. И где-то перекинулся мостик: через раскаяние в оппозиции к самооговорам и оговорам товарищей, через ощущение общей моральной вины к признанию несуществующих преступлений. Благая цель — единство партии, отказ от раскола — продиктовала негодные средства. Дав себя на заклятие почти добровольно, жертвы развязали руки палачам.

Так это видится мне из исповеди троцкистки и революционерки Александры Николаевны Сафоновой.

Мне пришлось беседовать не с одним из тех, что прошли все муки ада и вернулись к жизни в середине 50-х. То были не противники — безусловные сторонники «линии партии». Их не минула злая участь. Но они остались при твердом убеждении: с ними поступили несправедливо, они пострадали ни за что. А вот оппозиционеры, уклонисты, троцкисты — с теми поступали правильно, если враг не сдастся — его уничтожают. Пусть извинят меня эти люди, но они не хотели смотреть фактам в глаза, бежали от правды. Они думали, что беспощадно борются за святую правду, а боролись за слепую правду.

На XV съезде исключили из партии 75 коммунистов из троцкистской оппозиции и 23 — из «группы Сапронова». Один из троцкистов, видный революционер, герой гражданской войны Смилга взял слово и сказал:

— Нас исключают за наши взгляды. Они изложены в нашей платформе и тезисах... Мы считаем эти взгляды большевистскими, ленинскими. Отказаться от них мы не можем, ибо ход событий подтверждает их правильность... Партийный режим, приведший к нашему исключению, ведет неминуемо к новым расщеплениям партии, к новым отсечениям. Только режим внутрипартийной демократии может обеспечить выработку правильной линии партии и укрепить ее связь с рабочим классом.

Все наши писания о сталинских репрессиях, о страстях и бурях тех лет, об общественных и личных трагедиях мало чего стоят, если мы не попытаемся извлечь уроки, если история не будет опрокидываться в настоящее. Сегодня реабилитированы не только сторонники «линии партии» тех лет, но и ее противники, точнее, противники Сталина.

И все же мы так толком и не знаем, кто есть кто. Кто — «ленинская гвардия», а кто — «троцкисты-зиновьевцы», следовательно, враги. А если разобраться, если вернуться в 1922 год, ко времени жизни Ленина — то вывод один: все они боролись за одно дело. Согласные и несогласные, «большинство» и «меньшинство». Они честно строили социалистическое государство. Спорили яростно о путях строительства — это легко увидеть из открытых стенограмм съездов и конференций партии, но спорили во имя общего дела. Произошло юридическое восстановление гражданского лица практически всех тех, кого еще вчера именовали «врагами народа».

По решению XIX партконференции, как известно, будет сооружен памятник жертвам сталинских репрессий. Предложение это встретило горячее одобрение. Там, под будущим памятником, ляжет прах всех тех борцов за социализм, чьи останки развеяны неизвестно где, чьи имена хотели навсегда предать забвению.

Упокоится под этим памятником и прах честного революционера Ивана Никитовича Смирнова, одного из многих, многих...

В то трудное время...

Истоки многих современных проблем лежат в прошлом, и чтобы глубже эти проблемы понять, осмыслить, мы обращаемся к историческому опыту, открываем для себя материалы и документы, остававшиеся до сих пор неизвестными, стремимся честными глазами оценить все трудности, сложности, ошибки и упущения в борьбе за построение нового общества. Это необходимая часть работы по возрождению ленинской концепции социализма и коммунистического движения, по освобождению нашего сознания от наследия сталинизма.

Особый интерес вызывают у нас при этом судьбы, конкретная деятельность тех людей, которые участвовали в выработке, принятии, осуществлении принципиальных решений. Речь идет о вождях, роль которых состоит, по определению В. И. Ленина, прежде всего в том, чтобы «длительной, упорной, разнообразной, всесторонней работой всех мыслящих представителей данного класса вырабатывать необходимые знания, необходимый опыт, необходимое — кроме знания и опыта — политическое чутье для быстрого и правильного решения сложных политических вопросов».

Одним из выдающихся руководителей ленинского типа был Георгий Димитров, оставивший яркий след в болгарском и международном коммунистическом движении, в истории борьбы за социализм. К его идейно-теоретическому и политическому наследию, к фактам его жизни мы обращаемся постоянно, а не только по случаю тех или иных юбилейных дат. Образ Димитрова исключительно привлекателен. В нем сочетаются революционная стойкость и несокрушимость духа, страстность и целеустремленность в борьбе против империалистической реакции, фашизма и войны, верность делу освобождения трудящихся от эксплуатации, непоколебимость интернационализма и патриотизма. Г. Димитров был выдающимся марк-

систско-ленинским теоретиком и политиком, умевшим мыслить творчески и перспективно, смело подходить к решению новых проблем. Творческий дух свойствен Димитрову как теоретику, анализирующему новые явления, а также как политику-борцу, ищущему наиболее эффективный путь в живой практике. И еще важное качество, присущее всегда Димитрову,— чувство громадной ответственности за принятые решения, ответственности перед партией, перед массами, перед судьбами их борьбы.

Когда Димитров во время своего первого допроса перед фашистским судом в Лейпциге 23 сентября 1933 года заявил: «Я несу ответственность в Болгарии за руководство Сентябрьским восстанием и горжусь этим героическим восстанием...», за этим просматривалось его жизненное кредо: коммунистический руководитель должен вырабатывать и проводить политику, отдавая полный отчет за свои слова и дела, отвечая за курс и деятельность своей организации. Он считал, что коммунистический руководитель несет ответственность не только за достижения, но и за поражения.

Опираясь на всемирную солидарность, Димитров сумел превратить лейпцигский процесс в первую международного масштаба победу коммунистов и антифашистов над преступной кликой Гитлера. Это была одна из великих вершин в жизни и деятельности славного революционера-ленинца. Имя Димитрова после Лейпцига стало известно всему миру. Но уже до этого он прошел серьезную школу политической борьбы в рядах болгарского и международного революционного рабочего движения. Он многое сделал для становления и укрепления Болгарской компартии в духе советов Ленина, высказанных во время их встречи в 1921 году.

После поражения Сентябрьского антифашистского восстания 1923 года в Болгарии Г. Димитров вынужден был покинуть родину. Он ведет активную работу в Коминтерне — в Балканской коммунистической федерации, в аппарате Исполкома Коминтерна (ИККИ), в его Западноевропейском бюро. Расширяются его теоретические и политические познания, его международный кругозор, несмотря на то, что левацко-сектантские установки Коминтерна накладывали свою печать и на позицию Димитрова. Начало 30-х годов было трудным

временем для Г. Димитрова и В. Коларова. Их реалистические позиции квалифицировались тогдашним левосектантским руководством БКП как «правый оппортунизм», и только вмешательство ИККИ предотвратило грозившее им политическое осуждение.

Г. Димитров одним из первых осознал, что наступление фашизма в начале 30-х годов оборачивается социальной опасностью для всего мира и что прежняя стратегия коммунистов, направленная на подготовку социалистических революций и сочетавшаяся с заострением борьбы против социал-демократии, не может служить объединению антифашистов и должна быть изменена. Именно поэтому Г. Димитров, вырванный из лап фашистских тюремщиков, возглавляет коллективные усилия Коминтерна по выработке новой стратегии.

VII конгресс Коминтерна (1935 г.) — еще одна из вершин деятельности Димитрова. Его доклад посвящен самой главной задаче: сплотить в едином рабочем фронте и широком народном фронте все революционные и демократические силы для борьбы против фашизма. Для большинства стран была признана необходимость целого этапа общедемократической, антифашистской борьбы. Ее задачей было создание режимов народного фронта или ему подобных антифашистско-демократических режимов, которые должны были осуществить глубокие социально-экономические и политические преобразования. Через эту фазу развития мыслился путь к социалистическому этапу борьбы. Доклад Димитрова, решения конгресса представляли собой творческое развитие ленинского учения о соотношении демократии и социализма, о широких союзах рабочего класса, о расширении сферы деятельности компартий от битв за классовые интересы пролетариата до борьбы за демократию, против войны, за общегуманистические идеалы. Это был большой теоретический и политический прорыв вперед, открывавший широчайшее поле для политической практики. Политический талант и энергия Димитрова на посту генерального секретаря Исполкома Коминтерна способствовали смелому осуществлению политики народного фронта во Франции, Испании, других странах, проведению курса единого антиимпериалистического фронта в Китае, активизации движения

сторонников мира, поддержки СССР как первого социалистического государства.

Но для Исполкома Коминтерна и для самого Димитрова это было трудное, противоречивое, во многом трагичное время, когда сталинизм ограничивал возможности коммунистического движения, когда преступный террор ударил по руководящим кадрам Коминтерна и ряда компартий.

Отношения Димитрова со Сталиным и его окружением складывались в такой обстановке непросто. Димитров, конечно, не мог не находиться под воздействием атмосферы культа личности Сталина, возникшей к этому времени. Он ощущал также сильную волю Сталина, его политическую опытность. Нельзя не учитывать и того, что, как свидетельствуют документы и записи самого Димитрова, Сталину принадлежал ряд идей и основных положений решений Коминтерна тех лет.

В то же время Сталин нагнетал атмосферу подозрительности и вокруг Исполкома Коминтерна, требовал беспощадного преследования «врагов народа» и в Коминтерне, недоверия к бывшим участникам каких-либо оппозиций. Сталин мог бросить Димитрову такую фразу, выражая недовольство проектом постановления ИККИ об антироцкистской кампании: вы все там в Коминтерне работаете на руку противнику. Сталинский подручный по расправам Ежов ставил в упрек Димитрову: «Крупнейшие шпионы работали в Коминтерне». Были и наветы с целью вызвать у Димитрова подозрения в отношении Тольятти, Мануильского, Ульбрихта и других видных деятелей коммунистического движения. Димитров и руководство ИККИ оказались под тяжелым прессом и в большей или меньшей мере подчинились репрессивной машине, согласились с роспуском Компартии Польши и т. д.

Остановить террор у границ Коминтерна не удалось. Но и в этой труднейшей, трагической ситуации Димитров, рискуя своим положением и, может быть, даже головой, предпринимает настойчивые шаги для спасения кадров Коминтерна. Так, когда в марте 1938 года был арестован один из видных деятелей болгарского рабочего движения Х. Кабакчиев, в тот же день Г. Димитров и В. Коларов направили письма

в НКВД и добились того, что через несколько дней Кабакчиев был освобожден. В декабре 1938 года Г. Димитров к письму на имя Берии прилагает список на 131 человека (болгарских политэмигрантов) с положительными характеристиками на них и ходатайствует об их освобождении. Летом 1940 года на имя Г. Маленкова посылается новый список на 122 человека. В следующем году на имя А. Андреева от Димитрова поступает еще один список на 132 болгарина, арестованных НКВД, с просьбой пересмотреть их дела. При этом Димитров писал, что среди арестованных политэмигрантов других национальностей есть также немало честных коммунистов и необходимо «исправить совершенную в отношении таких людей ошибку».

В апреле 1938 года Димитров направляет заместителю наркома внутренних дел М. Фриновскому письмо В. Пика и список на 15 немецких коммунистов. Итак, существовали не только списки на расправу, но и списки на спасение людей. По каждому из трех болгарских списков было освобождено по несколько десятков человек. И в июле 1941 года Димитров писал, что из освобожденных более 150 человек направляются в бой против фашистских захватчиков.

Множество раз обращается Димитров как Генеральный секретарь ИККИ и как депутат Верховного Совета СССР в НКВД, Прокуратуру СССР, к военному прокурору с просьбой о пересмотре дел отдельных лиц — работников аппарата ИККИ, политэмигрантов, советских граждан. Только в 1939 году было направлено 135 таких заявлений. Нередко Димитров прямо отвергал обвинения, выдвинутые в присланных ему следственных материалах, и даже оспаривал «самопризнания» арестованных, доказывая, что они «являются вымышленными». Благодаря заступничеству Димитрова, Пика, Тольятти, других деятелей ИККИ от многих честных коммунистов была отведена угроза расправы. Некоторые люди были спасены буквально в последнюю минуту. Чтобы остановить волну незаконных репрессий, Димитров пытался воздействовать и на Сталина. Можно предполагать, что большое письмо Е. Варги Сталину от 28 марта 1938 года об арестах, лживых доносах, обстановке страха и деморализации в аппарате ИККИ было послано не без содей-

ствия Димитрова. По этим же вопросам он обращался к Сталину по телефону.

Трудно судить, что было в пределах возможного для спасения людей Коминтерна. Но сделанное Димитровым достойно глубокого признания и свидетельствует о его высокой нравственности и чувстве ответственности перед товарищами по борьбе.

Велика, но пока еще недостаточно исследована роль Димитрова в организации антифашистской борьбы коммунистов и движения Сопротивления в 1941—1945 гг. Мало изучена и политическая помощь, которую он оказывал братским партиям после роспуска Коминтерна, будучи руководителем Отдела международной информации ЦК ВКП(б). Он много занимался делами своей родины. Под его руководством летом 1942 года была разработана программа Отечественного фронта, на основе которой и возникло сплочение, обеспечившее победу народного восстания 9 сентября 1944 года. Этот день открыл новый этап в истории Болгарии.

Вернувшись на родину, Г. Димитров возглавляет работу по осуществлению глубоких революционных преобразований в Болгарии. Он стоит у истоков творческих решений, обеспечивших усиление ведущей роли рабочего класса в общественно-политической жизни страны при тщательном учете конкретных условий, особенностей и традиций Болгарии.

В стране сформировалась своеобразная политическая структура при сохранении многопартийной системы. Осуществлялась — и прежде всего через Отечественный фронт — гибкая тактика. Димитров учил коммунистов действовать творчески и ответственно, укрепляя народную демократию. Он стремился к поиску наиболее безболезненного пути к социализму, исходя из конкретных болгарских условий. «...Каждый народ, — говорил он, — будет идти к социализму не по одному и тому же шаблонному пути, не точно по советскому пути, а по своему — в зависимости от своих исторических, национальных, культурных и других условий».

В исторической литературе поднимается вопрос о причинах определенного поворота в курсе БКП с конца 1947 года, когда была поставлена задача ускорить революционный процесс в стране. Разумеется, здесь

сказались и влияние обстановки в СССР и Болгарии, стремление повторить до известной степени советский путь чрезвычайных мер для быстрой ликвидации буржуазии и разгрома оппозиционных элементов, а также начавшаяся «холодная война». Все это наложило отпечаток и на позицию Димитрова в то время.

V съезд партии болгарских коммунистов, состоявшийся в декабре 1948 года, был еще одной вершиной, важным кульминационным пунктом в жизни и деятельности Димитрова, обосновавшего на этом форуме важнейшее теоретическое положение о режиме народной демократии как одной из форм политической власти рабочего класса. В докладе была изложена генеральная линия БКП на построение социализма, открывшая новые перспективы болгарского общества на многие десятилетия. Были определены задачи промышленного развития, социалистической перестройки в сельском хозяйстве, в области культуры, задачи совершенствования политической системы. На съезде Димитров подчеркнул необходимость укрепления партии, ее руководящей роли, повышения ее политической ответственности, очищения ее рядов от карьеристских элементов, от тех, кто злоупотребляет властью. В ленинском духе Димитров подчеркивал принцип неразрывной связи партии с массами. Выступления Димитрова на V съезде были своего рода его завещанием партии. Его наследие живет в сегодняшней деятельности болгарских коммунистов, в делах всех борцов за социализм.

Правда. 1989. 23 янв.

Брежнев и крушение оттепели

Размышления о природе политического лидерства

Наряду с другим мы, пожалуй, особенно нуждаемся сейчас в ясной и точной оценке эпохи застоя. Мы должны, мы обязаны понять, что же произошло почти за два десятилетия руководства страной Л. И. Брежневым, его окружением, всем аппаратом управления. Понять, конечно, не для того, чтобы простить, но и не для того, чтобы проклинать. Понять, чтобы оценить опыт прошлого ради лучшего будущего. Ибо, как говорилось не раз, народы хотя бы частично вознаграждаются за великие испытания теми великими уроками, которые из них извлекают.

Само понятие застоя тоже ждет своего дальнейшего исследования. Вряд ли могут быть сомнения, что если в одних сферах, прежде всего в экономике, действительно все более обнаруживалась тенденция к стагнации, то в других — в сфере политики и морали — происходило явное откатывание назад в сравнении с десятилетним периодом хрущевской оттепели. Отказ от реформ, а во многом и возвращение к командно-административной системе сталинской эпохи, замораживание жизненного уровня, всяческое торможение абсолютно очевидных решений, а взамен — пошлое политическое словоблудие, коррупция и разложение власти, в которые все более вовлекались целые слои народа, утрата нравственных ценностей и повсеместное падение нравов, — если это застой, то что такое кризис? Внешняя политика особенно отразила всю противоречивость брежневского времени, когда каждый шаг вперед по пути разрядки сопровождался двумя шагами назад. Всего несколько лет разделяют два таких противоположных события — заключительный акт в Хельсинки и война в Афганистане.

Из всех многоплановых аспектов застоя хотелось бы коснуться только одного: как могло случиться, что в

такой трудный период в истории нашей Родины, да и всемирной истории, у руля управления страной оказался самый слабый из всех руководителей, которые пребывали в таком качестве в советское, а может быть, и дореволюционное время? При этом очень не хочется поддаваться соблазну осмеяния этого человека, насаждавшего с почти детской простотой аксессуара своего культа: четырежды Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда, Маршал Советского Союза, Международная Ленинская премия, бронзовый бюст на его родине, Ленинская премия по литературе, Золотая медаль имени Карла Маркса — не хватало только звания генералиссимуса: жизнь оборвалась раньше. Осмеяние — это слишком легкий путь, который к тому же, увы, отвечает едва ли не самой устойчивой российской традиции. Еще Ключевский, помнится, заметил: каждый новый русский царь начинал свою деятельность с того, что отвергал предшественника. Вспомним известное изречение: о мертвых ничего, кроме хорошего. У нас наоборот: живым — неумеренные хвалебные песнопения, а мертвым — поношения без конца. Видимо, так сублимируется отсутствие возможности критиковать действующих руководителей.

Из всех лидеров советского периода исключением стал только Ленин. Да и как стал, если Сталин всей своей деятельностью отверг ленинское завещание, сохраняя в то же время лицемерный ритуал поклонения лично Ленину. Что касается критики самого Сталина, только сейчас она возвышается до серьезного анализа установленного им политического и идеологического режима.

Не пора ли сделать такой же разумный шаг и в отношении Брежнева? Конечно, детальные описания интимных тайн его коррумпированного семейства щекочут нервы иных читателей. Хотя что там говорить — дети нередко становились отщепенцами политических лидеров... Поэтому более полезно, вероятно, поразмышлять не столько о Брежневе, сколько о его режиме, о брежневщине, о стиле политического лидерства, который, увы, еще не умер до конца, и тут требуются не менее прочные защитные гарантии, чем от сталинизма. Не случайно понадобилась такая радикальная реформа политической системы, какая намечена XIX партконференцией.

На Брежнева власть свалилась как подарок судьбы. Сталину, чтобы превратить скромный по тем временам пост Генерального секретаря ЦК партии в должность «хозяина» нашей страны, «пришлось» уничтожить едва ли не всех членов ленинского Политбюро за исключением, разумеется, самого себя, а также огромную часть партийного актива. Хрущев после смерти Сталина пришел вторым, а не первым, как многие думают, поскольку первым в ту пору считался Маленков. Хрущев выдержал борьбу против могучих и влиятельных соперников, в том числе таких, как Молотов, которые стояли у фундамента государства чуть ли не с ленинских времен. Может быть, поэтому сталинская и хрущевская эпохи, каждая по-своему, были наполнены драматическими переменами, крупными реформациями, беспокойством и нестабильностью.

Ничего подобного не происходило с Брежневым. Он получил власть так плавно, как будто кто-то долго загодя примерял шапку Мономаха на разные головы и остановился именно на этой. И пришлась она, эта шапка, ему так впору, что носил он ее 18 лет без всяких страхов, катаклизмов и конфликтов. И непосредственно окружавшие его люди жаждали только одного: чтоб жил этот человек вечно — так хорошо им было. Сам Брежнев во время встречи с однополчанами, гордясь сшитым недавно мундиром маршала, сказал: «Вот... дослужился». Это слово вполне годится и для характеристики процесса его прихода на «должность» руководителя партии и государства — дослужился...

Брежнев являл собой прямую противоположность Хрущеву с его смелостью, склонностью к риску, даже авантюре, с его жаждой новизны и перемен. Можно было бы считать загадкой, почему Хрущев так покровительствовал человеку противоположного склада души и темперамента, если бы мы меньше знали Никиту Сергеевича. Как личность авторитарная, не склонная делить власть и влияние с другими людьми, он больше всего окружал себя такими руководителями, которые в рот ему глядели, поддакивали и с готовностью выполняли любое его поручение. Ему не нужны были соратники, а тем более вожди. Он довольно нахлебался с ними после смерти Сталина, когда Маленков, Молотов,

Каганович пытались изгнать его с политического олимпа, а быть может, и сгноить где-то в тьмутаракани. Такие, как Брежнев, Подгорный, Кириченко, Шелест, были послушными исполнителями его воли, «подручными», как называл, кстати говоря, Хрущев не без едкого юмора представителей печати. Правда, когда дело дошло до сакраментального вопроса «кто кого?», именно эти «подручные» быстро перебежали на другую сторону... Ибо в политике не бывает любви — здесь превалируют интересы власти.

Впрочем, в одном отношении приход Брежнева к руководству напоминает сталинскую и хрущевскую модель. Никто не принимал его всерьез как претендента на роль лидера, да и сам он всячески подчеркивал полное отсутствие подобных амбиций. Запомнилось, как во время подготовки его речей (в бытность Председателем Президиума Верховного Совета СССР) по случаю зарубежной поездки их составителям передали главное пожелание заказчика: «Поскромнее, поскромнее, я не лидер, я не вождь...»

Не все знают, наверное, что свержение Хрущева готовил не Брежнев. Многие полагают, что это сделал М. А. Суслов. На самом деле его осуществила группа во главе с А. Н. Шелепиным. Собирались они в самых неожиданных местах, чаще всего на стадионе во время футбольных состязаний. И там сговаривались. Особая роль отводилась Семичастному, руководителю КГБ, рекомендованному на этот пост Шелепиным. Его задача заключалась в том, чтобы сменить охрану Хрущева. И действительно, когда Хрущева вызвали на заседание Президиума ЦК КПСС из Пицунды, где он отдыхал в это время с Микояном, он увидел, войдя в самолет, новую, не свою охрану. Хрущев, видимо, сразу понял, что к чему, и безуспешно пытался уговорить летчика посадить самолет в Киеве.

До сих пор неясно, когда Шелепин вступил в столь рискованный сговор с Сусловым и Брежневым. Известно только, что дело происходило именно в такой последовательности: сначала — с первым, потом — со вторым. Известно также, что непосредственным поводом для заседания Президиума ЦК было выступление зятя Хрущева Аджубея в Западном Берлине, где он легкомысленно сказал о том, что нам ничего не стоит пойти на объединение двух Германий. Руководители ГДР немед-

ленно выразили свое возмущение советским коллегам, и это послужило той искрой, которая воспламенила пожар. Сама по себе смена руководства таким именно образом представляет собой один из редких случаев в политической истории. Обычно подобный метод оказывался эффективным только тогда, когда убивали прежнего властителя. Успех «мирного заговора» против Хрущева оказался удачным по двум причинам. Первая — он сам в последние годы правления одну за другой подрубал все ветви того дерева, на котором зиждалась его власть. Другая причина — Шелепин.

Хрущев, кажется, ни к кому не относился с таким доверием и никого не поднимал так быстро по партийной и государственной лестнице, как этого деятеля. За короткий срок Шелепин из рядовых членов ЦК стал членом Президиума, председателем Комитета партийно-государственного контроля, секретарем ЦК... Поистине верно говорится: избавь нас, боже, от наших друзей, а с врагами мы как-нибудь сами справимся...

Шелепин, однако, жестоко просчитался. Он плохо знал нашу историю, хотя окончил ИФЛИ. Он был убежден, что Брежнев — фигура промежуточная, временная, и ему ничего не будет стоить, сокрушив такого гиганта, как Хрущев, справиться с человеком, который был всего лишь его слабой тенью.

Надо заметить, что действительно всей своей карьерой Брежнев был обязан именно Хрущеву. Он закончил землеустроительный техникум в Курске и только в двадцатипятилетнем возрасте вступил в партию. Затем, окончив институт, он начинает политическую карьеру. В мае 1937 года (!) Брежнев становится заместителем председателя исполкома горсовета Днепродзержинска, а через год оказывается в обкоме партии в Днепропетровске. Трудно сказать, споспешествовал ли Хрущев этим первым шагам Брежнева, но вся его последующая карьера происходит при самой активной поддержке тогдашнего первого секретаря ЦК Компартии Украины, а потом и секретаря ЦК ВКП(б). Когда Брежнев был направлен на должность первого секретаря ЦК Компартии Молдавии, он привел туда многих своих друзей из Днепропетровска, здесь же обрел в качестве ближайшего сотрудника тогдашнего заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии республики К. У. Черненко.

После XIX съезда партии Брежнев становится кандидатом в члены Президиума ЦК, после смерти Сталина оказывается в Главном политуправлении Советской Армии и ВМФ. Чем больше укреплялся Хрущев, тем выше поднимались акции Брежнева. К октябрьскому Пленуму 1964 года он — второй секретарь ЦК. Таким образом, Хрущев собственными руками соорудил пьедестал для преемника.

Впрочем, Брежнев не стал расправляться со своим прежним покровителем. Хрущев создал прецедент на июньском Пленуме ЦК КПСС 1957 года. Рассказывают, что после позорного поражения сталинской гвардии ему позвонил Каганович, который на протяжении многих лет покровительствовал Хрущеву, и спросил: «Никита, что с нами будет?» Хрущев ответил ему вопросом на вопрос: «А что бы вы сделали, если бы ваша взяла? Сгноили бы меня в тюрьме, расстреляли?» На это Каганович как-то неопределенно хмыкнул. Тогда Хрущев сказал: «А я вам скажу просто: идите вы все... знаете куда...»

Так был осуществлен великий переход от периода отстрела поверженных политических соперников до их отстранения и изгнания. Брежнев использовал этот прецедент. Он не стал расправляться с Хрущевым, а попросту отправил его в опалу, как отправляли двести лет назад, — доживать век на подмосковной даче под хорошим присмотром.

* *
*

В октябре 1964 года в составе группы сотрудников двух международных отделов ЦК я находился на загородной даче. По прямому поручению Хрущева мы готовили один из важных документов, касающихся внешней политики. Нас очень торопили. Секретари ЦК по нескольку раз в день спрашивались, в каком состоянии находилось дело. Накачивая себя кофе и другими «лекарствами», мы мучительно вынашивали очередную «бумагу». Вдруг телефон затих. Никто не звонит. Проходит день. Начинается другой — ни звука. Тогда один мой старый друг говорит мне: «Съездил бы ты в Москву, узнал, что там происходит, подозрительная какая-то тишина».

Приехал я на Старую площадь. Зашел на работу и первое, что почувствовал,— именно подозрительную тишину. В коридорах — никого, как метлой вымело. Заглядываю в кабинеты — сидят по двое, по трое, шушукуются. Но вот встретил одного человека, помнится, заведующего сектором Чехословакии. Суетливый такой мальчик, из бывших комсомольских работников. Он говорит мне: «Сидите, пишете! Писаки! А люди вон уже власть берут!» Наконец узнаю, в чем дело. Второй день идет заседание Президиума ЦК... Выступают все члены руководства. Критикуют Хрущева. Предлагают уйти «по собственному желанию». Правда, пронесся слух, будто кто-то хотел оставить его Председателем Совета Министров СССР. Однако то ли не прошел вариант, то ли слух был неверен, но на октябрьском Пленуме 1964 года было решено принять заявление об уходе «по собственному желанию»...

После Пленума Андропов — руководитель отдела, в котором я работал,— выступал перед сотрудниками и рассказывал подробности. Помню отчетливо главную его мысль: «Теперь мы пойдем более последовательно и твердо по пути XX съезда». Правда, тут же меня поразил упрек, первый за много лет совместной работы, адресованный лично мне: «Сейчас ты понимаешь, почему в «Правде» не пошла твоя статья?»

А статья, собственно, не моя, а редакционная, подготовленная мной, полосная, называлась так: «Культ личности Сталина и его наследники». Была она одобрена лично Хрущевым. Но на протяжении нескольких месяцев ее не печатали. Почему? Уже после октябрьского Пленума стало ясно, что ее задерживали специально.

Вскоре после того Пленума состоялся мой первый и, в сущности, единственный подробный разговор с Брежневым. Весной 1965 года большой группе консультантов из нашего и других отделов поручили подготовку доклада первого секретаря ЦК к 20-летию Победы в Великой Отечественной войне. Мы сидели на пятом этаже в комнате неподалеку от кабинета Брежнева. Мне поручили руководить группой, и именно поэтому помощник Брежнева передал мне его просьбу проанализировать и оценить параллельный текст, присланный ему Шелепиным. Позже Брежнев вышел сам, поздоровался со всеми за руку и обратился ко мне с вопросом:

— Ну, что там за диссертацию он прислал?

А «диссертация», надо сказать, была серьезная — не более и не менее как заявка на полный пересмотр всей партийной политики хрущевского периода в духе откровенного неосталинизма. Мы насчитали 17 пунктов крутого поворота политического руля к прежним временам: восстановление «доброго имени» Сталина после решений XX и XXII съездов; отказ от утвержденной Программы партии и зафиксированных в ней некоторых гарантий против рецидивов культа личности, в частности ротации кадров; ликвидация совнархозов и возвращение к ведомственному принципу руководства, отказ от деления обкомов и райкомов на промышленные и сельскохозяйственные; установка на жесткую дисциплину труда в ущерб демократии; возврат к линии на мировую революцию и отказ от принципа мирного сосуществования, как и от формулы мирного перехода к социализму в капиталистических странах; восстановление дружбы с Мао Цзэдуном за счет полных уступок ему в отношении критики культа личности и общей стратегии коммунистического движения; возобновление прежних характеристик Союза коммунистов Югославии как «рассадника ревизионизма и реформизма»... И многое другое в том же направлении.

Начал излагать наши соображения пункт за пунктом Брежневу. И чем больше объяснял, тем больше менялось его лицо. Оно становилось напряженным, постепенно вытягивалось, и тут мы, к ужасу своему, почувствовали, что Леонид Ильич не воспринимает почти ни одного слова. Я остановил свой фонтан красноречия, он же с подкупающей искренностью сказал:

— Мне трудно все это уловить. В общем-то, говоря откровенно, я не по этой части. Моя сильная сторона — это организация и психология, — и он рукой с растопыренными пальцами сделал некое неопределенное движение.

Самая драматическая проблема — и это выяснилось очень скоро — состояла в том, что Брежнев был совершенно не подготовлен к той роли, которая неожиданно выпала на его долю. Он стал первым секретарем ЦК партии в результате сложного, многопланового и даже странного симбиоза сил. Здесь перемешалось все: и недовольство пренебрежительным отношением Хрущева к своим коллегам; и опасения по поводу необузданных

крайностей его политики, авантюрных действий, которые сыграли роль в эскалации карибского кризиса; иллюзии по поводу «личностного характера» конфликта с Китаем; и в особенности — раздражение консервативной части аппарата управления постоянной нестабильностью, тряской, переменами, реформами, которые невозможно было предвидеть. Не последнюю роль сыграла и борьба различных поколений руководителей: поколения 1937 г., к которому принадлежали Брежнев, Суслов, Косыгин, и послевоенного поколения, в числе которого были Шелепин, Воронов, Полянский, Андропов. Брежнев оказался в центре, на пересечении всех этих дорог. Поэтому именно он на первом этапе устраивал почти всех. И уж во всяком случае не вызывал протеста. Сама его некомпетентность была благом; она открывала широкие возможности для работников аппарата. В дураках оказался лишь Шелепин, полагавший себя самым умным. Он не продвинулся ни на шаг в своей карьере, так как не только Брежнев, но и Суслов, и другие руководители разгадали его авторитарные амбиции.

Произошло то, что нередко мы наблюдаем в первичных партийных организациях, когда на пост секретаря парткома избирают не самого активного, смелого и компетентного, а самого надежного, который никого лично не подведет, никакого вреда без особой надобности не сделает. Но если бы кто-то тогда сказал, что Брежнев продержится у руководства 18 лет, ему рассмеялись бы в лицо. Это казалось совершенно невероятным.

Тогдашний первый секретарь МК КПСС Н. Г. Егорычев выразил, вероятно, общее настроение, когда заметил в разговоре с одним из руководителей: Леонид Ильич, конечно, хороший человек, но разве он годится в качестве лидера для такой великой страны? Фраза дорого обошлась ему, как, впрочем, и его открытая критика на одном из Пленумов ЦК КПСС военной политики, за которую отвечал Брежнев. Вместо того чтобы стать секретарем ЦК, как это предполагалось, Егорычев почти 20 лет пробыл послом в Дании...

Тем временем разгорелась ожесточенная борьба вокруг выбора путей развития страны. Один, о чем уже упоминалось, недвусмысленно предполагал возвращение к сталинским методам. Другой путь предлагал руководству Андропов, представивший емкую программу,

которая более последовательно, чем при Хрущеве, опиралась на решения антисталинского XX съезда. Сейчас нетрудно восстановить эти идеи, поскольку они в более общей форме были изложены в редакционной статье, подготовленной тогда же для «Правды» («Государство всего народа», 6 декабря 1964 г.). Это: 1) экономическая реформа; 2) переход к современному научному управлению; 3) развитие демократии и самоуправления; 4) сосредоточение партии на политическом руководстве; 5) прекращение ставшей бессмысленной гонки ракетно-ядерного оружия и выход СССР на мировой рынок с целью приобщения к новой технологии.

Такую программу Андропов изложил Брежневу и Косыгину во время совместной их поездки в Польшу в 1965 году. Отдельные ее элементы были поддержаны, однако в целом она не встретила сочувствия ни у Брежнева, ни у Косыгина, хотя и по разным мотивам. Косыгин поддерживал экономические преобразования, но настаивал на восстановлении отношений с Китаем за счет уступок ему и отказа «от крайностей» XX съезда КПСС.

Что касается Брежнева, то он не торопился определять свою позицию, присматриваясь к соотношению сил внутри Президиума ЦК КПСС, в Центральном Комитете партии.

Смелый шаг Андропова, наверное, сыграл не последнюю роль в его перемещении с поста секретаря ЦК на должность Председателя КГБ СССР. Тут сошлись разные силы. С одной стороны, Сулов, который давно не любил Андропова, подозревая, что тот метит на его место. С другой стороны, Косыгин, который питал иллюзии о возможности быстрого восстановления союзнических отношений с Китаем и потому хотел отстранить от руководства отделом участника советско-китайского конфликта. С третьей стороны, стремление Брежнева направить верного человека в КГБ и обезопасить себя тем самым от той «шутки», которую сыграл Семичастный с Хрущевым. В конечном счете Брежнев проявил себя большим мастером компромисса: пошел навстречу Сулову и Косыгину, но одновременно рекомендовал избрать Андропова кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, а затем и членом Политбюро.

Итак, сразу обнаружилась главная черта Брежнева как политического лидера. Будучи человеком крайне

осторожным, не сделавшим ни одного опрометчивого шага на пути своего возвышения, будучи тем, что называется «флюгерный лидер», Брежнев с самого начала занял центристскую позицию. Он не принял ни той и ни другой крайности — ни программы реформы в духе XX съезда, ни неосталинизма. Кстати, он здесь следовал сложившейся после Ленина традиции. Не все, наверное, знают, что Сталин тоже пришел к власти как центрист. Он вошел в блок с Каменевым и Зиновьевым против «левака» Троцкого, а затем с Молотовым, Микояном и другими — против «правого» Бухарина. И только в конце 20-х годов — главным образом с целью укрепления личной власти — он стал осуществлять левацкую программу «революции сверху» и террора. Хрущев, который вначале разорвал рубаху у себя на груди в секретном докладе на XX съезде партии, тоже после венгерских событий 1956 года стал смещаться к центру. Выступая в китайском посольстве, в Москве, он назвал Сталина «великим марксистом-ленинцем», затем рассорился с горячо поддержавшими критику культа личности представителями интеллигенции и т. д. Правда, его все время снова несло в направлении крайних решений. За непоследовательность и легкомысленные ошибки он и заплатил полную цену в октябре 1964 года.

Иное дело Брежнев. По самой своей натуре, характеру образования и карьере это был типичный аппаратный деятель областного масштаба. Неплохой исполнитель. Но не вождь, не вождь... И взял он потому изрядно от Сталина, но немного и от Хрущева.

* * *

Вернемся, однако, к подготовке доклада к 20-летию Победы, потому что именно тогда определился исторический выбор, предопределивший характер брежневской эпохи. «Диссертация» Шелепина была отвергнута, и общими силами был подготовлен вариант доклада, который хотя и не очень последовательно, но развивал принципы, идеи и установки хрущевского периода. Брежнев пригласил нас в кабинет, посадил по обе стороны длинного стола представителей разных отделов и попросил зачитать текст вслух.

Тут мы впервые узнали еще одну важную деталь брежневского стиля: он очень не любил читать и уж

совершенно терпеть не мог писать. Всю информацию, а также свои речи и доклады он обычно воспринимал на слух, в отличие от Хрущева, который часто предварительно диктовал какие-то принципиальные соображения перед подготовкой тех или иных выступлений. Брежнев этого не делал никогда.

Чтение проекта доклада прошло относительно благополучно. Но, как выяснилось, главная битва была впереди, когда он, как обычно, был разослан членам Президиума и секретарям ЦК КПСС. Мне поручили обобщить поступившие предложения и составить небольшую итоговую справку. Подавляющее большинство членов руководства высказалось за то, чтобы усилить позитивную характеристику Сталина. Некоторые даже представили большие вставки со своим текстом, в которых говорилось, что Сталин обеспечил разгром оппозиции, победу социализма, осуществление ленинского плана индустриализации и коллективизации, культурной революции, что создало предпосылки для победы в Великой Отечественной войне и создания социалистического лагеря.

Сторонники такой позиции настаивали на том, чтобы исключить из текста доклада само понятие «культ личности», а тем более «период культа личности». Больше других на этом настаивали Сулов, Мжаванадзе и некоторые молодые руководители, включая Шелепина. Другие, например Микоян и Пономарев, предлагали включить формулировки, прямо позаимствованные из известного постановления «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 года.

Особое мнение высказал Андропов. Он предложил полностью обойти вопрос о Сталине в докладе, попросту не упоминать его имени, учитывая разногласия мнений и сложившееся соотношение сил среди руководства. Юрий Владимирович считал, что нет проблемы, которая в большей степени может расколоть руководство, аппарат управления да и всю партию и народ в тот момент, чем проблема Сталина.

Брежнев в конечном счете остановился на варианте, близком к тому, что предлагал Андропов. В докладе к 20-летию Победы фамилия Сталина была упомянута только однажды.

Вскоре сторонники Шелепина растрезвонили об амбициях и планах своего вождя. Во время поездки Шеле-

пина в Монголию его ближайший друг, бывший секретарь ЦК комсомола Н. Н. Месяцев в присутствии Ю. Цеденбала стал хвастливо говорить о том, что настоящий первый — это именно он, Шелепин. И в хорошем «поддатии» распевал песню «Готовься к великой цели».

Цеденбал не замедлил сообщить об этом в Москву. Шелепин, который был поумнее своих клеветов, специально остановился на обратном пути в Иркутске и произнес в обкоме речь, в которой демонстративно подчеркивал роль Брежнева. Однако было уже поздно. Он «подставился», и все поняли его замыслы. Началась долгая, хитрая, многотрудная, подспудная борьба между двумя руководителями, в которой преимущество оказалось на стороне Брежнева. Тогда только я оценил его фразу: «Моя сильная сторона — это организация и психология». Еще раз подтвердилось, что в политике неторопливое упорство всегда берет верх над необузданной силой.

Свой рабочий день в первый период после прихода к руководству Брежнев начинал необычно — минимум два часа посвящал телефонным звонкам другим членам высшего руководства, многим авторитетным секретарям ЦК союзных республик и обкомов. Говорил он обычно в одной и той же манере — вот, мол, Иван Иванович, вопрос мы тут готовим. Хотел посоветоваться, узнать твое мнение... Можно представить, каким чувством гордости наполнялось в этот момент сердце Ивана Ивановича. Так укреплялся авторитет Брежнева. Складывалось впечатление о нем как о ровном, спокойном, деликатном руководителе, который шагу не ступит, не посоветовавшись с другими товарищами и не получив полного одобрения со стороны своих коллег.

При обсуждении вопросов на заседаниях Секретариата ЦК или Президиума он почти никогда не выступал первым. Давал высказаться всем желающим, внимательно прислушивался и, если не было консенсуса, предпочитал отложить вопрос, подработать, согласовать его со всеми и внести на новое рассмотрение. Как раз при нем расцвела пышным цветом практика многотрудных согласований, требовавшая десятков подписей на документах, что стопорило или искажало в итоге весь смысл принимаемых решений.

Прямо противоположно Брежнев поступал при ре-

шении кадровых вопросов. Когда он был заинтересован в каком-то человеке, он ставил свою подпись первым и добивался своего. Он хорошо усвоил сталинскую формулу: кадры решают все. Постепенно, тихо и почти незаметно ему удалось сменить больше половины секретарей обкомов, значительную часть министров, многих руководителей центральных научных учреждений. Ему принадлежало последнее слово в присуждении Ленинских и Государственных премий. Брежнев вообще предпочитал заниматься не столько производством, сколько распределением, раздачами. Эту работу он хорошо понимал, не ленился позвонить человеку, которого награждали орденом, а тем более званием Героя Социалистического Труда, поздравить, показать тем самым, что решение исходило лично от него.

Если говорить о брежневском стиле, то, пожалуй, он состоит именно в этом. Люди такого стиля не очень компетентны при решении содержательных вопросов экономики, культуры или политики. Но зато они прекрасно знают, кого и куда назначить, кого, чем и когда вознаградить. Леонид Ильич хорошо поработал, чтобы посадить на руководящие посты — в парторганизациях, в экономике, науке, культуре — проводников такого стиля, «маленьких брежневых», неторопливых, нерезких, невыдающихся, не особенно озабоченных делом, но умело распоряжающихся ценностями.

«Флюгерный лидер», который всегда ориентировался на большинство в руководстве, находил органическое дополнение в лидере, так сказать, распределительном. Это возвращало нас к традиции русской государственности допетровского периода, когда воевод посылали не на руководство, а на кормление...

Людей XX съезда или просто смелых новаторов не расстреливали, как в 30-х годах. Их тихо отодвигали, задвигали, ограничивали, подавляли. Повсюду все больше торжествовали «среднячки» — не то чтобы глупые или совсем некомпетентные люди, но и явно неодаренные, лишённые бойцовских качеств и принципиальности. Они постепенно заполняли посты в партийном и государственном аппарате, в руководстве хозяйством и даже наукой и культурой. Все серело и приходило в упадок. Каков был поп, таким становился и приход...

Это Брежнев понимал прекрасно, и в чем он был действительно великим мастером — так в умении терпе-

ливо тащить пестрое одеяло власти на себя. Тут у него не было конкурентов. Причем делал он это незаметно, без видимого нажима. И даже так, чтобы соломку подстелить тому, кого он легким движением торса сталкивал с края скамейки. Нужны были места для размещения днепропетровской, молдавской и казахстанской команды. На всех важных постах он расставлял надежных людей, которые лично его не подведут. И вот один за другим из Президиума, из Политбюро ЦК КПСС исчезли Подгорный, Воронов, Полянский, Микоян. Вы помните, как без всякого шелеста и объявлений исчез Шелест — руководитель крупнейшей украинской партийной организации. На заседании Политбюро произнес только одну фразу по какому-то вопросу: украинская партийная организация не поддержит это решение.

А насчет «соломки» — вот любопытный факт. После освобождения Н. Г. Егорычева с поста секретаря Московской парторганизации ему позвонил Леонид Ильич и сказал примерно такое: «Ты уж извини, так получилось... Нет ли у тебя каких там проблем — семейных или других?» Егорычев, у которого дочь незадолго до этого вышла замуж и маялась с мужем и ребенком без квартиры, имел слабость сказать об этом Брежневу. И что же вы думаете? Через несколько дней молодая семья получила квартиру. Брежнев не хотел ни в ком вызывать чувство озлобления. Если бы он был сведущ в искусстве, наверное, ему больше всего импонировали бы пастельные полутона, без ярких красок, будь то белых или красных, зеленых или оранжевых... Он часто сам одаривал квартирами свое окружение. Ну что вы скажете? Представляете себе президента США, который распределяет квартиры?..

Итак, Брежнев пришел без своей программы развития страны. Это один из редких случаев в современной политической истории, когда человек принимает власть как таковую без каких-либо определенных планов. Но нельзя сказать, пользуясь выражением Мао Цзэдуна, что это был чистый лист бумаги, на котором можно было писать любые иероглифы. Человек глубоко традиционный и консервативный по своему складу, он больше всего опасался резких движений, крутых поворотов, крупных перемен. Осудив Хрущева за волюнтаризм и субъективизм, он прежде всего позаботился о том, что-

бы перечеркнуть его радикальные начинания, восстановить то, что было апробировано при Сталине. В первую очередь были ликвидированы совнархозы и деление партийных органов на промышленные и сельскохозяйственные (форма своеобразного хрущевского плюрализма?), что так раздражало аппарат управления. Крупные руководители, которые против своей воли отправились в ближнюю и далекую периферию, вернулись на прежние места в Москву. Тихо и незаметно была сведена на нет идея ротации кадров. В противовес ей был выдвинут лозунг стабильности — голубая мечта каждого аппаратчика. Брежнев не вернулся к сталинским репрессиям, но успешно расправлялся с инакомыслящими.

Вместо хрущевской одиннадцатилетки, претендовавшей на политехнизацию школы, снова вернулись к прежней десятилетке. Крестьяне получили обратно отрезанные у них приусадебные участки. Ушла в прошлое кукурузная эпопея, а вместе с ней и Лысенко. Постепенно произошла переориентация с освоения целины на форсирование земледелия центральных районов страны. Колхозники получили пенсионное обеспечение, была гарантирована минимальная зарплата для работающих в колхозах. Снизилась норма обязательных поставок и увеличились закупки сельскохозяйственных продуктов по более высоким ценам.

Все эти мероприятия в сельском хозяйстве были намечены еще при Хрущеве. Последним таким всплеском реформаторства явился сентябрьский Пленум 1965 года. На нем была предложена хозяйственная реформа, инициатором которой выступал Косыгин. В основу реформы были положены дискуссии, начатые еще в сентябре 1962 года вокруг статьи харьковского профессора Е. Либермана «План, прибыль, премия». Эти идеи развивались затем в выступлениях крупных советских ученых В. Немчинова, В. Новожилова, Л. Канторовича. Накануне октябрьского переворота, в августе 1964 года, по предложению Хрущева началось осуществление предложенной учеными новой хозяйственной системы на фабриках «Большевичка» в Москве и «Маяк» в Горьком. И через несколько дней после пресловуто «добровольного» ухода Хрущева на пенсию этот эксперимент распространился на многие другие предприятия. Вдохновленный его результатами, Косыгин и сде-

лал свой доклад на сентябрьском Пленуме 1965 года.

Брежнев, однако, относился скептически к этой «затее». Не вникая в ее суть, он интуитивно больше доверял тем методам, которые дали такие блестящие, по его мнению, результаты в период сталинской индустриализации. Не последнюю роль сыграла и ревность к Косыгину, который имел перед ним все преимущества как один из старейших руководителей, авторитет его восходил еще к периоду Отечественной войны.

Ревность — чисто аппаратное понятие, которое является бюрократическим синонимом слова «зависть». Но здесь оно имеет особую нагрузку. Люди, находящиеся на одном и том же этаже административной лестницы, зорко следят за тем, чтобы их коллега не выдвинулся раньше чуть-чуть вперед. Поэтому их ужасно раздражает каждое выступление сотоварища по работе, особенно в печати, на телевидении, перед широкими партийными и народными аудиториями.

В самый начальный период руководства Брежнева на заседании представителей стран Варшавского Договора произошел забавный эпизод, когда он произнес единственную, кажется, не написанную загодя речь. Румынскую делегацию возглавлял не руководитель партии, а Председатель Совета Министров, и он предложил, чтобы общий документ был подписан именно руководителями государств, а не партий. И тут, как подброшенный пружиной, подскочил Леонид Ильич и произнес две с половиной фразы. Они звучали примерно так: «Как же можно? Документ должен подписывать первый человек в стране... А первый человек — это руководитель партии».

В ту пору в аппарате пересказывали слова Брежнева по поводу доклада Косыгина на сентябрьском Пленуме: «Ну что он придумал? Реформа, реформа... Кому это надо, да и кто это поймет? Работать нужно лучше, вот и вся проблема».

Впрочем, мои личные впечатления о Брежневе могут быть субъективны, тем более что говорил я с ним только однажды. Обратимся к оценкам людей, которые знали его больше. А. Бовин, например, утверждает, что Брежнева трудно назвать крупным политическим деятелем, правда, он тут же добавляет, что по его наблюдениям «Брежнев был в общем-то неплохим человеком, общительным, устойчивым в своих привязанностях, ра-

душным, хлебосольным хоозяином». «Любил охоту... Радовался доступным ему радостям жизни».

Но это к слову. А вот с чем решительно нельзя согласиться, так это с концепцией «двух Брежневых» — до середины 70-х годов и после, с утверждением, будто он был в самом начале своей деятельности сторонником экономической и других реформ. Приводят длинную цитату из выступления Брежнева на сентябрьском Пленуме 1965 г., которая якобы особенно характерна для оценки его позиции. Однако уже в то время было доподлинно известно, что Брежнев — активный противник реформы, предложенной Косыгиным, и прежде всего по его вине она провалилась.

Как раз при Брежневе сложилась традиция ужа-сающего словоблудия, которое с трудом разместилось в 9 томах «его» собрания сочинений. Произносились речи — и нередко хорошие и правильные, — за которыми, однако, ничего не стояло. Авторы его речей обладали исключительной способностью с помощью малозаметного поворота исказить любую плодотворную идею. Так, например, в 1966 году в «Правде» была опубликована статья «О строительстве развитого социалистического общества». В ней, в сущности, содержались отказ от лозунга «развернутого строительства коммунизма», признание того, что у нас пока еще созданы лишь отсталые формы социализма, и ориентация на научно-техническую модернизацию, реконструкцию управления, демократическое развитие. Что же сделали люди из «идеологической парикмахерской»? Они вложили в уста Брежнева указание на то, что у нас уже построено развитое социалистическое общество. То же самое было заявлено в преамбуле к Конституции СССР. Все было, таким образом, превращено в пустую пропаганду. Так было при «раннем», а тем более при «позднем» Брежневе.

Политика переставала быть политикой. Ибо политика — это деловые решения, а не многословные речи по поводу решений. Это не декларации о Продовольственной программе, а продовольствие в магазинах, не обещание коммунизма, а реальное движение к благосостоянию для каждого человека.

Верно, что словечко «проблема» стало излюбленным в первых выступлениях Брежнева. Он говорил о проблемах научно-технической революции, производительно-

сти труда, продовольственной проблеме, жилищной и так далее. И все время призывал принимать какие-то решения. Однако решения почему-то не принимались. А если принимались, то не исполнялись. В Институте социологических исследований АН СССР было проведено изучение эффективности решений, принимаемых Совмином СССР. Результаты потрясли: фактически исполнялось не более одного из десяти решений.

Верно, что Брежнев любил застолие, охоту, быструю езду. Это он ввел такой стиль — проноситься на ста сорока километрах по «коммунистическому городу». И чем быстрее ездил начальство в новеньких «ЗИЛах», тем медленнее ползла страна. Зато были слова, слова, слова. А как расплачивался народ? Сколько миллиардов народных денег и народного энтузиазма ушло на необеспеченное и экономически не проработанное строительство БАМа? А чего стоили «величественные» проекты поворота сибирских рек? А бесконтрольные военные затраты? Тем временем уровень жизни народа откатывался на одно из последних мест среди индустриально развитых государств.

Один из инфантов Брежнева рассказывал о таком разговоре, который произошел на даче в Завидове, где готовилась очередная речь. Кто-то сказал Брежневу о том, как трудно живется низкооплачиваемым людям. А тот ответил: «Вы не знаете жизни. Никто не живет на зарплату. Помню, в молодости, в период учебы в техникуме, мы подрабатывали разгрузкой вагонов. И как делали? А три мешка или ящика туда — один себе. Так все и живут в стране». Да, верно говорится: рыба гниет с головы. Брежнев считал нормальным и теневую экономику, и грабительство в сфере услуг, и взятки чиновников. Это стало едва ли не всеобщей нормой жизни. Вспомним слова Сен-Симона, давно уже заметившего, что нации, как и индивиды, могут жить двояко: либо воруя, либо производя.

Кто виноват? Брежнев? Сейчас легко так сказать. Виновата дворня, небескорыстно раздувавшая этот пустой резиновый сосуд? Больше, чем он. Да потому, что ведала, что творила. Но главный виновник, которого надо привлечь к суду истории, — брежневский режим, который законсервировал бедность и развратил сознание огромной массы людей.

Значит ли это, что страна не развивалась, что все

действительно остановилось? Конечно, нет. Народ продолжал трудиться. Промышленное производство медленно, но росло, хотя и все более обращали на себя внимание два крайне опасных явления. Стремительно увеличивалась добыча топлива. За полтора десятка лет было добыто столько же, сколько за всю предыдущую историю страны. Это означало проедание запасов, принадлежащих будущим поколениям, по принципу: после нас хоть потоп! И второе: почти неуклонно уменьшалась доля предметов потребления в общем выпуске продукции. Страна продолжала развиваться экстенсивно.

То было двадцатилетие упущенных возможностей. Технологическая революция, развернувшаяся в мире, обошла нас стороной. Ее даже не заметили, продолжая твердить о традиционном научно-техническом прогрессе. За это время Япония стала второй промышленной державой мира. Южная Корея стала наступать на пятки Японии, Бразилия выдвинулась в число новых центров индустриальной мощи. Правда, мы добились военного паритета с крупнейшей промышленной державой современного мира. Но какой ценой? Ценой все большего технологического отставания во всех других областях экономики, дальнейшего разрушения сельского хозяйства, так и не созданной современной сферы услуг, замораживания низкого уровня жизни народа.

Ситуация осложнялась тем, что были отвергнуты какие-либо поиски модернизации самой модели социализма. Напротив, вера в организационные и бюрократические решения усилилась. Чуть возникала проблема — и руководство страны реагировало однозначно: а кто этим занимается? Надо создать новое министерство или другой аналогичный орган.

Сельское хозяйство и продовольственная проблема оставались ахиллесовой пятой нашей экономики. Но решения искали на традиционных путях, которые уже показали свою неэффективность в предыдущую эпоху. Продолжалась политика совхозизации колхозов, то есть дальнейшего огосударствления.

Не дала ожидаемых результатов химизация. Несмотря на то, что в 70-х годах СССР опередил США по производству удобрений, производительность труда в сельском хозяйстве была в несколько раз ниже. Четверть самодеятельного населения СССР не могла прокормить страну, тогда как три процента фермеров

США производили столько, что значительную часть продавали за границу.

Причина экономической и технологической отсталости была одна: непонимание и страх перед назревшими структурными реформами — переходом на хозрасчет в промышленности, кооперированием сервиса, звеньевым и семейным подрядом в деревне. И страшнее всего было бы режиму тех лет решиться на демократизацию, ограничение власти главной опорной базы Брежнева — бюрократии.

Всякие попытки продвижения по пути реформ, проявление хозяйственной самостоятельности или самостоятельности мысли пресекались без всякой пощады.

Главный урок эпохи Брежнева — крах командно-административной системы, сложившейся при Сталине. Государство не только не обеспечивало прогресс, но все более тормозило развитие общества — экономическое, культурное, нравственное. Брежнев и его окружение в одном отношении накопили не совсем бесполезный опыт, к несчастью, затянувшийся почти на двадцать лет. Возврата нет! Даже если бы Брежнев решился подкрепить подгнившее здание рецидивом сталинских репрессий, ему не удалось бы сделать эту систему эффективной. Ибо технологическая революция требует свободного труда, личной инициативы и заинтересованности, творчества, непрерывного поиска, состязательности. Структурные реформы и перестройка явились непреложным логическим выходом из застоя.

Будучи живым воплощением иллюзий государственного социализма, Брежнев привел его на самую последнюю тупиковую остановку. Отсюда начинается единственно возможный, хотя и крайне трудный переход к формированию гражданского социалистического общества, в центре которого стоят самоуправляемые трудовые коллективы и активные индивиды; трудясь на самих себя, они трудятся на все общество. Государство, разумеется, не превращается в ночного сторожа, но оно, подобно шагреновой коже, резко сужает свои функции, сохраняя за собой только те, которые отвечают безопасности и прогрессу общества. Условно говоря, если из ста министерств и ведомств сохранятся 15—20, а из 18 миллионов аппарата управления две трети перейдут в сферу общественного самоуправле-

ния, наша держава от этого только выиграет, как, бесспорно, выиграют и ее граждане.

Урок второй — пора навсегда покончить с такими порядками, когда к руководству страной приходят не в результате нормальной демократической процедуры и публичной деятельности в партии, государстве, а путем закулисных комбинаций, а тем более заговоров и кровавых чисток. Опыт уже в достаточной степени показал, что в подобной обстановке к власти приходят отнюдь не самые способные руководители, не самые убежденные ленинцы, не самые преданные народу, а самые хитроумные улиссы — мастера групповой борьбы, интриг и даже обыкновенной коррупции. Политические мафии Рашидова и Кунаева, Щелокова и Медунова, «днепропетровский хвост» в лице Тихонова, а затем «феномен» Черненко — все это должно стать суровым предостережением политическим работникам любого ранга и уровня.

Во все времена среди всех народов считается, что руководство государством требует определенной подготовки, поскольку от этого в большой степени зависит судьба народа. Не будем вспоминать о древнем мире, где в качестве наставников правителей выступали такие люди, как Аристотель и Сенека. И в нашей России наследника престола наставлял близкий друг Пушкина Жуковский. Но и в современных государствах считается общепринятым, что для этой работы нужны и природные данные, и образование, и воспитание чувства гражданской ответственности, и многолетняя школа политической деятельности, участия в общественных и государственных делах, и ораторское искусство, и навыки публициста. Не будем ссылаться на западный опыт — он нам не указ, мы сами с усами. Но усы мы выращивали, а потом брили в больших хлопотах и трудах, набивая шишки не только отдельным лицам, но и всему народу, пока не поняли: нет, не каждый секретарь обкома может руководить великой державой нашей.

* *

*

С момента революции стали закладываться традиции новой школы политического руководства. Ее глав-

ным принципом явилась социальная принадлежность; человек должен быть не знатным, не богатым, не высокообразованным, а своим, народным. Конечно, мало кто принимал как реальную для нынешнего времени крылатую фразу о том, что каждая кухарка может руководить государством. В составе высшего руководства сразу после революции не было ни одной кухарки да и ни одного рабочего или крестьянина. Политбюро в ленинские времена и почти все члены Центрального Комитета партии были выходцами из интеллигентной или полуинтеллигентной разночинной среды. Яркие или не очень яркие публицисты, страстные агитаторы, вожаки, вожди. Масса тогда внимала и верила им отнюдь не с тем притворно глуповатым выражением лица, которое мы видели в образе крестьянина в знаменитом фильме «Человек с ружьем».

После смерти Ленина это поколение руководителей было сметено последовательно проводившимися друг за другом сталинскими чистками. Ему на смену пришла более молодая генерация, отличавшаяся сильными характерами, но меньшим уровнем образования и культуры. Но эта генерация была низвергнута в 1936—1938 годах. И тогда пришло поколение людей, подавляющее большинство которых не участвовало в революции, но зато имело определенный уровень специфически партийного образования. Многие из них сделали сказочную, скачкообразную карьеру, поднявшись за несколько лет от рядовых работников до министров.

Брежнев принадлежал как раз к этой третьей генерации. Его путь был отмечен чисто аппаратным продвижением. При самом тщательном изучении того периода мы не можем обнаружить никакого следа публичных выступлений будущего Генсека. Он умело молчал, умело «выходил» на нужного покровителя и постепенно, но неуклонно продвигался вверх.

Проблема еще заключалась в том, что ни один из наших руководителей не позаботился о том, чтобы воспитывать себе преемника или преемников. Не будем говорить о Сталине — малейшего подозрения, что появился такой человек, было для него достаточно, чтобы стереть потенциального претендента на свое место в порошок. Он и говорил открыто своим так называемым соратникам: «Вот умру я, пропадете вы без меня, погибнете!» Отсюда, наверное, и пошло это

восторженное восприятие непосредственно после кончины Сталина: «Обеспечено бесперебойное руководство государством». Сталинские дети и пасынки были сами поражены, что после его смерти небо не обвалилось и государственный руль не выпал из их слабых рук...

Справедливости ради надо сказать, что даже Ленин не позаботился о преемнике. В своем политическом завещании он дал характеристики каждому из оставленных высших руководителей, которые содержали по преимуществу критические замечания. Но и он не видел человека (а стало быть, не взращивал такого), который мог бы после него стать руководителем партии и страны. Эту традицию целиком воспроизвел Хрущев. Он приближал к себе только послушных исполнителей, хотя, наверное, и в мыслях не держал, что Брежнев может стать его преемником на высшем посту. Правда, Хрущев выдвигал молодых, таких, как Андропов, да и тот же Шелепин, которых держал, однако, на достаточной дистанции.

Вообще во всех странах современного мира изнанка политического лидерства подвержена злокачественной эрозии. Наиболее вероятные причины этого явления — развитие «массовой» демократии, с одной стороны, и чудовищного бюрократизма — с другой. Именно это порождает «флюгерного лидера», который старается угодить обеим сторонам. Нам долгое время казалось, что мы избавлены от этих бед самим фактом существования централизованного планового общества, которое может разумно направлять свое развитие. Но здесь нас подстерегали большие разочарования. И прежде всего как раз в отношении политического лидерства, которое оказалось вовсе не таким мудрым, чтобы взять на себя функции, принадлежащие, в сущности, всей партии и народу.

Значит, нужна реформа самой традиции политического лидерства. XIX партконференция начала великое дело реформы всей нашей политической системы. Это первый, но не последний шаг. Нужно долго думать и многое сделать, чтобы новый Брежнев, а тем более новый Черненко не появились не только на вершине, но даже в составе высшего руководства. Ибо теперь уже очевидно, что тот, кто не умеет руководить, неизбежно скатывается к искусственному насаждению сво-

его культа, разбазариванию народного достоинства и коррупции.

Ротация кадров — это крупное, удачно найденное решение. Однако нужны гарантии, чтобы и на пять, а тем более десять лет не приходили слабые, а тем более коррумпированные руководители. Необходимы перемещение центра тяжести в сторону публичной деятельности кандидатов на высшие посты и, конечно, подлинная выборность.

* *

*

Искусство управлять — самый сложный из всех видов искусства, включая военное и художественное. Мы стали выигрывать войну с фашизмом, когда на смену Ворошилову, Буденному, Тимошенко, Кулику пришли Жуков, Рокоссовский, Конев, Мерецков, Толбухин. То же самое в политике. Перестройка означает переход руководства от кадров брежневского типа к талантливым, современным руководителям, способным осуществлять крутые повороты и заглядывать в дальние перспективы. Не говоря уж о требованиях общественной пользы и элементарной морали. Словом, нужны мастера руководства, а не подмастерья или тем более ленивые потребители престижа, власти и привилегий.

Важнейшая гарантия от рецидива брежневщины — это найденный и осуществляемый сейчас партией социалистический плюрализм. Модель его восходит к ленинскому периоду. В то же время мы имеем возможность пойти значительно дальше. Преувеличенные страхи по поводу крайностей гласности — а таковые, несомненно, сопутствуют общему здоровому потоку — отражают отнюдь не заботу о социализме, а порождены авторитарной политической культурой.

Здесь нам больше всего противостоит консервативная традиция. Российская политическая культура не терпела плюрализма мнений и свободы критики правительственной деятельности. Только после революции 1905 года была пробита маленькая брешь. Но и тогда ни царя, ни царизм, ни существующий строй критиковать, по сути дела, было нельзя.

После революции одним из первых декретов были приняты меры против контрреволюционной печати разных оттенков. Но говорилось об этих мерах как

о временных, связанных с обострением классовой борьбы. Не менее характерно и то, что сразу после окончания гражданской войны Ленин вернулся к прежнему подходу нашей партии, которая фиксировала неизменно в своих программах право на свободу выражения мнений. Плюрализм внутри партии, профсоюзов, Советов, крестьянских объединений и в особенности в сфере культуры стал обыденной нормой и важной стороной новой экономической политики. И он был свернут вместе с нэпом в конце 20-х годов. Хрущев кое-что сделал для восстановления такой гласности, а Брежнев снова похоронил ее.

С нашим плюрализмом связаны и гарантии прав меньшинства — разве мы не убедились на собственном опыте, как это важно? Революционная перестройка, по крайней мере на своем начальном этапе, опиралась на идеи, взгляды и волю не большинства, а меньшинства. Так было, по сути, всегда, если говорить о борьбе нового со старым. Самая девственная и изящная из всех демократий — афинская — устами большинства решила: Сократу надо выпить яд. Пей, Сократ, пей, раз этого требует большинство! А у нас в 30-х годах разве Сталин не опирался на волю большинства? Не станем говорить о его соратниках, с ними не было вопросов. Даже Хрущев, могучий сокрушитель культа личности, искренне и самозабвенно участвовал в избиениях по воле большинства. Большинство считало: Бухарин не прав. Что ж, иди, Николай Иванович, не оглядывайся, пуля дырочку найдет...

А в новейшее время Брежнев — разве он был один? Абсолютное большинство в аппарате управления молилось на него, получая при нем все — звания, лауреатские значки, академические деньги, дачные постройки, взятки. Поддерживали его и те социальные слои, которые безбоязненно жили и сейчас живут за счет нетрудовых доходов.

Чем гарантировать меньшинство, его волю, его интересы, его взгляды? Меньшинство, которое сегодня как будто ошибается, а завтра может стать главным носителем прогресса? Только личными правами — в партии, государстве, других институтах политической системы: свободой думать, говорить, писать, искать истину и добиваться ее признания — другого пути нет.

Конечно, и меньшинство далеко не всегда может

быть правым. Поэтому оно и должно знать свое место и считаться с волей большинства. Без этого нет дисциплины и нет порядка — ни в одной организации, ни в одном государстве... Стало быть, оно вправе претендовать только на автономию в рамках общепринятого. Но сама эта автономия, четко очерченная уставом, законом и политической практикой, может стать огромным завоеванием нашей демократии.

В сфере науки и культуры гарантия прав меньшинства — вещь обыденная, хотя и здесь у нас было немало бюрократического насилия. Еще не стерлось из памяти, как большинство преследовало генетику, клеймило теорию относительности и кибернетику, отвергало джаз, а тем более рок-н-ролл, изничтожало абстрактное искусство, отвергало социологию и политологию. Сейчас как будто понятно, что трижды убийца тот, кто убивает мысль. Но ведь есть и другие сферы, которые ближе соприкасаются с властью и политикой и где трудно гарантировать автономию меньшинства ради альтернативных решений. Здесь нужна особенно тонкая и точная работа резцом законодателя, которая определяет меру сочетания взглядов и интересов большинства и меньшинства, подлинный социалистический плюрализм.

И последнее — долой льстецов из политической жизни! Наверное, все политические руководители у всех народов любят лесть. Но наши во времена Сталина и Брежнева любили лесть самой преувеличенной, культовой пробы. И не потому, что они верили в такие восхваления, а потому, что им нравились унижение льстеца, его распластанность и растоптанность. Некоторые наши доморощенные фуше и талеяраны прошли, как нож сквозь масло, через все политические режимы и ныне лихорадочно суетятся в борьбе за самосохранение.

К счастью, к руководству нашей страной пришли и приходят люди, которые имеют ясную программу развития страны и во главу угла поставили радикальную политическую реформу. Началось, будем надеяться, формирование новой школы политического лидерства и новой демократической культуры всего народа. В этом — надежная гарантия против рецидива сталинских и брежневских традиций.

ДОКУМЕНТЫ

4

Молния революции всколыхнула мир

Деятельность ЦК партии в документах: 1917 год

Внутрипартийная жизнь

Протестую против безудержного своевластия

«Ни шагу назад!»

Генетика — наша боль

О культе личности

КПСС в цифрах

Молния революции всколыхнула мир

Памятные строки «Правды»: первые дни

9 ноября 1917 г.

В Финляндии

ГЕЛЬСИНГФОРС. Пленарное заседание местных демократических организаций, выслушав поступившие сведения о произведенном в Петрограде перевороте, единогласно постановило послать приветствие революционным петроградским войскам и рабочим, выразить одобрение президиумам областного комитета, исполнительного комитета и Центробалта за все распоряжения, сделанные ими в течение последних двух дней, поручить упомянутым трем организациям руководить в будущем жизнью Финляндии. Во время заседания представитель финляндской с.-д. партии передал собранию приветствие от имени финляндской демократии и просил принять уверенность и готовность финляндских с.-д. совместно с русской демократией бороться против буржуазии. Финляндская буржуазия, закончил оратор, такой же враг финской демократии, как и русской.

10 ноября 1917 г.

Из Воззвания

международной (циммервальдской) социалистической комиссии и заграничного представительства Ц. К. большевиков.

К пролетариям всех стран

Рабочие и работницы! В Петрограде 25 октября рабочие и солдаты одержали победу над правительством капиталистов и помещиков.

...Если русская революция будет побеждена., то капиталисты будут таскать вас с одного поля сражения на другое., пока не истечете кровью.

Да здравствует немедленное перемирие!

Да не раздастся более ни один выстрел! Поднимайтесь на борьбу за мир без аннексий и контрибуций.

**Гарнизон и Центробалт Финляндии
за власть Советов**

...Всероссийскому съезду советов отправлена следующая телеграмма:

«Общее собрание Гельсингфорского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, Центробалта, областного комитета Финляндии и судовых, полковых и ротных комитетов приветствует Петроградский пролетариат и революционный гарнизон и обещает власти, избранной съездом советов, всю поддержку. Да здравствует мир! Да здравствует Учредительное Собрание!»

От великобританского посольства

В петроградской печати появилось сообщение, будто 26-го октября дипломатические представители союзных держав в Петрограде постановили покинуть Россию в том случае, если окажется, что все армии перейдут на сторону Петроградского Совета. Великобританское посольство настоящим объявляет: вопроса о выезде дипломатических представителей из Петрограда не поднималось, равным образом не возбуждался вопрос о сношениях с Комитетами, заседающими в Смольном...

12 ноября 1917 г.

Шведские революционные социал-демократы о Русской революции

СТОКГОЛЬМ. Орган шведских социал-демократов «Политикен» пишет: «Революция рабочих и солдат, низвергнувшая в марте царизм, стремилась к миру, хлебу и обеспечению власти народа. Но власть захватили в свои руки капиталисты. Последовал голод, стало ясно: или революция убьет войну, или война — революцию. Бюрократия и капиталисты делали все для того, чтобы

война убила революцию. Однако в июле рабочий класс восстал под руководством левых социалистов, дабы спасти революцию. Но последняя была потоплена в крови контрреволюцией, под рукоплескания всех социал-патриотов и даже шведских правых социалистов. Но революция... сомкнула свои ряды, социалисты встали из крови, из тюрем, к ним примкнули крестьянские представители, флот перешел на их сторону, их влияние возросло в армии. Никакая клевета, никакой прекрасно организованный поход не могли помешать росту популярности большевиков, ибо это была единственная свободная социалистическая партия, другие социалистические партии были скомпрометированы, находились в рабском подчинении у буржуазии и иностранной дипломатии. Теперь буржуазия капитулировала, власть перешла в руки рабочих и солдатских Советов. Наступила новая революция. Победит ли она или превратится в новую Парижскую Коммуну? Или это будет восстанием пролетариата, призванным освободить мир? С трепещущими сердцами ждет рабочий класс известий с востока: взойдет ли солнце свободы и мира. Неужели рабочий класс и воюющие солдаты всех других стран останутся снова простыми зрителями, или же теперь они присоединятся к своим доблестным братьям, своим товарищам богатырям Петрограда? Прежде всего наши взоры направлены на рабочий класс Германии. В руках германского пролетариата сейчас находятся судьбы рабочих масс, мир на земле, международная победа социальной революции».

16 ноября 1917 г.

Международный пролетариат и Октябрьская революция

Ниже печатаем телеграммы, которые заграничное представительство ЦК нашей партии получило от выдающихся вождей международной социал-демократии по поводу нашей революции.

Телеграммы эти вполне подтверждают те наши предположения о роли нашей революции для борьбы за мир, за победу пролетариата над империализмом. Вождь Независимой социал-демократической партии в Германии тов. Ледебур прислал телеграмму, в которой

приветствует произведенную в Петрограде революцию и видит в ней огромный шаг вперед по пути революционной борьбы пролетариата за мир. «Революция петроградских рабочих и солдат (вести о борьбе пролетариата в других городах, видно, еще до заграницы не дошли) послужит, по его словам, уроком для всемирного пролетариата».

Так оценивает политически революционное значение нашей революции т. Ледебур, никогда не бывший большевиком, а скорее примыкающий к тому крылу социал-демократии, которое представлено у нас правыми меньшевиками-интернационалистами.

Тов. Ледебур — старый вождь германской социал-демократии, ныне вождь т. н. Независимой Социал-демократической Партии.

В подготовке к восстанию в немецком флоте Независимая партия принимала деятельное участие и в последние месяцы перешла от мирной парламентарной оппозиции против войны к агитации за революционные массовые выступления рабочих на улице. К этой тактике массовой революционной борьбы призывали в Германии раньше еще и другие организации, из которых Бремсиская организация и группа Спартака во главе с Либкнехтом является центром этого лево-циммервальдского течения.

Голландские революционные социал-демократы давно уже борются в Голландии против господства империалистов «большевистскими» революционными методами.

Нейтральные страны не менее воюющих стран находятся под гнетом империалистической войны. Война, идущая под флагом «освобождения» маленьких народов, тяжелым бременем легла на них. Согласие душит одни нейтральные страны. Германия с Австрией душат другие страны. Обе борющиеся коалиции принуждают эти страны по «доброй воле» присоединиться к ним, борющимся за «право», «справедливость» и тому подобные вещи. А пока что держат их в мертвой сварке.

Эту постоянную угрозу быть втянутыми в войну используют правящие классы в Голландии и прочих странах, мобилизуя под шумок армию, работают на «оборону», — и таким образом вызывают то же самое расстройство хозяйственной жизни, как и в воюющих странах. С одной стороны, создается «военная конъюнк-

ктура» для капитала, работающего на оборону; капиталисты зарабатывают громадные деньги на счет государственной казны; с другой стороны, проявляется неслыханная дороговизна и бестоварье, вызывающие брожение среди пролетариата.

Наши голландские товарищи в политической борьбе указывают пролетариату, что бороться против этих результатов империалистической войны нужно не тем, чтобы охранять свой нейтралитет при помощи сильной армии, а только путем международной революции против всемирного империализма.

Вместе с голландскими товарищами приветствуют нашу революцию в специально выпущенном номере своего органа и наши шведские товарищи, с которыми связывает нас общность тактики, не меньше, чем с голландскими социал-демократами.

Так оценивает западноевропейский революционный социализм нашу пролетарско-крестьянскую революцию.

ДАЕМ СПРАВКУ

ЛЕДЕБУР Г. (1850—1947) — германский социал-демократ. В годы первой мировой войны выступал за восстановление интернациональных связей. В 1916 году после раскола германской социал-демократии вошел в центристскую Независимую социал-демократическую партию Германии. В 1931 году примкнул к социалистической рабочей партии. После прихода Гитлера к власти эмигрировал в Швейцарию.

18 ноября 1917 г.

Заграница о Русской революции

Петроград, из Торнео, 9-е ноября 1917 г. Французские циммервальдисты поздравляют храбрых большевиков, приветствуют немедленный мир и интернациональный социализм. Гильбо.

Съезду Советов, Петроград. Немецкая социал-демократическая партия Австрии с радостью приветствует русскую демократию, завладевшую властью. Она выражает полное согласие с вашим предложением о перемирии и мирных переговорах. Венские рабочие один-

надцатого на громадном собрании предложение о мире приняли.

Требуют немедленного перемирия. В парламенте будут сделаны соответствующие шаги. Австрийский пролетариат чувствует себя неразрывно связанным с вами в борьбе за скорейший демократический мир. Да здравствует Интернационал.

20 ноября 1917 г.

Делегация бельгийских рабочих

5-го ноября в Смольный явилась делегация от бельгийских рабочих, которые работают в качестве военнообязанных на Сестрорецком заводе и некоторых заводах Петрограда. Общее число их достигает 300 человек. Делегация просила т. Ленина передать русскому пролетариату, что бельгийские рабочие — всем сердцем с ним в борьбе за мир и социализм. Число их сторонников растет среди бельгийских рабочих с каждым днем. Французские газеты, издающиеся в Петрограде... отражают интересы не рабочих, а буржуазии, которая во всех странах объединяется для борьбы со своим классовым врагом, международным пролетариатом. Бельгийские рабочие готовы оказать новому крестьянскому, рабочему правительству полную поддержку, ибо программа, проводимая им, является одновременно и программой международного пролетариата.

«Правда», 20 ноября 1917 г.

ДАЕМ СПРАВКУ

ГИЛЬБО А. (1885—1938) — французский социалист, журналист. В годы первой мировой войны высказывался за восстановление интернациональных связей. Участник Кинтальской (1916) Конференции и II конгресса Коминтерна. Впоследствии перешел на троцкистские позиции, враждебно относился к СССР.

21 ноября 1917 г.

Гражданская война в Финляндии

В Финляндии, под Выборгом, идет бой между красной и белой гвардией. Железнодорожный путь у Выборга разобран. Нападение начато белогвардейцами в количестве 1.000 человек.

Ревель

Революционным комитетом Декрет о мире переведен на немецкий язык и распространяется в громадном количестве экземпляров на германском фронте.

Заграница о мире

Сегодняшний телеграф принес нам два характерных известия из Австрии и Франции.

В Австрии полуофициальный венский орган «Винер Фремдблят» высказывается сочувственно о предложении мира. Газета вынуждена признать, что Съезд Советов своим предложением приблизил осуществление вопроса о мире...

...Русская революционная демократия, высказываясь за освобождение своих народов, дает всем народам пример борьбы за свободу.

Что этот пример уже действует, видно из сведений, полученных из Франции. Телеграф принес известие о министерском кризисе и об отставке Пэнлеве, об образовании министерства завязанного реакционера Клемансо...

...Взялись за нагайку. Это показывает, что во Франции нарастает движение, которое изо дня в день может вылиться наружу.

22 ноября 1917 г.

Русская революция и заграница

АФИНЫ, 1 ноября. Со вчерашнего дня все газеты публикуют длинные телеграммы из Петрограда, Лондо-

на, Парижа и Рима относительно русских событий. Общественное мнение следит с большим интересом за развитием политического кризиса.

28 ноября 1917 г.

От французской военной миссии

Телеграмма генерала Щербачева генералу Духонину: «Начальник французской военной миссии генерал Бертело передал мне следующее письменное заявление: «Господин генерал, имею честь довести до Вашего сведения следующую телеграмму, полученную мною от председателя совета министров и военного министра: «В сообщении главной русской квартиры от 21-го ноября нового стиля ничего не говорится о положении на фронте и вместо того приводится приказ Совета Народных Комиссаров, предлагающий Верховному Главнокомандующему начать с военными властями противника переговоры о немедленной приостановке враждебных действий и приступить к мирным переговорам».

Я прошу Вас объявить Высшему Русскому Командованию, при котором Вы состоите, что Франция не признает власти Совета Народных Комиссаров и, уверенная в патриотизме Высшего Русского Командования, она рассчитывает, что последнее решительно отвергнет всякие преступные переговоры и удержит Русскую Армию на фронте лицом к общему врагу.

Сверх того Франция, считая себя связанной с Россией прежними военными соглашениями, уже заявила и снова определенно заявляет, что она не признает в России никакой власти, которая оказалась бы способна входить в соглашение с противником».

Яссы, 12 ноября 1917 года.

29 ноября 1917 г.

Не запугаете!

На решительные шаги Совета Народных Комиссаров, направленные к миру, представители «союзной»

буржуазии отвечают рядом двусмысленных угроз... Теперь согласие на общее перемирие, данное немцами, требует категорического ответа со стороны «союзных» правительств.

Мы не сомневаемся в том, что они всячески постараются запугать народные массы России. Но мы не видим никаких оснований бояться их угроз...

Ответ немецкого верховного командования

1). Главнокомандующий немецким восточным фронтом готов вступить в переговоры с русским верховным главнокомандующим.

2). Главнокомандующий немецким восточным фронтом уполномочен... вести переговоры о заключении перемирия.

3). В случае готовности русского верховного главнокомандующего вести переговоры с главнокомандующим немецким восточным фронтом, его просят отправить (комиссию) уполномоченных, снабженных письменными полномочиями, в главную квартиру главнокомандующего немецким восточным фронтом.

4). Главнокомандующий немецким восточным фронтом со своей стороны точно так же создаст комиссию, снабженную специальными полномочиями.

5). День и час встречи обеих комиссий может быть назначен русским верховным главнокомандующим. Необходимы указания, в каком месте русская комиссия намерена перейти фронт.

6). Главнокомандующий немецким восточным фронтом предоставит необходимый аппарат в целях установления прямого провода между комиссией и русским верховным командованием.

Главнокомандующий немецким восточным фронтом. Верно. Фон-Гофмейстер.

30 ноября 1917 г.

Рабочие и солдаты!

Распространяйте вашу газету «Правда». Посылайте прочитанные номера в деревню и на фронт. Вербуйте подписчиков.

От редакции газ. «Правда»

Редакция обращается ко всем тт. матросам, солдатам и красногвардейцам с просьбой присылать в редакцию «Правды» письма и заметки с рассказами о событиях... обороны Петрограда от похода Керенского.

Необходимо дать полную картину этой исторической защиты революционной столицы.

ДАЕМ СПРАВКУ

ДУХОНИН Н. Н. (1876—1917) — генерал царской армии, монархист. С сентября 1917 г. нач. штаба верховного главнокомандующего. После Октябрьской социалистической революции объявил себя верховным главнокомандующим. За отказ выполнить предписание СНК от 7 (20) ноября 1917 г. о немедленном перемирии был смещен и арестован в Ставке. Убит восставшими солдатами.

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

Венгрия

«Пешти напло». Петроград, 7 ноября: Перед Временным правительством Керенский заявил: «Я рассматриваю часть населения Петербурга как бунтовщиков. Поэтому я отдаю распоряжения о возбуждении судебных следствий и проведении необходимых арестов».

Левые прервали Керенского ироническими выкриками. Но тот отвернулся от них.

«Мадьярорсаг». Стокгольм, 7 ноября: 1 ноября большевики провели в Петрограде тайное совещание и большинством в три голоса определили, что запланированная акция будет отсрочена. Ленин и Троцкий проголосовали против переноса, Зиновьев, Каменев и Рязанов — за. Большевицкая партия не отказалась от своего плана. По всей вероятности, она хочет захватить правительство врасплох.

«Мадьярорсаг», 9 ноября: В Петрограде победила мирная революция. Северо-восточные радиостанции сегодня перехватили следующий отрывок из передачи искрового телеграфа, которая была послана из Петрограда и предназначалась всей армии: «Обращение военно-революционного комитета. (У телеграммы, которая воспроизводится по принятому тексту, отсутствует начало). Мы без промедлений освободили поли-

тических заключенных. Терещенко, Коновалов, Кишкин, Малантович, Никитин и др. бывшие министры арестованы по приказу революционного комитета. Керенский бежал. ...В Петрограде победила рабоче-крестьянская революция...»

«Непсава», 9 ноября: Как путь великой Французской революции от жиронды до якобинцев был болезненным и полным бурь, так и путь великой русской революции от кадетов до большевиков пролегал через множество сражений. От Гучкова и Милюкова до Ленина и Троцкого дистанция еще больше, чем от Бриссо и Гаде до Марата, и прыжок от цензового избирательного права в думе до Советов рабочих и солдат еще длиннее, чем от Национального собрания до Конвента. ...Если сосредоточиться только на основных пунктах, эта программа выдвигает в качестве цели три важных положения: 1) диктатура пролетариата; 2) безотлагательное заключение мира; 3) социализация заводов и земель.

...Партия большевиков, а с ней и власть пролетарских масс в России, сейчас зависят от двух факторов: удастся ли сделать движение общероссийским, привлечь на свою сторону крестьянство и пролетариат, и удастся ли немедленно заключить мир.

Великобритания

Вот как отложились события того времени в памяти ветерана рабочего и коммунистического движения Великобритании Эндрю Ротштейна («Правда» уже упоминала о нем в заметке «Лондонский корреспондент», опубликованной 4 ноября), начинавшего в ту пору свою политическую деятельность:

— В те годы я служил в британской армии. По крайней мере одна газета, доступная в наших казармах, попыталась на следующий день после Октябрьского восстания по-своему объяснить, что же произошло в России. «Дейли мейл» сообщила, что «вооруженные пацифисты свергли правительство в Петрограде». Другая газета пояснила, что «только заводские рабочие и бедные крестьяне» поддержали революцию, а «образованные классы» и все остальные — против нее.

В тех органах социалистов, которые были стойкими противниками империалистической войны, звучала

иная нота. Еженедельник Социалистической партии Британии «Колл» отмечал: «Социалисты подлинные, а не социалисты мнимые захватили бразды правления... Впервые на наших глазах устанавливается диктатура пролетариата».

Что касается правительства Ллойд Джорджа, то теперь мы знаем, что уже в первые дни Октябрьской революции оно направило группу офицеров для установления контактов с Калединым и руководителями донских казаков. В декабре на конференции союзников в Яссах британское правительство подняло вопрос об организации восстания белочехов против Советской власти на Волге и в Сибири (через шесть месяцев они его осуществили). В декабре же военный кабинет принял меморандум (позднее опубликованный Ллойд Джорджем в его мемуарах), в котором планировались секретные соглашения с контрреволюционной военной по всей территории России. Между тем в архивах разведывательного бюро министерства иностранных дел, ведавшего «информацией» для прессы, сохранилась запись от 12 ноября 1917 года: «Можно считать само собой разумеющимся, что большевистское правительство доживает последние дни».

Почему же британское правительство и контролируемая им пресса были столь самоуверенны в тот период? Как один из тех, кто жил в то время, я бы назвал три основные причины.

Первое. Цензура военного времени не позволила британской общественности узнать, что к концу 1917 года Россия потеряла убитыми около трех миллионов солдат — почти столько же, сколько Британия, Франция, Италия и США, вместе взятые.

Второе. Эта же цензура скрывала истинное положение в экономике России, в первую очередь проблему продовольствия, которая была в таком хаосе и развале, что британский посол в Петрограде и его военные советники постоянно предостерегали Лондон: ни русский народ, ни его армия не смогут продолжать воевать.

Третье. Британский народ держали в неведении (листовки конфисковывала полиция, пресса молчала), стараясь скрыть главное: Советы были избраны миллионами рабочих и крестьян. Поэтому британским газетам было нетрудно представлять читателям большевиков в самых оскорбительных выражениях. В ноябрьские дни 1917 го-

да перед социалистами стояла невероятно трудная задача — донести до британского рабочего класса правду об Октябрьской революции.

Франция

Газета «Эксельсиор», 17 сентября 1917 года: Как сообщают из Выборга, генерал Ораский, командующий 40-й русской дивизией, размещенной в Финляндии, а также генерал Стефанов и пять других офицеров были арестованы за участие в мятеже (Корнилова. — Ред.). Их провели в городскую ратушу, где им был оглашен приговор. Вокруг ратуши собрались тысячи военнослужащих. Семеро офицеров были убиты солдатами. Командующим 40-й дивизии назначен капитан Есанов.

«Юманите», 18 сентября 1917 года: Петроград. Здесь сообщили, что все средние и высшие учебные заведения города закрыты, поскольку учащихся привлекли к военным работам.

«Юманите», 29 сентября 1917 года: Многие газеты распространяют слухи о возвращении Ленина в Петроград. Был отдан приказ арестовать Ленина, если он будет обнаружен в Петрограде.

«Эксельсиор», 3 ноября 1917 года: Петроград. Здесь ходят упорные слухи о возможной вооруженной акции максималистов с целью захвата ими власти. Это вызывает оживленные комментарии прессы и беспокойство в политических кругах столицы. К петроградскому генеральному штабу подтянуты подкрепления из петроградского гарнизона, включая броневики, для защиты правительства.

Материалы полосы подготовили:
В. Большаков, Н. Ларионова, Ал. Руденко,
Н. Симаков, Ф. Тарасов.

Правда. 1988. 7 нояб.

Деятельность Центрального Комитета партии в документах

(события и факты)

«Известия ЦК КПСС» начинают публикацию документальных материалов из истории Центрального Комитета партии. В этом номере читатели познакомятся с хроникой 1917 г. — с момента Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде.

Почему именно этот день — 24 октября (6 ноября) 1917 г. — взята за «точку отсчета» в публикации документальных материалов? Прежде всего потому, что эта дата стала крупнейшей вехой в календаре всемирной истории, с нее началась новая страница жизни страны и жизни партии, ставшей с этого дня правящей. Принималось во внимание и то обстоятельство, что именно с октября 1917 г. начал, по существу, создаваться исторический архив Центрального Комитета партии (в дооктябрьский период по соображениям конспирации протоколы заседаний ЦК, не говоря уже о стенограммах, практически не велись).

Следует заметить, что многие документы, раскрывающие послеоктябрьскую деятельность Центрального Комитета и его руководящих органов, остаются до сих пор по разным причинам неопубликованными. Исключение составляют протоколы Центрального Комитета РСДРП(б) в период между VI и VII съездами партии, которые были изданы отдельной книгой дважды — в 1929 и 1958 гг.¹ Именно они легли в основу исторической хроники, публикуемой в этом номере.

В последующих номерах журнала рассказ о деятельности ЦК будет продолжен, и читатель сможет познакомиться с оригинальными документами, хранящимися в архивах партии, прежде всего в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Думается, что такая историческая хроника, рассказывающая о сложнейших событиях в жизни партии и ее ЦК, о внутренней борьбе, о партийном руководстве социалистическим строительством, будет с интересом воспринята не только молодыми читателями, изучающими историю КПСС, но и всеми, кто сегодня, в революционное время перестройки, обращается к опыту прошлого, к нашим социалистическим истокам, черпая в них понимание настоящего и предвидение будущего.

1917 ГОД

Возглавлявший победоносное Октябрьское вооруженное восстание Центральный Комитет РСДРП(б) был избран в августе 1917 г., на VI съезде партии в составе 21 члена и 10 кандидатов. Это были члены ЦК: В. И. Ле-

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917—февраль 1918. М.—Л., 1929; М., 1958.

нин, Я. А. Берзин, А. С. Бубнов, Н. И. Бухарин, Ф. Э. Дзержинский, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, А. М. Коллонтай, Н. Н. Крестинский, В. П. Милютин, М. К. Муранов, В. П. Ногин, А. И. Рыков, Я. М. Свердлов, Ф. А. Сергеев (Артем), И. Т. Смилга, Г. Я. Сокольников, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, М. С. Урицкий, С. Г. Шаумян. Кандидатами в члены ЦК были избраны П. А. Джапаридзе, А. А. Иоффе, А. С. Киселев, Г. И. Оппоков (А. Ломов), Е. А. Преображенский, Н. А. Скрыпник, Е. Д. Стасова, В. Н. Яковлева¹. В соответствии с § 13 Устава РСДРП, принятым VI съездом партии на первом заседании Пленума ЦК 4 августа 1917 г., был поставлен вопрос о выделении для текущей работы ЦК узкого состава Центрального Комитета. Было решено, что «узкий состав строит способ работы на принципе строгого распределения функций».

Между узким составом ЦК и партийными организациями на местах устанавливалась «самая тесная связь в форме периодической, регулярной письменной, взаимной отчетности». 5 августа Пленум избрал следующий узкий состав ЦК: И. В. Сталин, Г. Я. Сокольников, Ф. Э. Дзержинский, В. П. Милютин, М. С. Урицкий, А. А. Иоффе, Я. М. Свердлов, М. К. Муранов, А. С. Бубнов, Е. Д. Стасова, С. Г. Шаумян (а до приезда последнего — И. Т. Смилга). 6 августа 1917 г. на заседании узкого состава ЦК были распределены функции членов этого состава и решен ряд организационных вопросов. Организационная часть работы поручалась Секретариату, в который вошли 5 членов ЦК: Ф. Э. Дзержинский, А. А. Иоффе, Я. М. Свердлов, М. К. Муранов и Е. Д. Стасова². В протоколе этого заседания впервые упоминается Организационное бюро, которому было решено передать все хозяйственные дела ЦК.

В Октябрьские дни 1917 г., когда партия большевиков

¹ Фамилии двух кандидатов в члены ЦК установить не удалось. На съезде список полного состава ЦК не оглашался и не был занесен в протокол.

² С помощью небольшого технического аппарата Секретариат (в основном Я. М. Свердлов и Е. Д. Стасова) устанавливал и поддерживал прочные связи с местными партийными организациями, направляя их деятельность, занимался расстановкой партийных кадров, обеспечивал проведение заседаний ЦК. Работники Секретариата принимали многочисленных посетителей, рассматривали их просьбы и жалобы, распределяли политическую литературу и т. п.

активно готовилась к вооруженному восстанию, на заседании ЦК 10(23) октября «для политического руководства на ближайшее время» было создано Политическое бюро ЦК из 7 человек: В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, Г. Я. Сокольников, А. С. Бубнов.

При Центральном Комитете РСДРП(б) с апреля 1917 г. существовала также Военная организация, объединявшая фронтовые и тыловые организации РСДРП(б).

С приходом пролетариата к власти коренным образом изменилось положение большевистской партии: она стала правящей партией, организатором и руководителем трудящихся в осуществлении революционных преобразований.

ЦК РСДРП(б) последовательно выступал как орган политического руководства партией и государственной властью, как подлинный организатор партийного строительства, обеспечивая единство, сплоченность и активность действий всех организаций партии. Наряду с ЦК РСДРП(б) важнейшим центром политического руководства после Октябрьской революции стало Советское правительство — Совет Народных Комиссаров, а также Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (ВЦИК) — высший государственный орган страны в период между съездами Советов.

Сохранившиеся документы раскрывают направляющую теоретическую, политическую, организаторскую роль В. И. Ленина и в составе ЦК РСДРП(б), и в составе Совнаркома, его умение вести подлинно коллективную работу. Отношение В. И. Ленина, большинства членов ЦК к товарищам по партии, занимавшим порой ошибочные позиции, было образцом политической принципиальности.

Острая, аргументированная критика, принимаемые организационные меры не исключали возможности совместной работы в партии во имя общих целей. Достаточно вспомнить, что ряд деятелей, колебавшихся в решающие моменты революции, вышедших из ЦК и правительства, в дальнейшем, признав свои ошибки, вновь разделяли с В. И. Лениным трудности руководства строительством и вооруженной защитой нового общества.

На заседаниях ЦК постоянно шли дискуссии. Под-

держивалась теснейшая связь ЦК с местными партийными организациями, со многими отдельными членами партии. Письма Секретариата ЦК, направленные во все концы России, характеризуются глубиной мысли, целесообразностью, реализмом советов и указаний, уверенностью в победе революции, товарищеским тоном.

Публикуемая ниже хроника деятельности ЦК основывается на подлинных документах, хранящихся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, и других источниках.

24—26 октября (6—8 ноября)

— В Петрограде разворачивается победоносное восстание, свергающее власть Временного правительства. Устанавливается власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В. И. Ленин, ЦК РСДРП(б) осуществляют руководство восстанием. Созданный на заседании ЦК Военно-революционный центр (А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, М. С. Урицкий) действует в составе Петроградского Военно-революционного комитета, держит под контролем решающие пункты восстания. Большинство других членов и кандидатов в члены большевистского ЦК также находится в столице. Н. И. Бухарин, В. П. Ногин, В. Н. Яковлева работают в Москве, на Украине — Ф. А. Сергеев, в Баку — П. А. Джапаридзе, С. Г. Шаумян.

В. И. Ленин, ЦК РСДРП(б) готовятся к открытию II Всероссийского съезда Советов, а затем активно участвуют в его работе.

Аппарат ЦК — Секретариат разделен на две части. Оперативная, подчиняющаяся Я. М. Свердлову, находится в Смольном. Основная, под руководством Е. Д. Стасовой, — на Фурштадской улице, 19.

Ночь с 24 на 25 октября, утро 25 октября (с 6 на 7 ноября, утро 7 ноября)

— Под председательством В. И. Ленина проходит заседание ЦК РСДРП (б) (протокол заседания не сохранился). Заслушиваются сообщения о ходе вооруженного восстания, обсуждается вопрос о составе и наименовании нового правительства.

Из воспоминаний В. П. Милютин: «Посреди комнаты — стол, вокруг — несколько стульев, на полу сброшено чье-то пальто... Время от времени стук в дверь: поступают сообщения о ходе событий; вопрос еще не решен — на нашей ли стороне победа или нет, но соотношение сил вполне определилось — перевес на нашей стороне».

Из воспоминаний А. А. Иоффе: «Владимир Ильич на этом же заседании, несмотря на то, что оно было утром после совершенно бессонной и страшно нервно-напряженной ночи, был чрезвычайно бодр и очень весел, поддразнивал мрачно настроенных противников восстания и на их замечания, что мы «едва ли продержимся две недели», отвечал: «Ничего, когда пройдет 2 года, и мы все еще будем у власти, вы будете говорить, что еще 2 года продержимся».

Возможно, во время заседания ЦК В. И. Ленин набросал схему Советского правительства, в которой записал: «Немедленное создание.. комиссий народных комиссаров... (министры и товарищи министра)». Ленин дает точное обозначение классового характера правительства: «рабочее и крестьянское правительство».

Решая вопрос о первом Советском правительстве, участники заседания мысленно обращались к опыту Великой французской революции, Парижской Коммуны.

«Как же вы собираетесь управлять?» — спросил одного из цекистов меньшевик Н. Н. Суханов. «Коллегии будут управлять, как в Конвенте!» — последовал ответ.

Из воспоминаний Г. И. Оппокова (А. Ломова): «Наше положение было трудным до чрезвычайности. Среди нас было много прекраснейших высококвалифицированных работников, было много преданнейших революционеров, исколесивших Россию по всем направлениям, в кандалах прошедших от Петербурга, Варшавы, Москвы весь крестный путь до Якутии и Верхоянска, но всем надо было еще учиться управлять государством. Каждый из нас мог перечислить чуть ли не все тюрьмы в России с подробным описанием режима, который в них существовал. Мы знали, где бьют, как бьют, где и как сажают в карцер, но мы не умели управлять государством и не были знакомы ни с банковской техникой, ни с работой министерств».

Из воспоминаний А. В. Луначарского: «Это было в день составления первого Совнаркома. Тов. Каменев, встретив меня в коридорах Смольного, сказал мне с радостной улыбкой, что ЦК партии, подбирая состав правительства, решил доверить мне Народный комиссариат по просвещению. Новость была волнующая, даже пугающая той громадной ответственностью, которая возлагалась на мои плечи».

25—26 октября (7—8 ноября)

— ЦК РСДРП(б) неоднократно проводит совещания большевистской фракции (делегатов-большевиков) II Всероссийского съезда Советов. В выступлениях В. И. Ленина разъяснялась политическая линия ЦК, давались указания, как практически проводить эту линию на съезде.

Обсуждались ленинские проекты декретов о мире, о земле, состав Советского правительства и др.

25 октября (7 ноября), 10 час. 40 мин. вечера

— Открывается первое заседание II Всероссийского съезда Советов. Меньшевики, правые эсеры и бундовцы уходят со съезда. Съезд принял внесенную большевиками резолюцию, осуждавшую попытки меньшевиков и эсеров сорвать «полномочное всероссийское представительство рабочих и солдатских масс в тот момент, когда авангард этих масс с оружием в руках защищает съезд и революцию от натиска контрреволюции». «Уход соглашателей,— говорилось в резолюции,— не ослабляет Советы, а усиливает их, так как очищает от контрреволюционных примесей рабочую и крестьянскую революцию».

26 октября (8 ноября), 5 часов утра

— II Всероссийский съезд Советов принимает написанный В. И. Лениным текст воззвания «Рабочим, солдатам и крестьянам!» о свержении Временного правительства и переходе власти в руки Советов.

— Состоялось заседание ЦК РСДРП(б) под председательством В. И. Лениным (протокол не сохранился). Продолжалось обсуждение вопроса о составе, структуре и названии Советского правительства. Чтобы

обеспечить расширение социальной базы правительства, ЦК предлагает войти в него левым эсерам. На заседание приглашены члены руководства левых эсеров Б. Д. Камков, В. А. Карелин, В. Б. Спиро. Левые эсеры отклоняют предложение, и ЦК РСДРП(б) утверждает состав однопартийного большевистского правительства для внесения на II съезд Советов.

Из написанного Лениным обращения ЦК РСДРП(б) «Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России»: «Мы крайне сожалеем, что товарищи левые эсеры отказались, мы считаем их отказ недопустимым для революционера и сторонника трудящихся, мы во всякое время готовы включить левых эсеров в состав правительства, но мы заявляем, что, как партия большинства на Втором Всероссийском съезде Советов, мы вправе и *обязаны* перед народом составить правительство».

26 и в ночь на 27 октября (8 и в ночь на 9 ноября)

— На втором заседании II съезда Советов принимаются написанные В. И. Лениным и предложенные большевистской фракцией декреты о мире, о земле и об образовании рабочего и крестьянского правительства.

Из декрета II Всероссийского съезда Советов: «Заведывание отдельными отраслями государственной жизни поручается комиссиям, состав которых должен обеспечить проведение в жизнь провозглашенной съездом программы, в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих. Правительственная власть принадлежит коллегии председателей этих комиссий, т. е. Совету Народных Комиссаров. Контроль над деятельностью народных комиссаров и право смещения их принадлежит Всероссийскому съезду Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и его Центральному Исполнительному Комитету. В настоящий момент Совет Народных Комиссаров составляется из следующих лиц: Председатель Совета — Владимир Ульянов (Ленин); Народный комиссар по внутренним делам — А. И. Рыков; Земледелия — В. П. Милютин; Труда — А. Г. Шляпников; По делам военным и морским — комитет в составе: В. А. Овсеенко (Антонов), Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко; По делам торговли и промыш-

ленности — В. П. Ногин; Народного просвещения — А. В. Луначарский; Финансов — И. И. Скворцов (Степанов); По делам иностранным — Л. Д. Бронштейн (Троцкий); Юстиции — Г. И. Оппоков (Ломов); По делам продовольствия — И. А. Теодорович; Почт и телеграфов — Н. П. Авилов (Глебов); Председатель по делам национальностей — И. В. Джугашвили (Сталин)».

Из 15 членов избранного на съезде правительства 7 входили в состав ЦК партии.

Полковник Р. Робинс, представитель американского Красного креста в России в 1917 г., отмечал: «...Первый Совет Народных Комиссаров, если основываться на количестве книг, написанных его членами, и языков, которыми они владели, по своей культуре и образованности был выше любого кабинета министров в мире».

— Избирается новый состав Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов (ВЦИК) — полномочный руководящий орган, к которому переходят все права съезда Советов.

27 октября (9 ноября)

— Центральный орган РСДРП, издававшийся как «Рабочий путь», вышел под старым названием «Правда». В нем публиковались декреты, принятые II Всероссийским съездом Советов.

— Состоялось первое заседание ВЦИК. Из 101 члена ВЦИК 62 — большевики, 29 — левые эсеры, 6 — меньшевики-интернационалисты, 3 — украинские социалисты, 1 — эсер-максималист. Председателем ВЦИК избирается член ЦК РСДРП(б) Л. Б. Каменев. Формируется большевистская фракция ВЦИК. В нее входят все члены ЦК РСДРП(б), избранные во ВЦИК.

— Состоялись первое и второе заседания Совета Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина (заседания не протоколировались).

Вспоминает секретарь СНК Н. П. Горбунов: «Не имея представления, как нужно вести протоколы, я попытался записывать содержание доклада, но, конечно, не поспевал, т. к. стенографией я не владею. Кто присутствовал на заседании, не зафиксировал: председа-

тельствоваЛ Ленин. На заседании слушался доклад приехавшего из Москвы тов. Ногина о московских событиях».

Были приняты первые декреты СНК, ставшие в дальнейшем важнейшим средством пропаганды политики большевистской партии, организации Советской власти и народных масс в борьбе за создание нового социалистического общественного строя. Всего с 26-го октября 1917 г. и до VII съезда РКП(б) Совнарком и ВЦИК приняли 378 декретов и постановлений. Среди них такие важнейшие документы, открывающие эпоху социалистической демократии, как «Декларация прав народов России», «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», «Положение о рабочем контроле», «Об учреждении Высшего Совета народного хозяйства» и т. д.

Из письма ЦК РСДРП местным партийным организациям: «Если же вам нужно знать линию ЦК, то рекомендуем вашему вниманию все декреты Совета Народных Комиссаров, т. к. они проводят в жизнь программные вопросы нашей партии».

— Возобновляется, прерванная восстанием, переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Всего до конца 1917 г. и в 1918 г. Секретариат ЦК направил на места 1100 писем. Поддерживались связи примерно с 600 организациями. Количество писем, полученных в ЦК партии, точному учету не поддается. Секретариат ЦК ежедневно посещали десятки делегаций и отдельных работников. Секретариат ЦК РСДРП(б) направлял и организовывал деятельность всех местных партийных организаций в борьбе за завоевание и упрочение власти Советов. Возглавлял работу Секретариата ЦК РСДРП(б), а фактически и всю организационную работу в партии Я. М. Свердлов. Первым помощником его была кандидат в члены ЦК Е. Д. Стасова. В Секретариате работали также К. Т. Новгородцева, В. Р. Менжинская и другие.

29 октября (11 ноября)

— Состоялось заседание ЦК.

Присутствовали: Я. А. Берзин, Л. Б. Каменев, В. П. Милютин, А. И. Рыков, Г. Я. Сокольников,

А. А. Иоффе, Ф. Э. Дзержинский, А. М. Коллонтай, Я. М. Свердлов, А. С. Бубнов, М. С. Урицкий¹.

На заседании рассматривалась группа вопросов, связанных с требованием Всероссийского исполнительного комитета союза железнодорожников (Викжеля)², поддерживаемого эсерами и меньшевиками, создать так называемое однородное социалистическое правительство из представителей всех советских партий вплоть до «народных социалистов» с одновременным упразднением ВЦИК и СНК и формированием взамен ВЦИК «Народного совета». Центральный Комитет принял решение: признать необходимым расширение базы правительства и возможным изменение его состава. Было решено направить двух представителей ЦК — Г. Я. Сокольникова и Л. Б. Каменева для участия в совещании при Викжеле по вопросу о власти.

ЦК утвердил следующую платформу переговоров:

а) новое правительство создается ЦИК и ответственно перед ним;

б) правительство подтверждает декрет II съезда Советов о мире и земле;

в) ЦИК должен быть пополнен «представителями ушедших со II съезда партий в пропорциональном количестве».

Дважды голосовалось на заседании ЦК предложение о вхождении в новое правительство представителей «всех советских партий». При повторном поименном голосовании оно было отвергнуто большинством голосов (7) против 4 (Л. Б. Каменев, В. П. Милютин, А. И. Рыков, Г. Я. Сокольников). Таким образом, внутри ЦК образовалась оппозиция, сомневавшаяся в том, что большевики смогут удержать и закрепить власть.

— Вышел в свет «Бюллетень ЦК РСДРП (большевиков)» № 1. В нем говорилось: «Ввиду того, что газеты не доходят и телеграммы не передаются, ЦК

¹ Здесь и далее фамилии присутствовавших на заседаниях ЦК даются в той последовательности, как они записаны в протоколах.

² Викжель — Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза. Руководящую роль в нем играли меньшевики и эсеры. Они использовали этот комитет как орудие борьбы за отстранение от власти большевиков. В декабре 1917 г. Чрезвычайный Всероссийский съезд железнодорожных рабочих и мастеровых выразил политическое недоверие данному составу Викжеля, а в январе 1918 г. Чрезвычайный Всероссийский железнодорожный съезд избрал новое руководство своего профсоюза.

для осведомления решил разослать краткие бюллетени...» Бюллетень содержал краткую хронику борьбы за власть Советов в Петрограде и других крупнейших городах страны.

30 октября (12 ноября)

— Вышел в свет «Бюллетень ЦК РСДРП (большевиков)» № 2. В нем сообщалось о решении ЦК РСДРП (б), принятом 29 октября относительно расширения базы правительства. Секретариат ЦК разослал «Бюллетень» в 609 организаций.

31 октября (13 ноября)

— Секретариат ЦК направил на места «Бюллетень ЦК РСДРП (большевиков)» № 3. В нем сообщалось о продолжающихся переговорах с Викжелем, о положении в Петрограде, революционных событиях в Москве и других областях России.

— Партийные организации все более ощущают недостаток опытных, политически зрелых работников.

Из письма Секретариата ЦК РСДРП(б) Сызранскому комитету РСДРП(б): «Напрасно вы думаете, что отсутствие людей от нас означает, что мы мало беспокоимся о вашей организации. При всем желании мы не в силах послать вам ни одного человека, так как лекторских сил нет в нашем распоряжении. Те товарищи, которые могут читать лекции, не могут оставить Петрограда, так как они перегружены всяческой работой: и по Учредительному собранию, и по муниципальному делу, и по Совету рабочих депутатов. А теперь прибавилась еще грандиозная работа по министерствам, Революционному комитету, ЦИК и т. д. и т. д. Войдите и вы, товарищи, в положение ЦК, который вынужден с такими сравнительно ограниченными силами нести колоссальную работу легальной партии, строить организацию во время революции плюс война. Думаю, что вы поймете положение дел и простите те упущения, которые неизбежны».

1(14) ноября

— Состоялось расширенное заседание ЦК при участии В. И. Ленина.

Присутствовали: 12 членов ЦК, 3 члена правительства, не входящие в ЦК, 5 членов исполнительной комиссии Петербургского комитета партии, 1 член Военной организации при ЦК РСДРП(б), 1 представитель профессиональных союзов и делегат ВЦИК, участвовавший в переговорах с Викжелем (Д. Б. Рязанов).

На заседании обсуждался доклад Л. Б. Каменева о переговорах делегации ЦК с Викжелем и представителями других партий. На заседании ЦК трижды выступал В. И. Ленин. Большинство членов ЦК подвергло резкой критике представителей РСДРП(б) на совещании — Л. Б. Каменева, Г. Я. Сокольников, Д. Б. Рязанова. При принятии резолюции по обсуждаемому вопросу большинство членов ЦК («за» — 10, «против» — 4) высказалось за продолжение переговоров с Викжелем.

— Вышел «Бюллетень ЦК РСДРП (большевиков)» № 4 с информацией о политическом и продовольственном положении в Петрограде, Москве, Минске, Орше, Смоленске, Саратове и других городах.

2(15) ноября

— Состоялось заседание ЦК с участием В. И. Ленина (протокол заседания не сохранился). На повестке дня стоял вопрос об оппозиции внутри ЦК. На заседании была принята (10 голосами «за» и 5 голосами «против») внесенная В. И. Лениным «Резолюция ЦК РСДРП(б) по вопросу об оппозиции внутри ЦК». В ней говорилось: «Центральный Комитет признает, что сложившаяся внутри ЦК оппозиция целиком отходит от всех основных позиций большевизма и пролетарской классовой борьбы вообще, повторяя глубоко немарксистские словечки о невозможности социалистической революции в России, о необходимости уступить ультиматумам и угрозам уйти со стороны заведомого меньшинства советской организации, срывая таким образом волю и решение II Всероссийского съезда Советов, саботируя таким образом начавшуюся диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства». В резолюции подчеркивалось, что ЦК готов пойти на коалицию на почве Советов с партиями, отказавшимися участвовать в правительстве, «что, следовательно-

но, абсолютно ложны речи, будто большевики ни с кем не хотят разделить власти».

— Вышел в свет «Бюллетень ЦК РСДРП (большевики)» № 5 с информацией о поражении войск Временного правительства под Гатчиной, о принятии ВЦИК предложенной большевиками резолюции о соглашении социалистических партий.

4(17) ноября

— Состоялось заседание ЦК с участием В. И. Ленина (протокол не сохранился). На заседании был оглашен написанный Лениным «Ультиматум большинства ЦК РСДРП(б) меньшинству».

Ультиматум, подписанный В. И. Лениным, Л. Д. Троцким, И. В. Сталиным, Я. М. Свердловым, М. С. Урицким, Ф. Э. Дзержинским, А. А. Иоффе, А. С. Бубновым, Г. Я. Сокольниковым, М. К. Мурановым, был вызван нарушением Л. Б. Каменевым, А. И. Рыковым, В. П. Милютиным, Г. Е. Зиновьевым и В. П. Ногиным постановления ЦК от 2(15) ноября. На заседании ВЦИК они открыто голосовали против этого постановления при обсуждении вопроса о численном и персональном представительстве большевистской партии в составе правительства. ЦК категорически потребовал от меньшинства подчинения партийной дисциплине и проведения политики, определенной решением ЦК.

Из Заявления в «ЦК РСД рабочей партии (большевики)», подписанного Л. Б. Каменевым, А. И. Рыковым, В. П. Милютиным, Г. Е. Зиновьевым, В. П. Ногиным 4(17) ноября 1917 г.: «ЦК РСДРП (большевики) 1 ноября принял резолюцию, на деле отвергающую соглашение с партиями, входящими в Совет р. и с. депутатов, для образования социалистического Советского правительства.

Мы считаем, что только немедленное соглашение на указанных нами условиях дало бы возможность пролетариату и революционной армии закрепить завоевания Октябрьской революции, укрепиться на новых позициях и собрать силы для дальнейшей борьбы за социализм.

Мы считаем, что создание такого правительства необходимо ради предотвращения дальнейшего кровопролития, надвигающегося голода, разгрома революции

калединцами, обеспечения созыва Учредительного собрания в назначенный срок и действительного проведения программы мира, принятой II Всероссийским съездом Советов р. и с. депутатов...

Мы не можем нести ответственность за эту гибельную политику ЦК, проводимую вопреки воле громадной части пролетариата и солдат, жаждущих скорейшего прекращения кровопролития между отдельными частями демократии.

Мы складываем с себя поэтому звание членов ЦК, чтобы иметь право откровенно сказать свое мнение массе рабочих и солдат и призвать их поддержать наш клич: Да здравствует правительство из советских партий! Немедленное соглашение на этом условии.»

— В. П. Ногин, А. И. Рыков, В. П. Милютин, И. А. Теодорович вышли из Совнаркома.

— Очередной (№ 6) «Бюллетень ЦК РСДРП (большевиков)» изложил резолюцию ЦИК о соглашении социалистических партий и резолюцию ЦК по вопросу об оппозиции внутри ЦК от 2(15) ноября 1917 г.

В ночь с 4 на 5 и 5 (с 17 на 18 и 18) ноября

— Состоялось заседание ЦК РСДРП(б) с участием В. И. Ленина (протокол заседания не сохранился). На заседании обсуждался вопрос о замене вышедших из состава Советского правительства наркомов и других работников.

— Секретариат ЦК разослал на места «Бюллетень ЦК РСДРП (большевиков)» № 7, где сообщалось о выходе Л. Б. Каменева, А. И. Рыкова, В. П. Милютина, Г. Е. Зиновьева и В. П. Ногина из состава ЦК, а народных комиссаров В. П. Ногина, А. И. Рыкова, В. П. Милютина и других — из состава правительства. ЦК информировал места о развитии революции, о приветствии русской революции немецкими и австрийскими социалистами.

5 или 6 (18 или 19) ноября

— Состоялось заседание ЦК (протокол не найден). На заседании был принят второй, написанный В. И. Лениным, ультиматум ЦК Л. Б. Каменеву, Г. Е. Зиновьеву, Д. Б. Рязанову и Ю. Ларину в связи с нарушением

ими партийной дисциплины. ЦК потребовал либо немедленно подчиняться решениям ЦК и проводить его политику, либо отстраниться от всякой публичной партийной деятельности и «покинуть все ответственные посты в рабочем движении, впредь до партийного съезда».

— В. И. Ленин пишет Обращение ЦК РСДРП(б) «Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России», указывая, что уход Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева, В. П. Ногина, А. И. Рыкова с занимаемых постов есть дезертирство. Обращение публикуется в «Правде» 7(20) ноября 1917 г.

6(19) ноября

— На заседании ВЦИК избран Президиум, в который от большевиков вошли 6 членов и 2 кандидата, из них — 3 члена ЦК РСДРП(б): Я. М. Свердлов, Ф. Э. Дзержинский, П. И. Стучка, от левых эсеров — 4 человека.

7(20) ноября

— Вышел в свет «Бюллетень ЦК РСДРП (большевиков)» № 8. В нем излагалось Обращение ЦК РСДРП(б) «Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России».

«Правда» публикует «Письмо к товарищам» Г. Е. Зиновьева: «Я обращаюсь к моим ближайшим единомышленникам. Товарищи! Мы пошли на большую жертву, выступив с открытым протестом против большинства нашего ЦК и требованием соглашения. Это соглашение, однако, отвергнуто другой стороной. При таком положении вещей мы обязаны воссоединиться с нашими старыми товарищами по борьбе. Время трудное, время крайне ответственное. Наше право, наш долг предостерегать партию от ошибок. Но мы остаемся вместе с партией, мы предпочтем делать ошибки вместе с миллионами рабочих и солдат и вместе с ними умирать, чем отойти в сторону в этот решающий, исторический момент. У нас могут оставаться расхождения, мы сделали все, что могли, чтобы добиться решения вопроса в нашем духе. Но при данном положении вещей мы обязаны, по-моему, подчиниться партийной

дисциплине и поступить так же, как поступили левые большевики, когда они остались в меньшинстве по вопросу об участии в Предпарламенте и обязались при этом проводить политику большинства.

Никакого раскола в нашей партии не будет и быть не должно».

8(21) ноября

— Состоялось заседание ЦК с участием В. И. Ленина (списка присутствовавших в оригинале протокола нет). В связи с дезорганизаторской политикой и неподчинением решениям ЦК Л. Б. Каменева, Д. Б. Рязанова и других ЦК принял решение отстранить Л. Б. Каменева от должности Председателя ВЦИК с принципиальной мотивировкой: «несоответствие между линией ЦК и большинства фракции с линией Каменева». О Д. Б. Рязанове и других вопрос был отложен. Проведение решения ЦК во фракции поручалось Л. Д. Троцкому, И. В. Сталину и А. А. Иоффе.

Рассматривался также вопрос о ликвидации саботажа работников Министерства финансов, Госбанка и др.

— Вместо Л. Б. Каменева на пост Председателя ВЦИК был рекомендован Я. М. Свердлов.

Из воспоминаний Н. К. Крупской: «21 ноября 1917 г. вместо смененного Л. Б. Каменева Председателем ВЦИК был выбран Яков Михайлович Свердлов. Его кандидатуру выдвинул Ильич. Выбор был исключительно удачен. Яков Михайлович был человеком очень твердым. В борьбе за Советскую власть, в борьбе с контрреволюцией он был незаменим. Кроме того, предстояла громадная работа по организации государства нового типа, — тут нужен был организатор крупнейшего масштаба. Именно таким организатором был Яков Михайлович».

11(24) ноября

— Секретариат ЦК получает письмо Проскуровского комитета РСДРП(б) Подольской губ. и отвечает на него.

Из письма Проскуровского комитета РСДРП(б) в ЦК:

«Просим нас снабдить через т. Ивлева, подателя

сего письма, литературой, о которой мы писали вам в письме, и воззваниями.

Что касается газет, то просим присылать нам по 50 экземпляров органа Центрального Комитета».

Из ответа Секретариата ЦК Проскуровскому комитету РСДРП(б): «...Мы открыли для вас кредит в издательстве «Прибой», но именно кредит, а не комиссию, так как на комиссию «Прибой» книг не отпускает ввиду сложности этой операции. Воззваниями мы в настоящий момент не богаты, так как все наличные силы были временно отвлечены крупнейшей работой по созданию нового правительства и налаживанию этого громадного технического и политического аппарата».

Из письма ЦК РСДРП(б) Донскому окружному бюро РСДРП(б): «Относительно положения дел в Питере и в провинции, вы, вероятно, осведомлены, если до вас дошли наши бюллетени, всего счетом 8, и если «Правда» до вас доходит. Что касается внутренних дел, то, как и следовало ожидать, поведение 5-ки, вышедшей из ЦК (Зиновьев вернулся), вызвало колебание в некоторых местах. ЦК постановил отозвать Каменева из председателей ЦИК, так как его линия не соответствует линии ЦК».

11—25 ноября (24 ноября — 8 декабря)

— Под руководством ЦК РСДРП(б) проходят совещания большевистской фракции Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. По поручению ЦК, от имени фракции большевиков В. И. Ленин выступает на съезде с речами по аграрному вопросу (14(27) ноября), по поводу заявления представителя Викжеля и по вопросу об условиях соглашения с левыми эсерами (18 ноября (1 декабря)). Съезд одобрил политику Совнаркома и выдвинутые большевиками принципы соглашения с партией левых эсеров.

13(26) ноября

— Секретариат ЦК выдал В. И. Ленину удостоверение, подтверждавшее, что ЦК РСДРП(б) делегировал его на Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов.

В ночь с 14 на 15 (с 27 на 28) ноября

— Состоялось совместное заседание ЦК РСДРП(б) (с участием В. И. Ленина) и бюро фракции левых эсеров во ВЦИК, на котором обсуждались вопросы о расширении состава ВЦИК и о вхождении левых эсеров в СНК. На заседании ВЦИК 17(30) ноября левые эсеры дали согласие войти в состав Советского правительства.

20 ноября — 15 декабря (3—28 декабря)

— Секретариат ЦК рассылает местным организациям циркулярное письмо с указаниями по вопросам практической работы.

В сопроводительном письме говорилось:
«Уважаемые товарищи!

Посылаем вам инструкцию, выработанную Московским областным бюро, так как считаем, что эта инструкция дает именно те указания, которые необходимы для практической работы.

С товарищеским приветом

Секретарь ЦК
Елена Стасова».

26 ноября — 10 декабря (9—23 декабря)

— На II Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов была создана и постоянно работала под руководством ЦК РСДРП(б) большевистская фракция. В. И. Ленин выступил на съезде 2 (15) декабря от имени большевистской фракции с речью о политике большевиков по отношению к Учредительному собранию. Съезд поддержал политику Совнаркома. Избранный на съезде исполком Советов крестьянских депутатов слился со ВЦИКом.

29 ноября (12 декабря)

— Состоялось заседание ЦК.

Присутствовали: Н. И. Бухарин, Г. И. Оппоков (Ломов), В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, М. С. Урицкий, М. К. Муранов, И. В. Сталин, Я. М. Свердлов, Е. Д. Стасова, с 4 пункта — Ф. Э. Дзержинский.

На заседании рассматривались вопросы: о линии большевиков по отношению к Учредительному собранию; об армейских и фронтовых съездах; о заявлении четверки и другие. Было решено отложить открытие Учредительного собрания, считаясь с тем, что выборы делегатов на него еще не закончились. По предложению В. И. Ленина просьба А. И. Рыкова, Л. Б. Каменева, В. П. Милютина, В. П. Ногина об их возвращении в ЦК была отклонена.

Одним из центральных на заседании стал вопрос о перераспределении сил. ЦК все более осознал, что отлив лучших партийных кадров в Советы и государственный аппарат наносит ущерб партийному строительству, идейно-политической и организационной работе партии. На заседании были намечены меры к исправлению положения.

Из протокольной записи заседания ЦК РСДРП(б) по 2-му вопросу порядка дня «Перераспределение сил («Правда» и партийная работа)»: «II. Ввиду того, что лучшие силы ушли в общегосударственную работу, партийная работа сильно страдает, что особенно заметно на партийном органе, совершенно не удовлетворяющем читателей, не дающем статей, разъясняющих декреты и т. д.

Объясняется это тем, что вся редакционная коллегия отошла от работы в редакции и de facto редактирует один тов. Сокольников, занятый банковской работой.

Тов. Троцкий указывает, что необходимо установить тесную связь между Советом Народных Комиссаров и редакциями наших газет, а для этой цели предлагает всем редакторам ежедневно собираться перед вечером в Смольном для информирования. Таким образом политика Совета будет тесно связана с политикой нашей партии...

Тов. Бухарин указывает, что это все же не поправит дела, так как газете не хватает материала, и если в газете нет белых мест, то исключительно потому, что газета заполняется декретами правительства. Необходимо редакторам писать самим и побольше, а потому он предлагает, чтобы его избавили от работы в Экономическом совещании и направили бы для работы туда тт. Оболенского и Смирнова, а он смог бы отдаться работе в «Правде».

Тов. Ленин указывает, что Экономическое совещание до сих пор не встречало достаточного к себе внимания, а вместе с тем оно представляет один из крупнейших факторов современного государственного строительства и потому нуждается в людях сведущих, каким является т. Бухарин, а потому он настаивает на том, чтобы т. Бухарина не включать в редакционную коллегию «Правды».

Тов. Стасова указывает, что, конечно, тов. Бухарин крайне нужен в Экономическом совещании, но еще гораздо более он нужен в «Правде»... Предлагает составить редакционную коллегию из трех: Сталин, Сокольников, Бухарин.

Тов. Урицкий поддерживает предложение и, кроме того, поддерживает тов. Троцкого относительно осведомления и информирования редакций, а потому предлагает включить в редакционную коллегию четвертым Троцкого.

Тов. Ленин предлагает иную тройку: Сокольников, Сталин, Троцкий.

Голосует предложение о составе редакции из трех: Бухарин, Сталин, Сокольников и принимается всеми голосами против одного, а также принимается предложение о включении Троцкого для специальной цели — информирования».

ЦК принял также решение о расширении функций созданного ранее (точная дата создания неизвестна) Бюро ЦК в составе: В. И. Ленин, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий. В протоколе записано: «Постановляется, что ввиду трудности собирать заседание ЦК этой четверке предоставляется право решать все экстренные дела, но с обязательным привлечением к решению всех членов ЦК, находящихся в тот момент в Смольном».

Ноябрь

— Секретариат ЦК направил в местные партийные организации «Опросный лист ЦК РСДРП(б)», содержащий 50 вопросов, 39 из которых воспроизводили опросный лист, направленный на места в мае — июне 1917 г., а 11 вопросов были включены дополнительно. Этим опросом Секретариат ЦК преследовал цель — «иметь постоянно полную картину того, что делается

на местах», просил местные партийные организации регулярно сообщать о положении дела.

1(14) декабря

— Заседание фракции большевиков Учредительного собрания.

В. И. Ленин выступает с докладом об отношении СНК и ЦК РСДРП(б) к Учредительному собранию.

2(15) декабря

— Секретариат ЦК направил письмо Луганскому комитету РСДРП(б).

Из письма Секретариата ЦК Луганскому комитету РСДРП(б): «Грустные вещи вы пишете об украинском национализме, вести о нем уже дошли до нас, как вы, вероятно, видели уже из газет. Несомненно, этот вопрос станет перед нами весьма серьезно, ибо, по-видимому, и украинцы с.-д. заражены национализмом, подобно грузинам, с чем усиленно приходилось бороться товарищам на Кавказе... Что касается наших дезертиров в лице четверки, то формально они желают вернуться в лоно, но нет никаких гарантий в том, что их фортель не будет ими повторен, так как суть их расхождения заключается в том недоверии к пролетариату, которое заставляет их сомневаться и в характере нынешней революции, и в возможности диктатуры пролетариата...

Дела идут не особенно блестяще, так как в Питере за последнее время идет пьянство — разбивают и громят винные склады, так что на этой почве происходят столкновения и стрельба. По всей видимости, это дело рук буржуазии и черносотенцев, пользующихся случаем, чтобы дискредитировать республиканский строй, ссылаясь на «темноту, невежество и неспособность масс к культурной жизни и работе». — Дела куча всякого, а людей нет, и потому, конечно, много недочетов и промахов, что неизбежно при полном переустройстве всей жизни. Однако бодрости не теряем и смело идем вперед.

С товарищеским приветом...

Е. Стасова».

5(18) декабря

— Состоялось заседание ЦК совместно с большевиками — членами Учредительного собрания (протокол не сохранился). Принято постановление, запрещающее большевикам — членам Учредительного собрания выезжать из Петрограда. Исключение было сделано для тех, кто уезжал на расстояние не более суток езды от Петрограда.

— Секретариат ЦК по поручению В. И. Ленина отвечает на письмо, посланное В. И. Ленину большевистски настроенным солдатом (автор не установлен).

В ответе Секретариата ЦК говорилось:

«Уважаемый товарищ! Тов. Ленин не имеет возможности отвечать на все письма, адресованные ему, а потому поручил ответить нам по вопросу о работе среди Ваших единомышленников. Для борьбы с кадетами Вам необходимо иметь за собой определенное большинство, которое своим голосованием проводило бы нашу, большевистскую линию. Другими словами, Вам необходимо создать большевистскую группу в Вашем строительстве. С этой целью Вам нужно разбирать с солдатами те брошюры, которые касаются как программных, так и тактических вопросов. Путем такого разбора Вы проведете определенную агитацию, разоблачите подоплеку кадетов и привлечете симпатии на Вашу сторону. Если в каких-либо вопросах у Вас встретятся недоразумения, просим обращаться за разъяснениями по адресу: Петроград, Николаевская, 12...

С товарищеским приветом».

Декабрь, ранее 11(24) декабря

Заседание большевистской фракции Учредительного собрания. Избранное фракцией бюро (Л. Б. Каменев, А. И. Рыков, В. П. Милютин, В. П. Ногин, Д. Б. Рязанов и др.) расходится с ЦК РСДРП(б) в оценке Учредительного собрания и требует созыва партийного съезда или конференции для обсуждения линии партии по отношению к Учредительному собранию.

11(24) декабря

— Состоялось заседание ЦК.

Присутствовали: Г. Е. Зиновьев, Я. М. Свердлов, В. И. Ленин, Г. Я. Сокольников, И. В. Сталин, Н. И. Бу-

харин, М. С. Урицкий, Л. Д. Троцкий, Ф. Э. Дзержинский, Е. Д. Стасова.

Обсуждался один вопрос — о большевистской фракции Учредительного собрания, поставленный «ввиду того, что во фракции водворились настроения правого крыла и расхождения ее с мнением ЦК». В ходе заседания обсуждались предложения В. И. Ленина, Г. Е. Зиновьева, Я. М. Свердлова. ЦК решил на следующий день провести собрание фракции, на котором намечалось заслушать доклад ЦК, тезисы ЦК об отношении к Учредительному собранию и произвести перевыборы бюро фракции. ЦК поручил Г. Я. Сокольникову и Н. И. Бухарину вести работу во фракции.

12(25) декабря

ЦК РСДРП проводит заседание большевистской фракции Учредительного собрания. Обсуждаются и принимаются написанные Лениным и представленные им от имени ЦК «Тезисы об Учредительном собрании». На другой день Тезисы публикуются в «Правде».

25 декабря (5 января 1918 г.)

— Состоялось заседание Военной организации при ЦК РСДРП(б) (протокол не обнаружен); обсуждался вопрос о создании социалистической армии.

Публикация подготовлена
научными сотрудниками ИМЛ при ЦК КПСС
Ю. Амиантовым и Л. Беяниной

Известия ЦК КПСС. 1989. № 1.

Внутрипартийная жизнь

Документы Центрального партийного архива
Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Осмысление исторического опыта КПСС в области демократизации внутрипартийной жизни приобретает сегодня особое значение. Критическое усвоение уроков прошлого — важнейшее условие возрождения революционного духа партии, сознательного движения вперед. Особый интерес с этой точки зрения представляет опыт 20-х годов. В центре острых дискуссий, идейной и организационной борьбы тех лет постоянно находились вопросы внутрипартийной демократии.

Публикуемые документы содержат интересную информацию о мероприятиях парторганизаций по внедрению демократических начал в работу выборных органов, повышению самостоятельности и активности ячеек, расширению инициативы коммунистов. В справках, обзорах, составленных в 1925—1928 годах Организационно-распределительным и Информационным отделами ЦК партии¹ на основе обобщения материалов обследований местных организаций, — немало наблюдений и выводов, не утративших своей актуальности и в наши дни.

Публикацию подготовил сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС С. ЯКУШЕВ.

Из письма члена РКП(б) А. Бинова в организационно-распределительный отдел ЦК РКП(б)²

ноябрь 1925 года

...Где еще и когда еще можно рядовому члену партии лучше и с большими результатами высказаться и попытаться влиять на работу своей организации, а через нее и всей партии, как не в момент обсуждения и критики отчета райкома или укома и обсуждения кандидатур?..

Как еще можно дать почувствовать рядовому члену партии, что выбранные им органы несут всю полноту ответственности перед массой, как не предоставив ему возможности осуществить свое право одобрить или неодобрить работу своего райкома или укома при обсуждении его отчета, подтвердить или отвести того или иного товарища?..

Я подчеркиваю слово «возможность», ибо право есть

и об этом праве, как обязанности, говорят высшие партийные инстанции.

Отчет. Это слово должно наполнить сознанием своей ответственности как того, кто отчитывается, так равно и того, перед кем отчитываются.

Активность. Казалось бы, нет лучшего повода к ее проявлению, как обсуждение, критика, одобрение или неодобрение отчета райкома или укома, а главное, возможность выдвинуть те или иные предложения в связи и по поводу отчета.

Но так ли это происходит в действительности? Дают ли отчеты максимум результатов, которых вправе ждать от них партия?

Ответ на эти вопросы можно дать только отрицательный. Отчеты проходят по шаблону — «благополучно», они малопродуктивны. И вот, как это ни странно и ни обидно, причиной этого печального факта является плохая техника дела, а именно:

1. Члены ячейки не знакомятся с материалами отчета до его заслушивания.

Следствие: каждый из них лишен возможности вдуматься в работу райкома или укома, придумать свои предложения и подготовиться к активному участию в обсуждении отчета...

2. Отчет о всей работе райкома или укома докладывается, обсуждается и одобряется обычно в течение одного собрания (это в лучшем случае) или одного вопроса в порядке дня одного собрания.

Следствие: прослушав огромный материал с обилием фактов и цифр в течение одного — полутора часов, рядовой партиец многое упускает из виду, теряет общую оценку работы и старается запомнить то, что случайно поразило его слух или вызвало в нем отклик.

3. В силу недостатка времени прения обычно комкаются и после нескольких выступлений прекращаются.

Следствие: успевают выступить только привыкшие к выступлениям, наиболее активные ребята, оставляя менее решительных товарищей в положении опоздавших, что, конечно, не способствует росту активности партийной массы.

4. Списки кандидатов в райком или уком не вывешиваются предварительно, что часто приводит к механическому их одобрению.

5. Содержание и построение отчетов не всегда соответствует их назначению — дать точную картину самого райкома и выявить наиболее интересные моменты в политической жизни района и то, какую линию в эти моменты брал райком...

В затронутом здесь вопросе, как организовать с максимумом достижений обсуждение отчетов и составов райкомов и укомов, можно выдвинуть следующие предложения:

1) Райком или уком рассылают в ячейки предварительно свой отчет с таким расчетом, чтобы с ним могли познакомиться хотя бы цеховые коллективы.

2) Отчет разбивается на 2 или даже 3 части. Примерно: хозяйственные вопросы, партийно-профессиональные вопросы, культурные и т. д. Каждая часть заслушивается на отдельном собрании...

3) Списки кандидатов сообщаются ячейкам предварительно.

4) Для проработки конкретных предложений данной ячейки по отчету райкома обязательно создается небольшая, но работоспособная комиссия, в которую каждый член ячейки сообщает свои соображения в письменном виде.

При такой практике при подготовке к отчету его обсуждение явится лучшим методом воспитания партийной массы, выявления ее активности и выделения из этой массы новых кадров партийных работников...

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 68, д. 105, лл. 162—164.

Из отчета организационно-распределительного отдела ЦК ВКП(б) об итогах проверки исполнения партийными организациями решений съездов и конференций по развитию внутрипартийной демократии

1926 год

...Как выяснило обследование контрольных комиссий, в огромном большинстве обследованных организаций всех категорий критика вопреки утверждениям оппозиции допускалась совершенно свободно... Наоборот, для ряда организаций констатируются усилия всячески втягивать партмассы в критику работы своих

выборных органов. Что в приведенных сообщениях нет приукрашивания действительности, можно убедиться из просмотра протоколов партконференций и ячейковых собраний, характернейшей особенностью которых обычно является преобладание выступлений именно критического характера над всякими другими. Рассмотрение же случаев недопущения критики или репрессий, а также таких случаев, как всякого рода одергивания и попытки, так сказать, психологического воздействия, устанавливает с полной определенностью, что на партаппарат подобных случаев падает наименьшая часть, большинство же их приходится на действия администрации учреждений и предприятий...

Установлены факты, отмечаемые в ряде обследованных губерний и областей, что среди членов партии иногда наблюдается боязнь выступления с критикой даже в тех случаях, когда никакие репрессии за нее или попытки ее недопущения не имели места. Такая боязнь обуславливается целым рядом моментов. Существенную роль здесь играют, например, бестактные выступления активистов, недостаточно внимательное и вдумчивое отношение к высказываниям рядовых товарищей, часто не умеющих удачно формулировать свои мысли и в то же время очень чутко реагирующих на всякие одергивания и высмеивания. Несомненно, что на некоторую часть членов партии оказывает свое влияние и известная угнетенность психики, связанная с тяжелым материальным положением и окружающей безработицей и заставляющая этих товарищей болезненно заподозривать давление и опасность даже там, где их не имеется вовсе.

Имеет свое значение также и наследие прошлого — остатки приниженности и забитости, в условиях которых выросли составляющие сейчас главную массу членов партии поколения.

Наконец, встречающиеся организационные неустройства, как-то: плохая подготовка собраний, неумелое размежевание вопросов между открытыми и закрытыми партсобраниями, недостаточная жизненность повесток дня ячейковых собраний, перегрузка повесток, ведущая к смазыванию важных вопросов, интересующих рабочих, случаи казенно-оптимистического построения важных докладов, неумение подхватывать и преломлять в практической работе предложения и замечания рядо-

вых партийцев, отсутствие надлежащей помощи им в формулировке их пожеланий и многие другие моменты, на 90% являющиеся результатом неумелых и плохих методов работы, способствуют тому, что в партийной массе в том или ином размере все еще существуют представления о стесненности высказывания, легко преломляющиеся в представления о недостаточном допущении свободы критики.

Таким образом, вопрос о допущении свободы критики в рядах партии представляет значительную сложность. Суть дела здесь не столько в том, допускает ли свободную критику партаппарат, но прежде всего в том, принимает ли деятельное участие в критике вся партийная масса. И путь к действительному вовлечению в критику широчайшей, даже самой отсталой партийной массы идет не только через чисто формальное предоставление партийцу прав на высказывание и всяческое ограждение этих прав парторганами, но прежде всего и больше всего через работу по воспитанию массы и оказанию ей организационной и всякой иной помощи в проявлении и развитии ее активности в переживаемых условиях...

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 68, д. 105, лл. 17—20.

Из обзора работы местных организаций по развитию внутрипартийной демократии, подготовленного организационно-распределительным отделом ЦК ВКП(б)³

[январь] 1927 года

...Центральным в вопросе о внутрипартийной демократии является вопрос об активности масс. Основной же организационной формой выявления активности масс... партийные съезды всегда признавали широкую выборность всех руководящих парторганов снизу доверху. Эта выборность в отношении высших парторганов, согласно уставу, осуществляется массой через посредство делегатов, посылаемых на конференции. В большинстве организаций, однако, партийные конференции не являются единственной инстанцией, работающей над формированием нового состава парткома. Созыву конференции почти всегда предшествует извест-

ный подготовительный процесс обсуждения кандидатур в состав парткомов вне конференций, который выливается в следующие главнейшие формы.

1) Некоторые парткомы, стремясь втянуть в обсуждение кандидатур широкие массы, переносят предварительный процесс обсуждения в низовые организации. Иногда при этом ограничиваются привлечением к обсуждению только актива или секретарей низовых парторганов., иногда ставят вопрос на районных партконференциях... и волостных конференциях., иногда же обсуждение переносится прямо в ячейки., списки предварительно намечаются в ячейках без всякого участия райкомов и затем служат материалом для конференций.

Есть даже отдельные организации, в которых порядок обсуждения состава парткома в ячейках применяется не только при выборах низовых парткомов, но и высших...

При всем кажущемся широком демократизме описанного метода проработки он не может не вызывать серьезных сомнений в своей целесообразности, поскольку факт изъявления определенной воли партмассой неизбежно связывает до известной степени волю делегатов и тем самым в конечном счете ударяет по той же внутрипартийной демократии.

2) Диаметральной противоположностью изложенному порядку подготовки кандидатур является подготовка их сверху, старым составом парткома, который и рекомендует их конференции непосредственно от своего имени или предварительно внося на обсуждение сеньорен-конвентов⁴. Эта форма, имеющая значительное распространение в уездных и районных организациях, также может вести к определенному ограничению свободы волеизъявления конференций, ставя их в случае несогласия со списком в необходимость косвенного выражения недоверия отчитывающемуся парткомитету.

Таким образом, порядок сосредоточения всего процесса обсуждения внутри самой конференции с выполнением подготовительной работы ее сеньорен-конвентом (преобладающий на губернских конференциях) является, по-видимому, наиболее свободным от возражений...

В свое время система сосредоточения обсуждения

актуальных вопросов в активе, поскольку последние требовали спешной подготовки и внесения в массы, имела, несомненно, свое положительное значение, и отрицать целесообразность применения подобной практики в определенных случаях также для будущего едва ли приходится. Однако, как это у нас довольно часто случается, некоторые организации здесь начали хватать через край. Намечающийся кое-где перегиб в сторону подмены парторганизаций активом заставляет поднять вопрос об известном ограничении указанных собраний и переходе для обсуждения актуальных политических вопросов к иным, более демократичным и более воспитывающим массы формам. Такие формы совершенно не нуждаются в выдумывании: в практике некоторых организаций они имеются в готовом виде, причем пригодны для проработки актуальных вопросов и экстренных созывов нисколько не менее, чем собрания актива. Речь идет о партийных делегатских собраниях⁵ ...

Самый термин «актив», строго говоря, вызывает против себя серьезные возражения. § 1 партийного Устава гласит: «Членом партии считается всякий, признающий Программу партии, работающий в одной из ее организаций», и т. д., — и, следовательно, не допускает вхождения в партию неактивистов. Характерно, что этот термин уже вызвал появление в обиходе логически вполне естественного противоположного ему термина «пассив» для обозначения рядовой массы... Нечего и говорить, что причисление к «пассиву» или, по крайней мере, к неактиву большей части нашей партии, в частности рабочих от станка, не только неправильно по существу, но и создает опасность серьезной путаницы в представлениях широкой партийной массы.

Активность участия в обсуждении вопросов, о которой до сих пор все время шла речь, сама по себе не может считаться вполне удовлетворительным критерием для оценки активности масс вообще. Как известно, такая активность иногда хорошо уживается и с отсутствием инициативы, и с пассивностью в работе...

Из справки информационного отдела ЦК ВКП(б) о развертывании критики и самокритики на местах

11 июля 1928 года

...Обращение ЦК⁶ нашло широкий отклик в парт-организациях. Некоторыми партийными комитетами намечены отдельные практические шаги по развертыванию самокритики. Так, например, Днепропетровский обком в связи с обследованием Днепропетровской организации ответственным инструктором ЦК ВКП(б) опубликовал в газете «Звезда» обращение ко всем партийцам и рабочим, которое ставит задачу превратить работу по обследованию организаций в широкую кампанию по самопроверке и самокритике и «при активной помощи партийцев-рабочих и беспартийных пролетариев вскрыть беспощадно и до конца все наши болячки, язвы, упущения и указать путь исправления наших недостатков»...

Ленинградский обком в закрытом письме ячейкам и парткомам предложил: «Немедленно выявить все случаи «нажима», гонений, преследований за самокритику. Заклеймить эти случаи, а при необходимости привлечь виновных к ответственности в партийном (по линии контрольных комиссий), а в случае установленных репрессий за самокритику — и в судебном порядке»...

Характерно, что в некоторых случаях, когда партком раскачивается вяло, низовые организации и печать подхлестывают их и заставляют идти в ногу со всей организацией. Так, например, в Кузнецкой организации (Сибирь), где, с одной стороны, обнаружены неэтические поступки и отрыв от масс ряда ответственных работников., а с другой стороны, имеются случаи зажима самокритики и «многие товарищи, в том числе и члены бюро окружкома, считают, что самокритика — это есть подрыв авторитета», низовые ячейки вынесли резкое осуждение окружному комитету. Ячейка Центральной шахты вынесла постановление о созыве внеочередной окружной партконференции, а коксовая ячейка вынесла постановление с требованием постановки отчета окружкома...

За последнее время наблюдается значительное усиление разоблачительно-критической деятельности печати. При этом наиболее распространенной формой участия печати в развертывании самокритики являет-

ся выпуск газетами специальных листов. Такие листки под различными заголовками («Листок РКИ», «Под контроль масс», «На борьбу с конкретными носителями зла», «Не взирая на лица» и т. п.) созданы почти во всех газетах...

Наряду с развертыванием разоблачительно-критической деятельности отдельные газеты в целях сосредоточения внимания рабочих масс на выявленных недочетах и подталкивания руководителей учреждений или предприятий по пути исправления этих недочетов вводят в практику созыв широких совещаний из рабочих, администрации и рабкоров. Работа совещаний проходит обычно по линии обсуждения недочетов в работе учреждений или предприятий, наиболее часто отмечавшихся в рабкоровских заметках...

Развернутая самокритика и разоблачительная работа в Смоленской парторганизации значительно подняли авторитет партии среди беспартийных рабочих. Это выразилось в том, что на собраниях рабочие заявляли о желании вступить в партию, чтобы помочь ей изжить все гнойники и болезни.

В Брянской губернии поднятию авторитета партии способствовала проработка на открытых партийных собраниях Обращения ЦК ко всем членам партии, ко всем рабочим. В ответ на обращение ряд рабочих Клинецовских фабрик подали заявления о желании вступить в партию с целью помочь изжитию болезненных явлений и призвали других рабочих последовать их примеру. Вот что пишет в своем заявлении рабочий фабрики имени Дзержинского Останенко, имеющий 23-летний производственный стаж: «В ответ на обращение ЦК, желая помочь партии всеми силами, ибо ВКП есть партия рабочего класса, наша партия, прошу ячейку принять меня в свои ряды как старого рабочего и призываю всех честных рабочих последовать моему примеру»... Примеру Останенко последовал ряд рабочих и на других фабриках Клинецовского района...

Необходимо отметить, что до сих пор самокритика проходит при наличии ряда фактов зажима, окриков, приклеивания ярлыков и преследований за разоблачительную работу. Репрессии за критику недостатков, в особенности нажим на материальную сторону (понижение разряда, перевод на более тяжелую работу, увольнение и т. п.), зачастую служат причиной неуве-

ренности рядовой партийной и беспартийной массы в жизненности и продолжительности выдвинутого партией лозунга самокритики. Материалы ряда партийных организаций (Москва, Ленинград, Иваново-Вознесенск, Тула, Луганск, Днепропетровск, Ярославль, Тверь, Владимир, Кострома, Запорожье, Рязань, Донской округ) отмечают боязнь рядовых партийцев и беспартийных рабочих выступать с критикой недостатков. Так, Ленинградский областной комитет отмечает, что на собраниях по проработке обращения ЦК «основное внимание в прениях, а также в подаваемых репликах занял вопрос о гарантиях для успешного развертывания самокритики»...

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 69, д. 556, лл. 48—50, 52, 56, 57.

Из справки информационного отдела ЦК ВКП(б) об итогах перевыборов бюро фабрично-заводских ячеек

10 декабря 1928 года

...Характерной особенностью последних перевыборов бюро ячеек является осуществление, за редким исключением, полной выборности. Случаи нарушения внутрипартийной демократии при перевыборах единичны. Партийные комитеты знают их наперечет. Например, Ленинградский обком в своей сводке «об итогах перевыборов цеховых ячеек», охватившей 634 цехячейки из 1049, пишет: «Случаев прямого навязывания зафиксировано два...»

Отмена (как правило) в Москве, Ленинграде, Киеве и некоторых других городах предварительного созыва активов для определения кандидатур в состав бюро ячеек была встречена партийными массами с большим удовлетворением... Отмена созыва активов повысила роль общих собраний ячеек и способствовала росту активности рядовых членов партии на перевыборных собраниях (например, по Петроградскому району Ленинграда рабочие от станка в числе выступавших составляли 75,7%).

Кандидатуры в новый состав бюро ячеек на крупных предприятиях назывались в количестве до 50 и более кандидатов (Москва, Ленинград, Киев и др.). Член

Закавказского крайкома, бывший на перевыборах в Грозном на промыслах, в письме отмечает: «Перевыборное собрание проходило открыто, как никогда еще у нас не было, кандидатов в бюро ячейки намечали прямо от собрания. В состав бюро нужно было избрать 5 членов и 2 кандидатов, выдвинуто было 17 человек».

В ряде крупных ячеек в Киевской организации кандидатуры в состав бюро ячеек намечались на заранее вывешиваемых листах. Количество кандидатур на этих листах всюду в 5 и 6 раз превышает необходимое для избрания количество кандидатов...

Несмотря на большое количество выдвигаемых на собраниях кандидатов, их отбор проводился по строго деловому признаку. Партийная масса предъявила высокие требования к вновь избранным членам бюро, «протирая с песочком» каждую кандидатуру и выбирая «действительно крепких и выдержанных товарищей»...

Повышенная требовательность к руководящим кадрам, жесткая критика слабых кандидатов вызывали большое количество самоотводов, превышающее в отдельных случаях вдвое количество отводов (Ленинград).

Не располагая достаточными материалами для окончательных выводов об обновлении состава бюро ячеек, приведем некоторые предварительные цифры по отдельным организациям. В Ленинграде по 82 цеховым ячейкам Московско-Нарвского района обновление равно 54,2%, по Петроградскому району — 63,3% (в ряде ячеек обновление достигло 100%), по материалам Северо-Кавказского крайкома обновление состава бюро цеховых ячеек колеблется в среднем от 66 до 70%, в рабочих ячейках Армавира оно достигает 64% и т. д....

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 69, д. 556, лл. 93—95.

Примечания

¹ Одной из задач Организационно-распределительного и Информационного отделов ЦК партии было изучение и обобщение опыта работы местных партийных организаций. На основе анализа большого круга материалов в отделах составлялись докладные записки, отчеты, обзоры, касающиеся различных сторон деятельности партии, в частности состояния внутрипартийной демократии. Так, при подготовке в январе 1927 года обзора Организационно-распределительным отделом ЦК были использованы отчеты инструкторов ЦК, справки Информационного и Статистического отделов ЦК, а также

данные обследования 106 партийных комитетов и 306 партийных ячеек многих регионов страны, проведенного контрольными комиссиями по обширной программе из 112 вопросов (выдержки из обзора публикуются).

² Состоявшийся в октябре 1925 года Пленум ЦК РКП(б) призвал всех коммунистов активно участвовать в период подготовки XIV съезда партии в обсуждении вопросов демократизации партийной жизни (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». 9-е изд. Т. 3, стр. 422—423). Одной из форм такого участия стали письма членов партии в партийные органы. В публикуемом письме в ЦК РКП(б) сотрудник Госбанка А. Бинов рассматривает организационно-технические стороны работы по развитию демократии.

³ См. примечание 1.

⁴ Сеньорен-конвент — здесь собрание представителей делегаций или групп делегатов, решающее различные организационные вопросы.

⁵ Делегатские собрания упоминаются в решениях IX Всероссийской конференции РКП(б) в сентябре 1920 года. В резолюции «Об очередных задачах партийного строительства» были определены состав, задачи, сроки проведения делегатских собраний (см. «КПСС в резолюциях...», т. 2, стр. 297—298).

⁶ Имеется в виду Обращение ЦК ВКП(б) ко всем членам партии, ко всем рабочим о развертывании самокритики от 2 июня 1928 года, в котором партия призвала трудящихся «к жестокой самокритике для того, чтобы эту самокритику сделать рычагом борьбы за действительное исправление всего аппарата, для действительной, а не бумажной борьбы с бюрократизмом...». ЦК ВКП(б) связывал развитие критики с последовательным проведением внутрипартийной демократии. Вне демократии «лозунг критики и самокритики превратится в бумажную отписку, которая лишь скомпрометирует в глазах масс и этот лозунг, и руководство партии, и самую партию», — говорилось в Обращении (см. «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 339, 340).

«Протестую против безудержного своевластия»

Переписка И. П. Павлова с В. М. Молотовым

Судьба академика И. П. Павлова широко известна. Выдающийся ученый, патриот России, он остался на Родине, несмотря на то, что после победы Октября не принял новой власти. Вместе с тем он с большим уважением относился к В. И. Ленину, величие которого подчеркивал. И Владимир Ильич высоко ценил ученого, признавал его право на «инакомыслие», понимая, что такие люди, как академик Павлов, составляют золотой фонд отечественной культуры. «В первые годы революции,— говорил Павлов,— многие из почтенных профессоров лицемерно клялись в преданности и верности новому большевистскому режиму и социализму. Мне было это тошно видеть и слышать, так как я не верил в их искренность. Я тогда написал Ленину: «я не социалист и не верю в Ваш опасный социальный эксперимент». И что же вы думаете? Ленин правильно оценил мою прямоту и тревогу за судьбы отчизны и не только не сделал ничего худого мне, но, напротив того, отдал распоряжение улучшить условия моей жизни и работы, что и было незамедлительно сделано в те тяжелые для всей страны дни. Да, я должен сказать, господа, что Ленин был поистине человеком большого ума и честности. Пульс жизни он ощущал правильно, что редко кому удается». (И. П. Павлов в воспоминаниях современников. Л., 1967, с. 51).

Вот как писал об этом Петр Леонидович Капица:

«В истории человеческой культуры со времен Сократа нередко имели место случаи активно враждебного отношения к инакомыслию. Решать объективно поставленный нами вопрос нужно, конечно, в связи с конкретной социальной обстановкой, в которой в данное время находится страна. В наших условиях строительства нового социального строя, я думаю, наиболее правильно опереться на мнение Ленина, поскольку

оно будет всесторонним, так как Ленин был не только крупным мыслителем, ученым, но и большим общественным деятелем. Его отношение к ученым в аналогичных ситуациях хорошо известно. Наиболее ясно и полно это видно по его отношению к И. П. Павлову.

После революции инакомыслие Павлова было хорошо известно не только у нас, но и за рубежом. Его отрицательное отношение к социализму носило ярко демонстративный характер. Без стеснения, в самых резких выражениях он критиковал и даже ругал руководство, крестился у каждой церкви, носил царские ордена, на которые до революции не обращал внимания, и т. д. На все его проявления инакомыслия Ленин просто не обращал внимания. Для Ленина Павлов был большим ученым, и Ленин делал все возможное, чтобы обеспечить Павлову хорошие условия для его научной работы. Например, хорошо известно, что свои основные опыты по условным рефлексам Павлов вел на собаках. В двадцатые годы в Петрограде с питанием было катастрофически плохо, но по указанию Ленина питание павловских собак было поставлено в нормальные условия. Я помню, как мне рассказывал академик А. Н. Крылов, что, встретив Павлова на Каменностровском, он обратился к нему: «Иван Петрович, могу я вас попросить об одном одолжении?» — «Конечно». — «Возьмите меня к себе в собаки». На что Павлов ответил: «Вы умный человек, а такие глупости говорите».

Я знаю еще ряд случаев, когда Ленин проявлял исключительное внимание к ученым».

На рубеже 30-х годов Павлов резко протестовал против «безудержного своевластия», попрания достоинства личности, отстаивал ее самоценность как условие процветания Родины. Выступая на заседании, посвященном 100-летию со дня рождения И. М. Сеченова, он закончил свою речь словами: «Мы живем под господством жестокого принципа: государство, власть — все, личность обывателя — ничто... Без Иванов Михайловичей (Сеченовых) с их чувством достоинства и долга всякое государство обречено на гибель изнутри, несмотря ни на какие Днепрострои и Волховстрои».

Великий ученый видел в жизни страны две стороны: грандиозный размах строительства, превращающий от-

сталую Россию в высокоразвитую в промышленном отношении державу, и те процессы, которые мы называем ныне деформациями социализма, сопряженные с невиданным произволом и насилием.

Следует особо отметить, что критическое отношение Павлова к этим процессам он выражал не в своих публикациях, а в письмах, адресованных правительству. Будучи неоднократно за рубежом, он никогда не только не допускал критических суждений по поводу событий на его Родине, но и решительно пресекал любые попытки бросить на нее тень. Глубоко патриотичным было его выступление в 1935 году на Международном физиологическом конгрессе, когда на приеме в Большом Кремлевском дворце он сказал: «Как вы знаете, я экспериментатор с головы до ног. Наше правительство тоже экспериментатор, только несравненно более высокой категории. Я страстно желаю жить, чтобы увидеть победное завершение этого исторического социального эксперимента» (И. П. Павлов. Полн. собр. соч., М.—Л., 1951, т. 1, с. 19). Это было сказано 17 августа 1935 года перед лицом международного сообщества физиологов. Но, как явствует из павловских писем, направлявшихся ученым в Совнарком, он проявлял все большую озабоченность по поводу нарастающего в стране террора.

С начала 30-х годов И. П. Павлов неоднократно обращался в правительство с прошениями за невинно арестованных.

«Привязанный к своей родине, считаю моим долгом обратить внимание Правительства на следующее. Бесперывные и бесчисленные аресты делают нашу жизнь совершенно исключительной. Я не знаю цели их (есть ли это безмерно усердное искание врагов режима, или метод устрашения, или еще что-нибудь), но не подлежит сомнению, что в подавляющем большинстве случаев для ареста нет ни малейшего основания, т. е. виновности в действительности. А жизненные последствия факта повального арестования совершенно очевидны. Жизнь каждого делается вполне случайной, нисколько не рассчитываемой. А с этим неизбежно исчезает жизненная энергия, интерес к жизни. В видах ли это нормального государства. Отсюда, по моему глубокому убеждению, так называемая вредительность. Это главнейшим образом, если не исключительно,— не сознательное противодействие нежелательному режиму, а последствия упадка энергии и интереса.

Я поражен недавними арестами в Москве профессора Прияшникова, а в Ленинграде (в Институте экспериментальной медицины) проф. Владимирова. Первый, сколько я знаю, никогда политическим деятелем не был и представляет тип ученого (притом крупнейшего,

выдающегося), целиком ушедшего в свое дело. А второй (я знаю его близко по 40-летней совместной работе в одном и том же учреждении) совершенно не способен к какому-нибудь противодействию настоящему режиму не только делом, но и сколько-нибудь свободною критикой его в интимном разговоре. Что касается до резких иногда заявлений первого, то думаю, что они неизмеримо менее вредны (если только вредны, а не полезны), чем рабские «чего изволите» — зло и гибель правителей.

20 августа 1930 г.

Академик Ив. Павлов».

Оба профессора, за которых Иван Петрович поручился, в 1930 г. получили свободу и возможность продолжать научные изыскания. Д. Н. Прянишников, проживший после ареста 17 лет, стал основоположником отечественной агрохимии, действительным членом АН СССР.

Протестуя против гонения на верующих, И. П. Павлов обратился в Совнарком со следующим письмом:

«Считаю моим обязательным гражданским долгом перед Родиною говорить Правительству то, что есть правда в жизни, все, конечно, как я ее понимаю. По моему глубокому убеждению, гонение нашим Правительством религии и покровительство воинствующему атеизму есть большая и вредная последствиями государственная ошибка. Я сознательный атеист-рационалист и поэтому не смогу быть заподозрен в каком бы то ни было профессиональном пристрастии... Религия есть важнейший охранительный инстинкт, образовавшийся, когда животное превращалось в человека, сознающего себя и окружающие существа, и имеющая огромное жизненное значение». Павлов называл Иисуса «вершиной человечества, осуществившего в себе величайшую из всех человеческую истину — истину о равенстве всех людей... и чем всю историю человека разделил на две половины: до него рабскую и после него — культурную христианскую... Вы продолжатели дела Иисуса,— обращался Павлов к руководителям страны.— Были бы и у вас горячие и талантливые поклонники из служителей церкви».

Нарком здравоохранения РСФСР Г. Н. Каминский прислал академику Павлову поздравление по случаю его 85-летия (1934). И. П. Павлов ответил:

«Глубокоуважаемый Григорий Наумович!

Примите мою сердечную благодарность за Ваш чрезвычайно теплый привет по случаю моего 85-летия.

К сожалению, я чувствую себя по отношению к нашей революции почти прямо противоположно Вам. В Вас, увлеченного некоторыми действительно огромными положительными достижениями ее, она «вселяет бодрость чудесным движением вперед нашей Родины», меня она, наоборот, очень часто тревожит, наполняет сомнениями.

Видите ли Вы ясно, не затуманенными глазами, тоже огромные и также действительные отрицательные стороны ее! Думаете ли Вы

достаточно о том, что многолетний террор и безудержное своеволие власти превращают нашу и без того довольно азиатскую натуру в позорно рабскую? Я видел и вижу постоянно много чрезвычайных примеров этого. А много ли можно сделать хорошего с рабами? — Пирамиды, да; но не общее истинное человеческое счастье.

Останавливаете ли Вы Ваше внимание достаточно на том, что недоение и повторяющееся голодание в массе населения с их неизменными спутниками — повсеместными эпидемиями, подрывают силы народа. В физическом здоровье нации, в этом первом и неперенном условии,— прочный фундамент государства, а не только в бесчисленных фабриках, учебных и ученых учреждениях, и т. д., конечно, нужных, но при строгой разборчивости и надлежащей государственной последовательности.

Прошу простить, если я этим прибавлением сделал неприятным Вам мое благодарственное письмо. Написал искренно, что переживаю.

Преданный Вам Ив. Павлов»

Через три недели после убийства С. М. Кирова Иван Петрович отправил такое письмо:

«В Совет Народных Комиссаров СССР

Революция застала меня почти в 70 лет. А в меня засело как-то твердое убеждение, что срок дельной человеческой жизни именно 70 лет. И поэтому я смело и открыто критиковал революцию. Я говорил себе: «чорт с ними! Пусть расстреляют. Все равно жизнь кончена, а я сделаю то, что требовало от меня мое достоинство». На меня поэтому не действовало ни приглашение в старую Чеку, правда, кончившееся ничем, ни угрозы при Зиновьеве в здешней «Правде» по поводу одного моего публичного чтения: «Можно ведь и ушибить...»

Теперь дело показало, что я неверно судил о моей работоспособности. И сейчас, хотя раньше часто о выезде из отечества подумывал и даже иногда заявлял, я решительно не могу расстаться с родиной и прервать здешнюю работу, которую считаю очень важной, способной не только хорошо послужить репутации русской науки, но и толкнуть вперед человеческую мысль вообще. Но мне тяжело, по временам очень тяжело жить здесь — и это есть причина моего письма в Совет...

Во-первых, то, что Вы делаете, есть, конечно, только эксперимент и пусть даже грандиозный по отваге, как я уже и сказал, но не осуществление бесспорной насквозь жизненной правды — и, как всякий эксперимент, с неизвестным пока окончательным результатом. Во-вторых, эксперимент страшно дорогой (и в этом суть дела), с уничтожением всего культурного покоя и всей культурной красоты жизни.

Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия. Если бы нашу обывательскую действительность воспроизвести целиком без пропусков, со всеми ежедневными подробностями — это была бы ужасающая картина, потрясающее впечатление от которой на настающих людей едва ли бы значительно смягчилось, если рядом с ней поставить и другую нашу картину с чудесно как бы вновь вырастающими городами, днепростроями, гигантами-заводами и бесчисленными учеными и учебными заведениями. Когда первая картина заполняет мое внимание, я всего более вижу сходство

нашей жизни с жизнью древних азиатских деспотий. А у нас это называется республиками. Как это понимать? Пусть, может быть это временно. Но надо помнить, что человеку, происшедшему из зверя, легко падать, но трудно подниматься. Тем, которые злобно приговаривают к смерти массы себе подобных и с удовлетворением приводят это в исполнение, как и тем, насильственно приучаемым участвовать в этом, едва ли возможно остаться существами, чувствующими и думающими человеком. И с другой стороны. Тем, которые превращены в забитых животных, едва ли возможно сделаться существами с чувством собственного человеческого достоинства.

Когда я встречаюсь с новыми случаями из отрицательной полосы нашей жизни (а их легион), я терзаюсь ядовитым укором, что оставался и остаюсь среди нея.

Не один же я так чувствую и думаю?

Пощадите же родину и нас.

Академик Иван Павлов.

Ленинград, 21 декабря 1934 г.»

В архиве сохранился вариант этого письма, но без заголовка: «В Совет Народных Комиссаров». Можно полагать, что оно было адресовано лично кому-то из видных деятелей нашего государства. Его концовка была такой:

«Человека в зверя превратить легко и страшно трудно и невероятно долго обратно этого зверя сделать человеком.

Передо мной всегда стоит по-моему истинный великолепный и глубокий египетский символ-сфинкс. Я не хочу приводить отдельные факты, чтобы не расстраивать себя много раз. Довольно этих фактов, когда я их вижу, слышу и они наполняют меня ядовитым укором, что я оставался и остаюсь среди них. Относительно участвовал в том же.

Это факт строжайше очевидный, повсюдовый и в большом, и в малом.

Неужели это можно оспаривать? Нет открытого голосования, разве это не постыдно? Разве я не слышу постоянно возмущения, голосов недовольства выборами? Говорю выборщикам: Почему же вы так выбираете? В ответ: Я не хочу лишиться места и т. д. и т. п. И это недаром говорят, а сколько лиц, виноватых только тем, что они были верующие и проявили заботу о церкви, лишены свободы, ссылаются в отдаленные, суровые места и обрекаются на принудительный и часто совершенно непосильный труд.

Не знаю, как сейчас, а год-два назад работала так называемая «золотая комната». Т. е. люди, которые подозревались в том, что у них есть сбережения в виде золота, драгоценностей и валюты, хотя незначительные, если они не отдавали его прямо, лишались свободы, заключались в одну комнату и подвергались, конечно, пыткам, должны были стоять, днями и неделями голодали и даже были ограничены в свободе пользоваться уборной. При этом, конечно, многие из истязаемых заболели. Такой случай я тоже знал. А отнимут каких-то пустячков, золотой крестик, который верующие на груди носят, серебряный подарок покойного мужа.

А введен в устав академии параграф, что вся научная работа академии должна вестись на платформе учения о диалектическом материализме Маркса и Энгельса — разве это не величайшее насилие даже над научной мыслью. Чем это отстает от средневековой инквизиции и т. д. и т. д. и т. д.

Это бесспорно скверная людская практика. Люди порядочные в этой школе делались позорными рабами. И я видал порядочно примеров этого там, где наверное бы это было совершенно невообразимо. С рабами, конечно, ничего хорошего не сделать, а рабский дух, основательно натренированный, скоро потом не выгонишь».

О том, что письмо Павлова от 21 декабря 1934 г. попало в Совнарком, свидетельствует ответ ему В. М. Молотова, датированный 2 января 1935 года:

«Академику И. П. Павлову

Ваше письмо от 21 декабря Совет Народных Комиссаров получил. Должен при этом выразить Вам свое откровенное мнение о полной неубедительности и несостоятельности высказанных в Вашем письме политических положений. Чего стоит, например, одно противопоставление таких представительниц «культурного мира», как империалистические державы — Англия и Соединенные Штаты, огнем и мечом прокладывавших себе путь к мировому господству и загубивших миллионы людей в Индии и Америке, также и теперь ни перед чем ни останавливающихся, чтобы охранять интересы эксплуататорских классов,— противопоставление этих капиталистических государств нашему Советскому Союзу, спасшему от гибели миллионы людей путем быстрого выхода из войны в 1917 году и провозглашения мира и успешно строящему бесклассовое социалистическое общество, общество подлинно высокой культуры и освобожденного труда, несмотря на все трудности борьбы с врагами этого нового мира.

Можно только удивляться, что Вы беретесь делать категорические выводы в отношении принципиально-политических вопросов, научная основа которых Вам, как видно, совершенно неизвестна. Могу лишь добавить, что политические руководители СССР ни в коем случае не позволили бы себе проявить подобную ретивость в отношении вопросов физиологии, где Ваш научный авторитет бесспорен.

Позволю себе на этом закончить свой ответ на Ваше письмо.

Председатель СНК Союза ССР
В. МОЛОТОВ.

Копии Вашего письма и моего ответа мною посланы президенту Академии наук А. П. Карпинскому».

Очевидно, Павлова не удовлетворил такой ответ. 1 марта 1935 г. он снова пишет в Совнарком, указывая на необоснованность репрессий в Ленинграде. В. М. Молотов не оставил без внимания и это павловское письмо:

«Многоуважаемый Иван Петрович!

По поводу Вашего письма от 12 марта должен сообщить Вам следующее.

В Ленинграде действительно предприняты специальные меры против злостных антисоветских элементов, что связано с особым приграничным положением этого города и что правительству особо приходится учитывать в теперешней сложной международной обстановке. Разумеется, возможны при этом отдельные ошибки, которые должны быть исправлены, но заверяю Вас в том, что имеются достаточные данные о незаконных и прямо предательских по отношению к родине связях с заграницей определенных лиц, по отношению к которым (и их пособникам) применены репрессии. При первом случае, когда мне представится возможность лично с Вами поговорить, сообщу Вам некоторые соответствующие подробности.

Уважающий Вас В. МОЛОТОВ.

15/III-35 г.»

В архиве сохранилось еще одно письмо В. М. Молотова, свидетельствующее, что И. П. Павлов до последних дней жизни защищал репрессированных людей, боролся за торжество справедливости.

«Глубокоуважаемый Иван Петрович!

В связи с Вашим письмом от 8 декабря должен сказать следующее.

Вы пишете о нескольких лицах, высланных из Ленинграда, и выражаете уверенность в том, что в указываемых Вами случаях, как и в ряде других, высылка незаслуженна. Могу Вас заверить, что советские власти охотно исправят действительно допущенные на месте ошибки, и в отношении указываемых Вами лиц будет произведена надлежащая проверка. Но, с другой стороны, должен Вам прямо сказать, что в ряде случаев дело оказывается вовсе не таким простым и безобидным, как это иногда кажется на основе обычного житейского опыта, старых встреч, прежних знакомств и т. п. Мне, во всяком случае, не раз приходилось в этом убеждаться, особенно в сложной и богатой крутыми переменами политической обстановке нашего времени — после более серьезной проверки отдельных случаев.

Теперь насчет ограничений в отношении детей лиц из духовенства. На это могу Вам ответить только одно: теперь, действительно, в этих ограничениях нет никакого смысла, кроме отрицательного. Они нужны были в свое время, а теперь подлежат безусловной отмене. Что же касается Белинского, Добролюбова и Чернышевского, то — независимо от того, из какого сословия вышли эти великие люди нашей страны, — никто так высоко и полно не ценит их в качестве движущей силы исторического прогресса, как большевики, которые хорошо знают, что без освоения великого наследства культуры нельзя построить новую, коммунистическую культуру человечества.

В отношении Вашего доклада в Академии наук, мне кажется, ни у кого не может быть возражений против того, чтобы Вы сделали этот доклад после летнего отдыха, что, как мне говорили, соответствует Вашему желанию.

Прошу извинить за задержку моего ответа на Ваше письмо.
С искренним уважением к Вам

В. Молотов».

8 декабря 1935 года Павлов отправил в правительство письмо, текст которого в архиве Академии наук не найден, но о смысле которого можно судить по присланному Молотовым ответу, можно понять, что академик пишет о репрессиях в Ленинграде, принявших особенно большой размах. Очевидно, что Павлов приводил случаи конкретных репрессий, говорил о прецедентах, по поводу которых Молотов заверял, что «в отношении указываемых Вами лиц будет произведена надлежащая проверка».

Через месяц после молотовского письма И. П. Павлов скончался. Он был в преклонном возрасте, но, по свидетельству близких и окружающих, отличался отменным здоровьем. Профессор В. С. Галкин, ученик и один из лечащих врачей Павлова, утверждал (за несколько часов до смерти), что Павлова умертвили. Дело в том, что, как только в Кремле стало известно о болезни Ивана Петровича, поступило распоряжение заменить постоянно лечивших Павлова ленинградских врачей врачами, приехавшими из Москвы, после чего состояние здоровья уже поправлявшегося Павлова резко ухудшилось.

Публикация
В. Самойлова и Ю. Виноградова.
Комментарий
М. Ярошевского.

Советская культура. 1989. 14 янв.

Без публикации

Приказ

Народного комиссара обороны Союза ССР

№ 227

«28» июля 1942 г.

г. Москва

Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства небезграничны. Территория Советского государства — это не пустыня,

а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг,— это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев — это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли выдержать удар, а потом и отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно и наш фронт

получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину.

Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины.

Таков призыв нашей Родины.

Выполнить этот призыв — значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага.

После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им

искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие возвышенную цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?

Я думаю, что следует.

Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает:

1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций, без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самоволь-

ный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3—5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять их в военные советы фронта для предания военному суду;

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

Народный комиссар обороны

И. СТАЛИН.

Продиктован суровой необходимостью

ПРИКАЗ этот появился не вдруг, он вызревал, он, в конце концов, оказался ответом на ход войны. А ход войны в тот момент катился к трагедии. Большинство из вас много слышаны о приказе № 227, но ознакомились с ним впервые и еще находитесь под его впечатлением. Я первый раз прочитал его под Воронежем, в штабе 60-й армии, которой командовал генерал И. Д. Черняховский, едва ли не в тот день, когда он

был издан — 28 июля 1942 года. Был я тогда заместителем начальника штаба 60-й армии. Признаюсь, что нахожусь под впечатлением с тех пор, как впервые увидел его. Такова сила этого документа. Я часто задумывался: в чем она, эта сила?

Сегодня кое-кто говорит, что ошеломляет его жестокость, ведь приказом вводились у нас штрафные роты, штрафные батальоны и заградительные отряды. Верно, вводились. Было и это. Но в сорок втором году мы восприняли приказ 227 как управу на паникеров и шкурников, маловеров и тех, для кого собственная жизнь дороже судьбы своего народа, своих родных и близких, пославших их на фронт. Ведь было как: жена, провожая мужа на фронт, говорила: «Иди, защищай детей наших, а я тут за тебя и на станке буду работать, и на тракторе пахать, и металл варить, и руду в забое добывать». Такие же слова слышал сын от матери, невесты, младшего брата.

Законы войны объективны. В любой армии солдата, бросившего оружие, всегда ждало суровое наказание. Штрафные роты и батальоны, если не усложнять, — те же роты и батальоны, только поставленные на наиболее тяжелые участки фронта. Однако фронтовики знают, как все условно на войне: без жестокого боя немцы не отдавали ни одной деревни, ни одного города, ни одной высоты. Кстати, командиры штрафных подразделений штрафниками никогда не были, а самих штрафников никто не зачислял в уголовные преступники. Пребывание в штрафниках даже не влекло за собой судимости.

Так чем же были штрафные подразделения? Шансом для оступившегося, смалодушничавшего, совершившего промах, возможностью искупить свою вину, снять с себя черное пятно, часто ценой собственной крови. Срок наказания исчислялся от месяца до трех, ранение, полученное даже в первый день пребывания в штрафном подразделении, автоматически возвращало бойца в часть, на ту же должность, в том же воинском звании.

Когда пришел приказ 227, части нашей 60-й армии отбивались от врага под Воронежем. Обстановка была сверхтяжелая. Что говорить, полстраны захватил враг. Мы держались, казалось, на пределе возможного. Нет, я не могу сказать, что была всеобщая паника или по-

вальное бегство. Да, отступали, но бегства как такового не было, по крайней мере в нашей армии. Приказ прозвучал для всех нас тем набатным сигналом, в котором было одно — отступить некуда, ни шагу назад, иначе погубим себя и Родину. Именно это, я бы сказал, главное в приказе и было воспринято сердцем и разумом. Как бы то ни было, но фронт стабилизировался по центральной улице Воронежа. Дальше враг не прошел. Погнали мы его на запад именно с этой улицы. Я не скажу, что мы плохо воевали, но нужен был решительный перелом и потому приказ 227 оказался своевременным. Для победы над таким сильным врагом, как гитлеровцы, требовалось прибавить и в мастерстве, и в храбрости, и в самоотверженности, и в самопожертвовании. Война была такая, какой человечество до тех пор не знало. Ее результатом могло стать уничтожение нашего народа.

Верно, всякий приказ должен быть выполнен точно и в срок. Верно и то, что творчество каждого командира проявляется в рамках поставленной задачи, отданного приказа. В этом смысле приказ 227 не был исключением. То, что я сейчас говорю о приказе на войне, о творчестве командира, для военного человека само собой разумеется. С самого начала приказ 227 был воспринят на фронте как приказ не только еще выше поднять требовательность, исполнительность, но и усилить в первую очередь всю воспитательную работу с личным составом, беспощадно бороться с расхлябанностью и неисполнительностью, безответственностью и недисциплинированностью. Да, были заградительные отряды. Но я не знаю, чтобы кто-нибудь из них стрелял по своим, по крайней мере, на нашем участке фронта. Уже сейчас я запрашивал архивные документы на этот счет, таких документов не нашлось. Заградотряды находились в удалении от передовой, прикрывали войска с тыла от диверсантов и вражеского десанта, задерживали дезертиров, которые, к сожалению, были; наводили порядок на переправах, направляли отбившихся от своих подразделений солдат на сборные пункты.

Скажу больше, фронт получал пополнение, естественно, необстрелянное, как говорится, пороху не нюхавшее, и заградительные отряды, состоявшие исключительно из солдат уже обстрелянных, наиболее

стойких и мужественных, были как бы надежным и сильным плечом старшего. Бывало нередко и так, что заградотряды оказывались с глазу на глаз с теми же немецкими танками, цепями немецких автоматчиков и в боях несли большие потери. Это факт неопровержимый. Надо понять, что на передовой все делали одно дело — сражались с врагом. Между прочим труса и паникера в бою каждый обязан образумить любыми средствами, любыми способами, вплоть до применения оружия. Это долг командира. Если он этот свой долг не исполнит, сам понесет крайне суровую ответственность. Даже один паникер может загубить целую роту, а то и батальон. Паника опасна своей заразительностью, и тогда — свалка. Из-за паникеров гибнут лучшие, самые смелые и отважные. И поэтому приказ 227 стоял на стороне храбрых, чтобы у них была возможность спокойно и рассудительно, расчетливо и профессионально бить врага.

За последнее время мне довелось прочитать немало писем фронтовиков, в том числе и по поводу приказа 227. «Как ветеран войны, я хорошо помню этот приказ сурового времени. Он явился значительной вехой на долгом и трудном пути к Победе... Оголтелый враг, не считаясь с потерями, рвался к Сталинграду... Положение становилось все более критическим. И в это время, в июле 1942 года, появился приказ 227. Приказ зачитывался во всех частях и подразделениях, находившихся на фронте, так что его содержание знают и помнят все активные участники Великой Отечественной войны... Я тогда служил рядовым в отдельной артиллерийской части и хорошо помню, как бойцов изматывали непрерывные отступления, как приходилось чуть ли не ежедневно оборудовать новые огневые позиции. Доставалось тогда всем: и пехотинцам, и танкистам, и рядовым, и командирам. Лейтмотивом приказа было требование «Ни шагу назад!». Таким я на всю жизнь запомнил приказ 227... Приказ сугубо военный, для всех воинов суровый — от солдата до маршала. Но был он вызван к жизни осложнившейся обстановкой на фронте летом 1942 года... Вскоре после появления приказа на свет прекратилось отступление наших войск под Сталинградом, а затем началось и наступление... Так я помню и понимаю этот приказ, суровую правду о котором должны знать все... Конькин Владимир Ни-

колаевич, член КПСС, ветеран войны и Вооруженных Сил СССР, подполковник-инженер в отставке».

Я бы мог привести сотни и тысячи свидетельств того, как на фронте был воспринят приказ 227. Но здесь я приведу только два письма из многих сотен им подобных: «Приказ 227, на мой взгляд, сыграл определенную роль в Великой Отечественной войне, но не доминирующую,— пишет Клименко Николай Иванович, ветеран 3-й гвардейской армии.— Доминирующую роль в разгроме фашизма сыграла военная присяга, данная своей Родине воинами, высокая сознательность бойцов, беспредельная ненависть к врагу и колоссальный патриотизм, который был присущ абсолютному большинству наших бойцов. А приказ 227 был рассчитан на ограниченный круг неустойчивых лиц. Некоторые люди пытаются найти в приказе какую-то трагичность. Я лично сам в период войны был ознакомлен с содержанием приказа, расписался в этом, но никакой трагичности он на меня не произвел, так же как и не произвел на всех моих сослуживцев...»

Или вот еще: «Я был под Сталинградом, севернее города держал наш полк оборону, затем осуществлял прорыв. До сих пор помню, как читали в окопах приказ наркома обороны за № 227. Когда слушал его, дрожь шла по спине, удесятерилась ненависть к врагу... Безручко Дмитрий Иванович». Лучше, чем сказал солдат в окопах Сталинграда о приказе 227, и не скажешь: удесятерилась ненависть к врагу.

Как любой участник войны, я читаю все, что пишется теперь о ней, в том числе и о приказе 227. И хочу сказать прямо — нужный это был приказ. Большие перемены произошли тогда в наших полках. Нам не перед кем опускать глаза. Нам нечего стыдиться. Это мы победили. Да, верно, победа далась нам нелегко. Но и война-то была — невиданная ранее. И мы выполнили приказ «Ни шагу назад!»

**Генерал армии П. Н. ЛАЩЕНКО,
Герой Советского Союза**

Начальникам политуправлений фронтов и округов, начальникам политотделов армий

Народный комиссар обороны товарищ **СТАЛИН** издал приказ № 227 от 28 июля 1942 г.

Предлагаю:

1. Лично проследить за тем, чтобы приказ Наркома был немедленно доведен до частей и подразделений, зачитан и разъяснен всему личному составу Красной Армии. Не должно быть ни одного военнослужащего, который не знал бы приказа товарища **СТАЛИНА**.

2. Направить в соединения и части работников пуфронтов, пуокров, поармов и политотделов соединений для помощи частям в доведении и разъяснении приказа личному составу Красной Армии, а также в работе по выполнению приказа.

3. Начальникам политуправлений Карельского, Ленинградского, Волховского, Северо-Западного, Западного, Калининского, Брянского, Сталинградского, Воронежского, Дальневосточного и Забайкальского фронтов информировать ГлавПУ РККА о работе по доведению и разъяснению приказа два раза в день: первый раз с 9 до 10 часов по «ВЧ»; второй раз — в 20 часов телеграфом. Остальным политуправлениям фронтов и округов, а также начальникам политотделов резервных армий информацию передавать ежедневно к 20 часам телеграфом.

В первом донесении осветить: когда получен приказ и когда он доведен до красноармейцев, командиров и политработников; факты в связи с разъяснением приказа. В последующих донесениях освещать, как выполняется приказ.

Донесения должны быть содержательными, краткими, ясными и конкретными.

А. ЩЕРБАКОВ

29 июля 1942 г.

**Начальнику главного политического управления
Красной Армии**

Генерал-полковнику тов. ЩЕРБАКОВУ

СОДЕРЖАНИЕ: О недостатках деятельности заградотрядов войск фронта.

По моему заданию работниками ПУ фронта в августе была проверена деятельность шести заградотрядов (всего 8 заградотрядов).

В результате этой работы установлено:

1. Заградотряды не выполняют своих прямых функций, установленных приказом Наркома обороны. Большая часть личного состава заградотрядов используется по охране штабов армий, охране линий связи, дорог, прочесыванию лесов и т. д. Характерна в этом отношении деятельность 7-го заградотряда 54-й армии. По списку в отряде состоит 124 чел. Используются они так: 1-й автоматный взвод охраняет 2-й эшелон штаба армии; 2-й автоматный взвод придан 111 ск с задачей охраны линии связи от корпуса до армии; стрелковый взвод придан 7 ск с той же задачей; пулеметный взвод находится в резерве командира заградотряда; 9 чел. работают в отделах штаба армии, в том числе командир взвода ст. лейтенант ГОНЧАР является комендантом управления тыла армии; оставшиеся 37 чел. используются при штабе заградотряда. Таким образом, 7-й заградотряд совершенно не занимается заградслужбой. Такое же положение и в других заградотрядах (5, 6, 153, 21, 50).

В 5-м заградотряде 54-й армии из 189 чел. штата только 90 чел. несут охрану КП армии и заградслужбу, а остальные 99 чел. используются на различных работах: 41 чел.— на обслуживании АХО штаба армии в качестве поваров, сапожников, портных, кладовщиков, писарей и проч.; 12 чел.— в отделах штаба армии в качестве связных и ординарцев; 5 чел.— в распоряжении коменданта штаба и 41 чел. обслуживают штаб заградотряда.

В 6-м заградотряде из 169 чел. 90 бойцов и сержантов используются по охране КП и линий связи, а остальные находятся на хозяйственных работах.

2. В ряде заградотрядов крайне разбухли штаты штабов. Вместо положенного штата 15 чел. офицер-

ского, сержантского и рядового состава штаб 5-го заградотряда насчитывает 41 чел.; 7-го заградотряда — 37 чел.; 6-го заградотряда — 29 чел.; 153-го заградотряда — 30 чел. и т. д.

3. Штабы армий не осуществляют контроля за деятельностью заградотрядов, предоставили их самим себе, свели роль заградотрядов на положение обычных комендантских рот. Между тем личный состав заградотрядов подобран из лучших, проверенных бойцов и сержантов, участников многих боев, награжденных орденами и медалями Советского Союза. В 21-м заградотряде 67-й армии из 199 чел. 75% участников боев, многие из них награждены. В 50-м заградотряде за боевые заслуги награждены 52 чел.

4. Бесконтрольность со стороны штабов привела к тому, что в большинстве заградотрядов воинская дисциплина стоит на низком уровне, люди распустились. За последние три месяца в 6-м заградотряде за грубое нарушение воинской дисциплины наложено на бойцов и сержантов 30 взысканий. Не лучше и в других отрядах...

5. Политотделы и зам. начальников штабов армий по политчасти забыли о существовании заградотрядов, не руководят партийно-политической работой...

О вскрытых недостатках в деятельности заградотрядов 15.8 доложил Военному совету фронта. Вместе с этим начальникам политотделов армий дал указания о необходимости коренного улучшения партийно-политической и воспитательной работы в заградотрядах; оживлении внутрипартийной деятельности партийных организаций, усилении работы с партийным и комсомольским активом, проведении для личного состава лекций и докладов, улучшении культурного обслуживания бойцов, сержантов и офицеров заградотрядов.

Вывод: Заградотряды в своем большинстве не выполняют задач, определенных приказом Наркома обороны № 227. Охрана штабов, дорог, линий связи, выполнение различных хозяйственных работ и поручений, обслуживание командиров-начальников, надзор за внутренним порядком в тылах армии ни в коей мере не входит в функции заградотрядов войск фронта.

Считаю необходимым поставить вопрос перед Народным комиссаром обороны о реорганизации или рас-

формировании заградотрядов, как утративших свое назначение в настоящей обстановке.

Начальник политического управления
3-го Прибалтийского фронта
генерал-майор

А. Лобачев

25 августа 1944 г.

П р и к а з
Народного комиссара обороны
№ 0349

29 октября 1944 г.

гор. Москва

СОДЕРЖАНИЕ: О расформировании отдельных заградительных отрядов.

В связи с изменением общей обстановки на фронтах необходимость в дальнейшем содержании заградительных отрядов отпала, П Р И К А З Ы В А Ю:

1. Отдельные заградительные отряды к 13 ноября 1944 года расформировать.

Личный состав расформированных отрядов использовать на пополнение стрелковых дивизий.

2. О расформировании заградительных отрядов довести к 20 ноября 1944 г.

Народный комиссар обороны
Маршал Советского Союза

И. СТАЛИН

Военно-исторический журнал. 1988. № 8.
С. 73—80.

Из архива академика И. В. Курчатова

Интерес к личности выдающегося советского ученого Игоря Васильевича Курчатова не ослабевает. Сколько бы ни было написано о нем раньше, время и история раскрывают все новые, неизвестные страницы его биографии. Хранит пока еще тайны и его личный архив.

В этой публикации хочется рассказать только об одной, пока малоизвестной широкому кругу, стороне его многогранной деятельности — борьбе физика Курчатова с лысенковщиной.

После ареста в 1940 году академика Н. И. Вавилова руководство сельскохозяйственной наукой в СССР, а с 1948 года и всей биологической наукой было захвачено Т. Д. Лысенко. В августе 1948 года на сессии ВАСХНИЛ все идеи и работы своих противников Лысенко объявил «вне закона», как лженаучные и отошедшие от дарвинизма, принадлежащие к «вейсманизму-менделизму-морганизму».

В то время, когда августовская сессия ВАСХНИЛ осудила труды прогрессивных биологов и запретила генетику как науку, И. В. Курчатов уже запустил свой первый промышленный реактор для производства плутония. На Урале он развернул работы по изучению ионизирующих излучений, возникающих при радиоактивном распаде. Важно было знать, как они влияют на живой организм, чтобы научиться беречь здоровье человека, работающего с радиоактивностью.

Подобные работы были организованы И. В. Курчатовым еще на московской площадке в 1947 году, после того как в декабре 1946-го им был осуществлен пуск первого физического реактора в лаборатории № 2.

Как физик, Курчатов понимал важность проводившихся биологических экспериментов. В поисках истины Игорь Васильевич, «озадачивал» не только других, но и прежде всего себя самого, неустанно учился, а когда убеждался в правоте, то переходил в наступление, действовал решительно и смело. Ему встречались разные люди. Рассказывают, что он хорошо разбирался в них. Многим помогал, даже когда его об этом не просили.

Но к непорядочности, меркантильности, конъюнктуре, к чванливым самохвалам и подтасовщикам, к «деятелям от науки» был беспощаден.

К такому ряду Курчатов относил и Лысенко. Определив свое отношение к его «учению», Игорь Васильевич вступил в борьбу.

Интересный эпизод, свидетельствующий, как мне представляется, о непризнании Курчатовым идей Лысенко, рассказала мне жена Бориса Васильевича Курчатова — брата Игоря Васильевича — Людмила Никифоровна. 12 января 1953 года Игорю Васильевичу исполнилось 50 лет. Праздник устроили в «хижине лесника» — доме на территории института, где жили Курчатовы в Москве. Пришли родственники, друзья и товарищи — каждый с подарком.

Борис Васильевич достал коробочку, а из нее — маленького лягушонка из нефрита, примостившегося на таком же каменном «болотном» листочке. Он и теперь хранится в доме среди музейных экспонатов. Лягушка оказалась разноглазой: один глаз — как жемчужинка, а другой — наполовину прикрытый — красного цвета. Это разноцветие в глазах явно намекало на способность к мутациям.

Курчатов любил подарки со смыслом. Разглядывая с гостями лягушку и оценивая поставленный на этом классическом объекте исследований эксперимент, разговорились о биологии и генетике. Людмила Никифоровна спросила, почему Игорь Васильевич обсуждает проблемы со многими учеными разных специальностей и не зовет Лысенко. «А зачем он нам нужен?!» — резко ответил Игорь Васильевич.

Уже тогда в Лаборатории измерительных приборов (так назывался Институт атомной энергии в начале 50-х годов) в одном из физических секторов трудились «подснежники-исследователи». Понимая, что нужны срочные и решительные меры для широкого развития радиобиологических исследований, Курчатов начинает действовать. Как член президиума АН СССР он добился здесь серьезного рассмотрения вопроса.

После обращения ряда биологов — противников Лысенко в ЦК КПСС с письмами о ненормальном положении с биологией в стране в 1954 г. в печати стали появляться статьи, позволившие начать дискуссию. Игорь Васильевич поручил подготовить в ЦК КПСС

обстоятельное письмо, в котором обрисовывалось чудовищное положение отечественной биологии. В один из дней, возможно, того периода находившийся в кабинете Курчатова сотрудник лаборатории Ю. Л. Соколов оказался невольным свидетелем телефонного разговора Курчатова с Лысенко. «Курчатов был более чем взволнован. В телефонной трубке, которую Игорь Васильевич отложил подальше от себя — так она была «возбуждена», — бушевали страсти. Непрерывная речь продолжалась примерно в течение часа. Изредка Игорь Васильевич, поднося ее к уху и стараясь держаться спокойнее, выговаривал одну лишь фразу: «Все уже решено!..» — вспоминает Юрий Лукич.

Возможно, чувствуя, что собирается гроза, Лысенко пытался рассеять сгущавшиеся над ним тучи.

Копия письма, написанного в 1955 году в ЦК КПСС, найдена в архиве академика И. В. Курчатова. К сожалению, она не подписана, и пока не удалось установить участников подготовки этого документа.

Во второй половине 1956 года Курчатов получил новый мощный толчок в своем движении к правде. В один из летних дней к нему приехал академик Игорь Евгеньевич Тамм. «Всегда жизнерадостный, — вспоминает соратник и заместитель Курчатова по науке в те годы И. Н. Головин, — он на этот раз был чем-то взволнован. Английские ученые сумели расшифровать структуру молекул ДНК, в которой была заложена возможность их удвоения, репликации. Приоткрывалась завеса над тайной наследственности. Такую новость привез Тамм.

Радость знакомства со столь фундаментальными научными результатами, полученными за границей, была омрачена для собеседников сознанием страшного отставания нашей страны в этой области науки. Было обидно, что советская школа генетиков, занимавшая в 30-е годы одно из ведущих мест в мире, не просто отстала, а была разгромлена».

Тогда и решили организовать семинар. Курчатов созывает его у себя в институте, приглашает выдающихся ученых: И. Е. Тамма, В. А. Энгельгардта, А. Н. Несмеянова, Б. Л. Астаурова и других.

Первую вводную лекцию о последних успехах в биологии Игорь Васильевич просил прочитать Тамма. Вспоминают, что это была блестящая лекция. О достиже-

ниях в генетике рассказывали известные биологи А. А. Прокофьева-Бельговская и М. А. Пешков.

Курчатов, как студент, ходил на все лекции, конспектировал доклады, слушал выступления, задавал вопросы, не смущаясь тем, что учился. Он учился всю жизнь, сохранив до последних дней радость восприятия, способность к познанию и удивлению.

Поддерживая обращения биологов в ЦК КПСС, Курчатов лично обращается к Н. С. Хрущеву. Соратник Игоря Васильевича по атомной промышленности Е. П. Славский, участник одной из бесед Курчатова с Хрущевым, вспоминает:

В 1956 году, когда я стал министром, Н. С. Хрущев был Первым секретарем ЦК КПСС... К Игорю Васильевичу относился хорошо. Вопросов много. Игорь Васильевич придет ко мне: «Давай, звони, пусть примет нас!» Я звоню Хрущеву. Он принимал немедленно... В это время Лысенко зажимал генетику. А Игорь Васильевич решил Дубинина защитить и — к Хрущеву... А тот: «Игорь Васильевич! Мы вас очень ценим и уважаем, а здесь вы неграмотный, не суйтесь к этому делу!»

И вот тогда Игорь Васильевич обратился ко мне: «Давай деньги! Прикажи построить помещение!». Я приказал. Построили помещение и генетиков вырастили втайне от Хрущева...».

Курчатов продолжал действовать. В марте 1957 года по его инициативе на специальном заседании президиума Академии наук заслушиваются доклады академиков А. П. Виноградова, А. А. Благодирова, Л. А. Арцимовича и профессора А. М. Кузина о результатах работ, выполненных с применением изотопов и ядерных излучений.

В целях координации работ и привлечения к ним разных институтов страны по настоянию Игоря Васильевича при президиуме АН СССР была создана комиссия по радиобиологии. Курчатов поддерживает идею о создании в системе АН СССР Института молекулярной биологии под руководством академика В. А. Энгельгардта.

С будущим академиком Б. Л. Астауровым Курчатов обсуждает план создания лаборатории радиационной цитологии.

У себя в Институте атомной энергии Игорь Васильевич принимает решение создать биологический отдел. Об этом он рассказывает руководителю английского научно-исследовательского центра атомных исследований в Харуэлле, своему старому знакомому сэру Джону

Кокрофту, прибывшему в ноябре 1958 года с визитом к Курчатову.

Приказ о создании биологического отдела Курчатов подписал в 1958 году. В нем он собрал ученых разных специальностей: биологов, химиков, физиков, техников, которые развернули работы по физике биополимеров и молекулярной генетике. Организация этого отдела на первом этапе была поручена Виктору Юлиновичу Гаврилову. Из биологического он вскоре превратился в радиобиологический, а в 1977 году было принято решение о выделении его в самостоятельный Институт молекулярной генетики и включении в систему академических институтов. Постепенно этот институт превратился в один из ведущих центров страны в области молекулярной генетики.

Публикуемое письмо — одно из тех, которое родилось по поручению академика Курчатова, обсуждалось с ним. Датируется оно периодом май — октябрь 1955 года, между состоявшейся конференцией в Женеве по вопросам мирного использования атомной энергии и приближавшимся 100-летним юбилеем со дня рождения И. В. Мичурина. Текст приводится с некоторыми сокращениями.

Содержание письма не нуждается в комментариях. Оно само по себе свидетельствует о том, в каком чудовищном состоянии находилась в середине 50-х годов биологическая наука в нашей стране, какие препятствия были возведены лысенковщиной перед подлинными исследователями.

Публикация подготовлена
Р. КУЗНЕЦОВОЙ

Мемориальный Дом-музей И. В. Курчатова.

Некоторые из нас, подписавшие данное письмо, уже обращались в ЦК КПСС и высказывали свою точку зрения на современное состояние биологии в СССР. Наши критические высказывания встречали положительное отношение в ЦК, и о том, что будут приняты практические шаги к исправлению создавшегося положения, нас извещали через местные партийные организации.

Однако тяжелые последствия монопольного поло-

жения в науке Т. Д. Лысенко до сих пор не ликвидированы, в результате чего советская биология и сельскохозяйственная наука в целом значительно отстают от уровня развития мировой науки.

Руководство всей сельскохозяйственной наукой в СССР и Институтом генетики АН СССР находится в руках Т. Д. Лысенко. Академиком-секретарем отделения биологических наук АН СССР по-прежнему является А. И. Опарин, активно способствующий упрочению монополии Т. Д. Лысенко.

Попытки оздоровить положение, создать нормальные условия работы, прекратить навязывание ученым неприемлемых положений Т. Д. Лысенко, критика ставленников Т. Д. Лысенко и О. Б. Лепешинской зачастую оцениваются как «реваншизм» и по мере возможности подавляются (например, на общем собрании АН СССР в январе — феврале 1955 г.)...

Близится столетний юбилей И. В. Мичурина, выдающегося русского ученого и селекционера, давшего образцы творческой работы по созданию новых форм растений. Основные положения, из которых исходил И. В. Мичурин в своей многолетней созидательной деятельности, хорошо известны. Имеется реальная угроза, что юбилей И. В. Мичурина, который, может быть, и должен быть смотрам служения нашей биологии советскому народу, будет использован группой Лысенко для дальнейшей фальсификации научных взглядов Мичурина, для прикрытия его именем отказа от самих основ дарвинизма и от всего того, чем обогатилась наука после Дарвина. У всех нас вызывает искреннее недоумение утверждение Т. Д. Лысенко докладчиком на торжественном заседании, посвященном И. В. Мичурину. Мы считаем, что это может затормозить оздоровление биологии и свяжет свободу дискуссий и критики.

О подлинной роли, которую сыграл в жизни советского народа Лысенко, нужно судить прежде всего по практическим результатам. Материальные потери, которые понесла наша страна в результате деятельности Лысенко, не поддаются исчислению — так они велики. Об этом говорилось неоднократно в ЦК КПСС и сообщалось на различных совещаниях и заседаниях. Приведем только некоторые примеры. На протяжении ряда лет селекционеры под диктовку Лысенко были вынуждены вместо настоящей работы по выведению новых сор-

тов заниматься опытами по «вегетативной гибридизации» и «переделке природы» растений. При помощи этих методов было обещано создать в кратчайший срок новые хозяйственно ценные сорта (например, методом переделки создать за три года озимую пшеницу для Сибири). Однако критерий практики неопровержимо показал ложность этих теоретических предпосылок: за 15—20 лет методами «вегетативной гибридизации и переделки» ничего ценного не было создано...

Огромный ущерб понесла наша страна в результате борьбы Т. Д. Лысенко против использования гибридов инцухтированных (самоопыленных) линий кукурузы...

Настоящие ученые-патриоты, подобно академику Н. И. Вавилову, призывали использовать американский опыт на благо советскому народу. Так, на совещании по вопросам генетики и селекции, созванном редакцией журнала «Под знаменем марксизма» в 1939 году, Н. И. Вавилов охарактеризовал получение гибридов инцухтированных линий кукурузы как крупнейшее практическое достижение современной генетики...

Меньше чем через год Вавилов был арестован, руководство сельскохозяйственной наукой в СССР полностью перешло в руки Т. Д. Лысенко, и все работы по внедрению гибридной кукурузы у нас были приостановлены.

В результате деятельности Т. Д. Лысенко с 1948 года прекращена работа по изучению и использованию для нужд селекции полиплоидии (удвоение числа хромосом). В Швеции, в ГДР, в Индии и в ряде других стран этим методом получают апробированные хозяйственно выгодные новые сорта сахарной свеклы, клевера, ржи и т. д...

Не менее отрицательную роль сыграл Т. Д. Лысенко в области защитного лесоразведения. Подсчитано ли, какие убытки понесла наша страна в результате массового применения пропагандируемого и сейчас лысенковцами способа гнездового посева в засушливых районах? Нельзя также забыть об уроне, вызванном попыткой Т. Д. Лысенко внедрить на Украине яровую пшеницу.

Многолетняя деятельность Т. Д. Лысенко в роли руководителя сельскохозяйственной науки нашей страны имела и другие весьма серьезные отрицательные последствия для народного хозяйства. Им в значительной мере дезорганизована вся сельскохозяйственная

наука, запутана система семеноводства и опытного дела, научные основы агрономии заменены широко рекламируемыми, но невыполняемыми обещаниями, причем каждое новое предложение по существу является способом замаскировать провал предыдущего и избежать ответственности за него перед государством.

Практические предложения Т. Д. Лысенко теснейшим образом связаны с его теоретическими взглядами. Здесь не место для научного и методологического анализа всей системы воззрений Т. Д. Лысенко, именуемой им «мичуринской биологией» и «советским творческим дарвинизмом». Остановимся лишь на двух вопросах. Взамен современного дарвинизма Т. Д. Лысенко выступил со средневековой, позорящей советскую науку теорией «порождения» видов. Он и его сподвижники В. С. Дмитриев и другие договорились до таких утверждений, что подсолнечник превращается в заразику, сосна — в ель, рожь — в костер, и т. д. Лысенко публично утверждал (в частности, в лекции студентам МГУ весной 1955 года), что при питании различных видов птиц мохнатыми гусеницами эти птицы откладывают яйца кукушки; в планы учреждений включались такие анекдотические темы, как изучение превращения органов клещей в органы мух (Институт генетики АН СССР) и т. д.

С «теорией» Т. Д. Лысенко одно целое составляют «теории» О. Б. Лепешинской и Г. М. Бошняна, признающих возникновение инфузорий из сенного настоя, бактерий из кристаллов, грибов из антибиотиков, клеток млекопитающих из клеток злаков и т. д.

Советские ученые, отвлекая себя от серьезной работы, затрачивают массу труда и листажа научных журналов для разоблачения всех этих фантастических построений. В настоящее время в результате дискуссий 1952—1955 годов по «теории» видообразования Т. Д. Лысенко последняя полностью отвергнута.

По существу такой же характер имеют генетические взгляды Т. Д. Лысенко, которые он противопоставляет современной генетике.

«Вейсманизм-менделизм-морганизм» — пугало, придуманное Т. Д. Лысенко и его сторонниками; оно создано ими для того, чтобы под предлогом борьбы с идеализмом клеймить своих противников в любых областях биологии и порочить достижения ряда биологических

дисциплин: генетики, цитологии, биоценологии, экологии и др.

Современная генетика основана на огромном количестве точно установленных фактов. Она раскрыла ряд законов наследственности и изменчивости. Генетика тесно связана с другими биологическими науками, с практикой сельского хозяйства и медицины. Современная генетика, как и любая другая наука, непрерывно развивается, старые представления заменяются новыми, более совершенными, глубокими, точными. Она переживает кризисы, в ней борются различные точки зрения, но эта живая наука необходима советскому народу.

Работы Г. Менделя, Т. Моргана и других исследователей заложили фундамент учения о материальных основах наследственности, они были развиты дальше сотнями ученых разных стран, в том числе и советскими. Учение о материальных основах наследственности и о роли хромосом является одним из важнейших достижений естествознания XX века, оно объясняет такие явления, как определение пола у большинства животных и растений, расщепление признаков в потомстве гибридов, явления бесплодия и плодовитости у отдаленных гибридов, и позволяет управлять ими. Многочисленные конкретные исследования показали роль хромосом в явлениях наследования и развития признаков, а на этой основе было вскрыто участие в этих явлениях других элементов клетки: цитоплазмы, пластид и т. д.

За последние годы особенно замечательные результаты получены в области биохимической генетики микроорганизмов. Они дали возможность выявить закономерности биосинтеза многих важнейших веществ, в том числе аминокислот и витаминов. Были получены высокоактивные рентгеномутанты пенициллиума, на использовании которых построено все мировое производство пенициллина.

Огромное значение имеет исследование действия проникающих излучений (возникающих при радиоактивном распаде) на наследственность, над чем особенно много работают в США. Этому было уделено большое внимание на Женевской конференции, но ни одного советского доклада не было представлено. Невозможно обойтись без генетических данных и выводов

при анализе первичного механизма действия проникающих излучений.

Наиболее выдающимися практическими достижениями современной генетики являются упоминавшиеся уже выше метод повышения урожайности кукурузы путем гибридизации самоопыленных линий, являющийся одним из многих практических доказательств действительности основных положений генетики, а также метод получения полиплоидных сортов сельскохозяйственных растений, который свидетельствует об огромном практическом значении учения о роли хромосом.

Современная генетика является одной из основ эволюционного учения, дарвинизм сейчас немыслим без генетики.

В результате же деятельности Т. Д. Лысенко, представляющей собой беспрецедентный в истории обман государства, генетика была фактически запрещена, а дарвинизм фальсифицирован. В программах по генетике и в соответствующих учебных пособиях современная генетика подменена «теориями» Т. Д. Лысенко. Учение о материальных основах наследственности и вытекающие из него практические выводы скрываются от советского народа.

Всем советским ученым ясно, что признавать крупнейшие открытия и достижения генетики за последние шестьдесят лет не значит соглашаться с теми ложными и реакционными выводами, которые делаются некоторыми зарубежными биологами и философами из ее фактов, так же как из фактов всякой другой науки. Против утверждений о неизменности генов, об отсутствии обмена веществ в генах, против сведения эволюции к комбинаторике генов мы боролись и будем всегда бороться самым решительным образом.

Мы так много говорим о проблемах дарвинизма и генетики потому, что тяжелое положение в этих разделах биологии отрицательно сказывается на всех биологических дисциплинах. Под фактическим запретом оказалась экспериментальная эмбриология, из физиологии растений вытравлялось учение о фитогормонах, в значительной степени разработанное у нас в стране, но использованное на практике за рубежом. Прекратилось исследование и ознакомление с иностранными работами по изучению групп крови у человека, био-

химия лишилась современных генетических методов исследования и т. д. Отставание советской биологии во всех этих разделах, если немедленно не принять меры к его преодолению, неизбежно приведет к отставанию в развитии народного хозяйства и медицины.

Ложные теоретические установки Лысенко в течение многих лет выдавались за новый этап развития диалектико-материалистического понимания биологических явлений. В действительности же воззрения Лысенко представляют собой причудливую смесь механицизма и идеализма с простой безграмотностью. Но его влияние было настолько велико, что многие наши философы, вместо того чтобы дать ему отпор, начали приспособлять и «улучшать» хорошо известные важнейшие положения материалистической диалектики, стремясь привести их в соответствие со взглядами Лысенко. Такой «переработке», т. е. прямому искажению, подверглись, например, учение о роли внутреннего и внешнего в развитии, трактовка категорий необходимости и случайности, непрерывности и прерывности и др.

Руководства и справочники по философии («Краткий философский словарь», «Диалектический материализм» под ред. Г. Ф. Александрова, макет «Истории философии» и др.) и журнал «Вопросы философии» пытались использовать противоречащие науке утверждения Т. Д. Лысенко и О. Б. Лепешинской для иллюстрации законов диалектики, а материалистическую диалектику — для опорочивания современной генетики. Все это наносило вред авторитету советской философии.

Среди всех естественных наук биология в нашей стране оказалась в особом положении. Правда, мы знаем, что были попытки создать подобное положение и в других областях естествознания. Таковы, например, многолетние старания некоторых наших философов и физиков, которые, прикрываясь диалектической фразеологией, пытались «отменить» теорию относительности и квантовую теорию, т. е. те области физики, которые дали наибольший выход в практику, а именно мирное использование атомной энергии и, с другой стороны, — атомно-водородное оружие. Но советская физика не пошла по этому ложному пути и благодаря правильному выбору направления работы обеспечила социалистической Родине ведущее место в познании и

использовании энергетических богатств, заключенных в атомном ядре. В биологии же в результате деятельности Т. Д. Лысенко у нас не оказалось гибридной кукурузы, доходы от внедрения которой, по данным американцев, полностью окупили все их затраты на изготовление атомных бомб.

Каким же образом советская биология и сельскохозяйственная наука были приведены в такое состояние?

Начиная с середины 20-х годов делались попытки навязать ученым взгляды Лысенко административными методами. На августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. монопольное положение Т. Д. Лысенко было окончательно утверждено. Только режимом, созданным в биологии после августовской сессии, можно объяснить распространение, которое получила «революционная теория» Г. М. Бошьяна, и канонизацию взглядов О. Б. Лепешинской. На объединенной сессии биологического отделения АН СССР и АМН СССР в 1950 году при обсуждении «новой клеточной теории» О. Б. Лепешинской и просмотре ее «фактического материала» не нашлось ни одного ученого, который решился бы выступить против ее явно ложных построений...

Августовская сессия ВАСХНИЛ была организована под лозунгом — приблизить науку к решению насущных вопросов, выдвигаемых перед ней социалистическим строительством, усилить борьбу с идеализмом в биологии. Выполнение этих требований было и остается почетной и радостной задачей каждого советского ученого и всей нашей науки в целом. Во имя этого мы и обращаемся с настоящим письмом в ЦК КПСС.

К глубокому сожалению, все то конкретное содержание, которое Т. Д. Лысенко и его сторонники вложили в работу сессии, и вся их дальнейшая деятельность не только не соответствуют задачам, стоящим перед нашей наукой, но и в корне противоречат ей. Сессия прошла в обстановке раболепия перед Лысенко, культа Лысенко и в духе зазнайства, нигилизма и голого отрицания всех достижений зарубежной науки и лучших традиций отечественной науки. Поэтому августовская сессия привела не к расцвету советской биологии и агрономии, а к их упадку, к ликвидации ряда областей науки и к фальсификации многих ее разделов (генетика, цитология, эволюционное учение и др.), к

установлению аракчеевского режима в его худшей форме.

Сейчас, через семь лет после августовской сессии ВАСХНИЛ, положения, выдвинутые в докладе Т. Д. Лысенко, в том числе утверждения о наследовании «приобретенных признаков» как основной закономерности эволюции и об «адекватности» наследственных изменений, остаются экспериментально недоказанными, а практические рекомендации сессии вели от провала к провалу. На сессии Лысенко выдвинул свою теорию «порождения» видов, вздорность которой доказана в ходе биологической дискуссии последних лет. Там же в докладе Лысенко было объявлено об отсутствии в природе внутривидовой конкуренции, и на этом основании через несколько месяцев предложен метод гнездовых посадок лесных культур. Несостоятельность этого утверждения Лысенко доказана не только в теории, но и на практике. Всем теперь совершенно ясно, какую цену имело то, что говорилось на сессии с целью дискредитировать Н. В. Цицина, выведшего на основе пырейнопшеничных гибридов прекрасные сорта. Всем известно, что получилось у Лысенко с ветвистой пшеницей, которая рекламировалась на сессии как культура, могущая произвести настоящую революцию в зерновой проблеме. Все понимают, как много потеряла наша селекция, отказавшись от метода полиплоидии, дискредитированного сессией.

Партия и правительство уделяют исключительное внимание ликвидации монополизма отдельных ученых, развращению научной критики, ликвидации зазнайства и пренебрежения к достижениям мировой науки, видя во всем этом залог успеха советской науки. Однако в биологии до сих пор коренного улучшения нет. Основная причина этого заключается в состоянии наших биологических кадров. В результате многолетнего господства аракчеевщины многие честные ученые, протестовавшие против подобного режима, были отстранены от руководства институтами, кафедрами, редакциями, ВАКом и т. д. и на руководящие посты пришли люди беспринципные, часто невежественные или просто нечестные, которые, естественно, всячески сопротивляются оздоровлению обстановки в биологии.

Партийные и государственные органы, обращаясь к этим людям за консультациями по важнейшим вопро-

сам развития народного хозяйства и планирования самой науки, нередко получают от них недоброкачественную информацию. Эти же люди воспитывают молодых специалистов и выпускают их в жизнь не знающими современной мировой науки и не могущими содействовать преодолению нашего отставания. Некоторые работники научно-исследовательских институтов и особенно вузов, «всплывшие» на поверхность после разгрома кадров, последовавшего за августовской сессией, опасаются, что после ликвидации монополии Т. Д. Лысенко сразу же обнаружится незнание ими основных материалов той области, в которой они «работают» или преподают. Многие серьезные ученые отмалчиваются и не принимают участия в разоблачении лженауки, так как считают себя морально обезоруженными из-за того, что после августовской сессии им пришлось публично солидаризироваться с Т. Д. Лысенко или с О. Б. Лепешинской.

Система присуждения Сталинских премий в 1948—1952 гг., выборы в АН СССР по биологии, утверждение докторских и кандидатских диссертаций, стоящих на низком уровне, но подчиненных господствующей догме, расстановка научных кадров по признаку «преданности» Т. Д. Лысенко привели к глубокому моральному упадку многих деятелей советской науки, в сильной степени развратили научную молодежь и создали такую тяжелую обстановку, для ликвидации которой необходимы серьезные усилия.

Попытки исправления ошибок в области теории и практики объявляются сторонниками Т. Д. Лысенко «реваншизмом», ревизией постановлений августовской сессии, реставрацией «вейсманизма-менделизма-морганизма» и «мальтузианства». Борьба последних за сохранение аракчеевского режима в биологии изображается как борьба за партийность в науке (см. доклад академика-секретаря отделения биологических наук АН СССР академика А. И. Опарина в «Известиях АН СССР», серия биологическая, № 3, 1955 г.).

Теперешнее состояние нашей биологии широко используется идеологами империализма в целях антисоветской пропаганды. В капиталистических странах существует обширная антисоветская литература, целиком построенная на использовании «биологического материала», непрерывно поставляющегося Лысенко и

его сторонниками, выступающими от имени советской науки. Одним из приемов этой пропаганды в США является перевод без комментариев произведений как самого Т. Д. Лысенко (например, его книга «Наследственность и ее изменчивость»), так и его сторонников (перевод статьи А. Н. Студитского «Мухолобы-человеконенавистники» со всеми карикатурами оригинала помещен в американском журнале).

Богатую пищу антисоветской пропаганде дали многочисленные поездки за границу сторонников Лысенко в качестве «представителей» советской науки. Достаточно вспомнить инцидент в Карачи в связи с выступлением Н. И. Нуждина на Пакистанском научном конгрессе в 1954 году или постыдный провал И. Е. Глушченко на VII Международном ботаническом конгрессе в 1950 году, где он продемонстрировал незнание самых элементарных генетических фактов.

Следовательно, осуждение деятельности Т. Д. Лысенко как человека, нанесшего огромный ущерб науке и народному хозяйству СССР, не только является важнейшей предпосылкой подъема советской биологии и агрономии, но и имеет большое международное значение. Дальнейшие же мероприятия, очевидно, должны быть направлены на ликвидацию ущерба, нанесенного нашей стране деятельностью Лысенко.

Разрешите нам на основании изложенного перечислить некоторые, представляющиеся нам особенно важными, мероприятия:

1. Гласное заявление руководящих организаций, что взгляды Т. Д. Лысенко, высказанные им в докладе на августовской сессии ВАСХНИЛ, являются его личными взглядами, а не директивой партии.

2. Восстановление в СССР современного дарвинизма, генетики и цитологии — как в селекционной и научно-исследовательской работе, так и в преподавании в вузах и средней школе.

3. Подготовка кадров, владеющих современными методами биологического исследования, особенно в области генетики и цитологии в таких масштабах, которые обеспечивают скорейшее преодоление нашего отставания от мировой науки.

4. Смена руководства ВАСХНИЛ и превращение ВАСХНИЛ в действительно научное коллегиально управляемое учреждение.

5. Смена руководства отделения биологических наук АН СССР и Института генетики АН СССР.

6. Пересмотр состава редакционных коллегий биологических и сельскохозяйственных журналов, а также биологической редакции «Большой Советской Энциклопедии».

С чувством боли и горечи подписываем мы этот документ о состоянии советской биологии. Однако еще сильнее чувство нашей ответственности перед советским народом и Коммунистической партией, которым мы обязаны сказать всю правду, а также глубокая вера в то, что партия и правительство помогут советской биологии выйти из создавшегося положения и, подобно другим отраслям естествознания, внести полный вклад в великое дело строительства коммунистического общества.

Правда. 1989. 13 янв.

О культе личности

Более 33 лет в советской печати не публиковался доклад Н. С. ХРУЩЕВА на закрытом заседании XX съезда КПСС 24—25 февраля 1956 г. По многочисленным просьбам наших читателей мы помещаем отрывки из него.

С полным текстом этого доклада можно ознакомиться в «Известиях ЦК КПСС» № 3 за 1989 г.

Фабрикация дел

Комиссия представила в Президиум ЦК большой документальный материал о массовых репрессиях против делегатов XVII партийного съезда и членов Центрального Комитета, избранного этим съездом. Этот материал был рассмотрен Президиумом Центрального Комитета.

Установлено, что из 139 членов и кандидатов в члены Центрального Комитета партии, избранных на XVII съезде партии, было арестовано и расстреляно (главным образом в 1937—1938 гг.) 98 человек, то есть 70 процентов. (Шум возмущения в зале).

Только в результате того, что честные коммунисты были оклеветаны и обвинения к ним были фальсифицированы, что были допущены чудовищные нарушения революционной законности, 70 процентов членов и кандидатов ЦК, избранных XVII съездом, были объявлены врагами партии и народа.

Такая судьба постигла не только членов ЦК, но и большинство делегатов XVII съезда партии. Из 1966 делегатов съезда с решающим и совещательным голосом было арестовано по обвинению в контрреволюционных преступлениях значительно больше половины — 1108 человек.

После злодейского убийства С. М. Кирова начались массовые репрессии и грубые нарушения социалистической законности. Вечером 1 декабря 1934 года по инициативе Сталина (без решения Политбюро — это было оформлено опросом только через 2 дня) было подписано секретарем Президиума ЦИК Енукидзе следующее постановление:

«1) Следственным властям — вести дела обвиняе-

мых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком;

2) Судебным органам — не задерживать исполнения приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств преступников данной категории о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению:

3) Органам Наркомвнудела — приводить в исполнение приговора о высшей мере наказания в отношении преступников названных выше категорий немедленно по вынесении судебных приговоров».

Это постановление послужило основанием для массовых нарушений социалистической законности.

Массовые репрессии резко усилились с конца 1936 года после телеграммы Сталина и Жданова из Сочи от 25 сентября 1936 года, адресованной Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро, в которой говорилось следующее:

«Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД». Следует кстати заметить, что с партработниками Сталин не встречался и поэтому мнение их знать не мог.

Эта сталинская установка о том, что «НКВД опоздал на 4 года» с применением массовых репрессий, что надо быстро «наверстать» упущенное, прямо толкала работников НКВД на массовые аресты и расстрелы.

Приходится отметить, что эта установка была навязана и февральско-мартовскому Пленуму ЦК ВКП(б) 1937 года.

Массовые репрессии проводились в то время под флагом борьбы с троцкистами. Представляли ли в действительности в это время троцкисты такую опасность для нашей партии и Советского государства? Следует напомнить, что в 1927 году, накануне XV съезда партии, за троцкистско-зиновьевскую оппозицию голосовало всего лишь 4 тыс. человек, тогда как за линию партии голосовало 724 тысячи. За 10 лет, которые

прошли с XV съезда партии до февральско-мартовского Пленума ЦК, троцкизм был полностью разгромлен... Ясно, что оснований для массового террора в стране в условиях победы социализма не было.

Используя установку Сталина о том, что чем ближе к социализму, тем больше будет и врагов, используя резолюцию февральско-мартовского Пленума ЦК по докладу Ежова, провокаторы, пробравшиеся в органы государственной безопасности, а также бессовестные карьеристы стали прикрывать именем партии массовый террор против кадров партии и Советского государства, против рядовых советских граждан. Достаточно сказать, что количество арестованных по обвинению в контрреволюционных преступлениях увеличилось в 1937 году по сравнению с 1936 годом более чем в десять раз!

Известно, какой грубый произвол допускался также в отношении руководящих работников партии...

В то же время Сталин, как сообщают члены Политбюро того времени, не рассылал им заявлений ряда оклеветанных политических деятелей, когда те отказывались от своих показаний на суде Военной коллегии и просили объективно расследовать их дело. А таких заявлений было немало, и Сталин, несомненно, был ознакомлен с ними.

Примером гнусной провокации, злостной фальсификации и преступных нарушений революционной законности является дело бывшего кандидата в члены Политбюро ЦК, одного из видных деятелей партии и Советского государства т. Эйхе, члена партии с 1905 года. (Движение в зале).

Тов. Эйхе был арестован 29 апреля 1938 года по клеветническим материалам без санкции прокурора СССР, которая была получена лишь через 15 месяцев после ареста.

Следствие по делу Эйхе проводилось в обстановке грубейших извращений советской законности, произвола и фальсификации.

Эйхе под пытками понуждали подписывать заранее составленные следователями протоколы допросов, в которых возводились обвинения в антисоветской деятельности против него самого и ряда видных партийных и советских работников.

1 октября 1939 года Эйхе обратился с заявлением

на имя Сталина, в котором категорически отрицал свою виновность и просил разобраться с его делом.

Сохранилось второе заявление Эйхе, посланное им Сталину 27 октября 1939 года, в котором он убедительно, опираясь на факты, опровергает предъявленные ему клеветнические обвинения, показывает, что эти провокационные обвинения являются, с одной стороны, делом действительных троцкистов, санкцию на арест которых он, как первый секретарь Западно-Сибирского крайкома партии, давал и которые сговорились отомстить ему, а с другой стороны, результатом грязной фальсификации вымышленных материалов следователями.

Заявление было направлено Берия, и жестокая расправа над оклеветанным кандидатом в члены Политбюро тов. Эйхе продолжалась.

2 февраля 1940 года Эйхе был предан суду. В суде Эйхе виновным себя не признал и заявил следующее:

«Во всех якобы моих показаниях нет ни одной названной мною буквы, за исключением подписей внизу протоколов, которые подписаны вынужденно. Показания даны под давлением следователя, который с самого начала моего ареста начал меня избивать...»

4 февраля Эйхе был расстрелян. (Шум возмущения в зале). В настоящее время бесспорно установлено, что дело Эйхе было сфальсифицировано, и он посмертно реабилитирован.

Полностью отказался на суде от своих вынужденных показаний кандидат в члены Политбюро тов. Рудзутак, член партии с 1905 года, пробывший 10 лет на царской каторге. В протоколе судебного заседания Военной коллегии Верховного суда записано следующее заявление Рудзутака:

«...Его единственная просьба к суду — это довести до сведения ЦК ВКП(б) о том, что в органах НКВД имеется еще не выкорчеванный гнойник, который искусственно создает дела, принуждая ни в чем не повинных людей признавать себя виновными».

Это заявление Рудзутака было оставлено без внимания, хотя Рудзутак, как известно, являлся в свое время председателем Центральной Контрольной Комиссии, которая была создана по мысли Ленина для борьбы за единство партии... Он был осужден в течение 20 минут и расстрелян. (Шум возмущения в зале).

Тщательной проверкой, произведенной в 1955 году, установлено, что дело по обвинению Рудзутака было сфальсифицировано и он был осужден на основании клеветнических материалов. Рудзук посмертно реабилитирован.

Ответственность за террор

Сложилась порочная практика, когда в НКВД составлялись списки лиц, дела которых подлежали рассмотрению на Военной коллегии, и им заранее определялась мера наказания. Эти списки направлялись Ежовым лично Сталину для санкционирования предлагаемых мер наказания. В 1937—1938 годах Сталину было направлено 383 таких списка на многие тысячи партийных, советских, комсомольских, военных и хозяйственных работников и была получена его санкция.

Мы обвиняем Ежова в извращениях 1937 года и правильно обвиняем. Но надо ответить на такие вопросы: разве мог Ежов сам, без ведома Сталина, арестовать, например, Косиора? Был ли обмен мнениями или решение Политбюро по этому вопросу? Нет, не было, как не было этого и в отношении других подобных дел. Разве мог Ежов решать такие важные вопросы, как вопрос о судьбе видных деятелей партии? Нет, было бы наивным считать это делом рук только Ежова. Ясно, что такие дела решал Сталин, без его указаний, без его санкции Ежов ничего не мог делать.

Когда волна массовых репрессий в 1939 году начала ослабевать, когда руководители местных партийных организаций начали ставить в вину работникам НКВД применение физического воздействия к арестованным,— Сталин направил 10 января 1939 года зашифрованную телеграмму секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам Управлений НКВД. В этой телеграмме говорилось:

«ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отно-

шении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».

Таким образом, самые грубые нарушения социалистической законности, пытки и истязания, приводившие как это было показано выше, к оговорам и самооговорам невинных людей, были санкционированы Сталиным от имени ЦК ВКП(б).

«Краткая биография» Сталина

Культ личности приобрел такие чудовищные размеры главным образом потому, что сам Сталин всячески поощрял и поддерживал возвеличивание его персоны. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Одним из наиболее характерных проявлений самовосхваления и отсутствия элементарной скромности у Сталина является издание его «Краткой биографии», вышедшей в свет в 1948 году.

Эта книга представляет собой выражение самой безудержной лести, образец обожествления человека, превращения его в непогрешимого мудреца, самого «великого вождя» и «непревзойденного полководца всех времен и народов». Не было уже других слов, чтобы еще больше восхвалять роль Сталина.

Нет необходимости цитировать тошнотворно-льстивые характеристики, нагроможденные в этой книге одна на другую. Следует только подчеркнуть, что все они одобрены и отредактированы лично Сталиным, а некоторые из них собственноручно вписаны им в макет книги.

Что же Сталин счел необходимым вписать в эту книгу? Может быть, он стремился умерить пыл лести составителей его «Краткой биографии»? Нет. Он усиливал именно те места, где восхваление его заслуг казалось ему недостаточным.

Вот некоторые характеристики деятельности Сталина, вписанные рукою самого Сталина:

«В этой борьбе с маловерами и капитулянтами, троцкистами и зиновьевцами, бухариными и каменевыми окончательно сложилось после выхода Ленина из строя

то руководящее ядро нашей партии..., которое отстояло великое знамя Ленина, сплотило партию вокруг заветов Ленина и вывело советский народ на широкую дорогу индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Руководителем этого ядра и ведущей силой партии и государства был тов. Сталин».

И это пишет сам Сталин! Далее он добавляет:

«Мастерски выполняя задачи вождя партии и народа, имея полную поддержку всего советского народа, Сталин, однако, не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства, самолюбования».

Где и когда мог какой-либо деятель так прославлять самого себя? Разве это достойно деятеля марксистско-ленинского типа? Нет. Именно против этого так решительно выступали Маркс и Энгельс. Именно это всегда резко осуждал Владимир Ильич Ленин.

В макете книги была такая фраза: «Сталин — это Ленин сегодня». Эта фраза показалась ему явно недостаточной, и Сталин собственноручно переделывает ее следующим образом:

«Сталин — достойный продолжатель дела Ленина, или, как говорят у нас в партии, Сталин — это Ленин сегодня». Вот как сильно сказано, но не народом, а самим Сталиным.

Можно привести множество подобных самовосхваляющих характеристик, внесенных в макет книги рукою Сталина. Особенно усердно он расточал похвалы в свой адрес по поводу своего военного гения, своих полководческих талантов.

«Товарищ Сталин, — пишет он, — развил дальше передовую советскую военную науку. Товарищ Сталин разработал положение о постоянно действующих факторах, решающих судьбу войны, об активной обороне и законах контрнаступления и наступления, о взаимодействии родов войск и боевой техники в современных условиях войны, о роли больших масс танков и авиации в современной войне, об артиллерии, как самом могучем роде войск. На разных этапах войны сталинский гений находил правильные решения, полностью учитывающие особенности обстановки». (Д в и ж е н и е в з а л е).

Далее сам же Сталин пишет:

«Сталинское военное искусство проявилось как в обороне, так и в наступлении. С гениальной проница-

тельностью разгадывал товарищ Сталин планы врага и отражал их. В сражениях, в которых товарищ Сталин руководил советскими войсками, воплощены выдающиеся образцы военного оперативного искусства».

Так прославлялся Сталин как полководец. Но кем же? Самим же Сталиным...

И еще один факт из той же «Краткой биографии» Сталина. Известно, что над созданием «Краткого курса истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)» работала комиссия Центрального Комитета партии. Этот, к слову говоря, также весьма пропитанный культом личности труд составлялся определенным коллективом авторов. И это положение было отражено в макете «Краткой биографии» Сталина в следующей формулировке:

«Комиссия Центрального Комитета ВКП(б) под руководством товарища Сталина, при его личном активнейшем участии, создает «Краткий курс истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)».

Однако эта формулировка не могла уже удовлетворить Сталина, и в изданной «Краткой биографии» это место заменено следующим положением:

«В 1938 году вышла в свет книга «История ВКП(б). Краткий курс», написанная товарищем Сталиным и одобренная Комиссией ЦК ВКП(б)». Что же тут еще больше скажешь! (О живление в зале).

Как видите, произошло поразительное превращение труда, созданного коллективом, в книгу, написанную Сталиным.

Возникает законный вопрос: если Сталин является автором этой книги, то зачем ему нужно было так прославлять личность Сталина и, по существу, весь послеоктябрьский период истории нашей славной Коммунистической партии делать лишь фоном деяний «сталинского гения»?

Разве нашли в этой книге достойное отражение усилия партии по социалистическому преобразованию страны, построению социалистического общества, индустриализации и коллективизации страны и другие мероприятия, осуществленные партией, твердо идущей по пути, начертанному Лениным? Там главным образом говорится о Сталине, его выступлениях, его докладах.

Или возьмем вопрос о Сталинских премиях. (Дви-

жение в зале). Даже цари не учреждали таких премий, которые назвали бы своим именем.

Сам Сталин признал лучшим тот текст Государственного гимна Советского Союза, в котором ни слова нет о Коммунистической партии, но зато есть следующее беспримерное славословие Сталину:

«Нас вырастил Сталин —
на верность народу,
На труд и на подвиги нас
вдохновил».

В этих строчках гимна вся огромная воспитательная, руководящая и вдохновляющая деятельность великой ленинской партии приписана одному Сталину. Это, конечно, явное отступление от марксизма-ленинизма, явное принижение и умаление роли партии. К вашему сведению следует сказать, что Президиум ЦК уже принял решение о создании нового текста гимна, который отражал бы роль народа, роль партии. (Бурные, продолжительные аплодисменты).

А разве без ведома Сталина его имя присваивалось многим крупнейшим предприятиям и городам, разве без его ведома по всей стране устанавливались монументы Сталина — эти «памятники при жизни»? Ведь это же факт, что сам Сталин 2 июля 1951 года подписал постановление Совета Министров СССР, в котором предусматривалось сооружение на Волго-Донском канале монументальной скульптуры Сталина, а 4 сентября того же года издал распоряжение об отпуске на сооружение этого монумента 33 тонн меди. Кто был вблизи Сталинграда, тот видел, какая там статуя высится, причем в таком месте, где людей мало бывает. А на ее сооружение затрачено много средств, и это в то время, когда наши люди в этих районах после войны еще жили в землянках.

Вместе с тем Сталин проявлял неуважение к памяти Ленина. Не случайно Дворец Советов, как памятник Владимиру Ильичу, решение о строительстве которого было принято свыше 30 лет тому назад, не был построен, и вопрос о его сооружении постоянно откладывался и предавался забвению. Надо исправить это положение и памятник Владимиру Ильичу Ленину соорудить. (Бурные, продолжительные аплодисменты).

Нельзя не вспомнить и о решении Советского правительства от 14 августа 1925 года «Об учреждении премий В. И. Ленина за научные работы». Это постановление было обнародовано в печати, но до сих пор Ленинских премий нет. Это также нужно исправить. (Бурные, продолжительные аплодисменты).

Сталин очень любил смотреть фильм «Незабываемый 1919-й год», где он изображен едущим на подножке бронепоезда и чуть ли не саблей поражающим врагов. Пусть Климент Ефремович, наш дорогой друг, наберется храбрости и напишет правду о Сталине, ведь он знает, как Сталин воевал. Тов. Ворошилову, конечно, тяжело это дело начинать, но хорошо бы ему это сделать. Это будет одобрено всеми — и народом и партией. И внуки за это будут благодарить. (Продолжительные аплодисменты).

При освещении событий, связанных с Октябрьской революцией и гражданской войной, в ряде случаев дело изображалось так, что главная роль везде как бы принадлежит Сталину, что всюду и везде он подсказывает Ленину, как и что надо делать. Но ведь это же клевета на Ленина! (Продолжительные аплодисменты).

Я, вероятно, не согрешу против истины, если скажу, что 99 процентов из присутствующих здесь мало что знали и слышали о Сталине до 1924 года, а Ленина в стране все знали: вся партия знала, весь народ знал, от мала до велика. (Бурные, продолжительные аплодисменты).

КПСС в цифрах

Приводимые ниже статистические материалы подготовлены Отделом партийного строительства и кадровой работы ЦК КПСС и характеризуют количественные и качественные изменения в составе КПСС между XXVI, XXVII съездами и за 1986—1988 гг.

I. Состав КПСС и рост рядов партии

Численный состав КПСС

	Членов КПСС	Кандидатов в члены КПСС	Всего коммунистов
На 1 января 1981 г.	16 732 408	698 005	17 430 413
На 1 января 1986 г.	18 288 786	715 592	19 004 378
На 1 января 1988 г.	18 827 271	641 515	19 468 786
На 1 января 1989 г.	18 975 725	512 097	19 487 822

За три года после XXVII съезда КПСС численный состав партии увеличился на 483 тыс. человек. Среднегодовой прирост партийных рядов за 1986—1988 гг. составил 0,8 процента против 1,7 процента (среднегодового) между XXVI и XXVII съездами КПСС.

Прием в КПСС

	Принято кандидатами в члены партии	Принято в члены КПСС
За 1985 г.	654 233	609 927
За 1986 г.	663 070	640 719
За 1987 г.	585 294	607 201
За 1988 г.	438 886	522 884

**Состав принятых кандидатами в члены КПСС по роду занятий
(по территориальным парторганизациям, в процентах)**

	Между XXVI и XXVII съездами КПСС	За 1986— 1988 гг.
Всего принято кандидатами в члены партии	100,0	100,0
из них:		
рабочих	59,4	56,4
колхозников	9,9	10,4
ИТР, агрономов, научных работников, учителей, врачей и других специалистов народного хозяйства	26,1	28,5
работников административно-управленческого аппарата	3,2	3,3
учащихся	1,4	1,4

Ведущее место в новом партийном пополнении занимают рабочие. Из них более четырех пятых трудятся на предприятиях промышленности, транспорта, в строительстве и сельском хозяйстве. Рабочие и колхозники составили в 1988 г. 61,2 процента вступивших кандидатами в члены КПСС. В составе принятых в партию широко представлены также все слои интеллигенции.

Число комсомольцев, принятых кандидатами в члены партии

	В абсолютных данных	В процентах к общему числу принятых
За 1985 г.	468 147	71,6
За 1986 г.	473 440	71,4
За 1987 г.	402 293	68,7
За 1988 г.	268 601	61,2

Число женщин, принятых кандидатами в члены партии

	В абсолютных данных	В процентах к общему числу принятых
За 1985 г.	227 171	34,7
За 1986 г.	225 628	34,0
За 1987 г.	197 690	33,8
За 1988 г.	137 874	31,4

**Состав членов и кандидатов в члены КПСС по социальному положению
(на 1 января соответствующего года)**

	1981 г.		1986 г.		1989 г.	
	В абсол. данных	В про- центах	В абсол. данных	В про- центах	В абсол. данных	В про- центах
Всего членов и кандидатов в члены КПСС	17 430 413	100,0	19 004 378	100,0	19 487 822	100,0
рабочих	7 569 261	43,4	8 551 779	45,0	8 843 686	45,4
крестьян (колхозников)	2 223 674	12,8	2 248 166	11,8	2 227 722	11,4
служащих	7 637 478	43,8	8 204 433	43,2	8 416 414	43,2
из них по роду занятий (в процентах к общему числу служащих):						
руководителей организаций, учреждений, предприятий, строек, совхозов и их структурных подразделений		9,4		9,7		9,4
инженерно-технических работников, специалистов сельского хозяйства		42,0		42,2		41,3
работников науки, просвещения, здравоохранения, литературы и искусства		23,4		23,0		23,8
работников торговли, общественного питания, снабжения и сбыта		4,1		4,1		4,0

**Состав коммунистов по образованию
(на 1 января соответствующего года)**

	1981 г.		1986 г.		1989 г.	
	В абсол. данных (тысяч)	В про- центах	В абсол. данных (тысяч)	В про- центах	В абсол. данных (тысяч)	В про- центах
Всего членов и кандидатов в члены КПСС	17 430	100,0	19 004	100,0	19 488	100,0
из них имеют образование:						
высшее	4 882	28,0	6 046	31,8	6 680	34,3
незаконченное высшее	391	2,2	398	2,1	378	1,9
среднее	7 297	41,9	8 451	44,5	8 780	45,1
неполное среднее	2 974	17,1	2 602	13,7	2 358	12,1
начальное	1 886	10,8	1 507	7,9	1 292	6,6

Удельный вес коммунистов с высшим, незаконченным высшим и полным средним образованием на начало 1989 г. составил 81,3 процента против 78,4 процента в 1986 г.

Ныне 11 млн. 670 тыс. коммунистов (59,9 процента состава КПСС) являются специалистами различных отраслей знаний. Более 258,5 тыс. членов и кандидатов в члены партии имеют ученую степень кандидата и 35 тыс.— доктора наук.

Численность женщин в КПСС

	В абсолютных данных	В процентах к общему числу коммунистов
На 1 января 1981 г.	4 615 576	26,5
На 1 января 1986 г.	5 475 145	28,8
На 1 января 1988 г.	5 767 181	29,6
На 1 января 1989 г.	5 829 654	29,9

Численность женщин в КПСС за три последних года возросла на 354,5 тыс. человек.

Национальный состав КПСС на 1 января 1989 г.

	В абсолютных данных	В процентах
Всего членов и кандидатов в члены КПСС	19 487 822	100,0
в т. ч. по национальностям:		
русские	11 428 479	58,64
украинцы	3 132 391	16,07
белорусы	753 048	3,86
узбеки	491 338	2,52
казахи	408 737	2,10
грузины	337 245	1,73
азербайджанцы	366 559	1,88
литовцы	156 442	0,80
молдаване	120 346	0,62
латыши	80 524	0,41
киргизы	84 243	0,43
таджики	92 438	0,47
армяне	292 845	1,50
туркмены	81 246	0,42
лезгины	29 124	0,15
марийцы	30 227	0,16
мордва	86 639	0,44
осетины	44 437	0,23
татары	404 726	2,08
тувинцы	10 032	0,05
удмурты	41 680	0,21
эстонцы	61 801	0,32
абхазы	8 058	0,04
аварцы	28 700	0,15
адыгейцы	8 752	0,04
алтайцы	4 677	0,02
балкарцы	5 624	0,03
башкиры	80 128	0,41
буряты	28 902	0,15
даргинцы	13 250	0,07
евреи	215 029	1,10
ингуши	5 452	0,03
кабардинцы	21 816	0,11
калмыки	9 807	0,05
каракалпаки	13 270	0,07
карачаевцы	7 442	0,04
карелы	10 196	0,05
коми	23 184	0,12
кумыки	13 540	0,07
лакцы	8 978	0,05
хакасы	3 574	0,02
черкесы	3 766	0,02
чеченцы	26 577	0,14
чуваши	109 763	0,56
якуты	19 128	0,10
другие национальности	283 662	1,46

В настоящее время КПСС объединяет в своих рядах представителей более 100 наций и народностей.

Состав членов КПСС по партийному стажу
(на 1 января соответствующего года)

Партстаж	1981 г.		1986 г.		1989 г.	
	В абс. данных (тысяч)	В процентах	В абс. данных (тысяч)	В процентах	В абс. данных (тысяч)	В процентах
5 лет и меньше	2 870	17,2	3 057	16,7	2 945	15,5
6—10 лет	2 335	14,0	2 792	15,3	2 920	15,4
11—20 лет	5 613	33,5	4 677	25,6	4 666	24,6
21—30 лет	2 796	16,7	4 300	23,5	4 753	25,0
31—50 лет	2 970	17,7	3 307	18,1	3 564	18,8
более 50 лет	149	0,9	156	0,8	128	0,7

К началу 1989 г. в КПСС насчитывалось 128 050 коммунистов со стажем свыше 50 лет, из них вступили в партию до 1917 г. 30 человек, в 1917 г. — 230, в 1918—1923 гг. — 3 825, во время ленинского призыва (1924 г.) — 1 448 человек. Свыше 1 107 тыс. человек вступили в КПСС в период Великой Отечественной войны, более девяти десятых — в послевоенный период, в т. ч. 15,5 процента приняты в члены партии в последние пять лет.

**Расстановка коммунистов по отраслям народного хозяйства
(в процентах, на 1 января соответствующего года)**

	1981 г.	1986 г.	1989 г.
Всего коммунистов, занятых в народном хозяйстве	100,0	100,0	100,0
из них:			
В отраслях материального производства	73,3	73,1	72,1
в том числе:			
в промышленности, строительстве, на транспорте и связи	47,4	47,1	46,3
в сельском хозяйстве	20,1	19,9	19,7
из них:			
в совхозах	8,1	8,1	7,9
в колхозах	10,1	9,9	10,0
в торговле, общественном питании, заготовках, материально-техническом снабжении и прочих отраслях материального производства	5,8	6,1	6,1
В непромышленных отраслях	26,7	26,9	27,9
в том числе:			
в науке	4,4	4,2	4,3
в просвещении, высших учебных заведениях, здравоохранении, культуре и искусстве	11,7	11,5	12,2
в органах государственного и хозяйственного управления, в аппарате партийных и общественных организаций	8,7	9,1	9,2
в жилищном, коммунальном хозяйстве и в бытовом обслуживании	1,9	2,1	2,2

Почти три четверти коммунистов, занятых в народном хозяйстве, сосредоточены в материальном производстве.

За 1986—1988 гг. возросло число коммунистов, работающих в торговле и общественном питании, жилищном, коммунальном хозяйстве и бытовом обслуживании населения, здравоохранении, народном образовании, среди работников науки, культуры и искусства.

II. Первичные партийные организации

Сеть первичных партийных организаций (на 1 января соответствующего года)

	1981 г.		1986 г.		1989 г.	
	В абсол. данных	В про- центах	В абсол. данных	В про- центах	В абсол. данных	В про- центах
Всего первичных организаций	414 048	100,0	440 363	100,0	441 949	100,0
в том числе:						
Предприятий промышленности, транспорта, связи и строительства	108 015	26,1	112 646	25,6	111 411	25,2
Совхозов	21 065	5,1	22 682	5,2	22 996	5,2
Колхозов	26 492	6,4	26 846	6,1	27 465	6,2
Предприятий торговли и общественного питания	15 003	3,6	15 848	3,6	15 773	3,6
Учебных заведений	70 164	17,0	73 309	16,7	73 767	16,7
Научных учреждений	6 739	1,6	7 153	1,6	7 178	1,6
Культурно-просветительных и зрелищных учреждений (театры, клубы, музеи, парки культуры и т. д.)	5 554	1,3	6 138	1,4	6 397	1,5
Лечебных учреждений (больницы, санатории, поликлиники и т. д.)	16 710	4,0	17 801	4,0	18 152	4,1
Учреждений, организаций и хозорганов (от центральных до районных включительно)	70 000	16,9	76 805	17,4	76 437	17,3
Сельских территориальных, при домоуправлениях и прочих видов	74 306	18,0	81 135	18,4	82 373	18,6

**Распределение первичных парторганизаций
по числу коммунистов в них
(на 1 января соответствующего года)**

	1981 г.		1986 г.		1989 г.	
	В абсол. данных	В про- центах	В абсол. данных	В про- центах	В абсол. данных	В про- центах
Всего первичных парторганизаций	414 048	100,0	440 363	100,0	441 949	100,0
из них с числом коммунистов:						
до 15 чел.	165 069	39,9	175 222	39,8	172 463	39,0
15—49 чел.	168 152	40,6	176 829	40,1	179 005	40,5
50—100 чел.	52 268	12,6	56 642	12,9	57 518	13,0
свыше 100 чел.	28 559	6,9	31 670	7,2	32 963	7,5

**Структура первичных партийных организаций
(на 1 января соответствующего года)**

	1981 г.	1986 г.	1989 г.
Первичных парторганизаций, имеющих парткомы	40 652	44 698	46 141
в том числе парткомов, имеющих права райкома партии	944	1 081	1 173
Цеховых парторганизаций	457 053	511 579	521 425
из них с правами первичных парторганизаций	312 562	348 405	360 152
цеховых парторганизаций, имеющих парткомы	1 518	2 005	2 404
Партийных групп	618 127	721 271	683 003
Узловых парткомов на железнодорожном транспорте	281	403	420

Содержание

1. Методологические аспекты

В. Наумов, В. Рябов, Ю. Филиппов

Об историческом пути КПСС в свете нового мышления
9

Г. Смирнов

К вопросу о ленинской концепции социализма
76

Ю. Поляков

Исторический процесс многомерен
94

А. Крухмалев

Некоторые вопросы ленинской теории социализма
121

С. Попов

О переоценке ценностей в историческом сознании.
Методологические аспекты
152

И. Ковальченко

«Исследование истины само должно быть истинно».
Заметки о поисках исторической правды
169

В. Кудрявцев

Реформа политической системы и общественная
наука

187

2. Факты. Проблемы. Уроки

К. Гарновский

О предпосылках образования в России марксистской
партии нового типа

207

Л. Пинегина

К проблеме культурных предпосылок Великого Октября

233

В. Миллер

К вопросу о сравнительной численности партий
большевиков и меньшевиков в 1917 г.

251

А. Сахаров

Судьба мелкобуржуазных партий

268

В. Журавлев, Л. Спирин

VIII съезд РКП(б): взгляд в будущее

273

Двадцатые годы: в начале пути. Беседы о нашей
истории

291

Ленин и Коминтерн

305

Ф. Фирсов

Сталин и проблемы политики единого фронта.

323

Не плакать, не смеяться, но понимать. «Круглый
стол» в Институте военной истории
Министерства обороны СССР

340

В. Петров

Была такая война

356

А. Чубарьян

В преддверии второй мировой войны.

Заметки историка

364

Е. Зубкова

Опыт и уроки незавершенных поворотов 1956
и 1965 годов

382

А. Тюрина

Оскудение деревни: видеть истинные причины

408

А. Адамишин

У человечества единая судьба

426

В. Евсеев

Во-первых, полная гласность... (О некоторых
нормативных гарантиях осуществления руководящей
роли КПСС в условиях перестройки)

446

Жить и извлекать уроки

473

3. История и личность

С. Тютюкин

Плеханов: величие ученого, трагедия революционера

491

О. Ульянова
Светлое имя — Надежда
507

Г. Трукан
Ян Эрнестович Рудзутак
516

Н. Трущенко
Александр Косарев
524

Д. Волкогонов
Из книги «Триумф и трагедия». Политический
портрет И. В. Сталина
532

Ю. Феофанов
«Мы думали, что так и надо...»
550

К. Шириня
В то трудное время
560

Ф. Бурлацкий
Брежнев и крушение оттепели. Размышления
о природе политического лидерства
567

4. Документы

Молния революции всколыхнула мир. Памятные
строки «Правды»: первые дни
595

Деятельность Центрального Комитета партии
в документах (события и факты)
608

Внутрипартийная жизнь. Документы Центрального
партийного архива Института марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

631

«Протестую против безудержного своевластия».
Переписка И. П. Павлова с В. М. Молотовым

643

Приказ народного комиссара обороны Союза ССР
№ 227 «28» июля 1942 г. г. Москва

652

Из архива академика И. В. Курчатова

665

О культе личности

681

КПСС в цифрах

691

Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки

**Под редакцией Владимира Ивановича
КУПЦОВА**

Рукопись подготовил коллектив:

Т. Г. Липкина — руководитель, *О. К. Смирнова* — ст. редактор,

Н. Н. Матвеева — редактор,

А. В. Алексеев — художник, *Т. А. Коленкова* — художественный редактор,

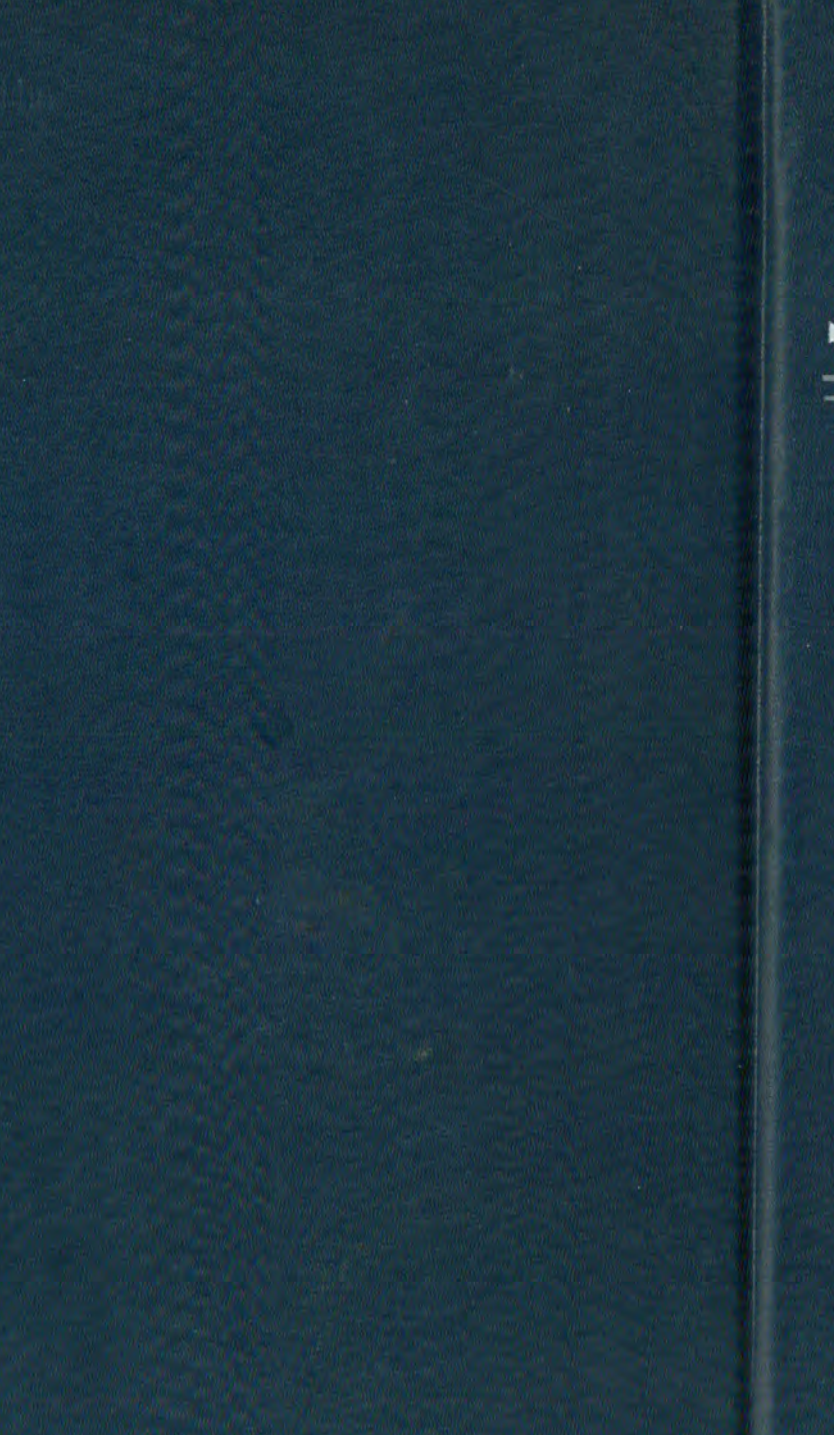
Т. Д. Гарина — ст. технический редактор, *М. М. Сапожникова* — корректор.

ИБ № 9024

Изд. № Ист-81. Сдано в набор 26.05.89. Подп. в печать 12.07.89. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. книжно-журн. Гарнитура Таймс. Печать высокая. Объем 36,96 усл. печ. л. 36,96 усл. кр.-отт. 37,18 уч.-изд. л. Тираж 100 000 экз. Зак. № 2258. Цена 2 р. 60 к.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28.

**Страницы
Истории
КПСС**

**Факты
Проблемы
Уроки**